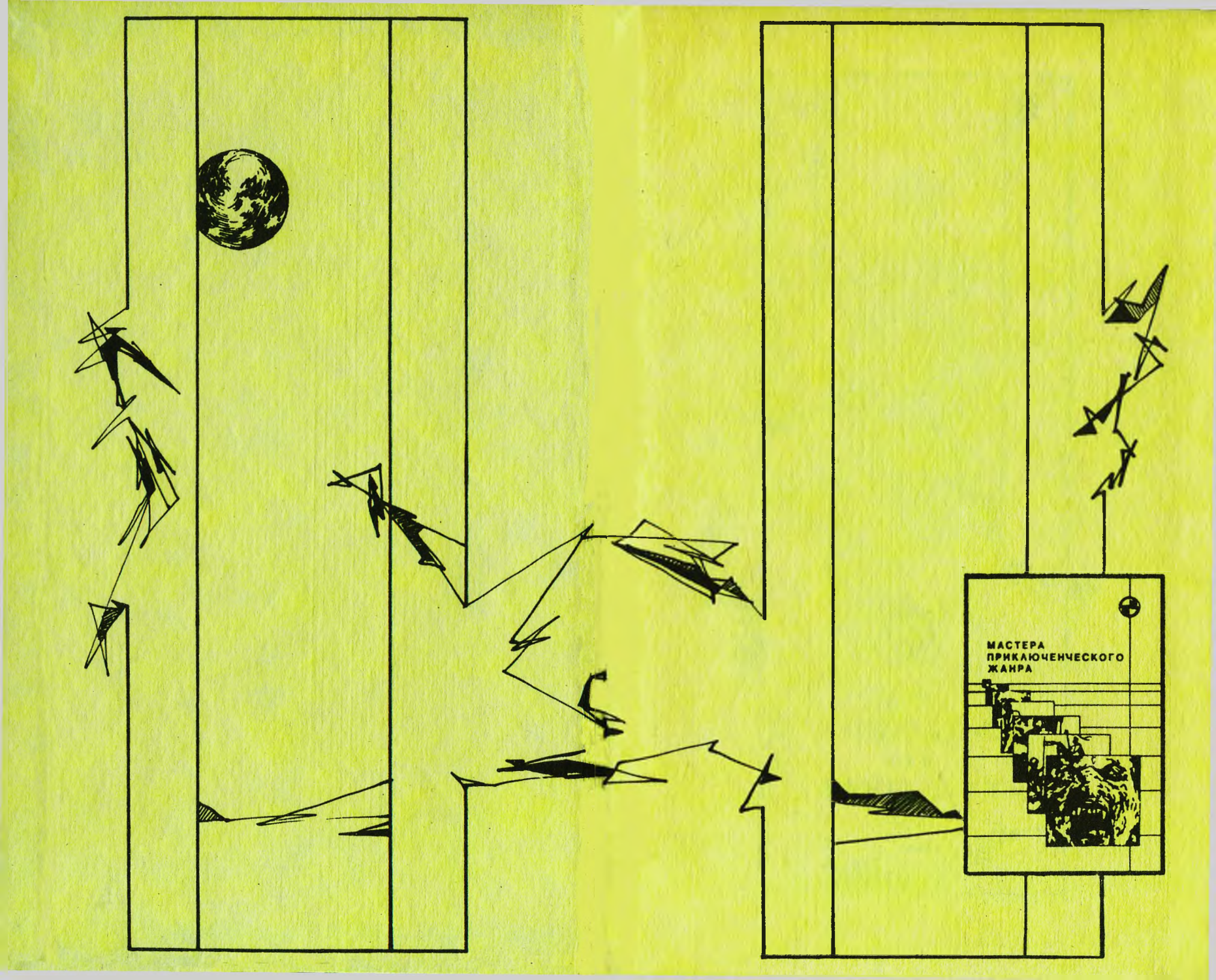
Э. Р. БЕРРОУЗ

1

Фантастика

МАСТЕРА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
ЖАНРА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

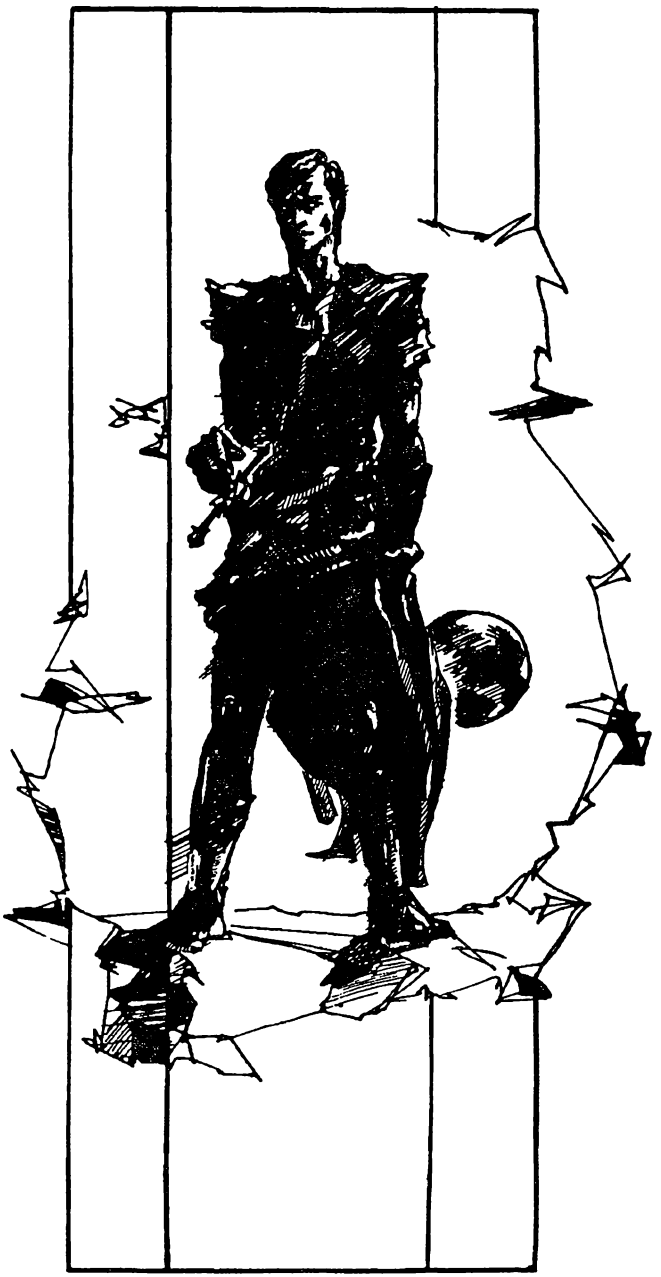
'92

ФМБ

«ПИРАЛ»

ИКА

«ТАЙМ-АУТ»

ЭР БЕРРОУЗ

СЕРИЯ: «МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО ЖАНРА»

ФАНТАСТИНА

ДЖОН КАРТЕР, МАРСИАНИН

РОМАНЫ

Этот том из серии "Мастера приключенческого жанра" посвящен трем первым романам о Джоне Картере, герое ряда фантастических романов Эдгара Берроуза, автора "Тарзана". Действие этих романов происходит на Марсе, с которого начались приключения Джона Картера, в следующем томе будут напечатаны следующие три "марсианских" романа о нем.

Издание подготовлено и выпущено с участием ММП "Борисфен".

ISBN 5-85990-023-6

© Составление ИКА "Тайм-аут", 1992
© Оформление, художник С. До, 1992

ДОЧЬ ТЫСЯЧИ ДЖЕДДАКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляя вам необычную рукопись капитана Картера, я позволю себе предпослать ей несколько слов, посвященных этой замечательной личности.

Мое первое воспоминание о капитане Картере относится к немногим месяцам, проведенным им в доме моего отца в Виргинии, перед началом гражданской войны. Я был тогда пятилетним ребенком, но хорошо помню высокого, смуглого, безбородого человека атлетического сложения, которого я звал дядей Джоном.

Он как будто всегда смеялся. В детские игры он вступил с тем же добродушным весельем, с каким принимал участие в развлечениях общества взрослых мужчин и дам. Он мог целыми часами сидеть с моей старой бабушкой, занимая ее рассказами о своих необыкновенных похождениях во всех частях света.

Мы все его любили, а наши слуги положительно поклонялись ему.

Он был воплощением мужской красоты. Рост его достигал шести футов и двух дюймов, плечи его были широки, бедра узки. У него была осанка тренированного спортсмена. Черты лица были чрезвычайно правильны и резко очерчены. Его коротко стриженые волосы были черными, стальные глаза были полны огня и решительности, в них отражался его сильный и прямой характер.

Манеры его были прекрасны, и он отличался изяществом, типичным для южных джентльменов высшей породы.

Его умение ездить верхом было настоящим чудом и вызывало восторг даже в этой стране великолепных наездников. Я часто слышал, как мой отец предостерегал его от неудержимой отваги, но он в ответ только смеялся, говоря, что не родилась еще та лошадь, со спины которой он упадет и разобьется.

Когда война началась, он покинул нас, и в течение пятнадцати или шестнадцати лет я его не видел. Он вернулся внезапно, и я с удивлением заметил, что он почти не постарел и не изменился ни в каком отношении. В обществе он был таким же веселым, жизнерадостным товарищем, каким мы его знали раньше, но когда он оставался наедине с собой, я видел, как он часами сидел, устремив взгляд в пространство; лицо его выражало тоску и безграничное горе. Он просиживал ночи напролет, устремив взор

в небеса. Лишь несколько лет спустя я узнал причину подобного поведения.

Он рассказал нам, что после войны он занимался изысканиями и разработкой копей в Аризоне. Что он проделал это с успехом, было видно по неограниченному состоянию, которое он имел. О подробностях своей жизни за этот промежуток времени он говорил очень сдержанно, вернее, совсем не желал говорить.

Он прожил с нами приблизительно год и отправился потом в Нью-Йорк; там он приобрел небольшой клочок земли на Гудзоне, где я навещал его раз в год во время моих посещений нью-йоркского рынка - мой отец и я в это время имели целый ряд небольших магазинов в Виргинии. Капитан Картер владел маленьким, но красивым коттеджем, расположенным на возвышенности, с хорошим видом на реку. Во время одного из моих посещений я заметил, что он был очень занят писанием, как я теперь полагаю, этой самой рукописи.

Тогда же он сказал мне, что в случае какого-нибудь с ним несчастья, он хотел бы, чтоб я распорядился его имуществом; он дал мне ключ от несгораемого шкафа в его кабинете, где я найду завещание и некоторые указания, которыми он просил меня руководствоваться с абсолютной точностью.

Отправляясь спать, я видел из своего окна, как он стоял, освещенный лунным светом, на небольшом холме с простертыми к небу руками. Мне показалось, что он молился, хотя я никогда не считал его религиозным.

Несколько месяцев спустя, когда я вернулся после моего последнего визита, первого марта 1886 г. я получил телеграмму с просьбой немедленно приехать к нему. Хотя он хорошо относился ко всем членам нашей семьи, я всегда был его истинным любимцем; немудрено, что я поспешил исполнить его просьбу.

Утром 4-го марта я прибыл на маленькую станцию, расположенную на расстоянии одной мили от его поместья. Когда я попросил лакея отвезти меня к капитану Картеру, он сообщил мне печальную весть, что сегодня сторож соседнего имения ранним утром нашел капитана мертвым.

По разным причинам эта весть не очень поразила меня, но я поспешил в его поместье, чтобы позаботиться о его теле и делах.

В его маленьком кабинете я увидел сторожа, полицию и нескольких незнакомых мне горожан. Сторож подробно рассказывал, как он нашел тело, которое еще не успело остыть. Капитан лежал на снегу, с руками, вытянутыми над головой. Лежал он на краю берега. Когда сторож показал это место, меня озарила

мысль, что это то самое место, где я видел его ночью с мольбой простертыми к небу руками.

На теле не было следов насилия и, с помощью местного врача, следователь быстро выдал удостоверение, что смерть последовала от разрыва сердца. Оставшись один в кабинете, я открыл несгораемый шкаф и извлек содержимое того ящика, в котором должен был найти инструкции. Они были несколько странные, но я постарался выполнить их возможно добросовестнее во всех подробностях.

Он просил, чтобы я перевез, не бальзамируя, его тело в Виргинию и положил его в открытом гробу в склеп, который он сам выстроил и который, как узнал позже, был снабжен хорошей вентиляцией. Согласно его распоряжению, я должен был сам проследить, чтоб все было сделано так, как он хотел, и сохранено в тайне, если это будет нужно.

Своим состоянием он распорядился так, что в течение двадцати лет я буду получать весь доход с поместья, а потом оно все перейдет ко мне. Дальнейшие распоряжения касались этой рукописи, которую я не должен был распечатывать и читать одиннадцать лет. Я имел право огласить ее содержание только через двадцать один год после его смерти.

Гробница, в которой лежало его тело, имела ту особенность, что ее массивная дверь запиралась только одним огромным позолоченным пружинным замком, который о т п и р а л с я т о л ь к о и з н у т р и.

Искренне преданный
ЭДГАР БЕРРОУЗ.

I.

В ГОРАХ АРИЗОНА

Мне очень много лет; сколько - я сам не знаю. Быть может, сто, быть может, больше. Точно ответить не могу, так как я никогда не старился, подобно другим людям, и детство тоже не удержалось в моей памяти. Насколько я припоминаю, я всегда был мужчиной в возрасте около тридцати лет. Вид у меня теперь точно такой же, как сорок лет назад, и все же я чувствую, что вечно жить я не буду, что в один "прекрасный" день умру реальной смертью, после которой нет воскрешения. Я не знаю, почему боюсь смерти, ведь я умирал дважды - и все еще жив. И все-таки я ощущаю перед ней такой же ужас, как и вы, которые не умирали ни разу, и мне думается, что именно этот страх смерти внушает мне такое твердое убеждение в моей смерти.

И вот, в силу убеждения, я решил написать повесть об интереснейших моментах своей жизни и смерти.

Объяснить эти сверхъестественные происшествия я не могу; я могу лишь изложить простыми словами обыкновенного искателя приключений хронику странных происшествий, случившихся со мной за десять лет, в продолжение которых мое мертвое тело лежало не найденным в одной из пещер Аризона.

Я никогда еще не рассказывал этой истории, и ни один смертный не увидит эту рукопись, пока я не отойду в вечность. Я знаю, что средний человеческий ум не верит тому, чего он не в состоянии постигнуть и потому нисколько не буду поражен, если общество, ученый мир и пресса осмеют меня, и я прослыву лжецом, а между тем, я сообщу здесь лишь весьма простые истины, которые когда-нибудь будут санкционированы наукой. Может быть, сведения, добытые мною на Марсе, и все данные, которые я впишу в эту хронику, будут способствовать тому, что человечество скоро узнает тайну родственной нам планеты, тайну, которая, впрочем, для меня уже давно раскрыта.

Мое имя - Джон Картер, но я более известен как капитан Картер из Виргинии. По окончании гражданской войны я оказался обладателем нескольких сот тысяч долларов (к сожалению, конфедеративных) и чином капитана кавалерийского эскадрона уже несуществующей армии, слугой государства, исчезнувшего вместе с надеждой юга. Итак, без службы, без родины, совершенно разоренный, обладая единственным средством к сущест-

вованию - готовностью к борьбе - я решил направиться на юго-запад и попытаться там восстановить свое состояние в поисках золота.

В этих поисках я провел около года в обществе другого конфедеративного офицера, капитана Джемса К. Поуэля из Ричмонда. Нам чрезвычайно повезло,- в конце зимы 1865 г., после целого ряда неудач, мы нашли богатейшую золотоносную кварцевую жилу, которой не могли представить себе даже в самых дерзновенных мечтах. Поуэль, горный инженер по образованию, установил, что за три месяца мы нашли золота на сумму свыше миллиона долларов.

Так как наша экипировка была крайне примитивна, мы решили, что один из нас должен вернуться в цивилизованный мир, чтобы закупить необходимые машины и нанять достаточное количество людей для разработки копи.

Так как Поуэль хорошо знал местность, а также был хорошо осведомлен в вопросах горного дела, то мы решили, что экспедицию эту должен совершить он. Я же должен был оставаться на страже нашей жилы и оберегать ее от захвата каким-нибудь странствующим искателем.

3-го марта 1866 г. мы навьючили двух осликов багажом Поуэля и распрощались. Он сел на лошадь и стал спускаться по горному хребту в долину, через которую лежал его путь.

Утро, в день отъезда Поуэля, было, как обычно в Аризоне, ясное. Я следил взором за ним и его маленькими вьючными животными, спускавшимися с откоса горы вниз к долине. Все утро они мелькали перед моими глазами, то отступая немного назад и вверх, то появляясь на ровном плоскогорье. В последний раз я видел Поуэля около трех часов пополудни, когда он вступил в тень горной цепи, видневшейся по ту сторону долины.

Спустя полчаса я случайно бросил взгляд в сторону долины и был чрезвычайно изумлен при виде трех маленьких точек, черневших в том месте, где я видел в последний раз своего друга и двух его осликов. Я не склонен к излишней мнительности, но чем больше я старался убедить себя, что с Поуэлем все обстоит благополучно, и что точки, которые я видел двигающимися по его следам, были антилопы или дикие лошади, тем не менее мне это не удавалось.

С тех пор, как мы вступили на эту территорию, мы не встретили ни одного враждебного индейца, и потому беззаботность наша дошла до крайнего предела. Мы высмеивали все слышанное нами об этих хищных мародерах, якобы шнырявших по гор-

ным тропам, где они жадно выслеживали добычу. По рассказам, они подвергали жесточайшим мучениям всякого белого, попавшего в их беспощадные когти.

Я знал, что Поуэль прекрасно вооружен и, кроме того, обладает большим опытом в схватке с индейцами; но я жил в течение ряда лет на севере, где мне неоднократно приходилось сталкиваться с сиуксами, и мне было ясно, что шансы его против шайки хитрых апачей весьма слабы. В конце концов, состояние неизвестности стало для меня нестерпимым; вооружившись двумя револьверами Кольта и карабином, я вскочил на верховую лошадь и направился по следам Поуэля.

Как только я въехал на более или менее ровную дорогу, я пустил свою лошадь галопом и, таким образом, продолжал свой путь, поскольку это представлялось возможным до самых сумерек. Было уже почти темно, когда я вдруг заметил какие-то следы, присоединившиеся к следам Поуэля. Это были следы трех неподкованных жеребцов и видно было, что они мчались галопом.

Я спешно продолжал свой путь, пока не наступила полная темнота, вынудившая меня дожидаться восхода Луны. В ожидании мне оставалось только углубиться в размышления о целесообразности моей погони. Возможно, что я сам, подобно нервной женщине, придумал несущественные опасности, и что при встрече с Поуэлем все мои опасения разрешатся громким смехом. Однако я не был склонен к чувствительности, а чувство долга, к чему бы оно ни вело, было для меня своего рода фетишем на протяжении всей моей жизни, возможно, именно этому принципу я обязан всеми почестями, которыми удостоили меня три республики, а равно и орденами, и дружеским расположением, которым дарил меня старый могущественный император, а также и некоторые другие, менее именитые властители, на службе которых я состоял.

Около девяти часов Луна светила уже достаточно ярко, и я мог продолжать свой путь; без особого труда я довольно быстро продвигался вперед по тропинке, местами пуская коня легкой рысью. Около полуночи я добрался до водоема, у которого, как я знал, Поуэль предполагал сделать привал. Я выехал на это место совершенно неожиданно для себя и нашел его совершенно пустынным, без малейших признаков недавнего пребывания здесь человека.

Я заметил, что следы преследующих всадников,- а в том, что это были преследователи, я был теперь совершенно убежден,-

шли все время за следами Поуэля, лишь с коротким перерывом на остановку у водоема, и все время скорость их движения оставалась равной скорости движения Поуэля.

Теперь я знал совершенно определенно,- что преследователи были апачи, и что они намеревались захватить Поуэля живым, чтобы насладиться его мучениями. Поэтому, несмотря на опасность дороги, я галопом погнал коня в надежде догнать краснокожих варваров раньше, чем они настигнут моего друга.

Дальнейшие мои размышления были прерваны отзвуком выстрелов, раздавшихся далеко впереди меня. Я понял, что в данный момент Поуэль нуждается во мне больше, чем когда-либо, и я немедленно пустил лошадь бешеным карьером вверх по узкой горной тропе.

Я проскакал целую милю или даже больше, не слыша ни одного звука. Внезапно тропинка оборвалась и перешла в небольшое открытое плоскогорье, вблизи которого возвышалась вершина горы. Чтобы выбраться на это плоскогорье, мне пришлось проехать через узкий проход, у конца которого я остановился, как вкопанный, так как зрелище, представившееся теперь моим глазам, наполнило мою душу изумлением и ужасом.

Небольшая полоска равнины сплошь белела индейскими шатрами. Посредине лагеря с полтысячи краснокожих воинов сгрудились вокруг какого-то предмета. Внимание их было прикована к нему настолько, что они не заметили моего приближения, и я мог бы с легкостью повернуть назад под темные своды ущелья и, таким образом, ускользнуть от них. Однако то обстоятельство, что мысль эта возникла у меня лишь на другой день, лишает меня права на звание героя, которым, в противном случае, повествование об этом эпизоде могло бы меня наградить.

Не думаю, что я был создан из материала, из которых делаются герои, так как из всех тех многочисленных случаев, когда вольные мои поступки ставили меня лицом к лицу со смертью, я не могу припомнить ни одного, когда возможность иного образа действия, нежели предпринятый мною, открылся бы мне ранее, чем через много часов. Разум мой, по-видимому, устроен таким образом, что я подсознательно следую велению чувства долга, не прибегая к утомительным мозговым процессам. Во всяком случае, я никогда не сожалел, что трусость не является принадлежностью моей натуры.

В эту минуту я, конечно, понял, что центром всеобщего внимания был не кто иной, как Поуэль. Что последовало раньше - мысль или поступок - я не знаю, но через мгновение я выхватил

из-за пояса свой револьвер и стал быстро посылать выстрел за выстрелом в самую гущу краснокожей толпы, издавая в то же время дикие крики изо всей силы своих легких. В моем положении я вряд ли мог придумать что-нибудь лучшее, так как ошеломленные неожиданностью краснокожие, в полной уверенности, что их настиг целый отряд регулярной армии, бросились врассыпную за своими луками, стрелами и карабинами.

Зрелище, представившееся теперь моим глазам, заставило похолодеть кровь в моих жилах. Под яркими лучами аризонской луны лежал Поуэль; тело его было покрыто густой щетиной вражеских стрел. В том, что он уже был мертв, не могло быть ни малейшего сомнения, и все же я постарался спасти его тело от поругания, как если бы дело шло о спасении его жизни.

Подъехав к нему вплотную, я нагнулся и, ухватившись за его патронный пояс, взвалил тело на холку моей лошади. Взгляд, брошенный мною назад, убедил меня, что возвращение более рискованно, нежели продолжение пути вперед через плоскогорье. Пришпорив моего измученного скакуна, я помчался к ущелью, видневшемуся вдали по ту сторону равнины.

Тем временем индейцы успели сообразить, что я один, и мне вслед полетели проклятья, сопровождаемые стрелами и карабинными пулями. То обстоятельство, что при лунном свете может попасть в цель, пожалуй, только проклятье, в совокупности с их крайне неуравновешенным душевным состоянием, а также быстрый бег моего коня - все это спасло меня от метательных снарядов врага, и я получил возможность добраться до прикрытия ближайших возвышенностей прежде, чем дикари успели организовать настоящую погоню.

Конь мой продвигался вперед без поводьев, так как я знал, что он найдет верный путь скорее, нежели я. Но на этот раз он ошибся и пошел по тропе, ведущей к вершине горной цепи, а не к ущелью, через которое я надеялся выбраться в долину и таким образом спастись от погони. Возможно, однако, что именно этой ошибке я обязан жизнью и теми замечательными происшествиями, которые приключились со мной в течение последующих десяти лет.

Первая мысль о том, что я на верном пути, мелькнула у меня, когда вопли преследуемых стали доноситься до меня слева и притом стали менее внятными.

Я понял, что они направились по левую сторону зубчатой скалистой возвышенности, окаймляющей плоскогорье, в то время как мой конь вынес меня и тело Поуэля по правую ее сторону.

Я очутился на небольшом ровном выступе скалы, с которого можно было разглядеть тропинку внизу и увидел, как кучка преследовавших меня дикарей исчезла за вершиной соседней горы.

Мне было ясно, что индейцы скоро обнаружат свою ошибку, и тогда погоня будет возобновлена по верному направлению, стоит им только напасть на мои следы.

Я успел проехать лишь очень небольшое расстояние, как вдруг перед моими глазами вырос большой скалистый утес. Тропинка, по которой я ехал, была ровная, довольно широкая и вела вверх именно в этом направлении. По правую руку от меня возвышалась скала, вышиной в несколько сот футов, а по левую сторону оказался такой же крутой, почти отвесный спуск, ведущий на дно скалистого оврага.

Я не проехал еще и ста ярдов, как резкий поворот вправо вывел меня к отверстию большой пещеры. Отверстие было четыре фута в вышину и от трех до четырех футов в ширину. Тропинка кончалась у самой пещеры.

Утро уже наступило, и, как всегда в Аризоне, все внезапно озарилось ярким дневным светом.

Сойдя с лошади, я положил тело Поуэля на землю. Самый тщательный его осмотр не обнаружил ни малейших признаков жизни. Я вливал воду из своей фляги в его мертвые губы, смачивал его лицо водой, тер руки, словом, провозился с ним около часа, будучи в то же время совершенно уверенным в его смерти.

Я очень любил Поуэля. Он был настоящим мужчиной, джентельменом и хорошим верным товарищем. С чувством глубокой скорби я прекратил свои тщетные попытки оживить его.

Оставив тело Поуэля там, где оно лежало, на самом краю площадки, я вполз внутрь пещеры для рекогносцировки. Здесь я нашел большое помещение, примерно в сто футов в диаметре и в тридцать или сорок футов в вышину. Ровный, хорошо утоптанный пол и многие другие внешние признаки свидетельствовали о том, что когда-то, в отдаленные времена, пещера эта была обитаемой. Задний план не был настолько скрыт в густой тени, что я не мог разобрать, имеются ли там еще выходы в другие помещения или нет.

Продолжая свой осмотр, я начал ощущать приятную сонливость, охватившую мое существо, что я приписал своей усталости от длительной и напряженной верховой езды, а также реакции после возбуждения борьбы и погони.

Я чувствовал себя в своем новом помещении в относительной безопасности, так как видел, что один человек может защитить тропинку, ведущую в пещеру, против целой армии.

Охватившая меня полудремота вскоре стала так сильна, что я с трудом противостоял властному желанию броситься на землю и заснуть. Я сознавал, что это совершенно недопустимо, так как это означало бы верную смерть от рук моих краснокожих "друзей", которые могли нагрянуть ко мне каждую минуту. Сделав над собой усилие, я направился выходу из пещеры, но сильное головокружение отбросило меня к боковой стене, и я навзничь упал на землю.

II.

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ СМЕРТИ

Блаженное ощущение охватило меня, мускулы мои ослабели, и я был уже близок к тому, чтобы уступить желанию заснуть, как вдруг до моего слуха донесся звук приближающегося лошадиного топота. Я сделал попытку вскочить на ноги, но, к величайшему своему ужасу, обнаружил, что мускулы мои отказываются повиноваться моей воле. Я был в полном сознании, но не мог пошевелить ни одним мускулом, как бы превратившись в камень. И в этот самый момент я впервые заметил, что пещеру наполняет какой-то прозрачный туман, заметный лишь у самого выхода, озаренного дневным светом. Из всего этого я заключил, что подвергся действию какого-то ядовитого газа, но не мог понять, почему я сохранил мыслительные способности, в то же время будучи не в состоянии сделать ни одного движения. Я лежал лицом к выходу из пещеры, откуда мне была видна узкая полоска тропы, проходившая между пещерой и поворотом утеса, который огибала эта тропа. Звук приближающегося лошадиного топота прекратился, и я понял, что индейцы осторожно подкрадываются ко мне вдоль выступа, ведущего к моей страшной могиле. Я припоминаю, что надеялся на то, что они быстро покончат со мной, так как меня не особенно радовало предвкушение тех многочисленных пыток, которым они меня подвергнут, если послушаются подстрекательства своей фантазии.

Ждать пришлось недолго. Легкий шорох известил меня, что враг рядом. Из-за гребня скалы показалась ярко раскрашенная физиономия в военном головном уборе, и дикие глаза впились в меня. Я был уверен, что, несмотря на царивший в пещере полу-

мрак, он прекрасно видел меня, так как лучи утреннего солнца падали прямо на меня через входное отверстие.

Однако, вместо того, чтобы приблизиться, краснокожий стоял неподвижно, с вытаращенными глазами и открытым ртом. Затем показалась еще одна дикая физиономия, потом третья, четвертая и пятая, причем каждый перегибался через плечо своего соседа, так как выступ скалы был слишком крут, чтобы обойти его кругом.

Каждая физиономия являла собой воплощение страха и ужаса, но причина их испуга была мне так же непонятна, как и десять лет спустя. Что позади смотревших находились еще люди, можно было заключить из того, что вожди шепотом передавали что-то стоящим позади.

Внезапно из глубины пещеры, откуда-то позади меня, раздался слабый, но внятный стон. Как только он достиг слуха индейцев, они повернулись и бросились бежать, охваченные дикой паникой. Их стремление ускользнуть от невидимой опасности, находившейся позади меня, было настолько велико, что один из них был сброшен с утеса вниз головой на острые камни оврага. В течение нескольких мгновений в воздухе раздавались их дикие крики, затем все стихло.

Звук, испугавший моих врагов, больше не повторялся, но и одного раза было достаточно для того, чтобы заставить меня углубиться в размышления о неизвестном чудовище, скрывавшемся во мраке за моей спиной. Страх - относительное понятие. Поэтому я могу измерить мои ощущения только путем сравнения их с тем, что было испытано мною в других опасных положениях, имевших место в моей жизни до и после этого дня. Я могу без зазрения совести сказать, что если ощущения, испытанные мною в течение последующих нескольких минут, были страхом - да поможет господь бог трусу, так как трусость, несомненно, является его собственной карой.

Быть в состоянии парализованности, спиной к ужасной и неизвестной опасности, один звук которой обратил в дикое бегство бесстрашных апачей - кажется мне апогеем ужасных положений даже для человека, испытанного в борьбе за свою жизнь.

Несколько раз мне казалось, что я слышу позади себя слабые звуки, как будто кто-то осторожно двигается. Но это скоро прекратилось, и я был предоставлен спокойным размышлениям о своем положении. Я мог лишь смутно догадываться о причине моего паралича, и единственная моя надежда была на то, что он прекратится так же внезапно, как и начался.

К концу дня мой конь, стоявший до сих пор непривязанным у входа в пещеру, повернулся и стал медленно спускаться вниз по тропинке, очевидно, в поисках пищи и воды. И вот я остался один с таинственным существом позади себя и с мертвым телом моего друга, лежавшим там, куда я положил его на рассвете.

С этой минуты до полуночи вокруг меня царила тишина - тишина смерти. И вдруг ужасный стон вновь достиг моего содрогнувшегося слуха, и вновь из густого мрака пещеры, позади меня, послышался звук от движения какого-то существа и как бы слабое шуршание сухих листьев. Это потрясение оказалось чрезмерным для моих напряженных нервов, и сверхчеловеческим усилием воли я сделал попытку порвать свои ужасные оковы. Это было усилие разума, воли, нервов, но - увы, не мускулов, так как я не мог пошевельнуть даже мизинцем.

Затем я ощутил сильный внутренний толчок, мгновенную тошноту, услышал треск как бы ломающегося стального прута, и я почувствовал себя прислоненным к стене пещеры, лицом к лицу со своим неизвестным врагом.

В эту минуту лунный свет озарил внутренность пещеры, и... прямо перед собой я увидел свое собственное тело, распростертое в той же позе, в какой оно пролежало все эти часы: с широко открытыми глазами, устремленными к выходу пещеры, с безжизненно раскинутыми руками. Охваченный полнейшей растерянностью, я переводил взгляд со своей недвижимой земной оболочки, лежавшей на полу, на себя, стоящего у стены. На земле я лежал одетый, и в то же время стоял у стены совершенно нагой, как в час своего рождения.

Превращение было настолько внезапно и неожиданно, что на минуту я забыл обо всем, кроме своей чудесной метаморфозы. Первой моей мыслью было: неужели это и есть смерть? Неужели я действительно перешел по ту сторону жизни? Но я не мог вполне поверить этому, так как ясно ощущал сильный стук сердца о ребра - результат моего усилия освободиться от сковавшего меня онемения. Дыхание мое вырывалось из груди быстрыми, короткими порывами, холодный пот выступил из каждой поры моего тела. Я применил испытанный способ проверки - щипок - и убедился, что я не призрак.

В эту минуту повторившийся глухой стон из глубины пещеры напомнил мне окружающую меня обстановку. У меня не было ни малейшего желания стать лицом к лицу с угрожающим мне невидимым врагом, так как я был наг и безоружен.

Мои револьверы были пристегнуты к моему безжизненному телу, к которому я по какой-то непреодолимой причине не мог заставить себя прикоснуться. Карабин мой был прицеплен к моему седлу, а так как конь мой ушел, то я остался безо всяких средств для защиты. Единственным выходом из создавшегося положения было бегство. Решение мое бежать укрепилось, когда я вновь услышал шуршащий звук приближающегося ко мне существа, которое, как показалось моему расстроенному воображению, осторожно ползло на меня из мрака пещеры.

Не будучи более в состоянии противиться искушению бежать из этого ужасного места, я быстро проскользнул в отверстие входа и очутился под звездным небом ясной аризонской ночи. Резкий свежий горный воздух по ту сторону пещеры сразу оказал на меня свое подкрепляющее действие, и я почувствовал, как вливается в меня новая жизнь и новая отвага. Остановившись на несколько мгновений на краю выступа, я старался восстановить свое помутившееся сознание. Я размышлял о том, что в течение многих часов я пролежал совершенно беспомощный в пещере, и все же ничто не причинило мне вреда. Логика и здравый смысл подсказывали мне, что слышанные мною шорохи происходили, по-видимому, от каких-нибудь естественных и совершенно невинных причин. Может быть, само строение пещеры таково, что легкое дуновение ветра производило слышанные мною звуки.

Я решил вновь отправиться на разведку. Но прежде чем двинуться с места, я поднял голову, чтобы наполнить свои легкие чистым, укрепляющим горным воздухом. В эту минуту взгляд мой упал на расстилающуюся передо мной прекрасную панораму горных хребтов и равнин, поросших кактусом. Под фосфорическими лучами луны картина эта казалась сказочной и овеянной каким-то особым очарованием.

Немногие чудеса Запада могут так вдохновить человека, как освещенный луной горный пейзаж Аризоны: посеребренные горы вдали, странное сочетание света и тени, причудливые контуры своеобразно-красивых кактусов создают восхитительную картину, и человеку, видящему ее, кажется, что он впервые заглянул в какой-то мертвый или забытый мир, совершенно непохожий на все другие места земного шара.

Погруженный в созерцание, я перевел взор с земли на небеса, где мириады звезд раскинули великолепный шатер для красавицы Земли. Внимание мое внезапно было привлечено большой красной звездой, видневшейся недалеко от горизонта. И, смотря на нее, я почувствовал себя во власти какой-то могучей, волшеб-

ной силы. Это был Марс, бог войны, который мне, воину, всегда представлялся чем-то непреодолимо влекущим.

И в эту далекую незабвенную ночь, когда я, как заколдованный, не мог оторвать от него свой взор, мне показалось, что он властно призывает меня к себе через необозримое пространство, манит меня кинуться к нему, как магнит притягивает к себе кусок железа.

И тяготение мое к нему оказалось непреодолимым. Я закрыл глаза, простер руки по направлению к призывавшему меня богу войны, и почувствовал, как с быстротой молнии какая-то волшебная сила понесла меня в необозримое пространство.

На мгновение резкий холод и непроницаемый мрак окружили меня.

III.

МОЕ ВСТУПЛЕНИЕ НА МАРС

Открыв глаза, я увидел странный ландшафт. Я знал, что нахожусь на Марсе. Я ничуть не сомневался, что нахожусь в здравом уме, а также и в том, что все происходит наяву. Я не спал. Мое внутреннее сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Марсе, с какой ваше говорит вам, что вы на Земле.

Я увидел себя на ложе из желтоватой мохоподобной растительности, расстилавшейся вокруг меня в целые мили.

По-видимому, я лежал в глубокой, круглой впадине, через край которой я видел неопределенные очертания низких холмов.

Был полдень. Солнце светило прямо надо мной, и зной его был совершенно невыносим для моего обнаженного тела: он был значительно сильнее, чем бывает в то же время дня где-нибудь в пустыне Аризоны. Там и сям возвышались небольшие выступы кварцевых скал, сверкавших на солнце, а влево от меня, на расстоянии ста ярдов, виднелось низкое строение высотой около четырех футов. В поле моего зрения не было видно ни воды, ни какой-либо иной растительности, кроме мха. Я же ощущал жажду и потому решил предпринять разведку.

Когда я вскочил на ноги, Марс преподнес мне свой первый сюрприз: усилие, которое на Земле лишь поставило бы меня на ноги, подняло меня на Марсе в воздух на три ярда. Я плавно опустился вниз, не испытав ни малейшего потрясения или по-

вреждения. И вот начался процесс моего развития, который даже и тогда казался мне крайне забавным. Я обнаружил, что должен снова учиться ходить, так как мускульные движения, легко и крепко носившие меня на Земле, здесь, на Марсе, проделывали со мной ряд самых неожиданных вещей.

Я пытался двигаться вперед нормальным, достойным джентельмента образом, однако все мои попытки в этом направлении не дали ничего, кроме ряда комичных прыжков. Каждый шаг отрывал меня от почвы одновременно обеими ногами и через два или три скачка швырял меня навзничь. Мускулы мои, прекрасно координированные и приспособленные к закону тяготения на Земле, разыгрывали со мной злейшие шутки, когда я впервые попытался вступить в поединок с меньшим тяготением и более низким атмосферным давлением на Марсе.

И все же я твердо решил осмотреть окрестности и строение, которое являлось единственным признаком обитаемости этого места. Итак, я ухватился за единственный представлявшийся мне возможным способ передвижения: я решил впасть в детство и пополз на четвереньках. Это мне удалось очень хорошо, и через несколько мгновений я уже добрался до низкой стены, окружавшей интересующее меня здание.

Ближайшая ко мне стена не имела ни окон, ни дверей. Так как вышина ее была не более четырех футов, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через нее вниз, внутрь строения - и тут моим глазам представилось необычное, фантастческое зрелище.

Крыша строения была из крепкого стекла, толщиной в четыре - пять дюймов, а под ней лежало несколько сот больших яиц, совершенно круглых и снежно-белых. Все яйца были почти совершенно одинакового размера - в два с половиной фута в диаметре.

Четыре или пять штук из них уже открылись, и причудливо-карикатурные фигурки, сидящие возле них,не позволяли мне довериться своему зрению. Большую часть такой фигурки составляла голова, к которой при помощи длинной шеи присоединилось маленькое слабое тельце с шестью ногами, или, как я узнал позже, с двумя ногами, двумя руками и парой промежуточных конечностей, которые могут быть применяемы и в качестве рук, и в качестве ног. Глаза посажены по краям головы, немного выше ее центра; они вращаются таким образом, что могут быть направлены как вперед, так и назад, причем оба глаза совершенно независимы один от другого, благодаря чему это уродливое существо может смотрет ь в любом направлении или в двух направ-

лениях одновременно, без необходимости поворачивать для этого голову.

Уши, помещающиеся близко над глазами, но несколько более сдвинутые, нежели глаза, имеют форму небольших куполообразных щупальцев. Они выдаются над головой примерно на один дюйм. Нос представляет собой продольную расщелину в центре лица, между ртом и ушами.

Тела их совершенно лишены растительности, а кожа имеет светлую, желтовато-зеленую окраску. Как я узнал позднее, у взрослых марсиан эта окраска переходит в зелено-оливковый цвет, причем у мужчин она темнее, нежели у женщин. Кроме того, у взрослых голова не так пропорционально велика, как у детей.

Радужная оболочка глаз кроваво-красного цвета, как у альбиносов, а зрачок темный. Глазное яблоко совершенно белое, как и зубы. Последние придают особенно хищное выражение и без того неприятной и страшной физиономии, так как нижние клыки загибаются вверх, переходя в острые концы, оканчивающиеся там, где помещаются глаза у земного существа. Белизна зубов не напоминает слоновую кость - она сверкает, как алебастр. На темном фоне оливковой кожи клыки эти выделяются необычайно резко, придавая этому своеобразному оружию особенно страшный вид.

Многие из этих деталей я заметил лишь значительно позже, так как у меня оказалось слишком мало времени для рассматривания обнаруженных мною чудес. Это был как раз момент вылупливания из яиц, и я с большим интересом следил за тем, как маленькие уродцы выползали из своей оболочки. Между тем сзади ко мне приближалась группа взрослых марсиан.

Бесшумно двигаясь по мягкому мху, покрывавшему всю поверхность Марса, за исключением замерзших областей у полюсов и некоторых обработанных площадей, они с легкостью могли бы схватить меня, но намерения их были значительно более злыми. Бряцанье оружия переднего воина предупредило меня об их приближении.

От такой ничтожной случайности зависела тогда моя жизнь, что я диву даюсь, как мне удалось так легко спастись. Если бы карабин вождя отряда не покачнулся в своих кольцах сбоку от седла и не ударился о конец копья - я бы был уничтожен в мгновение ока, не успев даже ощутить приближение смерти. Но этот легкий звук заставил меня обернуться, и я увидел, что на расстоянии десяти футов от моей груди сверкает острие ужасно-

го копья, длиной футов в сорок, с блестящим металлическим наконечником. Передо мной был отряд воинственных всадников, явившихся на защиту маленьких дьяволят, которых я наблюдал.

Какими ничтожными и безобидными показались мне теперь малыши в сравнении с приближавшимися ко мне взрослыми с исполинским воплощением ненависти, мести и смерти. Рост мужчины - буду называть его этим именем - достигал пятнадцати футов; на Земле он, вероятно, весил бы около десяти пудов. Он восседал на своем Россинанте, как мы сидим на лошади, обхватив его корпус своими нижними конечностями, в то время как кисти его двух правых рук были протянуты в стороны для сохранения равновесия, так как животное, на котором он сидел, не имело ни поводьев, ни узды, ни малейшего приспособления для управления.

А чего стоит вид этого животного! Как описать его человеческими словами! Рост его от плеча был не менее десяти футов, с каждой стороны его туловища было по четыре ноги; широкий плоский хвост, более широкий на конце, нежели у корня, во время бега был горизонтально вытянут в воздухе, огромная пасть разверзалась посреди головы, занимая место от носа до длинной, массивной шеи.

Подобно своему господину, животное было совершенно лишено растительности. Огромное его тело было покрыто кожей темно-грифельного цвета, чрезвычайно гладкой и лоснящейся. Живот был белый, а окраска его ног, начиная сверху от темных плеч и бедер цвета сланца, постепенно переходила в ярко-желтый цвет на ступнях ног. На самих ступнях виднелись как бы огромные подушки и совершенно отсутствовали копыта или когти, чем также в значительной степени объяснялась бесшумность их приближения. Между прочим, эта особенность, в совокупности со множеством ног, является характерной чертой фауны Марса. Только высший тип человека, а также еще одно животное - единственное млекопитающее на Марсе - имеют настоящие ногти. Копытные животные на Марсе отсутствуют совершенно.

Вслед за передовым демоном тянулось еще девятнадцать, похожих на него во всех отношениях. Но, как я узнал позже, каждый все-таки отличался какими-либо индивидуальными особенностями: среди марсиан, как и среди нас, не бывает двух совершенно одинаковых существ, хотя все мы отлиты по одной форме.

Картина эта, или вернее, материализованный кошмар, произвела на меня впечатление поражающее и ужасающее.

Я был наг и безоружен и поспешил применить первый, уже открывшийся мне закон природы к единственно возможному разрешению моей непосредственной задачи: стремлению выйти из пределов досягаемости острия нацеленного на меня копья. Для этого я сделал весьма земной, и в то же время сверхчеловеческий прыжок, чтобы достигнуть верхушки марсианского инкубатора, как я определил это строение.

Попытка моя увенчалась успехом, ошеломившим меня не менее, нежели марсианских воинов, так как я почувствовал себя поднятым в воздух на тридцать футов, а затем отброшенным на сто футов в сторону от моих преследователей. Я легко и благополучно опустился на мягкий мох.

Обернувшись, я увидел, что враги мои сгруппировались вдоль другой стены. Некоторые наблюдали за мной с выражением, которое, как я узнал позже, должно было означать удивление, а другие, по-видимому, были совершенно удовлетворены тем, что я не тронул их детенышей.

Они тихо переговаривались между собой, жестикулируя и указывая на меня. Обнаружив, что я не причинил никакого вреда маленьким марсианам, а также, заметив, что у меня нет оружия, они стали смотреть на меня менее свирепо, но, как я узнал потом, главную роль в этом сыграла проявленная мною ловкость.

Будучи огромных размеров и обладая крупным костяком, марсианин отличается мускулатурой, пропорциональной лишь тому закону силы тяжести, с которым ему приходится иметь дело. Поэтому обитатели Марса значительно менее проворны и сильны по отношению к своему весу, нежели люди Земли, и я сомневаюсь, чтобы марсианин, перенесенный на Землю, мог поднять свое тело.

Вот почему моя ловкость показалась на Марсе такой же чудесной, какой она показалась бы и на Земле, и желание уничтожить меня уступило желанию захватить меня живым, чтобы продемонстрировать своим единоплеменникам.

Отсрочка, обретенная мною благодаря моему неожиданному проворству, дала мне возможность построить план действий на ближайшее будущее, а также ближе ознакомиться с видом воинов, так как до этой минуты рассудок мой не мог отделить этих людей от тех, которые преследовали меня за день до того.

Я заметил, что каждый был вооружен множеством различного оружия, и снабжен огромным копьем, описанным мною выше. Оружие, которое заставило меня обратиться в бегство, окончив-

шееся полетом, оказалось чем-то вроде карабина, которым, как я сразу почувствовал, марсиане управляли с особой ловкостью.

Это оружие было из белого металла, с ложем из дерева, добываемого, как я узнал впоследствии, из очень легковесного и в то же время прочного растения, широко распространенного на Марсе и совершенно неизвестного нам, обитателям Земли. Металл, из которого сделан ствол, представлял собой сплав, составленный главным образом из алюминия и стали. Металлы эти марсиане научились закаливать до твердости, значительно превышающей обычную, известную нам твердость стали. Вес оружия относительно невелик. Благодаря мелкокалиберным разрывным снарядам из радия, действие этого карабина всегда смертельно. Кроме того, оно действует на расстоянии, совершенно немыслимом на Земле. Теоретический радиус действия этого карабина равняется тремстам милям, но практическая дальность прицела - двести миль.

Этого, однако, вполне достаточно для того, чтобы преисполнить меня большим уважением к огнестрельному оружию марсиан.

По-видимому, какая-то телепатическая сила предостерегла меня от попытки бежать при ярком дневном свете от жерл этих двадцати смертоносных машин.

После коротких переговоров марсиане повернули своих коней и умчались в том же направлении, откуда явились, оставив возле инкубатора лишь одного воина. Отъехав примерно на двести ярдов, они остановились, и, повернув своих коней в нашу сторону, стали наблюдать за воином, стоявшим у строения.

Это был тот самый, копье которого едва не пронзило меня. По-видимому, это был их вождь, так как, насколько я понял, остальные заняли свою теперешнюю позицию по его приказанию. Когда отряд остановился, он снял свое копье и остальное оружие, и стал огибать инкубатор, направляясь ко мне, совершенно обнаженный и невооруженный, как и я, за исключением лишь украшений, сверкающих на его голове, конечностях и на груди.

Приблизившись ко мне на пятьдесят футов, он снял с руки огромный металлический браслет и, держа его на ладони протянутой ко мне руки, обратился ко мне громким, ясным голосом, но на языке, который, само собой разумеется, был мне совершенно непонятен. Затем он остановился, как бы ожидая моего ответа, насторожив свои шупальцеобразные уши и вперив в меня свои ужасные глаза.

Когда молчание стало тягостным, я со своей стороны решил осмелиться заговорить, так как я понял, что он предлагает мне мир. То, что он снял с себя все оружие и удалил весь свой отряд, прежде чем приблизиться ко мне, несомненно говорило о его миссии мира. Почему бы на Марсе это не могло иметь то же значение, что и на Земле?

Приложив руку к сердцу, я низко склонился перед марсианином и объяснил ему, что, несмотря на то, что я не понимаю его языка, поступки его ясно говорят мне о мире и дружбе, которые в настоящий момент очень дороги моему сердцу. Несомненно, я мог бы с равным успехом молоть и совершеннейшую чушь, так как слова мои остались для него непонятными. Он понял лишь поступок, которым я завершил непосредственно свою речь.

Протянув руку, я приблизился к нему, взял браслет с его открытой ладони и одел себе на руку поверх локтя. Затем я улыбнулся ему и принял выжидательную позу. Его огромный рот расплылся в ответной улыбке, он вложил одну из своих промежуточных рук в мою, мы повернулись и зашагали по направлению к его Россинанту. В то же время он сделал знак своим подчиненным. Они помчались к нам, но были остановлены его сигналом. По-видимому, он испугался, что я могу опять сделать прыжок, который окончательно унесет меня из поля его зрения.

Он обменялся несколькими словами со своими людьми, знаками попросил меня ехать позади одного из них и затем сел на своего коня. Указанный воин протянул две или три руки, поднял меня с земли и усадил позади себя на лоснящийся круп своего коня, где я кое-как пристроился, держась за ремни и перевязи оружия марсианина.

Затем вся кавалькада повернула и понеслась галопом по направлению к горной цепи, видневшейся вдали.

IV.

ПЛЕННИК

Мы проехали около десяти миль, когда почва заметно стала повышаться. Как я узнал позже, мы приближались к берегу одного из давно уже высохших морей Марса, на дне которого состоялась моя первая встреча с марсианами.

Вскоре мы достигли подножия горной цепи и, проехав через узкое ущелье, выбрались на открытую долину, на окраине которой было низкое плоскогорье. На нем я увидел огромный город. Мы помчались по направлению к нему.

Мы ехали теперь по разрушенному шоссе, выходившему прямо из города, но достигавшему лишь края плоскогорья, где оно внезапно обрывалось, переходя в лестницу, состоящую из ряда широких ступеней.

При ближайшем рассмотрении, когда мы проезжали по городу, я увидел, что строения необитаемы и, несмотря на незначительные разрушения, пустуют, по-видимому, уже много лет. В центре города была большая площадь, которая, равно как и прилегающие к ней здания, была занята лагерем, принадлежащим девятистам или тысяче существ того же облика, как и мои захватчики, каковыми я считал теперь их, несмотря на туманный способ, посредством которого я был пойман в ловушку.

Если не считать украшений, все были совершенно наги. Женщины лишь немногим отличались от мужчин, за исключением лишь того, что их клыки, пропорционально росту, были значительно длиннее, причем у некоторых они достигали высоко посаженных ушей. Тела их были меньше и имели более светлую окраску, а на пальцах рук и ног виднелись зачатки ногтей, совершенно отсутствующих у мужской половины. Рост взрослых женщин достигал 10-12 футов.

Тела детей были светлого цвета, даже светлее, чем у женщин. Мне казалось, что все они совершенно одинаковы, за исключением того, что одни были выше других, следовательно, и старше.

Среди них я не заметил особенно престарелых. В их внешности нет особенной разницы, начиная от зрелого возраста - сорока лет - до тысячелетнего возраста, когда они добровольно отправляются в свое последнее страшное плавание по реке Исс, исток которой неизвестен ни одному живому марсианину, и из лона которой не вернулся еще никогда ни один марсианин, а если бы и вернулся, то его никогда не оставили бы в живых после того, как он проплыл ее холодные, темные воды.

Не более одного марсианина из тысячи умирает от болезни или какой-нибудь скорби, а около двадцати из тысячи предпринимают добровольное паломничество. Остальные девятьсот семьдесят девять погибают насильственной смертью на дуэлях, на охоте, в авиационных полетах и на войне; но наибольшая смертность имеет место в детском возрасте, когда неисчислимое

количество маленьких марсиан падают жертвой больших белых обезьян Марса.

Средний возраст, которого достигают марсиане после наступления зрелости - около трехсот лет, но он дошел бы и до тысячи, если бы не различного рода насильственная смерть. Из-за неуклонно исчезающих жизненных ресурсов планеты, по-видимому, представлялось необходимым противодействовать возрастающей долговечности, являющейся результатом их исключительных познаний в области терапии и хирургии. Итак, человеческая жизнь на Марсе потеряла свою первоначальную ценность, что следует из различных видов опасного спорта и из-за непрекращающейся вражды между отдельными общинами.

Есть еще ряд естественных причин, вызывающих уменьшение населения, но самая серьезная из всех - это та, что ни один мужчина и ни одна женщина на Марсе никогда не ходит без какого-нибудь смертоносного оружия.

Когда мы приблизились к площади, и мое присутствие было обнаружено, мы были немедленно окружены сотнями этих уродов, которые, казалось, горели желанием стащить меня с сидения позади моего стража.

Одно слово вождя, и шум прекратился, и мы стали пересекать площадь по направлению к великолепному сооружению, подобного которому никогда не видел глаз смертного.

Здание было невысокое, однако занимало громадную площадь. Оно было построено из сверкающего белого мрамора, выложенного золотыми и бриллиантовыми камнями, которые сверкали и переливались всеми цветами радуги под лучами солнца. Главный вход был шириной в несколько сот футов и выдавался из здания так, что над входной галереей образовался огромный навес. Лестницы не было, но небольшой наклон, ведущий на первый этаж, расширялся в огромный зал, окруженный галереями.

В этом помещении, снабженном большим количеством разных пюпитров и стульев, собралось около сорока или пятидесяти марсиан мужского пола. Все они сгрудились вокруг ступеней большой кафедры. На доске ее восседал на корточках огромный воин, увешанный с ног до головы металлическими украшениями, разноцветными перьями и красиво выделанным кожаным убором, изящно выложенным драгоценными камнями.

С его плеч свисала короткая мантия из белого меха на подкладке из яркого пурпурного шелка.

Что меня поразило, как наиболее замечательное во всей этой картине, это полнейшая непропорциональность этих существ по отношению к столам, стульям и другой мебели. Все эти предметы были приспособлены для человеческого роста, вроде меня, в то время как огромные тела марсиан с неимоверными усилиями втискивались в стулья, а под пюпитрами не хватало места для их длинных ног. Из этого следовало, что на Марсе имелись еще и другие обитатели, помимо тех, в руки которых я попал; с другой стороны, признаки большой древности всей окружающей обстановки свидетельствовали о том, что эти строения могли принадлежать давно вымершей и забытой расе, обитавшей на Марсе в незапамятные времена.

Наш отряд остановился у входа в здание, и по знаку вождя меня опустили на пол. Опять рука об руку с воином мы прошли в зал аудиенций. По-видимому, на Марсе церемония приближения к верховному вождю не была сопряжена с особенными формальностями.

Взявший меня в плен воин просто продвинулся к кафедре, причем остальные расступились, по мере того, как он проходил вперед. Сидевший на кафедре поднялся на ноги и произнес имя моего конвоира, который в свою очередь остановился и повторил имя правителя, после чего следовал полный его титул.

В тот момент вся церемония и произнесенные слова не имели для меня никакого значения, но позднее я узнал, что это является обычной формой приветствия между зелеными марсианами. Если люди - чужестранцы, а потому не в состоянии обменяться именами, они должны молчаливо обменяться украшениями, если миссия их мирного характера. В противном случае они обменялись бы выстрелами или завоевали бы себе право входа каким-нибудь другим оружием.

Имя взявшего меня в плен было Тарс Таркас. Он был вице-вождем общины и был известен как государственный ум и как воин. По-видимому, он кратко доложил о приключениях, связанных с его экспедицией, включая и взятие меня в плен, а когда он кончил, верховный вождь обратился ко мне.

Я ответил на нашем добром английском только для того, чтобы убедить его, что ни один из нас не в состоянии понять другого, но заметил, что, когда по окончании своей речи я слегка улыбнулся, он сделал то же самое. Этот факт и аналогичный ему во время моей первой беседы с Тарс Таркасом убедил меня в том, что у нас есть хотя бы общее: способность улыбаться, а следовательно и смеяться; это указывало на наличие чувства юмора. Но

позднее я узнал, что улыбка марсианина - чисто внешнее проявление чувства юмора, а смех марсианина может заставить поседеть самого крепкого человека.

Идея юмора у зеленых обитателей Марса далеко отступает от нашего понимания возбудителей веселости. Например, предсмертная агония товарища может вызвать самое необузданное веселье, а лучшим развлечением они считают убийство военнопленных самыми дикими и ужасными способами.

Собравшиеся воины разглядывали меня, подойдя ко мне вплотную и ощупывая мои мускулы и кожу. Затем верховный вождь изъявил, очевидно, желание видеть мое представление и, сделав мне знак следовать за ним, направился с Тарс Таркасом к открытой площади.

Со времени моей первой неудачной попытки ходить, я больше не брался за это опасное дело, исключая те два случая, когда я шел рука об руку с Тарс Таркасом; теперь же, предоставленный самому себе, я продвигался между столами и стульями, спотыкаясь и падая подобно огромному кузнечику. Получив несколько весьма ощутимых ушибов, к большому удовольствию марсиан, я опять хотел прибегнуть к испытанному способу ползанья, но это оказалось для них нежелательным, и я был грубо поставлен на ноги каким-то огромным детиной, который больше всех смеялся над моими неудачами.

Когда он наградил меня тумаком, чтобы поставить на ноги, физиономия его была от меня на очень близком расстоянии, и я сделал то, что оставалось сделать джентельмену, попавшему в атмосферу грубости, необузданности и полнейшего отсутствия уважения прав чужестранца: я ударил его кулаком по челюсти, и он свалился наземь, как заколотый бык. Когда он упал, я повернулся и прислонился спиной к одному из пюпитров, ожидая мстительного нападения его товарищей, и твердо решил дать им перед смертью хороший бой, насколько позволят мне неравные силы.

Но опасения мои оказались совершенно необоснованными, так как остальные марсиане, в первый момент совершенно ошеломленные моим поступком, в конце концов разразились диким хохотом и бурными рукоплесканиями. В этот момент я не знал, как мне понять всю эту сцену, но позднее узнал, что они почтили меня выражением своего одобрения.

Верзила, которого я сшиб с ног, лежал на том же месте, где он свалился, но ни один из товарищей даже не подошел к нему. Тарс Таркас подошел ко мне, протянул одну из своих рук, и так

мы дошли до площади без дальнейших приключений. Я не знал, зачем мы пришли на открытое место, но вскоре получил разъяснение этому. Вначале они несколько раз повторили слово "сак". Затем Таркас сделал несколько прыжков, причем перед каждым произносил слово "сак". Затем, обернувшись ко мне, он сказал "сак". Я понял смысл их желания и, собравшись с силами, сделал такой "сак", что поднялся на добрые полтораста футов; но на этот раз я не потерял равновесия, а встал на ноги, даже не упав. Затем несколькими прыжками по 20-30 футов я возвратился к группе воинов.

Мое представление было дано в присутствии нескольких сот маленьких марсиан, и они немедленно стали просить повторения. Верховный вождь не преминул дать мне соответствующий приказ, но я был голоден, хотел пить и тут же решил, что единственным выходом из этого положения будет потребовать от этих уродов внимания к себе, которое вряд ли будет выказано ими по доброй воле. Поэтому, не обращая внимания на повторные приказы "сак", я, как только произносилось ими это слово, показывал на свой рот и потирал живот.

Тарс Таркас и верховный вождь обменялись несколькими словами и первый, вызвав из толпы молодую женщину, дал ей какое-то распоряжение и сделал мне знак, чтобы я последовал за ней. Я ухватился за предложенную мне руку, и мы вместе стали пересекать площадь по направлению к большому зданию по ту сторону ее.

Моя "красивая" спутница была около восьми футов ростом. Она только что достигла зрелости, но рост ее еще не достиг своего максимального предела. Вся она была светло-зеленого цвета, с гладкой, лоснящейся кожей.

Как я узнал потом, ее имя было Сола, и она принадлежала к свите Тарс Таркаса. Она привела меня в большую комнату, помещавшуюся в одном из зданий, выходящих на площадь. Судя по разбросанным на полу лоскутам шелка и меха, это была спальня туземцев.

Комната освещалась несколькими большими окнами и была красиво украшена стенной живописью и мозаикой, но на всем этом лежал как бы неопределенный отпечаток древности, который ясно говорил о том, что архитекторы и строители этих чудесных произведений искусства не имели ничего общего с этими дикими полузверьми, обитающими в них теперь.

Сола знаком попросила меня сесть на кучу шелка посреди комнаты и, обернувшись, издала страшный шипящий звук, как бы

подавая знак кому-то, находящемуся в соседнем помещении. В ответ на ее зов я впервые увидел новое чудо Марса. Оно вошло, покачиваясь на десяти тонких ножках, и село на корточки перед девушкой, подобно послушному щенку. Чудовище было ростом с шотландского пони, но голова его несколько напоминала голову лягушки, за исключением лишь того, что челюсти его были снабжены тремя рядами острых, длинных клыков.

V.

Я УСКОЛЬЗАЮ ОТ СВОЕЙ СТОРОЖЕВОЙ СОБАКИ

Сола посмотрела прямо в злые глаза странного зверя, произнесла повелительным тоном одно или два слова, указала на меня и вышла из комнаты. Меня крайне интересовал вопрос, что будет делать это кровожадное с виду чудовище, оставленное наедине в непосредственной близости с таким изысканным мясным блюдом, как я; но опасения мои оказались напрасными, так как, осмотрев меня весьма внимательно, это безобразное создание пересекло комнату по направлению к единственному выходу на улицу и вытянулось во всю свою длину у порога.

Это было мое первое знакомство с марсианской сторожевой собакой, но опыт этот оказался не последним, так как зверь добросовестно охранял меня все то время, которое я провел в качестве пленника среди этих зеленых уродов. Дважды это чудовище спасало мне жизнь и ни разу не покидало меня ни на минуту.

Я воспользовался отсутствием Солы, чтобы осмотреть комнату, которая оказалась местом моего заключения. Стенная живопись изображала сцены редкой и прекрасной красоты: горы, реки, озера, моря, луга, деревья и цветы, извилистые проселочные дороги - словом, все то, что могло бы быть изображением видов Земли, если бы не иная окраска растительности. Работа принадлежала, очевидно, руке большого мастера, так прозрачна была атмосфера, так совершенна техника выполнения; но нигде ни одного изображения животного, человека или зверя, на основании которого я мог бы судить об этих иных, вероятно вымерших, обитателях Марса.

Пока я представлял своей фантазии совершать бешено-необузданный полет в поисках возможного объяснения странных аномалий, с которыми мне пришлось столкнуться на Марсе, Сола возвратилась с едой и питьем. Она поставила то и другое на пол возле меня, а сама села поодаль, не сводя с меня внимательного взгляда. Еда состояла из фунта какого-то плотного вещества - консистенции нашего сыра, лишенного всякого вкуса, а жидкость представляла собой, очевидно, молоко какого-то животного. Она не была неприятна на вкус, хотя была несколько кисловата и впоследствии я очень полюбил ее. Происходила она, как я узнал позднее, не от животного, так как на всем Марсе имеется лишь одно млекопитающее, являющееся, конечно, здесь большой редкостью, а добывается эта жидкость из большого растения, растущего совершенно без воды, накапливающего, однако, свой обильный запас молока из продуктов почвы, влаги, воздуха и лучей солнца. Одно такое растение дает от восьми до десяти четвертей молока в день.

Насытившись, я почувствовал себя значительно подкрепленным. Ощущая непреодолимую потребность в отдыхе, я растянулся на шелковых тряпках и вскоре заснул. Я проспал, очевидно, несколько часов, так как, когда проснулся, было темно и мне было очень холодно. Я обнаружил, что кто-то набросил на меня мех, но он соскользнул с меня, и в темноте я никак не мог найти его. Вдруг чья-то рука положила на меня мех, а вскоре прибавила к нему еще один.

Я подумал, что это Сола была моим верным стражем и не ошибся. Из всех зеленых марсиан, с которыми мне пришлось сталкиваться, только в этой девушке я нашел черты симпатии, приветливости и преданности.

Ее забота не удовлетворении моих физических нужд была неусыпна, и доброе ее отношение ко мне избавляло меня от многих страданий и трудностей.

Как я узнал впоследствии, ночи на Марсе чрезвычайно холодные, а так как здесь нет ни сумерек, ни зари, то перепады температуры всегда очень резки и неприятны, как и переход от яркого дневного света к полному мраку. Ночи либо ярко освещены, либо совершенно темны.

Если на небе нет ни одной из двух лун Марса, внизу царит абсолютный мрак, так как недостаточное количество атмосферы, вернее, слишком разряженная атмосфера не пропускает звездный свет на большие расстояния; в противном случае, если обе луны появляются ночью на небе, то поверхность планеты ярко освещена.

Обе луны Марса значительно ближе к этой планете, нежели наша Луна к Земле. Ближайшая луна находится от Марса всего на расстоянии в пять тысяч миль; наша же Луна отделена от Земли расстоянием в четверть миллиона миль.

Ближайшая к Марсу луна делает полное обращение вокруг планеты в течение семи с половиной часов, так что два-три раза в ночь можно видеть ее пролетающей по небу, подобно огромному метеориту, и при каждом своем пробеге она показывает все свои фазы.

Более отдаленная от Марса луна обращается вокруг него в тридцать с четвертью часов и, вместе со своим спутником, превращает ночную панораму на Марсе в исключительно величественное и великолепное зрелище. И хорошо, что природа так милостиво и щедро осветила ночь на Марсе, так как зеленые марсиане, будучи кочевым племенем без высокого интеллектуального развития, имеют в своем распоряжении лишь самые примитивные средства искусственного освещения, применяя главным образом факелы, род свечи и известную лишь на Марсе масляную лампу, испускающую особый газ и горящую без светильни.

Изобретенье это дает очень яркий, далеко распространяющийся белый свет, но так как натуральное масло, требующееся для него, может быть добыто лишь посредством рудокопных работ в нескольких весьма отдаленных и глухих местах, то аппарат этот применяется очень редко обитателями Марса, так как они заботятся лишь о заполнении дневного времени, а отвращение ко всякому мыслительному труду оставило их в полудиком состоянии в течение неисчислимого ряда лет.

После того, как Сола привела в порядок мои покрывала, я вновь заснул и не просыпался уже до самого утра. Остальные пять обитателей комнаты были все женщины, и все они еще спали, покрытые целыми грудами пестрого шелка и мехов. У порога лежал, вытянувшись, бессонный сторожевой зверь, точно в той же позе, каким я видел его накануне. По-видимому, с тех пор он не пошевелил ни единым мускулом; глаза его были неотрывно устремлены на меня, и я подумал о том, что было бы со мной, если бы мне вздумалось бежать.

Я всегда был склонен к приключениям и созданию экспериментов там, где более разумные люди спокойно выжидали бы естественного хода событий. На этот раз мне пришла в голову мысль, что лучшим способом изучения истинного отношения ко

мне этого чудовища будет попытка выйти из комнаты. Я был совершенно уверен, что стоит мне только выйти из здания, и я с легкостью ускользну от него, так как начал твердо верить в свои прыгательные способности. Судя же по его коротким ножкам, я мог с уверенностью сказать, что страж мой не прыгун и даже не скороход.

Медленно и осторожно я встал на ноги, и в то же мгновение мой часовой сделал то же самое. Я осторожно продвигался к нему, причем обнаружил, что при помощи качающейся поступи я могу сохранять равновесие и довольно быстро продвигаться вперед. Когда я приблизился к чудовищу, оно отодвинулось в сторону, чтобы дать мне пройти, затем двинулось за мной, следуя на расстоянии десяти шагов, пока я шагал по пустынным улицам.

- Очевидно, его миссия состоит лишь в моей охране,- подумал я. Но когда мы дошли до окраины города, оно внезапно прыгнуло вперед меня, издавая странные звуки и обнажая свои уродливые и страшные клыки. Желая немного позабавиться, я бросился к нему и в двух шагах от него прыгнул вверх, поднялся высоко над ним и вылетел за пределы города. А он несся вперед с быстротой, которая казалась мне совершенно невероятной. Я думал, что его короткие ноги с быстротой не могут иметь ничего общего, но оказалось, что если бы он пустился бежать вместе с борзыми собаками, то последние показались бы спящими по сравнению с ним. Как я узнал потом, это самое быстрое животное на Марсе. Благодаря сообразительности, преданности и свирепости, его употребляют на охоте, на войне и в качестве сторожа.

Я вскоре понял, что мне трудно будет ускользнуть от когтей чудовища, если буду продвигаться по прямой линии, поэтому я стал бросаться в разные стороны, поднимаясь в воздух каждый раз, как только он приближался ко мне. Этот маневр принес мне значительное преимущество над моим преследователем, и я достиг города намного раньше его, а когда он, совершенно выведенный из себя, добежал до меня, я прыгнул на тридцать футов вверх и вскочил прямо в окно одного из зданий, выходящих в долину.

Ухватившись за подоконник, я уселся на нем, не заглядывая внутрь здания и не отводя взора от разъяренного животного внизу. Торжество мое, однако, было весьма кратковременным, так как не успел я удобно примоститься на подоконнике, как огромная рука схватила меня сзади за шиворот и с силой втащила в комнату. Здесь я был брошен на спину и увидел прямо перед

собой колоссальное обезьяноподобное существо, белое и безволосое, за исключением лишь огромного пука щетинистых волос на голове.

VI.

БИТВА, ОДАРИВШАЯ МЕНЯ ДРУЗЬЯМИ

Существо, гораздо больше походившее на наших земных людей, нежели виденные мною до сих пор зеленые марсиане, держало меня пригвожденным к полу при помощи одной громадной лапы, одновременно болтая и оживленно жестикулируя другой. Второе существо, очевидно, товарищ первого, вскоре приблизилось к нам, неся в руке большую каменную дубинку, которой оно, очевидно, собиралось прихлопнуть меня.

Существа эти были от десяти до пятнадцати футов высоты, когда они стояли прямо во весь рост, и имели, подобно зеленым марсианам, по несколько промежуточных рук и ног, посредине между верхними и нижними конечностями. Глаза их были посажены близко один к другому и не вращались, уши помещались высоко, но более по бокам головы, чем у зеленых марсиан, их зубы и морды были точно такие же, как у нашей африканской гориллы. В общем они даже не лишены были привлекательности по сравнению с зелеными марсианами.

Дубинка уже покачивалась под сводом комнаты, прямо над моим обращенным вверх лицом, как вдруг какое-то ужасное многоногое животное ворвалось в дверь и бросилось на моего палача. С воплем ужаса державшая меня обезьяна выскочила в открытое окно, в то время как ее товарищ схватился не на жизнь, а на смерть с моим избавителем, оказавшимся не кем иным, как моим верным сторожевым зверем. Я никак не мог заставить себя называть это чудовищное существо собакой.

Я постарался как можно быстрее вскочить на ноги и, прислонившись к стене, стал наблюдать схватку, лицезрение которой выпадает на долю немногим. Сила, ловкость и ярость этих двух существ не похожи ни на что, известное земному человеку. Первый прием дал преимущество моему защитнику, так как его могучие когти впились в грудь его соперника, но огромные лапы и руки обезьяны, снабженные мускулами, значительно превосхо-

дящими мускулы виденных мною до сих пор марсиан, охватили горло моего стража и медленно выжимали из него жизнь, запрокинув ему голову назад, так что я был уверен, что тот каждую секунду может упасть со сломанной шеей.

Грудь обезьяны была изодрана в клочья ужасными когтями моего спасителя. Они катались по полу, причем ни один не издал ни звука ужаса или боли. Я видел, что глаза моего зверя совершенно вылезли из орбит, а из ноздрей его течет кровь. Было совершенно очевидно, что он слабеет, но то же самое происходило и с обезьяной, движения которой делались все менее и менее резкими.

Внезапно я пришел в себя и, следуя странному инстинкту, который всегда призывал меня к исполнению моего долга, схватил дубину и, взмахнув ею, изо всей силы ударил обезьяну по голове, расколов ее череп, как яичную скорлупу.

Не успел я нанести этот удар, как уже стоял лицом к лицу с новой опасностью. Товарищ обезьяны, пришедший в себя после первого ощущения ужаса, вернулся в дом каким-то внутренним выходом. Я заметил его прежде, чем он успел войти в дверь, и, должен сознаться, что при виде его, ревущего над безжизненным телом товарища, охваченного безграничной яростью, с пастью, покрытой пеной - мою душу охватили мрачные предчувствия.

Я согласен вступить в борьбу, когда шансы противника не слишком превышают мои, но в данном случае я не усматривал целесообразности в попытке померяться с ним силой. По моему мнению, единственным исходом такого столкновения должна была быть моя смерть.

Я стоял близко к окну, и у меня мелькнула мысль, что стоит мне очутиться на улице, как я смогу достичь площади и одновременно полной безопасности прежде, чем зверь успеет схватить меня; тут был шанс на спасение при помощи взлета, против смерти, совершенно определенной в том случае, если я останусь и вступлю в отчаянную борьбу.

Правда, в руке у меня была дубина, но что я мог поделать с ней против четырех огромных лап моего соперника. Если даже я сломаю одну из них первым ударом, он схватит и сомнет меня остальными прежде, чем я соберусь с силами для вторичного нападения.

В то время как эти мысли проносились у меня в голове, я обернулся к окну, чтобы привести свой план в исполнение, но в этот момент мой взор упал на моего стража, и мой проект полета испарился. Он лежал на полу совершенно обессиленный, и ог-

ромные глаза его не отрываясь глядели на меня с выражением мольбы и защиты. Я не мог противостоять этому взгляду, не мог покинуть своего спасителя, не вступившись за него, так же, как он вступился за меня. Итак, без дальнейших колебаний я повернулся, чтобы встретить нападения разъяренной обезьяны. Она была теперь так близко от меня, что я мог пустить в ход дубину соответствующим образом, поэтому я просто нанес ей сильный удар. Удар пришелся под колено; зверь взвыл от ярости и боли. Он потерял равновесие и повалился прямо на меня с протянутыми вперед руками.

Опять, как накануне, я прибег к человеческим приемам: кулаком правой руки я нанес ему сильный удар в подбородок, и непосредственно за этим моя левая рука ударила его под ложечку. Эффект превзошел все ожидания: когда после второго удара я отступил немного в сторону, он взвыл и упал навзничь, извиваясь от боли и задыхаясь. Перепрыгнув через его распростертое тело, я схватил дубинку и прикончил его, не дав ему даже подняться на ноги. Когда я нанес второй удар, тихий смех раздался позади меня. Обернувшись, я увидел Тарса Таркаса, Солу и еще трех или четырех воинов, стоявших в дверях комнаты. Когда глаза мои встретились с их глазами, я вторично услышал рукоплескания, которым они дарят немногим, да и то в исключительно редких случаях.

Проснувшись, Сола заметила мое отсутствие, о чем быстро уведомила Тарса Таркаса, немедленно отправившегося с горсточкой воинов на поиски. Когда они приблизились к окраине города, то оказались свидетелями поступков разъяренной обезьяны, бросившейся внутрь здания.

Они последовали за ней, не полагая, однако, что она поможет им обнаружить мое местопребывание. И вдруг, совершенно неожиданно для самих себя, они оказались зрителями разыгравшейся на их глазах короткой, но решительной схватки. Этот бой, равно как и вчерашний с молодым воином, а также моя ловкость по части прыжков сильно подняли меня в их глазах. Не признавая никаких утонченных чувств дружбы, любви или преданности, люди эти преклонялись перед физической силой и отвагой. До тех пор объект кажется им дорогим для обожания, пока он поддерживает свое положение повторением примеров ловкости, силы и храбрости.

Сола, сопровождавшая по собственному желанию воинов, искавших меня, была единственным существом, которое не смеялось, когда я боролся за свою жизнь. Напротив, она, казалось, была охвачена мрачным беспокойством, и как только я прикон-

чил чудовище, бросилась ко мне и заботливо осмотрела мое тело, ища на нем раны или повреждения. Удостоверившись, что я вышел из битвы целым и невредимым, она спокойно улыбнулась, и, взяв меня за руку, направилась к двери комнаты.

Тарс Таркас и другие воины вошли в комнату и остановились возле быстро приходившего в себя существа, спасшего мою жизнь, и жизнь которого я спас в свою очередь. Они, по-видимому, о чем-то рассуждали, и, наконец, один из них обратился ко мне, но, вспомнив, что я не знаю их языка, вновь обернулся к Тарсу Таркасу, который одним словом и жестом отдал какое-то приказание воину и повернулся, чтобы последовать за нами.

Во всем этом я усмотрел что-то угрожающее моему зверю, и не решался уйти прежде чем не узнаю, в чем дело. И я хорошо сделал, так как воин вытащил из-за пояса огромный пистолет и уже хотел прикончить им животное, но я прыгнул к нему и схватил его за руку. Пуля пробила деревянную облицовку окна и взорвалась, пробив огромное отверстие в дереве и каменной кладке.

Когда я встал на колени возле этого ужасного на вид существа и, поставив его на ноги, приказал ему следовать за мной. Мой поступок привел марсиан в полнейшее недоумение: они совершенно не понимали таких чувств, как благодарность и сострадание. Воин, у которого я выбил из рук оружие, вопросительно посмотрел на Тарса Таркаса, но тот знаком приказал предоставить мне возможность поступать по моему усмотрению. Итак, мы возвратились на площадь - за мной по пятам следовал мой большой безобразный зверь, а рядом со мной шла Сола. В конце концов, на Марсе у меня оказалось двое друзей - молодая женщина и безгласный зверь, в бедной, уродливой оболочке которого было больше любви, нежели у всех зеленых марсиан, скитавшихся по мертвым морям Марса.

VII.

ДЕТИ МАРСИАН

После завтрака, который был точной копией меню предыдущего дня и прототипом всех фактически последовавших за ним в течение всего того времени, что я пробыл с зелеными людьми Марса, Сола провела меня на площадь, где я застал всю общину

занятой наблюдением за работой по загрузке огромных мастодонтообразных животных в большие трехколесные повозки. Там было около двух с половиной сотен этих повозок, в каждую было впряжено по одному животному. Судя по их виду, каждое из них легко могло бы вынести на себе целый основательно нагруженный фургон фуража.

Сами повозки были велики, удобны и роскошно разукрашены. На каждой из них сидела женщина-марсианка, увешанная металлическими украшениями, драгоценными камнями и мехами, а на спине животного, везшего повозку, восседал молодой марсианский возница. Подобно животным, на которых ехали воины, более грубые упряжные животные тоже не имели ни удил, ни поводьев и управлялись исключительно при помощи телепатии.

Эта телепатическая сила изумительно развита во всех марсианах и щедро искупает примитивность их языка и сравнительно небольшое количество слов, которыми они обмениваются даже в длинных беседах. Это универсальный язык Марса, посредством которого высшие и низшие животные Марса могут общаться между собой, в большей или меньшей степени, в зависимости от сферы интеллектуальных интересов каждого вида, от развития индивида.

Когда кавалькада, выстроившись гуськом, тронулась в путь, Сола втащила меня в пустую повозку, и мы последовали вместе с процессией по направлению к тому пункту, через который я вступил в город накануне. Во главе каравана ехало около двухсот воинов, по пять в ряд, и такое же количество находилось в арьергарде, между тем, двадцать или тридцать всадников составляли нашу охрану с каждой стороны.

Все, кроме меня, мужчины и женщины, были сильно вооружены, и в хвосте каждой повозки шествовала марсианская собака. Моя собственная собака следовала непосредственно за нами. В самом деле, верное животное в течение всех десяти лет, что я провел на Марсе, ни разу добровольно не покидало меня. Наша дорога проходила через маленькую долину, расположенную перед городом, через холмы и затем вела вниз на дно мертвого моря, которое я пересек в своем путешествии от инкубатора до площади. Инкубатор, как оказалось, был конечным пунктом нашего путешествия в этот день, и вся кавалькада пустилась бешеным галопом, как только мы достигли плоской поверхности морского дна. Вскоре цель наших стремлений предстала перед нашим взором.

Когда мы приблизились к ней, повозки, с точностью, применяемой в военном деле, были расположены по четырем сторонам отгороженного пространства, и человек десять воинов во главе с гигантом-вождем и при участии Тарса Таркаса и нескольких других более мелких главарей спустились на землю и направились к инкубатору. Я видел Тарса Таркаса, объяснявшего что-то главному вождю, имя которого, поскольку я могу передать его земным языком, было Лоркас Птомель Джед, причем Джед было его титулом. Я скоро был посвящен в предмет их беседы, так как Тарс Таркас подозвал Солу, сказав ей, чтобы она послала меня к нему. К этому времени я победил все трудности передвижения в условиях жизни на Марсе, и, быстро выполняя его распоряжение, приблизился с той стороны инкубатора, где стояли воины.

Когда я подошел к ним, то снизу увидел, что почти из всех яиц, за малым исключением, вылупились отвратительные маленькие дьяволята, которыми инкубатор кишмя кишел. Ростом они были от трех до четырех футов и без устали передвигались с места на место, как бы в поисках пищи.

Когда я остановился перед Тарс Таркасом, он указал рукой поверх инкубатора и произнес "сак". Я понял, что он хочет, чтобы я, в назидание Лоркасу Птомелю, повторил свой подвиг вчерашнего дня и, так как должен сознаться, что моя доблесть принесла мне немалое удовлетворение, быстро ответил на его предложение, прыгнув высоко через выстроившиеся повозки в самый дальний конец инкубатора. Когда же я вернулся, Лоркас Птомель пробурчал что-то в мою сторону, а затем, обратившись к своим воинам, отдал в нескольких словах приказ относительно инкубатора. Они больше не обращали на меня никакого внимания и, таким образом, я получил возможность наблюдать за работой, которая свелась к тому, чтобы пробить в стене инкубатора достаточно широкое отверстие, чтобы дать выход юным марсианам.

По обе стороны этого отверстия женщины и более молодые марсиане обоего пола образовали две сплошные стены, протянувшиеся мимо повозок далеко вперед, в равнину, расположенную по ту сторону от них. Между этими стенами маленькие марсиане бежали со всех ног наподобие диких оленей. Им позволили пробежать проход во всю его длину, а затем женщины и старшие дети ловили их по одному, причем последний в ряду ловил первого из маленьких марсиан в момент, когда он достигал конца коридора. Его сосед по ряду ловил второго, и так до тех пор, пока все малютки не покинули инкубатора. Когда женщинам

удавалось захватить маленького, они выходили из ряда и возвращались к своим повозкам, между тем как те малютки, которые попадали в руки молодых людей, потом передавались женщинам. Я увидел, что церемония, если ее можно так назвать, была окончена и, отразившись в поисках Солы, нашел ее в нашей повозке с отвратительным маленьким существом, которое она крепко сжимала в своих объятиях.

Дело воспитания молодых зеленых марсиан заключается единственно в том, чтобы научить их говорить и употреблять оружие, которым их снабжают с самого первого года жизни. Вылупляясь из яиц, в которых они пролежали пять лет,- период инкубации - они выходят на свет вполне развившимися, за исключением роста. Совершенно неизвестные своим матерям, которые в свою очередь затруднились бы указать, хоть с некоторой степенью точности, их отцов, они являются общими детьми и их образование зависит от женщины, которой удалось захватить их, когда они покинули инкубатор.

Их приемные матери могли даже не иметь собственного яйца в инкубаторе, как это было с Солой, которая еще не начала класть яиц, когда менее года тому назад стала матерью младенца другой женщины. Но это не имело никакого значения для зеленых марсиан, так как любовь родителей к детям и детей к родителям так же неизвестна им, как она обычна среди нас.

Я думаю, что эта ужасная система, которая применялась у них веками, явилась прямой причиной утраты всех тонких чувств и более высоких человеческих инстинктов у этих бедных созданий. От рождения они не знают ни отцовской, ни материнской любви, они не понимают значения слов "у себя дома", им внушают, что их существование только терпимо, пока они не докажут своей физической силы и жестокости, не докажут, что они пригодны к жизни. Если окажется налицо какой-нибудь физический недостаток, или вообще какой-нибудь дефект, все равно в каком бы то ни было отношении, их немедленно пристреливают. Не видят они также ни единой слезы, пролитой по поводу многочисленных испытаний, которые им приходится претерпевать, начиная с самого раннего детства.

Я не стану утверждать, что взрослые марсиане намеренно, или без всякой необходимости жестоки к молодым, но они ведут тяжелую и безжалостную борьбу за существование на умирающей планете, все естественные богатства которой истощены до такой степени, что поддержка каждой лишней жизни означает добавочный налог на общину.

Путем тщательного подбора они выращивают только наиболее сильных представителей каждого вида и с почти сверхъестественной дальновидностью регулируют рождаемость с тем, чтобы она только покрывала смертность. Каждая взрослая женщина-марсианка производит на свет около тридцати яиц в год, и те из них, которые достигают требуемых величин, веса и других специфических качеств, скрывают в тайниках некоторой подпочвенной пещеры, где температура слишком низка для инкубации. Каждый год эти яйца внимательно исследуются советом двадцати старейшин, и из ежегодно поставляемого количества уничтожаются все, кроме сотни самых совершенных. К концу пяти лет из нескольких тысяч произведенных на свет яиц бывает отобрано приблизительно пятьсот - тысяча почти совершенных. Пятьсот из них помещают в почти не пропускающие воздух инкубаторы с тем, чтобы они в течение одного пятилетнего периода достигли полного развития под действием солнечных лучей. Вылупливание из яиц, которое мы наблюдали в этот день, было одним из удачнейших в ряде явлений подобного рода, так как все яйца, кроме одного на сотню, оказались созревшими к одному дню. Если из оставшихся яиц впоследствии и вылупились бы маленькие марсиане, мы, во всяком случае, ничего не узнали б о их судьбе. Их появление на свет не было желательным, так как потомство могло унаследовать и передать дальше склонность к более длительному периоду инкубации и, таким образом, подорвать всю систему, которая существовала веками и давала возможность взрослым марсианам определять время возвращения к инкубатору с точностью до одного часа.

Инкубаторы строятся в отдаленных, хорошо защищенных местах, возможность открытия которых другими племенами мала, или даже вовсе невероятна. Последствием обнаружения инкубатора чужими племенами оказалось бы отсутствие детей в общине еще на один пятилетний период. Впоследствии мне пришлось быть свидетелем результатов такой катастрофы.

Община, часть которой составляли зеленые марсиане, с которыми меня связала судьба, состояла из тридцати тысяч душ. Они кочевали по огромному пространству бесплодной, или почти бесплодной почвы между сороковым и восьмидесятым градусом южной широты, граничившей на востоке и западе с двумя большими плодородными областями. Их главные квартиры были расположены в юго-западном углу этого участка, вблизи от пересечения двух так называемых " марсианских каналов".

Так как инкубатор был расположен далеко к северу от их собственной территории, по-видимому, на необитаемой и никем не посещаемой равнине, нам предстояло ужасное путешествие, относительно которого я, естественно, ничего не знал.

После нашего возвращения в мертвый город я провел несколько дней в полном бездействии. На следующий день после нашего возвращения воины уехали куда-то рано утром и вернулись только к моменту наступления темноты. Как я узнал позже, они были в подземных пещерах, в которых сохранялись яйца, и перенесли их в инкубатор, стену которого они затем снова заделали на новый пятилетний период. Подземные помещения, в которых яйца хранились до своего перемещения в инкубатор, были расположены намного миль южнее, чем инкубатор, и каждый год их посещал совет из двадцати старейшин.

Обязанности Солы увеличились теперь вдвойне, так как она была принуждена заботиться о юном марсианине, так же как и обо мне, но ни один из нас не требовал большого внимания, и так как мы были одинаково подвинуты в марсианском образовании, то Сола взялась обучать нас обоих вместе.

Добычей Солы оказался младенец мужского пола, около четырех футов вышины, очень сильный и прекрасно сложенный. К тому же он хорошо учился и мы достаточно забавлялись, или, по крайней мере, я забавлялся тем отношением, которое воцарилось между нами. Марсианский язык, как язык, как я уже сказал, чрезвычайно прост, и через неделю я мог сделать понятными все свои желания и сам понимал все, что мне говорилось. Точно также под руководством Солы я до такой степени развил свои телепатические способности, что скоро мог ощущать практически все, что происходило вокруг меня.

Больше всего удивляло во мне Солу то, что в то время, как я легко схватывал телепатические проявления других, и часто даже тогда, когда они вовсе не для меня предназначались, никто не мог ни при каких обстоятельствах разобрать, что бы то ни было, исходившее из моего сознания.

Вначале это уязвляло меня, но впоследствии я был очень рад этому, так как это давало мне несомненное преимущество над марсианами.

VIII.

НЕБЕСНАЯ ПЛЕННИЦА

На третий день после церемонии, проделанной у инкубатора, мы выступили в путь, направляясь домой; но, едва только голова процессии вступила на открытое пространство, перед городом, как был отдан приказ к немедленному и спешному возвращению. Как существа, тренировавшиеся много лет в такого рода маневрах, зеленые марсиане рассеялись, как туман, скользнув в просторные двери прилежащих строений, и меньше, чем в три минуты не осталось и следа от целого каравана повозок, мастодонтов и вооруженных всадников.

Сола и я вошли в строение, расположенное в самом начале города. Это было то самое здание, в котором произошла моя встреча с обезьянами, и я, желая узнать, что вызвало непонятное отступление, поднялся на верхний этаж и выглянул из окна на лежащие впереди долину и горы. Тут я увидел причину, вызвавшую их неожиданное отступление под прикрытие. Огромное парусное судно, длинное, низкое, выкрашенное в серый цвет, медленно летело через гребень ближайшей горы. Следуя за ним, шло второе, третье и затем еще одно, и так до тех пор, пока не показалось двадцать штук, которые летели низко над поверхностью почвы, медленно и величественно направляясь к нам.

На каждом из них было странное знамя, перекинутое над палубой от носа до кормы, а носу каждого судна был изображен необычный девиз, который сверкал в солнечных лучах и был ясно виден на том расстоянии, на каком находились мы от них. Я мог различить фигуры, толпившиеся на верхней и средней палубах воздушного судна. Открыли ли они наше присутствие или просто смотрели на покинутый город, я не мог бы сказать, но, во всяком случае, их ожидала жестокая встреча, так как внезапно и без всякого предупреждения зеленые марсиане дали залп из окон строений, смотревших на маленькую долину, над которой так мирно продвигались вперед большие корабли.

Моментально сцена как бы магически изменилась. Передовое судно метнулось в нашу сторону, поворачиваясь боком, и, наводя свои пушки, ответило на наш залп, в то же самое время продвигаясь на небольшое расстояние параллельно нашему фронту, а затем повернуло обратно с очевидным намерением, описав большой круг, вновь очутиться на позиции против линии нашего огня.

Остальные суда шли по его кильватеру, причем каждое из них выпустило в нас залп, когда первое судно встало в позицию. Наш собственный огонь отнюдь не уменьшался, я сомневаюсь в том, что хотя бы процентов 25 наших выстрелов были даны на ветер. Мне никогда еще не доводилось видеть более смертоносной точности прицела и, казалось, что взрыв каждого ядра заставлял падать одну из маленьких фигур на корабле, а знамена и палуба вспыхивали языками пламени, когда не знавшие промаха воины падали вниз.

Огонь с кораблей был почти безрезультатен, как я впоследствии узнал, благодаря внезапности нашего первого залпа, который застал команду кораблей совершенно врасплох, и вследствие того, что аппараты для выверки прицела пушек были не защищены от устрашающей меткости наших воинов.

У каждого зеленого воина есть вполне определенные объекты, куда он должен направлять свои выстрелы. Например, один из них, всегда лучшие стрелки направляют свой огонь исключительно против беспроволочных аппаратов и против аппаратов для выверки прицела тяжелых орудий нападающего флота; другие выполняют ту же задачу против меньших пушек; третьи - подстреливают канонников; следующие - офицеров. Наконец, известное количество сосредотачивает свой огонь против остальных членов команды на верхней части судна, на штурвале и пропеллерах.

Через двадцать минут после первого выстрела большой флот, сильно подбитый, улетел в том же направлении, откуда он появился вначале. Некоторые из кораблей давали заметный крен и, казалось, поредевшая команда едва-едва управляет ими. Их огонь совершенно прекратился и вся их энергия, казалось, сосредоточилась на бегстве. Когда наши воины ринулись на крышу строений, которые мы занимали, и проводили отступавшую армаду продолжительным и беспощадным ружейным огнем.

Как бы то ни было, кораблям, одному за другим удалось нырнуть за гребень выступавших перед нами гор. На виду осталось одно едва двигавшееся судно. Оно как раз приняло на себя первый удар и теперь, казалось, совершенно опустело, так как на его палубах не было видно ни одной движущейся фигуры. Медленно оно отклонилось от своего пути, описывая круг в обратную сторону по направлению к нам, двигаясь странным и возбуждающим жалость образом. Мгновенно воины прекратили огонь, было вполне очевидно, что корабль совершенно беспомощен и лишен

возможности причинить вред, так как не мог даже управлять своими движениями на пути к спасению.

Когда судно приблизилось к городу, воины устремились наружу, на равнину, чтобы встретить его, но оно было еще слишком высоко, для того, чтобы взобраться на его палубу. Со своей удобной позиции у окна я мог наблюдать на палубе разбросанные тела, хотя и не мог различить, к какому роду существ они принадлежат. На судне не было никаких признаков жизни, в то время, как оно медленно относилось легким ветерком в юго-западном направлении.

Оно летело над землей на высоте приблизительно пятидесяти футов, сопровождаемое почти всеми воинами, за исключением одной сотни, которой было приказано вернуться на крыши для защиты от возможного возвращения флота для подкрепления. Вскоре стало очевидным, что корабль ударится о фасад здания приблизительно на милю южнее наших позиций, и несколько воинов помчались галопом вперед, сошли на землю и вошли в здание, к которому, казалось, кораблю суждено было пристать. Когда судно приблизилось к строению, как раз перед тем, как ему удариться, марсианские воины прыгнули на палубу из окон и своими длинными копьями уменьшили силу столкновения, затем, в течение нескольких мгновений, они сбросили якорь, а люди, стоявшие внизу, стащили большой корабль на почву.

После того, как воины закрепили якорь, они толпой бросились на палубу судна и обыскали его от носа до кормы. Я видел, как они рассматривали мертвых матросов, очевидно, отыскивая в них признаки жизни. Затем внизу появилась группа воинов, тащившая за собой маленькую фигурку. Это существо было вдвое меньше ростом зеленых марсианских воинов, и со своего балкона я мог видеть, что оно ступало прямо на двух ногах. Я предположил, что это образец какого-нибудь нового и странного, свойственного Марсу уродства, которого я до сих пор еще не видел.

Они спустили своего пленника на землю и затем приступили к систематическому разгрому корабля. Эта операция потребовала несколько часов, в течение которых было затребовано известное число повозок, чтобы перевезти добычу, которая состояла из оружия, амуниции, шелков, мехов, драгоценностей, каменных кораблей со странной резьбой и некоторого количества съестных припасов и напитков, включая сюда множество касок с водой, первой водой, которую я увидел на Марсе.

После того, как последняя часть добычи была увезена, воины прикрепили канаты к кораблю и протащили его на буксире в

долину, на довольно большое расстояние в юго-западном направлении. Затем несколько из них взошли на него и с большим рвением занялись, как мне показалось с моей отдаленной позиции, опустошением карманов на мертвых телах матросов и всякого рода кладовых, и хранилищ взрывчатых веществ на корабле.

Закончив эту операцию, они поспешно соскользнули по канатам на почву. Последний из воинов, который должен был покинуть судно, повернулся и бросил назад что-то на палубу. Затем он подождал мгновение, чтобы убедиться в последствиях своего поступка. Когда в том месте поднялся бледный столб пламени, он перекинулся через борт и тотчас очутился на почве. Едва он успел спуститься, как канаты сразу отделились от корабля и огромное военное судно, сделавшееся значительно легче после разгрома, величественно устремилось в воздух, тогда как его палуба и верхняя часть являли собой сплошную массу огня.

Медленно оно направлялось к юго-востоку, поднимаясь все выше и выше, по мере того, как огонь пожирал его деревянные части и уменьшал тем самым его вес. Поднявшись на крышу здания, я наблюдал за ним до тех пор, пока в конце концов оно не затерялось в туманной безбрежности мирового пространства. Зрелище могло довести до крайнего ужаса наблюдателя, видящего, как эта грандиозная качающаяся надгробная пирамида летит без руля и паруса по пустынным безднам марсианских небес, брошенная на произвол смерти и разрушения, олицетворяя собой жизненную историю тех странных и жестоких существ, во вражеские руки которых рок бросил его. Сильно угнетенный, но не отдавая себе отчета в этом, я медленно спустился на улицу. Сцена, которой я был свидетелем, казалось, указывала на поражение и уничтожение сил родственного мне народа, скорее, чем на разгром зелеными марсианскими воинами орды им же подобных, хоть и враждебных существ.

Я не мог осознать чудившуюся мне галлюцинацию, но не мог также освободиться от нее. Где-то в самых глубоких тайниках своей души я ощущал странную тоску по этим неведомым врагам, и во мне проснулась могучая надежда, что флот вернется и потребует от зеленых воинов отчета, за что они так беспощадно и безосновательно напали на него.

За мною по пятам - теперь это было привычное для нее место - шла Вула, собака, а когда я показался на улице, Сола кинулась ко мне, как будто давно искала меня.

Кавалькада возвратилась на площадь - обратное путешествие домой было отложено из-за страха перед ответной атакой воздушного флота.

Лоркас Птомель был слишком хитрым старым воином, чтобы быть пойманным на открытой равнине с караваном из повозок и детей и, таким образом, мы остались в покинутом городе и опасность, казалось, исчезла.

Когда Сола и я вышли на площадь, перед моими глазами предстало зрелище, которое наполнило все мое существо волной смешанных чувств надежды, страха, восторга и уныния, и все же надо всем преобладало едва уловимое ощущение облегчения и радости, потому что, как раз в тот момент, как мы приблизились к толпе марсиан, мне удалось бросить взгляд на пленницу с военного корабля, которую несколько зеленых марсианок грубо тащили в ближайшее здание. Перед моими глазами была гибкая девичья фигурка, до мельчайших деталей подобная всем земным женщинам моей прошлой жизни. Она не видела меня вначале, но как раз в тот момент, когда она исчезла через портал строения, которое должно было стать ее тюрьмой, она повернулась и ее глаза встретились с моими.

Ее лицо было овальной формы и необычайно прекрасно, каждая черта его была как бы выточена и поражала своей изысканностью; глаза были огромными и блестящими, а голову ее, с которой сбегали волны черных, как смоль, волос (вьющихся) украшала странная, но красившая ее прическа. Ее кожа была оттенка красноватой меди на фоне которой горячий румянец ее щек и рубин ее чудесно вырезанных губ выделялись с чарующей прелестью.

Она была также лишена одежды, как и сопровождающие ее зеленые марсианки. За исключением украшений очень тонкой работы, она была совершенно обнажена, но никакие наряды не могли бы возвысить красоту ее совершенной и гармоничной фигуры. Когда ее взор остановился на мне, глаза широко открылись от удивления и она подала легкий знак своей свободной рукой, знак, который, разумеется я не понял. Только один момент мы смотрели друг на друга, а затем выражение надежды, радости, которое засияло на ее лице, когда она увидела меня, погасло, превратившись в выражение крайнего отвращения, смешанного с ненавистью и презрением. Я догадался, что не ответил на ее знак, и при всей своей неосведомленности о марсианских обычаях, я интуитивно почувствовал, что она взывала о помощи и покровительстве, и что мое несчастное невежество помешало мне отве-

тить на ее призыв. Итак, ее поволокли в глубину заброшенного здания, и она исчезла с моих глаз.

IX.

Я ИЗУЧАЮ ЯЗЫК

Когда я пришел в себя, то взглянул на Солу,которая присутствовала при этой встрече и был поражен, заметив какое-то странное выражение на ее обычно бесстрастном лице. Я не знал, что она думает, так как до сих пор мало изучил язык марсиан; я знал его достаточно только для удовлетворения моих повседневных потребностей.

Когда я дошел до входа в наше строение, меня ожидал странный сюрприз. Ко мне приблизился воин, держа в руках оружие, амуницию и все принадлежности подобного рода. Он вручил мне все это с несколькими нечленораздельными словами и с выражением уважения и угрозы одновременно.

Позднее Сола, с помощью нескольких других женщин, переделала все эти принадлежности, чтобы приспособить их к моим меньшим пропорциям и после того, как она закончила эту работу, я стал выходить, облаченный во все военные доспехи.

С этого дня Сола стала посвящать меня в тайны обращения с разным оружием, и я вместе с юным марсианином проводил на площади по несколько часов ежедневно, практикуясь в этом деле.

Я еще не был искусен в обращении со всеми видами оружия, но мое знакомство с подобного вида земным оружием превращало меня в необыкновенно способного ученика, и я делал большие успехи.

Моим обучением и обучением юного марсианина руководили исключительно женщины,которые занимаются не только обучением юношества военному искусству, но одновременно являются мастерами, производящими все изделия промышленности, употребляемые зелеными марсианами. Они изготавливают порох, патроны, огнестрельное оружие - одним словом, все, обладающее какой-либо ценностью, производится женщинами.

Во время войны из них формируется часть резервов и, в случае необходимости, они сражаются даже с большей сообразительностью и жестокостью, чем мужчины.

Мужчины совершенствуются в более сложных вопросах военного искусства - в стратегии и маневрировании большими войсковыми частями. Они вырабатывают законы по мере необходимости в этом, новый закон по поводу каждого нового казуса. Совершая правосудие, они не связаны прецендентными решениями. Обычаи передаются путем повторения из века в век, но наказание за нарушение обычая определяет в зависимости от индивидуальных обстоятельств жюри из лиц, равных преступнику, и я могу сказать, что правосудие редко делает промах и только в редких случаях нарушает приоритет закона. В одном отношении, по крайней мере, марсиане счастливый народ - у них нет адвокатов.

Я не видел пленницы в течение нескольких дней, последовавших после нашей первой встречи, а затем видел только мельком, когда ее вели в большую приемную залу, где произошла моя первая встреча с Лоркасом Птомелем.

Я не мог не заметить резкости и грубости, какие проявляла по отношению к ней стража и которые были так отличны от почти материнской мягкости, с которой относилась ко мне Сола, и от той почтительности, которую я наблюдал со стороны немногих зеленых марсиан вообще, дававших себе труд меня замечать.

В обоих случаях, когда я видел пленницу, мне удалось уловить, что она перекидывалась парой слов со своей стражей, и это убедило меня в том, что они могли говорить друг с другом или, по крайней мере, при помощи какого-то общего языка достигнуть взаимопонимания. С этим новым стимулом я довел Солу, почти до сумасшествия своими навязчивыми просьбами ускорить мое обучение, и через несколько дней я настолько овладел языком марсиан, что был в состоянии довольно сносно поддержать разговор и вполне понимал все то, что слышал.

К этому времени наша спальня, кроме Солы, ее питомца, меня и Вулы, была занята еще тремя или четырьмя женщинами с парой недавно вылупившихся юнцов. После того, как уходили спать, взрослые обычно, прежде чем отправиться спать, в течение короткого промежутка времени вели беспорядочную беседу, и теперь, когда я мог понимать их язык, я всегда внимательно слушал, хотя сам никогда не издавал ни звука.

В ночь, последовавшую за посещением пленницей приемной залы, разговор в конце концов коснулся этой темы, и в один момент я превратился в слух. Я боялся спрашивать Солу о прекрасной пленнице, так как не мог помнить того странного выражения, которое я заметил на ее лице после моей первой встречи с заключенной. Означало ли оно ревность, я не мог бы сказать, но все же, судя по земным меркам, я находил более благоразумным проявлять полную индиферентность в этом вопросе до тех пор, пока не выясню отношение Солы к предмету моих забот.

Саркойя, одна из пожилых женщин, которая делила с нами кров, присутствовала в качестве сражницы при аудиенции и спрашивающе обратились к ней:

- Когда, - спросила одна из женщин, - мы насладимся агонией этой краснокожей? Или Лоркас Птомель Джед намерен держать ее ради выкупа?

- Они решили отвезти ее с нами в Тарк и там предать ее смертным мукам во время великих игр перед Тал Хаджус, - ответила Саркойя.

- Каким образом это произойдет? - спросила Сола. - Она очень миниатюрна и очень красива. Я надеялась, что ее будут держать ради выкупа.

Саркойя и другие женщины недовольно заговорили при проявлении такой слабости со стороны Солы.

- Очень жаль, Сола что вы не родились на миллион лет раньше, - фыркнула Саркойя, - когда все углубления в почве были наполнены водой и люди были столь же податливы, как вещество, по которому они плавали. В наши дни дошли до такой степени прогресса, когда такого рода чувства указывают на слабость и атавизм. Было бы нехорошо для вас обнаружить перед Тарс Таркасом подобные дегенеративные чувства, так как я сомневаюсь, что он в таком случае возложит на вас серьезные обязанности матери.

- Я не вижу ничего дурного в своем отношении к краснокожей женщине, - возразила Сола. _ Она никогда не приносила нам вреда и никогда бы его не принесла, если бы мы попали в ее руки. Только мужчины ее племени воюют с нами, и я иногда думаю, что их позиция по отношению к нам есть только отражение нашей по отношению к ним. Они живут в мире со всеми своими соседями, кроме тех случаев, когда долг призывает их к войне, между тем, как мы не поддерживаем мира ни с кем, мы вечно воюем даже с нами подобными, равно как с красными людьми, и даже в наших

собственных общинах мужчины бьются друг с другом. О! все - один непрерывный ужасный поток крови, начиная с того момента, когда мы пробиваем скорлупу, до тех пор, пока мы с радостью бросаемся в лоно реки сокровенных тайн, в мрачную и древнюю Исс, которая уносит нас к неизвестному, но, по крайней мере, не более страшному и жуткому существованию. Счастлив действительно тот, кого встречает ранняя смерть. Говорите что хотите Тарс Таркасу, он не может выбрать для меня худшей участи, чем продолжение того ужасного существования, которое мы принуждены вести.

Эта дикая вспышка со стороны Солы так сильно удивила и оскорбила других женщин, что после коллективного выговора, сделанного в нескольких словах, воцарилось молчание, и вскоре все заснули. Этот эпизод, во всяком случае, послужил мне на пользу, так как я убедился в дружелюбном отношении Солы к бедной девушке, а также удостоверил в том , что мне исключительно повезло, что я попал в руки Солы, а не других женщин. Я знал, что она хорошо относится ко мне, а теперь, когда я открыл, что она ненавидит жестокость и варварство, я верил, что могу положиться на нее в устройстве моего побега и побега узницы, если только такое в пределах возможного.

Я даже не знал, были ли тут какие-либо условия, ради которых стоило бежать, но я от всей души соглашался поставить на карту все среди существ, созданных по моему подобию, чем оставаться дальше среди отвратительных и кровожадных зеленых людей Марса. Но куда идти и каким образом - было такой же загадкой для меня, как, начиная с сотворения мира, тысячелетние поиски юности для земных людей.

Я решил при первой же возможности довериться Соле и открыто просить ее помощи, и с этим твердым решением я растянулся на своих шелках и мехах и погрузился в тот освежающий и лишенный сновидений сон, каким спал на Марсе.

X.

ПОБЕДИТЕЛЬ И ВОЖДЬ

На следующее утро я спозаранку выбрался на улицу. Мне была предоставлена значительная свобода, и Сола предупредила

меня, что пока я не сделаю попытки покинуть город, я могу приходить и уходить, когда мне угодно. Однако она предостерегла меня, чтобы я не выходил безоружным, так как это город, подобно другим покинутым городам старинной марсианской цивилизации, населен большими белыми обезьянами, с которыми мне пришлось столкнуться уже на второй день моих приключений.

Советуя мне не покидать пределов города, Сола объяснила, что Вула ни в коем случае не допустил бы это. Она настоятельно рекомендовала мне не возбуждать его гнева и не подходить слишком близко к запрещенной территории. Его характер таков, сказала она, что в случае ослушания он вернул бы меня живым или мертвым, - "скорее мертвым" - добавила она.

В это утро я выбрал для своих исследований новую улицу и неожиданно очутился на краю города. Передо мной открылись низкие холмы, прорезанные узкими живописными лощинами. Я жаждал исследовать простирающуюся передо мной местность, и, подобно тем пионерам, от которых я происходил, увидеть ландшафт, скрытый окрестными холмами, и для этого взобраться на одну из вершин, преграждающих мне горизонт.

Мне также пришло в голову, что это отличный способ испытать Вулу. Я был убежден, что это животное меня любит. Я видел в нем гораздо больше признаков симпатии, чем в ком- либо другом из живых существ Марса, и был убежден, что благодарность за двукратное спасение его жизни перевесит его преданность долгу, наложенному на него жестокими бесчувственными хозяевами.

Когда я приблизился к городской черте, Вула поспешно побежал вперед и ткнулся своим телом в мои ноги. Выражение его морды казалось мне скорее пристальным, чем свирепым, он не обнажал своих больших клыков и не издавал своих ужасных гортанных окриков. Лишенный дружбы в обществе себе подобных, я порядочно привязался к Вуле и Соле.

Нормальный человек должен иметь исход для своих естественных чувств, и я был уверен, что не разочаруюсь в своем расположении к этому большому зверю.

Я никогда не гладил его и не нежничал с ним, но тут я присел на землю, обвил руками его мощную шею и начал поглаживать и ласкать его, говоря с ним на вновь обретенном мною марсианском языке, как я разговаривал бы дома со своей собакой или с каким-

нибудь иным другом из мира животных. Он реагировал на это самым неожиданным образом.

Разинув свою широкую пасть, он обнажил весь верхний ряд зубов и наморщил нос так, что его большие глаза почти скрылись в складках кожи. Если вы когда-нибудь видели, как улыбается шотландская овчарка, это даст вам представление о том, как исказилась физиономия Вулы.

Он бросился на спину и начал валяться у моих ног. Потом вскочил, бросился на меня, причем опрокинул меня своей тяжестью, потом, вертясь и извиваясь передо мной, как резвый щенок, начал подставлять свою спину, чтобы я еще гладил ее. Я не мог устоять перед смехотворностью этого зрелища и, держась за бока, покатывался со смеху - первого смеха, сорвавшегося с моих губ впервые за множество дней. Действительно, я смеялся первый раз с того утра, как Поуэль уезжал из лагеря на давно неезженной лошади, и она неожиданно сбросила его вверх тормашками на цветочную грядку.

Мой хохот испугал Вулу, его прыжки прекратились, и он с жалобным видом подполз ко мне, тычась своей безобразной головой мне в колени. И тогда я вспомнил, что обозначает на Марсе смех - муку, страдание, смерть! Подавив свою смешливость,я похлопал беднягу по голове и по спине, поболтал с ним немножко, а затем властным тоном приказал ему следовать за мной и, встав на ноги, двинулся по направлению к холмам.

Теперь между нами больше не было вопроса о власти; с этого момента Вула был моим преданным рабом, а я его единственным повелителем. Через несколько минут я добрался до холмов, но не нашел там ничего особенно интересного. По склонам вершин росло множество диких цветов, странной формы и великолепной окраски, а с вершины ближайшего холма я увидел лишь другие холмы, тянувшиеся к северу и вздымавшиеся гребень за гребнем, пока они не скрылись среди более высоких гор вдали. Впрочем, впоследствии я узнал, что на всем Марсе было только несколько пиков, превышавших высоту в четыре тысячи футов; впечатление импозантности было лишь относительное.

Моя утренняя прогулка имела для меня огромное значение, так как привела меня к дружбе с Вулой, на которого Тарс Таркас полагался, как на моего сторожа. Теперь я знал, что пленник в теории, практически я был свободен, и поспешил вернуться в город, прежде чем отступничество Вулы будет замечено его номинальными хозяевами. Я решил не переступать больше предпи-

санных мне границ, пока не буду готов рискнуть всем, так как если бы нас поймали, это привело бы к ограничению моей свободы и, вероятно, к гибели Вулы.

Вернувшись на площадь, я в третий раз имел случай взглянуть на пленную девушку. Она стояла со своими стражницами перед входом в приемный зал и при моем приближении отвернулась, смерив меня надменным взглядом. Это было сделано так по женски, так по земному, что хотя моя гордость была задета, сердце мое забилось чувством симпатии: мне было приятно встретить на Марсе существо с инстинктами цивилизованного человека, хотя они и проявлялись таким обидным для меня образом.

Если бы зеленая марсианская женщина захотела выразить свое неудовольствие или пренебрежение, она по всей вероятности сделала бы это взмахом меча.

Но так как их чувства в значительной степени атрофированы, понадобилось бы большое оскорбление, чтобы довести их до такой ярости. Должен добавить, что Сола была исключением. Я никогда не видел с ее стороны каких-либо жестоких поступков или вообще недостатка в приветливости и добродушии. Она, действительно, была, как говорил о ней марсианский кавалер, прелестной противоположностью прежнего типа любимых и любящих предков.

Видя, что пленница составляет центр внимания, я остановился поглядеть, что будет. Мне не пришлось долго ждать, так как вскоре к зданию приблизился со своей свитой вождей Лоркас Птомель. Он приказал страже следовать за ним с пленницей и вошел в приемный зал. Я считал себя несколько привилегированной особой и был убежден, что воины не знают, что я понимаю их язык. Дело в том, что я просил Солу держать в тайне, ссылаясь на то, что я вынужден буду разговаривать с людьми, прежде чем вполне овладею марсианским языком. Ввиду всего этого я рискнул войти в приемный зал и послушать, что там будет происходить.

Совет восседал на ступеньках эстрады, а перед ним внизу стояла пленница с двумя стражницами по бокам. В одной из женщин я узнал Саркойю и теперь понял, каким образом она могла присутствовать здесь на вчерашнем заседании, о результате которого она осведомила минувшей ночью население нашего дортуара. Ее обращение с пленницей было резко и грубо. Держа ее, она впивалась своими недоразвитыми ногтями в тело бедной

девушки или больно щипала ее за руку. Если нужно было перейти с одного места на другое, она бесцеремонно дергала пленницу или толкала ее перед собой. Она словно вымещала на одном несчастном беззащитном создании всю ненависть, жестокость и злобу своих девятисот лет, за которыми скрывались бесчисленные поколения злобных и свирепых предков.

Вторая женщина вела себя менее жестоко и казалась совершенно равнодушной. Оставшись под ее присмотром, как это, к счастью, и было ночью, пленница не страдала от грубого обращения, так как женщина вообще не обращала на нее никакого внимания.

Когда Лоркас Птомель поднял глаза, чтобы обратиться к пленнице, его взор упал на меня, и он с нетерпеливым жестом обратился к Тарсу Таркасу и что-то сказал ему. Я не расслышал ответа Тарса Таркаса, но Лоркас Птомель улыбнулся и больше не удостаивал меня вниманием.

- Как тебя зовут? - обратился Лоркас Птомель к пленнице.

- Дея Торис, дочь Мориса Каяка из Гелиума.

- Зачем вы путешествовали? - продолжал он.

- Это была чисто научная экспедиция, посланная моим отцом, джеддаком Гелиума, для изучения воздушных течений и для измерений плотности атмосферы, - ответила пленница низким приятным голосом. - Мы не были готовы к сражению, - продолжала она, - так как были заняты мирным делом, как это было видно по флагам и цветам нашего судна. Наша работа была столь же в ваших интересах, как и в наших, и вы отлично знаете, что если бы не наши труды и плоды наших научных изысканий, на Барсуме не было бы достаточно воздуха, чтобы мог существовать хоть один человек. Веками поддерживали мы на планете количество воды и воздуха на одном и том же уровне почти без заметной убыли, и мы делали это, не взирая на грубое и невежественное вмешательство ваших зеленых. О! Почему, почему вы не хотите жить в мире и дружбе с вашими ближними? Неужели вы так и уйдете в века до вашего окончательного исчезновения, почти не поднявшись над теми животными, которые вам служат! Народ без письменности, без искусства, без домашнего уюта, без любви. Вы ненавидите друг друга, как ненавидите всех, кроме вас самих. Вернитесь к путям наших общих предков, вернитесь к свету дружбы и добра. Дорога открыта, вы найдете в краснокожих людях готовность помочь вам. Совместными усилиями мы сможем сделать гораздо больше для возрождения нашей умираю-

щей планеты. Дочь величайшего и могущественнейшего из красных джеддаков зовет вас! Откликнитесь ли вы на призыв?

Когда молодая женщина умолкла, Лоркас Птомель и воины долго молчали. Никто не может знать, что происходило у них в душе, но я уверен, что они были тронуты. Если бы среди них нашелся хотя бы один человек, достаточно смелый, чтобы стать выше обычаев, эта минута определила бы для Марса начало новой и великолепной эры.

Тарс Таркас поднялся, желая говорить, и на лице его было такое выражение, какого я ни когда не видел у зеленых марсианских воинов. Оно свидетельствовало о страшной внутренней борьбе с самим собой, с наследственностью, с вечной привычкой и, когда он раскрыл рот чтобы говорить, его мрачные черты вдруг осветились благожелательным, почти ласковым взглядом.

Но слова, готовые уже слететь с его уст, остались невысказанными, так как в этот миг какой-то молодой воин, сорвался со ступеней и нанес хрупкой пленнице страшный удар по лицу. Она упала на пол, а он, опершись на нее ногой, повернулся к совету и разразился диким и мрачным хохотом.

На миг я подумал, что Тарс Таркас убьет его, да и вид Тарс Таркаса и Лоркаса Птомеля не предвещал для негодяя ничего хорошего, но минутное настроение уже прошло, их исконная натура вступила в свои права, и они улыбнулись. Удивительно было уже то, что они не рассмеялись громко, так как поступок молодого воина представлял собой с точки зрения марсианского юмора необычайно тонкую остроту.

То, что я потратил время на описание этого происшествия, не значит еще, что я оставался хотя бы на секунду его пассивным зрителем. Мне кажется, что у меня было какое-то предчувствие, потому что я припоминаю, как я пригнулся для прыжка в тот миг, когда удар лишь грозил прекрасному, с мольбой обращенному к совету лицу. И, прежде чем опустилась рука, я уже пробежал половину расстояния.

Не успел отвратительный смех замолкнуть, как я уже бросился на воина. Он был двенадцати футов ростом и вооружен до зубов, но я думаю, что в охватившей меня безумной ярости я устоял бы против всех, находившихся в зале. Когда воин обернулся на мой крик, я подскочил и ударил его по лицу, а когда он вытащил свой короткий меч, я выхватил свой и прыгнул ему на грудь, встав одной ногой на рукоятку его пистолета и, ухватившись левой рукой за один из его огромных клыков. При этом я начал наносить удар за ударом по его широкой груди.

Он не мог пользоваться своим мечом, так как я был слишком близко, и не мог вытащить пистолет, хотя и пытался сделать это, вопреки марсианскому обычаю, запрещающему защищаться оружием, какого нет у нападающего. Ему ничего не оставалось как попытаться стряхнуть меня, но все его отчаянные старания не привели ни к чему. Несмотря на свой огромный рост, он едва ли был сильнее меня, и через несколько мгновений безжизненной окровавленной массой рухнул на пол!

Дея Торис приподнялась на локте и с испуганными глазами наблюдала за поединком. Очутившись на полу, я взял ее на руки и отнес на одну из скамей у стены зала.

Опять никто из марсиан не помешал мне. Оторвав лоскут шелка от своего плаща, я попытался унять кровь, лившуюся у нее из носа.

Мне это вскоре удалось, так как ее повреждения оказались незначительными. Как только к ней вернулась способность речи, она положила мне на плечо руку, и, заглянув мне в глаза, сказала:

- Почему вы это сделали? Вы, отказавший мне в простом внимании в первую минуту постигшей меня опасности! А теперь вы рискуете своей жизнью и убиваете одного из ваших ради меня. Я этого не понимаю. Что вы за странный человек, почему водитесь с зелеными, хотя с виду вы моей расы, а цвет вашего лица лишь немного темнее цвета белых обезьян? Скажите мне, человек вы, или больше, чем человек?

- Это странная история, - отвечал я, - и слишком длинная, чтобы я мог сейчас рассказать вам ее. Она мне самому представляется до того невероятной, что я не надеюсь, чтобы другие могли ей поверить. Пока могу лишь сказать, что я ваш друг и, поскольку это допустят, держащие нас в плену - ваш защитник и слуга.

- Значит, и вы пленник? Но почему же у вас оружие и регалии Таркианского вождя? Как вас зовут? Из какой вы страны?

- Да, Дея Торис, я тоже пленник. Меня зовут Джон Картер, и родом я из штата Виргинии, одного из Соединенных Штатов Америки - на Земле. Почему мне разрешено носить оружие, мне неизвестно, и я знал, что эти знаки на мне принадлежат званию вождя.

Наш разговор был прерван приближением одного из воинов, который нес оружие, аммуницию и украшения, и вмиг у меня в голове мелькнул ответ на один из вопросов, и была разрешена еще одна загадка. Я увидел, что эти вещи сняты с тела моего мертвого противника, и прочел в угрожающем и в то же время сдержанном взгляде воина, принесшего мне эти трофеи, ту же

почтительность, какую раньше проявлял другой воин, принесший мне мое первоначальное обмундирование. Теперь только я узнал, что мой удар во время первого столкновения в приемном зале повлек за собой смерть моего противника.

Теперь объяснилось отношение ко мне моих хозяев. Я, так сказать, приобрел свои шпоры и, согласно суровой справедливости, отличающей марсиан, и побудившей меня, помимо прочих причин, назвать Марс планетой парадоксов - мне были представлены почести победителя - аммуниция и звание убитого мною врага. Я был настоящим марсианским вождем и, как я впоследствии узнал, этим объяснялась представленная мне сравнительная свобода и то, что мне позволяли остаться в приемном зале.

Когда я повернулся, чтобы принять вещи убитого воина, я заметил, что Тарс Таркас и многие другие двинулись по направлению к нам. Глаза Тарса Таркаса с забавным недоумением разглядывали меня. Наконец он обратился ко мне:

- Вы говорите на языке Барсума, удивительно бегло для человека, который всего несколько дней был глух и нем к нашим словам. Где вы изучили его, Джон Картер?

- Это вы сами, Тарс Таркас, - ответил я, - доставили мне эту возможность, дав мне удивительную, способную учительницу. Своими успехами я обязан Соле.

- Это она ловко сделала, - ответил он, - но ваше воспитание в других отношениях оставляет еще желать многого. Знаете ли вы, как бы поплатились за неслыханную дерзость, если бы вам не удалось убить обоих вождей, чьи знаки вы теперь носите?

- Полагаю, что в этом случае один из них убил бы меня - улыбаясь ответил я.

- Нет, вы ошибаетесь. Лишь вынужденный необходимостью самообороны марсианский воин решился бы убить пленника. Мы предпочитаем сохранять их для других целей, - при этом выражение его лица намекало на такие возможности, над которыми мне не было охоты задумываться.

- Но одно еще может спасти вас, - продолжал он, - если бы, во внимание к вашей удивительной доблести, боевому пылу и ловкости, вы были признаны Тал Хаджусом достойным служить у него, вы были бы приняты в общину и сделались бы полноправным таркианцем. Пока мы не достигнем резиденции Тала Хаджуса, вам будут оказываться почести, принадлежащие вам по вашим подвигам. Такова воля Лоркаса Птомеля. Мы будем обращаться с вами, как с таркианским вождем, но вы не должны забывать, что все равно наши вожди ответственны за вашу благополучную до-

ставку к нашему могущественнейшему и жесточайшему повелителю. Я кончил.

- Я выслушал вас, Тарс Таркас, - ответил я. - Как вы знаете, я не уроженец Барсума. Ваши пути - не мои пути, и я не могу действовать в будущем лишь так, как действовал до сих пор, то есть в согласии с велениями своей совести и принципами моего племени. Если вы оставите меня в покое, я никогда не трону никого, если же нет, то пусть каждый барсумианец, с которым мне придется иметь дело, уважает мои права чужестранца, или пеняет сам на себя. В одном вы можете быть уверены: каковы бы ни были ваши окончательные намерения по отношению к этой несчастной молодой женщине, кто посмеет обидеть или оскорбить ее, должен будет считаться со мной. Мне известно, что вы презираете всякие проявления мягкости и великодушия, но я не могу сказать о себе этого, и я берусь доказать самому доблестному из ваших воинов, что эти качества вполне совместимы со свойствами хорошего бойца.

Даже Тарс Таркасу, по-видимому, понравился мой ответ, хотя он отозвался на него достаточно загадочной фразой:

- А я думаю, что знаю Тала Хаджуса, джеддака Тарка.

Теперь я посвятил свое внимание Дее Торис, помог встать ей на ноги и направился с ней к выходу на виду у растерявшихся стороживших ее гарпий и под вопросительные взгляды вождей. Разве я сам теперь не был таким же вождем! Ну, что же, я готов был принять на себя ответственность вождя. Никто не остановил нас, и вот Дея Торис, принцесса Гелиума, и Джон Картер, виргинский джентльмен, сопутствуемый верным слугой Вулой, вышли при гробовом молчании из приемного зала Лоркаса Птомеля, джеда барсумских тарков.

XI.

ДЕЯ ТОРИС

Когда мы вышли наружу, обе стражницы, приставленные к Дее Торис, выскочили за нами и, по-видимому, намерены были снова конвоировать ее. Бедняжка прижалась ко мне, и ее маленькие ручки крепко ухватились за мою руку. Я сделал женщинам знак удалиться, объяснив им, что отныне за пленницей будет смотреть Сола и при этом предупредил Саркойю, что она попла-

титься самым неприятным образом, если позволит себе какие-нибудь жестокие выходки по отношению к Дее.

Моя угроза была бесплодна и причинила Дее Торис больше вреда, чем пользы, потому что на Марсе, как я впоследствии узнал, мужчина не может наказать женщину смертью, равно как и женщина не смеет убить мужчину. Поэтому Саркойя ограничилась лишь злобным взглядом и ушла строить против нас козни.

Вскоре я нашел Солу и попросил ее сторожить Дею Торис также, как она сторожила меня. Я объяснил Соле, что просил бы ее подыскать другое жилище, где бы им не пришлось бояться Саркойи, и что я сам намерен поселиться среди мужчин.

Сола взглянула на воинские знаки, которые я нес в руках и на плече.

- Теперь ты великий вождь, Джон Картер, - сказала она, - и я рада это видеть. Воин, чьи знаки одеты на вас, был молод, но это был славный боец, и благодаря своим победам достиг положения непосредственно за Тарс Таркасом, который, как вы знаете, уступает лишь Лоркасу Птомелю. Вы одиннадцатый - в общине всего десять вождей, доблестью равных вам.

- А что, если я убью Лоркаса Птомеля? - спросил я.

- Тогда вы будете первым, Джон Картер. Но вы можете добиться этой чести лишь в том случае, если ваш поединок будет назначен волей всего совета. Главным образом, если Лоркас Птомель нападет на вас, вы можете убить его в состоянии самозащиты, и этим также завоевать первое место.

Я рассмеялся и переменил разговор. У меня не было особого желания убивать Лоркаса, и меньше всего я хотел бы стать джедом тарков.

Я сопровождал Солу и Дею Торис в их поисках новой квартиры, которую удалось найти в здании более изысканной архитектуры и расположенной ближе к приемному залу, чем наше прежнее жилище. В здании этом мы нашли настоящие спальни со старинными металлическими кроватями тонкой чеканной работы, спускавшимися на гигантских золотых цепях с мраморных потолков. Стены были украшены картинами, на которых я заметил изображения людей, чего не встречалось на фресках других зданий.

Это были люди, такие же как я, и гораздо светлее Деи Торис. Они были одеты в величественно ниспадавшие одежды, богато украшенные драгоценными металлами и камнями. Их пышные волосы были чудного золотистого и бронзово-красного оттенка.

Мужчины были без бороды, и лишь немногие из них были вооружены. На картинах был изображен, большей частью, светлокожий светловолосый народ, занятый какими-то играми.

Дея Торис с восклицанием восторга всплеснула руками при виде этих прекрасных произведений искусства, сделанных давно угасшим народом. Напротив, Сола их, как будто не замечала.

Мы решили занять эту комнату, находившуюся на втором этаже и выходившую на площадь, для Деи Торис и смежную комнату позади - для кухонных и хозяйственных надобностей. Затем я отправил Солу за постелями, пищевыми припасами и необходимым мелким скарбом, причем обещал ей посторожить Дею Торис до ее прихода.

Когда Сола ушла, Дея Торис с милой улыбкой обратилась ко мне:

- Куда же убежала бы ваша пленница, если бы вы покинули ее? Ей оставалось бы только молить вас о защите и просить у вас прощения за те жестокие чувства, которые она питала к вам в последние дни.

- Вы правы, - ответил я, - для нас нет иного спасения, как держаться друг друга.

- Я слышала вызов, брошенный вами этому ужасному Тарсу Таркасу, и мне кажется, я понимаю ваше положение среди этих людей. Но я никак не могу освоиться с мыслью, что вы сами не с Барсума.

- Во имя моего первого предка, - продолжала она, - прошу, вас, скажите, откуда же вы? Вы и похожи и не похожи на людей моего народа. Вы говорите на моем языке, а между тем, я слышала, как вы сказали Тарсу Таркасу, что изучили этот язык только в последние дни. Все барсумианцы от покрытого льдами юга и до покрытого льдами севера говорят на одном и том же языке, хотя и пишут различно. Лишь в долине Дор, где река Исс вливается в потерянное море Корус, существует по предположениям, другой язык. Но если не считать сказаний наших предков, то ни один барсумианец не вернулся еще вверх по реке Исс, от утесов Коруса, по долине Дор. Не говорите мне, что вы вернулись оттуда! Если бы это была правда, вас немедленно убили бы, где бы вы ни показались на всем Барсуме! Скажите мне, что это не так!

В ее глазах появился странный таинственный блеск, в голосе звучали умоляющие нотки, а маленькие ручки прижимались к моей груди, как будто желая исторгнуть из моего сердца успокоительные слова.

- Я не знаю ваших обычаев, Дея Торис, но у нас в Виргинии джентльмен не станет лгать для своего спасения. Я никогда не видел загадочной реки Исс, потерянное море Корус останется, поскольку это касается меня, потерянным. Вы верите мне?

И вдруг я заметил, что мне очень и очень хочется, чтобы она мне поверила. Не то, чтобы я боялся ее уверенности в моем возвращении из барсумианского рая или ада. Нет, но в чем же дело? Почему меня интересовало, что она подумает? Я взглянул на нее, на ее обращенное ко мне прекрасное лицо, и в ее глазах для меня раскрылась вся глубина ее души. И, встретившись с ней глазами, я понял и... содрогнулся!

Волна подобных чувств, казалось, обуревала и ее. Она со вздохом отодвинулась от меня, и серьезно взглянув, прошептала:

- Я верю вам, Джон Картер. Я не знаю, что значит "джентльмен", и никогда раньше не слышала про Виргинию. но в Барсуме не лжет никто. Где эта Виргиния, где ваша родина, Джон Картер? - спросила она, и гордое имя моей горной страны никогда еще не звучало так прекрасно, как из этих совершенных уст, в этот давно минувший день.

- Я из другого мира, - ответил я, - с великой планеты Земля, обращающейся вокруг нашего Солнца внутри орбиты вашего Барсума, который мы называем Марсом. Я не могу вам рассказать, как я попал сюда - этого я и сам не знаю. Но я здесь, рад, что мое присутствие может быть полезно Дее Торис.

Она долго и вопросительно посмотрела на меня опечаленными глазами. Я хорошо знал, что поверить моим словам трудно, и я не надеялся, что она поверит, как ни жаждал я приобрести ее доверие и уважение. Я предпочел бы не говорить с ней о моем прошлом, но никто не мог бы заглянуть в глубину этих глаз и отказать ей в малейшем желании.

Наконец она улыбнулась и сказала, вставая:

- Мне придется поверить, хотя я и не понимаю. Я могу представить себе, что вы принадлежите к современному Барсуму. Вы такой же, как мы, и в то же время другой... Но зачем ломать голову над загадкой,когда сердце говорит мне, что я верю, потому что хочу верить!

В этом была логика - хорошая, земная, женская логика, и если она удовлетворяла ее, то не мне было придираться к таким рассуждениям. В сущности, это была единственно правильная точка зрения в этом вопросе. Наш разговор перешел на общие темы, и с обеих сторон посыпались вопросы. Она расспрашивала об обы-

чаях моего народа и высказала удивительной знание земных событий. На мой удивленный вопрос она рассмеялась и воскликнула:

- О! каждый барсумский школьник знает географию и осведомлен о фауне и флоре, а также и об истории вашей планеты так же основательно, как и о нашей. Разве мы не можем видеть все происходящее на вашей "Земле", как вы ее называете? Разве не висит она на небе на виду у всех?

Должен признаться, что ее слова поразили меня не меньше, чем мои заявления должны были ошеломить ее. Я ей это и сказал. Тогда она объяснила мне в общих чертах устройство приборов, которые применялись ее народом и совершенствовались в течение веков, приборов, позволяющих отбрасывать на экран точное изображение происходящего на любой планете и на многих звездах. Эти изображения, сфотографированные и увеличенные, так точны в деталях, что на них легко различать предметы не крупнее стебелька травы. Впоследствии я увидел в Гелиуме много таких снимков, а также и те приборы, с помощью которых они изготовлялись.

- Если вы так хорошо знакомы с земными вещами, - спросил я, - почему же вы не признаете моего тождества с обитателями этой планеты?

Она снова улыбнулась, как взрослый снисходительно улыбается невинным вопросам ребенка:

- Потому, Джон Картер, - сказала она, - что почти каждая планета и звезда, с атмосферными условиями, близкими существующим на Барсуме, обнаруживают формы живых существ почти тождественные с вами и со мной. И далее, почти все без исключения земные люди покрывают тело странными безобразными кусками тканей, а головы столь же безобразными колпаками, назначение которых мы не могли себе уяснить. Вы же, когда вас нашли таркианские воины, были в вашем натуральном виде без всяких украшений. Тот факт, что на вас не было украшений, является сильным доводом в пользу вашего не барсумианского происхождения, но отсутствие нелепых покровов может вызвать сомнение в вашей принадлежности к Земле.

Тогда я рассказал ей подробности моего отбытия с Земли и объяснил ей, что был одет в полную столь непонятную ей одежду светского человека.

В эту минуту вернулась Сола с нашими скудными пожитками и со своим молодым марсианским протеже, которому, конечно, предстояло разделить с нами квартиру.

Сола спросила, не было ли у нас в ее отсутствие посетителя и была, по-видимому, удивлена нашим отрицательным ответом. Оказалось, что, поднимаясь по лестнице, она встретила спускающуюся Саркойю. Мы решили, что последняя занималась подслушиванием, но не могли вспомнить, чтобы между нами было сказано что-нибудь важное, и поэтому не придали этой встрече особого значения и лишь обещали себе быть в будущем как можно осторожнее.

После этого мы с Деей Торис занялись осмотром архитектурной и декоративной отделки прекрасных комнат занимаемого нами здания. Она рассказала мне, что этот народ процветал около сотни тысяч лет назад. Это были первые прародители ее расы, но они смешались с другой расой ранних марсиан, темных, почти черных, а также с красно-желтой расой, распространенной в ту же эпоху.

Эти три могучих ветви высших марсиан вынуждены были вступить в тесный союз, когда высыхание марсианских морей заставило их отступать в сравнительно редкие и непрерывно сокращающиеся плодородные области, где они защищались при новых условиях жизни от диких орд зеленых людей.

Века тесных отношений и перекрестных браков дали в результате красных людей, прекрасной представительницей которой являлась Дея Торис. За время многовековых лишений и непрерывных войн, как междуусобных, так и общих - против зеленых, погибло многое из высокой цивилизации и искусств светловолосых марсиан. Но современная красная раса достигла такого развития, когда новые открытия и более практическая цивилизация вознаграждают за утрату того, что безвозвратно погребено под бесчисленными слоями истекших веков.

Эти древние марсиане были расой с высокой культурой и письменностью, но превратности тяжелых столетий, когда им приходилось приспосабливаться к новым условиям, не только совершенно остановили их развитие, но повели к почти полной потере всех архивов, летописей, литературных памятников.

Дея Торис рассказала много интересных фактов и легенд, связанных с этой благородной погибшей расой. Она сказала, что город, где мы находимся, был, по предположениям, торговым и культурным центром, известным под названием Корала. Он был

выстроен над прекрасной естественной гаванью, защищенной с суши красивыми холмами. Маленькая долина с западной стороны города представляла собой все, что, по словам девушки, осталось от этой гавани, тогда как проход через холмы к старому морскому дну был прежде каналом, по которому суда доходили раньше до самых городских ворот.

Берега древних морей были усеяны подобными городами. Меньшее число городов и меньшего размера можно найти по направлению к центру океанов, так как население отступало по мере убывания воды, пока необходимость не заставила прибегнуть к последнему средству спасения, к так называемым каналам Марса.

Мы были так поглощены осмотром здания и нашим разговором, что не заметили, как наступил вечер. Нас привело в себя появление посланца, принесшего мне от Лоркаса Птомеля приказ немедленно явиться к нему. Простившись с Деей Торис и Солой, и, приказав Вуле охранять их, я поспешил в приемный зал, где застал Лоркаса Птомеля и Тарса Таркаса, сидевших на возвышении.

XII.

ПЛЕННИК, ОБЛЕЧЕННЫЙ ВЛАСТЬЮ

Когда я вошел и поклонился, Лоркас Птомель сделал мне знак приблизиться, и, устремив на меня свои большие ужасные глаза, обратился ко мне со следующими словами:

- Вы провели в нашей среде несколько дней и успели за это время достигнуть, благодаря вашей доблести, высокого положения. Но, как бы то ни было, вы среди нас чужой. Странное дело с вами, - продолжал он, - вы пленник, и вы отдаете приказы, которые исполняются. Вы чужестранец, и в то же время таркианский вождь. Вы карлик, а между тем убиваете сильного воина одним ударом кулака. А теперь доносят, что вы подготовляете побег с пленницей другой расы, с пленницей, которая, по ее же словам, почти убеждена в том, что вы возвратились из долины Дор. Каждого из этих обвинений было бы достаточно для вашей казни, но мы справедливый народ, и после возвращения в Тарк дадим вам случай оправдаться на суде, если только этого пожелает Тал Хаджус. Однако, - продолжал он своим мрачным гортанным го-

лосом, - если вы убежите с красной девушкой, отвечать перед Тал Хаджусом придется мне. Возникнет вопрос о старшинстве между мной и Тарс Таркасом, и я должен буду доказать свое право повелевать, или знаки вождя перейдут с моего трупа к более достойному человеку, ибо таков обычай тарков. Между мной и Тарком Таркасом нет ссор. Совместно правим мы самой обширной из младших общин зеленых людей. Мы не хотим биться друг с другом. Поэтому я был бы рад, Джон Картер, если бы вы умерли.

Но без приказания Тала Хаджуса мы можем убить вас лишь при двух условиях: в личной схватке при самообороне, если бы вы напали на одного из нас, или же если бы вы были захвачены при попытке к бегству. В интересах справедливости я должен предупредить вас, что мы только и ждем одной из этих двух возможностей, чтобы освободиться от столь тяжелой ответственности. Для нас чрезвычайно важно доставить красную девушку к Талу Хаджусу. За целое тысячелетие тарки не имели еще такой добычи. Она внучка величайшего из красных джеддаков и нашего непримеримейшего врага. Я кончил. Красная девушка сказала, что нам недоступны мягкие человеческие чувства, но мы народ прямой и справедливый. Вы можете идти.

Я повернулся и покинул приемный зал. Так вот начало преследований Саркойи! Я знал, что никому иному не могу быть обязан этим доносом, так быстро достигшим ушей Лоркаса Птомеля. Теперь я припомнил те отрывки своего разговора с Деей Торис, которые касались предполагаемого бегства и моего происхождения. Саркойя в это время была старшей и доверенной прислужницей Тарса Таркаса. Это давало ей большую власть за кулисами трона, так как никто из воинов не пользовался таким доверием Лоркаса Птомеля, как его наиболее способный сподвижник, Тарс Таркас.

Однако моя аудиенция у Лоркаса Птомеля не только не изгнала из моей головы мыслей о бегстве, но, наоборот, я сосредоточил на них все свое внимание. Яснее чем когда-либо представилась мне теперь необходимость бегства, по крайней мере, для Деи Торис, так как я был убежден, что в резиденции Тала Хаджуса ее ожидает ужасная судьба.

По описаниям Солы, это чудовище было живым олицетворением жестокости, свирепости и варварства минувших веков. Холодный, коварный, расчетливый, он, в противоположность большинству своих современников, был рабом диких животных страстей, почти заглохших в груди марсиан, так как медленное

умирание планеты давно уже сократило инстинкт к размножению.

Меня бросало в дрожь при мысли о том, что Дея Торис может стать жертвой этого мерзкого атавизма. Гораздо лучше приберечь на последнюю минуту дружеские пули, как это делали доблестные пограничные жительницы моей утраченной родины, предпочитавшие расстаться с жизнью, нежели попасть в руки индейцев.

В то время как я блуждал по площади, погруженный в свои мрачные предчувствия, ко мне подошел Тарс Таркас, возвращавшийся из приемного зала. Его внешнее обращение со мной ничуть не изменилось, и он приветствовал меня, как будто мы расстались всего несколько минут назад.

- Где вы живете, Джон Картер? - спросил он.

- Я еще не выбрал себе помещения, - ответил я. - Мне казалось, что мне лучше всего поселиться одному или среди других воинов, и я ждал случая спросить у вас совета. Как вы знаете, - и я улыбнулся, - я еще вчера вполне освоился с обычаями тарков.

- Пойдем со мной, - сказал он, и мы вместе направились к зданию, которое, к моему удовольствию, как раз примыкало к тому, где помещалась Сола и его стража. - Я живу в первом этаже этого здания, - сказал он, - второй этаж занят воинами, но третий и верхние свободны. У вас будет большой выбор. Я слышал, - продолжал он, - что вы уступили свою женщину красной пленнице. Ну что ж, как вы сами сказали, ваши пути - не наши пути, но вы сражаетесь за нее, вам это нравится. Поэтому, если вы отдаете вашу женщину пленной - это ваше дело. Но, как вождь, вы имеете право на услуги, и, в согласии с нашими обычаями, можно выбрать любую женщину из штата тех вождей, чьи знаки вы теперь носите.

Я поблагодарил его, но сказал что могу отлично обойтись без посторонних услуг, за исключением стряпни. Тогда он обещал прислать женщину, которая готовила бы мне, а также смотрела за моим оружием и аммуницией, что, по его словам, также необходимо. Я попросил также, чтобы мне дали те шелковые и меховые одеяла, которые принадлежали мне по праву победителя. Ночи стояли холодные, а своих одеял у меня не было.

Он обещал исполнить мою просьбу и ушел. Оставшись один, я поднялся по винтовому коридору в верхние этажи и стал подыскивать себе помещение. Великолепие других зданий повторялось и в этом, и по своему обыкновению, я вскоре увлекся исследованиями и открытиями.

В конце концов я выбрал себе лицевую комнату в третьем этаже, так как это приближало меня к Дее торис, помещавшейся во втором этаже соседнего здания. У меня мелькнула мысль устроить какую-нибудь сигнализацию, которая дала бы ей возможность звать меня, если бы ей понадобились мои услуги или защита.

К моей спальне примыкали ванная, гардеробная и другие жилые комнаты этого этажа. Всего их было около десяти. Окна здания выходили на огромный двор, окруженный с четырех сторон зданиями, фасадом, обращенные на четыре улицы квартала. По двору бродили различные животные, принадлежавшие воинам, жившим в этих зданиях.

Двор весь порос желтой мшистой растительностью, покрывавшей вообще почти всю поверхность Марса, а многочисленные фонтаны, статуи, скамьи и беседки свидетельствовали о былой красоте двора в стародавние времена, когда его наполняли златоволосые смеющиеся люди, которых жестокие и непреклонные космические законы изгнали не только из их жилищ, но и вообще из жизни, оставив им единственное убежище в смутных легендах их потомков.

Легко было представить себе пышную листву роскошной марсианской растительности, некогда оживлявшей своими красками и своим шелестом это место, грациозные фигуры женщин, стройных и красивых мужчин, счастливых резвящихся детей - все это в лучах солнца, радости и мира. На смену их эпохи пришли века мрака, жестокости и невежества, пока наследственный институт культуры и гуманности не проявил себя снова в этой смешанной расе, которая теперь преобладала на Марсе.

Мои мысли были прерваны появлением нескольких молодых женщин, нагруженных оружием, шелковыми покрывалами, мехами, драгоценностями, кухонными принадлежностями и ящиками с провизией и напитками; включая значительную добычу с воздушного корабля. По-видимому, все это принадлежало двум убитым мною вождям и теперь, по обычаю тарков, перешло ко мне. По моим указаниям они сложили вещи в одной из задних комнат и ушли, но вскоре вернулись опять с новым грузом и сообщили мне, что все это моя собственность. Во второй раз с ними явилось не менее десяти или пятнадцати других женщин и юношей, вероятно, составлявших свиту обоих вождей.

Это не были ни их родные, ни жены, ни слуги. Между ними и вождями были своеобразные отношения, так мало похожие на что-либо известное нам, что их даже трудно объяснить. Всем имуществом у марсиан владеет община, за исключением личного

оружия, украшений и шелковых и меховых одеял отдельных лиц. Отдельный марсианин может назвать бесспорно своими только эти предметы, не имея права накопить их больше, чем это соответствует его действительной потребности. По отношению к избытку он является просто хранителем, и лишние вещи передаются, по мере надобности, младшим членам общины.

Женщин и детей свиты вождя можно сравнить с военной единицей, за которую он ответственен, отвечая за их обучение, дисциплину, содержание, за постоянные их отлучки и бесконечные стычки с другими общинами и красными марсианами. Женщин вождя никоим образом нельзя назвать его женами. У зеленых марсиан нет слова, соответствующего его смыслу по земному обозначению. В половом подборе они руководствуются лишь интересами общины и не признают естественного отбора. Совет вождей каждой общины заведует этим делом с такой же уверенностью, как собственник какого-нибудь кентуккийского конного завода руководствуется научным спариванием для улучшения породы своих лошадей.

В теории это может звучать хорошо, как часто бывает с теориями, но результаты многовекового применения этого принципа ясно сказались в этих холодных жестоких созданиях и в их мрачной, лишенной радости и любви жизни.

Это верно, что зеленые марсиане, как мужчины, так и женщины, безукоризненно добродетельные, за исключением таких дегенератов, как Тал Хаджус. Но лучше бы у них было больше человеческих качеств, хотя бы иной раз и за счет случайной потери целомудрия.

Зная, что должен принять на себя ответственность за всю эту компанию, хочу я этого или нет, я сделал все, что мог, и первым делом, послал их устраиваться в верхних этажах, оставляя третий этаж для себя. Одной из девушек я поручил несложную кухню, другим же предложил заняться тем, что было их профессией до сих пор. После этого я мало их видел, да и не стремился к этому.

XIII.

УХАЖИВАНИЕ НА МАРСЕ

После битвы с воздушными кораблями община еще несколько дней оставалась в городе, откладывая обратный поход до тех пор, пока можно быть уверенным, что корабли не вернутся. Быть

захваченным врасплох среди такой открытой равнины с табором повозок и детей не соответствовало желаниям даже столь воинственного народа, как зеленые марсиане.

Во время периода нашей бездеятельности Тарс Таркас познакомил меня со многими военными обычаями и приемами тарков и научил меня ездить верхом и обращаться с теми большими животными, на которых разъезжали воины. Эти животные, известные под названием тотов, также опасны и злы, как и их хозяева, но если их укротить, то они вполне пригодны для надобностей зеленых марсиан.

Два таких животных достались мне от вождей, чьи знаки я носил, и я вскоре умел обращаться с ними не хуже здешних воинов. Способ управления ими был отнюдь не сложен: если тоты отказывались проворно повиноваться телепатическим приказаниям своих всадников, они получали здоровенный удар рукояткой пистолета между ушей. Если этого было мало, то удары повторялись до тех пор, пока животное не будет укрощено или же пока оно не сбросит седока.

В последнем случае между человеком и животным начиналась схватка не на жизнь, а на смерть. Если человек оказывался достаточно ловким и метким стрелком из пистолета, он оставался жив и снова ездил верхом, правда, уже на другом животном. Если же он был слишком неповоротлив, то женщины подбирали его измятое и истерзанное тело и, согласно таркианскому обычаю сжигали его.

Мой опыт с Булой побудил меня попытаться взять этих тотов мягким обращением. Первым делом я доказал им, что им не удастся сбросить меня, и даже несколько раз изрядно хватал между ушей, чтобы показать им свою власть и свое превосходство. Затем постепенно я приобрел их доверие совершенно так же, как я это делал уже несчетное число раз с моими земными скакунами. Я всегда был в дружбе с животными и обращался с ними мягко не только из симпатии к ним, но и потому, что это приводит к лучшим и более прочным результатам. В случае необходимости я мог бы лишить человека жизни с гораздо меньшими угрызениями совести, чем бедное ,неразумное, безответное животное.

Через несколько дней мои тоты стали предметом удивления всей общины. Они ходили за мной, как собаки, терлись об меня своими большими мордами, доказывая этим свое полное расположение ко мне и так беспрекословно слушались малейшего приказания, что марсианские воины стали приписывать мне какую-то особую земную силу, неизвестную на Марсе. - Чем вы

околдовали их? - спросил меня однажды Тарс Таркас, видя, как я далеко засунул руку в огромную пасть одного из них, у которого застрял в зубах камешек, когда он пасся на мшистой траве нашего двора.

- Кротостью, - ответил я. - Вы видите, Тарс Таркас, более мягкие чувства тоже бывают иногда полезны, даже для воина. В пылу битвы и в походе я могу быть уверен, что мои тоты будут мне послушны, и это повышает мои боевые качества. Я лучший воин благодаря тому, что я более добрый человек. Для остальных воинов и для всей общины было бы полезно усвоить в этом отношении мои приемы. Всего лишь несколько дней назад вы сами говорили мне, как часто эти животные были, благодаря непостоянству их характера, причиной внезапного поражения. В решительный миг, когда уже бывала близка победа, они вдруг бунтовали и сбрасывали своих седоков. - Покажите мне, как вы этого достигаете, - был единственный ответ Тарса Таркаса.

И вот я, как можно подробнее, объяснил принятый мной способ тренировки тотов, и впоследствии он заставил меня повторить все в присутствии Лоркаса Птомеля и собравшихся в полном составе воинов. Этот момент положил начало новой жизни для бедных тотов и, прежде чем мне пришлось покинуть общину Лоркаса Птомеля, я имел удовольствие любоваться целым эскадроном послушных, отлично вымуштрованных тотов. Эффект точности и быстроты, достигнутый при военных упражнениях, оказался настолько разительным, что Лоркас Птомель поднес мне массивный золотой браслет с собственной ноги в знак признания моих заслуг перед общиной. На седьмой день после битвы с воздушными кораблями мы снова выступили в поход по направлению к Тарку, так как возможность вторичного нападения казалась Лоркасу Птомелю крайне маловероятной.

В последние дни перед отъездом я мало виделся с Деей Торис, так как был очень занят изучением, под руководством Тарса Таркаса, марсианского искусства, а также объезжанием моих тотов. Когда я заходил к ней, я не застал ее дома, так как она ходила с Солой гулять по городу или осматривала различные здания по соседству с площадью. Я предупреждал их не отходить далеко от площади, имея в виду опасность встречи с большими белыми обезьянами, свирепость которых я достаточно испытал на себе. Однако для опасения было сравнительно мало причин, так как Вула сопровождал их во всех прогулках, а Сола была хорошо вооружена.

Вечером накануне отъезда, я встретил их, когда они приближались к площади по длинной, ведущей с востока, улице. Подойдя к Соле, я сказал, что беру на себя ответственность за сохранность Деи Торис. Затем я под каким-то предлогом послал Солу к себе на квартиру. Я вполне доверял этой женщине, но почему-то мне хотелось остаться наедине с Деей Торис, которая олицетворяла для меня симпатию, дружбу, которых я был лишен с тех пор, как не был на Земле. Между нами было столько общих интересов, как будто мы родились под одной кровлей, а не на разных планетах, мчавшихся в пространстве на расстоянии не менее сорока восьми миллионов миль друг от друга.

Я был уверен, что она чувствует это так же, как и я, так как при моем приближении растерянное и грустное выражение ее лица сменилось радостной улыбкой, и она приветствовала меня по обычаю марсиан, положив свою правую ручку мне на плечо.

- Саркойя сказала Соле, что вы сделались настоящим тарком, - сказала она, - и что я буду теперь видеть вас так редко, как любого другого воина. - Саркойя первостатейная лгунья, - ответил я, - несмотря на то, что тарки так гордятся своей безупречной правдивостью. Дея Торис рассмеялась.

- Я знала, что став членом общества, вы не перестанете быть моим другом. "Воин может изменить свои знаки, но не сердце" - так гласит марсианская пословица.

- Мне кажется, они пытались разлучить нас, - продолжала она, - потому что, когда вы бывали свободны, одна из женщин Тарса Таркаса всегда под каким-нибудь предлогом уводила Солу и меня. Они брали меня с собой в подвалы, где я должна была помогать им смешивать этот ужасный радиевый порох и изготовлять снаряды. Вы знаете, что эти работы должны проводиться при искусственном свете, так как солнечный свет всегда вызывает взрывы. Вы заметили, что их пули взрываются, ударяя в какой-либо предмет? Ну так вот, наружная непрозрачная оболочка от толчка пробивается и обнажает стеклянный цилиндрик, почти сплошной и снабженный на переднем конце крупицей радиевого пороха. В тот момент, когда солнечный свет, хотя бы рассеянный, коснется этого пороха, он взрывается с силой, которой ничто не может противостоять. Если вам случится присутствовать при ночном сражении, вы заметите отсутствие этих взрывов, зато на следующее утро при восходе солнца все поле будет грохотать от взрывов выпущенных ночью снарядов. Поэтому, как правило, ночью не применяют взрывных снарядов.

Я с интересом слушал объяснения Деи Торис об этой удивительной особенности марсианского военного дела, но мысли мои

были более заняты насущным вопросом о ее судьбе. Меня нисколько не удивило, что они старались прятать ее от меня, но я пришел в сильное негодование, узнав, что ее подвергают тяжелой и опасной работе.

- А пришлось ли вам терпеть при этом еще какие-нибудь оскорбления, Дея Торис? - спросил я и, ожидая ответа, почувствовал, как приливает к моему лицу горячая кровь моих предков.

- Только в мелочах, Джон Картер, - ответила она. - Я выше их оскорблений. Они знают, что я дочь десяти тысяч джеддаков и могу проследить свою родословную без всяких пробелов до строительства первого великого канала, и они, не знающие даже собственных матерей, завидуют мне. В душе они ненавидят свою ужасную жизнь и срывают свою жалкую злобу на мне, зная, что я стою за все то, чего они лишены, о чем им приходится только мечтать без надежды когда-либо достигнуть. Пожалеем же их, мой вождь, ибо, если даже нам суждено умереть от их рук, мы не можем отказать им в жалости, потому что мы выше их, и они это знают!

Если бы я знал значение этих слов: "мой вождь", обращенных красной марсианской женщиной к мужчине, я был бы несказанно поражен, но я этого не знал, и узнал лишь много месяцев спустя. Да, мне многое нужно было узнать на Барсуме!

- Мне кажется, что мудрость велит встречать судьбу с наибольшим достоинством, Дея Торис. Но, тем не менее, я надеюсь добиться того, чтобы в ближайшее время ни один марсианин, будь он зеленый, красный, розовый или фиолетовый, не посмел даже косо взглянуть на вас, моя принцесса!

У Деи Торис при моих последних словах тоже захватило дух, она взглянула на меня раскрытыми глазами, потом странно рассмеялась, причем на ее щеках появились две коварные ямочки, покачала головой и воскликнула:

- Какое дитя! Великий воин - и, все-таки, маленькое неразумное дитя!

- Что я такого сделал? - спросил я, оторопев.

- Когда-нибудь вы узнаете, Джон Картер, если только мы останемся в живых. Но я вам не скажу. И я, дочь Морса Каяка, сына Тардос Морса, слушала вас без гнева, - закончила она.

Затем снова начала шутить и смеяться, подтрунивая над моей доблестью таркианского воина, стоявшей в противоречии с моим добрым сердцем и родным добродушием. - Мне кажется, - сказала она со смехом, - что если вам придется случайно ранить врага, вы возьмете его к себе и будете ходить за ним, пока он не

выздоровеет. - На Земле мы именно так и поступаем, ответил я. - По крайней мере, среди цивилизованных людей.

Это заставило ее снова рассмеяться. Она не могла этого понять, так как при всей своей нежности и женственности, она была все-таки марсианкой, а марсианин всегда стремится к смерти врага. Ибо смерть врага означает дележ его имущества между живыми. Мне было очень любопытно узнать, что в моих словах и поступках повергло ее минуту назад в такое смущение, и я продолжал настаивать, чтобы она объяснила мне это.

- Нет! - воскликнула она, - хватит того, что вы это сказали, и я слушала. И, если вы узнаете, Джон Картер, что я умерла, что, вероятно, случится раньше, чем дальняя луна двадцать раз обойдет вокруг Барсума, то вспомните, что я слушала и... и что улыбалась. Все это было для меня китайской грамотой, но чем больше я настаивал, тем решительнее она отказывалась удовлетворить мою просьбу, и мне так и не удалось добиться толку.

Тем временем день уступил место ночи. Мы гуляли по длинной улице, освещенной двумя лунами Барсума, и Земля глядела на нас с высоты своим светящимся глазом. Мне казалось, что мы одни во всей вселенной, и эта мысль была мне приятна.

Холод марсианской ночи заставил меня набросить на плечи Дее Торис мое шелковое покрывало. Когда моя рука на миг обняла ее, я почувствовал дрожь, охватившую все фибры моего существа. И мне показалось, что она слегка прижалась ко мне, хотя я не уверен в этом, Я только знал, что когда моя рука задержалась на ее плече дольше, чем это было нужно, чтобы накинуть покрывало, Дея Торис не отодвинулась от меня и ничего не сказала. И так, в молчании, шествовали мы по поверхности умирающего мира, но в груди, по крайней мере одного из нас, горело то, что всего старее, и что все же вечно ново. Я любил Дею Торис. Прикосновение моей руки к ее обнаженному плечу сказало мне это более ясно, и я понял, что любил ее с первого же мгновения, когда мой взор упал на нее, на площади мертвого города Корада.

XIV.

БОРЬБА НАСМЕРТЬ

Моим первым движением было сказать ей о моей любви, но потом я подумал о ее беспомощном положении и о том, что я

один мог облегчить ей тяжесть плена, и, по мере моих слабых сил, защитить ее от тысяч наследственных врагов, с которыми она необходимо должна будет столкнуться, когда мы прибудем в Тарк. Я не счел себя в праве доставить ей лишнее огорчение, сообщив ей о чувстве, которое она, по всей вероятности, не разделяла.

Если бы я сделал это, ее положение было бы еще тяжелее, нежели теперь, и мысль о том, что она может заподозрить, будто я хочу воспользоваться ее беспомощностью, чтобы воздействовать на ее волю, была последним доводом, заставившим меня промолчать.

- Как это вы так спокойны, Дея Торис? - сказал я. - Вам, вероятно, очень хочется вернуться к Соле, в вашу повозку.

- Нет, - прошептала она. - Я счастлива здесь. Я сама не понимаю, отчего мне всегда хорошо, когда вы, Джон Картер, находитесь подле меня. Тогда мне кажется, что я в безопасности и что с вами я скоро снова буду при дворе моего отца, почувствую объятия его мощных рук и слезы и поцелуи моей матери на моих щеках.

- Разве барсумцы целуются? - спросил я, когда она произнесла эти слова, как бы отвечая на свою мысль, а не на мои слова.

- Родные, братья, сестры, и - она добавила это слово задумчиво и тихо, - любовники.

- А у вас, Дея Торис, есть родные, и братья, и сестры?

- Да.

- А возлюбленный?

Она молчала, и я не решился повторить вопрос.

- Барсумцы, - произнесла она наконец, - никогда не задают прямых вопросов женщинам, за исключением матери или той, за которую они сражались и которую они добыли в бою.

- Но ведь я сражался... - тут я замолк и пожалел, что мне никто не отрезал при этом язык.

В то самое мгновение, как я умолк, она поднялась со своего места, скинула со своих плеч мои шелка, подала их мне и, не произнося ни слова, удалилась походкой королевы по направлению к своей повозке.

Я не посмел провожать ее, только глазами следил за нею и убедился, что она невредимой вернулась к себе, потом приказал Вуле сторожить ее и, глубоко огорченный, вернулся в собственную повозку. Несколько часов я мрачно просидел, скрестив ноги на своих шелках, погруженный в думы о том как зло шутит судьба над бедными смертными.

Так вот она, любовь! Мне удалось избегнуть ее в течение всех долгих лет, когда я колесил по всем пяти материкам и окружающим их океанам: Вопреки красоте женщин и благоприятствовавшим мне случайностям, вопреки жившей в моей душе тоске по любви и постоянным поискам этой любви - мне суждено было полюбить, безумно и безнадежно, существо другого мира, с лицом, быть может, несколько схожим, но не одинаковым с моим лицом. Женщину, которая вылупилась из яйца, и чья жизнь длится добрую тысячу наших земных лет, у чьего народа странные привычки и обычаи, женщину, чьи помыслы, чьи удовольствия, понятия о чести, справедливости и несправедливости столь же отличны от моих понятий об этих вещах, как и от понятий зеленых марсиан.

Да, я был безумцем, но я был влюблен, и хотя испытывал величайшие муки, каким я когда-либо в жизни подвергался, я не хотел бы, чтобы это было иное, будь то за все богатство барсумцев. Такова любовь и таковы влюбленные - повсюду, где только знают любовь.

Для меня Дея Торис была олицетворенным совершенством - одухотворенности, красоты, доброты и благородства. Я верил в это всем сердцем и всей душой в ту ночь в Кораде, когда я сидел, поджав ноги на щелках, а меньшая луна Барсума быстро склонялась к востоку, отражаясь в мраморе, золоте и драгоценных камнях мозаики моей древней как мир комнате, и я верю в это сегодня, когда я сижу у моей конторке в маленьком рабочем кабинете над рекой Гудзон. С тех пор прошло двадцать лет: в течение десяти из них я жил и боролся за Дею Торис и ее народ, а другие десять протекли для меня под знаком памяти о ней.

То утро, когда мы вступили в Тарк, было ясным и теплым; утра на Марсе и вообще таковы, кроме шести недель, когда на полюсах тает снег.

Я нашел Дею Торис в веренице отъезжающих повозок, но она повернулась ко мне спиной, и я видел, как краска залила ее щеки. С глупой неосмотрительностью возлюбленного я постарался остаться спокоен, вместо того, чтобы попытаться убедить ее, что я не знал, чем я ее оскорбил, таким образом добиться в худшем случае хотя бы полупризнания.

Я счел своим долгом удостовериться, удобно ли ее устроили, и, войдя в ее повозку, привел в порядок ее шелка и меха. Тут я с ужасом убедился, что ее приковали тяжелой цепью к стене повозки.

- Что это значит? - вскричал я, обращаясь к Соле.

- Саркойя решила, что так будет лучше, - ответила та, и лицо ее выражало полное несогласие с этой ненужной жестокостью.

Осмотрев цепь, я увидел, что она кончается массивным замком.

- Где ключ от него, Сола? Дай мне его.

- Ключ у Саркойи, Джон Картер, - ответила она.

Не говоря ни слова, я пошел прочь от них и разыскал Тарса Таркаса, которому стал убедительно доказывать бессмысленность оскорбления и жестокости, которыми подвергли Дею Торис оттого, что такими они представились моим глазам влюбленного.

- Джон Картер, - отвечал он мне, - если вам и Дее Торис удастся когда-либо вырваться из рук тарков, то это произойдет во время нынешнего путешествия. Мы знаем, что вы не уйдете без нее. Вы доказали нам, что вы - великий боец, и мы не хотим заковывать вас оттого, что мы можем удержать вас обоих куда более легким путем, более верным и более безопасным. Я сказал.

Я понял, что его рассуждения вполне правильны, и знал, что бесполезно разубеждать его, но я только попросил, чтобы ключ от замка был не у Саркойи, и чтобы ей было приказано в будущем оставлять пленницу одну.

- Вы, Тарс Таркас, можете сделать это для меня оттого, что я чувствую к вам искреннюю дружбу.

- Дружбу? - повторил он. - Не верю, Джон Картер, но пусть будет по вашему. Я распоряжусь, чтобы Саркойя не досаждала девушке и возьму ключ к себе.

- Если только вы не согласитесь, чтобы я взял ответственность на себя, - сказал я, смеясь.

Раньше, чем ответить, он поглядел на меня пристально и долго.

- Если вы дадите мне слово, что ни вы, ни Дея Торис не станете пытаться бежать раньше, чем мы благополучно доберемся до владений Тала Хаджуса, я отдам вам ключ, а цепь брошу в реку Исс.

- Пусть лучше ключ останется у вас, Тарс Таркас, - ответил я.

Он улыбнулся и не сказал в ответ ни слова, но в эту же ночь я видел, как он собственноручно освободил Дею Торис от оков.

При всей его холодности и жестокости в Тарсе Таркасе было, казалось, и нечто другое, какое-то чувство, которое он неустанно

силился подавить в себе. Быть может, это был некий человеческий инстинкт, скрытый глубоко в его душе, но терзающий его мыслью об ужасных путях его народа!

Когда я подошел к повозке Деи Торис, я прошел мимо Саркойи, и черный, злобный взгляд, который она кинула на меня, был сладчайшим бальзамом для меня на много часов. Боже, как она меня ненавидела! Ее взгляд, будь он мечом, пронзил бы меня насмерть!

Немного спустя я увидел, что она беседует с воином по имени Над, невысоким, плотным и здоровенным грубияном, который, однако, еще не убил ни одного из своих вождей и был поэтому смад, т.е. мужем с одним именем; второе имя он мог получить только приобретя оружие какого-либо вождя. Таков обычай, который награждал меня именами вождей, которые пали от моей руки, и в самом деле, многие воины называли меня Дотор Соджет - комбинированное прозвище из имен двух вождей, которых я убил в равном бою.

Пока Саркойя говорила, он кидал на меня быстрые взгляды, а она в это время, казалось уговаривала его что-то сделать. Тогда я обратил на это мало внимания, но на следующий день я получил повод вспомнить это обстоятельство и, вместе с тем, понял глубину ненависти Саркойи и то, до чего она может дойти в своем желании отомстить мне.

Дея Торис в этот вечер не хотела видеть меня, и когда я назвал ее по имени, она даже не обернулась ко мне, не сказала ни слова, а сделала вид, будто не знает о моем существовании. В отчаянии я поступил так же, как поступило бы большинство влюбленных: я попытался заговорить о ней с кем-нибудь из близких ей. В то мгновение это была Сола, которую я увидел в другой части лагеря.

- Что случилось с Деей Торис? - торопливо спросил я ее. - Отчего она не хочет говорить со мной?

Сола и сама, казалось, была в замешательстве, как будто бы странные поступки двух человеческих существ были недоступны ее пониманию, и так оно в действительности и было.

- Она говорит, что вы рассердили ее, и больше она ничего не хочет сказать, кроме того, что она дочь джеддака, и что ее унизило существо, недостойное чистить зубы у сораха ее бабки.

Я помолчал несколько мгновений, потом спросил:

- Кто такой сораж, Сола?

- Небольшой зверек, величиной примерно с мою руку, с которым любят иногда играть красные марсианки, - объяснила Сола.

Недостоин чистить зубы у кошки ее бабки! Я подумал, что я стою довольно низко во мнении Деи Торис! Но потом я не мог удержаться от смеха при этом, таком домашнем и потому таким земным сравнением. Я резко почувствовал вдруг тоску по родине, родному дому, так это было похоже на наше - "недостоин чистить ее ботинки". И вслед за этим потянулась вереница новых для меня мыслей. Я с изумлением стал думать о том, что делают подобные мне у себя дома. Я не видел их уже много лет. В Виргинии было семейство Картеров, состоявшее со мной в дружественных отношениях; меня считали там двоюродным дедушкой или чем-то вроде этого. Я мог пробыть в отсутствии двадцать или тридцать лет, и то, что меня с моими мыслями и чувствами мальчишки могли считать дедушкой, хотя бы и двоюродным, казалось мне величайшей нелепостью. У этих Картеров было двое младенцев, которых я очень любил и которые были убеждены, что на Земле нет никого, кто мог бы сравниться с дядей Картером; я видел их перед собой так же ясно, как я видел себя стоящим под небом Барсума, и я тосковал по ним, как не тосковал еще ни по одному из смертных. Я был скитальцем от природы, и я не знал, что значит слово - "дом", и все же, когда я произносил это слово, в моей памяти всплывала большая комната в доме Картеров, к ней-то и обратилось теперь мое сердце от холодных и враждебных существ, к которым я попал. Потому что разве не презирает меня даже Дея Торис? Я был низшим существом, настолько низшим, что был даже недостоин чистить зубы у кошки ее бабки! Но здесь на помощь мне пришло мое врожденное чувство юмора, и я, смеясь, вернулся к себе, на свои шелка и меха, и уснул под многолунным небом крепким сном усталого и здорового воина.

На следующий день мы рано пустились в путь и за весь день до самого наступления темноты сделали только один привал. Однообразие нашего путешествия нарушили два события. Около полудня мы заметили по правую руку от нас очень похожее на инкубатор, и Лоркас Птомель послал Тарс Таркаса обследовать его. Последний взял с собой дюжину воинов, в том числе и меня, и мы понеслись через лежавший бархатистым ковром мох к небольшой загородке.

Это действительно был инкубатор, но яйца в нем были очень малы по сравнению с теми, которые я видел при моем прибытии

на Марс. Тарс Таркас внимательно оглядел загородку, потом заявил, что они принадлежат зеленым людям варуна и что цемент стены едва высох.

- Их отделяет от нас не более одного дня пути, - воскликнул он, и воинственный пыл отразился на его свирепом лице.

В инкубаторе дела было немного. Воины быстро пробили брешь в стене и несколько человек, проникнув, поразбивали все яйца своими короткими мечами.

Потом мы снова сели верхом и присоединились к нашему каравану. Пока мы ехали обратно, я улучил мгновение и спросил Тарса Таркаса, были ли эти варуны, чьи яйца мы разбили, меньших размеров, нежели его тарки.

- Дело в том, что эти яйца много меньше, нежели те, которые я видел в вашем инкубаторе, - добавил я.

Он объяснил мне, что яйца были только что принесены сюда.

Как и все яйца зеленых марсиан, они растут в течении пятилетнего инкубационного периода, пока не достигнут размеров тех яиц, которые я видел в день моего прибытия на Марс.

Мне было интересно узнать это оттого, что я никак не мог понять, каким образом зеленые марсиане могут при своих размерах производить на свет огромные яйца, вроде тех, из которых при мне выходили четырехфутовые младенцы. Оказывается, только что снесенное яйцо размером лишь немного больше гусиного, и пока оно не начало расти, будучи подставленным под солнечные лучи, для вождей не составляет труда сразу перенести несколько сот яиц из крытых складов в инкубатор.

Вскоре, после происшествия с яйцами варунов, мы остановились, и во время этой остановки имел место второй значительный эпизод этого дня. Я был занят тем, что перекладывал седло с одного из моих тотов на другого, оттого, что я делил между ними дневной труд, когда ко мне приблизился Цад и, не говоря ни слова, нанес моему животному ужасный удар своим длинным мечом.

Мне не надо было справляться с учебниками марсианского хорошего тона, чтобы узнать, как ответить, оттого, что я был так зол, что мне стоило большого труда заставить себя не воспользоваться револьвером и не уложить его на месте одним выстрелом; но он стоял передо мной в выжидающей позе с обнаженным длинным мечом и я решил вытащить свой меч и сойтись с ним в честном бою, приняв выбранное им оружие или даже меньшее.

Последнее считалось вполне допустимым, и я мог воспользоваться коротким мечом, кинжалом, топором или кулаками, если

бы только захотел, и поступил бы вполне законно, но только я не мог прибегнуть к огнестрельному оружию или копью, так как он стоял передо мной с одним длинным мечом.

Я избрал то же самое оружие, что и он, оттого, что я знал, что он гордится своим умением управляться с ним, и я хотел, если мне удастся победить его, сделать это его же собственным оружием. Бой был долгий и задержал нашу колонну на добрый час. Все, кто только был в караване, окружили нас, оставив для боя круг шагов сто в диаметре.

Цад сначала попытался броситься на меня, как бык бросается на волка, но я был слишком быстр и ловок для него, и всякий раз уворачивался от его натисков, и он встречал только удар моего меча по своему мечу или одному из боков. Вскоре кровь текла уже из дюжины небольших ран, но я никак не мог улучить мгновение, чтобы нанести решительный удар. Тогда он изменил тактику и стал сражаться осторожно и чрезвычайно ловко, стараясь искусством достигнуть того, что ему не удалось добиться бешеным натиском. Я должен сознаться, что он был превосходным бойцом, и не будь я так вынослив и не обладай я той изумительной подвижностью, которую мне сообщала меньшая сила притяжения Марса. я не в состоянии был бы выиграть этот бой.

Мы довольно долго кружили друг возле друга, не причиняя друг другу заметного вреда, и наши длинные мечи сверкали в солнечных лучах. Наконец, Цад, который более устал, нежели я, решил по-видимому, окончить бой в свою пользу: в то самое мгновение, когда он ринулся на меня, в глаза мне ударил луч света и ослепил меня, так что я не видел его приближения и мог только вслепую отскочить в сторону с единственным желанием увернуться от мощного удара, который я, казалось уже чувствовал. Это удалось мне лишь отчасти, и острая боль в левом плече доказала мне это, но в то время как я быстро оглядывался, чтобы снова увидеть моего противника, мой взгляд упал на зрелище, которое вознаградило меня за рану, повинной в которой была моя мгновенная слепота. В повозке Деи Торис стояли три фигуры во весь рост, чтобы видеть бой через головы окружающих нас тарков. Это были Дея Торис, Сола и Саркойя, и когда мой взгляд на миг остановился на них, мне представилась картина, которую я буду помнить до смертного моего часа.

Когда я взглянул на них, Дея Торис обернулась к Саркойе, с яростью юной тигрицы вырвала что-то из ее высоко поднятых рук, что-то ярко блестевшее на солнце.

Тут я понял, что ослепило меня в то самое мгновение, которое могло стать гибельным для меня, понял также и то, каким образом Саркойя сумела найти способ погубить меня, не нанося сама последнего удара. Другое, что я увидел тоже и что чуть не погубило меня, оттого, что я перестал думать о себе, было следующее: когда Дея Торис вырвала из рук Саркойи зеркало, лицо этой последней потемнело от ярости и, выхватив кинжал, она занесла его над Деей Торис. Тогда Сола, наша дорогая, верная Сола, бросилась между ними. Последнее, что я видел, был острый нож, опускающийся на ее грудь, прикрывавшую Дею Торис.

Мой неприятель пришел в себя после своего удара и стал наседать на меня, так что мне пришлось снова сосредоточить все свое внимание на непосредственно близком мне деле, но мысли мои были заняты не сражением.

Мы бешено бросались друг на друга, пока, почувствовав у своей груди его меч, которого я не мог избежать или отпарировать, я не бросился вперед всем своим весом и выставил вперед свой меч, не желая умереть один, если только это возможно. Я чувствовал, как сталь вонзилась в мою грудь, в глазах у меня потемнело, голова закружилась, и я ощутил, как подгибаются мои колени.

XV.

СОЛА РАССКАЗЫВАЕТ МНЕ СВОЮ ИСТОРИЮ

Когда сознание вернулось ко мне, мне сказали, что я только одно мгновение лежал без чувств, я сразу же вскочил на ноги и стал искать свой меч. Я нашел его торчащим в зеленой груди Цада, который лежал мертвым на мху цвета охры, покрывающем высохшее морское дно. Когда я совсем пришел в себя, я увидел, что его меч пронзил левую половину моей груди, но задел только кожу и мышцы, покрывающие ребра, вошел в мою грудь и вышел пониже плеча. Когда я наносил свой удар, я повернулся так, что его меч прошел через мускулы, причинив болезненную, но безопасную рану.

Я вытащил меч из своего тела и точно так же достал и свой меч, потом повернулся спиной к его уродливому телу и напра-

вился, унылый, страдающий и мрачный к повозкам. Ропот одобрения марсиан провожал меня, но я не обратил на него внимания.

Окровавленный и обессиленный, я добрался до женщин, которые, будучи привычны к такого рода происшествиям, перевязали мои раны и приложили к ним те изумительные целебные средства, благодаря которым гибельны бывают на Марсе только самые ужасные смертельные раны. Дайте марсианке только малейшую надежду на спасение раненого, и смерти придется отступить перед ее искусством и опытностью. Они сразу же сумели так залечить мои раны, что кроме слабости, происходившей от потери крови, я не испытывал никакого беспокойства от страшного удара, который в условиях земного лечения наверняка заставил бы меня пролежать в постели много дней.

Как только они отпустили меня, я поспешил к повозке Деи Торис, где увидел мою бедную Солу с перевязанной грудью, но, по-видимому, не пострадавшую в стычке с Саркойей: кинжал ударился в одно из металлических украшений, которое она носила на груди, скользнул в сторону и только слегка задел ее тело, нанеся ей пустяшную царапину.

Когда я приблизился, я нашел Дею Торис лежащей навзничь на шелках, и все ее хрупкое тело содрогалось от рыданий.

Она не обратила внимание на мое присутствие и не слышала моего разговора с Солой, стоявшей совсем близко от повозки.

- Ее обидел кто-нибудь? - спросил я Солу, указав кивком головы на Дею Торис.

- Нет, - ответила она, - она думает, что вы погибли.

- И что некому чистить зубы у кошки ее бабушки? - спросил я, улыбаясь.

- Я думаю, что вы несправедливы к ней, Джон Картер, - сказала Сола. - Я не понимаю ни вашего, ни ее поведения, но только я думаю, что внучка десяти тысяч джеддаков никогда не стала бы оплакивать таким образом гибель существа, которое она считает ниже себя, или кого-нибудь, к кому она не относилась бы с величайшим уважением. Она принадлежит к гордой породе, и вы, наверное, сильно оскорбили или обидели ее, раз она не хочет обращать на вас внимания, когда вы живы, и так оплакивает вашу гибель.

- Слезы не так часто приходится видеть у барсумцев, - продолжала она, - и поэтому мне так трудно объяснить, что они могут значить. За всю свою жизнь я видела только два плакавших существа, помимо Деи Торис: одно из них плакало от горя, другое - от ненашедшей выхода ярости. Первой была моя мать, много

лет назад, перед тем, как они убили ее; второй была Саркойя, когда они сегодня оторвали ее от меня.

- Ваша мать! - воскликнул я. - Но, Сола, вы ведь не могли знать ее, дитя!

- Я знала ее. И я знаю моего отца, - добавила она. - Если вы хотите услышать необычную и совсем не барсумскую историю, приходите сегодня вечером в нашу повозку, Джон Картер, и я расскажу вам то, о чем я за всю мою жизнь никому еще не говорила. А теперь уже подан знак выступать в поход. Вам надо идти.

- Я приду вечером, Сола, - пообещал я. - Передай Дее Торис, что я здрав и невредим. Я не стану надоедать ей, и будь покойна, я не подам вида, что видел ее слезы. Если она захочет меня видеть - я явлюсь немедленно на ее зов.

Сола вошла в повозку, которая немедленно заняла свое место в ряду других повозок, а я поспешил к ожидавшему меня тоту и тоже помчался вскачь на свое место подле Тарс Таркаса в арьергарде колонны.

Мы представляли собой чрезвычайно внушительное и способное нагнать страх зрелище, двигаясь таким образом по желтому пейзажу: двести пятьдесят разукрашенных и пестро размалеванных повозок, впереди которых ехало верхом двести воинов и вождей, по пять в ряд, на расстоянии ста футов и сзади такое же количество воинов, в том же порядке. Фланги прикрывало с каждой стороны тоже не менее двадцати воинов; пятьдесят сверхмастодонтов, тяжелых упряжных животных, известных под именем эитидаров и пять или шесть сотен тотов, которые свободно бежали внутри четырехугольника, образуемого воинами. Сверкание металлических украшений и драгоценностей мужчин и женщин, пышная и блестящая сбруя животных, яркие краски великолепных мехов, шелков и перьев сообщали нашему каравану такой варварский блеск, что любому индусскому магарадже вполне было позеленеть от зависти.

Огромные широчайшие колеса повозок и тяжелые ступни животных не производили ни малейшего шума на покрытом мхом дне моря; и мы продвигались вперед в полной тишине, подобные некоему видению, кроме тех мгновений, когда молчание нарушалось горловым ворчанием подгоняемого эитидара или криками дерущихся тотов. Зеленые марсиане говорят очень мало, и то только односложно и тихо, и речь их подобна грохоту отдаленного грома.

Мы шли поросшей мхом пустыней, где не видно было никаких следов оттого, что едва колесо или ступившая нога перемещается дальше, опустившийся было под их давлением мох снова занимает прежнее положение. Мы могли быть духами умерших в этом мертвом море этой умирающей планеты, так мало было слышно и заметно, что мы идем. Впервые в жизни я видел большой отряд, проходящий таким образом, не поднимающий пыли и не оставляя за собой никаких следов. Оттого, что кроме как на обитаемых и обработанных землях, на Марсе очень мало пыли и то только в зимние месяцы, и то эта пыль почти незаметна, благодаря отсутствию сильных ветров.

Вечером этого дня мы остановились у подножия холмов, к которым мы направлялись уже два дня и которые служили южной границей этого необычного моря. Наши животные целых два дня обходились без питья, а до того они не имели воды около двух месяцев, почти с того самого дня, когда они оставили Тарк, но, как мне объяснил Тарс Таркас, они мало нуждаются в воде и могут питаться мхом, который покрывает Барсум и содержит по его словам, достаточно сока, чтобы удовлетворить нетребовательных животных.

Поужинав куском сыроподобной пищи и растительным молоком, я отправился к Соле и нашел ее работающей при свете факела над сбруей для Тарс Таркаса. Она взглянула на меня, когда я подошел к ней, и лицо ее сияло радостью и приветом.

- Я рада, что вы пришли, - сказала она, - Дея Торис спит, и я одна. Мое племя мало беспокоится обо мне, Джон Картер: я слишком непохожа на них всех. У меня невеселая судьба - прожить с ними всю жизнь, мне часто хотелось быть обыкновенной зеленой марсианкой, не знающей ни любви, ни надежды, но я узнала любовь, я должна погибнуть.

- Я обещала вам рассказать мою историю, вернее, рассказать историю моих родителей. Я знаю вас и жизнь вашего народа, и я убеждена, что мой рассказ не покажется вам слишком диким, но сколько может помнить самый старый из тарков, ничего похожего не случалось среди зеленых марсиан, и даже в наших легендах нет ничего подобного.

- Моя мать была очень невелика ростом. Она была так мала, что ей не сочли возможным поручить деторождение, оттого, что наши вожди выбирают матерей главным образом за рост. Она была также менее холодна и жестока среди большинства марсианок, и так как она находила мало удовольствия в их обществе, она часто бродила одна по пустынным улицам Тарка или сидела

среди цветов, покрывающих расположенные близ города холмы, и мечтала и думала о разных вещах, которые, как мне кажется, из всех таркских женщин могут понять только я одна, оттого, что я дочь своей матери!

- И здесь, среди холмов, она повстречала молодого воина, на чьей обязанности лежало стеречь пасущихся эитидаров и тотов, следить, чтобы они не убежали за линию холмов. Сначала они говорили только о таких вещах, которые занимают большинство тарков, но, мало-помалу, по мере того, как они чаще встречались, не случайно, как теперь уже стало ясно для обоих, они заговорили о самих себе, о своих желаниях, надеждах, мечтах. Она доверилась ему и рассказала о том ужасном отвращении, которое внушало ей жестокость ее народа, и самая мысль об отвратительной жизни без любви, без привязанности, и, сказав ему все это, она стала ждать, что с его холодных жестоких губ сорвутся слова презрения и злобы; но вместо этого он обнял и поцеловал ее.

Целых шесть лет они скрывали ото всех свою любовь. Она, моя мать, принадлежала к свите великого Тала Хаджуса, а ее возлюбленный был простым воином. Если бы стало известно, что они преступили законы и обычаи, они погибли бы оба на большой арене перед лицом Тала Хаджуса и несметной толпы.

Яйцо, из которого я появилась на свет, было спрятано под большим стеклянным сосудом в самом высоком и недоступном из полуразрушенных замков древнего Тарка. Моя мать навещала его раз в год, в течение всех пяти лет, которые длится инкубационный процесс. Она не решалась приходить чаще оттого, что она боялась, что за каждым ее шагом следят. За это время мой отец успел сильно выдвинуться и получил оружие многих вождей. Его любовь к моей матери не стала меньше, и единственной целью его жизни было добыть оружие самого Тала Хаджуса, и таким образом, став владыкой всех тарков, получить право назвать ее своей; он хотел также, благодаря своей власти, иметь возможность покровительствовать своему ребенку, который был бы убит, если бы только узнали как-нибудь правду.

- Добыть оружие Тала Хаджуса за пять коротких лет было безумной мечтой, но успехи его были очень велики, и он скоро занял видное место в совете тарков. Но однажды надежды его были разбиты навсегда, по крайней мере, в части, касавшейся спасения тех, кого он любил: его назначили в далекую экспедицию на покрытый льдами юг, чтобы вести войну против местных жителей и отобрать у них их меха, оттого, что таков обычай

зеленых барсумцев: они никогда не работают над тем, что они могут отобрать у других в бою.

Его отправили на пять лет, и когда он вернулся, уже три года, как все было кончено. Около года спустя, после его отъезда и незадолго до возвращения экспедиции, отправившейся, чтобы привести детей из общественного инкубатора, яйцо вскрылось. Моя мать оставила меня в старом замке, еженощно навещала меня и расточала мне все те ласки, которых должна была лишить нас жизнь в обществе. Она надеялась, что когда будет возвращаться экспедиция из инкубатора, ей удастся замешать меня в толпу детей, предназначенных ко двору Тала Хаджуса, и таким образом избегнуть судьбы, которая, без сомнения, должна была последовать за открытием ее преступления против древних обычаев зеленых людей.

Она наскоро обучила меня языку и обычаям сословия, и однажды ночью рассказала мне ту самую историю, которую я сейчас рассказала вам, и довела ее до этого места, стараясь внушить мне необходимость полной тайны и величайшей осторожности, которую я должна буду соблюдать, когда окажусь вместе с другими юными тарками, чтобы никто не мог догадаться, что я знаю больше, нежели они, чтобы я ни словом, ни движением не обнаружила своего чувства к ней или того, что я знаю, кто мои родители; потом, крепко прижавшись ко мне, она прошептала мне имя моего отца.

Вдруг свет сверкнул и в темноте комнаты перед нами предстала Саркойя, пристально смотря своими злобными блестящими глазами на мою мать. Злоба и ненависть, исходившие, казалось, от нее, заставили сжаться мое юное сердце. Очевидно, она слышала весь разговор моей матери, и что она уже давно подозревала мою мать, вследствие ее долгих отлучек, что доказывало ее присутствие в этой комнате в эту ужасную ночь.

- Она не слышала только одного, и этого одного она не знала - имени моего отца. Это стало ясно из ее настойчивых требований, обращенных к моей матери, назвать имя того, с кем она согрешила, но никакие угрозы не могли вырвать его у той, и чтобы спасти меня от неизбежных пыток, она солгала, сказав Саркойе, что она одна знает его имя и никогда не сказала бы его ребенку.

Еще раз пригрозив ей, Саркойя поспешила к Талу Хаджусу, чтобы известить его о своем открытии; и едва она вышла, как моя мать завернула меня в шелка и меха своей ночной одежды, так

что меня с трудом можно было заметить, вышла из здания и побежала с безумной быстротой к южной окраине города, в ту сторону, где находился мужчина, к чьей помощи она не могла взывать, но чье лицо ей хотелось увидеть еще раз перед смертью.

- Когда мы приблизились к южной окраине города, мы услышали шум со стороны единственного прохода, который ведет через дальние холмы, и которым пользуются отряды, идущие с юга, с севера, с востока, с запада. Шум, который долетал до нас, были крики тотов и рев зитидаров, к ним примешивались бряцание оружия, сопровождающее тело убитого воина. Первой мыслью моей матери было, что это отец возвращается из своей экспедиции, но она знала тарков, и это удержало ее от того, чтобы побежать очертя голову ему навстречу.

Спрятавшись в тени арки, она ждала, чтобы кавалькада поравнялась с ней. Когда передняя часть процессии проходила мимо нас, меньшая луна осветила своим волшебным светом всю картину. Моя мать еще больше ушла в дружественную тень, и со своего наблюдательного поста увидела, что экспедиция эта была не той, с которой отправился мой отец, а что это везли из инкубатора юных тарков. В мгновение ока план ее был готов, а когда большая повозка поравнялась с нашим убежищем, она побежала рядом с ней, прячась в ее тени и страстно прижимая меня к своей груди.

- Она знала то, чего я не знала: что никогда уже ей не суждено больше ни обнять, ни увидеть меня. Когда на большой площади началась сутолока, она толкнула меня в толпу других детей, чьи стражи были рады, что настало мгновение, когда они могут снять с себя ответственность, лежавшую на них во время пути. Нас ввели в большую комнату, где нас приняли женщины, никогда до сих пор не видевшие и не сопровождавшие экспедицию, а на следующий день нас распределили по свитам отдельных вождей.

- Я никогда уже больше не видела моей матери. Тал Хаджус заключил ее в темницу и самыми ужасными и позорными пытками пытались исторгнуть из ее уст имя моего отца, но она осталась тверда до самого конца и умерла под смех Тала Хаджуса и других вождей во время одной из пыток, которым ее подвергли.

- Позднее я узнала, что она уверила их: будто убила меня, чтобы спасти меня от участи, подобной ее, а мое тело бросила белым обезьянам. Одна лишь Саркойя не поверила ей, и до сих пор я чувствую, что она подозревает истину моего происхожде-

ния, оттого, что она также догадывается, я в этом убеждена, кто мой отец.

- Я присутствовала при том, как Тал Хаджус рассказывал ему после его возвращения историю моей матери, ее судьбу. Ни один мускул не дрогнул на его лице, и ничем не выдал он своего волнения, он только не смеялся, когда Тал Хаджус весело описывал ее смертные муки. С этого мгновения он сделался жесточайшим из жестоких, и я жду того дня, когда он достигнет предела своих желаний и ударит ногой тело Тала Хаджуса, оттого, что я убеждена, что он только ждет случая ужасно отомстить ему, оттого, что в сердце его любовь так же сильна, как и сорок лет назад, когда она переродила его, и для меня это так же достоверно, как то, что мы сидим здесь, у края древнего, как мир, моря, в то время, как чувствительные люди давно уже спят, Джон Картер...

- А ваш отец, Сола, он с нами и теперь? - спросил я.

- Да, - отвечала она, - но он не знает, кто я, и не знает также, кто предал мою мать Талу Хаджусу. Я одна знаю имя моего отца, и только я, Тал Хаджус и Саркойя знаем, что это Саркойя пересказала Талу Хаджусу ту историю, которая принесла муки и смерть той, кого он любил.

Мы молча сидели несколько мгновений, она погрузилась в мысли о своем ужасном прошлом, а я с сожалением думал о бедных созданиях, которых бессердечные, бесчувственные обычаи их народа обрекли на жизнь без любви, жизнь, полную жестокости и ненависти. Наконец, она заговорила:

- Джон Картер, если когда-либо настоящий мужчина ступал по холодной, мертвой почве Барсума, этот мужчина - вы. Я знаю, что я могу довериться вам, и так как это может когда-либо помочь вам, Дее Торис и мне в нужде, я назову вам имя моего отца и не стану ставить вам никаких условий, когда вы сможете им воспользоваться. Когда придет час, скажите правду, если вам покажется, что так будет лучше. Я верю вам. Это имя - Тарс Таркас!

XVI.

МЫ НАДЕЕМСЯ БЕЖАТЬ

Остальная часть нашего путешествия до Тарка протекала спокойно. Мы были в пути три недели, пересекли два морских

дна и прошли поблизости развалин нескольких городов, по большей части меньших размеров, чем Корад. Дважды мы пересекали знаменитые водные пути, или каналы, как называют их наши земные астрономы, Приблизившись к ним, мы высылали вперед воина с подзорной трубой, и если поблизости не было видно сильных отрядов красных марсиан, мы продвигались к ним, насколько возможно было это сделать, не будучи замеченными, делали привал до наступления темноты, когда мы медленно приближались по полосе обработанных земель. Здесь мы выходили на одну из многочисленных широких шоссейных дорог, которые пересекают на равных расстояниях населенные места, и тихонько таясь, перебирались на другую сторону обработанных земель. Один из этих переходов продолжался пять часов без остановок, а другой отнял целую ночь, так что мы лишь едва переступили границу обработанных полей, когда солнце взошло над нами.

Так как переходы эти делались в темноте, я не имел возможности ничего почти видеть, кроме разве того, что меньшая луна в своем бешеном и неустанном беге по барсумским небесам освещала время от времени, вырывая какие-то клочья ландшафта, озаряя огороженные поля и низкие, неясно видимые дома, очень похожие на наши земные фермы. Здесь росло много деревьев, рассаженных с чрезвычайной планомерностью, и некоторые из них были невероятной вышины. Здесь были и животные за загородками, и они давали знать о себе испуганными криками и фырканьем, учуяв наших странных и диких животных и не менее дикие человекоподобные существа.

Только однажды я увидел человеческое существо, и было это на перекрестке нашего шоссе с широкой белой дорогой, которая прорезает вдоль полосу обработанных земель. Парень, должно быть спал подле дороги, оттого, что когда я подошел к нему вплотную, он приподнялся на локте и, едва успев бросить взгляд на приближающийся караван, как безумный, сбежал с дороги и перескочил ближнюю ограду с быстротой испуганной кошки. Тарки не обратили на него ни малейшего внимания, они продолжали спокойно продвигаться вперед, и я узнал, что они заметили его только потому, что весь караван ускорил шаг, чтобы поскорее добраться до следующей пустыни, граничащей с владениями Тала Хаджуса.

Я ни разу не говорил за это время с Деей Торис, оттого, что она ни разу не позвала меня к себе в повозку, а моя безумная гордыня не позволила мне самому предпринять какие-либо шаги в этом направлении. Я готов поверить, что успехи мужчины среди

женщин обратно пропорциональны его отваге с мужчинами. Слабые и трусы часто умеют ловко пленять слабый пол, а отважные воины, которые умеют встретить лицом к лицу тысячу настоящих опасностей, сидят боязливо в темноте, подобно испуганному ребенку.

Ровно через месяц после моего прибытия на Барсум, мы вступили в древний город Тарк, у чьего забытого народа орда зеленых людей заимствовала даже имя. Тарки насчитывают около тридцати тысяч душ и делятся на двадцать пять общин. Во главе каждой общины стоит отдельный джед и подчиненные ему вожди, но все они подчиняются Талу Хаджусу, джеддаку Тарка. Пять общин располагаются в самом Тарке, а остальные занимают другие запустевшие города древнего Марса, расположенные в округе, подвластной Талу Хаджусу.

Мы вступили на большую городскую площадь около полудня. Возвратившуюся экспедицию никто не встречал восторженными приветствиями. Случайно попавшиеся навстречу называли по именам воинов и женщин, с которыми они столкнулись, и только тогда, когда стало известно, что экспедиция привела с собой двоих пленных, к ней стали проявлять больший интерес, и Дея Торис и я сделались предметом общего любопытства.

Нам вскоре отвели помещение, и остаток дня был предоставлен нам, чтобы мы могли устроиться на новом месте. Мой дом стоял на улице, выходившей на большую площадь с южной стороны, главной улице, по которой мы проходили, когда вошли в город от городских ворот. Меня поместили в дальнем краю здания, и мне предоставлено было целое крыло его. Архитектура здесь была столь же величественна, как в Кодаре, даже, насколько это было возможно, еще величественнее. Мое помещение было достойно величайшего из земных государей, но для этих странных существ значение имели только величина и громадность комнат и зданий; поэтому Тал Хаджус занимал дом, который, по всей вероятности, был некогда общественным зданием, самый большой дом во всем городе, но вовсе не приспособленный быть резиденцией; следующее по величине здание занимал Лоркас Птомель, следующее за ним джед следующего чина, и так далее, согласно рангу каждого из пяти джедов. Воины помещались в том же здании, что и вождь, под чьим началом они находились. Впрочем, если они этого хотели, они могли занять любое из тысяч свободных зданий в той части города, которая была отведена их общине. Выбор зданий был связан с этим распределением общин по городу, и только для джедов делалось

исключение из этого правила: они занимали здания, выходившие на большую городскую площадь.

Когда я, наконец, привел в порядок свое помещение, вернее сказать, когда его привели в порядок под моим наблюдением, было уже недалеко до заката, и я поспешил выйти, чтобы разыскать Солу и водворить ее и ее вещи на место, оттого что я решил переговорить с Деей Торис и убедить ее в необходимости перемирия со мной, пока я не найду возможности помочь ей бежать. Я напрасно искал ее, пока верхний край солнца не скрылся за горизонтом, и тогда заметил уродливое лицо Вулы, выглядывающее из окна второго этажа дома, выходившего на другую сторону той же улицы, на которой помещался и мой дом, но только поближе к площади.

Я не стал ждать приглашения, взбежал по винтовой лестнице, которая вела во второй этаж, и большую комнату, выходившую на улицу; здесь меня приветствовал дикий Вул, который бросился ко мне и своим громадным телом чуть не раздавил меня. Он так рад был видеть меня, что я подумал, что он не прочь меня съесть: вся его морда ослабилась в подобие широчайшей улыбки.

Я успокоил его словами и лаской: и стал вглядываться в надвигающуюся темноту, чтобы открыть хоть какой-нибудь след Деи Торис. Не видя ее, я позвал ее по имени. Из дальнего угла комнаты я услышал ответный шепот и, сделав несколько быстрых шагов, я стоял уже подле нее, сидящей среди мехов и шелков в старинном резном кресле. Я молчал; тогда она встала во весь рост и спросила:

- Что нужно Дотору Соджету, тарку, от Деи Торис, его пленницы?

- Дея Торис, я не знаю, чем я оскорбил вас. Меньше всего я хотел обидеть или огорчить вас, кого я надеялся охранять и защищать. Забудьте обо мне потом, если таково ваше желание, но теперь помогите мне ускорить ваш побег, если только он возможен, и об этом я не прошу вас, я приказываю. Когда вы будете снова у вашего отца - можете поступить со мной, как вам будет угодно, но с этой минуты и до того самого часа, когда вы вернетесь к вашему отцу - я ваш господин, и вы должны слушаться меня и помогать мне.

Она внимательным и долгим взглядом посмотрела на меня, и мне показалось, что мои слова тронули ее.

- Я понимаю ваши слова, Дотор Соджет, - ответила она, - но вас я не понимаю. Вы - странная помесь ребенка и мужа, зверя и

благородного существа. Я очень хотела бы читать в вашем сердце.

- Опустите глаза вниз, к вашим ногам, Дея Торис, оно лежит у ваших ног, там же, где оно лежало все время с той самой ночи в Кодаре, и где оно вечно хотело бы лежать и биться только для вас, пока смерть навсегда не остановит его.

Она слегка подвинулась по направлению ко мне и протянула свои руки каким-то странным движением, как будто она хотела что-то нащупать.

- Что вы хотите сказать этим, Джон Картер? - пролепетала она. - Что вы мне сказали?

- Я сказал то, что поклялся себе самому никогда не говорить вам, по меньшей мере, до тех пор, пока вы не перестанете быть пленницей зеленых людей; то, что я не надеялся никогда сказать вам, судя по вашему обращению со мной в течение последних трех недель; я говорил, Дея Торис, что я ваш душой и телом, что я готов служить вам, сражаться за вас и умереть за вас. За это я прошу вас только об одном: пока вы снова не будете среди вашего народа, не надо ни согласия, ни отказа на то, что я вам сказал, и на ваши чувства по отношению ко мне, каковы бы они не были, никакого влияния не имеет благодарность; то, что я хочу сделать для вас, я делаю из соображений чисто эгоистических, оттого, что мне приятнее делать это для вас, чем не делать.

- Я исполню ваше желание, Джон Картер, оттого, что я понимаю, что побудило вас высказать его, и я столь же охотно принимаю вашу службу, как и признаю ваш авторитет; ваше слово будет законом для меня. Дважды мысленно я была несправедлива к вам, и я прошу у вас за это прощения.

Дальнейшая беседа чисто личностного свойства была прервана приходом Солы, которая была чрезвычайно взволнована и совсем не походила на обычно спокойную и владеющую собой Солу.

- Это отвратительная Саркойя была у Тала Хаджуса, - воскликнула она, - и судя по тому, что я слышала на площади, у вас мало шансов остаться в живых.

- Что они говорят? - спросила Дея Торис.

- Что вас отдадут на растерзание диким калотам (псам) на большой арене, как только отдельные общины соберутся для ежегодных игр.

- Сола, - сказал я, - вы принадлежите к племени тарков, но вы также сильно ненавидите нравы и обычаи вашего народа, как и мы. Не хотите ли вы примкнуть к нам и помочь нам в нашей

попытке бежать, а я вполне убежден в том, что Дея Торис может обеспечить вам кров и гостеприимство у своего народа, и ваша доля там будет не хуже той, какой она должна быть здесь.

- Да! - воскликнула Дея Торис. - бежим с нами, Сола! Вам будет много лучше у красных людей Гелиума, чем здесь, и я могу обещать вам у нас не только кров и пищу, но и любовь и уважение, по которым вы так тоскуете, и которых навеки лишат вас законы и обычаи вашей расы. Едемте с нами, Сола! Мы могли бы бежать и без вас, но ваша судьба будет ужасна, если они заподозрят, что вы помогли нам. Я знаю, что страх не заставил бы вас бежать с нами, но вы попали бы в страну, где светит солнце и где можно быть счастливым, к народу, которому ведомы любовь, привязанность и благодарность. Бегите с нами, Сола, скажите, что вы согласны!

- Великий водный путь, который ведет в Гелиум, лежит всего в пятидесяти милях к югу, - прошептала Сола почти про себя, - быстрый тот, кто может пробежать это расстояние в течение трех часов, а до Гелиума останется пятьсот миль, главным образом через малонаселенные места. Как только они узнают о бегстве, они пустятся в погоню. Мы могли бы спрятаться среди больших деревьев, но все же шансов бежать очень мало. Они будут преследовать нас до самых границ Гелиума, и на каждом шагу они будут грозить вашей жизни; вы не знаете их.

- А разве нет другого пути в Гелиум? - спросил я. - Быть может, вы в состоянии набросать нам приблизительный план тех мест, по которым мы должны проехать, Дея Торис?

- Хорошо, - ответила она, вынула из своих волос громадный бриллиант и начертила на мраморном полу первую карту Барсума, которую мне вообще довелось видеть. Ее во всех направлениях пересекали длинные прямые линии, иногда параллельные, иногда собирающиеся в какой-либо точке, отмеченной кружком. Она сказала, что эти линии - это водные пути, круги - это города, а один из них, далеко на северо-запад от нас, был Гелиум. Были и другие города, ближе к нам, но она сказала, что боится входить во многие из них, оттого, что не все они были в дружественных отношениях с Гелиумом.

Наконец внимательно изучив карту при свете луны, заливавшей теперь всю комнату, я указал на один водный путь, расположенный далеко к северу от нас и который, по-видимому, тоже вел в Гелиум.

- А этот канал тоже пересекает земли вашего отца? - спросил я.

- Да, - ответила она, - но он лежит в двухстах милях к север от нас; это один из тех каналов, которые мы пересекли по пути Тарк.

- Они ни за что не догадаются, что мы решили попытаться бежать этим длинным путем, - ответил я, - и вот почему я думаю, что он является лучшей дорогой для бегства.

Сола согласилась со мной, и мы решили покинуть Тарк этой же ночью, едва я сумею найти и оседлать моих тотов. Сола должна будет сесть на одного из них, а я и Дея Торис - на другого: каждый из нас должен был захватить пищи и питья на два дня, оттого, что животные не могли быстрее пройти такое большое расстояние.

Я предложил Дее Торис отправиться вместе с Солой по одной из наиболее пустынных улиц к южной окраине города, где я должен был разыскать их, приведя с собой тотов, как можно скорее; потом я оставил их собирающими пищу, шелка и меха, необходимые в пути, спокойно выскользнул наружу и вышел во двор, где неустанно топтались и двигались наши животные, по свойственной им привычке, прежде нежели лечь спать.

В тени зданий, почти скрытые от сияния марсианских лун, двигались множество зитидаров и тотов; первые испускали свое глухое горловое ворчание, а вторые время от времени пронзительно визжали, выражая этим состояние бешеного раздражения, в котором эти животные постоянно пребывают. Теперь, благодаря тому, что они были одни, они спокойнее, но когда они почуяли меня, стали волноваться, и их отвратительный гам усилился. Решиться войти ночью одному в загон тотов было нешуточным делом: во-первых, усилившийся шум мог привлечь внимание находившихся неподалеку воинов, а кроме того, в любое мгновение какой-нибудь огромный тот мог по всякому поводу или даже без повода броситься на меня.

Я не имел никакого желания испытывать дурные свойства их характера, особенно в эту ночь, когда все зависело от того, удастся ли соблюсти тишину и тайну, и я прятался в тени зданий, готовый в любое мгновение шмыгнуть в ближайшее окно или дверь. Так я добрался потихоньку до ворот, которые находились в глубине двора, и приблизившись к ним, я негромко позвал двух моих животных. Как я был благодарен провидению, которое надоумило меня заранее добиться любви и доверия этих диких безгласных зверей, оттого, что теперь я увидел, как из дальнего угла двора две громадные туши направились ко мне, пробиваясь через горы мяса.

Они подошли вплотную ко мне и стали тереться мордами о мое плечо, обнюхивая меня и ожидая кусков пищи, которые я обычно приносил с собой. Распахнув ворота, я приказал обоим громадным животным пройти в них, а потом, спокойно выйдя в них, я прикрыл за собой обе створки дверей.

Я не стал седлать тотов и не сел на них верхом, а пошел, прячась в тени зданий, направляясь к малопосещаемой улице, которая вела к тому месту, где я условился встретиться с Деей Торис и Солой. Подобно бесплотным духам, мы бесшумно крались вдоль пустынных улиц, но я вздохнул свободно только тогда, когда мы увидели равнину, расстилавшуюся за городом. Я был уверен, что Дее Торис и Соле не трудно будет добраться до условленного места встречи, но с моими огромными тотами я не был столь уверен за себя оттого, что воины никогда не покидают город после наступления темноты; и в самом деле, им некуда ездить, кроме как в дальнее путешествие.

Я благополучно добрался до условленного места, но так как Солы и Деи Торис там не было, я поместил животных в передней комнате одного из больших зданий. Я подумал, что, вероятно, к Соле пришла одна из женщин, живших в том же доме, и задержала их, и нисколько не беспокоился пока не прошел целый час, а когда прошло еще полчаса, меня охватил ужасный страх. Потом я услышал в ночной тишине шум проходившего неподалеку отряда, который не мог быть беглецами, стремящимися вернуть себе свободу и тайком пробирающимися со мной, и из своего убежища я услышал несколько слов, пронзивших мое сердце и наполнивших меня ужасом:

- Он, по-видимому, условился встретиться с ними за пределами города.

Это было все, что я услыхал; отряд прошел мимо меня. Но этого было достаточно. Наш план известен, и надежды избегнуть ужасного конца не было почти никакой. Моим единственным желанием было теперь вернуться незамеченным в дом Деи Торис и узнать, какая участь постигла ее, но как сделать это с огромными, чудовищными тотами, в особенности теперь, когда слух о моем бегстве уже наполнил город? Это было заданием сверхчеловеческой трудности.

Внезапно меня осенила мысль: я знал устройство этих старинных зданий и городов на Марсе - середину каждого здания занимал большой крытый двор, - туда я направился по темным комнатам, зовя за собой моих тотов. Им было нелегко пролезать

через некоторые из дверей, но здания, находившиеся на краю города, все без исключения были совершенно исключительного размера, и поэтому мои тоты нигде не застряли, и мы благополучно добрались в конце концов до внутреннего двора, где я нашел, как того и ожидал, достаточное количество мха, которое могло служить для тотов пищей и питьем, пока я не найду случая вернуть их на обычное место. Я был убежден, что они будут здесь столь же спокойны и довольны, как в любом другом месте, и точно также я знал, что никто не откроет их здесь, оттого что зеленые люди не любят посещать эти полуразрушенные отдаленные здания, которые часто служат приютом единственных существ, которые, как мне кажется, способны внушить им страх - больших белых обезьян Барсума.

Расседлав тотов, я спрятал седла в дверной нише здания и, оставив животных на свободе, быстро прошел сквозь здание и вышел на пролегавшую сзади него улицу. Я подождал у дверей, пока не удостоверился, что никого нет поблизости, быстро перебежал через улицу до дверей следующего здания и вошел во двор; потом, от двора до двора, переходя улицы только там, где это было неизбежно, я благополучно добрался до двора дома Деи Торис.

Здесь я нашел тотов воинов, которые занимали соседние дома, а внутри я мог встретить и самих воинов, но, к счастью, я поступил иначе, чтобы попасть в верхний этаж, который занимала Дея Торис, я внимательно осмотрелся, чтобы сообразить, где ее комната, оттого что я никогда не видел этого здания со стороны двора, потом я воспользовался своей относительно большой силой и подвижностью и прыжком добрался до окна второго этажа, через которое, как мне казалось, можно было проникнуть в ее комнату. Я вошел в здание через окно и стал пробираться по стене к передней части здания, и когда я добрался до окна ее комнаты, то услышал по голосам, раздававшимся в ней, что в ней кто-то есть. Я не стал врываться в комнату очертя голову, а сначала прислушался, чтобы убедиться, что это Дея Торис и что войти туда не представляет опасности. Я правильно поступил, приняв эту меру предосторожности, оттого что разговор, который я услышал, вели низкие гортанные голоса мужчин, и слова, которые я разобрал, вовремя предупредили меня. Говоривший был вождем, и он давал указания четверым воинам.

- А когда он вернется в эту комнату, - сказал он, - когда он не встретиться с ней на окраине города, вы четверо наброситесь и

обезоружите его. От вас потребуется напряжение всех ваших сил, чтобы сделать это, если то, что говорят вернувшиеся из Кодара, верно. Когда вы свяжете его накрепко, снесите его в темницу во дворе джеддаков и наденьте на него оковы, чтобы его можно было привести, как только Тал Хаджус захочет того. Не позволяйте ему ни с кем говорить и не позволяйте никому входит в эту комнату раньше, чем он вернется. Что девушка придет сюда, опасаться нечего, она сейчас в объятиях Тала Хаджуса, и пусть все предки, сколько бы их ни было жалеют ее, у Тала Хаджуса нет к ней жалости. Великая Саркойя сделала славное дело. Я ухожу, и если вам не удастся поймать его, когда он придет сюда, я брошу ваши тела в холодные воды Иссы.

XVII.

СЧАСТЛИВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Когда человек замолчал, он повернулся, чтобы выйти из помещения через дверь, у которой я стоял, но мне нечего было больше ждать. Я слышал достаточно для того, чтобы прийти в ужас, и потихоньку выскользнув, я вернулся во двор тем же путем, которым пришел. В одно мгновение у меня сложился план действий. Я пересек сквер и прилегавшую к нему с противоположной стороны аллею и вскоре стоял во дворе Тала Хаджуса.

Яркий свет в первом этаже указал мне, куда прежде всего следует обратиться; я подошел к окнам и заглянул во внутрь. Вскоре я сообразил, что попасть туда для меня не так легко, но я надеялся, потому что задние комнаты, примыкавшие ко двору, были полны солдатами и женщинами. Я мгновенно окинул взглядом верхние этажи и, заметив, что третий этаж не был освещен, решил проникнуть внутрь здания именно этим путем. Добраться до верхних окон было для меня делом минуты, и скоро я уже был в защищенной тени неосвещенного третьего этажа.

К счастью, комната, которую я выбрал, была нежилой, и бесшумно прокравшись в задний коридор, я заметил свет впереди меня. Добравшись ощупью до двери, я увидел, что там было помещение, служившее входом во множество внутренних комнат, и простиравшееся от первого этажа, который был двумя этажами ниже меня, до куполоподобного крова здания, возвы-

шавшегося над моей головой. Нижний ярус этого обширного круга был весь наполнен начальниками, воинами и женщинами; с одной стороны возвышалась большая платформа: на ней сидело на корточках самое отвратительное животное, которого я когда-либо видел.

У него были холодные, грубые, жестокие черты зеленого воина, но к ним присоединялся отпечаток низменных животных страстей, которым он много лет предавался. В его скотской внешности не было и следа достоинства и чести: его чудовищное тело распласталось на платформе, он скорчился на ней, подобно какой-то громадной безобразной рыбе, в то время, как шесть конечностей дрожали и мерно ударяли по платформе с ужасным ошеломляющим однообразием.

Но зрелище, которое меня оледенило ужасом, были Дея Торис и Сола, стоящие перед ним; что-то дьявольское сверкало в его глазах, когда он жадно устремил свои большие выпуклые глаза на линии прекрасной фигуры Деи Торис. Она что-то говорила, но я не мог расслышать ее слов, также как не мог понять и его ответа, который он пробормотал грубым голосом. Она стояла выпрямившись перед ним, ее голова была гордо поднята и, даже на том расстоянии, на каком я находился от них, можно было прочесть на ее лице презрение и отвращение, с которыми она устремила на него свой надменный взгляд, оставаясь все время спокойной, не обнаруживая ни признака страха. Она действительно была достойной дочерью тысячи джеддаков, каждым дюймом своего изящного, небольшого тела. Она была такой тонкой, такой хрупкой среди толпы воинов, окружавших ее, но ее миниатюрность скрадывалась величием, которое в ней было. Она казалась среди них самым высоким, самым сильным существом, и я уверен, что они это чувствовали.

В это время Тал Хаджус сделал знак, чтобы комнату очистили и чтобы пленники остались одни перед ним. Вожди, воины, женщины медленно исчезли в тени окружающих комнат, и Дея Торис и Сола остались одни перед джеддаком тарков.

Только вождь колебался перед тем, как выйти; я видел, как он стоял один, в тени большой колонны, его пальцы нервно играли рукояткой его меча, а жестокие глаза с неукротимой ненавистью устремились на Тала Хаджуса. Это был Тарс Таркас, и я мог прочесть его мысли, как в открытой книге - по непритворному отвращению, видневшемуся на его лице. Он думал о другой женщине, которая сорок лет тому назад стояла перед этими две-

рями. Сумей я сказать одно слово ему на ухо в этот момент - и с царствованием Тала Хаджуса было бы покончено; но, в конце концов, он удалился из комнаты, не зная, что оставляет свою собственную дочь на милость самого ненавистного для него существа. Тал Хаджус встал, и я, испуганный, предвидя его намерения, поспешил к спиральному проходу, который шел с нижних этажей. Никто не помешал мне, и я добрался незамеченным до большой двери, ведущей в комнату. Я поместился у той самой колонны, в которой только что скрывался Тарс Таркас. Когда я добрался до двери, Тал Хаджус говорил:

- Принцесса Гелиума, я мог бы потребовать огромный выкуп от вашего народа с тем, чтобы вернуть вас целой и невредимой, но я в тысячу раз предпочту удовольствие наблюдать, как это прекрасное лицо исказится в агонии пытки; я обещаю вам, что это будет длиться долго. Десять дней этого удовольствия было бы слишком мало, чтобы выказать любовь, которую я питаю к вашей расе. Ужасы вашей смерти будут тревожить сны красных людей всех будущих поколений, они будут бояться ночных теней после отцовских рассказов о страшной мести зеленых людей, о силе, мощи, ненависти и жестокости Тала Хаджуса. Но перед пыткой вы станете моею на один краткий час, и весть об этом дойдет далеко, до Тардос Морса, джеддака Гелиума, вашего деда - пусть он пресмыкается по земле в отчаянии. Завтра пытка начнется. Сегодня ночью ты принадлежишь Талу Хаджусу. Идем!

Он спрыгнул с платформы и грубо схватил ее за руку, но едва он дотронулся до нее, как я оказался между ними. Мой кинжал, острый и блестящий, был в моей правой руке; я мог бы погрузить его в это гнилое сердце, прежде чем он понял бы что я перед ним, но когда я поднял руку, чтобы нанести удар, я подумал о Тарсе Таркасе, и при всем моем гневе, при всей моей ненависти, я не смог украсть у него этот сладостный миг, надеждой на который он жил все эти долгие, тягостные годы. И вот, вместо того, я ударил его моим сильным кулаком прямо в челюсти. Он опустился на пол без крика, как мертвый.

В том же мертвом молчании я схватил Дею Торис за руку и жестом указал Соле следовать за нами, бесшумно прокрался из этой комнаты в верхний этаж. Незамеченные, мы достигли заднего окна, и я при помощи помочей и ремней от сбруи спустил на землю сначала Солу, а потом Дею Торис. Легко соскользнув вслед за ними, я быстро протащил их вдоль двора, все время оставаясь в тени зданий, и таким образом мы вернулись на тот

самый путь, которым я так недавно попал сюда из дальнего предела города.

Наконец мы добрались до моих тотов; они стояли на том дворе, где я их оставил. Взнуздав их, мы торопливо вышли через здание на улицу. Я усадил Солу на одного тота, сам вскочил на другого, а Дею Торис поместил позади себя, и мы выехали из города тарков, направляясь по холмам на юг.

Вместо кружной дороги вокруг города, ведущей на северо-запад к ближайшему водному пути, который лежал на таком коротком расстоянии от нас, мы повернули на северо-восток и пустились пересекать мшистую пустыню, где на расстоянии опасных и утомительных миль протекала другая большая артерия, ведущая в Гелиум.

Мы не сказали друг с другом ни слова, пока город не остался далеко позади, но я слышал тихие рыдания Деи Торис, которая прислонилась к моему плечу своей милой головкой.

- Если вам это удастся, мой вождь, то долг Гелиума перед вами будет огромен - больше, чем он сможет когда-либо вам заплатить; ну а если это вам не удастся, - продолжала она, - долг будет не меньше, хотя Гелиум никогда не узнает, что вы спасли последнюю из его рода от участи, худшей, чем смерть.

Я не ответил, но тоже наклонился и сжал маленькие пальцы той, которую любил; они тотчас же ответили на пожатие, как бы ища поддержки. И так, в ненарушаемом молчании, мы ехали по желтому, освещенному луной мху. Каждый из нас был занят своими мыслями. Что касается меня, я не мог не быть радостным, ощущая, как теплое тело Деи Торис касается моего, и , несмотря на все предстоящие нам опасности, мое сердце пело так весело, как будто мы уже вошли в заставы Гелиума.

Наши первоначальные планы так безнадежно не удались, что мы оказались теперь без пищи и питья, и один только я был вооружен. Поэтому мы изо всех сил понукали наших животных, а это должно было изнурить их прежде, чем мы могли добраться до конца первого переезда нашего путешествия.

Мы ехали всю ночь и весь день, останавливаясь только на самое короткое время. На вторую ночь и мы, и наши животные были совершенно измучены; мы опустились на мох и заснули на какие-то пять-шесть часов с тем, чтобы продолжать путешествие задолго до дневного света. Весь следующий день мы ехали, и когда поздно вечером мы не увидели впереди больших деревьев - признак большого водного потока - ужасная истина блеснула

перед нами: мы заблудились! Очевидно, мы кружили, по какой дороге, - трудно сказать; ориентироваться по солнцу днем и луне вечером оказалось невозможно. Во всяком случае, у нас не было ввиду никакой реки, и все участники путешествия были готовы упасть от голода, жажды и усталости.

Далеко впереди и немного направо мы могли различить очертания невысоких гор; мы решили попытаться достичь их в надежде, что с какой-нибудь вершины мы увидим реку, которую потеряли из виду. Ночь покрыла нас прежде, чем мы достигли цели, и почти в обмороке от усталости и истощения, мы легли на землю и заснули.

Я проснулся рано утром оттого, что какое-то большое тело прижалось ко мне, и открыв в испуге глаза, я увидел моего старого милого Вулу, плотно прижимавшегося ко мне; верное животное следовало за нами сквозь всю бездорожную пустыню, чтобы разделить нашу участь, какой бы она ни была. Положив руки ему на затылок, я прижался к нему щекой, и не стыдился ни того, что делаю это, ни слез, которые выступили из моих глаз, когда я подумал о его любви ко мне. Немного спустя, проснулись Дея Торис и Сола, и было решено, что мы еще раз попытаемся достигнуть холмов.

Мы прошли едва милю, когда я заметил, что мой тот начинает спотыкаться и останавливаться, хотя мы и не понукали его, как накануне. Вдруг он как-то странно наклонился на одну сторону и тяжело рухнул на землю. Дея Торис и я были сброшены и упали на мягкий мох. Бедное животное было в плачевном состоянии, оно даже не могло встать, хотя и освободилось от нашей тяжести. Сола сказала мне, что ночная свежесть ночи вместе с отдыхом должны, без сомнения, оживить его, и я решил не убивать его, как уже было собрался, потому что находил жестоким оставить его одного там умирать от голода и жажды.

Освободив его от сбруи, которую бросил около него, я предоставил бедное животное его участи и постарался обойтись одним тотом. Сола и я пошли пешком, предоставив Дее Торис ехать на тоте, против чего она сильно протестовала. Этим путем приблизились на расстояние почти мили до холмов и прилагали все усилия, чтобы добраться до них, когда Дея Торис крикнула, что она видит большую толпу всадников, которые дефилируют по проходу между холмами, несколькими милями дальше. Сола и я посмотрели по направлению, которое она указала, и мы ясно

различили там несколько сот конных воинов. Они, казалось, двигались в юго-западном направлении, которое отдаляло их от нас.

Мы могли видеть, как они дефилировали по проходу в течение некоторого времени, прежде чем исчезнуть из виду позади вершин холмов, спасительных для нас; мы видели их в течение еще долгого времени, но они нас не замечали.

Последний воин на наших глазах приблизился к проходу, остановился, и к нашему ужасу, он поднес к глазам небольшой полевой бинокль и принялся осматривать долину, открывавшуюся во всех направлениях. Очевидно, это был предводитель, так как в некоторых отрядах зеленых людей предводитель всегда находится в последнем ряду колонны. Когда его бинокль заколебался перед нами, наши сердца остановились в нашей груди, и я почувствовал, что холодный пот выступает из каждой поры на моем теле.

Вот он направил его на нас - и остановился.

Напряжение наших нервов дошло до крайних пределов; я сомневаюсь, дышал ли кто-нибудь из нас в те долгие минуты, когда он наводил на нас свой бинокль. Затем он опустил его. Мы видели, как он скомандовал воинам, которые прошли на наших глазах на другую сторону горной цепи. Однако он не подождал, пока те догонят его. Он повернул своего тота и , как безумный во весь опор понесся нам навстречу.

Оставался один слабый шанс на спасение, и надо было скорее его использовать. Подняв мою странную марсианскую винтовку на плечо, я приложился и тронул кнопку, которая контролирует собачку; раздался оглушительный взрыв - металлический снаряд достиг своей цели, и нападающий упал навзничь со своего бегущего тота.

Вскочив на ноги, я заставил тота встать и приказал Соле сесть на него вместе с Деей Торис и употребить все усилия, чтобы достичь холмов прежде, чем зеленые воины приблизятся. Я знал, что в оврагах и рытвинах они смогут найти временное убежище, и даже думал, что, если они умрут там от голода и жажды, это будет лучше для них, чем попасть в руки тарков. Передав им два моих пистолета, не столько для защиты, сколько для того, чтобы избавиться от ужасной смерти, которой грозил вторичный плен, я поднял Дею Торис на руки и посадил ее на тота позади Солы, которая сейчас же, по моему приказанию, села верхом.

- До свидания, принцесса! - прошептал я. - Мы еще встретимся в Гелиуме. Я выпутывался из худших положений, чем это.

- Как! - вскричала она. - Вы не пойдете с нами?

- Как я могу сделать это, Дея Торис? Кто-нибудь должен же задержать этих молодцов на минутку, а я легче ускользну от них один, чем мы могли бы сделать это все трое вместе.

Она спрыгнула с тота и, обвив свои руки вокруг моей шеи, повернулась к Соле и сказала со спокойным достоинством:

- Беги, Сола! Дея Торис останется умереть с тем, кого она любит.

Эти слова запечатлелись в моем сердце. Ах! Охотно отдал бы я тысячу раз мою жизнь, чтобы только услышать их опять; но у меня не было даже и одной секунды, чтобы почувствовать радость ее объятий; прижав в первый раз свои губы к ее губам, я поднял ее и опять вскинул ее на сиденье, позади Солы, приказав последней непреклонным тоном удерживать ее силой. Затем я ударил тота в бок, и он понесся. Я видел, как Дея Торис силилась освободиться от объятий Солы.

Обернувшись, я увидел зеленых воинов, скачущих по горному хребту к своему предводителю. В одно мгновение они увидели и его и меня, но едва они заметили меня, как я открыл стрельбу, лежа на животе во мху. Я имел в запасе целую сотню патронов в сумке у ружья, и другую в поясе за спиной, и я поддерживал непрерывный огонь, пока не увидел, что все воины, которые первыми вернулись из-за другой стороны хребта, были мертвы или позорно прятались.

Мой отдых был, однако, недолог, так как вскоре показалась целая часть, численностью в несколько сот человек; она направлялась ко мне бешеной рысью. Я стрелял, пока снаряды мои не истощились и враги почти настигли меня; быстрый взгляд показал мне, что Дея Торис и Сола исчезли уже среди холмов; я вскочил, таща за собой бесполезное уже ружье и отправился в направлении, противоположном тому, где скрылись Сола со своей спутницей.

Если марсиане имеют какое-нибудь представление о скачках, то оно было получено этими изумленными воинами именно в тот день, много лет тому назад. Хотя и вел их по направлению, прямо противоположному тому, где была Дея Торис, это не отвлекло их от страстного желания поймать меня.

Они яростно гнались за мной, пока, наконец, моя нога не коснулась спасительного куска кварца, и я медленно пошел по

мху. Когда я увидел их совсем близко, я вытащил мою саблю, желая продать мою жизнь как можно дороже, но это было уже слишком. Я пошатнулся под их ударами, которые посыпались на меня настоящим потоком; голова моя закружилась, все потемнело и я упал в беспамятстве.

XVIII.

В ПЛЕНУ У УОРУХУНЦЕВ

Должно быть, прошло несколько часов, прежде чем я пришел в себя, и я помню ощущение удивления, когда я почувствовал, что жив. Я лежал среди груды шелков и мехов в углу маленькой комнаты, в которой сидело несколько зеленых воинов; надо мной склонилась старая и безобразная женщина.

Когда я открыл глаза, она обернулась к одному из них и сказала:

- Он ожил, о джед!

- Ладно, - ответил человек, к которому она обращалась. Он встал и подошел к моему ложу. - Он доставит редкое развлечение любителям большой игры!

Теперь, когда мой взгляд упал на него, я увидел, что это был не тарк, так как своими украшениями и оружием он отличался от этой орды. Это был безобразный малый, с изрубленным лицом и грудью, со сломанным клыком и недостающим ухом. На его груди висели нанизанные на ремень человеческие черепа и соответствующее число высохших человеческих рук. Его отзыв о большой игре, о которой я так много слышал среди тарков, убедил меня, что я попал из чистилища в геену огненную.

После нескольких слов с женщиной, причем она уверяла его, что я вполне способен к путешествию, он приказал мне сесть верхом и ехать позади большой колонны.

Я был надежно привязан к самому дикому и необъезженному животному, какое когда-либо видел, и вооруженные всадники с обеих сторон следили, чтобы оно не ускакало; мы понеслись бешеным аллюром вслед за колонной.

Мои раны не причиняли мне особенных мучений, так чудесно и быстро подействовали прижигания и впрыскивания опытной в лечебных средствах старушки, и так ловко она наложила перевязки и пластыри на мои раны.

Еще до наступления темноты мы достигли большого военного отряда, который только что расположился лагерем на ночь. Меня немедленно привели к главному начальнику, который оказался джеддаком уорухунских орд.

Подобно джеду, который доставил меня, он был страшно изрублен и также украшен нагрудной перевязью из человеческих черепов и сухих мертвых рук, что было, по-видимому, отличием всех знатных воинов среди уорухунцев; это указывало на их свирепость, в которой они превзошли даже тарков. Джеддак Бар Комас, который был сравнительно молод, был предметом лютой ненависти и зависти со стороны своего старшего помощника Дака Ковы, того джеда, который взял меня в плен, и я не могу изобразить все те предумышленные усилия, с которыми последний оскорблял своего начальника.

Он совершенно пренебрег обычной формой приветствия, когда мы очутились перед лицом джеддака, и, грубо толкнув меня к правителю, закричал громким и угрожающим голосом:

- Я привел странное создание, носящее оружие тарков; мне доставит удовольствие заставить его сражаться с дикой лошадью во время больших игр.

- Он умрет так, как ваш джеддак, Бар Комас, найдет уместным, если умрет вообще, - ответил молодой правитель с достоинством.

- Если умрет вообще? - закричал Дак Кова. - Клянусь мертвыми руками, он будет убит моей лошадью, Бар Комас. Никакая глупая слабость с вашей стороны не спасет его. О, если бы в Уорухуне царствовал настоящий джеддак, вместо слабого человека, с водянистым сердцем, от которого даже старый Дак Кова мог бы вырвать оружие голыми руками!

Бар Комас на мгновение взглянул на своего непокорного воина с выражением бесстрашного презрения и ненависти, а затем, не взяв никакого оружия, он бросился к лошади своего оскорбителя.

Я никогда не видел двух зеленых марсиан дерущихся без оружия, и зрелище зверской жестокости, ими проявленной, превосходило все, что может нарисовать самое расстроенное воображение. Они царапали друг другу глаза, рвали уши и беспрерывно кусались своими сверкающими клыками, пока платье у обоих не превратилось в лохмотья.

Бар Комас был лучшим бойцом, так как был крепче, проворнее и умнее. Скоро противник уже только защищался, уклоняясь

от решительного удара, но вдруг Бар Комас, замахнувшись на него кулаком, поскользнулся. Наступил перерыв, который только и был нужен Даку Кове. Бросившись на тело своего противника, он вонзил свой единственный клык в пах Бара Комаса и последним усилием разодрал тело молодого джеддака по всей его длине и вонзил, наконец, свой клык в челюсти Бара Комаса.

Победитель и побежденный безжизненно покатились на траву, сплошным клубком изодранного и окровавленного мяса.

Бар Комас погиб, и только невероятные усилия женщин спасли Дака Кову от заслуженной участи. Спустя три дня он пришел без посторонней помощи к телу Бара Комаса, которое по обычаю оставалось нетронутым там, где он пал, и, поставив ногу на шею предыдущего правителя, он принял титул джеддака Уорухуна.

Руки и голова убитого джеддака были присоединены к украшениям его победителя, а то, что осталось, сожгли с диким смехом женщины.

Раны Дака Кову задержали поход настолько, что было решено предпринять набег на маленькую таркскую общину, чтобы отомстить за разрушение инкубатора, не дожидаясь больших игр. Большой отряд воинов, числом в десять тысяч, выступил из Уорухуна.

Мое пребывание среди этого жестокого народа сделало меня свидетелем диких сцен, при которых я присутствовал почти ежедневно. Это была орда меньше таркской, но гораздо более свирепая. Ни один день не проходил без того, чтобы члены различных уорухунских общин не вступали между собой в смертный бой. Я видел до восьми дуэлей со смертельным исходом в течение одного дня.

После почти трехдневного перехода мы достигли столицы Уорухуна и меня тотчас же заключили в подземную темницу и крепко приковали к полу и стенам. Пища мне приносилась с правильными промежутками времени, но благодаря полной темноте я не знал, сколько я провел там дней, или недель, или месяцев. Это было самое жестокое испытание за всю мою жизнь. Как уцелел мой рассудок, для меня навсегда осталось непонятным от ужасов этой черной тьмы.

Помещение кишело пресмыкающимися, ползучими существами; холодные, скользкие животные передвигались по мне, когда я лежал, и в темноте вспыхивали искорки блестящих глаз, которые устремлялись на меня со зловещим вниманием. Ни один звук не доходил до меня из внешнего мира, и ни словом не

удостаивал меня мой тюремщик, хотя я сначала бомбардировал его вопросами.

В конце концов вся ярость, все безумное отвращение к ужасным тварям, бросившим меня в это страшное место, сконцентрировались в моем пошатнувшемся сознании в ненависти к этому единственному существу, которое воплощало для меня все орды Уорухуна.

Я заметил, что он всегда приносил с собой тусклый факел, чтобы поставить пищу, не касаясь меня, а когда он наклонялся, чтобы поставить ее на пол, его голова приходилась на уровне моей груди. С хитростью сумасшедшего я пятился в дальний угол моей камеры, когда слышал его приближение и натягивал длинную цепь, понемногу ее ослабляя. Я ждал его прихода, припав к земле, как животное, которое просит пищи. Однажды, когда он наклонился, чтобы поставить на землю мою пищу, я взмахнул цепью над его головой и обрушил изо всех сил звенья на его череп. Без звука, без дыхания, он упал на пол.

Смеясь и скрежеща зубами, я упал на его простертое тело, ощупывая пальцами его мертвую глотку. Внезапно мои пальцы коснулись маленькой цепочки, на конце которой висели несколько ключей. Прикосновение моих пальцев к этим ключам неожиданно вернуло моему сознанию ясность. Я больше не топтался на месте, как сумасшедший: я стал снова здоровым, рассудительным человеком. Средство к бегству в моих руках.

Когда я ощупью снимал цепочку с шеи моей жертвы, я увидел в темноте шесть пар блестящих глаз, которые не мигая устремлялись на меня. Они приближались медленно и медленно, в неописуемом ужасе, я отступил перед ними. Пятясь в мой угол, я присел, вытянув руки ладонями вперед, а блестящие глаза все продвигались и продвигались ко мне. Они остановились возле мертвого тела у моих ног. Потом они медленно отступили со странным скрипящим звуком и, наконец, исчезли в каком-то черном, отдаленном убежище моей темницы.

XIX.

СРАЖЕНИЕ НА АРЕНЕ

Медленно вернулся я к спокойствию и, наконец, попробовал опять снять цепочку с мертвого тела моего бывшего тюремщика Но когда я добрался в темноте до того места, где он лежит, я

обнаружил, к моему ужасу, что он исчез. Тогда истина озарила меня: обладатели блестящих глаз утащили свою добычу, чтобы пожрать ее где-то там, в своем логове. Там они ждали целые дни, недели, месяцы, всю ужасную вечность моего заключения, - ждали возможности утащить и мой мертвый остов на свой пир.

Два дня мне не приносили пищи, но появился новый посланец и мое заточение пошло по-прежнему, но теперь я уже никогда не позволял своему разуму останавливаться на ужасе моего положения.

Вскоре после этого эпизода в темницу привели другого пленника и заковали около меня. При тусклом свете факела я увидел, что это красный марсианин, и едва дождался ухода конвоиров, чтобы заговорить с ним; когда шаги уходящих отзвучали в отдалении, я мягко произнес марсианское приветственное слово "каор".

- Кто вы, говорящий в темнице? - ответил он.

_ Джон Картер, друг красных людей Гелиума.

- Я из Гелиума, - сказал он, - но я не слыхал вашего имени.

Тогда я рассказал ему мою историю, как она здесь описана, пропустив только указание на мою любовь к Дее Торис. Сообщение о принцессе Гелиума очень его взволновало, но он был, казалось, совершенно убежден, что она и Сола легко достигли безопасного места оттуда, где они меня оставили. Он сказал, что знает это место хорошо, потому, что проход, которым пробирались уорухунские воины, когда они открыли нас, был единственный пригодный для продвижения на юг.

- Дея Торис и Сола скрылись в холмах не дальше как в трех милях от большой реки, а теперь они, вероятно, в совершенной безопасности, - уверял он меня.

Пленник был Кантос Кан, падуор (лейтенант) гелиумского флота. Он был членом злополучной экспедиции, которая попала в руки тарков во время заключения Деи Торис, и он вкратце рассказал происшествия, которые последовали за поражением военных кораблей. Сильно поврежденные и только отчасти обслуживаемые командами, они медленно продвигались к Гелиуму, когда они проходили мимо города Зондага, столицы наследственных врагов Гелиума, красных народов Барсума, их атаковали множество военных судов, и все парусники, которыми Кантос Кан командовал, были истреблены или взяты в плен. Его корабль преследовали четыре дня зоданганские военные суда, но, в конце концов, он ускользнул от них в темную безлунную ночь.

Тридцать дней спустя после пленения Деи Торис или после нашего прихода к таркам, его корабль достиг Гелиума с десятком людей, оставшихся в живых от семисот человек команды. Немедленно семь больших флотилий, каждая из сотни мощных военных судов, поспешили на поиски Деи Торис, и кроме этих кораблей, две тысячи мелких парусников были посланы в длительные, но напрасные поиски исчезнувшей принцессы.

Две общины зеленых марсиан были стерты с лица планеты мстительными флотилиями, но никакого следа Деи Торис не нашлось. Они искали ее среди северных племен, и только в последние несколько дней поиски распространились на юг.

Кантос Кан подробно рассказал, как он имел несчастье быть застигнутым уорухунцами, когда исследовал город. Отважный и смелый, этот человек вызвал во мне восхищение. Он один высадился на рубежи города и проник пешком в группу строений, окружающих площадь. Два дня и две ночи он исследовал их кварталы и темницы, ища свою принцессу, и попав в руки отряда уорухунцев, когда уже удалялся, убедившись, что Дея Торис не была там заключена.

В продолжении нашего заточения Кантос Кан и я хорошо познакомились, и между нами завязалась горячая дружба. А между тем, мы провели вместе только несколько дней до того, как нас вывели из нашей темницы для больших игр. Одним ранним утром нас привели в огромный амфитеатр, который был выстроен прямо на поверхности почвы и покрыт рытвинами. Частью он был наполнен развалинами, так что трудно было судить, насколько он был в действительности велик. В настоящих условиях он вмещал двадцать тысяч уорухунцев из соединенных орд.

Арена была огромная, но крайне неровная и нерасчищенная. Вокруг нее уорухунцы нагромоздили строительные камни из некоторых разрушенных зданий старого города, чтобы помешать зверям и пленникам убежать. На каждом конце они соорудили клетки, чтобы держать их там, пока не придет для каждого очередь на арене.

Кантоса Кана и меня посадили вместе в одну клетку. В других были дикие лошади, зеленые воины, женщины из других племен и множество странных и свирепых барсумских зверей, которых я раньше никогда не видел. Шум их рычанья то рос, то замолкал, и чудовищного вида многих из них было достаточно, чтобы самое бесстрашное сердце забилось тяжелым предчувствием.

Кантос Кан объяснил мне, что в конце дня один из пленников получит свободу, а другие должны пасть мертвыми на арене.

Победители в разнообразных состязаниях целого дня должны будут бороться друг с другом, пока в живых не останется только двое; победитель в последней схватке, будь то человек или животное, освобождается. На следующее утро клетки наполняются новым запасом жертв, и так все десять дней игрищ.

Немного спустя, после того, как мы попали в клетку, амфитеатр начал наполняться, и в течение одного часа каждое свободное место в пространстве, отведенном для зрителей, было занято. Дак Кова с его джеддами и офицерами сел в центральном пункте одной из сторон арены, на широкой приподнятой платформе.

По сигналу, данному Даком Ковой, двери двух клеток распахнулись, и дюжина зеленых марсианок были выгнаны на арену. Каждой был дан кинжал, а там, с другого конца, свора из двенадцати диких собак была выпущена против них.

Когда свирепые звери, рычащие и покрытые пеной, ринулись на почти беззащитных женщин, я отвернулся, чтобы не видеть ужасного зрелища. Вой и смех зеленой толпы свидетельствовал о превосходном качестве спорта, и когда я опять повернулся к арене, после того, как Кантос Кан сказал мне, что зрелище уже кончилось, я увидел трех торжествующих собак, которые кусались и дрались над телами остальных. Женщины уже покончили счеты с жизнью.

Сейчас же бешеный зитидар был выпущен против оставшихся собак - и так это шло весь длинный, жаркий, ужасный день.

В продолжении дня я сражался сначала против людей, а затем зверей, но я был вооружен саблей и всегда превосходил своих противников ловкостью и вообще боевой опытностью, так что это составляло для меня детскую игру. Время от времени я удостаивался аплодисментов кровожадной толпы, а к концу послышались крики, что я должен быть взят с арены и сделан членом племени Уоруху.

Наконец, остались трое из нас: большой зеленый воин из какой-то дальней северной орды, Кантос Кан и я. Те двое должны были сражаться и затем мне предстояло драться с одолевшим, ради свободы, которая принадлежала последнему победителю.

Кантос Кан в течение дня боролся много раз и всегда, подобно мне, торжествовал, но случайно ему попадались некрупные противники, особенно когда он выступал против зеленых воинов. У меня была очень слабая надежда, что он окажется сильнее своего исполинского противника, который побеждал всех, выступавших против него в течение целого дня. Это был малый приблизительно шестнадцати футов ростом, тогда как Кантосу Кану

не хватало нескольких дюймов до шести футов. Когда они приблизились друг к другу, я сразу увидел уловку марсианских полчищ, которая отнимала у Кантоса Кана всякую надежду на победу и жизнь в этой азартной игре. Но, приблизившись на расстояние около двенадцати футов к великану, он взмахнул своей вооруженной рукой далеко назад от себя, над своим плечом, и сильнейшим взмахом бросил свое оружие вперед к зеленому воину. Оно полетело прямо, как стрела, и, пронзив грудь бедняги, уложило его мертвым на арену.

Теперь Кантос Кан и я должны были сражаться друг с другом, но когда мы приближались для состязания, я шепнул ему совет затянуть сражение до темноты, в надежде, что мы найдем способ бежать. Толпа, очевидно, догадалась, что у нас нет желания сражаться друг с другом, и они выли от ярости, что ни один из нас не переходил в роковое наступление. Когда стало темнеть, я шепнул Кантосу Кану, чтобы он всунул свою саблю между моей левой рукой и телом. Когда он так сделал, я качнулся назад, плотно прижав саблю рукой, и так упал на землю, как будто его оружие пробило мне грудь. Кантос Кан понял мой фокус и, быстро шагнув ко мне, он поставил ногу мне на шею и, вытащив свое оружие из моего тела, нанес мне окончательный удар. Предполагалось, что он пронзил мне шею, перерезав шейную вену; на самом же деле холодное лезвие мягко скользнуло в песок арены. В темноте, которая уже наступила, никто не мог сказать, покончил ли он действительно со мной. Я шепнул, чтобы он шел требовать себе свободу, а затем искал меня в холмах, на восток от города, - и он оставил меня.

Когда амфитеатр опустел, я тихонько взобрался наверх и, так как большой овраг уходил далеко от площади по необитаемой части большого вымершего города, я без больших затруднений добрался до отдаленных холмов.

XX.

НА АТМОСФЕРНОЙ ФАБРИКЕ

Два дня я ждал Кантоса Кана, но так как он не являлся, я направил шаги в северо-восточном направлении, к тому пункту, где, как он сказал, пролегал ближайший водный путь. Мою един-

ственную пищу составлял сок растений, которые щедро дарили мне эту ничего не стоящую жидкость.

В течение двух длинных недель я путешествовал, ковыляя по ночам, руководимый единственно звездами, скрываясь днем за каким-нибудь выступом скалы. Иногда в темноте на меня нападали дикие звери - страшные неуклюжие чудовища, но мне стоило только взять саблю в руки, чтобы освободиться от них. Обычно моя странная, вновь приобретенная телепатическая сила предупреждала меня в должное время, но однажды я был опрокинут, схвачен когтями за спину, и косматая голова прижалась моей, прежде чем я понял, что мне угрожает.

Что за существо схватило меня, я не знал, но, что оно велико, тяжело и многотонно, - я мог почувствовать. Мои руки очутились на его горле прежде, чем его клыки успели пронзить мою шею, и медленно я оторвал поросшую шерстью морду от себя и сдавил пальцами, как тисками, его дыхательное горло.

Мы лежали без звука; зверь употреблял все усилия, чтобы достать меня своими ужасными клыками, а я изо всех сил сжимал его и старался задушить, не допустив к моему горлу. Медленно уступали мои руки в неравной борьбе, и дюйм за дюймом горящие глаза и сверкающие клыки надвигались на меня, пока косматая морда не коснулась моего лица, и я понял, что все кончено. Но в это время что-то живое, выскочив из окружающей темноты, упало на того, кто держал меня пригвожденным к почве. Оба схватились и покатились на траву, терзая и раздирая друг друга, все было скоро кончено, и мой спаситель стоял, опустив голову, и держа за горло тварь, которая хотела меня убить.

Вскоре луна, внезапно показавшаяся над горизонтом и осветившая барсумианскую почву, показала мне, что защитником моим был Вула; но откуда он явился и как нашел меня - я совершенно не знал. Не нужно говорить, как я был доволен его присутствием, но удовольствию видеть его мешало беспокойство - по какому поводу он покинул Дею Торис?

Я знал, наверное, что только смерть последней могла быть причиной этого ухода - настолько верно он повиновался моим приказаниям.

При свете молодого яркого месяца я увидел, что он был тенью прежнего Вулы, и , когда он отвернулся от моих ласк и начал жадно пожирать мертвое тело у моих ног, я понял, что бедное животное было полумертвое от голода.

Я и сам был в немного лучшем положении, но я не мог заставить себя есть сырое мясо и не имел никаких средств добыть

огонь. Когда Вула кончил свою трапезу, я опять пустился в свой утомительный и, казалось, бесконечный путь в поисках скрывающейся реки.

На заре пятнадцатого дня моих поисков я обрадовался, увидев высокие деревья, означавшие близость предмета моих исканий. Около полудня я дотащился, измученный, до входа в огромную постройку, которая тянулась до четырехсот футов. В мощных стенах не было видно никакого отверстия, кроме маленькой двери, у которой я опустился, задыхаясь; вокруг не было видно никакого признака жизни. Я не нашел ни звонка, ни другого способа оповестить о своем присутствии жителям этого места, кроме маленького круглого отверстия в стене, около двери, сделанного для этой цели. Оно было размером не больше, чем графит карандаша; думая, что это могло быть нечто вроде переговорной трубы, я приложился к нему ртом и был готов крикнуть туда, как вдруг голос, исходящий из него, спросил меня, кто я, откуда и по какому делу.

Я объяснил, что бежал из Уорухуна и умираю от голода и усталости.

- Вы носите вооружение зеленых и вас сопровождает собака, чертами же вы походите на красного. Но ваш цвет ни красный, ни зеленый. Именем девятого дня, что вы за существо?

- Я друг красных людей Барсума, и я умираю от голода. Именем человечности, откройте мне, - отвечал я.

Тогда дверь начала отодвигаться передо мной, пока не отклонилась от стены на пятьдесят футов, затем она остановилась и легко скользнула налево, открывая короткий коридор из бетона, в конце которого была другая дверь, подобная во всех отношениях той, через которую я прошел. Никого не было видно; как только мы прошли первую дверь, она позади нас тихо скользнула на свое место и заняла прежнее положение в фасадной стене здания. Когда дверь повернулась боком, я заметил ее большую толщину, добрых двадцать футов, а когда она коснулась своего места, закрывшись позади нас, большие стальные цилиндры опустились с потолка и подогнали ее нижнюю часть в отверстие, высверленное в полу.

Вторая и третья дверь отодвинулись передо мной и отклонились в сторону, как первая, прежде чем я достиг широкой внутренней комнаты, где я нашел еду и питье, поставленные на большой каменный стол. Голос предложил мне утолить голод и накормить собаку, и, когда я сделал это, мой невидимый хозяин подверг меня строгому и внимательному перекрестному допросу.

- Ваш рассказ весьма замечателен, - сказал голос, приступая к своему экзамену, и вы, очевидно, рассказали правду, а также очевидно, что вы не с Барсума. Я заключаю это по строению вашего мозга, по странному расположению ваших внутренних органов и по форме и объему вашего сердца.

- Разве вы можете видеть меня насквозь? - воскликнул я.

- Да, я также хочу видеть ваши мысли, и если бы вы были барсумец, я смог бы прочесть их.

Тут в дальнем конце комнаты открылась дверь и странная, иссохшая мумия человека приблизилась ко мне. Он носил единственный предмет одеяния или украшения - узкий золотой ошейник, с которого спускалось на его грудь большое украшение, величиной с тонкое блюдце, сплошь усаженное огромными бриллиантами, исключая центр, занятый странным камнем: величиной с дюйм в диаметре, он испускал девять отдельных и ясно различимых лучей: семь из них были цвета нашей земной призмы, а два прекрасных луча для меня были новы и безымянны. Я могу описать их вам не более, чем вы могли бы описать красный цвет слепому. Я только знаю, что они были изумительно прекрасны.

Старик уселся, и мы проговорили в течение четырех часов; самое странное в нашем разговоре было то, что я мог читать его каждую мысль, тогда как он не мог проникнуть в мои ни на йоту, если я не говорил. Я не сказал ему о моей способности ощущать его умственную деятельность, что имело огромное значение для меня впоследствии, так как узнал многое, чего я никогда бы не постиг, если бы он заподозрил мою странную силу; ибо марсиане до такой степени совершенства контролируют свой умственный механизм, что они способны управлять своими мыслями с абсолютной точностью.

Здание, в котором я находился, содержало машины, производившие ту искусственную атмосферу, которая поддерживала на Марсе жизнь. Секрет этого усовершенствованного процесса зависел от употребления девятого луча, одного из тех великолепных лучей, которые, как я заметил, исходили из большого камня в украшении моего хозяина.

Этот луч отделяется от других лучей солнца посредством тонко приспособленных инструментов, помещенных на крыше здания, три четверти которых занято резервуарами, в которых скапливается девятый луч. На вещество действуют электричеством, вернее, некоторые частицы тончайших электрических вибраций соединяются с ними, затем его накачивают в пять главных

воздушных центров планеты, где по мере освобождения, соприкасаясь с мировым эфиром, оно преобразуется в атмосферу.

В огромном здании всегда имеется запас девятого луча, достаточный, чтобы удержать существующую на Марсе атмосферу в течение тысячи лет и существует, как сказал мой новый приятель, только одно опасение - что какое-нибудь несчастье случится с накачивающими аппаратами.

Он провел меня во внутреннюю комнату, где я увидел батарею из двадцати радиоламп, каждая из которых могла выполнить задание по снабжению всего Марса атмосферным составом. Уже восемьсот лет, - сказал он мне, - он охранял эти помпы, которые употреблялись поочередно, причем действие продолжалось один день или немного более двадцати четырех с половиной земных часов. Он имел помощника, который разделял с ним дежурство. Половину Марсианского года, около трехсот сорока четырех наших дней, каждый из этих людей проводил один в этом огромном изолированном помещении. Каждый марсианин с малого возраста изучает принципы производства атмосферы, но только двое одновременно знают тайну проникновения в огромное здание, которое совершенно неприступно, так как стены его имеют сто пятьдесят футов толщины.

Следует бояться только нападения зеленых марсиан или какого-нибудь обезумевшего красного: все барсумцы знают, что существование жизни на Марсе зависит от непрерывной работы этого сооружения.

Следя за его мыслями, я открыл любопытный факт: наружные двери передвигались телепатическим способом. Дверные замки были так приспособлены, что двери открывались при некоторой комбинации мыслительных волн. Экспериментируя своей новой открытой способностью, я пожелал захватить моего собеседника врасплох открытием этого обстоятельства и, как будто, между прочим, спросил его, как он мог открыть мне массивные двери, находясь во внутренних помещениях здания. С быстротой молнии в его уме возникло девять марсианских звуков, но сейчас же исчезли, и он ответил, что этой тайны нельзя разглашать.

С тех пор его обращение ко мне изменилось, как будто он боялся быть уличенным в разоблачении великой тайны, и я читал подозрение и страх в его взгляде и мыслях, хотя его слова все еще были приветливы. Прежде чем я удалился на ночь, он обещал дать мне письмо к живущему вблизи начальнику земледелия,

который мог бы помочь мне в моем пути к Зодангу - самому близкому, по его словам, марсианскому городу.

- Но будьте осторожны, чтобы там не узнали, что вы союзник Гелиума: они воюют с этой страной. Мой помощник и я не здешние - мы принадлежим к племени Барсум, и этот талисман, который мы носим, защищает нас во всех государствах - даже среди зеленых марсиан - хотя мы не могли бы вериться им, если бы утратили его, - прибавил он.

- Итак. доброй ночи, мой друг - продолжил он, - желаю вам долгого и спокойного сна, да, долгого сна.

И хотя он ласково улыбнулся, я читал в его мыслях намерение, которое он скрывал от меня: передо мной уже рисовался образ этого человека, стоящего ночью у моего ложа, и затем быстрый удар длинного кинжала, и полупроизнесенные слова: "Мне жаль, но это для блага Барсума". И хотя он закрыл за мной дверь моей комнаты, его мысли проникали ко мне; это было ощущение как бы исходившего от него света. Я совершенный невежа в вопросах передачи мыслей, и это казалось мне весьма странным.

Что мне было делать? Как мог я бежать из-за этих мощных стен? Я мог бы легко убить его, раз я был предупрежден об опасности, но, если бы он умер, я бы не смог выйти, а с остановкой машин этого огромного сооружения я должен был бы умереть, как и все остальные обитатели этой планеты - все; даже Дея Торис, если она еще не умерла. Для других я бы и пальцем не шевельнул, но одна мысль о Дее Торис изгнала из моих мыслей всякое желание убить моего недоброго хозяина.

Я осторожно открыл дверь моего помещения и, сопровождаемый Вулой, нашел внутреннюю из больших дверей. Мне пришла в голову безумная мысль - попробовать подействовать на огромные дверные замки девятью мысленными волнами, которые я прочитал в уме моего хозяина.

Тихонько миновав коридор за коридором, покружив по переходам, которые вели то туда, то сюда, я наконец достиг большой залы, в которой был сегодня утром. Нигде не видел я своего хозяина и не знал, где он находится ночью.

Я готов был смело вступить туда, когда слабый шум позади меня заставил меня отступить в тень, за выступ коридора. Потянув за собой Вулу, я скорчился в темноте.

Едва я успел спрятаться, как старик прошел мимо меня, и когда он вошел в слабо освещенную комнату, в которую я собирался войти, я увидел, что он держал в руке тонкий длинный

кинжал, который стал точить о камень. Он собирался, по-видимому, осмотреть радиолампы, что должно было занять около тридцати минут, а затем вернуться в мою спальню и прикончить меня.

Когда он прошел по большой зале и исчез на лестнице, которая вела к радиолампам, я бесшумно выскользнул из моего укрытия и наткнулся на большую внутреннюю дверь, из тех трех, которые отделяли меня от свободы.

Сосредоточив все мысли на массивном замке, я бросил против него девять мыслительных волн. Затаив дыхание, я ждал - и вот огромная дверь мягко сдвинулась передо мной и бесшумно повернулась в сторону. Одна за другой, остальные двери открылись по моему приказанию, и мы с Вулой вступили в наружный мрак - свободные, не в немного лучшем состоянии, чем были раньше, исключая то, что на этот раз наши желудки были полны.

Торопясь выйти из тени огромного строения, я пошел по первой из перекрещивающихся дорог, намереваясь дойти до заставы города как можно скорее. Я достиг ее перед рассветом и, войдя в ограду, принялся искать каких-либо признаков обитаемости.

Кругом были низкие, неопределенной формы строения из бетона, запертые неподвижными дверями. Мои стуки и крик не вызвали никакого ответа. Усталый и изможденный бессонницей, я растянулся на почве и, приказав Вуле сторожить, уснул.

Немного спустя я проснулся от его страшного рычания. Открыв глаза, я увидел трех красных марсиан; они стояли на близком расстоянии от нас и целились в меня из своих ружей.

- Я безоружен и не враг, - поспешил я им объяснить, я был в плену у зеленых и теперь иду в Зоданг. Все, что я прошу - это пищи и отдыха для меня и собаки и точные указания, как мне достигнуть места моего назначения.

Они опустили ружья и дружелюбно приблизились ко мне, касаясь правой рукой моего левого плеча, согласно обычной у них формой приветствия и, задавая мне множество вопросов относительно меня самого и моих странствий. Затем они отвели меня в дом одного из них, находившийся поблизости.

Постройки, в которые я стучался рано утром, были заняты только складами; собственно дома стояли в роще огромных деревьев, и как все марсианские дома, поднимались на ночь на сорок или пятьдесят футов от почвы на широкой металлической колонне, которая выдвигалась туда и обратно по каналу, уходящему в почву, и управлялась сложной радиомашиной, помещен-

ной в доме. Вместо того, чтобы возиться с засовами и решетками для своего жилья, красные марсиане просто поднимали его от греха вверх на всю ночь. Они имели также особые способы подниматься и опускаться, если хотели туда войти.

Встретившие меня три брата с их женами и детьми, занимали три одинаковых дома в этом сельском поселке. Они сами не занимались земледелием, так как состояли офицерами на службе правительства. Работы выполнялись домашними военнопленными, преступниками и конфискованными бакалаврами, которые были слишком бедны, чтобы выплатить высокий налог, который все красно-марсианские правительства налагали на священников. Они были олицетворением сердечности и гостеприимства; я провел у них несколько дней, отдыхая и приходя в себя после моего долгого и трудного путешествия.

Когда они выслушали мою историю - я пропустил только всякое воспоминание о Дее Торис и старике в атмосферном сооружении - они посоветовали мне окрасить мое тело, чтобы как можно больше походить на человека их расы, и затем попробовать поискать себе службу в Зонданге в армии или во флоте.

- Слишком мало шансов, чтобы вашему рассказу поверили, пока вы не докажете вашу правдивость и не подружитесь с высшей придворной знатью. Это вам легче всего сделать посредством военной службы, потому что мы - воинственный народ Барсума, - объяснил один из них, - и мы отнесемся с наибольшим расположением к человеку, который умеет сражаться.

Когда я был готов к отъезду, они снабдили меня маленьким домашним бычком, который ходит под седлом у всех красных марсиан. Животное это размером с лошадь и очень коротко, но цветом и формами в точности соответствует своему большому и свирепому дикому родственнику - тоту.

Братья достали мне красного масла, которым я вымазал все свое тело; один из них постриг мне волосы по моде того времени - квадратом сзади и кольцами спереди - так что я мог пройти по всему Барсуму как полноправный красный марсианин. Мое оружие и украшения также были обновлены в стиле Зодангского джентльмена, происходящего из рода Пторов - такова была фамилия моих благодетелей.

Они наполнили маленький мешок, висевший у меня на боку, зодангской монетой. Средства обмена на Марсе не отличаются от наших только у них монеты овальные. Бумажные деньги изготовляются отдельными лицами, по мере надобности, и выкупаются в течение двух лет. Если кто-нибудь выпустил больше денег, чем

может выкупить, то правительство удовлетворяет его кредиторов, и затем несостоятельный должник работает на ферме или в копях, которые составляют собственность правительства. Туда попадают не только должники, было бы слишком трудно найти достаточно добровольцев, чтобы возделывать обширные изолированные сельскохозяйственные местности Марса, которые тянутся от полюса до полюса узкими лентами, через пространства, населенные дикими зверями и дикими людьми.

Когда я заговорил о невозможности отплатить им за всю их доброту ко мне, они стали уверять меня, что я найду для этого удобный случай, если поживу подольше на Барсуме. Пожелав мне счастливого пути, они следили за мной, пока я не скрылся из вида по широкой белой дороге.

XXI.

ВОЗДУШНЫЙ РАЗВЕДЧИК В ЗОДАНГЕ

Странные и интересные зрелища приковывали мое внимание во время путешествия к Зодангу, и на фермах, где я останавливался, я научился массе новых и полезных вещей, касающихся обычаев и нравов Барсума.

Вода, которой снабжаются фермы на Марсе, собрана в громадные резервуары на обоих полюсах и оттуда по длинным трубам накачивается в населенные центры. По обеим сторонам этих труб вдоль всей их длины, лежат обработанные поля. Они разделены на участки примерно одинаковых размеров и каждый участок находится под наблюдением одного или нескольких правительственных чиновников.

Вместо того, чтобы вода текла по поверхности полей, откуда она испаряется в больших количествах, эта драгоценная жидкость при помощи целой системы мелких труб подводится под землей прямо к корням растений. Урожаи на Марсе всегда одинаковы, так как там нет ни засух, ни дождей, ни сильных ветров, ни насекомых, ни птиц, портящих растения.

Во время этой поездки я поел первый раз после того, как покинул Землю, большие котлеты и сочные ломти мяса хорошо откормленных домашних животных с ферм. Я попробовал и приторно-сладкие фрукты, и овощи, но ни один кусочек пищи не

был похож на то, что я ел на Земле. Каждое растение и цветок, каждый овощ, каждое животное были так культивированы годами заботливого ухода, что при сравнении с их сородичами на Земле последние превращались в пустое, бледное ничтожество.

На второй остановке я встретил высоко-культурных людей из класса знати, и в разговоре с ними мы коснулись Гелиума. Один пожилой господин много лет служил в дипломатической миссии. Он с сожалением говорил об обстоятельствах, которые заставляют эти две страны постоянно быть во враждебных отношениях.

- Гелиум, - сказал он, - справедливо гордится самыми красивыми женщинами на Барсуме, из всех его сокровищ прекрасная дочь Морса Каяка, Дея Торис - самый изысканный цветок.

- Народ, - прибавил он, - поистине обожает почву, по которой она ходит, и с момента ее пропажи во время этой неудачной экспедиции весь Гелиум в трауре.

- Атака обессиленного флота, когда тот возвращался в Гелиум, была одной из ужасных ошибок правительства, тех ошибок, которые рано или поздно заставят Зодангу выбрать более мудрого человека на его место.

- Даже теперь, когда наши победоносные войска окружают Гелиум, население Зоданга выражает свое неудовлетворение, так как война эта, не основанная ни на справедливости, ни на праве, не популярна среди народа. Наши силы использовали выгоду отсутствия флота Гелиума, который ушел на поиски принцессы, и поэтому нам легко довести город до очень печального состояния. Говорят, что он падет в самом непродолжительном времени.

- А какова судьба принцессы Деи Торис, как вы думаете? - спросил я, как будто совершенно случайно.

- Она умерла, - ответил он. - Это сказал зеленый воин, которого наши войска взяли в плен на юге. Ей удалось ускользнуть от толпы тарков вместе со странным существом из другого мира, но лишь для того, чтобы попасть в руки варунгов. Их тотов видели блуждающими по морю, а поблизости были найдены следы кровавого столкновения.

Хотя это сообщение ни в коей мере не было утешительным, но в нем не было точных доказательств смерти Деи Торис и, я решил приложить все усилия, чтобы возможно скорее достичь Гелиума и принести Тардосу Морсу сведения о месте пребывания его внучки, поскольку это было в моих силах.

Я прибыл в Зодангу через десять дней после того, как покинул трех братьев Птор. С того момента, как я столкнулся с красными обитателями Марса, я заметил, что Вула вызывает сильное неприязненное отношение к себе и ко мне, так как это огромное животное принадлежит к тем видам, которые никогда не приручал красный человек. Если бы кто-нибудь прошел по Бродвею со следующим за ним по пятам нумидийским львом, он произвел бы эффект, подобный тому, который произвел я, войдя в Зодангу с Вулой. Мысль о необходимости расстаться с верным товарищем причиняла мне такое большое сожаление и неподдельное горе, что я отгонял ее, пока мы не дошли до ворот города. Но там, наконец, надо было расстаться. Если бы дело было только в моей безопасности или удовольствии, то никакие доводы не заставили бы меня погнать единственное существо на Марсе, которое постоянно выражало мне свою привязанность и верность. Но так как я добровольно предложил свою жизнь в услужение той, в поисках которой я бросил вызов неизвестным опасностям в этом таинственном городе, я не мог позволить, чтобы присутствие Вулы угрожало успеху моего плана. Тем более, что я не сомневался, что он скоро забудет меня.

Итак, я тепло попрощался с бедным животным, обещав ему, что если я благополучно вернусь из моего путешествия, я всячески постараюсь отыскать его. Он как будто понял меня, и, когда я приказал ему обратное направление к Тарку, он печально пошел назад. Мне было тяжело следить за ним; я решительно повернулся к Зоданге и с ощущением боли в сердце приблизился к его угрюмым стенам.

Письмо, которое я имел, немедленно открыло мне доступ в окруженный стенами город. Было еще раннее утро, и улицы были пусты. Жилища, высоко поднятые на своих металлических колоннах, казались стальными стволами деревьев, Магазины, как обычно, не были подняты над уровнем почвы и двери их не были заперты, так как воровство совершенно неизвестно на Барсуме. Барсумцы боялись только убийства, и потому-то их жилища и были высоко подняты над почвой ночью и во время войны.

Братья Птор дали мне точные указания как разыскать то место в городе, где я смогу найти удобное жилье и буду близко от места службы государственных чиновников, к которым мне дали письма. Моя дорога вела к центральному скверу, который имеется во всех городах на Марсе. Сквер в Зоданге занимает квадратную милю и окружен дворцами джеддака, джеда и других

членов царского рода и знати Зоданги и, кроме того, гостиницами, кафе и магазинами.

Когда я пересекал большой сквер, любуясь великолепной архитектурой построек и роскошными красными растениями, устилавшими ковром широкую лужайку, я увидел марсианина, быстро идущего мне навстречу. Он не обратил на меня ни малейшего внимания, но когда он приблизился, я узнал его, и, положив руку на его плечо, позвал:

- Каор, Кантос Кан!

С быстротой молнии он обернулся ко мне, и не успел я опустить свою руку, как острие его длинной шпаги коснулись моей груди:

- Кто ты? - закричал он, и в то время, как обратный прыжок отнес меня футов на пятьдесят от его шпаги, он опустил острие вниз и воскликнул, смеясь:

- Я не нуждаюсь в лучшем ответе: ведь есть только один человек на Барсуме, который умеет прыгать как резиновый мяч! Во имя матери самого дальнего месяца, Джон Картер, как вы попали сюда, и разве вы стали Дарсином, что научились менять цвет по своему желанию?

- Вы заставили меня пережить неприятные полминуты, друг, - продолжал он после того, как я коротко обрисовал ему свои приключения с того момента, как мы расстались на арене Варуна, - если бы мое имя и место, где мой родной дом, были известны в Зоданге, я бы уже сидел на берегу далекого моря Корос с моими умершими предками. Я здесь в интересах Тардоса Морса, джеддака Гелиума, чтобы открыть местопребывание Деи Торис, нашей принцессы. Саб Тэн, принц Зоданги, спрятал ее в городе. Он безумно влюбился в нее. Его отец, Тэн Козис, джеддак Зоданги, поставил условием мира между нашими странами ее добровольное согласие на замужество с его сыном. Однако Тардос Морс не соглашается на его просьбы. Он ответил, что он и его народ скорее согласны увидеть мертвое лица своей принцессы, чем видеть ее замужем против ее воли, и что лично он предпочитает быть брошенным в пучину или видеть пожар Гелиума, чем соединить знак своего дома со знаком Тэна Козиса. Его ответ был самым тяжелым оскорблением зодангцам, но любовь его народа к нему еще более окрепла и власть его в Гелиуме больше, чем когда-либо.

- Я здесь три дня, - рассказывал Кантос Кан, - но я еще не узнал, где заключена Дея Торис. Сегодня вечером я вступаю в

зодангский флот в качестве воздушного разведчика. Я надеюсь этим путем добиться доверия Саб Тзэна, принца, который командует флотским дивизионом, и, таким образом, узнать, где находится Дея Торис. Я счастлив, что вы здесь, Джон Картер, так как знаю вашу верность нашей принцессе. Я уверен, что работая вместе, мы достигнем многого!

Сквер начал постепенно наполняться народом, занятым своими повседневными обязанностями. Магазины открылись, в кафе появились утренние посетители. Кантос Кан повел меня в один из этих роскошных ресторанов, где нам была подана еда, приготовленная исключительно при помощи механических аппаратов. Ни одна рука не трогала пищу с того момента, как она сырая попала в это помещение, и до тех пор, пока она появилась, горячая и вкусная, на столах перед посетителями, надавливающими маленькие кнопки, чтобы заказать то или иное блюдо.

Когда мы поели, Кантос Кан повел меня с собой в квартал, где был расположен эскадрон воздушной разведки, где он представил меня начальнику и попросил принять меня в войско. Согласно обычаю, для поступления требовался экзамен, но Кантос Кан сказал, чтобы я не боялся, так как об этой стороне дела он позаботится. Он выполнил это, взяв мой билет для экзамена и представившись экзаменатору как Джон Картер.

- Эта хитрость откроется позже, - объяснил он мне весело, когда они начнут проверять мой рост, вес и другие приметы, но пока это будет сделано, пройдет несколько месяцев, и наша миссия будет выполнена, либо мы потерпим неудачу задолго до этого срока.

Ближайшие несколько дней Кантос Кан учил меня искусству летания и исправлению тех маленьких аппаратов, которые употребляются марсианами для этой цели. Тело воздушной лодки для одного человека имеет около 16 футов в длину, 2 фута в ширину и 3 вершка в толщину, оно заострено с обоих концов. Летчик сидит на верхушке этой плоскости на особом сиденье, построенном над маленькой бесшумной машиной из радия, которая направляет весь аппарат. Весь секрет легкости и упругости заключен между тонкими металлическими стенками тела и состоит из восьмого луча, или лучей движения, как можно назвать их по их свойству.

Этот луч, подобно девятому лучу, неизвестен на Земле, но марсиане открыли, что он является неотъемлемым свойством всякого света, независимо от какого источника он получается.

Марсиане узнали, что восьмой солнечный луч продвигает свет солнца к разным планетам и что у каждой планеты свой индивидуальный восьмой луч, который отражает полученный солнечный луч и продвигает его дальше. Солнечный восьмой луч поглощается поверхностью Барсума, но есть восьмой барсумианский луч, который посылает свет с Марса в пространство. Он постоянно струится с планеты, составляя силу, обратную силе тяжести. Если бы его удержать, он в состоянии поднять огромные тяжести с поверхности планеты.

Эти-то лучи и делают марсиан способными к тем изумительным полетам, что военные корабли, по размерам далеко превосходящие все известное на Земле, летают в легком воздухе Марса так грациозно, как игрушечные пузыри в тяжелой атмосфере Земли.

В течение первых лет после открытия этих лучей было немало странных происшествий, пока не научились измерять и контролировать эту чудесную силу. Лет 900 тому назад первый большой военный корабль, который был выстроен с резервуарами для восьмого луча, был снабжен слишком большим количеством лучей, и в одно мгновение отлетел от Гелиума с пятьюстами солдат и офицеров, чтобы уже больше не вернуться.

Сила отталкивания этих лучей от планеты так велика, что они увлекли корабль в пространство, где теперь с помощью сильных телескопов можно видеть его, блуждающим по небесам в десяти тысячах миль от Марса - маленький сателлит, который бесконечно будет вращаться вокруг Барсума.

На четвертый день после своего прибытия в Зодангу я совершил первый полет, и в результате этого достиг места, где помещался дворец Тзэн Козиса.

Когда я летел над городом, я описывал много кругов, как это делал Кантос Кан, а затем, взяв большую скорость, я с устрашающей быстротой помчался к югу, следуя направлению одного из больших водных путей, идущих в Зодангу.

Меньше чем за час я пролетел, вероятно, 2000 миль, когда далеко внизу я разглядел группу из трех зеленых воинов, которые быстро мчались к маленькой фигуре, старавшейся, по-видимому, добежать до одного из обнесенных стеной полей.

Направив свою машину к ним и описывая круги в тылу зеленых воинов, я скоро заметил, что предметом преследования был красный марсианин, носящий знак эскадрона, к которому принадлежал и я. Недалеко лежал его аппарат, вокруг него были

разбросаны инструменты, при помощи которых он, очевидно, исправлял какое-то повреждение, когда был застигнут зелеными воинами. Они были уже почти около него; их летящие тоты настигали сравнительно маленькую фигуру, бегущую со страшной быстротой, а воины наклонились вправо, держа в руках длинные металлические копья.

Они были уже почти около него; каждый, казалось, хотел первым поразить бедного зодангца. Еще один момент, и его судьба была бы решена, если бы не мое своевременное появление.

Держа свой проворный аппарат как раз позади них и, летя с той же скоростью, я быстро догнал их и, не замедляя полета, вонзил клюв маленького летуна как раз между плечами ближайшего воина. Толчок, достаточно сильный, чтобы пробить сталь, толщиной в несколько вершков, подбросил обезглавленное тело в воздух через голову его тота; оно упало рядом на мох. тоты двух других воинов обернулись и с ревом помчались в противоположную сторону.

Уменьшив скорость, я спустился на почву к ногам изумленного зодангца. Он горячо благодарил меня за своевременную помощь, и обещал, что этот мой поступок получит награду, так как он был не кто иной, как двоюродный брат джеддака Зоданги. Мы не стали тратить много времени, так как знали, что воины безусловно вернуться, как только сумеют овладеть своими тотами. Поспешив к поврежденной машине, мы приложили все усилия, чтобы закончить починку и почти успели в этом, когда увидели, что два зеленых чудовища возвращаются с огромной быстротой с противоположной нам стороны. Когда они приблизились на сто ярдов, их тоты решительно отказались идти дальше к испугавшей их машине.

Воины наконец спешились и, отпустив своих животных, направились к нам пешком с обнаженными длинными мечами. Я направился навстречу более сильному, сказал зодангцу, чтобы он сделал все, что может с другим. Покончив со своим противником без особых усилий, что стало для меня привычным, благодаря большой практике, я поспешил к моему новому знакомцу, которого нашел в отчаянном положении.

Он был ранен и лежал на земле. Противник поставил свою огромную ногу ему на грудь и поднял меч, чтобы нанести последний удар. Я перепрыгнул отделяющее нас расстояние в 50 футов и, вытянув острие шпаги, проткнул тело зеленого воина. Его меч упал, не нанеся удара, на почву, и сам он тяжело рухнул на распростертое тело зодангца.

При беглом осмотре я убедился, что смертельных ран нет, и после короткого отдыха он заявил, что чувствует себя в силах отправиться в обратный путь. Он должен был полететь отдельно, так как эти хрупкие лодочки могут перевозить лишь одного человека.

Закончив поспешно нужные исправления, мы поднялись к спокойному безоблачному небу и скоро, без дальнейших приключений, вернулись в Зодангу.

Приблизившись к городу, мы увидели большую толпу мирных граждан и солдат, собравшихся на лугу перед Зодангой. Небо было черно от военных кораблей и частных лодочек, на которых развевались флаги из пестрого шелка, хоругви, знамена со странными и живописными рисунками.

Мой спутник подал мне знак опуститься и, подлетев близко к моему аппарату, уговорил меня посмотреть церемонию, устроенную для оказания почестей офицерам и солдатам за храбрость и другие выдающиеся подвиги. Он развернул маленькое знамя, указывающее, что его корабль несет члена царской семьи в Зоданге, и мы начали пробивать себе дорогу между массой низколетящих воздушных кораблей, пока не повисли как раз над джеддаком Зоданги и его свитой. Все они были верхом на маленьких домашних марсианских тотах. На сбруе и украшениях было такое количество пестро раскрашенных перьев, что я был поражен удивительным сходством между этой свитой и бандой красных индейцев с моей Земли.

Кто-то из свиты обратил внимание Тээн Козиса на присутствие моего спутника над их головами, и правитель сделал ему знак спуститься. Пока войска устанавливались прямо перед джеддаком, он разговаривал со своим кузеном, причем время от времени поглядывал на меня. Слов их я не мог расслышать. Когда разговор кончился, все спустились с тотов. В это время последние войска уже встали в позицию перед своим императором. Один офицер из свиты приблизился к войскам и, назвав имя солдата, приказал ему выйти вперед. Затем офицер рассказал о героическом поступке солдата, который вызвал одобрение джеддака. Тогда последний подошел и прикрепил металлическое украшение к левому рукаву счастливого человека.

Десять человек было награждено таким образом, когда адъютант сказал:

- Джон Картер, воздушный разведчик!

Никогда в жизни я не был так сильно изумлен, но привычка к военной дисциплине была так сильна во мне, что я легко спустил машину на почву и пешком, как это делали другие, приблизился

к офицеру. Когда я остановился перед ним, он обратился ко мне громким голосом, слышным всем собравшимся:

- Джон Картер! В благодарность за вашу замечательную храбрость и ловкость, проявленные вами при защите двоюродного брата джеддака и в победе над тремя зелеными воинами, джеддак доставляет себе удовольствие возложить на вас знак его одобрения.

Тогда Тзэн Козис подошел ко мне и, прикрепив украшение, сказал:

- Кузен рассказал мне подробности вашего удивительного подвига, который кажется почти чудом. Если вы так хорошо защищаете кузена джеддака, то насколько лучше вы сумеете защитить особу самого джеддака! Вы назначаетесь в гвардию и отныне будете помещаться в моем дворце.

Я поблагодарил его и по его приказанию присоединился к членам его свиты. После окончания церемонии, я поставил аппарат на его место под крышей бараков воздушного эскадрона и, с приказом из дворца, я доложил офицеру об отправке меня во дворец.

XXII.

Я НАХОЖУ ДЕЮ

Мажордом, к которому я направился, имел распоряжение поместить меня близ особы джеддака, подвергающегося во время войны особенно сильной опасности. По существующим на Марсе правилам, во время войны все было позволено.

Он немедленно проводил меня в аппартаменты, где находился Тзэн Козис. Правитель был занят беседой со своим сыном Саб Тзэном, несколькими родственниками и придворными, и не заметил моего прихода.

Стены комнаты были совершенно закрыты роскошными драпировками, которые закрывали все окна и двери. Комната освещалась солнечными лучами, которые были заключены между стоящим потолком и вторым, находившимся на несколько вершков ниже и сделанным из толстого стекла.

Мой проводник откинул один из ковров, открывая проход, который шел вдоль комнаты между ее стенами и висящими драпировками. Я должен был по его словам, оставаться в проходе до

тех пор, пока Тзэн Козис находится в комнате. Когда он выйдет, я должен последовать за ним. Единственной моей обязанностью было охранять особу правителя и возможно меньше попадаться ему на глаза. Через четыре часа я буду сменен. Сказав это, мажордом покинул меня.

Драпировки были из странной ткани, которая казалась тяжелой и плотной с одной стороны, но со своего места я мог видеть все, что делалось в комнате, будто не существовало отделяющих меня занавесок.

Едва я занял свой пост, как драпировки на противоположном от меня краю комнаты зашевелились и в комнату вошли четыре гвардейца, окруживших женскую фигуру. Приблизившись к Тзэн Козису, солдаты расступились, и перед джеддаком, не далее чем в 10 футах от меня, очутилась Дея Торис с ее прекрасным, улыбающимся лицом.

Саб Тзэн приблизился, чтобы встретить ее, и они взявшись за руки, подошли близко к джеддаку. Тзэн Козис удивленно посмотрел на них и, став, приветствовал Дею Торис.

- Какому странному капризу обязан я визитом принцессы Гелиума, которая лишь два дня тому назад, с редким вниманием к моей гордости, уверяла меня, что она предпочитает Тала Хаджуса, зеленого тарка, моему сыну?

Дея Торис только улыбнулась в ответ, и с плутовскими ямочками, играющими у ее рта, ответила:

- С самого начала существования Барсума привилегией женщин было менять свои взгляды, когда она желает, и притворяться в вопросах сердца. Это вы должны простить, Тзэн Козис, как простил ваш сын. Два дня тому назад я не была уверена в его любви ко мне, теперь я в ней уверена. Я пришла просить вас забыть мои опрометчивые слова и принять уверения принцессы Гелиума в том, что, когда придет время, она согласится выйти замуж за Саб Тзэна, принца Зоданги.

- Я счастлив, что вы так решили, - ответил Тзэн Козис. - я совершенно не хотел продолжать дальше войну с народом Гелиума. Ваше обещание будет записано и провозглашено народу.

- Лучше было бы, - прервала его Дея Торис, - объявление народу отложить до конца войны. И моему, и вашему народу покажется странным, что принцесса Гелиума отдает себя врагу своего народа в разгар военных действий.

- Разве война не может быть закончена сразу? - воскликнул Саб Тзэн. - Достаточно лишь слова Тзэн Козиса, чтобы водво-

рить мир. Скажи его, отец мой, скажи это слово, которое приблизит мое счастье и положит конец этой ненужной ссоре.

- Мы посмотрим, - ответил Тзэн Козис, - как народ Гелиума примет мир. Я, во всяком случае, предложу его им.

После нескольких слов Дея Торис повернулась и покинула комнату, сопровождаемая четырьмя стражами.

И вот воздушный замок моей мечты о счастье разбит о суровую действительность! Женщина, которой я предложил свою жизнь, из уст которой я так недавно слышал слова любви ко мне, так легко забыла о моем существовании и, смеясь, отдала себя сыну злейшего врага своего народа.

Хотя я слышал это собственными ушами, я не мог этому поверить. Я решил узнать, где она помещается и, заставить ее повторить мне жестокую правду. Поэтому я оставил свой пост и поспешил по проходу позади драпировки по направлению к двери, через которую она покинула комнату. Тихонько проскользнув через дверь, я увидел массу извилистых коридоров, ветвящихся и перекрещивающихся во всех направлениях.

Я быстро побежал по одному из них, потом по другому, третьему и вскоре совершенно потерялся. Я стоял, задыхаясь, опершись на стену, как вдруг близко от себя услыхал голоса. По-видимому, они исходили из помещения, находящегося по ту сторону стены, о которую я облокотился. Я сейчас же узнал голос Деи Торис. Слов я не мог разобрать, но был уверен, что не ошибся.

Сделав несколько шагов, я нашел проход в конце которого находилась дверь. Быстро пройдя вперед, я вошел в комнату, маленькую переднюю, в которой были четыре гвардейца, которые сопровождали принцессу. один из них сейчас же вскочил и спросил, по какому я делу.

- Я от Тзэн Козиса, - ответил я, - и хочу поговорить наедине с Деей Торис, принцессой Гелиума.

- Ваш ордер? - спросил он.

Я не знал о чем он говорит, но ответил, что я член охраны джеддака, и направился к противоположной двери, за которой слышал голос Деи Торис.

Но войти было не так-то легко! Телохранитель встал передо мной, говоря:

- Никто не приходит от Тзэн Козиса без ордера или пароля. Покажите мне то или другое и вы сможете пройти.

- Единственный ордер, который я имею, чтобы пройти, куда хочу, мой друг, висит у меня на боку, - ответил я, похлопывая свой меч. Дадите вы мне пройти мирно, или нет?

Вместо ответа он вытащил свой меч и приказал другим сделать то же самое, и с обнаженными мечами они встали в ряд, не давая мне пройти дальше.

- Вы здесь не по приказу Тзэн Козиса, - воскликнул тот из них, который первый заговорил со мной, - и вы не только не войдете в помещение принцессы Гелиума, но под охраной будете отведены к Тзэн Козису, где и дадите объяснение своей непозволительной дерзости. Спрячьте свой меч, вы один не справитесь с нами, - приказал он с угрюмой усмешкой.

Моим ответом был быстрый удар, который оставил мне только трех соперников, и смею уверить, они были достойны моего оружия. Они быстро откинули меня к стене. Борясь за свою жизнь, я медленно пробил себе дорогу в угол комнаты, так что они могли подходить ко мне только поодиночке. Так мы сражались минут двадцать. Звон стали, ударяющейся о сталь, производил в комнате страшный шум, который заставил Дею Торис подойти к дверям своей комнаты. Здесь она стояла все время борьбы, а Сола выглядывала из-за плеча. Ее лицо было неподвижно и спокойно, и я понял, что ни она, ни Сола не узнали меня.

Наконец, удачный удар сбил другого противника и тогда, имея двоих против себя, я переменил тактику и обрушился на них тем приемом, который помог мне одержать много побед. Третий упал через десять секунд после второго, и через несколько минут и последний лежал мертвый на полу. Они были храбрые люди и хорошие бойцы, и я был огорчен тем, что должен был убить их, но чтобы достигнуть своей цели я охотно уничтожил бы население всего Барсума, если бы иного исхода не было.

Вложив в ножны окровавленный клинок я подошел к своей марсианской принцессе, которая стояла, безмолвно глядя и не узнавая меня.

- Кто вы, заданганец? - спросила она. - Еще один враг, чтобы мучить меня в моем горе?

- Я друг... - отвечал я, - когда-то любимый друг...

- Ни один из друзей принцессы Гелиума не носит этого знака... Но этот голос! Я слышала его раньше... Это... Это не может быть... нет, ведь он мертв!

- Это никто иной, моя принцесса, как Джон Картер! Неужели вы несмотря на краску и знаки, не узнаете сердце вашего вождя!

Когда я подошел к ней вплотную, она покачнулась с простертыми ко мне руками, но, прежде чем я успел схватить ее в свои объятия, она откинулась назад с дрожью и тихим стоном горя.

- Слишком поздно, слишком поздно! - плакала она. - О мой вождь, которого я считала мертвым, если бы вернулись часом раньше. Но теперь уже поздно, слишком поздно!

- Что это значит, Дея Торис? - воскликнул я. - Что вы не дали бы обещания принцу Зоданга, если бы знали, что я жив?

- Думаете ли вы, Джон Картер, что отдав вчера свое сердце вам, я могу сегодня отдать его другому? Я думала, что оно погребено вместе с вашим прахом в могиле Варгуна, и поэтому я обещала сегодня свое тело другому, чтобы спасти свой народ от нападения победоносной армии Зоданга.

- Но я не умер, моя принцесса! Я пришел за вами, и вся Зоданга не сможет помешать мне!

- Слишком поздно, Джон Картер! Мое обещание дано, а в Барсуме это все. Церемония, которая последует после, является лишь бессмысленной формальностью. Она ничего не прибавит к самому факту женитьбы, как похоронное шествие джеддака не наложит еще одну печать смерти на его лицо. Я уже замужем, Джон Картер. И вы больше не должны называть меня своей принцессой, а вы больше не мой вождь.

- Я мало знаю ваши обычаи здесь на Барсуме, Дея Торис, но я знаю, что люблю вас, и если вы помните последние слова, которые вы сказали мне, когда орды варгунов напали на нас, то ни один мужчина не смеет думать о вас, как о своей невесте. Тогда вы думали так, моя принцесса, вы и теперь так думаете! Скажите мне, что это правда!

- Я думаю так, Джон Картер, - прошептала она. - Я не могу повторить это теперь, потому что отдала себя другому. Ах, если бы вы только знали наши обычаи, мой друг, - продолжала она, обращаясь наполовину к себе самой, - вы получили бы мое обещание уже много месяцев тому назад и могли бы требовать меня раньше всех остальных. Пусть погиб бы Гелиум, но я отдала бы все царство за своего таркианского вождя.

Затем она сказала громко:

- Вы помните ту ночь,когда вы меня обидели? Вы назвали меня своей принцессой, не попросив моей руки, и потом вы хвалились, что боролись за меня. Вы не знали, и я не должна была обидеться, теперь я это понимаю. Но не было никого на Барсуме, кто сказал бы вам, а я не могла этого сделать, что здесь у нас есть два рода женщин в городах красных людей: за одних мужчины

борются и потом просят их руки, за других мужчины тоже борются, но в жены их никогда не просят.

Когда мужчина выигрывает женщину, он может назвать ее своей принцессой или другим именем, означающим, что она ему принадлежит. Вы боролись за меня, но никогда не просили моей руки, и когда вы назвали меня своей принцессой, вы понимаете, - она колебалась, - я была оскорблена. Но даже тогда, Джон Картер, я не оттолкнула вас, как должна была сделать, потому что вы сделали еще в двое хуже, когда насмехались надо мной, говоря, что выиграли в сражении.

- Я не буду теперь просить у вас прощения, Дея Торис! Вы должны знать, что вина моя лишь в незнании обычаев Барсума. То, что я должен был сделать раньше, хотя я полагал, что моя просьба будет самонадеянной и нежеланной, я делаю теперь, Дея Торис! Я прошу вас быть моей женой и клянусь своей боевой, виргинской кровью, которая течет в моих жилах, вы будете ею!

- Нет, Джон Картер, это бесполезно! - безнадежно воскликнула она. - Я никогда не буду вашей женой, пока жив Саб Тзэн!

- Только не это, поспешила она объяснить, - я не выйду замуж за человека, который убил моего мужа, даже защищаясь. Такой обычай! Обычаи правят нами здесь, на Барсуме - это бесполезно, мой друг! Вы должны переносить горе вместе со мной: это единственное, что может быть у нас общего: Это - и воспоминание о коротких днях среди тарков. Теперь вы должны уйти и больше никогда меня не увидите. Прощайте, мой вождь!

Отвергнутый, с разбитым сердцем, я вышел из комнаты. Но я не терял надежды и не допускал, что Дея Торис навсегда потеряна для меня, пока церемония брака не свершилась.

Я блуждал вдоль коридоров и совершенно заблудился в массе скрещивающихся переходов, как это было, когда я пошел на поиски Деи Торис.

Я знал, что единственная надежда на спасение была в бегстве из города Зоданги, так как факт убийства четырех стражей потребует объяснения, а благодаря тому, что я без проводника не найду своего поста, подозрения падут на меня, как скоро меня увидят бесцельно слоняющимся по дворцу.

Наконец я подошел к спиральной лестнице, ведущей в нижний этаж, и спустился по ней пока не дошел до двери в большую комнату, где было много стражников. Стены комнаты были увешаны прозрачными драпировками, за которыми я и спрятался, не будучи замеченным.

Общий разговор телохранителей не вызвал во мне никакого интереса, пока в комнату не вошел офицер и приказал четверым из них сменить тех, кто охраняет принцессу Гелиума. Тогда я понял, что для меня началась серьезная опасность и, действительно, едва взвод оставил комнату, как один из солдат ворвался назад, задыхаясь и крича, что они нашли четырех товарищей убитыми на полу в передней.

В одну секунду весь дворец наполнился народом. Стража, офицеры, придворные, слуги и рабы бегали взад и вперед по коридорам и комнатам, передавая приказания и поручения и отыскивая следы убийцы.

Это было для меня чрезвычайно удобным случаем, и я воспользовался им; когда группа солдат прошла мимо моего укромного местечка, я пошел с ними, прошел через лабиринт дворца, пока не увидел благословенный свет дня, проникающий через целый ряд больших окон.

Здесь я оставил проводников и скользнул к ближайшему окну, ища места, удобного для побега. Окна открывались на большой балкон, выходящий на одну из широких улиц Зоданги. Почва была далеко внизу, около 30 футов, и на таком же расстоянии от дворца была стена футов тридцати вышиной, выстроенная из полированного стекла, толщиной около фута. Для красного марсианина побег по этой дороге казался бы невозможным, но для меня, с моей земной силой и ловкостью, это казалось исполнимым, Единственно чего я боялся, это что меня поймают во дворце до наступления темноты, так как я не мог при ярком свете прыгнуть на стену, тем более, что двор внизу и улицы были запружены зодангцами.

Потом я начал искать, где бы спрятаться, и наконец случайно увидел большое украшение, свисающее с потолка и не достигающее пола футов на десять, внутри которого было укромное место. Я с легкостью прыгнул в поместительную вазу и только успел усесться, как услыхал, что группа людей вошла в комнату и остановилась как раз под моей вазой, так что я ясно слышал каждое слово:

- Это работа гелиумцев, - сказал один из вошедших.

- Да, о джеддак, но как они проникли во дворец? Я не мог допустить, что даже один враг при особой внимательности стражи мог достигнуть внутренних покоев дворца, но каким образом пять или шесть вооруженных людей могли пройти незамеченными, это для меня непонятно. Мы скоро узнаем правду, так как вот идет царский психолог!

Еще один человек присоединился к группе, и приветствовав правителя, сказал:

- О могущественный джеддак, я прочел страшную историю в мертвых душах твоих воинов. Они были убиты не несколькими людьми, а одним противником...

Он промолчал, чтобы слушатели оценили как следует его сообщения, и что его словам мало поверили, было ясно видно по нетерпеливому возгласу недоверия,сорвавшемуся с уст Тзэна Козиса:

- Что за чудесные сказки приносишь мне ты, Нотан? - крикнул он.

- Это правда, мой джеддак! - ответил психолог. - На мозгу каждого из четырех убитых отпечатки были очень сильны. Их враг был высокого роста, носящий знак вашего собственного телохранителя, и его умение бороться почти чудесно, так как боролся он один против четырех и победил их своей огромной хитростью и сверчеловеческой силой и выносливостью. Хотя и носит он знак Зоданги, мой джеддак, такого человека еще не было в этом или другом городе Барсума. Душа принцессы Гелиума, которую я спрашивал и экзаменовал, для меня непонятна, она прекрасно владеет собой. Она сказала, что присутствовала лишь при одной части сражения и что видела только одного человека, который боролся со стражей и которого она никогда не видела.

- Где мой спаситель? - спросил другой голос, в котором я узнал голос двоюродного брата Тзэн Козиса, спасенного мною от зеленых воинов. - Клянусь знаком моих предков, - продолжал он, - описание подходит к нему чрезвычайно, особенно к его умению сражаться.

- Где этот человек? - закричал Тзэн Козис. - Привести его ко мне сейчас же! Что вы знаете о нем, брат мой? Теперь, когда я думаю об этом, мне кажется странным, что в Зоданге был такой боец, а имени его мы не знали до сегодняшнего дня. Да и имя его, Джон Картер! Кто слышал когда-нибудь такое имя на Барсуме?

Скоро принесли известие, что меня нигде не могут найти, ни во дворце, ни в бараках эскадрона воздушных разведчиков, Они нашли Кантос Кана и расспрашивали его, но он ничего не знал о моем местопребывании. Что касается моего прошлого, то он знает очень мало, так как он встретился со мной лишь недавно, во время нашего плена у варгунов.

- Следите и за этим, - приказал Тзэн Козис. - Он тоже иностранец, и похоже, что они оба из Гелиума. Там, где один из них, мы скоро найдем и второго. Учетверите воздушные патрули и подвергайте каждого человека, покидающего город по почве или по воздуху самому строгому допросу!

Вошел еще один курьер с известием о том, что я, несомненно, нахожусь во дворце.

- Портреты всех людей, которые вошли во дворец или вышли из него сегодня днем были тщательно изучены, - закончил он, - ни один из них не похож на этого человека, кроме того портрета, который снят с него самого, когда он утром вошел во дворец.

- Тогда мы скоро его найдем, - сказал Тзэн Козис довольным голосом, - а тем временем, мы отправимся в комнаты принцессы Гелиума и расспросим ее об этом деле. Она, может быть, знает больше, чем сказала тебе, Нотан! Идемте!

Они покинули зал и, когда наступила темнота, я незаметно выбрался из моего тайника и поспешил на балкон. Внизу народа было уже мало и, выбрав момент, когда поблизости не было никого, я быстро прыгнул на вершину стеклянной стены, а с нее на улицу, находящуюся по ту сторону дворца.

XXIII.

ЗАБЛУДИЛСЯ В ПРОСТРАНСТВЕ

Не пытаясь принимать равнодушный вид, я поспешил к месту нашей стоянки, где я надеялся найти Кантос Кана. Осторожно приблизился я к зданию, так как предполагал не напрасно, что оно охраняется. Несколько человек со знаками гражданского управления бродили у входа, а позади виднелись другие. Единственным средством попасть незамеченным в верхний этаж, где помещались наши комнаты, было проникнуть туда через смежное здание, и после сложных маневров мне удалось взобраться на крышу находившегося неподалеку ларька.

Перепрыгивая с крыши на крышу, я вскоре пробрался до открытого окна того здания, где я рассчитывал найти гелиумца, и через минуту я уже стоял в комнате перед ним. Он был один и не проявил удивления по поводу моего прихода, сказав, что ожи-

дал меня раньше, так как моя служебная поездка должна была окончиться скорее.

Я увидел, что он ничего не знает о событиях, произошедших в этот день во дворце. Когда я рассказал ему о них, он пришел в большое волнение. Известие, что Дея Торис обещала свою руку Саб Тэну, наполнило его негодованием.

- Этого не может быть, - воскликнул он, - это невозможно! Во всем Гелиуме нет человека, который не предпочел бы смерть продаже нашей любимой принцессы царствующему дому Зоданги. Она, видно, совсем потеряла голову, что дала согласие на эту отвратительную сделку. Вы не знаете, как мы, граждане Гелиума, любим членов нашего царствующего дома и не можете понять, с каким ужасом я думаю о таком недостойном союзе.

- Что делать, Джон Картер? - продолжал он. - Вы человек находчивый.

Не можете ли придумать способ спасти Гелиум от этого унижения?

- Если бы мне удалось добраться до Саб Тэна, - ответил я, - то мой меч разом разрешил бы затруднения Гелиума, но по личным причинам я предпочел бы, чтобы удар, который должен освободить Дею Торис, нанес другой.

Прежде чем ответить Кантос Кан пристально поглядел на меня.

- Вы ее любите! - сказал он. - Знает ли она об этом?

- Она знает об этом, Кантос Кан, и отказывает мне только потому, что обещала Саб Тэну.

Он вскочил и, схватив меня за плечо, поднял свой меч, восклицая:

- Если бы выбор зависел от меня, я бы не нашел для первой принцессы Барсума никого, достойнее вас. вот я кладу свою руку на ваше плечо, Джон Картер, и даю слово, что острие моего меча поразит Саб Тэна во имя моей любви к Гелиуму, во имя Деи Торис и вас. Сегодня же ночью я попытаюсь проникнуть во дворец.

- Каким образом? - спросил я. - Вас строго охраняют, и четырехкратные патрули сторожат небо.

На миг он задумчиво понурил голову, затем снова уверенно поднял ее.

- Мне нужно лишь миновать стражу, а это мне удастся, - сказал он наконец. - Мне известен тайный вход во дворец через башню. Я открыл его случайно, когда однажды нес патрульную службу над дворцом. При этой службе мы должны обращать

внимание на всякие необычные явления, и мне показалось странным, когда я заметил чье-то лицо, выглядывающее с парапета самой высокой башни. Поэтому я приблизился, и оказалось, что выглядывал с башни никто иной, как сам Саб Тзэн. Он был немного смущен, что я заметил его, и велел мне держать это в тайне, объяснив мне, что проход с башни ведет прямо в его аппартаменты, и известен только ему одному. Если бы мне удалось пробраться на крышу казарм и достать мою машину, я через пять минут был бы у Саб Тзэна. Но как мне выбраться из этого здания, которое, по вашим словам, усиленно охраняется?

- Как охраняются машины в казармах? - спросил я его.

- Там обычно дежурит на крыше один часовой.

- Выберетесь на крышу этого здания, Кантос Кан, и ждите меня там.

Н е теряя времени на объяснения своего плана, я выбрался на улицу и поспешил к казармам. Я не решился войти, так как там было полно воздушных скоутов, которые, как и все зоданцы, разыскивали меня.

Казармы представляли собой огромное здание, возвышавшееся на целую тысячу футов. Во всей Зоданге было мало таких зданий, превышавших его. Ангары больших военных кораблей находились на высоте пятисот футов от земли, и почти также высоко были расположены ангары грузового и пассажирского сообщения.

Трудно и опасно было взбираться туда по фасаду здания, но другого пути не было, и я рискнул. Благодаря обилию архитектурных украшений мне удалось гораздо легче, чем я предполагал, добраться до самого карниза. Тут я встретился с первым серьезным препятствием. Карнизы выдавались футов на двадцать над стеной, и, хотя я прошел кругом всего здания, мне не удалось найти в них ни одного отверстия.

Верхний этаж был освещен и битком набит свободными от занятий солдатами. Итак, сквозь здание я тоже не мог проникнуть на крышу.

У меня был еще один слабый и отчаянный шанс, и я решил воспользоваться им - ведь я делал это ради Деи Торис - и не было такого человека, который не рискнул бы ради нее тысячью жизней.

Держась за стену ногами и одной рукой, я свободной рукой отцепил длинный ремень своей аммуниции. На конце его болтался большой крюк, и при помощи которого летчики подвешивают себя к бокам и дну своих летательных аппаратов для производст-

ва различных починок. Эти крючки применяются и при высадке с военных кораблей.

Я несколько раз пытался закинуть крюк на крышу, пока он, наконец, не зацепился прочно. Я осторожно потянул за ремень, чтобы укрепить положение крюка, но не знал, выдержит ли он вес моего тела. Он, может быть, держался только за последний фальц кровли и мог соскользнуть от раскачивания моего тела на конце ремня. Тогда я рухнул бы на мостовую с высоты тысячи футов.

Секунду я помедлил, а потом, отделившись от поддерживавшего меня орнамента, бросился в пустоту и повис на конце ремня. Глубоко подо мной были ослепительно освещенные улицы, мостовые и... смерть! Вверху на карнизе послышался короткий скрип и неприятный скользящий царапающий звук, обдавший меня холодным предчувсвием. Потом крюк зацепился, и я был в безопасности.

Быстро вскарабкавшись наверх, я ухватился за край карниза и взобрался на крышу. Став на ноги, я оказался лицом к лицу с часовым, направившим на меня дуло своего пистолета.

- Кто вы? И откуда взялись? - крикнул он.

- Я воздушный скоут, друг, и только что был на волосок от смерти, так как лишь случайно не свалился на улицу, - ответил я.

- Но как вы попали на крышу? За последний час никто не приставал и не поднимался изнутри. Живо объясните это, или я тотчас же позову стражу!

- Послушай-ка, часовой, я только что был на волосок от смерти, и я все тебе объясню, - ответил я и повернулся к краю крыши, где двадцатью футами ниже висело на ремне все мое оружие.

Движимый любопытством, бедняга стал рядом со мной и нагнулся через карниз, а я в тот же миг схватил его за горло и повалил на крышу. Пистолет выпал из его рук, И мои пальцы заглушили ему рот, я связал его и привесил к карнизу точно так же, как всего минуту назад висел сам. Я знаю, что его заметят там не раньше утра и хотел выиграть как можно больше времени.

Надев свое вооружение, я поспешил к ангарам и вскоре вывел оттуда свою машину и машину Кантоса Кана. Прикрепив его машину позади моей, я пустил в ход двигатель и, соскользнув с края крыши, нырнул в пространство, причем опустился над улицами города значительно ниже того уровня, которого обычно придерживаются воздушные патрули. Менее, чем через минуту я

благополучно опустился на крышу перед изумленным Кантосом Каном.

Я не стал терять времени на объяснения и принялся немедленно обсуждать с ним наши дальнейшие планы. Было решено, что я попытаюсь достигнуть Гелиума, а Кантос Кан отправится во дворец и покончит с Саб Тзэном. В случае удачи он должен был последовать за мной. Он установил для меня свой компас, остроумный прибор, который всегда указывает на какую-нибудь определенную точку поверхности Барсума. Потом мы распрощались и, одновременно взвившись в воздух, помчались по направлению ко дворцу, лежащему на пути моего перелета. Когда мы приблизились к высокой башне, на нас ринулся с высоты патруль и осветил своим прожектором мой аппарат. Раздался голос, приказывающий мне остановиться. Я не обратил внимания на это предупреждение и тотчас же услышал выстрел. Кантос Кан скрылся во мраке, я же круто поднялся и с безумной быстротой пронесся по марсианскому небу, преследуемый десятком машин воздушных скоутов, присоединившихся к погоне. Вскоре позади меня появился также быстроходный крейсер с экипажем в сто человек и батареей скорострельных орудий.Дергая во все стороны свою маленькую машину, падая вниз, я удачно избегал света их прожекторов, но этим маневром только терял время, и поэтому я решил рискнуть всем и лететь прямым путем, положившись на милость судьбы и на скорость моей машины.

Кантос Кан показал мне один секрет в механизме, известный только флоту Гелиума и значительно увеличивающий скорость наших машин. Поэтому я надеялся обогнать своих преследователей, лишь бы мне удалось в первое время избегнуть их снарядов.

Я мчался вперед, и свист пуль кругом убеждал меня, что спасти меня может только чудо. Но кости были брошены, и дав двигателю полный ход, я взял прямой курс на Гелиум. Мало-помалу мои преследователи отстали, и я уже поздравлял себя с удачей, как вдруг хорошо направленный с крейсера снаряд взорвался у самого носа моего утлого суденышка. Сотрясение чуть не опрокинуло его, и оно сделало ужасающий прыжок вниз, в ночной мрак. Не знаю, насколько глубоко я упал, но, во всяком случае, я был сейчас над почвой, так как до меня доносились голоса животных. Поднявшись опять, я отыскал взором своих преследователей и окончательно оставляя за собой их огни, видел, что они опускаются, очевидно, предполагая найти меня внизу. Когда их огни уже совсем скрылись из виду, я зажег лампочку над моим компасом и, к видимому своему огорчению, увидел, что

осколок снаряда совершенно испортил мой единственный указатель пути, а также прибор, указывающий скорость полета.Конечно, я мог приблизительно направить свой путь по звездам, но, не зная точного расположения города, скоро мог легко заблудиться. Шансы найти при таких условиях Гелиум были весьма невелики.

Гелиум лежит на тысячу миль южнее Зоданги и, с исправным компасом, я мог бы сделать этот путь в четыре или пять часов. Однако утро застало меня летящим с полной скоростью над бесконечной поверхностью высохшего морского дна. Я был в пути около шести часов подряд. Вдруг внизу показался город, но это был не Гелиум, так как последний, в отличие от других барсумских городов, состоит из двух больших частей, окруженных огромными круглыми стенами, и удаленных друг от друга миль на семьдесят пять. Поэтому его легко было бы узнать с той высоты, на которой я летел.

Предполагая, что я взял слишком далеко к северу или западу, я повернул на юго-восток и в течение первой половины дня оставил за собой целый ряд крупных городов, но ни один из них не соответствовал описанию Кантос Кана. Помимо того, что Гелиум состоит из двух городов-близнецов, другим характерным признаком его являлись две гигантские красные башни, возвышавшиеся чуть не на целую милю в центре одного из городов и другая такая же, но светло-желтого цвета в другом городе.

XXIV.

ТАРС ТАРКАС НАХОДИТ ДРУГА

Около полудня я пролетел низко над большим мертвым городом старинного Марса и, скользя над расстилавшейся за ним долиной, наткнулся на несколько тысяч зеленых воинов, увлеченных жестоким сражением. Не успел я заметить их, как меня осыпал град выстрелов. Они стреляли почти без промаха и вмиг изрешетили мою машину, стремительно рухнувшую на землю.

Я упал в самую гущу битвы среди воинов, даже не заметивших моего приближения, так поглощены они были этой отчаянной схваткой. Они сражались в общем строю длинными мечами, и воин, который вздумал бы отделиться от общей массы, попал под огонь своих же скорострельных орудий, стрелявших с фланга. Когда машина опустилась в их толпу, я понял, что надо сражать-

ся или умереть, с большими шансами на последнее, и коснувшись почвы с уже обнаженным мечом, готов был защищаться до последней капли крови.

Я оказался рядом с гигантом, отбивавшимся от трех противников и, заглянув в его мрачное, искаженное яростью битвы лицо, узнал в нем Тарс Таркаса. Он не видел меня. так как я стоял немного сзади, и в этот миг его трое противников, в которых я узнал варгунов, одновременно напали на него. Огромный детина быстро справился с одним из них, но, отступив для нового удара, споткнулся о какой-то труп, упал и вмиг очутился во власти своих врагов. С быстротой молнии набросились они на него.И Тарс Таркас быстрым путем отправился бы к праотцам, если бы я не успел подскочить и занять его противников. Я одолел одного из них, а в это время могучий тарк уже вскочил на ноги и быстро покончил с другим. Он взглянул на меня, и быстрая улыбка мелькнула на его суровых устах. Коснувшись моего плеча, он сказал:

- Я с трудом узнаю вас, Джон Картер, но ни один смертный на всем Барсуме не сделал бы для меня того, что сделали вы. Мне кажется, что на свете действительно существует дружба, мой друг.

Он больше ничего не сказал, да и не было случая для этого, так как варгуны наступали на нас со всех сторон, и мы с ним сражались вместе плечом к плечу все эти долгие жаркие часы до вечера, когда напряжение битвы, наконец, ослабло, и остаток свирепой варгунской орды вскочил на своих тотов и умчался в сгустившуюся темноту.

Десять тысяч человек участвовало в этом титаническом сражении, и на поле осталось три тысячи убитых. Ни та, ни другая сторона не просила и не давала пощады и не брала пленных.

Вернувшись после битвы в город, мы отправились прямо к Тарс Таркасу, где я остался один, а он пошел на обычное заседание совета, всегда собиравшегося после выдающихся военных событий.

В то время, как я сидел, ожидая возвращения зеленого воина, я услышал шум в смежной комнате и, когда я выглянул туда, огромное и страшное животное бросилось на меня и опрокинуло на кучу шелковых и меховых покрывал, на которых я сидел. Это был Вула - верный, любящий Вула! Он нашел обратную дорогу в Тарк, и как Тарс Таркас впоследствии рассказал мне, отправился прямо в мое прежнее жилище и там начал упорно и безнадежно ждать моего возвращения.

- Тал Хаджус знает, что вы здесь, Джон Картер, - сказал Тарс Таркас, вернувшись из жилища Джеддака. - Саркойя видела и узнала вас при вашем возвращении, и Тал Хаджус приказал мне доставить вас вечером к нему. У меня десять тотов, Джон Картер. Выберите из них любого, и я провожу вас до ближайшего канала, ведущего к Гелиуму. Тарс Таркас суровый зеленый воин, но он также и может быть другом. Идем, пора в путь.

- А что будет с вами, когда вы вернетесь, Тарс Таркас? - спросил я.

- Ничего хорошего, - ответил он. - Разве только мне представится так долго желаемый случай сразиться с Талом Хаджусом.

- Мы останемся, Тарс Таркас, и мы пойдем вечером к Талу Хаджусу! Вы не должны жертвовать собой: кто знает, может быть, вечером вам представится тот случай, которого вы ждете.

Он упорно стоял на своем, говоря, что Тал Хаджус часто приходит в дикую ярость при одной мысли о нанесенном ему ударе, и что если он только доберется до меня, я буду подвергнут самым ужасным мукам. За едой я повторил Тарс Таркасу историю, которую Сола рассказала мне ночью во время похода в Тарк.

Он мало говорил, но мускулы его резкого лица двигались от волнения и боли при мысли об ужасах, выпавших на долю единственного существа, которое он когда-либо любил за всю свою холодную, жестокую, ужасную жизнь.

Он больше не спорил, когда я предложил отправиться к Тал Хаджусу и лишь сказал, что хотел бы сначала поговорить с Саркойей. По его просьбе я проводил его к жилищу Саркойи, и брошенный ею на меня исполненный ненависти взгляд, был для меня почти наградой за все несчастья, грозившие мне при этом случайном возвращении в Тарк.

- Саркойя, - сказал Тарс Таркас, - сорок лет тому назад при вашем содействии была замучена до смерти женщина по имени Гозава. Только что выяснилось, что воин, любивший эту женщину, жив и узнал о вашем участии в этом деле. Он не убьет вас, Саркойя, это не в наших обычаях, но никто не может помешать ему привязать один конец ремня к вашей шее, а другой - к дикому тоту, только лишь чтобы испытать вашу живучесть и пригодность к продолжению нашей расы. Завтра он это сделает, но я счел правильным предупредить вас, так как я человек справедливый. Путь к реке Исс недолог, Саркойя. Пойдем, Джон Картер!

На следующее утро Саркойя исчезла, и с тех пор ее больше не видели.

Молча направились мы к дворцу джеддака и были немедленно пропущены к его особе. Он с трудом дождался моего прихода, и мы застали его стоящим на возвышении и не сводящим глаз с двери.

- Привяжи его к столбу, - завопил он, - посмотри, кто он такой, что сумел ударить могущественного Тала Хаджуса! Нагрейте железо! Чтобы я собственными руками мог выжечь ему глаза, чтобы они не оскверняли меня своими гнусными взглядами!

- Вожди Тарка, - закричал я, обращаясь ко всему совету и перебивая Тала Хаджуса. - Я был среди вас вождем, и сегодня сражался за Тарк, плечом к плечу с его знаменитейшим воином. Вы должны, по крайней мере, выслушать меня. Эту награду я заслужил. Вы считаете себя справедливым народом...

- Молчать! - заревел Тал Хаджус. - Заткните ему рот и свяжите его, как я приказываю.

- Справедливость, Тал Хаджус, - воскликнул Лоркас Птомель. - Кто ты такой, чтобы пренебрегать обычаями тарков?

- Да, справедливость! - повторили десятки голосов, и как Тал Хаджус не злился, не бушевал, я продолжал свою речь:

- Вы храбрый народ, и вы любите храбрость,но где же был ваш могущественный джеддак во время сегодняшней битвы. Я не видел его в гуще сражения: там его не было. Он терзает в своем логове беззащитных женщин и детей, но часто ли вы видели его сражающимся с мужчинами? Даже я, карлик против него, сшиб его одним ударом кулака. Таков ли должен быть джеддак тарков? Здесь, рядом со мной, стоит великий тарк, славный воин и благородный человек. Вожди! плохо ли звучит: Тарс Таркас - джеддак тарков?

Смутный одобрительный гул покрыл мои слова.

- Совету стоит лишь повелеть и Тал Хаджус должен будет доказать свое право на власть. Будь он храбр, он вызвал бы на поединок Тарса Таркаса, так как он не любит его. Но Тал Хаджус боится. Тал Хаджус, ваш джеддак, трус. Я мог бы убить его голыми руками, и он это знает. - Когда я умолк, настало долгое молчание, и глаза всех были устремлены на Тал Хаджуса. Он не произнес ни звука, не шелохнулся, но пятнистый, зеленый цвет его лица стал ярче, и пена застыла у него на губах.

- Тал Хаджус, - холодным, жестким голосом сказал Лоркас Птомель, - за всю мою долгую жизнь я никогда еще не видел

джеддаков тарков в таком унижении. На подобный вызов может быть только лишь один ответ. Мы ждем его.

Но Тал Хаджус по-прежнему стоял, словно окаменелый.

- Вожди, - продолжал Лоркас Птомель, - должен ли джеддак Тал Хаджус доказать свое право на власть в поединке с Тарс Таркасом?

Около двадцати вождей мрачно стояли вокруг возвышения, и сразу двадцать мечей взлетело вверх в знак утвердительного ответа.

Теперь не могло быть колебаний. Это решение было окончательным, и Тал Хаджус, вытащил свой длинный меч, двинулся навстречу Тарс Таркасу.

Поединок продолжался недолго, и, наступив ногой на шею мертвого чудовища, Тарс Таркас сделался вождем тарков. Видя благоприятное отношение воинов к Тарс Таркасу и ко мне, я воспользовался этим случаем, чтобы привлечь их на мою сторону в борьбе с Зодангой. Я рассказал Тарс Таркасу историю своих приключений и в нескольких словах объяснил ему свой план.

- Джон Картер внес предложение, - сказал он, обращаясь к совету, - которое я нахожу достойным внимания. Я кратко изложу его вам. Дея Торис, принцесса Гелиума, бывшая наша пленница, в настоящее время во власти джеддака Зоданги и должна выйти замуж за его сына, чтобы спасти свою страну от разрушения зодангскими войсками.

Джон Картер предлагает нам освободить ее и вернуть в Гелиум. добыча в Зоданге будет великолепная, и я часто думал, что в союзе с народом Гелиума мы могли бы настолько обеспечить свои средства к существованию, что это позволило бы нам усилить деторождение и, таким образом, достигнуть бесспорного превосходства среди зеленых людей на всем Барсуме. Что вы на это скажете?

Представлялся случай повоевать, случай пограбить, и они бросились на приманку, как форель на муху. В тарках быстро загорелся энтузиазм, и не прошло получаса, как двадцать верховых мчались по ложам высохших морей созывать отдельные орды для экспедиции.

Через три дня мы выступили в поход к Зоданге, в составе не менее ста тысяч человек, так как Тарс Таркасу удалось обещаниями богатой добычи привлечь к участию в походе три более мелкие орды.

Я ехал во главе колонны рядом с великим тарком, а у ног моего тота трусил Вула, мой дорогой любимый Вула.

Мы двигались только ночью, размеряя наши переходы так, чтобы днем останавливаться в покинутых городах, где все мы, и даже животные, прятались в домах, пока светило солнце. Благодаря своим выдающимся способностям Тарсу Таркасу удалось во время похода привлечь в наши ряды пятьдесят тысяч воинов других орд, и через десять дней после выступления наша полуторасоттысячная армия прибыла среди ночи к стенам огромного города Зоданги.

Боевая сила этой орды свирепых зеленых чудовищ соответствовала десятикратному количеству красных людей. Тарс Таркас говорил мне, что никогда еще за всю историю Барсума не было такого количества зеленых воинов, объединенных для общей цели. Поддерживать между ними хотя бы видимое согласие составляло огромную трудность и мне казалось чудом, что ему удалось довести их до города без междуусобного кровопролития.

Но, когда мы приблизились к Зоданге, их личные дрязги были поглощены общей ненавистью к красным. Они особенно ненавидели жителей Зоданги, которые уже много лет вели беспощадную борьбу с зелеными людьми, обращая особое внимание на разрушение их инкубаторов.

Теперь, когда мы были перед Зодангой, на меня пала задача открыть доступ в город. Я предложил Тарс Таркасу разделить войско на два отряда и расположить их против соответствующих городских ворот на таком расстоянии, чтобы их не услышали из города. Затем я взял с собой двадцать пеших воинов и приблизился к одним из меньших ворот, каких много было в стене. Стража у этих ворот состоит из одного лишь человека, который ходит внутри стены по примыкающей к ней городской улице.

Стены Зоданги имеют 75 футов вышины и 50 толщины. Они выстроены из гигантских глыб карборунда, и задача пробраться в город казалось моему эскорту задачей неразрешимой. Эти люди принадлежали одной из меньших орд и поэтому не знали меня. Поставив трех из них лицом к стене, я приказал двум другим влезть им на плечи, а шестому взобраться на плечи к этим двум. Голова верхнего воина возвышалась над землей футов на сорок.

Я продолжил эту пирамиду другими воинами и таким образом получились ступеньки от земли до плеч верхнего воина. Разбежавшись, я вскочил одному из них на плечи и, быстро

карабкаясь, добрался до вершины. Ухватившись за край стены, я взобрался наверх и спокойно расположился на ее ровной поверхности. За собой я втянул шесть связанных вместе ремней, принадлежавших стольким же воинам. Дав конец ремней верхнему воину, я спустил другой конец с противоположной стороны стены на проходившую внизу улицу. Никого не было видно и, спустившись по ремню, я благополучно спрыгнул с высоты оставшихся тридцати футов на мостовую.

От Кантоса Кана я знал, как открываются эти ворота, и через минуту мои двадцать бойцов-гигантов вступили в обреченный город Зодангу.

К моей радости, я убедился, что мы находимся в конце огромных дворцовых садов. Само здание, залитое ярким светом, виднелось невдалеке, и я решил повести отряд воинов прямо ко дворцу, в то время как остальная масса будет штурмовать казармы.

Отправив одного из воинов к Тарс Таркасу с сообщением о моих намерениях и с просьбой о подкреплении в пятьдесят тарков, я приказал десяти воинам захватить и открыть одни из больших ворот, а сам оставшимися девятью взял другие. Нам нужно было действовать быстро, без единого выстрела, и общее наступление должно было начаться не раньше, чем я достигну дворца с моими пятьюдесятью тарками. Наш план удался вполне. Встреченные двое стражей были отправлены нами к своим праотцам на отмели потерянного моря Корус; стража у обоих ворот бесшумно отправилась за ними вслед.

XXV.

ЗОДАНГСКАЯ ДОБЫЧА

Когда распахнулись захваченные мною ворота, на своих могучих тотах въехали пятьдесят тарков с самим Тарс Таркасом во главе. Я повел их к дворцовым стенам, с которыми легко справился без посторонней помощи. Но, когда я очутился внутри, мне пришлось долго возиться с воротами, пока наконец они не повернулись на своих тяжелых петлях, и мой славный эскорт поскакал по садам джеддака Зоданги.

Когда мы приблизились ко дворцу, я заглянул через большие окна первого этажа в ослепительно освещенный приемный зал

Тзэн Козиса. Огромное помещение было полно придворными и их женами, как будто там происходило что-то особенно торжественное. Снаружи дворца не было видно ни одного стража. Это объяснялось, по-видимому, тем, что городские и дворцовые стены считались неприступными, и это дало мне смелость приблизиться к самому окну.

На одном конце зала, на массивных, усыпанных бриллиантами золотых тронах, восседали Тзэн Козис и его супруга, окруженные офицерами и высшими сановниками.

Перед ними находилось широкое свободное пространство, охраняемое двумя шпалерами солдат и, как раз в эту минуту в это пространство с дальнего конца зала вступала процессия, приблизившаяся затем к подножию трона.

Впереди шли четыре офицера гвардии джеддака и несли на пурпурной подушке большую золотую цепь с браслетами и замками по концам. Вслед за этими офицерами четыре других несли роскошные регалии принца и принцессы царствующего дома Зоданги.

У подножия трона эти две группы разделились и остановились лицом друг к другу с двух сторон свободного пространства. Затем прошли другие сановники, гвардейские и армейские офицеры, и, наконец, две фигуры, настолько закутанные в пурпурные шелка, что их лиц нельзя было различить. Обе остановились перед троном, лицом к Тзэн Козису. Когда в зал вступил хвост процессии и все расположились по своим местам, Тзэн Козис обратился к стоящей перед ним паре.

Я не слышал его слов, но вот два офицера выступили вперед, откинув пурпурное покрывало с одной из фигур, и я увидел, что миссия Кантоса Кана не удалась - передо мной стоял Саб Тзэн, принц Зоданги.

Тзэн взял с подушки одну из золотых цепей и, надев ее золотой браслет на шею своему сыну, защелкнул замок. Произнеся еще несколько слов, обращенных к Саб Тзэну, он повернулся ко второй фигуре, с которой офицеры снимали окутывающие ее шелка. И я, догадался уже о том, что здесь происходит, увидев перед своими глазами Дею Торис, принцессу Гелиума.

Цель церемонии была для меня ясна. Еще минута, и Дея Торис была бы навеки соединена с принцем Зоданги. Несомненно, это была великолепная и внушительная церемония, но мне она казалась самым отвратительным зрелищем, при котором я когда-либо присутствовал. И, когда регалии были прикреплены к ее стройной фигуре, и предназначенный для нее золотой ошей-

ник был уже в руках Тзэна Козиса, я занес над его головой свой длинный меч, тяжелым ударом разбил стекло огромного окна и спрыгнул в самую гущу пораженной толпы. Одним прыжком я очутился на ступеньках возвышения рядом с Тзэн Козисом, и пока он стоял, окаменев от изумления, мой меч опустился на золотую цепь, которая готова была сковать Дею Торис с другими.

В один миг все смешалось. Тысячи обнаженных мечей угрожали мне со всех сторон, а Саб Тзэн бросился на меня с украшенным камнями кинжалом, который он выхватил из-за пояса своих свадебных облачений. Я мог бы убить его, как муху, но вековой обычай Барсума остановил меня и, схватив его руку выше кисти в тот миг, когда он замахнулся кинжалом, я сжал его, как в тисках, и острием своего меча показал на дальний конец зала.

- Зоданга пала! - закричал я. - Глядите!

Все повернулись в указанном мною направлении, а там ворвавшиеся через порталы входа въезжали в зал на своих гигантских тотах Тарс Таркас и его пятьдесят воинов. Крик недоумения и тревоги вырвался из груди собравшихся, но это не был крик страха, и вмиг солдаты и сановники Зоданги бросились навстречу наступавшим таркам.

Столкнув Саб Тзэна с возвышения, я привлек Дею Торис к себе. За троном открывался узкий проход, но на дороге стоял с обнаженным мечом Тзэн Козис. Мы схватились с ним, и я нашел в нем недюжинного противника.

Пока мы бились с ним на широком возвышении, я увидел поднимающегося по ступенькам Саба Тзэна, спешившего на помощь отцу. Когда он уже занес руку для удара, Дея Торис бросилась между нами, а мой меч как раз нашел на теле Тзэна Козиса ту точку, поражение которой сделало Саб Тзэна джеддаком Зоданги. Видя отца мертвым, новый джеддак оттолкнул от себя Дею Торис и снова мы с ним оказались лицом к лицу. К Сабу Тзэну вскоре присоединились четыре офицера и, прислонившись спиной к одному из золотых тронов, я продолжал сражаться за Дею Торис. Мне было очень трудно защищаться так, чтобы не задеть Саба Тзэна, так как, убив его, я лишился бы последнего шанса овладеть любимой женщиной. Мой клинок мелькал, как молния, отражая удары моих противников. Двух я обезоружил, но уже другие спешили выручить своего нового правителя и отомстить за смерть старого.

Когда они приблизились, послышались крики: "Убейте женщину! Убейте женщину! Это дело ее рук! Убейте ее!"

Крикнув Дее Торис, чтобы она держалась за мной, я прокладывал себе дорогу к узкому проходу за троном, но офицеры разгадали мое намерение, и трое из них прыгнули мне в тыл и лишили меня возможности добраться до такого места, где я мог бы с успехом защищать Дею Торис от их мечей.

Тарки были слишком заняты в середине зала, и я уже чувствовал, что только чудо может спасти Дею Торис и меня, как вдруг я увидел Тарс Таркаса, пробивающегося сквозь толпу облепивших его пигмеев. Каждым взмахом своего огромного меча он укладывал десятки врагов и косил дорогу перед собой, пока не добрался до возвышения и не очутился возле меня, сея направо и налево смерть и гибель.

Храбрость воинов Зоданги была достойна уважения. Никто из них не пытался спастись бегством, и битва окончилась лишь тогда, когда кроме Деи Торис и меня во всем зале остались в живых только тарки.

Саб Тзэн лежал мертвый рядом со своим отцом, и цвет зодангской знати покрывал своим телом место кровавой бойни.

Когда битва окончилась, моя первая мысль была о Кантос Кане, и, оставив Дею Торис на попечении Тарс Таркаса, я взял двенадцать воинов и поспешил с ними в подземелье дворца. Тюремщиков не было на месте, так как они все присоединились к боровшимся в тронном зале, и, блуждая по лабиринтам тюрьмы, мы не встречали сопротивления.

В каждом новом коридоре я выкрикивал имя Кантоса Кана, и, наконец, был вознагражден слабым откликом. Идя на звук, мы вскоре нашли Кантос Кана, беспомощно сидевшего в темной норе.

Его радости не было границ, когда он увидел меня и узнал, что обозначала битва, смутные отголоски которой долетали до его камеры. Он рассказал мне, что воздушный патруль захватил его, прежде чем он успел достичь высокой башни дворца, и он даже не видел Саб Тзэна.

Мы убедились, что нам никак не удастся перерезать сковывающие его прутья и цепи, и по его совету я вернулся наверх, чтобы снять с его убитых тюремщиков ключи от замков его камеры и цепей.

К счастью, один из первых осмотренных трупов оказался трупом тюремщика, и вскоре Кантос Кан был с нами в тронном зале. Грохот артиллерии, смешанный с криками и воплями, долетал до нас с городских улиц, и Тарс Таркас поспешил из зала руководить боем. Кантос Кан сопровождал его в качестве проводника,

зеленые воины начали тщательный обыск дворца в поисках оставшихся воинов и добычи, а я остался наедине с Деей Торис.

Она опустилась на один из золотых тронов и, когда я повернулся к ней, приветствовала меня слабой улыбкой.

- Был ли когда-либо подобный человек! - воскликнул она. - Я знаю, что Барсум никогда не видел равного вам! Неужели таковы все люди на Земле? Один, чужой, гонимый, осыпаемый угрозами, преследуемый, вы за несколько месяцев достигли того, что мы не могли сделать на Барсуме за все минувшие века, вы соединили вместе дикие орды высохших морей и повели их в бой, как союзников красного марсианского народа.

Ответ на это прост, Дея Торис, - ответил я, улыбаясь. - Это сделал не я, а любовь - любовь к Дее Торис, сила, способная совершить еще большие чудеса.

Румянец окрасил ее лицо, и она ответила:

- Теперь вы можете говорить это, Джон Картер, и я могу слушать, ибо я свободна.

- И я скажу еще больше, прежде чем это опять будет поздно, - отозвался я. - В моей жизни было много странных поступков, на которые не осмелились бы более осторожные люди, но я никогда и во сне не мечтал завоевать себе такое создание, как вы, Дея Торис, так как никогда не подозревал о существовании где-то во вселенной принцессы Гелиума. Но вы, это вы, и это заставляет меня усомниться в моем здравом рассудке, когда я прошу вас, моя принцесса, быть моею!

- Не надо смущаться тому, кто прекрасно знает ответ, прежде чем он будет произнесен, - сказала она, вставая, и положила свои милые руки мне на плечи.

Я обнял и поцеловал ее. И среди города, полного борьбы и звона оружия, где смерть и разрушение пожинали обильную жатву, Дея Торис, принцесса Гелиума, верная дочь Марса, бога войны, дала согласие Джону Картеру, джентльмену из Виргинии.

XXVI.

ОТ СРАЖЕНИЙ К РАДОСТИ

Немного позднее Тарс Таркас и Кантос Кан вернулись и сообщили, что Зоданга окончательно покорена. Ее силы совершенно разбиты, часть взята в плен, и дальнейшего сопротивления

внутри города ожидать не приходится. Правда, несколько боевых кораблей ускользнуло, зато тысячи других, как военных, так и коммерческих, находились под охраной таркских воинов.

Меньшие орды придались грабежу и дракам между собой, и поэтому было решено собрать сколько возможно воинов, снабдить как можно большее количество судов экипажами из зодангских пленников, и не теряя времени двинуться в Гелиум.

Через пять часов с ангаров двинулся флот из двухсот пятидесяти боевых судов, увозивших около ста тысяч зеленых воинов, а за ними - транспорты с нашими тотами. За собой мы оставили побежденный город, ставший добычей свирепых сорока тысяч зеленых воинов меньших орд. Они во многих местах подожгли город, над которым поднимались столбы густого дыма, как бы для того, чтобы скрыть от глаз неба ужасное зрелище.

Вскоре после полудня мы увидели пурпурную и желтую башни Гелиума, и немного спустя сильный флот зодангских боевых кораблей поднялся из лагеря осаждавших город и полетел нам навстречу.

Флаги Гелиума были протянуты от носа до кормы на всех наших могучих кораблях, но зодангцам и не нужно было этого знака, чтобы понять, что мы враги, так как наши зеленые марсианские воины открыли по ним огонь, как только они отделились от почвы. Со свойственной им безошибочностью прицела они поражали своими снарядами приближавшийся флот. Обе части Гелиума, заметив, что мы союзники, прислали нам на помощь сотни своих кораблей, и тогда началась первая настоящая воздушная битва, в которой мне пришлось участвовать.

Корабли с нашими зелеными воинами кружили над сражавшимися флотами Гелиума и Зоданги, но их батареи были бесполезны в руках тарков, которые не имея флота, не имели навыка обращения с корабельной артиллерией. Однако их револьверный огонь был весьма действенен и имел большое, если не решающее влияние на исход боя.

Вначале обе воздушные армии кружили примерно на одной высоте, пуская друг в друга залпы с полного борта. Огромная дыра образовалась в оболочке одного из гигантских кораблей зодангского флота. Качнувшись, он перевернулся вверх дном, и крошечные фигурки его экипажа вертясь, корчась, извиваясь, полетели вниз с высоты тысячи футов. Сам же корабль со все возрастающей скоростью ринулся вслед за ними и почти совершенно погрузился в мягкую глину старинного морского дна.

Дикий крик восторга донесся с эскадры гелиумцев, и с удвоенной яростью бросились они на зодангский флот. Ловким маневром два гелиумских корабля взвились над противником и стали осыпать его градом бомб из своих килевых батарей.

Затем остальные корабли Гелиума поднялись один за другим над зодангским флотом, и вскоре многие корабли осаждавших обратились в беспомощные обломки, которые летели вниз к высокой пурпурной башне главной части Гелиума. Другие обратились в бегство, но их быстро окружили тысячи крошечных единичных летчиков, и над каждым повис гигантский корабль гелиумцев, готовый взять их на абордаж.

Не прошло и часу с того мгновения, как зодангский флот поднялся нам навстречу из осаждавшего город лагеря, как битва была уже окончена, и оставшиеся суда побежденных зодангцев были направлены к Гелиуму под управлением экипажей победителей.

Необычное трагическое зрелище представляла собой сдача могучих судов, так как старинный обычай требовал, чтобы сигналом о сдаче служил добровольный прыжок на почву командира побежденного судна. Один за другим эти храбрецы, держа свой вымпел высоко над головой, бросались с командных мостиков навстречу ужасной смерти.

И только, когда командир всего флота сам совершил роковой прыжок, обозначив сдачу остальных судов, окончилось сражение и прекратилась бесполезная трата жизней отважных людей.

Мы дали флагманскому кораблю Гелиума сигнал приблизиться, и когда нас могли услышать, я крикнул, что у нас на борту принцесса Дея Торис, и что мы хотим пересадить ее на флагманский корабль, чтобы она могла быть немедленно доставлена в город.

Когда экипаж флагманского корабля вполне уяснил себе смысл сообщения, оттуда донесся долгий восторженный крик, и через минуту цвета принцессы Гелиума взвились повсюду на такелаже гелиумских кораблей. Когда другие экипажи эскадрильи поняли значение этого сигнала, они подхватили торжествующий крик и развернули в ярких лучах солнца свои цвета.

Флагманский корабль спустился над нами, плавно пошел в бок с нашим, и десяток офицеров перескочили на нашу палубу. Когда их изумленный взгляд упал на сотни зеленых воинов, вышедших теперь из-за боевых прикрытий, они остолбенели,но при

виде направляющегося к ним Кантоса Кана они пошли вперед и обступили его.

Дея Торис и я подошли тоже, и они не сводили с нее глаз. она любезно приняла их и назвала по имени каждого, так как все они были люди, занимавшие высокое положение на службе у ее деда, и она хорошо знала их.

- Положите ваши руки на плечо Джону Картеру, - сказала она им, обращаясь в мою сторону, - человеку, которому Гелиум обязан своей принцессой и своей сегодняшней победой.

Все они отнеслись ко мне очень предупредительно и наговорили массу любезностей, но особенное впечатление произвело на них, по-видимому, то, что я сумел привлечь мрачных тарков на спасение Деи Торис и освобождение Гелиума.

- Вы больше обязаны не мне, а другому, - сказал я, - вот он, один из величайших солдат, и государственных людей Барсума - Тарс Таркас, джеддак тарков.

С той же безукоризненной вежливостью, которую они выказывали по отношению ко мне, приветствовали они великого тарка, и к моему удивлению, он не намного уступал им в непринужденности манер и светском разговоре. тарки не болтливая раса, но придает большое значение форме и часто поражают достоинством и изысканностью манер.

Дея Торис перешла на борт флагманского корабля и была очень огорчена, что я не последовал за ней.

Но я ей объяснил, что пока еще битва выиграна только частично: нам оставалось еще справиться с сухопутными силами осаждавших зодангцев, и я не хотел покидать Тарс Таркаса, пока и эта задача не будет закончена.

Командир воздушных сил Гелиума обещал предпринять вылазку из города одновременно с нашей сухопутной атакой, и наши суда расстались. Дея Торис была с триумфом возвращена ко двору своего деда Тардоса Морса, джеддака Гелиума.

На некотором расстоянии позади реял во все время нашей битвы транспортный флот с тотами зеленых воинов. Нам предстояла трудная задача спустить животных без причальных станций, но нам ничего не оставалось делать, кроме как приняться за ее разрешение, и для этой цели мы отлетели миль за десять от города.

Необходимо было спустить животных на петлях, и эта работа заняла остаток дня и половину ночи. Мы были дважды атакованы

отрядами зодангской кавалерии, но не понесли больших потерь, а когда стемнело, отряды скрылись.

Как только был выгружен последний тот, Тарс Таркас подал сигнал к наступлению, и мы тремя отрядами начали подкрадываться с севера, востока и запада к зодангскому лагерю. С дикими свирепыми криками, сопровождаемыми злобным ревом разъяренных тотов, бросились мы на зодангцев.

Мы не застали их врасплох и встретили линию хорошо укрепленных окопов. Один раз за другим отбрасывали они нас, и к полудню я начал уже сомневаться в исходе сражения.

Численность зодангцев доходила до миллиона воинов, собранных от полюса до полюса, куда только достигали ленты их каналов. А против них сгрудились не более ста тысяч зеленых воинов. Войска Гелиума еще не прибыли, и мы не имели сообщений от них.

Ровно в полдень мы услышали орудийный огонь по линии между зодангцами и городами, и поняли, что идет, наконец, так необходимое нам подкрепление.

Тарс Таркас снова отдал приказ наступать, и могучие тоты еще раз понесли своих страшных всадников на редуты врага.

В тот же миг гелиумцы атаковали противоположные брустверы зодангцев; еще немного и зодангцы были раздавлены, как между двумя жерновами. Они сражались храбро, но безрезультатно.

Битва превратилась в настоящую бойню, пока не сдался последний зодангский воин. Но в конце концов резня прекратилась: пленных отвели в Гелиум, а мы пошли через ворота в главный город огромным триумфальным шествием героев-победителей.

Широкие улицы были запружены женщинами и детьми и теми немногочисленными мужчинами, обязанности которых заставляли их оставаться в городе во время сражения. Нас встречали с неумолчным ликованием и засыпали золотыми украшениями, платиной, серебром и драгоценными камнями. Город обезумел от радости.

Мои мрачные тарки вызвали необычайное восхищение и энтузиазм. Никогда еще вооруженный отряд зеленых воинов не проходил через ворота Гелиума, и то, что они входили сюда как друзья и союзники, наполняло красных людей ликованием.

Мои скромные услуги Дее Торис стали уже известны гелиумцам, как это доказывали крики в мою честь и горы украшений, которые нацепляли на меня и на моего тота на нашем пути ко

дворцу. Несмотря на грозный вид Вулы, население толпилось вплотную вокруг меня. Когда мы приблизились к величественной башне, нас встретила группа офицеров, тепло приветствовавшая нас и просившая, чтобы Тарс Таркас и его джеды, с джеддаками и джедами его диких союзников, спешились и вошли во дворец принять от Тардос Морса, выражение его благодарности за нашу услугу.

Наверху больших ступеней, ведущих к главному порталу дворца, стояла группа высоких особ, и когда мы достигли нижних ступеней, кто-то отделился от нее и пошел нам навстречу. Это был прекрасный образец человеческой породы: высокий, прямой, как стрела, с прекрасно развитыми мускулами и повелительной осанкой. Я сразу догадался, что это был сам Тардос Морс, джеддак Гелиума.

Первый, кого он встретил с нашей стороны, был Тарс Таркас, и его первые слова навек запечатлели нарождающуюся дружбу обеих рас:

- Тардос Морс, - сказал он, - считает неоценимой для себя честью встречу с величайшим из живущих воинов Барсума, но гораздо большим благодеянием является то, что он может положить руку ему на плечо, как другу и союзнику.

- Джеддак Гелиума, - ответил Тар Таркас, - человеку иного мира было дано научить зеленых воинов Барсума чувству дружбы. Ему мы обязаны тем, что орды тарка могут понять вас, что они могут оценить столь великодушно выраженные чувства и ответить тем же.

Затем Тардос Морс поздоровался с каждым из зеленых джеддаков и джедов и дружески сказал каждому несколько признательных слов.

Приблизившись ко мне, он положил обе руки мне на плечи.

- Добро пожаловать, мой сын, - сказал он, - вам принадлежит по праву и без спора самая дорогая жемчужина в Гелиуме и на всем Барсуме.

После этого мы были представлены Морсу Каяку, джеду меньшего Гелиума и отцу Деи Торис. Он шел вслед за Тардосом Морсом и казался еще более взволнованным, чем его отец.

Он несколько раз пытался выразить свою благодарность, но голос отказывался ему служить и он не мог ничего произнести, а между тем, как я впоследствии узнал, он пользовался репутацией жестокого и бесстрашного бойца, выделявшегося даже среди воинственных народов Барсума. Наравне с остальными гелиум-

цами он обожал свою дочь и не мог без глубокого волнения думать об избегнутых ею опасностях.

XXVII.

ОТ РАДОСТИ К СМЕРТИ

Десятый день орды тарка и его диких союзников отдыхали и пировали, а затем, нагруженные дорогими подарками и сопровождаемые десятью тысячами гелиумских воинов во главе с Морсом Каяком, двинулись в обратный путь к своим странам. Морс Каяк, джед меньшего Гелиума, с несколькими представителями высшей знати сопровождал их до самого Тарка, чтобы прочнее скрепить новые узы мира и дружбы.

Сола тоже сопровождала своего отца, Тарса Таркаса, который в присутствии всех вождей признал ее своей дочерью.

Через три недели Морс Каяк и его офицеры, а также Тарс Таркас и Сола возвратились на посланном за ними военном корабле, чтобы присутствовать при церемонии бракосочетания Деи Торис и Джона Картера.

Девять лет прослужил я в советах и бился в армии Гелиума как принц дома Тардос Морса. Народ не уставал осыпать меня почестями, и не проходило дня без нового доказательства его любви к моей принцессе, несравненной Дее Торис.

В золотом инкубаторе на крыше нашего дворца лежало белоснежное яйцо. Почти пять лет десять солдат гвардии джеддака беспрерывно дежурили возле него, и когда я бывал в городе, не было дня, что бы мы с Деей Торис не стояли рука об руку перед нагим маленьким алтарем, мечтая о том времени, когда разобьется тонкая скорлупа.

В моей памяти жива картина последней ночи, когда мы сидели там тихо, беседуя о том странном романтическом сплетении обстоятельств, которое связало наши жизни, и таинстве, сулившем еще увеличить наше счастье и завершить наши надежды.

Вдали мы увидели ярко-белый свет приближавшегося воздушного корабля, но не придали этому особого значения такому обычному зрелищу. Молнией несся он к Гелиуме, и самая скорость его, в конце концов, показалась нам странной.

Вспыхнули сигналы, означавшие, что на борту есть депеша для джеддака, и корабль начал нетерпеливо кружить в ожидании

запоздавшей патрульной машины, которая должна была конвоировать его ко дворцу. Через десять минут после его спуска я был вызван в зал совета, куда уже спускались остальные члены собрания.

По тронному залу ходил в зад и вперед с озабоченным видом Тардос Морс. Когда все заняли свои места, он заговорил:

- Сегодня утром, - начал он, - некоторым правительствам Барсума стало известно, что от начальника главной атмосферной станции уже два дня не поступало донесений по беспроволочному телеграфу. На почти беспрерывные вызовы из нескольких столиц не было дано никакого ответа.

Послы других держав просили нас расследовать это дело и спешно командировать на станцию помощника начальника. Весь день тысяча крейсеров разыскивала его, лишь теперь один вернулся с его мертвым телом, найденным в подвале его дома и ужасно изуродованным неведомым убийцей.

- Мне не приходится говорить вам, какое значение имеет это для Барсума. Нужны месяцы, чтобы проникнуть через мощные стены - эта работа уже на ходу, и не приходилось бы особенно тревожиться, если бы машины насосной установки работали исправно, как это было в течение столетий. Но случилось худшее, чего мы опасались. На всем Барсуме приборы показывают быстрое понижение атмосферного давления - машина стала.

- Господа, - закончил он, - нам осталось жить не более трех дней.

На несколько минут воцарилась глубокая тишина, затем поднялся молодой воин и, подняв над головой обнаженный меч, обратился к Тардос Морсу:

- Жители Гелиума всегда показывали Барсуму, как народ красных должен жить. Теперь перед нами случай показать, как следует умирать. Вернемся к нашим обязанностям, как если бы нам предстояла тысяча плодотворных лет жизни.

Зал огласился рукоплесканиями, и так как не оставалось ничего лучшего, как попытаться собственным примером успокоить тревогу населения, мы разошлись с улыбкой на губах и гложущей тоской в груди. Когда я вернулся в свой дворец, слух успел уже достигнуть ушей Деи Торис, и мне пришлось сообщить ей все, что я узнал.

- Мы были очень счастливы, Джон Картер, - сказала она, - и я надеюсь, какая бы судьба не постигла нас, она позволит нам умереть вместе.

Ближайшие два дня не несли в воздушное снабжение заметной перемены, но на утро третьего дня на крышах высоких зданий стало трудно дышать. Население высыпало на улицы и площади Гелиума. Остановились все дела. Но большинство народа храбро смотрело в лицо неизбежной судьбе. Тут и там, однако, мужчины и женщины предавались тихому горю.

К середине дня многие начали сдавать, и в течение часа народ Барсума начал тысячами впадать в бессознательное состояние, предшествующее смерти от удушья.

Дея Торис и я вместе с другими членами королевской семьи собрались в низко расположенном саду во внутреннем дворе дворца. Мы почти не говорили и только следили, как величественная тень смерти приближается к нам. Даже Вула как бы предчувствовал приближение беды и, жалобно визжа, прижимался к Дее Торис и ко мне.

По просьбе Деи Торис маленький инкубатор был принесен с крыши дворца, и она сидела, с мучительной тоской глядя на неведомую зарождающуюся жизнь, которой ей не суждено увидеть.

Когда стало заметно труднее дышать, Тардос Морс поднялся и сказал:

- Простимся друг с другом. Дни величия Барсума миновали. Завтрашнее солнце осветит мертвый мир, обреченный вечно блуждать по небесам, не населенный даже воспоминаниями. Это конец.

Он нагнулся, поцеловал женщин и положил свою сильную руку поочередно на плечи мужчин.

Когда я со скорбью отвернулся, мой взгляд упал на Дею Торис. Ее голова упала на грудь. Она уже не казалась живой. С криком подскочил я к ней и поднял ее на руки.

Она открыла глаза и заглянула в мои.

- Поцелуй меня, Джон Картер! - прошептала она. - Я очень, очень люблю тебя! Как жестоко расставаться, когда жизнь только начала приносить нам любовь и счастье. Когда я прижал ее нежные губы к своим, старое чувство с неудержимой силой овладело мной. Воинственная кровь Виргинии проснулась в моих жилах.

- Этого не должно быть, моя принцесса, - воскликнул я. Существует, должен же существовать какой-нибудь исход, и Джон Картер из любви к тебе проложивший себе путь из иного мира, найдет его!

И с этими словами на пороге моего сознания возникли один за другим девять забытых звуков. Как луч молнии во мраке свер-

кнуло передо мной их полное значение. Это был ключ к трем могучим дверям атмосферной станции!

Быстро повернувшись к Тардосу Морсу и прижимая к груди мою умирающую возлюбленную, я закричал:

- Дайте мне летательную машину, джеддак! Скорее! Прикажите подать самую быструю машину на крышу дворца! Я еще смогу спасти Барсум!

Он не стал терять времени на расспросы, и вмиг посланный помчался к ближайшему ангару, хотя воздух был редок и почти исчез на уровне крыш, все-таки удалось снарядить самую быстроходную машину, какую-либо производило искусство Барсума. Расцеловав Дею Торис, и приказав Вуле, желавшему сопровождать меня, остаться и охранять ее, я со всей прежней ловкостью поднял в воздух машину и со всей скоростью помчался к цели надежд всего Барсума.

Мне пришлось лететь низко, чтобы иметь возможность дышать, но я избрал прямой путь поперек старого морского дна, и мог держаться всего лишь в нескольких футах над почвой.

Я летел с безумной быстротой, так как мой полет являлся гонкой со смертью. Передо мной все время витал образ Деи Торис. Когда, покидая дворцовый сад, я в последний раз оглянулся, я видел, как она пошатнулась и упала рядом с маленьким инкубатором. Я хорошо знал, что ей грозит скорая смерть, если в ближайшее время не усилится приток свежего воздуха, и отбросил всякую осторожность. Я побросал за борт все, что можно было, вплоть до моих украшений, и лежа ничком на палубе, с одной рукой на левом колесе и другой на рычаге скорости, который я поставил на последнюю зарубку, со скорость метеора рассекал редкую атмосферу умиравшего Марса.

За час до наступления темноты передо мной неожиданно выросли гигантские стены атмосферной станции, и я резким толчком коснулся почвы перед маленькой дверью, за которой тлела искра жизни целой планеты.

Рядом с дверью большая партия рабочих была занята пробиванием стены, но они успели только слегка поцарапать ее кремнистую поверхность. Многие из них уже уснули последним сном, от которого их не мог бы пробудить даже воздух.

Здесь условия были гораздо хуже, чем в Гелиуме, и я сам дышал с большим усилием. Несколько человек были в сознании, и с одним из них я заговорил:

- Если я открою эти двери, есть ли здесь кто-нибудь, кто мог бы пустить в ход машину? - спросил я.

- Я могу, - ответил он, если вы только откроете быстро. Я долго не выдержу. Но все это ни к чему, оба они мертвы, а больше никто на всем Барсуме не знает секрета этих ужасных замков. В течение трех дней обезумевшие от страха люди напрасно пытались разгадать их тайну.

У меня не было времени для разговоров, я быстро слабел и с трудом владел своими мыслями.

Но с последним усилием, когда от слабости я опустился на колени, я послал девять мозговых волн в эту ужасную дверь передо мной. Марсианин скорчился перед нами, мы ждали в смертельном молчании. Медленно отошла толстая дверь. Я хотел подняться и войти в нее, но был слишком слаб.

- Там, - крикнул я своему спутнику, - когда доберетесь до машин, пустите в ход все насосы. Это единственная надежда на спасение Барсума!

С того места, где я лежал, я открыл вторую третью двери, и видел, как человек, в котором сосредоточились все надежды Барсума, на четвереньках прополз в нее. Тут я потерял сознание...

XXVIII.

В ПЕЩЕРЕ АРИЗОНЫ

Когда я вновь открыл глаза, было темно. Странные жесткие одеяния покрывали мое тело,одеяния, трещавшие и рассыпавшиеся в прах, когда я принял сидячее положение.

Я ощупал себя с головы до ног, и с головы до ног я был одет, хотя когда я потерял сознание перед маленькой дверью, на мне ничего не было. Перед собой я видел узкую полоску освещенного луной неба, проглядывавшего через какое-то отверстие с изорванными краями.

Ощупывая свое тело, я обратил внимание на карманы, и в одном из них нашел спички, завернутую в пергаментную бумагу. Я чиркнул одну из них, и ее слабое пламя осветило нечто похожее на глубокую пещеру, у стены которой я заметил странную безмолвную фигуру, скорчившуюся на небольшой скамье. Приблизившись, я увидел, что это мертвые, обратившиеся в мумию останки старой женщины с черными волосами, а перед ней стояла жаровня, над которой помещался круглый медный котел с зеленоватым порошком на дне.

Позади нее на плетенных ремнях, свисавших с вышины поперек всей пещеры, я увидел ряд человеческих скелетов. От поддерживающего ремня был протянут другой к мертвой руке маленькой старухи. Когда я прикоснулся к нему,скелеты закачались, шелестя, как сухие листья.

Это было странное и ужасное зрелище, и я поспешил выбраться на свежий воздух из этого мрачного места.

Зрелище, открывшееся моим глазам, когда я вышел на узкий карниз, тянувшийся перед входом в пещеру, исполнило меня изумлением.

Новое небо и новый ландшафт представились моему взору. Серебристые горы вдали, почти неподвижная луна на небе, поросшая кактусами долина внизу - не принадлежали Марсу. Я с трудом верил своим глазам, но истина начинала брезжить в моем мозгу, - передо мной была Аризона и тот же самый узкий карниз, с которого десять лет назад я со странным желанием глядел на Марс.

Закрыв лицо руками, я отвернулся и пошел, разбитый и исполненный тоски, по тропинке от пещеры.

Надо мной сиял красный глаз Марса, скрывающий свою ужасную тайну в сорока восьми миллионах миль от меня.

Добрался ли марсианин до помещения с насосами? Успел ли живительный воздух достигнуть обитателей планеты вовремя, чтобы спасти их? Жива ли моя Дея Торис, или ее прекрасное тело покоится рядом с маленьким золотым инкубатором в саду внутреннего двора дворца Тардоса Морса, джеддака Гелиума?

Десять лет я ждал и молил об ответе на мои вопросы. Десять лет я ждал и молил о том, чтобы вернуться в мир моей потерянной любви. Я предпочитал лежать мертвым возле нее, чем жить на Земле, на расстоянии этих ужасных миллионов миль.

Старый рудник, который я нашел нетронутым, доставил мне сказочное богатство. Но к чему было оно мне?

В этот вечер, когда я сижу в моем маленьком кабинете с окнами на Гудзон, исполнилось ровно двадцать лет с тех пор, как я впервые открыл глаза на Марсе.

Я вижу сквозь маленькое окно у моего стола, как Марс сияет на небе, но сегодня он как будто опять зовет меня, как еще никогда не звал со времени той мертвой ночи, и мне кажется, что я вижу сквозь неизмеримое пространство прекрасную черноволосую женщину в саду дворца, а рядом с ней маленького мальчика. Он обнял ее своими ручонками, она показывает ему на небе Планету Земля, а у их ног лежит огромное, страшное чудовище с золотым сердцем.

Я верю, что они ждут меня, и что-то подсказывает мне, что я скоро опять увижу их.

БОГИ МАРСА

К ЧИТАТЕЛЮ

Двенадцать лет прошло с тех пор, как я положил тело своего дяди, капитана Джона Картера из Виргинии, в великолепный мавзолей на старом кладбище в Ричмонде.

Часто размышлял я над странными инструкциями, которые он оставил мне в завещание относительно своего требования. В особенности удивляли меня два пункта: тело, согласно его воле, было уложено в открытый гроб, и сложный механизм болтов на двери склепа мог быть открыт только изнутри.

Двенадцать лет прошло с того дня, когда я прочел рукопись этого удивительного человека - человека, который не помнил детства, и возраст которого нельзя было определить даже приблизительно. Он выглядел совсем молодым, а знал ребенком прадеда моего деда. Он провел десять лет на планете Марс, сражался за и против зеленых и красных людей Барсума, завоевал прекрасную Дею Торис, принцессу Гелиума, и в продолжение почти десяти лет был ее мужем и членом семьи Тардос Морса, джеддака Гелиума.

Двенадцать лет прошло с тех пор, как безжизненное тело его было найдено перед коттеджем на скалистом берегу Гудзона. Часто спрашивал я себя в эти годы, действителдьно ли умер Джон Картер, или же он снова бродит по высохшему морскому дну умирающей планеты. Я спрашивал себя, что он нашел на Барсуме, если вернулся туда, открылись ли вовремя в тот давно прошедший день, когда он безжалостно был брошен обратно на Землю, двери огромной атмосферной фабрики и спаслись ли бесчисленные миллионы существ, умиравших от недостатка воздуха? Я спрашивал себя, нашел ли он свою черноволосую принцессу и своего сына, которые, как он мечтал, ожидали его возвращения в дворцовом саду Тардоса Морса? Или же он убедился, что помощь его в тот день опоздала, и его встретил мертвый мир? Или же он действительно умер и никогда не вернется ни на свою родную Землю, ни на свой любимый Марс?

Я был погружен в эти бесплодные размышления в один из душных августовских вечеров, когда старый Бен, наш привратник, подал мне телеграмму. Я вскрыл и прочел ее.

" Приезжай завтра Ричмонд отель Ралей.
Джон КАРТЕР".

На следующее утро с первым поездом я отправился в Ричмонд и уже через два часа входил в комнату, занимаемую Джоном Картером.

Он поднялся, чтобы приветствовать меня, и знакомая ясная улыбка озарила его лицо. На вид он не постарел нисколько и казался все тем же стройным и крепким тридцатилетним мужчиной. Его серые глаза блестели, лицо выражало ту же железную волю и решимость, что и тридцать пять лет тому назад.

- Ну, дорогой племянник, - приветствовал он меня, - тебе не кажется, что перед тобой дух или у тебя галлюцинация?

- Знаю одно, - ответил я, - что чувствую себя великолепно. Но скажите, вы опять были на Марсе? А Дея Торис? Нашли ли вы ее здоровой, и ждала ли она вас?

- Да, я снова был на Барсуме и... Но это длинная история, слишком длинная, чтобы успеть рассказать ее в то короткое время, которым я располагаю до того, как должен буду вернуться обратно. Я проник в очень важную тайну, и могу, по своему желанию, пересекать безграничные пространства между планетами. Но сердцем я всегда на Барсуме. Я люблю по-прежнему свою марсианскую красавицу и вряд ли когда-либо покину умирающую планету.

Моя привязанность к тебе побудила меня приехать сюда на короткое время, чтобы повидать тебя еще раз перед тем, как ты навсегда уйдешь в тот другой мир, которого я никогда не узнаю и в тайну которого я не в состоянии проникнуть, хотя и умирал трижды и сегодня умру опять.

Даже мудрые старцы на Барсуме, жрецы древнего культа, живущие в таинственной крепости на вершине горы Оц, которым в течение бесчисленных веков приписывалось обладание тайной жизни и смерти, даже они оказались так же несведущи, как мы. Я доказал это, хотя чуть не лишился при этом жизни. Но ты все прочтешь в записках, которые я составил в течение последних трех месяцев, проведенных на Земле.

Он погладил рукой туго набитый портфель, который лежал возле него на столе.

- Я знаю, что это интересует тебя и ты веришь мне. Я знаю, что мир тоже заинтересуется этим, хотя и не поверит этому еще много лет, нет, много веков, так как не сможет понять. Люди Земли еще не продвинулись в своих познаниях настолько, чтобы понять вещи, которые написаны в моих записках.

Ты можешь издать из этих записок то, что захочешь, что, по твоему мнению, не повредит людям. Не печалься, если они тебя высмеют.

В ту же ночь он отправился со мной на кладбище. У дверей склепа он остановился и сердечно пожал мне руку.

- Прощай, мой милый, - сказал он. - Я, вероятно, никогда не увижу тебя, потому что вряд ли захочу покинуть свою жену, а на Барсуме часто живут более тысячи лет.

С тех пор я никогда больше не видел Джона Картера, моего дядю.

Передо мной лежит его история возвращения на Марс, которую я выбрал из огромной массы записок, переданных мне в отеле Ричмонда.

Я многое издал, многое не посмел напечатать, но вы найдете здесь историю его вторичных поисков Деи Торис - дочери тысячи джеддаков - и его приключений, еще более удивительных, чем те, которые были описаны в его первой рукописи, изданной мною много лет тому назад.

ЭДГАР БЕРРОУЗ.

I.

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Стоя перед своим коттеджем на скалистом берегу струящегося подо мной серого и молчаливого Гудзона, в ту холодную светлую ночь начала марта 1886 года, я вдруг был охвачен странным и знакомым ощущением. Мне казалось, что красная звезда Марс тянет меня к себе, что я связан с нею какими-то невидимыми, но крепкими нитями.

С той далекой мартовской ночи в 1886 году, когда я стоял у аризонской пещеры, в которой лежало мое неподвижное тело, я ни разу не испытал на себе притягательной силы планеты.

Я стоял, простирая руки к большой красной звезде, моля о проявлении той необыкновенной силы, которая дважды проносила меня через неизмеримые пространства. Я молил так же, как молил уже тысячи раз в течение этих долгих десяти лет, когда ждал и надеялся.

Внезапно я почувствовал дурноту, голова закружилась, ноги задрожали, и я упал во весь рост на самом краю высокой отвесной скалы.

Немедленно мой мозг прояснился, и в памяти живо встали ощущения таинственной пещеры в Аризоне; снова, как и в ту давно прошедшую ночь, мускулы отказались повиноваться моей воле, и снова здесь, на берегу мирного Гудзона, слышал я таинственные стоны и странный шелест, испугавший меня в пещере; я сделал нечеловеческое усилие, чтобы стряхнуть бесчувствие, сковавшее меня. Снова, как и тогда, послышался резкий треск, как бы соскочившей пружины, и снова я стоял голый и свободный рядом с безжизненным предметом, в котором так еще недавно билась горячая кровь Джона Картера.

Едва кинув взгляд на него, я обратил взор на Марс, простер руки к его зловещим лучам и трепетно ждал повторения чуда. И сразу же, подхваченный каким-то вихрем, я был унесен в страшное пространство. Снова, как двадцать лет тому назад, я ощутил невообразимый холод и полнейший мрак и очнулся уже в другом мире. Я увидел себя лежащим под горячими лучами солнца, едва пробивавшимися через ветви густого леса.

Пейзаж, представший перед моими глазами, был совсем не похож на марсианский, и сердце заныло от внезапно охватившего

меня страха, что жестокая судьба закинула меня на какую-то чужую планету.

А почему бы и нет? Разве я знал путь среди однообразной пустыни межпланетного пространства? Разве я не мог быть отнесен на какую-нибудь далекую звезду другой солнечной системы?

Я лежал на скошенной лужайке, покрытой красной травообразной растительностью. Вокруг меня возвышались необыкновенные прекрасные деревья с огромными роскошными цветками. На ветках качались блестящие и молчаливые птицы. Я называю их птицами, потому что у них были крылья, но ни один человеческий глаз не видел подобных сеществ.

Растительность напоминала мне ту, которая покрывает луга красных марсиан на больших водных путях, но деревья и птицы не были похожи на те, что я когда-либо видел на Марсе, а сквозь дальние деревья открывался мне самый немарсианский вид - я видел море, голубые воды которого блестели в лучах солнца.

Однако, приподнявшись, я снова испытал то же смешное чувство, как и при моей первой попытке ходьбы по Марсу. Меньшая сила притяжения и разреженная атмосфера оказывали так мало сопротивления моим земным мускулам, что я при своей попытке подняться был подброшен вверх на несколько футов, а затем упал лицом вниз на блестящую мягкую траву этого странного мира.

Эта неудачная попытка меня несколько успокоила. Я мог, все же, находится в какой-то неизвестной мне части Марса. Это было очень возможно, потому что в течение моего десятилетнего пребывания на Барсуме я исследовал сравнительно малую часть его огромной поверхности.

Я встал, посмеявшись над своей забывчивостью, и вскоре сумел снова приспособить свои мускулы к измененным условиям.

Медленно ступая по легкому склону к морю, я не мог не заметить, что роща, окружавшая меня, производила впечатление парка. Трава была коротко подстрижена, и лужайка имела вид ровного ковра, как лужайки в Англии; за деревьями, по-видимому, тоже был тщательный уход. Они все были подрезаны и имели одинаковую высоту.

Все эти признаки тщательного и систематического культивирования убеждали меня, что в это мое второе пришествие на Марс мне повезло, и что я попал во владения культурных людей, у которых найду защиту и то обращение, на которое я имел право рассчитывать в качестве члена семьи Тардоса Морса.

Чем дальше я продвигался к морю, тем больше восхищался деревьями. Их огромные стволы, достигавшие иногда ста футов в диаметре, свидетельствовали об их необыкновенной высоте. Я мог только догадываться о ней, потому что мой глаз не проникал сквозь густую листву выше, чем на восемьдесят-сто футов.

Стволы, ветви и сучья казались отполированными, как лучшие новейшие рояли. Некоторые стволы были черные, как черное дерево, другие блестели в полусвете леса как самый тонкий форфор, некоторые были голубого, желтого, ярко-красного и малинового цвета.

Также, как стволы, была разнообразна и ярка листва, а цветы, сидящие густыми гроздьями, были так прекрасны, что описать их на земном языке невозможно; для этого нужно было бы прибегнуть к языку богов.

Подойдя к опушке леса, я увидел между лесом и морем большой луг. Я уже собирался выйти из тени деревьев, как мой взгляд упал на нечто, что сразу рассеяло мои идиллистические и поэтические размышления о красоте этого необычного паейзажа.

Налево от меня, насколько охватывал глаз, расстилалось море; впереди смутные очертания указывали на далекий берег. Направо могучая река, спокойная и величественная, текла между красными берегами и вливалась в море.

На небольшом расстоянии вверх по реке возвышались большие отвесные скалы, из основания которых, казалось, вытекала река.

Но не эти величественные картины природы отвлекли мое внимание от красот леса. Это был вид десятка фигур, медленно двигавшихся по лугу вблизи берега реки.

Это были странные, смешные фигуры, подобных которым я никогда не видывал на Марсе; однако издали они имели некоторое подобие людей. Они казались от десяти до двенадцати футов ростом, когда держались прямо, туловище и нижние конечности были так же пропорциональны, как у людей на Земле.

Однако их руки были очень коротки и, насколько я мог разглядеть, они были устроены наподобие хобота слона; они извивались, как змеи, как будто лишенные костей. Если в них и были кости, то, вероятно, вроде позвоночного столба.

Я следил за ними из-за ствола огромного дерева и видел, как одно из этих существ медленно двигалось в моем направлении. Оно, как и все остальные, было занято тем, что шарило своими руками по поверхности лужайки, для какой цели - этого я не мог определить.

Когда оно подошло поближе, я смог рассмотреть хорошенько и, хотя мне впоследствии пришлось познакомиться с этой природой, я охотно был бы удовлетворен этим единственным беглым осмотром. Самый быстроходный аэроплан гелиумского флота не мог бы унести меня с достаточной быстротой от этого существа.

Его безволосое тело было странного зелено-синего цвета, за исключением широкой белой полосы, которая окружала единственный выступавший глаз - глаз, в котором все: зрачок, радужная оболочка, белок, было одинаково мертвенно бело.

Носом служило воспаленное круглое отверстие в центре совершенно гладкого лица: отверстие это более всего напоминало свежую рану от пули. Книзу лицо было ровное до самого подбородка, и я нигде не видел признаков рта.

Голову, за исключением лица, покрывала густая масса спутанных черных волос, длиною в восемь-десять дюймов. Каждый волос был с крупного дождевого червя, и когда существо двигало мускулями своего черепа, эти страшные волосы извивались и ползли по лицу, как будто каждый из них был наделен самостоятельной жизнью.

Туловище и ноги были симметричны, как у человека; ступни по форме тоже напоминали человеческие, но чудовищных размеров. От пальцев до пятки они были трех футов длиной, очень плоские и широкие.

Когда это странное существо подошло совсем близко ко мне, я догадался, что означали странные движения его рук. Это был особый метод питания: существо посредством своих бритвообразных когтей скашивало нежную траву и всасывало ее в свое рукообразное горло двумя ртами, находящимися на ладони каждой руки.

К описанному мною я должен добавить, что животное было наделено огромным хвостом в шесть футов длиной. Хвост был совсем круглый у основания, но к концу суживался и образовывал как бы плоское лезвие, опускающееся под прямым углом.

Но самый удивительной особенностью этого чудовища были два маленьких точных воспроизведения его, которые болтались с каждой его стороны, подвешенные к подмышкам взрослого животного посредством небольшого стебля. Я не знал, были ли это детеныши, или просто часть сложного организма животного.

Пока я рассматривал это необыкновенное чудище, остальное стадо приблизилось ко мне. Теперь я увидел, что не все животные были снабжены маленькими болтающимися экземплярами. Кроме того, я заметил, что размер и степень развития этих дете-

нышей были разными - начиная с маленьких, как бы нераскрывшихся почек, и кончая совсем развитыми существами длиной в десять-двенадцать дюймов.

В стаде находилось много подростков, немногим больше тех, которые были еще прикреплены к родителям, и, наконец, огромные взрослые.

Как ни страшно они выглядели, я не знал, бояться мне их или нет. Мне казалось, что они не имеют орудия нападения. Я уже вышел было из моего убежища, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет на них вид человека, но меня удержал, к счастью, пронзительный вопль, который раздался в скалах по правую сторону от меня.

Я был голый и безоружный, и если бы привел в исполнение свое намерение и показался лютым чудовищам, меня ожидал бы быстрый и страшный конец. Но в момент крика все стадо повернулось в сторону, откуда исходил звук; в то же мгновение каждый змееподобный волос на головах чудовищ встал перпендикулярно, как бы прислушиваясь к крику. В действительности это так и оказалось: странные волосы на головах растительных людей Барсума - тысячи ушей этих уродливых существ, последних представителей расы, вышедшей из первоначального древа жизни.

Немедленно все глаза повернулись к огромному животному, которое, очевидно, было вожаком. Странный мурлыкающий звук раздался изо рта в его ладони, и в эту же минуту он быстро направился к скалам. За ним последовало все стадо.

Быстрота их была поистине поразительна: они передвигались огромными прыжками в двадцать-тридцать футов, на манер кенгуру.

Они быстро удалялись от меня, но мне пришло в голову следовать за ними, а потому, отбросив всякую осторожность, я выскочил на поляну и поспешил на ними следом, совершая еще более удивительные прыжки, чем они. Мускулы сильного земного человека могут производить прямо чудеса при меньшем притяжении и слабом давлении воздуха Марса.

Они скакали к тому месту, где находились скалы, и где, казалось, находился исток реки. Приблизившись, я увидел, что луг был усеян огромными глыбами, которые, очевидно, представляли собой обломки высоких скал, разрушенных временем.

Мне пришлось подойти совсем близко, прежде чем я понял, что вызвало тревогу стада. Вскарабкавшись на большую глыбу, я

увидел стадо растительных людей, окруживших маленькую группу, которая состояла из шести зеленых людей Барсума.

Теперь я уже не сомневался, что нахожусь на Марсе, потому что я видел перед собой членов диких племен, которые населяют высохшее дно морей и мертвые города умирающей планеты.

Я видел огромных мужчин, возвышающихся во весь свой величественный рост, я видел блестящие клыки, котрые выдавались из нижних челюстей и доходили почти до самой середины их лба, расположенные по бокам выступающие глаза, которые могут смотреть вперед и назад не поворачивая головы; я видел странные рожкообразные уши, расположенные на макушке головы и добавочную пару рук, находившуюся между плечами и бедрами.

Даже без их блестящей зеленой кожи и металлических украшений, указывающих, к какому племени они принадлежат, не задумываясь я признал бы в них зеленых марсиан. Где в другом месте вселенной могли бы найтись подобные им?

В группе было двое мужчин и три женщины. Их украшения указывали, что они - члены разных племен. Это обстоятельство несказанно меня поразило: многочисленные племена зеленых людей Барсума находятся вечно в жестокой войне между собой, и я никогда не видел зеленых марсиан различных племен иначе, как в смертельном бою, за исключением того единственного случая, когда великому Тарс Таркасу удалось собрать сто пятьдесят тысяч зеленых воинов и выступить с ними против обреченного на гибель города Зоданги для освобождения из когтей Тзэн Козиса Деи Торис, дочери тысячи джеддаков.

Но теперь они стояли спиной к спине с широко раскрытыми от удивления глазами и смотрели на явно враждебные действия общего врага.

Мужчины и женщины были вооружены длинными мечами и кинжалами, но огнестрельного оружия не было видно, иначе расправа с ужасными растительными людьми Барсума была бы коротка.

Вожак растительных людей первым набросился на маленькую группу, и способ его атаки оказался очень действенным. В военной науке зеленых воинов не было способа защиты от такого нападения, и мне вскоре стало ясно, что зеленые марсиане не были знакомы ни с этой особенной манерой атаки, ни с чудовищами, которые напали на них.

Растительный человек прыгнул на расстоянии двенадцати футов от группы, а затем одним прыжком поднялся, как бы желая перелететь через их головы. Он высоко поднял свой могучий хвост и, проносясь над головами, нанес такой сильный удар по черепу зеленого воина, что раздавил его, как яичную скорлупу.

Остальное стадо стало с ужасающей скоростью кружиться вокруг своих жертв. Их необычные прыжки и пронзительное мурлыканье были рассчитаны на то, чтобы терроризировать несчастную добычу. Это удалось им вполне, и когда двое из них прыгнули одновременно с двух сторон, они не встретили никакого сопротивления; еще двое зеленых марсиан погибли под ударами ужасных хвостов.

Теперь оставались только один воин и две женщины. Казалось делом нескольких секунд, чтобы и эти тоже лежали мертвыми на красном лугу.

Но воин оказался уже научен опытом последних минут, а поэтому, когда еще двое растительных людей сделали прыжок, он поднял свой могучий меч и рассек туловище одного из чудовищ от подбородка до паха.

Другое чудовище, однако, нанесло такой удар, что уложило обеих женщин, свалившихся замертво на землю.

Видя, что последние его товарищи пали, и заметив, что неприятель собирается всем стадом наброситься на него, зеленый воин храбро кинулся им навстречу. Он бешено размахивал своим мечом особым приемом, как это часто делают люди его породы в своих жестоких и почти постоянных боях.

Нанося удары направо и налево, он проложил себе дорогу среди наступающих растительных людей, а затем с бешеной скоростью помчался к лесу, под защитой которого он, очевидно, надеялся укрыться.

Он повернул к той части леса, которая примыкала к скалам, и бежал, преследуемый всем стадом, все дальше и дальше от той глыбы, на которой я лежал.

Следя за доблестным боем зеленого воина против огромных чудовищ, мое сердце преисполнилось к нему восхищением и, по моей привычке действовать по первому побуждению, а не по зрелому рассуждению, я немедленно спрыгнул с глыбы и быстро направился к месту, где лежали тела убитых марсиан. Я уже составил себе план действий.

Несколькими огромными прыжками я достиг места боя и через минуту уже мчался за страшными чудовищами, которые

быстро настигали убегающего воина. В руке моей был могучий меч, в сердце кипела кровь старого вояки, красный туман застилал глаза, и я чувствовал, что на моих губах заиграла улыбка, которая всегда появлялась в предчувствии радости боя.

Зеленый воин не успел пробежать и половины расстояния до леса, как был настигнут врагами. Он стал спиной к глыбе, в то время как стадо, приостановившись, шипело и визжало вокруг него.

Своим единственным глазом, расположенным посредине головы, своими червеобразными волосами, они все разом обратились к жертве, и поэтому не заметили моего бесшумного приближения. Таким образом, я мог напасть на них сзади и уложить четверых из них раньше, чем они узнают о моем присутствии.

Мое стремительное нападение заставило их на минуту отступить, но этим мгновением успел воспользоваться зеленый воин. Он подскочил ко мне и начал наносить страшные удары направо и налево. Он описывал мечом большие петли, наподобие восьмерки, и останавливался только тогда, когда вокруг него не оставалось ни одного живого врага. Острие его огромного меча проходило сквозь мясо, кости и металл, как будто сквозь воздух.

В то время как мы были заняты этой резней, далеко над нами раздался пронзительный зловещий крик, который я уже слышал и который вызвал атаку стада на зеленых воинов. Снова и снова звучал этот крик, но мы были так поглощены борьбой с лютыми и сильными чудовищами, что не имели даже возможности посмотреть, кто виновник этих ужасных звуков.

В бешеной злобе хлестали вокруг нас огромные хвосты, бритвообразные когти резали наше тело, и зеленая, липкая жидкость, похожая на ту, что выходит из раздавленной гусеницы, покрывала нас сголовы до ног. Эта клейкая масса течет в венах растительных людей вместо крови.

Вдруг я почувствовал тяжесть одного из чудовищ на своей спине; его острые когти вонзились в мое тело, и испытал ужасное ощущение прикосновения влажных губ, высасывающих кровь из моих ран.

Спереди на меня нападало свирепое чудовище, а двое других размахивали с обеих сторон своими хвостами.

Зеленый воин тоже был окружен врагами, и я чувствовал, что неравная борьба не может долго продолжаться. Но в это время воин заметил мое безвыходное положение и, быстро оторвав-

шись от окружавших его врагов, ударом своего меча освободил меня от заднего врага; с остальными я уже справился без затруднения.

Теперь мы встали с ним почти спина к спине, прислонившись к большой глыбе. Таким образом чудовища были лишены возможности перепрыгивать через нас и наносить свои смертельные удары. Позиция была настолько удачна, что наши силы оказались равны, и мы легко справлялись с остатками наших врагов. Вдруг внимание наше было привлечено пронзительным воплем над нашими головами. На этот раз я взглянул вверх, и высоко над нами на маленьком выступе скалы я увидел фигуру человека, издающего свой сигнал. Одной рукой он махал по направлению к устью реки, как бы подавая знак кому-то, а другой указывал на нас.

Одного взгляда в том направлении, куда он смотрел, было достаточно, чтобы понять значение его жестов и чтобы наполнить меня грозным предчувствием неминуемой беды. Со всех сторон на луг стекались сотни дико скачущих чудовищ, с которыми мы только что имели дело, а вместе с ними какие-то новые звери бежали то прямо, то припадали не четвереньки.

- Нас ждет смерть! - сказал я своему товарищу. - Посмотри!

Он кинул быстрый взгляд в том направлении, которое я указывал, и ответил:

- По крайней мере, мы можем умереть сражаясь, как должно великим воинам, Джон Картер!

Мы только что прикончили нашего последнего противника, и я обернулся, ошеломленный при звуке моего имени. Перед моими глазами был величайший из зеленых людей Барсума, искусный государственный деятель и могучий военачальник, мой добрый друг Тарс Таркас, джеддак тарков!

II.

БИТВА В ЛЕСУ

Тарс Таркас и я, окруженные трупами наших странных противников, не имели времени обменяться объяснениями, потому что со всех сторон долины на нас устремились широким потоком

страшилища, привлеченные зловещим призывным криком фигуры, стоящей над нами.

- Идем! - закричал Тарс Таркас. - Мы должны добраться до скал. Мы должны найти пещеру или узкий выступ, где двое смогут обороняться от этой орды. Это наша единственная надежда хотя бы на временное спасение.

Чудовища быстро настигали нас, и мы помчались вместе по красной лужайке, причем я старался соразмерять свой бег с моим более медленным товарищем. Нам нужно было покрыть около ста саженей, а затем подыскать подходящее убежище.

Тарс Таркас предложил мне бежать вперед и, если возможно, найти безопасное место. Мысль была хороша, так как таким образом мы могли выиграть несколько драгоценных минут. Поэтому, пустив в ход всю свою силу земных мускулов, я в несколько огромных прыжков достиг скал.

Скалы вздымались перпендикулярно из ровного луга. Не было никакого скопления упавших обломков, которые обычно образуют как бы подъем к скалам. Рассеянные по лугу глыбы, упавшие сверху и наполовину зарытые в дерн, были единственными указателями того, что когда-то здесь происходило смещение этих огромных массивов.

Мой беглый осмотр лицевой стороны скалы наполнил мое сердце недобрым предчувствием. Нигде на всем протяжении стены, кроме того места, где стоял зловещий глашатай, все еще издававший свой пронзительный крик, не было видно ни одного выступа!

Направо от меня нижняя часть скалы терялась в густой листве леса, который подходил к самому подножию утеса. Огромные деревья поднимались на тысячи футов, и их роскошная листва казалась угрюмей и неприступней каменной стены.

Налево каменная гряда тянулась, ничем не прерываемая, и терялась в очертаниях высоких горных цепей, которые со всех сторон окаймляли долину.

Приблизительно в тысяче футов от меня вытекала река, как казалось, прямо из-под скалы и, так как в этой стороне не было ни малейшего шанса на успех, то я снова обратил свое внимание на лес.

Скалы возвышались надо мной на добрых пять тысяч футов. Солнечный свет не падал на них, и они казались темно-желтыми. Повсюду виднелись полосы и пятна красного и зеленого цвета и пласты белого кварца.

Они были очень красивы, но боюсь, что в первый свой осмотр я не особенно оценил их прелесть.

Я смотрел на них только как на средство к спасению и, быстро пробегая взглядом по их обширной плоскости в поисках какой-нибудь трещины, я начал их ненавидеть так, как узник ненавидит каменные стены своего каземата.

Тарс Таркас быстро приближался ко мне, и еще быстрее следовала за ним по пятам ужасная орда.

- "Лес или смерть!" - думал я и только собирался жестом пригласить Тарс Таркаса следовать за мной, как солнце вышло из-за скалы и осветило их темную поверхность. Вся она зажглась миллионами золотых, пламенно-красных, мягко-зеленых и белых искр: более роскошного и поразительного зрелища не приходилось видеть человеческому глазу.

Как показало последующее исследование , лицевая сторона всей скалистой стены была так испещрена жилами и залежами массивного золота, что казалась сплошной золотой стеной, которая прерывалась только гнездами рубинов, изумрудов и глыбами алмазов. Можно было себе представить, какие неисчислимые богатства лежали глубоко закрытые за этой великолепной поверхностью!

Но что особенно заинтересовало меня в ту минуту, когда солнечные лучи осветили скалу, было несколько черных пятен, которые отчетливо выступили теперь на сверкающей стене. Они виднелись около верхушек деревьев и, очевидно, распространялись вниз, но были скрыты ветвями.

Это были пещеры, прорезавшие сплошную стену. Они могли бы быть дорогой к спасению или послужить временным убежищем, если только нам удалось бы достигнуть их.

К ним был только один путь: через высокие деревья справа от нас. Я не сомневался, что смогу вскарабкаться на них, но задача эта могла оказаться непосильной для Тарс Таркаса при его большом туловище и огромном весе. Марсиане вообще не умеют лазать - да и не имеют для этого случая. На всей поверхности древней планеты я не видел горы, которая возвышалась бы больше, чем на четыре тысячи футов над высохшим дном умершего моря; при этом склоны бывают обычно отлоги, а если встречаются крутые подъемы, то марсиане предпочитают огибать, а не перелезать через них.

Однако другого выхода не было. Нужно было вскарабкаться на деревья, прилегающие к стене, и попытаться достигнуть пещер.

Тарк сразу понял и возможность спасения и затруднительность плана, и мы быстро двинулись по направлению к деревьям.

Наши неумолимые преследователи были теперь совсем близко. Казалось полной невозможностью для джеддака тарков достигнуть леса раньше их. Впрочем, нельзя сказать, чтобы Тарс Таркас делал особые усилия для ускорения своего бега: зеленые люди Барсума не особенно любят "бегство". До этого я даже ни разу не видел зеленого воина, убегающего от смерти, в какой бы форме она ему не угрожала. Но я знал, что Тарс Таркас был храбрейшим среди храбрых: это он доказал тысячу раз в бесчисленных боях против людей и зверей. И я понял, что какая-то другая причина, а не страх смерти, побуждала его искать спасения в бегстве. Точно также и он знал, что сила, большая, чем гордость или честь, заставляет меня бежать от лютых врагов. В моем случае это была любовь - любовь к прекрасной Дее Торис. Но я не мог себе представить причины внезапной привязанности к жизни свирепого тарка: они так часто предпочитают смерть жизни - эти странные, жестокие несчастные люди, не знающие любви.

Наконец мы достигли леса. Как раз позади нас прыгал самый проворный из наших преследователей - гигантский растительный человек, простиравший вперед свои лапы, чтобы присосаться к нам.

Он на сорок саженей перегнал своих ближайших товарищей. Я крикнул Тарс Таркасу, чтобы он взбирался на дерево, пока я справлюсь с преследователем. Этим я хотел дать менее проворному тарку возможность добраться до высоких ветвей, пока вся орда не набросилась на нас и не перерезала путь к спасению.

Но я ошибся в своих расчетах, не приняв во внимание хитрость моего противника и быстроту, с которой его товарищи приближались к нам.

Когда я поднял меч, чтобы нанести чудовищу смертельный удар, оно внезапно остановилось, и мой меч прорезал пустой воздух. В ту же минуту зверь бросился вперед и взмахнул своим огромным хвостом по воздуху с такой силой, что я упал на землю. Сразу же зверь был на мне, но не успел он присосаться своими отвратительными ртами к моей груди, как я крепко схватил извивающиеся щупальца в каждую руку.

Он был силен, но мои земные ловкость и сила давали мне превосходство над ним. Я думаю, что одержал бы победу, если бы мы смогли без помехи продолжить борьбу. Мы боролись под деревом, на которое с трудом карабкался Тарс Таркас. Бросив

случайно взгляд через плечо моего противника, я увидел огромную свору преследователей совсем близко от нас.

Теперь, наконец, я смог рассмотреть тех других чудовищ, которые бежали с растительными людьми на зловещий призыв человека, стоящего на скале. Это были самые страшные обитатели Марса - огромные белые обезьяны Барсума!

Мои прежние приключения на Марсе познакомили меня с ними, и я могу сказать, что из всех свирепых, зловещих и необыкновенных обитателей этого странного мира, белые обезьяны одни вызывали во мне чувство, близкое к страху. Я думаю, что причина этого чувства кроется в удивительном сходстве их с нашими земными людьми, что при их огромном росте производит жуткое впечатление.

Они достигают пятнадцати футов и ходят, держась прямо на задних ногах. Подобно зеленым марсианам, у них имеется пара побочных рук между верхними и нижними конечностями. Глаза их расположены близко друг к другу, но не выдаются, как у зеленых людей. Уши сидят высоко, но не на макушке, а по бокам головы. Морда и зубы такие же, как у наших африканских горилл. На их голове растет огромный клок щетинистых волос.

Я увидел этих страшных врагов, взглянув через плечо моего противника, а через мгновение был окружен рычащими, визжащими, мурлыкающими и щелкающими страшилищами. Я бросился с нечеловеческими усилиями, чтобы освободиться от тяжести навалившихся на меня тел. Десятка два сильных клыков и острых когтей вонзились в мое тело. Наконец мне удалось встать на ноги. Тогда, держа меч прямо перед собой, я нанес такое опустошение в рядах противника, что на минуту очутился свободным.

Все, что я здесь описал, случилось в несколько секунд, но Тарс Таркас успел заметить мое опасное положение и спрыгнул с ветвей дерева, на которые он взобрался с таким невообразимым трудом. И в то мгновение, когда я отбросил от себя последнего врага из передового отряда, Тарс Таркас стал возле меня, и мы снова начали сражаться бок о бок, как делали это сотни раз.

Снова и снова прыгали на нас разъяренные обезьяны, и каждый раз мы отбивали их своими мечами. Большие хвосты растительных людей с ужасающей силой ударяли вокруг нас; они прыгали над нашими головами с проворством борзых собак. Но каждое нападение встречало блестящее лезвие мечей, находившихся в руках бойцов, которых считали на Марсе самыми искус-

ными: имена Тарс Таркаса и Джона Картера произносились воинами Барсума с особым уважением.

Но даже два лучших меча не могут справиться с целой ордой диких животных, не знающих страха и поражения. Шаг за шагом мы отступали. Наконец мы прислонились к гигантскому дереву, избранному нами для подъема, но так как бешенные атаки все продолжались, то нам пришлось отступить, обходя вокруг исполинского ствола.

Тарс Таркас шел впереди, и, когда мы уже обошли половину ствола, я услышал его радостный возглас:

- Убежище, Джон Картер! Для одного, по крайней мере! - крикнул он.

У основания дерева зияло отверстие фута в три в диаметре.

- Лезь скорее, Тарс Таркас! - вскричал я. Но он отказался, уверяя, что туловище его не пролезет в отверстие, тогда как я свободно проскользну.

- Мы оба умрем, если останемся здесь, Джон Картер, а перед нами шанс к спасению для одного из нас. Воспользуйся им, и, если останешься жив, отомсти за меня! Мне бесполезно даже пробовать протиснутся в такое узкое отверстие, в то время, как на нас наседает эта орда дьяволов.

- Тогда мы умрем вместе, Тарс Таркас, - ответил я, - потому что я первым не войду. Я буду защищать отверстие пока ты влезешь, а успею - проскользну за тобой.

Он, наконец, согласился, поскольку это действительно было единственной возможностью для спасения двоих. Число наших противников все увеличивалось. Они продолжали стекаться к нам со всех сторон широкой долины.

- Ты всегда думал о своей жизни в последнюю очередь, Джон Картер! - молвил мой друг, - и всегда распоряжался жизнями и действиями других, даже величайшего из джеддаков!

На его жестоком холодном лице скользнула безобразная улыбка, когда он, величайший из джеддаков повернулся, чтобы повиноваться приказанию существа другого мира - человека, чей рост был наполовину меньше.

- Если ты погибнешь, Джон Картер, - сказал он, - знай, что жестокий и бессердечный тарк, которому ты открыл, что такое дружба, выйдет и умрет рядом с тобой!

- Как хочешь, мой друг, - но теперь живее головой вперед, пока я буду прикрывать тебя.

Он все еще колебался... Никогда за всю свою долгую жизнь беспрестанной борьбы не поворачивался он спиной к неприятелю!

- Спеши, Тарс Таркас, - торопил я его, - или мы оба бесполезно погибнем. Я один не смогу надолго их удержать.

Когда он опустился на землю, чтобы протиснуться в дупло дерева, вся воющая шайка дьяволов набросилась на меня. Мой сверкающий клинок летал, окрашиваясь то зеленым соком растительных людей, то ярко-красной кровью больших обезьян.

Я сражался так, как еще никогда не сражался . Мои противники были так страшны и бесчисленны, что я не понимаю и теперь, как могли человеческие мускулы выдержать их бешеный натиск и страшную тяжесть огромных тел.

Увидев, что мы можем ускользнуть, орда удвоила свои усилия, чтобы одолеть меня. Вокруг громоздились горы мертвых и умирающих врагов, но свежие силы все притекали, и, наконец, чудовищам удалось свалить меня. Второй раз за этот день враги оказались на мне, и снова я почувствовал на своем теле ужасные присасывающиеся губы.

Но едва я упал, как сильные руки схватили меня за ноги и потащили мое тело в дупло. Огромный растительный человек прочно присосался к моей груди, и все усилия Тарса Таркаса оттащить меня от него были напрасны. Наконец, мне удалось просунуть под него острие меча и нанести ему смертельный удар.

Израненный и окровавленный, тяжело дышал я на земле внутри дерева, в то время как Тарс Таркас защищал отверстие от разъяренной толпы, осаждавшей нас.

Около часа продолжали они выть вокруг дерева. После нескольких попыток достать нас они решили, очевидно, испугать нас шумом и гамом. Раздались визги, крики, страшное рычание белых обезьян и жуткое мурлыканье растительных людей. Наконец, все ушли, оставив десятка два животных, которые, очевидно, должны были помешать нашему бегству. Вероятно, нам предстояла осада, единственным исходом которой могла быть голодная смерть. Если бы нам даже после наступления темноты удалось выскользнуть из дупла - куда могли мы направиться в этой незнакомой и враждебной долине?

Когда атаки наших врагов прекратились, и глаза наши свыклись с полумраком, я решил исследовать внутренность нашего убежища.

Дерево было пустое на протяжении пятидесяти футов, и по гладкому твердому полу я убедился, что оно часто и до нас

служило убежищем. Подняв глаза кверху, я с изумлением заметил высоко над собой слабый проблеск света!

Наверху было отверстие! Если бы мы только могли до него добраться! Мы укрылись бы тогда в одной из пещер в скале. Мои глаза теперь совсем привыкли к сумраку и, продолжая свои исследования, я наткнулся на грубо сколоченную лестницу, находившуюся в заднем углу помещения.

Быстро я вскарабкался по ней. Там, где она кончалась, начинался целый ряд перекладин. Они были проложены поперек ствола, который здесь становился уже и имел вид трубы. Перекладины эти находились на расстоянии трех футов друг от друга и образовывали удобную лестницу.

Спустившись на пол, я сообщил о своем открытии Тарс Таркасу. Он посоветовал мне подняться для исследования как можно выше, пока он будет стеречь вход от нападения.

Я поспешил наверх и нашел, что лестница из горизонтальных перекладин поднималась, настолько хватало глаз. Делалось все светлее и светлее.

Я поднялся на высоту полных ста футов и, наконец, достиг отверстия, пропускающего свет. Оно было такого же диаметра, как и дыра у подножия дерева, и выходило на огромный толстый сук, гладкая отполированная поверхность которого доказывала, что им часто пользовались для ходьбы.

Я не отважился пройти по суку: меня могли заметить снизу и отрезать отступление.

Поэтому я снова спустился к Тарс Таркасу, и скоро мы оба начали подниматься по высокой лестнице. Тарс Таркас шел впереди, и, когда я достиг перекладин, я втащил за собой лестницу и передал ее моему товарищу. Он понес ее, и, пройдя около ста футов, укрепил между одной из перекладин и верхней стеной ствола. Таким же образом я вынимал нижние перекладины по мере того, как проходил по ним, и отрезал путь к преследованию. Позже мы узнали, что эта предосторожность спасла нас от ужасной судьбы и помогла нам спастись.

Когда мы достигли верхнего отверстия, Тарс Таркас отошел в в сторону и пропустил меня вперед. Благодаря моему меньшему весу и большей ловкости, я был лучше приспособлен для ходьбы по этому опасному качающемуся суку.

Сук, на котором я очутился, подымался под небольшим углом по направлению к скале. Я пошел по нему, и увидел, что он заканчивается над узким выступом скалы, который вел в отверстие пещеры.

Когда я приблизился к более тонкому концу ветки, она нагнулась под моей тяжестью. Я осторожно начал раскачиваться на конце ветки, пока она не нагнулась до уровня выступа, на расстоянии двух футов от него.

В пятистах футах подо мной лежал ярко-красный ковер долины; надо мной возвышалась сверкающая стена неприступных утесов!

Пещера, которая была передо мной, была не та, которую я видел снизу - та лежала гораздо выше, может быть, на высоте тысячи футов. Но, насколько я мог судить, эта пещера годилась для наших целей так же, как и другая, а потому я вернулся к дереву за Тарс Таркасом.

Мы вместе начали осторожно пробираться по качающемуся суку, но когда мы двое достигли его конца, оказалось, что отверстие пещеры очутилось высоко над нами, и мы не могли достичь его.

Мы решили, что Тарс Таркас вернется назад, оставив мне свой самый длинный ремень. Когда ветка подымется до уровня выступа, я должен буду войти в пещеру и втащить Тарс Таркаса на выступ.

План наш удался вполне, и вскоре мы стояли на краю узкого выступа, образующего как бы балкон, а перед нами расстилался великолепный вид на долину.

Насколько могло хватить глаз, роскошные леса и ярко-красные поля окаймляли спокойное море, а над всем, как чудовищная стража, возвышались искрящиеся скалы. На мгновение нам показалось, что среди качающихся вершин далеких деревьев возвышается позолоченный купол, блестящий на солнце. Но вскоре мы решили, что это галлюцинация, вызванная желанием найти признаки жилья культурных людей в этой прекрасной и грозной местности.

Под нами на берегу реки большие белые обезьяны пожирали останки павших товарищей Тарса Таркаса, в то время, как огромное стадо растительных людей паслось на лугу, траву которого они подрезали лучше всякой косилки.

Зная, что нападение с дерева было теперь невероятным, мы решили исследовать пищеру. Мы имели основание предполагать, что она была продолжением той дороги, которую мы уже прошли. Одни боги знали, куда вел этот путь, но, очевидно, он должен был увести нас от долины ужасов.

Пройдя вперед, мы увидели туннель, пробитый в массивной скале. Он имел двадцать футов вышины и около пяти ширины.

Потолок был сводчатый. У нас не было света, и мы ощупью начали пробираться вперед во мраке, который с каждым шагом сгущался. Тарс Таркас держался за одну стену, а я за другую, и кроме того мы держали друг друга за руку, чтобы не разойтись в боковые разветвления и не затеряться в каком-нибудь запутанном лабиринте переходов.

Как долго мы шли таким образом по туннелю, я не знаю, но мы вышли к стене, которая загородила нам путь. Она казалась скорее перегородкой, и была возведена не из скалистой массы, а из какого-то другого материала, который наощупь казался твердым деревом.

Я молча принялся ощупывать в темноте поверхность стены, пока наконец не наткулся на кнопку, которая на Марсе обыкновенно заменяет наши дверные ручки.

Осторожно нажал я кнопку и с удивлением заметил, что дверь медленно открылась перед нами, и мы увидели перед собой тускло освещенное помещение, которое, насколько мы могли видеть, было пустое.

Я молча распахнул дверь и шагнул в комнату, Тарс Таркас последовал за мной. С минуту мы стояли молча, озираясь, как вдруг легкий шум позади нас заставил меня быстро оглянуться. К моему изумлению я увидел, что дверь с легким треском закрылась, как бы захлопнулась невидимой рукой.

Немедленно подскочил я к двери, чтобы постараться открыть ее снова. В жутком движении двери и в напряженном тяжелом безмолвии комнаты было что-то угрожающее и зловещее.

Но напрасно мои пальцы царапали неподдающуюся дверь, напрасно глаза мои искали кнопку, посредством которой можно было бы открыть ее. И внезапно в пустой комнате, скрытой в недрах золотой скалы, прозвучал жестокий и насмешливый смех.

III.

ТАИНСТВЕННАЯ КОМНАТА

Мы долго стояли с Тарс Таркасом в напряженном ожидании. Смех давно перестал звучать, ни один звук не нарушал молчания, и ничто не шелохнулось перед нами. Наконец Тарс Таркас засмеялся, как смеются люди его породы в присутствии чего-нибудь страшного и угрожающего.

Сколько раз я видел, как они надрывались от безумного хохота при виде смертельной агонии женщин и маленьких детей, погибающих на арене во время адских марсианских празднеств - великих зрелищ!

Я взглянул на тарка с улыбкой на губах. Правда, лучше было улыбаться, чем дрожать от страха.

- Что ты думаешь обо всем этом? - спросил я его. - Где мы, черт побери?

Он изумленно взглянул на меня.

- Где мы? - повторил он. - Разве ты не знаешь, где мы находимся?

- Я знаю только, что я на Барсуме, да и то, если бы не ты и не большие белые обезьяны, я никогда не отгадал бы этого, потому что все, что я сегодня видел, так же мало похоже на мой милый Барсум, каким я знал его десять лет назад, как на тот мир, откуда я родом. Нет, Тарс Таркас, я не знаю, где мы!

- Где же ты был с того дня, когда открыл тяжелые двери атмосферной фабрики после того, как ее смотритель умер и все машины остановились? Твое тело нигде не было найдено, а люди всего света искали тебя в протяжении многих лет: джеддак Гелиума и его внучка, твоя принцесса, предлагали за это такую баснословную награду, что все джеддаки и джеды участвовали в этих поисках!

Когда все поиски оказались бесплодными, осталось предполагать, что ты отправился в последнее странствие к таинственной реке Исс, чтобы там, в долине Дор на берегах мертвого озера Корус ожидать прекрасную Дею Торис, твою принцессу. Но зачем ты ушел - было непонятно, ведь Дея Торис была жива.

- Она жива?! - прервал я его - Я не решался спросить у него об этом. Я так боялся, что не успел спасти ее в дворцовом саду Тардос Морса в ту давно прошедшую ночь. Я опасался даже, что ее дух отлетит прежде, чем я успею достичь атмосферной фабрики. Она жива и теперь?

- Она жива, Джон Картер!

- Но ты мне еще не сказал, где мы находимся, - напомнил я ему.

- Мы там, где я надеялся встретить тебя, Джон Картер, тебя и другую. Много лет тому назад ты слышал историю женщины, научившей меня чувству, которое зеленые марсиане приучены ненавидеть с детства: она научила меня любить. Ты знаешь, что ее любовь навлекла на нее жестокие пытки и страшную смерть от руки этой скотины Тал Хаджуса.

Я верил, что она ожидает меня у мертвого озера Корус. Кроме нее, мне был дорог еще один человек - ты, Джон Картер, научивший свирепого тарка дружбе. И я думал, что ты тоже бродишь по долине Дор.

Вас обоих я больше всего жаждал видеть в конце того длинного странствия, которое мне предстояло. Время шло, а ты все не возвращался к Дее Торис, которая утешалась мыслью, что ты только временно вернулся на свою планету. Наконец, я решил отправиться в последний путь. Месяц тому назад я вышел из Тарка, а сегодня ты был свидетелем конца путешествия. Понимаешь ли ты теперь, где мы находимся?

- Так значит, это река Исс, несущая свои воды в мертвое озеро Корус в долине Дор? - спросил я.

- Это долина любви, мира и покоя, к которой с незапамятных времен стремится каждый житель Барсума в конце своей кровопролитной жизни, полной независимости и борьбы. Это наш рай! - ответил Тарс Таркас.

Тон его был иронический и холодный. Горечь его слов слабо выражала то разочарование, которое он испытал. Я положил руку ему на плечо.

- Мне очень жаль, - сказал я, не находя других слов.

- Подумай только, Джон Картер, о тех бесчисленных миллионах барсумцев, которые с начала мира добровольно отправлялись к этой жестокой реке, чтобы попасть в свирепые лапы тех отвратительных чудовищ, которые напали на нас сегодня!

Существует старинная легенда о красном человеке, который вернулся однажды с берегов мертвого озера Корус, вернулся из долины Дор по таинственной реке Исс. В легенде говорится, что он рассказал о страшных животных, населяющих долину изумительной красоты, о животных, которые набрасываются на каждого барсумца в конце его странствия и пожирают его на берегах мертвого озера, где он надеялся найти любовь, мир и счастье. Но люди приняли его слова за богохульство и убили его, как велит обычай, потому что каждый вернувшийся с берегой таинственной реки должен умереть.

Но теперь мы знаем, что рассказ этого человека не был богохульством, что легенда - быль и, что красный человек рассказал только то, что видел. Положим, что нам это мало поможет, Джон Картер, потому что, если бы даже нам удалось спастись, с нами поступили бы точно также, как с богохульниками. Мы находимся между диким тотом и бешеным зитидаром - спасения нет!

- Или, как говорят у нас в Виргинии, между чертом и пропастью, - ответил я и не смог улыбнуться.

- Нам не остается ничего другого, как ждать, что будет. Во всяком случае, у нас остается удовлетворение - знать, что с нами покончить нелегко. Кто бы не был тот, кто захочет отнять нашу жизнь, белая ли обезьяна, растительный ли человек, зеленый или красный барсумец, он узнает, как дорого стоит жизнь Джона Картера, члена семьи Тардос Морса, и Тарса Таркаса, джеддака тарков.

Я рассмеялся, и он тоже присоединился ко мне в одном из тех редких припадков веселья, которые отличали его от соплеменников.

- Но ты, Джон Картер? - вскричал он наконец. - Если ты не был здесь все эти годы, где же ты пропадал, и как попал сегодня сюда?

- Я был на Земле, - ответил я. Десять долгих земных лет я молился и верил, что наступит день, когда я снова буду отнесен на вашу угрюмую старую планету, к которой, несмотря на всю жестокость обычаев, я более привязан, чем к миру, в котором родился.

Десять лет продолжалась мука ожидания, мука хуже смерти, десять лет терзали меня сомнения, жива ли Дея Торис. И вот теперь, когда в первый раз мои молитвы были услышаны, мои сомнения рассеяны, по жестокой насмешке судьбы я оказался заброшенным в единственное место на всем Марсе, откуда, очевидно, нет спасения. Да если бы оно даже и было, нет надежды, что я смогу когда-нибудь увидеть мою принцессу в этом мире.

Всего за полчаса до того, как я увидел тебя сражающимся с растительными людьми, я стоял, освещенный луной, на берегу широкой реки в одном из благословенных уголков Земли. Я ответил тебе, мой друг. Веришь ты мне?

- Верю, - ответил Тарс Таркас, - хотя и не могу понять.

Во время нашего разговора я осмотрел комнату. Она была футов в двести длиной и во сто шириной; в середине стены, противоположной той, через которую мы прошли, тоже была дверь.

Помещение было высечено в скале, и при тусклом свете радиоиллюминатора, находящегося в центре потолка, стены тускло сверкали, как темное золото. Повсюду на стенах и потолке сверкали полированные рубины, изумруды и алмазы. Пол был из другого материала, очень твердого, и от долгого употребления был отполирован, как стекло. Кроме двух дверей не было ника-

кого признака другого выхода, и так как одна дверь была закрыта, то я направился к другой.

Когда я протянул руку, чтобы найти кнопку, снова раздался тот же жестокий насмешливый смех, на этот раз так близко от меня, что я невольно отшатнулся и схватился за рукоятку меча.

В это время из дальнего угла большой комнаты глухой голос пропел:

- Здесь нет надежды! Мертвым нет возврата! Воскресения нет! Не надейся, потому что здесь нет надежды!

Хотя наши глаза немедленно повернулись к тому месту, откуда, казалось, раздавался голос, там никого не оказалось. Должен признаться, что холодная дрожь пробежала по моей спине, и короткие волосы на голове поднялись дыбом так, как поднимается шерсть собаки, когда ночью она видит таинственные вещи, скрытые от людского взора.

Я быстро направился по направлению к зловещему голосу, но он замолк раньше, чем я достиг стены, а в это время из другого угла комнаты раздался другой пронзительный и резкий голос:

- Глупцы! Глупцы! - визжал он. - Думаете ли вы презреть законы жизни и смерти? Хотите ли вы отнять у таинственной Иссы, богини смерти, то, что ей принадлежит по праву? Разве ее могущественный вестник, древний Исс, не принес вас по вашей собственной просьбе в долину Дор?

Думаети ли вы, глупцы, что Исса откажется от своей собственности? Думаете ли вы спастись из этого места, откуда за все века спаслась лишь одна единственная душа?

Идите обратно той дорогой, которой пришли, идите к милосердным лапам детей дерева жизни или к блестящим клыкам больших белых обезьян; там ждет вас скорое освобождение от страданий. Но если вы останетесь при своем дерзком намерении пробиться сквозь золотые скалы горы Оц, захотите пройти укрепления неприступных крепостей святых жрецов, то вас настигнет ужасная смерть, что даже святые жрецы, постигшие жизнь и смерть, отвратят глаза от ее дьявольской злобы и закроют уши, чтобы не слышать воплей ее жертв.

Вернитесь, о, глупцы, той дорогой, которой пришли!

И снова из другого конца комнаты раздался леденящий кровь хохот.

- В высшей степени странно, - заметил я, обращаясь к Тарс Таркасу.

- Что нам делать? - сказал он. - Мы не можем сражаться с пустым воздухом. Я предпочитаю вернуться и очутиться лицом к

лицу с настоящим врагом. Я вонжу в его тело свой меч и буду знать, что дорого продам свою жизнь, прежде чем перейти в то вечное забвение, которое, по-видимому, единственное будущее смертного!

- Если, как ты говоришь, мы не можем сражаться с пустым воздухом, - ответил я, - то ведь и пустой воздух не может сражаться с нами! Я, который в своей жизни побеждал тысячи сильных воинов, не испугаюсь ветра, так же, как и ты, Тарс Таркас!

- Но невидимые голоса могут исходить от невидимых существ, владеющих невидимым оружием, - возразил зеленый воин.

- Глупости, Тарс Таркас! - вскричал я. - Эти голоса исходят от существ таких же реальных, как ты или я. В их жилах течет живая кровь, которую так же легко выпустить, как и нашу. То, что они не показываются нам, лучшее, по-моему, доказательство того, что они смертные, да и к тому же не чересчур храбрые смертные. Неужели ты думаешь, Тарс Таркас, что Джон Картер убежит от первого крика трусливого врага, который не осмеливается выходить, боясь моего меча?

Я нарочно произнес эти слова очень громко, чтобы наши устрашители услышали мены. Мне уже начинала надоедать эта история, действующая на нервы. Мне пришло в голову, что все это было затеяно с целью прогнать нас обратно в долину смерти, откуда мы спаслись, и где с нами живо справились бы дикие звери.

Долгое время царило молчание. Затем мягкий крадущийся звук позади меня заставил меня обернуться, и я увидел огромного многоногого бенса, подкрадывающегося ко мне.

Бенс - хищное животное, наподобие нашего льва, который скитается среди низких холмов, окружающих высохшие моря Марса. Как почти все марсианские жэивотные, он лишен волос, и только на толстой шее его растет длинная щетинистая грива.

Его длинное гибкое тело, поддерживается десятью сильными лапами; огромные челюсти снабжены, наподобие челюстей калота, марсианской собаки, несколькими рядами длинных острых клыков. Его огромная пасть раскрывается до самых ушей, а большие зеленые глаза навыкате придают этому чудовищу еще более страшный вид.

Подкрадываясь ко мне, зверь бил сильным хвостом о свои могучие желтые бедра. Видя, что я заметил его, он испустил ужасающее рычание, которым он часто парализует добычу.

Он кинулся на меня, но его грозный голос не испугал меня, и вместо нежного мяса, которого ожидала разинутая пасть, его встретила холодная сталь.

Минуту спустя сердце барсумского льва уже не билось. Вытащив из него меч, я обернулся к Тарс Тарксау и с удивлением увидел, что перед ним стояло такое же чудовище.

Не успел он справиться со своим, как я, побуждаемый внутренним инстинктом, обернулся в другую сторону, и увидел другого обитателя марсианских пустынь, готового прыгнуть на меня.

С этой минуты в продолжении более получаса одно страшилище за другим набрасывались на нас, выпрыгивая как будто из пустого воздуха!

Тарс Таркас мог быть доволен! Здесь было нечто вполне осязаемое, что он мог рубить и колоть своим огромным мечом. Могу сказать, что и я со своей стороны находил это развлечение гораздо более приятным, чем жуткие голоса невидимых губ.

Что в наших врагах не было ничего сверхъестественного, доказывалось их криками ярости и боли, когда острый клинок перерубал им позвоночник, и потоки настоящей крови струились из их ран.

Я заметил, что звери появлялись только за нашей спиной. Мы ни разу не видели ни одного, который действительно материализовался бы перед нами из воздуха. И так как я ни на минуту не потерял способности рассуждать, то был уверен, что звери появляются в комнате через какую-нибудь потайную, хитро придуманную дверь.

Среди украшений, висевших на кожанных латах Тарс Таркаса, - единственной одежды марсиан - висело небольшое зеркальце. Оно блестело на его широкой спине между плечами и талией.

И вот, когда он встал, глядя на только что сраженного противника, мой взгляд случайно упал на это зеркальце, и на блестящей поверхности его я увидел нечто, заставившее меня прошептать:

- Стой, Тарс Таркас! Стой и не двигай ни одним мускулом.

Он ничего не спросил у меня, а встал, как каменная статуя, в то время как я следил за отражением того, что так много значило для нас.

Я увидел в зеркале, как часть стены за нами отодвинулась. Она вертелась на оси, и вместе с ней двигалась чать пола. Все было так хорошо пригнано, что при тусклом освещении комнаты нельзя было различить ни одной трещины.

Когда стена сделал полоборота, я увидел большого зверя, сидящего на той части пола, которая была за стеной комнаты. Но когда весь оборот был сделан, зверь оказался на нашей стороне. Это было очень просто!

Но меня еще больше заинтересовало то, что я увидел сквозь отверстие, когда стена сделала полоборота. Я разглядел большую комнату, хорошо освещенную, в которой несколько мужчин и женщин были прикованы к стене. Впереди них стоял человек с жестоким лицом, который, очевидно, управлял механизмом секретной двери. Он был не красный, как красные люди Марса, не зеленый, как Тарс Таркас, а белый, как я, с густой гривой развевающихся желтых волос.

Пленники за ним были красные марсиане. Вместе с ними были прикованы несколько диких животных вроде тех, какие были выпущены на нас, и другие, не менее страшные.

Когда я повернулся к своему другу, на душе моей было уже легко.

- Следи за стеной в твоем конце комнаты, Тарс Таркас, - предупредил я его. - Они выпускают на нас зверей через потайные двери.

Я стал совсем рядом с ним и говорил ему шепотом, чтобы наши мучители не догадались, что их секрет открыт.

Все время, пока мы стояли лицом к противоположным концам комнаты, никакого нового нападения на нас не было произведено. Поэтому мне стало ясно, что стены каким-то образом пробуравлены так, что за нашими действиями можно следить.

Наконец мне в голову пришел план действий. Я прислонился спиной к спине Тарс Таркаса и тихим шепотом познакомил его с этим планом, не отрывая однако глаз от стены, находящейся передо мной. Великий тарк проворчал согласие на мое предложение и начал задом пятиться к той стене, на которую я смотрел, в то время и я медленно к ней приближался.

Когда мы дошли на расстояние десяти футов от потайной двери, я шепнул Тарс Таркасу остановиться. Предупредив его, чтобы он стоял абсолютно спокойно, пока я не дам условного сигнала, я быстро повернулся спиной к двери, сквозь которую почти чувствовал устремленные на нас глаза нашего злобного палача.

Я немедленно уставился в зеркало, висевшее на спине Тарс Таркаса, и с напряженным вниманием следил за той частью стены, которая уже выпустила на нас столько кошмарных чудовищ

Вскоре я увидел, как золотая поверхность быстро начала приходить в движение. Я немедленно дал знак Тарс Таркасу и прыгнул в отступающую половину вертящейся двери. Таким же образом повернулся Тарс Таркас и тоже прыгнул в отверстие, образовавшееся от вращения стены.

Я очутился в соседней комнате лицом к лицу с человеком, которого уже видел. Он был приблизительно моего роста, с сильными мускулами и в мельчайших деталях походил на людей Земли.

На поясе у него висели меч, шпага, кинжал и один из тех страшных радио-револьверов, которые обычны на Марсе.

Я был вооружен одним мечом, а потому согласно боевым обычаям и этике Марса, враг мой мог меня встретить только подобным же оружием или меньшим. Но, очевидно, этот молодчик мало считался с моральными законами, и не успел я очутиться рядом с ним, как он выхватил свой револьвер. Удар моего меча вышиб револьвер из его рук. Тогда он схватился за меч, и мы вступили с ним в смертельный бой.

Он был удивительным бойцом, по-видимому, очень тренированным, между тем, как я в течение десяти лет не держал меч в руке. К счастью, я быстро освоился с этим оружием, и через несколько минут мой противник заметил, что он имеет перед собой равного себе противника.

Его лицо подернулось мертвенной бледностью от ярости, когда он увидел, что я неуязвим, между тем, как кровь струилась по его лицу и телу из десятка мелких ран.

- Кто ты, белый человек? - прошептал он. - По цвету твоей кожи видно, что ты не житель внешнего мира Барсума, а вместе с тем ты и не наш!

Последняя фраза звучала почти, как вопрос.

- А что если я из храма Иссы? - рискнул я спросить наудачу.

- Да смилуется судьба!- воскликнул он, побледнев еще больше.

Его ответ доказывал, что я мог быть из храма Иссы, и, что такой храм существовал и в нем были люди, подобные мне. Мой противник или боялся силы обитателей храма, или же он так почитал их, что дрожал при мысли о своей дерзости.

Впрочем, мне было не до рассуждений! Мне нужно было во что бы то ни стало всадить ему между ребер мой меч, и это мне наконец удалось!

Прикованные пленники следили за нашим поединком в глубоком молчании. Ни одного звука не раздалось в комнате, кроме звона мечей, мягкого шарканья наших босых ног и немногих слов, которыми мы обменялись шепотом, сквозь стиснутые зубы.

Но как только тело моего противника безжизненной массой рухнуло на пол, предостерегающий крик вырвался у одной из пленниц.

- Обернись назад! Берегись! - закричала она.

При первом же звуке ее пронзительного крика я оглянулся и увидел перед собой второго человека той же расы, как тот, который лежал у моих ног.

Он крался ко мне из темноты коридора и уже занес надо мной свой меч. Тарс Таркаса нигде не было видно, и секретная панель, через которую я пришел, была закрыта.

Как я желал в ту минуту, чтобы мой друг был со мной! Я почти беспрерывно сражался в течение уже многих часов. Я прошел через столько испытаний, пережил столько потрясений, что это должно было подорвать мои жизненные силы. К тому же я не ел и не спал целые сутки.

Я был утомлен вконец, и в первый раз за многие годы спрашивал себя, в состоянии ли я справиться с новым противником. Но другого выхода не было. Нужно было кинуться в бой и как можно скорее и яростнее. Единственным моим спасением было бы сбить его с ног стремительным натиском. Я не мог надеяться выдержать длительный бой.

Но мой противник, очевидно, был другого мнения. Он отступал, парировал, отскакивал в сторону и вновь наступал, пока, наконец, силы мои не истощились совершенно. Он был необычайно искусным бойцом, еще более искусным, чем мой предыдущий противник, и я должен сознаться, что он здорово загонял меня и чуть не прикончил.

Я чувствовал, как силы мои уходят, перед глазами колеблется какой-то туман, я шатался, спотыкался, делал частые промахи. Тогда-то он привел в исполнение свой хитрый замысел, который едва не стоил мне жизни.

Наступая на меня, он заставил меня пятиться, пока я не очутился перед телом его мертвого товарища. Тогда он ринулся на меня с такой неожиданной силой, что я, желая перешагнуть через труп, споткнулся и упал навзничь.

Моя голова со стуком ударилась о твердый пол, и, как ни странно, этому обстоятельству я и обязан своей жизнью. Удар

прояснил мой мозг, а боль вызвала бешеную злобу. В эту минуту я был готов голыми руками разорвать врага, и, я думаю, что сделал бы это, если бы моя правая рука при попытке подняться с пола не нащупала холодный металл.

Не гляда, я уже знал, что в моем распоряжении револьвер убитого человека. Мой противник подскочил ко мне, направляя конец своего блестящего клинка прямо в сердце. С его губ сорвался жестокий насмешливый хохот, который я слышал внутри таинственной комнаты.

С этой злобной, полной ненависти усмешкой на тонких губах, он и умер, когда его сразила пуля револьвера.

Его тело свалилось на меня. Вероятно, при падении рукоятка его меча ударила меня по голове, потому что я потерял сознание.

IV.

ТУВИЯ

Меня привел в себя шум борьбы. В первую минуту я никак не мог сообразить, где нахожусь и откуда доносятся звуки. Прислушавшись, я понял, что борются за стеной, рядом с которой я лежал. Можно было различить шаркание ног, звериное рычание, звон оружия и тяжелое дыхание человека.

Встав на ноги, я быстро огляделся в комнате, в которой встретил такой теплый прием. Пленники и дикие животные были прикованы к противоположной стене, и их глаза, устремленные на меня, выражали любопытство, мрачную ярость, изумление и надежду.

Последнее чувство ясно отражалось на красивом и одухотворенном лице красной марсианки, которая спасла мне жизнь своим предупреждающим криком. Она была типичной представительницей этой прекрасной высшей марсианской расы, которая по внешности очень близка к белой расе земных людей, за исключением того, что цвет кожи у них имеет медно-красный оттенок. На ней не было никаких украшений, и поэтому я не мог установить, каково было ее положение в жизни. В настоящее время, очевидно, она была пленницей или рабыней.

Прошло несколько секунд, прежде чем я догадался о том, что означают звуки, доносившиеся из-за стены. Это, наверно, Тарс

Таркас! Он, очевидно, отчаянно борется с дикими животными или с дикими людьми.

Издав ободряющий крик,я всей тяжестью навалился на потайную дверь, но так же безрезультатно, как если бы пытался сдвинуть скалу. Я лихорадочно принялся искать механизм вертящейся панели, но все мои поиски были бесплодны. Я занес уже меч, намереваясь пробить золотую стену, как голос молодой пленницы остановил меня:

- Сбереги свой меч, славный воин, он еще пригодится тебе! Не разбивай его о крепкий металл, который без труда поддаетсчя легкому нажиму руки человека, знающего секрет двери.

- Знаешь ли ты этот секрет? - спросил я.

- Да! Освободи меня, и я пропущу тебя в комнату ужасов, если ты этого пожелаешь. Ключи от моих оков ты найдешь на первом враге, убитым тобой. Но зачем ты хочешь идти обратно? Ты снова очутишься лицом к лицу со свирепым бенсом или с другим чудовищем, которого они выпустили в эту страшную ловушку.

- Мой друг сражается там один, - ответил я, лихорадочно ища ключи на теле мертвого сторожа этой мрачной ужасной комнаты.

На овальном кольце висело много ключей, но прекрасная марсианка быстро выбрала тот, который открыл большой замок у ее пояса и поспешила к секретной панели.

Она снова выбрала ключ на овальном кольце. На этот раз это была тонкая штучка, наподобии иглы, которую она всунула в почти незаметную скважину в стене. Дверь немедленно повернулась на оси, и смежная с ней часть пола, на которой я стоял, очутилась вместе со мной в комнате, где сражался Тарс Таркас.

Великий тарк прислонился спиной к одному из углов, а вокруг него полукругом стояли с полдюжины огромных чудовищ, ожидавших удобного случая к нападению. Их головы, залитые кровью, их окровавленные плечи свидетельствовали об их неосторожности и об искусстве зеленого воина. Тело моего друга тоже носило красноречивые следы лютого нападения, которому он подвергался.

Острые когти и жестокие клыки буквально разорвали в клочья его ногу, руку и грудь. Он так ослабел от потери крови и ужасного напряжения, что, не прислонись он к стене, вряд ли был бы в состоянии стоять. Но он все же продолжал смотреть на своих свирепых врагов с упорством и непреклонным мужеством людей своей породы. Он казался олицетворением старинной поговорки его племени, которая гласит: "Оставь тарку голову и одну руку, и он сумеет победить!"

Мой приход вызвал безобразную улыбку на его лице, испещренном царапинами. Улыбка могла означать удовольствие, или просто ему стало смешно при виде моего окровавленного, всклокоченного вида.

Я приготовился уже вмешаться в борьбу и поднял свой меч, когда нежная рука опустилась на мое плечо. Обернувшись, я к своему удивлению увидел, что молодая девушка последовала за мной в комнату.

- Постой, - прошептала она, - я справлюсь с ними сама, - и, оттолкнув меня, она приблизилась, беззащитная и невооруженная, к ворчащим бенсам.

Подойдя совсем близко, она произнесла тихим, но решительным тоном одно слово. С быстротой молнии обернулись к ней огромные животные, и я замер от ужаса, ожидая, что они разорвут ее в клочья. Но вместо этого, звери подползли к ее ногам, как щенята, ожидающие заслуженного наказания.

Она снова сказала им что-то, но так тихо, что я не мог расслышать ничего, и затем направилась к противоположному углу комнаты с шестью огромными чудовищами, следовавшими за ней по пятам. Одного за другим вывела она их через секретную панель в смежную комнату и, когда последний исчез из комнаты, она обернулась к нам, улыбнулась, посмотрев на наши растерянные лица, вышла, оставив нас одних. С минуту мы молчали. Затем Тарс Таркас сказал:

- Я слышал шум борьбы за стеной, через которую ты прошел, но я не боялся за тебя, Джон Картер, пока не раздался револьверный выстрел. Я знал, что на всем Барсуме нет человека, который бился бы с тобой холодным оружием и остался бы жив. Но этот выстрел совершенно лишил меня надежды: я ведь знал, что у тебя не было револьвера. Расскажи, что случилось?

Я исполнил его просьбу, и затем мы вместе принялись искать секретную панель, через которую я только что вошел. Она, я знал это, лежала против той двери, через которую девушка вывела своих диких спутников.

Но, к нашему разочарованию, панель не поддавалась никаким усилиям. Если бы мы очутились за ней, мы могли бы надеяться каким-либо образом выбраться. Пленники были прикованы - это доказывало, что был какой-то выход, через который можно было спастись от страшных существ, населяющих этот ад.

Мы несколько раз переходили от одной золотой двери к другой - и все без успеха. Отчаяние охватило нас. Мы уже отказались от всякой надежды, когда вдруг одна из панелей бесшумно по-

вернулась, и в комнате появилась та же молодая девушка, которая вывела бенсов.

- Кто вы, - спросила она, - дерзающие искать спасение из долины Дор и от смерти, которую вы выбрали?

- Я не выбирал смерти, девушка, - возразил я. - Я не с Барсума, и я не предпринял добровольного паломничества к реке Исс. Мой друг, джеддак всех тарков, еще не выразил желание вернуться в живой мир, но я все же возьму его с собой. Я спасу его от той лжи, которая завлекла его в это страшное место!

Сам я - человек другого мира. Я - Джон Картер, член семьи Тардос Морса, джеддака Гелиума. Быть может, случайно какой-нибудь слух обо мне и достиг пределов вашего адского обиталища.

Она улыбнулась.

- Да, - ответила она, - все, что происходит в мире, покинутом нами, известно нам. Я слышала о тебе много лет тому назад. Жрецы часто удивлялись, куда ты мог убежать: тебя не могли найти на всем Барсуме, а паломничество к реке Исс ты тоже не предпринимал.

- А теперь скажи мне, - спросил я, - кто ты? Ты кажешься пленницей, однако твоя власть над дикими зверями этих мест вряд ли была бы дана рабыне.

- И все же я рабыня, - ответила она. - Уже целых пятнадцать лет я нахожусь в этом ужасном месте, но теперь я им надоела. Они боятся меня, потому что я знаю их тайны. Недавно они приговорили меня к смерти.

Она содрогнулась.

- К какой смерти?

Она ответила:

- Святые жрецы употребляют мясо людей, умерших под высасывающими губами растительных чудовищ. Они едят мясо, из которого выкачана кровь. К такой смерти я и была приговорена. Это должно было случиться сегодня. Ваш приход помешал им.

- Значит я прикончил двух святых жрецов? - спросил я весело.

- О, нет! Те, которых ты убил, были младшими жрецами, но они принадлежат к той же жестокой и злобной расе. Святые жрецы живут на внешних скатах этих мрачных гор, на скатах, обращенных к миру, поставляющему им жертвы.

Целый лабиринт коридоров соединяет эти пещеры с роскошными дворцами святых жрецов. Через эти коридоры проходят

младшие жрецы, многочисленные рабы, пленники, дикие звери - все мрачные обитатели нашего бессолнечного мира.

В этой огромной сети извилистых переходов и бесчисленных комнат живут мужчины, женщины и звери, которые родились в этом мрачном подземном мире, никогда не видели дневного света - и никогда не увидят его.

Они служат для исполнения приказаний жрецов: доставляют им развлечение и пищу.

Время от времени какому-нибудь злополучному пленнику удается спастись от растительных людей и больших белых обезьян, которые оберегают храм Иссы, но спастись только для того, чтобы попасть в безжалостные когти жрецов. Иногда, как это было со мной, святой жрец, стоящий на страже на высоком уступе в том месте, где река вытекает из-под Золотых Скал, избирает себе жертву, которая ему чем-либо понравилась.

Все попавшие в долину Дор, отдаются растительным людям и большим белым обезьянам, только их руки и украшения по обычаю передаются жрецам. Но если кому-нибудь хоть на несколько часов удается спастись от страшных обитателей долины, то он делается полной собственностью жрецов.

Говорят, что случайно, иногда, какой-нибудь обманутой жертве барсумских предрассудков удается спастись от бесчисленных врагов, которые подстерегают ее на всем пути до того самого момента, как она выходит из подземного перехода, по которому на протяжении тысячи миль течет Исс. Иногда такой жертве удается добраться до стен храма Иссы. Что случается с ней тогда - неизвестно. Даже святые жрецы не знают, какая судьба ожидает человека, проникшего в храм, потому что из тех, кто вошел в него, никто назад не вернулся.

Храм Иссы для жрецов то же самое, что долина Дор для остальных жителей Барсума. Он представляется им убежищем высшего мира, покоя и счастья, куда они надеются перейти после этой жизни и где их ждет вечность среди тех плотских наслаждений, которые считаются высшим блаженством у этой умной, но развращенной расы.

- Значит, как я понимаю, храм Иссы - это как бы рай в раю, - сказа я. - Будем надеяться, что святые жрецы будут там встречены так же приветливо, как они встречают здесь свои жертвы.

- Кто знает? - прошептала девушка.

- Судя по тому, что ты рассказала, эти жрецы - такие же смертные, как и мы. И однако, с каким благоговением говорят о них на Барсуме! И чтут, как богов.

- Жрецы смертны, - ответила она. - Те из них, которые не доживают до назначенного им жизненного предела - до тысячи лет - могут умереть от тех же причин, что ты или я. После этого предела они, в силу обычая, отправляются в свой последний путь через длинный туннель, который ведет к Иссе.

- Говорят, что те, которые умирают не достигнув тысячи лет, воплощаются на время в образ растительных людей. В этом образе они доживают до своего предела. Вот почему растительные люди священны для жрецов. Они верят, что каждый из этих ужасных созданий было когда-то жрецом.

- А если растительный человек умирает? - спросил я.

Если он умирает до истечения тысячи лет, считая со дня рождения жреца, то душа его переходит в большую белую обезьяну, но если эта обезьяна умрет до истечения срока, то душа гибнет навеки и переходит в тело одного из липких силианов (пресмыкающееся животное, род земного крокодила), которые тысячами извиваются в безмолвных водах озера Корус при свете луны, когда солнце заходит, и странные тени бродят по долине Дор.

- Мы сегодня отправили немало святых жрецов к силианам, - сказал, смеясь, Тарс Таркас.

- Потому то вас и ожидает самая страшная смерть, - промолвила девушка, - и она наступит - вы не сможете спастись никак.

- Один человек спасся несколько сот лет назад, - напомнил я ей. - Что удалось раз, может удастся и теперь.

- Не стоит даже и пытаться, - ответила она безнадежно.

- А мы все-таки попытаемся! - вскричал я, - и ты пойдешь с нами, если этого захочешь.

- Чтобы меня убил мой собственный народ и чтобы память обо мне была позором для моей семьи и для всего племени? Ты должен был бы подумать, прежде чем предлагать мне это!

Тарс Таркас слушал в глубоком молчании. Я чувствовал, что взгляд его устремлен на меня. Я знал, что он ожидал моего ответа с таким же напряжением, как подсудимый ожидает чтения своего приговора из уст судьи. То, что я посоветую девушке - будет нашим общим уделом. Если я склонюсь на сторону неумолимого векового суеверия - мы все должны будем примириться с нашей судьбой, остаться и без борьбы ожидать ужасной смерти.

- Мы имеем право спастись, если нам это удастся, - ответил я. - Наше нравственное чувство не будет оскорблено, потому что мы знаем, что сказочная жизнь в благословенной долине Дор - злостная выдумка. Мы знаем, что долина не священна, мы знаем,

что святые жрецы не святы, что они жестокие и бессердечные смертные, знающие о вечной жизни не больше нас.

Приложить все усилия к спасению - не только наше право, но и наш священный долг, долг, перед которым мы не смеем отступить, даже если бы мы знали, что нас ожидают брань и пытки со стороны нашего народа, когда мы к нему вернемся.

Ведь только так мы сможем открыть истину людям внешнего мира! Я прекрасно сознаю, что наш рассказ, вряд ли вызовет доверие - люди так крепко держатся за свои глупые суеверия! - но мы были бы жалкими трусами, если бы отступили от долга, который лежит перед нами.

К тому же мы имеем шанс, что свидетельству нескольких лиц поверят скорее, может быть, даже согласятся отправить экспедицию для исследования этой страшной пародии рая.

Девушка и зеленый воин некоторое время стояли молча, погруженные в глубокое раздумье. Девушка первой прервала молчание.

- Я никогда еще не рассматривала дела с этой точки зрения, - промолвила она задумчиво. - Я готова отдать свою жизнь тысячу раз, если бы спасла этим хоть одну душу от ужасной жизни, которую я здесь вела! Да, ты прав! Я пойду за тобой, хотя и сомневаюсь, что нам удастся спастись.

Я вопросительно взглянул на тарка.

- Куда бы Джон Картер ни повел меня - к вратам ли храма Иссы или на дно Коруса, к снегам севера или к снегам юга - Тарс Таркас последует за ним!

- Идемте же немедля! - воскликнул я. - Мы должна отправиться, потому что не может быть спасения в сердце этой горы и в четырех стенах этой комнаты смерти.

- Идемте, - повторила девушка, - но не льсти себя надеждой: на территории жрецов нет места хуже, чем это.

С этими словами она повернула секретную панель, которая отделяла нас от того помещения, где я ее нашел и где находились другие пленные.

Их было всего десять красных марсиан, мужчин и женщин. В кратких словах объяснили мы им наш план. Они решили идти за нами, хотя было видно, что трепещут при мысли так искушать судьбу и идти на перекор древнему суеверию. Между тем все они на своем горьком опыте знали, как лгала им старая вера, как нагло обманывали их святые жрецы.

Тувия, девушка, которую я освободил первой, очень скоро освободила и других. Тарс Таркас и я сняли с тел убитых жрецов их оружие, которое состояло из мечей, кинжалов и двух револьверов самого совершенного типа, который фабрикуется красными марсианами.

Мы распределили оружие среди наших спутников, насколько это было возможно. Револьверы мы дали двум женщинам, в том числе и Тувии.

Она была нашим проводником, и мы быстро, но осторожно отправились вслед за ней по лабиринтам ходов. Мы проходили через большие комнаты, высеченные в массиве скалы, шли по извилистым коридорам, поднимались на крутые подъемы и прятались в темных нишах при звуке приближающихся шагов.

Тувия хотела провести нас в отдельную кладовую, где, по ее словам, было много оружия и снарядов. Откуда она должна была вывести нас на вершину скалы, а там мы должны были применить всю нашу сообразительность, чтобы прорваться через твердыню святых жрецов к внешнему миру.

- И даже тогда, - воскликнула Тувия, - мы не будем в безопасности! Длинны руки святых жрецов! Они достигают любого места в Барсуме. Их тайные храмы прячутся в сердце каждой общины. Куда бы мы не пришли, весть о нашем бегстве опередит нас, и смерть настигнет нас раньше, чем мы сможем разоблачить их.

Мы шли уже около часа, не встречая никаких препятствий. Тувия только шепнула мне, что мы близко от цели, как при входе в обширную комнату наткнулись на человека, очевидно, жреца.

Кроме обычного кожаного наряда и украшений, он носил вокруг лба массивный золотой обруч, в центре которого был вделан огромный камень. Точную копию этого камня я видел около двеннадцати лет тому назад на груди маленького старика на атмосферной станции.

Это - бесценное сокровище Барсума! Известны только два таких камня, их носили два старика, накачивавших искусственный воздух во все части Марса.

Камень, который был на встретившемся нам старике, был приблизительно такой же величины, как тот, который я видел когда-то. Он имел около дюйма в диаметре и излучал девять различных ясно видимых лучей: семь основных цветов нашей земной призмы и еще два луча, которые на Земле не известны и изумительная красота которых не поддается описанию.

Увидя нас, глаза жреца сузились и злобно сверкнули.

- Стойте, - вскричал он. - Что это значит, Тувия?

Вместо ответа девушка подняла свой револьвер и в упор выстрелила в него. Он без звука свалился мертвый.

- Гадина! - прошипела она. - Наконец-то я отомстила тебе за все эти годы!

Она повернулась ко мне, желая, видимо, что-то мне объяснить, но внезапно глаза ее расширились от удивления, и она с легким возгласом бросилась ко мне.

- О, воин! - вскричала она. - Судьба нам действительно благоприятствует! Нам предстоит трудный путь, но благодаря этой твари, которая лежит на полу, мы все же сможем пробиться к внешнему миру. Разве ты не видешь чудесного сходства между этим святым жрецом и тобой?

Действительно - он был моего роста, и глаза и черты его лица очень напоминали мои, но на голове у него развевалась копна желтых волос, как и у тех двух, которых я убил раньше, а у меня были черные коротко остриженные волосы.

- Что же из этого? - спросил я Тувию. - Неужели ты думаешь, что я смогу со своими короткими черными волосами выдавать себя за желтоволосого священника вашего адского культа?

Она улыбнулась и вместо ответа подошла к телу убитого ею человека. Встав на колени, она сняла золотой обруч, а вместе с ним, к моему удивлению, и весь скальп с головы мертвеца.

Она надела этот желтый парик на мои черные волосы и увенчала золотым обручем со сверкающим камнем.

- Одень его кожаный наряд, - сказала она, - и ты сможешь свободно пройти по владениям жрецов, потому что Сатор Трог был святой жрец десятого цикла и имел великую власть.

Когда я наклонился над мертвым, чтобы снять его наряд, то заметил, что на его голове не росло ни единого волоса: она была гладка, как яйцо!

- Они все такие от рождения, - объяснила Тувия, заметив мое недоумение. - Раса, от которой они произошли, обладала роскошными золотистыми волосами, но уже в продолжении многих веков эта раса совсем безволоса. Парик сделался принадлежностью их наряда, и такой важной, что считается величайшим позором, если жрец публично покажется без него.

Через минуту я стоял, одетый в полный наряд жреца. По совету Тувии, двое из сопровождавших нас пленников понесли тело жреца, и мы продолжали свою дальнюю дорогу к кладовой, которой достигли без дальнейших злоключений.

Ключи, снятые Тувией с первого убитого жреца, открыли нам доступ в кладовую, и мы быстро снабдили себя достаточным количеством оружия и снарядов. К этому времени я уже так утомился, что был не в состоянии двинуться дальше. Посоветовав Тарс Таркасу сделать то же самое, и приказав двоим из освобожденных нести караульную службу, я повалился на пол.

Через минуту я уже крепко спал.

V.

В ПОДЗЕМНОМ ЛАБИРИНТЕ

Не знаю, сколько времени проспал я на полу в кладоавй, но, должно быть, много часов. Внезапно я был разбужен тревожными криками и не успев еще собраться с мыслями и сообразить, где я нахожусь, как услышал выстрелы, звук которых гулко прокатился по подземным коридорам.

Я вскочил на ноги. В дверях, противоположных тем, через которые мы вошли в комнату, стояло двенадцать младших жрецов. Вокруг меня извивались тела моих спутников: спаслись только Тувия и Тарс Таркас, которые, подобно мне, лежали на полу и тем избежали губительного огня.

При виде меня жрецы опустили ружья, и на их лицах выразился испуг и изумление. Я немедленно воспользовался этим.

- Что это значит? - вскричал я гневно, - не хватает, чтобы Сатор Трог был убит своими подчиненными!

- Смилуйся, владыка десятого цикла, - вскричал один из жрецов, а остальные попятились к двери, как бы желая скрыться с глаз разгневанного повелителя.

- Спроси, что им здесь нужно, - шепнула Тувия мне.

- Эй, что вы здесь делаете? - крикнул я.

- Двое из внешнего мира бежали и скрываются во владениях жрецов. Мы искали их по приказанию отца жрецов. Один из них белый с черными волосами, а другой огромный зеленый воин.

И при этом жрец бросил подозрительный взгляд на Тарс Таркаса.

- Вот он, - воскликнула Тувия, - и если бы вы взглянули на мертвого человека у двери, то признали бы и другого. Сатор Трогу и его рабам удалось выполнить то, чего младшие жрецы охраны не сумели сделать - убить одного и захватить в плен

другого. За это Сатор Трог даровал им свободу. А вы, в вашем неразумении, убили всех, кроме меня, и чуть не убили самого великого Сатор Трога!

Жрецы казались испуганными и пришибленными.

- Не лучше ли им бросить эти тела растительным людям и вернуться к себе, владыка? - обратилась ко мне Тувия.

- Да, сделайте, как вам укажет Тувия, - сказал я.

Когда жрецы подняли тела, я заметил, как один из них, при виде лица Сатор Трога бросил украдкой взгляд в мою сторону. Я мог бы поклясться, что он что-то заподозрил, но это было только подозрение, которое он не осмелился высказать.

Вынося тело из комнаты, он снова окинул меня быстрым вопросительным взглядом, а затем перевел глаза на блестящий плешивый череп мертвеца и на губах его зазмеилась торжествующая улыбка.

Только Тарс Таркас, Тувия и я остались в живых. Роковые выстрелы жрецов лишили наших спутников последнего шанса на свободу.

Как только мрачная процессия с покойниками скрылась, Тувия стала торопить нас к бегству. Она тоже заметила подозрительный взгляд жреца, выносившего тело Сатор Трога.

- Это не обещает нам ничего хорошего, - молвила девушка. -Жрец не осмелится сам обвинить тебя, боясь ошибиться, но есть жрецы выше его, которые могут потребовать тщательного расследования, а это будет для нас роковым концом.

Я пожал плечами. Мне самому казалось, что концом всех наших усилий будет смерть. Хотя сон и освежил меня, но я чувствовал себя очень слабым от потери крови. Раны мои горели. Медицинской помощи ожидать было неоткуда. Как я хотел бы теперь иметь в своем распоряжении мази и настойки зеленых марсианских женщин, которые обладали почти волшебной целительной силой! Эти средства возродили бы меня через час.

Настроение мое было подавленное. Никогда еще я не чувствовал такой полной безнадежности перед лицом опасности. В эту минуту случайный сквозняк подхватил длинные желтые волосы моего парика, и они скользнули мне по лицу.

Может ли все же мой маскарад открыть нам дорогу к свободе? Можем ли мы все-таки спастись, если попробуем бежать раньше, чем будет поднята общая тревога? И я решил сделать еще одну попытку. - Что предпримет жрец, Тувия, - спросил я. - Через сколько времени они смогут вернуться?

- Он прямо пойдет к отцу жрецов, к Старому Матан Шангу. Ему придется ждать аудиенции, но так как он занимает высокое положение среди младших жрецов, то его скоро допустят. Если отец жрецов поверит его истории, то через час все коридоры и комнаты, все дворцы и сады будут оцеплены сыщиками.

Значит, у нас все же есть час. Мы должны пройти прямо на вершину скал, - ответила она, - а оттуда через сады во внутренний двор. Затем наш путь будет пролегать между храмами жрецов к внешнему двору. А потом еще укрепления... Нет, нет, это совсем безнадежно! Десять тысяч воинов не смогли бы пробиться к свободе из этого ужасного места. С начала мира жрецы работают над укреплением своей твердыни. Беспрерывная линия неприступных крепостей окружает внешние склоны горы Оц. За этими укреплениями находится миллион бойцов, всегда готовых к сражению. Дворцы и сады полны рабами, женщинами и детьми. Нельзя пройти и несколько шагов, без того, чтобы не быть обнаруженным.

- Если нет другого пути, Тувия, не к чему распространяться о затруднениях!

- Не попытаться ли нам лучше пробраться после наступления темноты? - спросил Тарс Таркас. - Днем, по-видимому, нет никаких шансов на успех.

- Ах! Ночью укрепления хорошо охраняются, может быть, даже еще лучше, чем днем. Правда, в садах и во дворце меньше народа, - ответила Тувия.

- Который теперьчас? - спросил я.

- Была полночь, когда ты меня освободил, - сказала Тувия. - Через два часа мы были в кладовой. Здесь ты проспал четырнадцать часов. Теперь, должно быть опять солнечный закат. Пойдем к какому-нибудь ближайшему отверстию в скале и посмотрим.

При этих словах она повела нас по извилистым коридорам, пока после одного поворота мы не подошли к отверстию, выходящему на долину Дор.

По правую руку от нас, за западными склонами горы Оц, садился огромный красный шар солнца.

Немного ниже нас на балкончике стоял на часах святой жрец. Служебное красное платье было туго стянуто вокруг его тела в ожидании холода. Атмосфера там настолько редкая, что она поглощает очень мало солнечного тепла, потому днем всегда страшно жарко, а ночью необычайно холодно. Так как разреженная атмосфера не преломляет солнечных лучей, то на Марсе нет сумерек. Когда огромный солнечный шар скрывается за горизон-

том, то впечатление такое, как бы потушили лампу в комнате. После блестящего света вас сразу окутывает полный мрак. Тогда восходят луны, таинственные волшебные луны Марса, низко пробегающие над планетой, как большие метеориты.

Заходящее солнце кидало яркие блики на западный берег Коруса, на пурпурный луг и роскошные леса. Под деревьями паслись стада растительных людей. Взрослые стояли, вытянувшись во весь рост, и подрезали своими когтями листья и ветки. Теперь я понял, отчего деревья были подрезаны так тщательно, что я даже вообразил накануне, что нахожусь в парке культурных людей!

Стоя у окна, мы смотрели на Исс, вытекающий из-под скал под нами. Вскоре из-под горы показался челн, нагруженный людьми внешнего мира. Их было двенадцать. Все они принадлежали к высококультурной красной расе, которая является господствующей на Марсе.

Взгляд сторожевого жреца тоже немедленно устремился на обреченных. Он поднял голову и, перегнувшись через низкие перила, окаймлявшие балкон, испустил пронзительный зловещий крик, которым он созывал к нападению дьяволов этого адского места.

С минуту животные стояли, навострив уши, а затем огромными неуклюжими прыжками бросились из рощи к берегу реки.

Путешественники высадились и стояли на лугу, когда ужасная орда накинулась на них. Бесплодные попытки защититься и вопли ужаса быстро прекратились. Наступило молчание, во время которого огромные отталкивающие чудовища покрывали тела несчастных жертв, и отвратительные губы присасывались к ним.

Я с отвращением отвернулся.

- Их пир скоро будет кончен, - сказала Тувия. - Большие белые обезьяны получат мясо после того, как растительные люди высосут кровь. Смотри, они уже идут!

Я посмотрел в сторону, куда показывала девушка, и увидел десяток белых чудовищ, бегущих через долину к реке. Но в эту минуту зашло солнце и нас окутал полный мрак.

Не теряя времени, Тувия повела нас по коридору к скале, который все время поднимался. Этот коридор должен был вывести нас на поверхность, лежащую на тысячу футов выше того уровня, на котором мы находились первоначально.

Дважды огромные бенсы, которые свободно бродили по коридорам, преграждали нам путь, но всякий раз Тувия отдавала им тихим голосом приказание, и рычащие звери угрюмо скрывались.

- Если все препятствия ты будешь преодолевать так же легко, то наш путь не будет особенно трудным, - сказал я, улыбаясь. - Как ты делаешь это, Тувия?

Она засмеялась, но потом содрогнулась.

- Я и сама не знаю, - промолвила она. - Когда я попала сюда, я навлекла на себя гнев Сатор Трога за то, что оттолкнула его. Он приказал бросить меня в одну из больших ям во внутренних садах. У себя на родине я привыкла приказывать. Что-то в моем голосе устрашило зверей, когда они прыгнули на меня.

Вместо того, чтобы разорвать меня в клочья, как того желал Сатор Трог, они улеглись у моих ног и начали ласкаться. Это так забавляло Сатор Трога и его друзей, что они оставили меня для дрессировки этих страшных зверей. Я их всех знаю по именам. Их много бродит по этим нижним коридорам: пленники часто умирают в цепях, и бенсы помогают очищать проходы от трупов.

Наверху, в храмах и садах, бенсы содержатся в ямах. Жрецы их боятся, и поэтому избегают проникать в нижние коридоры, разве что служба этого требует.

Слова Тувии вызвали во мне новую мысль.

- Не взять ли нам с собою нескольких бенсов и выпустить их на волю? - спросил я.

Тувия засмеялась.

- Да! Это, наверное, отвлекло бы внимание от нас.

Она начала звать тихим певучим голосом и продолжала напевать в то время, как мы кружились по лабиринту подземелья коридоров и комнат.

Вскоре, позади нас послышались шаги мягких лап и, обернувшись, я увидел пару больших зеленых глаз, горевших в темноте. Из бокового коридора тихо выскользнула гибкая темная фигура.

Мы спешили вперед. Со всех сторон раздавалось глухое рычание. Свирепые звери один за другим отзывались на зов своей госпожи.

Каждому из тех, кто присоединялся к нам, она говорила что-то. Они шли за нами, как хорошо вышколенные терьеры. Но я не мог не смотреть с опаской на их страшные челюсти, покрытые пеной. Тарс Таркас и я, по-видимому, возбуждали их аппетит, и они бросали на нас жадные взгляды.

Вскоре мы оказались совсем окруженные пятьюдесятью животными. Двое из них шли по обе стороны Тувии наподобие стражи. Время от времени гладкое холодное туловище касалось моих голых ног.

Я никогда не забуду этой необычной картины. Среди золотых стен, сиявших драгоценными камнями, тускло мерцал свет редких ламп. Огромные звери бесшумно ступали по камню. Рядом со мной шагала огромная фигура тарка, я сам выступал увешанный драгоценной диадемой жреца, и впереди нас шла прекрасная нежная девушка.

Вскоре, мы дошли до большой комнаты, которая была освещена ярче, чем коридоры. Тувия остановила нас; осторожно подкралась к двери и заглянула внутрь. Затем знаком приказала нам следовать за ней.

Комната была полна странными существами, которые населяют этот подпочвенный мир. Это была необычайно богатая коллекция выродков - потомство пленников внешнего мира, странная помесь красных и зеленых марсиан и белой расы жрецов. Благодаря постоянному заключению в подвалах, они больше походили на трупы, чем на живые существа. Многие из них были искалечены; большая часть из них, по словам Тувии, потеряла способность видеть.

Они валялись на полу целыми кучами, и вид их напомнил мне иллюстрацию к Дантову Аду. И какое сравнение могло бы быть более подходящим? Разве это место не было настоящим адом, населенным погибшими душами, проклятыми навеки, без всякой надежды на спасение?

Осторожно пробирались мы через комнату, обходя группы спящих. Бенсы жадно поводили ноздрями при виде соблазнительной добычи, в таком изобилии лежащей перед ними.

Мы прошли целый ряд подобных комнат, а дважды нам пришлось пройти мимо них. В некоторых были закованы пленники и звери.

- Почему не видно ни одного жреца? - спросил я Тувию.

- Они редко спускаются ночью в подпочвенные коридоры. Бенсы бродят здесь на свободе; жрецы их боятся. Они боятся всех обитателей этого мрачного мира, который они сами же вскормили. Иногда пленники восстают и убивают их. Жрец никогда не может быть уверен, что из какого-нибудь темного угла не выпрыгнет на него сзади убийца.

Днем другое дело. Коридоры и комнаты переполнены стражей, которая ходит взад и вперед. Из верхних храмов сотнями приходят рабы в кладовые и склады. Все кипит жизнью. Ты этого не видел сегодня, потому что я вела вас кружным путем. Однако и теперь нам может повстречаться жрец, иногда они заходят

сюда и после заката солнца. Поэтому-то я и продвигаюсь с такой осторожностью.

Но мы благополучно достигли верхних этажей, и Тувия остановила нас перед невысоким, но крутым подъемом.

- Над нами, - сказала она, - дверь во внутренние сады. Отсюда до внешних укреплений, на протяжении четырех миль, нам грозят бесчисленные опасности. Стража охраняет дворы, храмы, сады. Каждый дюйм укреплений находится под наблюдением часового.

Я не мог понять, для чего нужна была жрецам эта огромная вооруженная сила, если их крепость и так окружена тайной и суеверием, и ни один человек Барсума не осмелился бы приблизиться к ней. Я спросил Тувию, каких врагов могли опасаться жрецы в своей неприступной твердыне.

Мы стояли у двери и Тувия открывала ее.

- Они боятся черных пиратов Барсума, - сказала она. - Да спасут нас от них наши предки!

Дверь открылась. Холодный воздух ночи пахнул нам в лицо.

Огромные бенсы, почуяв непривычные запахи, с глухим рычанием бросились мимо нас в сад.

Внезапно с крыши храма раздался громкий тревожный окрик. Крик был подхвачен и передавался от поста к посту, пока не замер в дали.

Меч великого тарка выпал из ножен. Тувия, вздрогнув от страха, прижалась ко мне.

VI.

ЧЕРНЫЕ ПИРАТЫ БАРСУМА

Что это за шум? - спросил я девушку.

Вместо ответа она указала на небо. Я взглянул вверх и увидел неясные темные предметы, летающие туда-сюда высоко над храмом, садом и двором. Почти сразу же на этих странных предметах вспыхнули огоньки. Затрещали ружейные выстрелы. В ответ на них раздались залпы с крыш храмов.

- Черные пираты Барсума, - прошептала девушка.

Воздушный флот разбойников все ниже и ниже кружил над твердыней жрецов. Пираты обстреливали сторожевую охрану

храмов. Приближавшиеся аэропланы встречались ответным огнем.

Когда пираты опустились ниже, из храмов высыпало войско под предводительством жрецов. Оно рассыпалось по садам и двору. Несколько аэропланов стрелой бросилось в нашем направлении.

Жрецы стреляли в них через щиты, прикрепленные к ружьям, но мрачных черный флот опускался все ниже и ниже. Это были небольшие аэропланы для двух или трех человек; было несколько и более крупных судов, но они держались высоко , сбрасывая бомбы на храмы и укрепления.

Наконец, очевидно, повинуясь команде, пираты одновременно кинулись вниз и бесстрашно опустились совсем близко от нас, почти в центре неприятельских войск. Не дожидаясь полного спуска аэропланов на почву,пираты выскочили из них и с демонической яростью набросились на жрецов. Что это был за бой! Я всегда считал, что зеленые марсиане самые отважные воины во всей вселенной, но дикое ожесточение, с которым черные пираты накинулись на своих врагов, превосходило все виденное мною до сих пор.

Вся сцена боя вырисовывалась с отчетливой ясностью под блестящими лучами обеих лун Марса. Светловолосые, белокожие жрецы с отчаянным мужеством бились врукопашную со своими чернокожими врагами.

Здесь наибольшая группа борющихся воинов топтала клумбу роскошных сказочных цветов; там изогнутый меч чернокожего вонзался в туловище жреца, и мертвое тело падало у подножия чудесной статуи, украшенной рубинами; дальше несколько жрецов теснили пирата, и он падал на изумрудную скамейку, на радужной поверхности которой был выложен алмазами поразительно красивый рисунок.

Тувия, тарк и я стояли несколько в стороне от главного места боя, но время от времени сражавшиеся подходили к нам так близко, что мы могли хорошо рассмотреть их.

Черные пираты необычайно интересовали меня. Во время моего первого пребывания на Марсе смутные слухи о них дошли до меня, но я не поверил им, так как они походили на легенду. Я их никогда не видел, и никогда не приходилось мне разговаривать с кем-нибудь, кто их видел.

Предполагали, что они населяют ближнюю луну, с которой изредка спускаются на Барсум. Всюду, где бы они не появлялись, они совершали страшные зверства и забирали с собой огне-

стрельное оружие, снаряды и молодых девушек. По слухам, девушки приносились в жертву какому-то ужасному богу во время оргии, которая заканчивалась пожиранием жертвы.

Мне представился теперь великолепный случай рассмотреть их собственными глазами. Они были высокого роста, вероятно, более шести футов высоты. Черты лица их были правильны и необычайно прекрасны; немного узкий разрез глаз придавал им коварное выражение. Цвет глаз, насколько я мог судить при лунном свете, был совершенно черный. Физическое строение тела было такое же, как у жрецов, красных людей и у меня. Они отличались от нас только цветом кожи: она имела вид полированного черного дерева, и, как ни странно, не только не уменьшала их чудесной красоты, но даже усиливала ее.

Но если телом они походили на богов, то сердцем, по-видимому, более напоминали дьяволов. Никогда не видел я такой злобной кровожадности, какую проявили эти демоны воздуха в своей бешенной битве со жрецами.

Вокруг нас в саду лежали их аэропланы, и по какой-то причине жрецы не делали никаких попыток к их истреблению. Время от времени чернокожий воин выбегал из ближайшего храма с молодой девушкой на руках. Он несся прямо к своему аэроплану, а его товарищи спешили к нему, чтобы прикрыть его.

Жрецы со всех сторон сбегались на выручку девушке, но через минуту черный пират со своей жертвой исчезал в водовороте ревущих дьяволов, рубящих и колющих с бешеной яростью.

Казалось, что черные пираты Барсума всегда оставались победителями. Каким-то образом им удавалось пронести девушку в сохранности через толпу боя, и она уносилась в темноту ночи на быстроходном аэроплане.

Шум боя доносился с обеих сторон с большого расстояния, и Тувия сказала мне, что черные пираты обычно проводят свое нападение по всей длине владений жрецов, которые тянутся в виде полосы по внешним скатам горы Оц.

Когда борющиеся отхлынули от того места, где мы стояли, Тувия обернулась ко мне.

- Понимаешь ли ты теперь, - спросила она, - почему миллион воинов денно и нощно охраняет владения святых жрецов? Сцена, которой ты теперь свидетель, повторение того, что я видела десятки раз в течение пятнадцати лет моего плена. С незапамятных времен черные пираты Барсума грабят владения святых жрецов.

- Но они никогда не уничтожают совсем расы жрецов, хотя, это было бы в их власти. Кажется, что жрецы служат им для забавы, для удовольствия их свирепой кровожадности и для добычи им оружия и пленников.

- Но почему же жрецы не набрасываются на аэропланы и не уничтожают их? - спросил я. - Это скоро положило бы конец нападениям пиратов или, во всяком случае, убавило бы их смелость. Посмотри! Аэропланы совсем не охраняются, как будто они находятся в безопасности, как у себя в ангарах.

- Жрецы не смеют их тронуть. Однажды, много веков тому назад, они попробовали уничтожить флот, но на следующую ночь, и в продолжении целого месяца тысяча огромных черных военных кораблей кружились над горой Оц и осыпали снарядами храмы , сады и дворцы, пока оставшиеся в живых жрецы не скрылись в подпочвенных галереях.

Жрецы знают, что они вообще живут только по милости чернокожих. В тот раз раса была близка к уничтожению, и они не отваживаются рисковать снова.

В это время в борьбу вмешались новые силы. Это было одинаково неожиданно как для жрецов, так и для пиратов. Огромные бенсы, которых мы выпустили в сад, напуганные, очевидно, грохотом битвы, воем воинов, громкими ружейными выстрелами и взрывами бомб, пришли в возбуждение от запаха свежей крови. Внезапно из-за низкого кустарника выпрыгнуло огромное тело и бросилось в кучку сражающихся, Бенс испустил страшный вой животной ярости, когда почувствовал под своими когтями живой трепет человеческого мяса. В ответ на этот сигнальный крик вся свора чудовищ бросилась на бойцов. Наступила паника. Жрецы и чернокожие повернулись против общего врага, так как бенсы не делали никакого различия между ними.

Страшные звери тяжестью своих огромных тел повалили около сотни людей, когда кинулись в гущу сражения. Они убивали воинов ударами своих могучих лап и раздирали их своими страшными клыками. Картина была ужасная, но именно своим ужасом она приковала мое внимание. Внезапно я сообразил, что мы напрасно теряем драгоценное время, наблюдая за боем, который сам по себе мог послужить нашему спасению.

Жрецы были так поглощены новым врагом, напавшим на них, что, если наше бегство вообще было возможно, то только теперь. Я оглянулся, ища прохода сквозь борющиеся массы. Если бы только нам удалось достичь укреплений! Может быть, стрельба

пиратов разогнала охрану, и мы как-нибудь пробьем себе дорогу во внешний мир!

Окидывая взглядом сад, я увидел сотни аэропланов, лежащих вокруг нас без всякой охраны. Это был самый простой путь к свободе! Почему эта мысль не пришла мне в голову раньше?! Я был знаком с механизмом всех летающих аппаратов Барсума. Девять лет я летал и сражался во флоте Гелиума. Мне приходилось мчаться на маленьких разведочных аппаратах, приспособленных для одного человека, и вести самый огромный корабль, который когда-либо носился в редком воздухе умирающего Марса.

Мысль и дело для меня - одно. Схватив Тувию за руку, я шепнул Тарс Таркасу следовать за мной.Быстро скользнули мы к маленькому аппарату, который находился дальше всех от сражавшихся. Через минуту мы уже вскарабкались на палубу. Моя рука была на рычаге. Я нажал кнопку, которая управляет особой отталкивающей силой аппарата. Это - замечательное открытие марсиан, позволяющее им строить такие воздушные корабли, перед которыми наши дредноуты морского флота кажутся жалкими лодочками.

Аппарат слегка качнулся, но не тронулся;за нами раздался громкий окрик. Десяток черных воинов стрелой понеслись к нам из гущи битвы. С криками ярости черные дьяволы мчались прямо на нас. Я с отчаянным упорством продолжал надавливать на кнопку, которая должна была унести нас в пространство, но аппарат все не трогался. Тогда я понял причину, почему он не мог подняться.

Мы попали на аппарат, который предназначался для двоих пассажиров! Его резервуары были заряжены отталкивающей жидкостью, достаточной для поднятия двух средних людей. Огромный вес тарка пригвоздил нас к почве.

Чернокожие были почти рядом. Нельзя было терять ни минуты. Я глубоко вдавил кнопку и закрепил ее. Затем поставил рычаг на высшую скорость, и, когда чернокожие с криком набросились на нас, я выскочил из аппарата и встретил их с обнаженным мечом.

В ту же минуту позади меня раздался пронзительный вопль девушки:

- О, мой вождь! Я бы лучше хотела остаться и умереть...

Остальные слова пропали за ревом нападающих.

Моя хитрость удалась: Тувия и Тарс Таркас были спасены, по крайней мере, временно.

Первую минуту казалось, что я не смогу устоять против многочисленных врагов. Но опять, как и в других случаях, когда мне приходилось сталкиваться на этой планете с воинами и зверями, оказалось, что моя земная сила настолько превосходила их силу, что численное неравенство было не так велико, как казалось.

Мой острый меч сеял вокруг меня смерть. На лицах моих противников ясно сквозило уважение, которым они прониклись к моему искусству.

Но я знал, что вся эта борьба - вопрос нескольких минут, пока не подойдут свежие силы и не сломят меня. Смерть сторожила меня. Я содрогнулся при мысли умереть в этом страшном месте, при мысли, что весть о моей кончине никогда не достигнет моей любимой Деи Торис. Умереть от рук безвестных чернокожих в саду жестоких жрецов!

Но затем моя обычная бодрость опять вернулась ко мне. Воинственная кровь моих предков закипела в моих жилах. Мною овладела жестокая кровожадность и радость борьбы. На губах появилась воинственная улыбка, которая всегда приводила в ужас моих врагов. Я отбросил всякую мысль о смерти и бросился на своих противников с такой яростью, о которой до конца жизни будут вспоминать те, кому удалось спастись. Я знал, что на помощь этим врагам придут другие, а потому, сражаясь, не переставал думать о способе своего спасения.

Спасение пришло неожиданно из темноты ночи позади меня. Я только что обезоружил огромного парня, который отчаянно бился со мной, и чернокожие на минуту отступили, чтобы прийти в себя. Они смотрели на меня со злобной яростью, но, несмотря на это, на их лицах было написано почтение.

- Жрец, - сказал один из них,- ты сражаешься как Датор. - Если бы не твои отвратительные желтые волосы и белая кожа, ты сделал бы честь перворожденным Барсума.

- Я не жрец, - объявил я, и уже хотел сказать им, что я обитатель другого мира. Мне пришло в голову, что, заключив перемирие с чернокожими, и, сражаясь с ними против жрецов, я смогу завоевать свободу. Но как раз в эту минуту какой-то тяжелый предмет ударил меня сзади между плеч с такой силой, что чуть не сшиб меня с ног.

Я повернулся, чтобы посмотреть на нового врага, но таинственный предмет перелетел через мое плечо и ударил одного из чернокожих в лицо так сильно, что тот без чувств упал в траву. В ту же минуту я увидел, что предмет, ударивший нас, был свисающим якорем воздушного корабля.

Судно, которое на вид казалось небольшим крейсером человек на десять, медленно плыло над нами. Передо мной была возможность спастись! Корабль медленно поднимался. Якорь висел за чернокожими, стоящими ко мне лицом, всего в нескольких футах над их головами.

Одним прыжком, заставившим их застыть от удивления, я перелетел через них. Другим прыжком я подпрыгнул вверх и ухватился за быстро поднимающийся теперь якорь.

Я повис на нем, держась одной рукой, и меня тащило вверх через ветви садовых деревьев, в то время как подо мной выли и кричали мои недавние враги.

Корабль повернул к западу, а затем плавно понесся к югу. Через минуту я уже проносился над гребнем Золотых Скал, оставляя позади себя долину Дор, где на страшной глубине блестело при лунном свете мертвое озеро Корус.

Я примостился как мог на якоре. Почему-то во мне крепла надежда, что корабль покинут экипажем. Может быть, он даже принадлежит дружественному народу и только случайно залетел так далеко, что чуть не попал в руки жрецов и пиратов? То обстоятельство, что они уходили с поля боя, делало мое предположение вероятным.

Надо было в этом удостовериться: с величайшим трудом я начал медленно карабкаться по якорной цепи к палубе. Я уже ухватился одной рукой за борт корабля, когда свирепое черное лицо перегнулось через перила и устремило на меня глаза, полные торжествующей ненависти.

VII.

ДРЕВО ЖИЗНИ

Минуту черный пират и я молча, не двигаясь, глядели друг на друга. Затем жестокая усмешка искривила его красивые губы, черная рука показалась из-за края палубы и холодное дуло револьвера коснулось моего лба. Я схватил свободной рукой чернокожего за горло и судорожно сдавил его. Пират прохрипел чуть слышно:

- Умри проклятый жрец! - и нажал курок...

Револьвер дал осечку.

Я так стремительно рванул его на борт палубы, что он выронил револьвер и ухватился обеими руками за перила. Я продолжал сжимать ему горло со всей силой. Наша борьба была жестока и молчалива. Он пытался освободиться от моей хватки, а я старался столкнуть его за борт палубы.

Его губы приняли мертвенный оттенок, глаза выскакивали из орбит. Он понимал, что умрет, если не вырвется из стальных пальцев, которые душили его. Сделав последнее усилие, он откинулся назад на палубу и, не держась за перила, принялся бешено отрывать мои пальцы от своей шеи. Я воспользовался этим и сильным движением перетянул врага через перила. Он чуть не оторвал меня своей тяжестью от якорной цепи, за которую я цеплялся одной рукой.

Однако я не выпускал его горла; я знал, что его крик навлечет на меня месть всех его товарищей. Я продолжал крепко держать его и душил его все сильнее, в то время как он тянул меня все ниже и ниже к краю якорной цепи.

Но постепенно судорожные движения становились все реже и наконец прекратились. Тогда я отпустил его, и через мгновение он полетел во мрак.

Я снова вскарабкался наверх. На этот раз мне удалось взобраться выше и заглянуть через борт. Ближайший месяц скрылся за горизонтом, но при блестящем свете дальнего месяца я увидел на палубе резкие силуэты шести или восьми спящих чернокожих. Около пушки прижалась молодая белая девушка, крепко связанная. Ее глаза устремились на меня с выражением страха и изумления, когда я показался из-за борта.

Но когда ее взгляд упал на священный камень, сверкавший в завоеванной мною диадеме, выражение ужаса сменилось несказанным облегчением. Она молча, глазами, указала мне на спящие фигуры.

- Я бесшумно пробрался на палубу. Девушка подозвала меня кивком головы. Я низко склонился над ней, и она шепотом попросила освободить ее.

- Я смогу помочь тебе, - сказала она. - Тебе пригодится всякая помощь, если они проснутся!

- Некоторые из них проснутся в Корусе, - ответил я, улыбаясь.

Она поняла значение моих слов и ответила такой злобной улыбкой, что привела меня в ужас. Жестокость не поражает на безобразном лице, но когда она появляется на лице богини, чьи черты кажутся воплощением любви и добра, то котраст получается потрясающим.

Я быстро освободил ее.

- Дай мне револьвер, - шепнула она торопливо. - Я пущу его в ход против тех, кого твой меч вовремя не успокоит.

Я исполнил ее просьбу. Теперь мне предстояла неприятная задача: напасть на спящих. Но рыцарские чувства здесь были совсем некстати, да и не были бы оценены свирепыми демонами.

Крадучись, подошел я к ближайшему спящему незнакомцу. Когда он проснулся, то был уже на пути в озеро Корус. Его пронзительный крик слабо долетел до нас из черной глубины.

Второй проснулся от прикосновения моих рук и, хотя я успел сбросить его с палубы, но его длинный тревожный крик поднял на ноги остальных пиратов. Их было пять человек.

Револьвер девушки затрещал, как только они поднялись, и один из них упал замертво на палубу. Остальные, обнажив мечи, с бешенством накинулись на меня. Девушка, боясь ранить меня, не стреляла, но я видел, как она осторожно, по-кошачьи, подбиралась к нападающим сбоку.

Наш короткий бой был страшен. На тесной палубе негде было развернуться. Приходилось стоять на месте, принимать и парировать удары почти не двигаясь. Вначале я больше отбивался, чем нападал, но вскоре мне удалось поразить одного из них, и он упал на палубу.

Осталось трое противников, но девушка почти достигла места, откуда она могла бы уменьшить их число, по крайней мере, еще на одного. Затем все произошло с такой поразительной быстротой, что я даже теперь не могу понять, как это могло случиться в такой короткий миг.

Все трое бросились на меня с явным намерением перебросить меня через перила. Вдруг девушка выстрелила: в ту же минуту я сделал два движения правой рукой, вооруженной мечом. Один из чернокожих упал, пронзенный пулей, у другого я выбил меч из руки, и он со звоном ударился о перила и упал в пропасть; третий враг свалился, пронзенный моим мечом, которым я насквозь пронзил ему грудь, но, падая, он увлек за собой и мой меч.

Я остался обезоруженным лицом к лицу с последним - тоже обезоруженным врагом, меч которого лежал где-то внизу, на дне мертвого озера.

Новые условия борьбы, казалось, были ему по вкусу. С радостной улыбкой, открывавшей его блестящие зубы, бросился он на меня. Большие мускулы, перекатывающиеся под его черной, лоснящейся кожей, давали ему уверенность в легкой победе. Он, очевидно, даже не нашел нужным прибегнуть к кинжалу.

Я подпустил его совсем близко к себе. Затем пригнулся под его вытянутой рукой и отскочил на шаг в сторону. Повернувшись на левой ноге, я правым кулаком нанес ему оглушительный удар в челюсть, и он, сраженный, как бык, рухнул на палубу.

Тихий серебристый смех раздался позади меня.

- Ты не жрец, - сказал нежный голосок моей спутницы, - несмотря на твои золотистые локоны и украшения Сатор Трога. Никогда еще не было на всем Барсуме человека, который мог бы так сражаться ! Кто ты такой?

- Я Джон Картер, - член семьи Тардос Морса, джеддака Гелиума, - ответил я. - А кому я имел честь услужить?

Она с минуту колебалась, прежде чем ответить и еще раз спросила меня:

- Ты не жрец? Ты враг жрецов?

- Я пробыл в их владениях всего полтора дня. Все это время моя жизнь подвергалась постоянной опасности. Меня преследовали и мучили. На меня выпускали диких зверей и вооруженных воинов. У меня не было никаких ссор с жрецами до этого времени, но можешь ли ты удивляться, если я не чувствую к ним теперь большой любви?

Несколько минут она пристально смотрела на меня. Казалось, она хотела проникнуть в самую глубину моей души, чтобы составить себе понятие о моем характере.

По-видимому, результат удовлетворил ее.

- Я Файдора, дочь Матаи Шанга, Отца святых жрецов, владыки над жизнью и смертью на Барсуме, брата Иссы, богини вечной жизни.

В эту минуту я вдруг заметил, что чернокожий, которого я свалил кулаком, начал проявлять некоторые признаки жизни. Я подскочил к нему, сорвал с него ремень, скрутил ему руки за спину, связал ноги и привязал к пушечному лафету.

- Почему так сложно? - спросила Файдора, удивленно подняв свои брови.

- Я не понимаю! Что кажется тебе слишком сложным? - спросил я.

Слегка пожав своими прекрасными плечами, она жестом руки указала, что пленника следовало бы выбросить за борт.

- Я не убийца, - ответил я. - Я убиваю только защищаясь.

Она удивленно посмотрела на меня и покачала головой. Она не могла понять!

Ведь даже моя любимая Дея Торис считала, что моя политика по отношению к врагам полна безрассудства. На Барсуме не

знают пощады. На этой умирающей планете каждый убитый означает известную долю экономии иссякающих жизненных средств в пользу живых.

Но все же между жестоким взглядом этой девушки на убийство врага и нежным сожалением Деи Торис о суровой необходимости этой меры была некоторая разница. Мне казалось даже, что Файдора не столько опасалась оставить врага в живых, сколько жалела о том, что не испытывает радостного возбуждения от созерцания его страданий и смерти.

Связанный чернокожий совершенно пришел в себя. Взор его пристально следил за нами. Он был хорошо сложен и прекрасен лицом. Глаза этого черного Адониса сверкали умом и отвагой.

Корабль медленно плыл над долиной; я подумал, что время взяться за руль. О расположении долины Дор я мог догадываться только приблизительно. Судя по созвездиям, она находилась далеко на юге от экватора,но я недостаточно знал марсианскую астрономию, чтобы ориентироваться точнее, не имея тех великолепных карт и инструментов, с помощью которых я управлял кораблем в бытность мою командиром гелиумского воздушного флота.

Все же курс на север быстрее всего должен был привести меня в более населенные местности Марса, и я решил держаться этого направления. Под моим управлением крейсер плавно развернулся. Нажав кнопку, регулирующую отталкивающую силу, и, поставив рычаг на самую большую скорость, мы помчались к северу, поднимаясь все выше и выше над страшной долиной смерти.

Мы проносились на головокружительной высоте над узкой полосой владения жрецов, а огненные вспышки далеко под нами свидетельствовали о жестокости битвы, все еще свирепствовавшей. Шум борьбы не долетал до нас. На этой огромной высоте, на которой мы находились, звуковые волны не могли проникнуть сквозь разжиженную атмосферу.

Становилось страшно холодно. Дышать было трудно. Глаза девушки и черного пирата были устремлены на меня. Наконец девушка заговорила:

- На такой высоте часто теряешь сознание. Если ты не хочешь смерти для всех нас, то лучше спустись.

В голосе ее не было страха. Она произнесла это также просто и спокойно, как если бы сказала: "Лучше взять зонтик, будет дождь".

Я быстро снизил корабль. Сделать это было пора: девушка уже лишилась чувств, и чернокожийтоже был без сознания; я сам держался, вероятно, только за счет силы воли. Тот, на ком лежит вся ответственность, всегда в состоянии выдержать больше.

Мы поплыли низко над холмами Оца. Тут было намного теплее - и так легко дышалось! Очень скоро и чернокожий и девушка пришли в себя.

- Мы были на волосок от гибели, - сказала она.

- Но это научило меня двум вещам, - ответил я.

- Чему?

Я ответил, улыбаясь:

- Во-первых, тому, что даже Файдора, дочь владыки жизни и смерти, такая же смертная, как и я.

- Только в храме Иссы бессмертие, - ответила она. - А храм Иссы только для расы жрецов. Я никогда не умру!

Я заметил, как при ее словах на губах чернокожего мелькнула усмешка. Я не понял тогда ее значения. Я узнал это позже, так же, как и она тоже узнала это, и самым ужасным образом!

- Если и то, другое, чему ты научился, - продолжала она насмешливо, - столь же правильно, то поумнел ты ненамного!

- Другое - это то, - ответил я, - что наш черный друг не упал с нижней луны: он чуть не умер на высоте всего нескольких тысяч футов над Барсумом. Если бы мы поднялись на те пять тысяч миль, которые лежат между Барсумом и Турией, то от него осталась бы одна ледяная сосулька.

Файдора с явным изумлением взглянула на чернокожего:

- Но если ты не с Турии, то откуда же ты? - спросила она.

Он пожал плечами, взглянул в сторону, но не ответил. Девушка гневно топнула своей маленькой ножкой.

- Дочь Матаи Шанга не привыкла, чтобы ее вопросы оставались без ответа,- сказала она. -Человек низшей породы должен почитать за честь, что член священной расы, которая наследует вечную жизнь, удостаивает его своим вниманием.

Чернокожий снова улыбнулся той же загадочной улыбкой.

- Ксодар, датор перворожденных Барсума, привык отдавать приказания, а не получать их, - произнес он наконец. А затем повернулся ко мне:

- Что ты хочешь делать со мной?

- Я хочу взять вас обоих в Гелиум, - сказал я. - Вам не сделают там никакого зла. Вы увидете, что красные люди Гелиума - великодушная раса! Надеюсь, что они послушают меня и больше не будут предпринимать добровольных паломничеств к реке Исс.

Надеюсь, что вера, которой они держались десятки веков, будет разбита.

- Ты из Гелиума? - спросила она.

- Я член семьи Тардос Морса, джеддака Гелиума, - ответил я, - но я сам не с Барсума. Я из другого мира.

Ксодар пристально смотрел на меня несколько минут.

- Верю, что ты не с Барсума, - сказал он наконец. - Ни один человек этого мира не смог бы справиться один с восемью перворожденными! Но расскажи, почему же ты носишь золотые волосы и драгоценный обруч "святого" жреца?

При слове "святой", на которое он сделал ударение, в голосе его звучала ирония.

- Я и забыл о них! - ответил я. - Это моя военная добыча. - С этими словами я снял парик.

Когда чернокожий увидел мои коротко остриженные черные волосы, то глаза его раскрылись в изумлении. Очевидно, он все-таки ожидал увидеть плешивую голову жреца.

- Ты, действительно, из другого мира, - произнес пират, - и в тоне его послышалось благоговение.- У тебя кожа жреца, черные волосы перворожденных и мускулы, как у дюжины даторов! Даже для Ксодара не позор признать твое превосходство. Он никогда не сделал бы этого, будь ты барсумец! - прибавил он.

-Теперь ты знаешь обо мне больше, чем я о тебе, - прервал я его. - Я знаю только, что твое имя Ксодар; но скажи мне, кто такие перворожденные, и что такое "датор", и почему ты бы не мог допустить, чтобы тебя победил барсумец?

-Перворожденные Барсума, - объяснил он, - это раса черных людей, а датор - это то же, что барсумцы называют джедом. Моя раса самая древняя на всей планете! Мы ведем наш род прямо от древа жизни, которое росло в середине долины Дор двадцать три миллиона лет тому назад.

В течение этого времени плод дерева подвергался постепенным изменениям. Он совершенствовался, переходя от чисто растительной жизни к жизни, в которой смешивались элементы растительного и животного. На первых ступенях развития плод обладал только силой самостоятельных мускульных движений, в то время как стебель оставался прикрепленным к дереву. Позднее в плоде развился мозг, так что он, оставаясь висеть на длинных стеблях, уже думал индивидуально. Понятия развивались: появилось сравнение и суждение. Так на Барсуме родился разум.

Проходили века. Много форм жизни появилось на дереве жизни, и все они были прикреплены к прародительскому дереву.

Наконец, из дерева вышли растительные люди - почти такие же, как мы видим теперь в долине Дор, но не такие крупные; они еще были прикреплены к ветвям дерева посредством стеблей, которые вырастали из макушек их голов. Почки растительных людей походили на большие орехи, в диаметре величиной в фут, и были разделены перегородками на четыре части. В одной части развивался растительный человек, в другой - шестнадцатиногий червь, в третьей - прародитель белой обезьяны и в четвертой - прародитель черного человека Барсума.

Когда почка раскрывалась, растительный человек оставался висеть на своем стебле, но три другие части падали на почву. Каждая часть была в своей скорлупе, и заключенные в ней существа, стараясь освободиться, прыгали и скакали во всех направлениях.

Вскоре весь Барсум покрылся этими орешками.В продолжение бесчисленных веков заключенные в них существа жили всю жизнь в твердой скорлупе, прыгая и перекатываясь по всей планете, падая в реки, озера и моря.

Бесконечные миллионы умерли раньше, чем первый человек пробил стены своей темницы и вышел на дневной свет. Побуждаемый любопытством, он раскрыл другие скорлупы, и таким образом, началось заселение Барсума.

В моей расе сохранилось незапятнанная чистая кровь этого первого черного человека. Мы никогда не смешивались ни с какими другими существами. От шестнадцатиногого червя, от белой обезьяны и от отступников чернокожих произошли на Барсуме все формы животной жизни.

- Жрецы, - и при этих словах он насмешливо улыбнулся, - представляют собой только результат вековой эволюции от чистого древнего типа белой обезьяны. И они поэтому принадлежат к низшему порядку. Существует только одна раса настоящих бессмертных людей. И это - раса черных людей!

Дерево жизни погибло, но до его смерти растительные люди сумели оторваться от него и теперь населяют Барсум вместе с другими детьми первого родителя. Они двуполы, и поэтому могут размножаться наподобие настоящих растений, но в других отношениях они почти не усовершенствовались за все века существования. Их поступки и движения управляются инстинктом, а не разумом; мозг растительного человека немногим больше кончика нашего мизинца. Они питаются растениями и кровью животных. У них совсем нет чувства самосохранения, и поэтому они не

знают чувства страха перед лицом опасности. Это делает их страшными противниками.

Меня вдруг поразило, почему чернокожий вздумал так подробно рассказывать о происхождении жизни на Барсуме. Казалось бы, что момент был самый неподходящий для гордого члена гордой расы - унижаться до разговора со своим победителем, тем более, что он продолжал лежать связанным на палубе.

Но его взгляд, случайно перехваченный мною, объяснил мне, почему он старался овладеть всем моим вниманием, рассказывая свою действительно увлекательную историю. Он лежал немного впереди от того места, где я стоял у рычагов, и лицо его было повернуто в сторону кормы. Уже в конце его рассказа о растительных людях я поймал странный взгляд его, устремленный на что-то позади меня. Я не мог также не заметить торжествующего выражения, промелькнувшего через мгновение в его черных глазах.

За несколько минут перед тем я уменьшил скорость хода, так как долина Дор осталась на много миль позади нас и чувствовал себя в сравнительной безопасности.

Недоброе предчувствие зашевелилось во мне. Я обернулся, и картина, представшая перед моими глазами, убила зародившуюся надежду на свободу. Огромный корабль без огней, бесшумно плывущий во мраке ночи, обрисовался за кормой моего судна...

VIII.

В ГЛУБИНАХ ОМИНА

Теперь я знал, почему черный дьявол так любезно занимал меня баснями! Он уже давно заметил приближение помощи и с затаенным торжеством ожидал ее. Не будь его неосторожного взгляда, возбудившего мои подозрения, я так бы и не заметил корабля, и он мог очутиться рядом с нами и взять нас на абордаж, пока я, развесив уши,наслаждался легендами Барсума.

К счастью, я был опытен в ведении воздушной войны и выбрал удачный маневр. Дав машине задний ход, я одновременно опустился сразу на целых сто футов. Военный корабль промчался над нами, и я мог заметить фигуры людей, болтающихся на веревках, которые готовились спуститься на мою палубу. Тогда я

поднялся под острым углом и повернул рычаг на максимальную скорость.

Как стрела, пущенная из лука, взвилась моя чудесная машина, целясь своим стальным носом прямо в вертящиеся пропеллеры гигантского корабля. Если мне удастся задеть их, огромное судно будет приведено в негодность на несколько часов, и спасение будет возможно!

В эту минуту солнце выплыло из-за горизонта и осветило сотню свирепых черных лиц, выглядывающих из-за форштевня корабля.

При виде нас раздались крики ярости. Послышалась команда, но было уже поздно спасти гигантские пропеллеры. Моя машина врезалась в них. Раздался треск. Я дал машине задний ход, но нос моего корабля застрял в отверстии, пробитом в корме неприятельского судна. Одной секунды было достаточно, чтобы наводнить всю палубу черными дьяволами.

Битвы не было. Да, впрочем, не было и места для битвы! Я был просто затоплен численностью! Чернокожие кинулись на меня с мечами, но слово Ксодара остановило их.

- Свяжите их, - сказал он, - но не причиняйте им вреда.

Несколько пиратов уже освободили Ксодара. Он сам обезоружил меня и наблюдал, чтоб я был крепко связан. Это было бы так, если бы я был марсианином, но мне было просто смешно при виде слабых веревок, которыми связывали мои руки. Я мог бы их разорвать без малейшего усилия.

Девушку они тоже связали и привязали нас друг к другу. Между тем наше судно было подведено к поврежденному военному кораблю, и вскоре нас перенесли на его палубу.

Экипаж огромного судна состоял из целой тысячи чернокожих. Палубы были переполнены людьми, и все они теснились, насколько им позволяла дисциплина, чтобы взглянуть на пленников.

Красота девушки вызвала грубые замечания и вульгарные шутки. Мне было ясно, что эти полубоги, каковыми они сами себя называли, были намного ниже красных людей Барсума по части благородства и утонченности.

То, что у меня были коротко остриженные черные волосы и цвет кожи, как у жрецов, страшно занимало их! Когда Ксодар рассказал своим товарищам о моей доблести в бою и о странном моем происхождении, они столпились вокруг меня и забросали вопросами.

Я носил латы и украшения убитого жреца, и это убедило их, что я был другом их прирожденных врагов и подняло меня в их глазах.

Все чернокожие, без исключения, были красивые, хорошо сложенные люди. Командный состав можно было отличить по сказочной роскоши его убранства. Многие латы были так залиты золотом, платиной и драгоценными камнями, что совершенно не было видно кожи.

Латы главного командира были усеяны крупными алмазами. Они сияли особенным блеском на фоне черной кожи. Сцена, представшая моим глазам, казалась сказачной: красивые люди, варварское великолепие их нарядов, полированное дерево палубы, обшивка кают, выложенная драгоценными металлами и камнями, полированные золотые перила, блестящий металл орудий.

Файдора и я были перенесены в трюм, все еще связанными, и нас бросили в маленькое помещение,имевшее круглое окошечко. Дверь за нами закрыли на засов.

Мы слышали, как люди работали над исправлением пропеллеров, и из окошечка видели, как корабль медленно относило по ветру к югу.

Некоторое время мы молчали. Каждый из нас был занят собственными мыслями. Я вспомнил о Тарс Таркасе и Тувии и думал, какова их судьба. Если им даже и удалось избежать преследования, они неизбежно должны были попасть в руки красных или зеленых людей, и в качестве беглецов из долины Дор их могла ожидать только быстрая и жестокая смерть.

Как я жалел, что не мог их сопровождать! Мне казалось, что непременно удалось бы разоблачить перед красными людьми обман, в который их вводило бессмысленное суеверие. Тардос Морс поверил бы мне. В этом я был убежден и, зная его характер, я уверен также, что у него хватит мужества постоять за свои убеждения. В этом я ни минуты не сомневался! Затем были тысячи моих зеленых и красных друзей, которые, я знал, были бы готовы ради меня идти на вечные муки. Подобно Тарс Таркасу, они пошли бы за мной, куда бы я их ни позвал.

Правда, если бы мне удалось бежать от черных пиратов, я мог бы попасть в руки враждебных красных или зеленых людей. Тогда конец был бы короткий!

Но об этом думать еще было рано! Сама возможность спасения от чернокожих казалась в тот момент маловероятной и малоправдоподобной.

Мы с девушкой были связаны между собой веревкой так, чтобы могли отодвинуться только на три или четыре фута друг от друга.

Войдя в помещение, мы уселись под окошечком на низкую скамейку. Эта скамейка была единственной мебелью в каюте. Пол, потолок и стены были сделаны из сплава алюминия с непроницаемым составом, который применяется при постройках марсианских воздушных кораблей.

Я сидел, размышляя о будущем, и взгляд мой был устремлен в окошечко, приходившееся на уровне моих глаз. Внезапно я взглянул на Файдору. Она смотрела на меня со странным выражением, которое я еще ни разу не видел на ее лице. Она была изумительно прекрасна!

Она сразу опустила веки, и мне показалось, что она покраснела. "Вероятно, ей неприятно, что ее поймали на внимательном рассмотрении низшего существа", - подумал я.

- Ну, как ты находишь низшую породу? - спросил я ее шутливо.

Она взглянула на меня и нервно засмеялась.

- Очень интересной, - ответила она, - в особенности, если у нее такой прекрасный профиль. Ее мужество, которое позволяло ей шутить на пороге смерти, восхитило меня. Я присоединился к ее смеху.

- Знаешь ли ты, что с нами будет? - спросила она.

- Думаю, что скоро мы разрешим тайну вечности, - ответил я.

- Меня ожидает судьба худшая, чем смерть, - молвила она и содрогнулась.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Я не знаю, все это одни догадки, - ответила она. - Ведь ни одна девушка нашей расы из тех миллионов, которые были похищены черными пиратами за все века, не вернулась, чтобы рассказать свои испытания. Они никогда не забирают в плен мужчин, и поэтому можно думать, что судьба украденных девушек хуже, чем смерть.

- Разве это не справедливое возмездие? - вырвалось у меня.

- Что это значит?

- Разве жрецы не поступают также с теми несчастными, которые предпринимают добровольное паломничество к таинственной реке Исс? Разве не была Тувия рабыней в продолжение пятнадцати лет? Вполне справедливо, что вы должны страдать также, как заставляли страдать других!

- Ты не понимаешь, - ответила она. - Мы ведь жрецы, святая раса. Для низших существ - честь быть нашими рабами. Разве мы не спасаем иногда людей низших пород, которые бессмысленно идут к неведомой реке и к неведомому концу, и которые без нас стали бы добычей растительных людей и белых обезьян?

Я задорно ответил:

- Да, но вы поддерживаете всеми средствами это суеверие среди людей внешнего мира. Это гнусно! Попробуй объяснить мне, почему вы поддерживаете этот гнусный обряд!

- Все живущее на Барсуме, - убежденно ответила она, - создано для поддержания расы жрецов. Как могли бы мы жить, если бы внешний мир не доставлял нам рабочую силу и пищу? Неужели ты думаешь, что жрец унизился бы для работы?

- Значит, верно, что вы едите человеческое мясо? - спросил я в ужасе.

Она посмотрела на меня с сожалением за мое невежество.

- Верно, что мы едим мясо низших пород. Разве вы не поступаете так же?

- Мы едим зверей, но не мясо человека!

- Если человек может есть мясо зверей, то боги могут есть мясо людей. Святые жрецы - боги Барсума.

Я почувствовал отвращение, и, думая, она это заметила.

- Ты еще неверующий, - сказала она мягко, - но если нам посчастливиться вырваться из рук черных пиратов и вернуться ко двору Матаи Шанга, я думаю, мы сумеем убедить тебя в твоем заблуждении. И, - она запнулась, - может быть, мы найдем способ удержать тебя, как... одного из наших!

Она снова опустила глаза и слегка зарумянилась. Я не понял тогда значения ее слов и понял их только много позже. Дея Торис часто говорила, что в некоторых вещах я был невозможно наивен, и, мне кажется, она была права.

- Я опасаюсь, что я плохо отплатил бы за гостеприимство твоему отцу, - ответил я ей, - потому что, будь я жрецом, я бы сразу поставил вооруженную стражу у устья реки Исс и отдал бы ей приказ отводить несчастных обманутых паломников обратно во внешний мир. Я посвятил бы всю свою жизнь истреблению омерзительных растительных людей и больших обезьян.

Она взглянула на меня с искренним ужасом.

- Нет! Нет! - вскричала она. - Ты не должен так говорить! Не должен даже осмеливаться думать так! Это ужасно кощунственно! Если бы жрецы когда-нибудь догадались, какие мысли у тебя на уме, они приговорили бы тебя к самой страшной казни. Даже

моя... моя... - она замялась и вспыхнула. - Даже я не могла бы спасти тебя!

Я ничего не ответил. Очевидно, это было бы бесполезно. Она была еще более опутана суеверными предрассудками, чем марсиане внешнего мира. Те поклонялись, по крайней мере, мечте о прекрасной грядущей жизни, полной любви, мира и счастья. Жрецы же поклонялись отвратительным растительным людям и обезьянам или, по крайней мере, почитали их, как обитателей духа их близких.

В эту минуту дверь нашей темницы открылась и вошел Ксодар.

Он ласково улыбнулся мне. Когда он улыбался, лицо его принимало добродушное выражение - вся жестокость с него исчезала.

- Так как вы не сможете бежать с корабля, - сказал он, - то я не вижу никакой необходимости держать вас в заперти. Я разрежу ваши путы, и вы сможете выйти на палубу. Вас ждет нечто очень интересное и, так как вы никогда не вернетесь во внешний мир, то не беда, если я позволю вам позабавиться этим зрелищем. Никто, кроме перворожденных и их рабов, не видел того, что вы увидите: подпочвенный вход в священную страну, в настоящий рай Барсума.

- Кстати, это будет отличный урок для дочери жрецов, - прибавил он, усмехаясь. - Она увидит храм Иссы, и Исса, быть может, обнимет ее.

Файдора гордо подняла свою головку.

- Не богохульствуй, собака! - гневно вскричала она... - Исса смяла бы всю твою породу, если бы ты осмелился подойти к ее храму!

- Тебе еще придется многому поучиться, дочь жрецов, - ответил Ксодар с неприятной улыбкой, - и я не завидую тому способу, которым тебе придется учиться.

Когда мы вышли на палубу, то я, к своему удивлению, увидел, что корабль пролетает над огромной снежной равниной. Насколько мог охватить взор, ничего другого не было видно.

Могла быть только одна разгадка этой тайны. Мы пролетали над южным полярным полюсом. только на полюсах Марса имеется снег и лед. Нигде не было никаких признаков жизни. Очевидно, мы были так далеко на юге, что здесь не водились даже огромные пушные звери, за которыми так любят охотиться марсиане.

Ксодар стоял около меня у перил корабля.

- Какой курс? - спросил я его.

- Немного к западу от юга, - ответил он. - Сейчас ты увидишь долину Оц; мы пролетим над ее краем.

- Как долина Оц?! - воскликнул я. - Но разве там не лежат владения жрецов, от которых я убежал?

- Да, - ответил Ксодар. - Ты пересек уже это ледяное поле в прошлую ночь, во время твоего бешенного полета. Долина Оц лежит в огромной котловине у южного полюса. Эта котловина находится на тысячу футов ниже окружающей местности и представляет собой как бы огромную чашу. В ста милях от ее северной границы поднимаются горы Оц, которые окружают внутреннюю долину Дор, в середине которой лежит озеро Корус. На берегу этого озера стоит золотой храм Иссы в стране перворожденных. Туда-то мы и направляемся.

Теперь я начинал понимать, почему во все века только один спасся из долины Дор. Я только изумлялся, как ему одному удалось это сделать! Пересечь замерзшую пустыню льдов и снегов, да еще пешком, было не под силу никому.

- Пересечь ледяную пустыню можно только на воздушном судне, - невольно сказал я вслух.

- Как раз так и бежал один человек от жрецов в давно прошедшие времена: но никогда еще, никто не бежал от перворожденных! - сказал Ксодар, и в голосе его прозвучала гордость.

Мы достигли южного края огромного ледяного гребня. Он заканчивался крутой обрывистой стеной вышиной в тысячу футов. За ним стелилась равнина, перерезанная низкими возвышенностями, небольшими лесами и речками, текущими со склонов ледяного гребня.

Далеко внизу я увидел голубую трещину. Она тянулась от северного края ледяной стены, пересекала долину и терялась где-то вдали.

- Это русло реки Исс, - объяснил мне Ксодар. - Она течет глубоко под ледяным полем ниже уровня долины, но здесь ее русло открыто.

Вскоре я различил какие-то строения и указал на них Ксодару.

- Это деревня погибших душ, - ответил он, смеясь. - Полоса между ледяной пустыней и горами считается нейтральной. Иногда паломники не выдерживают испытаний и, вскарабкавшись по отвесным стенам русла реки Исс, задерживаются в долине. Иногда какому-нибудь рабу удается бежать от жрецов, и он тоже здесь скрывается.

- Жрецы не стараются поймать таких беглецов: из этой долины все равно нет спасения. Кроме того, они не отваживаются выходить далеко за пределы своих владений из боязни перед нашими сторожевыми крейсерами. А мы не трогаем жалких жителей долины, потому что у них нет ничего, что нам нужно, и их слишком мало чтобы доставить нам интересный бой. Здесь несколько деревень, но они вечно воюют между собой, а потому число жителей за все эти годы мало увеличилось.

Теперь мы повернули к северо-западу, и вскоре я различил черную гору, возвышавшуюся над ледяной пустыней. Она была невысока и имела плоскую вершину.

Ксодар удалился по делам службы, и мы с Файдорой остались одни. Девушка не проронила ни одного слова с тех пор, как мы вышли на палубу.

- То, что он мне рассказал, правда? - спросил я ее.

- Отчасти да, - ответила она. - То, что он сказал о положении храма Иссы в центре его страны - наглая ложь... - она остановилась. - Если бы это оказалось правдой, то значит в продолжении бесчисленных веков мой народ шел на мучения и позорную смерть к своим злейшим врагам вместо того чтобы идти в прекрасную вечность, которую, как нам говорили, дарует Исса.

- Как барсумцы внешнего мира заманивались вами в страшную долину Дор, так, быть может, вас самих заманивали перворожденные в такое же страшное место. Это было бы суровым, ужасным, но справедливым возмездием!

- Я не могу поверить этому, - помолчав, промолвила она.

- Увидим! - ответил я.

Мы снова замолкли. Каждый из нас с тревогой смотрел на быстро вырастающую черную гору.

Корабль уменьшил ход так, что почти неподвижно стоял в воздухе. Когда мы достигли гребня горы, перед нами открылось огромное круглое отверстие, дно которого терялось в глубокой тьме.

Этот гигантский колодец имел полных тысячу футов в диаметре. Стены его казались отполированными. По-видимому, они были из черного базальта.

Минуту корабль висел неподвижно, а затем начал медленно опускаться прямо в черную бездну. Нас скоро окутала тьма. На корабле зажгли фонари, при тусклом свете которых корабль падал все ниже и ниже в недра Барсума.

Спуск продолжался около получаса, когда внезапно мы очутились в каком-то новом мире. под нами колыхались воды подземного моря.

Откуда-то лился страшный фосфорический свет, на поверхности моря плавало множество судов. Повсюду поднимались небольшие островки, покрытые бесцветной растительностью.

Медленно и величаво опускался корабль, пока не сел на воду, огромные пропеллеры были убраны во время нашего спуска, и на место их были установлены меньшие по объему, но более сильные винты. Они были пущены в ход, и корабль продолжал свое путешествие в новой стихии так же легко и уверенно, как и по воздуху.

Файдора и я онемели от удивления. Никому из нас не грезилось, что под поверхностью Барсума существовал такой мир!

Все корабли, которые нам встречались, были военные. Прошло несколько транспортных судов и барж, но не было ни одного большого торгового судна из тех, что совершают воздушные рейсы между городами внешнего мира.

- Это морская гавань перворожденных, - произнес голос за нами, и, обернувшись, мы увидели Ксодара, с улыбкой наблюдавшего за нами.

- Наше море, - продолжал он, - больше, чем озеро Корус. В него есть приток из внешнего моря. Чтобы удержать воду на известном уровне, у нас работают четыре больших станции, которые выкачивают лишнюю воду в резервуары, находящиеся далеко на севере. Из этих резервуаров красные люди проводят воду в каналы, которые орошают их фермы.

Новая догадка осенила меня при этом объяснении. Красные люди всегда считала необъяснимым чудом, что из массивных скал, окружающих их резервуары, вода набивалась такими мощными струями.

Никто никогда не проникал в тайну происхождения этого огромного количества воды. С веками это просто приняли за факт и прекратили исследования.

Мы проехали несколько островов, на которых возвышались странные круглые строения, по-видимому, без крыш, с небольшими решетчатыми окнами. Они имели вид темниц, что еще более подчеркивалось вооруженной стражей, сидевшей на низеньких скамейках около зданий или ходившей взад и вперед по берегу.

Островки, мимо которых мы проезжали, имели не более десятины земли, но вскоре мы увидели перед собой большой остров.

Он оказался целью нашего плавания, и корабль вскоре причалил к берегу.

Ксодар знаком велел нам следовать за ним. Под конвоем нескольких чернокожих мы сошли на берег и подошли к овальному большому строению, находящемуся недалеко от берега.

- Ты скоро увидишь Иссу, - сказал Ксодар Файдоре. - Пленницы, которых мы забираем, все представляются ей. Иногда она выбирает среди них девушек, чтобы пополнить ряды своих прислужниц. Впрочем, никто не служит Иссе больше года.

Жестокая улыбка, которая искривила его губы, придала этим словам зловещее значение.

Хотя Файдора и отказывалась верить, что Исса имеет отношение к этим чернокожим демонам, однако у нее возникли сомнения. Она испуганно прижалась ко мне и не казалась больше гордой дочерью владыки над жизнью и смертью Барсума, а молоденькой испуганной девушкой, находящейся во власти бесжалостных врагов.

Строение, в которое мы вошли, было без крыши.

В центре его, ниже уровня пола, находился продолговатый бассейн. У одного из краев плавал в воде какой-то странный черный предмет. Я не мог сразу разобрать, было ли это какое-то чудовище этих подпочвенных вод, или просто плот.

Однако вскоре мы это узнали. Подойдя к краю бассейна, Ксодар крикнул несколько слов на незнакомом языке. Немедленно на поверхности предмета поднялась крышка люка и из него выскочил чернокожий.

- Передай своему начальнику, - обратился к нему Ксодар, - мое приказание. Скажи ему, что датор Ксодар со своими людьми, охраняющими двух пленников, хочет ехать в сады Иссы у золотого храма.

- Будь благословенная скорлупа твоего первого предка, о благородный датор, - ответил тот. - Будет сделано, как ты приказываешь.

Он поднял над головой обе руки, ладонью к себе, в знак приветствия - обычай, - принятый среди всех рас Барсума, - и снова исчез в глубине люка. Минуту спустя на палубе появился начальник в блестящем уборе, подобающим его положению, и пригласил Ксодара на судно. Мы последовали за ним под охраной чернокожих.

Каюта, в которой мы очутились, занимала всю ширину судна и имела с каждой стороны окошечки ниже уровня воды. Как только мы все спустились, люк был задраен и судно двинулось.

- Куда же мы поплывем по такому маленькому пруду? - спросила Файдора.

- Не наверх, - ответил я.

- Тогда куда же?

- Судя по судну, я предполагаю, что мы отправимся вниз, - ответил я.

Файдора вздрогнула. Уже в продолжении многих веков воды Барсумских морей сохранились только в преданиях среди обитателей Марса. И даже дочь жрецов, которая родилась недалеко от последнего оставшегося озера, чувствовала, как и все марсиане, какой-то инстинктивный страх перед водой.

Мы скоро почувствовали, что погружаемся, и ясно слышали всплески воды. Через иллюминаторы виднелись тускло освещенные пенящиеся волны.

Файдора схватила меня за руку.

- Спаси меня! - прошептала она. - Спаси меня, и всякое твое желание исполнится. Все, что во власти святых жрецов, все будет твое. Файдора, - она запнулась и прибавила тихим, еле слышным голосом, - Файдора будет твоя.

Мне было очень жаль несчастную девушку, и я положил руку ей на плечо. Она, по-видимому, ложно истолковала мое движение, потому что, быстро оглядевшись, чтобы убедиться, что мы одни, обвила руки вокруг моей шеи и притянула к себе мое лицо.

IX.

ИССА, БОГИНЯ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Признание в любви, которое вырвалось у девушки под влиянием страха, страшно взволновало меня. Мне казалось, что я каким-нибудь необдуманным словом или действием дал ей повод думать, что я отвечаю на ее чувства.

Я никогда не был силен по части женщин. Меня больше интересовало военное дело и охота - эти занятия казались мне настоящим занятием мужчины. Я не умел вздыхать над надушенными перчатками или целовать засохший цветок. Поэтому я совсем потерялся, как поступить и что сказать. В тысячу раз легче биться лицом к лицу с дикими ордами, кочующими по высохшему морскому дну, чем, смотря в глаза прекрасной девушки, сказать ей то, что я должен был ей сказать!

Но ничего другого не оставалось. Боюсь, однако, что я сделал это очень и очень неловко.

Осторожно снял я ее ручки с моей шеи и, держа их в своих руках, рассказал ей историю своей любви к Дее Торис. Рассказал, что из всех женщин двух миров, которые я знал и которыми восхищался, я любил только ее одну за всю свою долгую жизнь. Файдора слушала меня, закусив губу. Вдруг она вскочила, как разъяренная тигрица, тяжело дыша. Ее прекрасное лицо перекосилось злобой, глаза загорелись недобрым огнем.

- Собака! -прошипела она. - Проклятый богохульник! Ты воображаешь, кажется, что Файдора, дочь отца жрецов, умоляет тебя? Она приказывает! Что ей до твоей низменной страсти к жалкой краснокожей, которую ты избрал в своей прежней жизни? Файдора подняла тебя до себя, а ты, безумный, оттолкнул ее. Десять тысяч самых ужасных смертей не смогут смыть твоего оскорбления! Существо, которое ты называешь Деей Торис, умрет лютой смертью, и ты сам подписал ей смертный приговор.

А ты - ты будешь самым жалким рабом богини, которую ты хотел унизить. Самые позорные работы будут поручаться тебе; тебя будут мучить до тех пор, пока ты не будешь ползать у моих ног и просить, как милости, смерти! Тогда, наконец, я снизойду до твоей мольбы и с высоты Золотых Скал буду любоваться на то, как белые обезьяны раздерут твое тело.

Как у нее все было предусмотрено! Меня поражало, что такая божественная красавица может быть так дьявольски злобна. Однако мне пришло в голову, что в своей программе мести она упустила одно маленькое обстоятельство. Поэтому, не для того, чтобя усилить ее гнев, а скорее для того, чтобы она могла изменить свой план применительно к настоящему положению, я молча указал ей на ближайший иллюминатор. Она очевидно, совершенно забыла об окружающей ее обстановке. При виде темной, струящейся воды, она бросилась на низенькую скамеечку, закрыла лицо руками и зарыдала, как несчастная маленькая девочка, а не гордая и всемогущая богиня.

Спуск еще продолжался. Толстое оконное стекло сделалось теплым от окружавшей нас горячей воды. Вероятно, мы были очень глубоко под поверхностью Марса. Наконец мы остановились. Раздался шум пропеллеров, и мы с огромной быстротой поплыли вперед. Вокруг нас было очень темно, но свет из наших иллюминаторов и отражение очень сильного прожектора на носу подводной лодки давали возможность видеть, что мы плывем по узкому подпочвенному каналу.

Через несколько минут шум пропеллеров стих. Мы остановились, а затем начали быстро подниматься. Снаружи сделалось светлее, и мы остановились окончательно.

Ксодар вошел в каюту со своими людьми.

- Идемте, - сказал он, и мы вышли с ними через отверстие люка, которое открыл один из матросов.

Мы очутились в небольшой подпочвенной пещере, в центре которой был бассейн, где и колыхалась наша подводная лодка.

Вокруг бассейна тянулся ровный неширокий плях, а затем перпендикулярно поднимались стены пещеры и заканчивались сводом. В стене виднелись несколько входов, за которыми тянулись тускло освещенные проходы. Ксодар повел нас по одному из этих проходов, и вскоре мы остановились перед стальной клеткой лифта. Это была подъемная машина обычного на Барсуме типа. Они приводятся в действие при помощи огромных магнитов, подвешенных в воздухе. Остроумный электрический прибор регулирует количество магнетизма и скорость машины.

Едва дверь кабины закрылась за нами, как мы уже остановились наверху: с такой быстротой совершился подъем по высокому пролету.

Когда мы вышли из маленького здания подъемной машины, мы сразу очутились в сказочной стране.

Можно говорить о ярко-красных лугах, о деревьях цвета слоновой кости, покрытых пунцовыми цветами, об извивающихся аллеях, посыпанных песком из изумрудов, бирюзы и даже алмазов, о великолепии храма из полированного золота, украшенного поразительными орнаментами; но где найдешь слова, чтобы описать очарование красок, неизвестных нашему земному глазу? Как описать сияние неизвестных лучей, переливающихся как драгоценные камни Барсума?

Даже мои глаза, которые за долгие годы привыкли к варварской роскоши дворцов джеддаков, были ослеплены блеском представившейся картины.

Глаза Файдоры в изумлении раскрылись.

Ксодар наблюдал за нами с жестокой усмешкой, забавляясь нашим удивлением.

Сады были наполнены чернокожими мужчинами и женщинами в великолепных уборах. Среди них двигались красные и белые женщины, прислуживающие им. Из дворцов внешнего мира и из храмов жрецов похищались прекраснейшие девушки, чтобы сделать из них рабынь чернокожих.

Мы шли через сады к храму. У главного входа нас остановила цепь вооруженной стражи. Ксодар сказал несколько слов на-

чальнику, который подошел к нам для опроса, и они вместе вошли в храм.

Через несколько минут они вышли и объявили, что Исса желает видеть дочь Матаи Шанга и необычное существо другого мира, которое принадлежало к семье джеддака Гелиума.

Медленно двинулись мы через великолепные помещения и блестящие залы. Наконец мы остановились среди огромной колоннады в центре храма. Один из начальников, сопровождавших нас, подошел к большой двери в глубине. Очевидно, он подал какой-то знак, потому что дверь медленно открылась, и в ней показался богато одетый мужчина.

Нас подвели к двери и приказали нам встать на четвереньки спиной к ней. Дверь широко распахнулась, и после предупреждения не поворачиваться под страхом смерти, нам велели ползти задом до священной особы Иссы.

Никогда в своей жизни я не был в таком унизительном положении, и только моя любовь к Дее Торис и надежда, что я смогу, быть может, ее еще увидеть, удержала меня от желания встать и умереть, как подобает джентльмену, лицом к лицу с врагами.

После того, как мы проползли таким образом около двух футов, мы были остановлены нашим конвоем.

- Пусть они встанут, - проговорил позади нас дрожащий слабый голос, в котором, однако, слышалась привычка к повелению.

- Встаньте, - повторили конвоиры, - но не оборачивайтесь к Иссе.

- Женщина нравится мне, - раздалось снова, после некоторого молчания. - Она будет служить мне установленное время. Мужчину можно вернуть на остров Шадор, что лежит у северного берега моря Омин. Пусть женщина обернется и взглянет на Иссу, помня, что те из низшей породы, которым дано созерцать ее лучезарный лик, переживают это ослепляющее блаженство всего один год!

Скосив глаза я украдкой следил за Файдорой. Она мертвенно побледнела. Медленно повернулась она, как бы притянутая невидимой и неодолимой силой. Она стояла совсем близко от меня, так близко, что ее обнаженная рука коснулась моей, когда она взглянула на Иссу, богиню вечной жизни. Я не мог видеть лица девушки, глаза которой в первый раз увидели высшее божество Марса, но я почуствовал, как дрожь пробежала по ее руке.

- Вероятно, это действительно ослепительная красота, - подумал я, если вызывает такое сильное волнение в такой блестящей красавице, как Файдора, дочь Матаи Шанга.

- Пусть женщина останется. Уведите мужчину. Ступайте!

Так велела Исса, и тяжелая рука начальника опустилась на мое плечо. Повинуясь его приказанию, я снова встал на четвереньки и отполз от божества. Это была моя первая аудиенция у богини, но я беру на себя смелость признаться, что она не произвела на меня большого впечатления.

Как только я выполз из помещения, дверь закрылась, и мне приказали встать. Ксодар подошел ко мне, и мы вместе с ним вышли в сад.

- Ты пощадил мою жизнь, когда легко мог отнять ее, - промолвил он после того, как мы некоторое время шли молча, - и я хотел бы помочь тебе. Я могу сделать твою жизнь сносной, но судьба твоя неизбежна. Брось надежду когда-либо вернуться во внешний мир!

- Какая судьба ожидает меня? - спросил я.

- Это будет зависеть от Иссы. Пока она не пошлет за тобой и не раскроет тебе своего лица, ты можешь жить в рабстве годами.

- Для чего бы она послала за мной?

- Она часто употребляет мужчин низшей породы для развлечений. Такой боец, как ты, например, послужил бы великолепной забавой во время ежемесячных ритуалов, когда во славу Иссы люди сражаются между собой и со зверями в храме.

- Она ест человеческое мясо? - спросил я, не выражая, однако, никакого ужаса. Со времени моего недавнего знакомства со святыми жрецами я был готов ко всему; в этом еще более закрытом раю, где все диктовалось, по-видимому, единой всемогущей волей, где века узкого фанатизма и самопоклонения искоренили все гуманные инстинкты, которыми, может быть, и обладала раса перворожденных.

Это был народ, опьяненный своим могуществом и успехом, который смотрел на других жителей Марса совершенно также, как мы смотрим на лесных и полевых зверей. Почему бы им и не есть человеческое мясо? Они не больше вникали в жизнь этих "низменных существ", чем мы сами - в мысли скота, идущего на убой!

- Она ест только мясо святых жрецов и красных барсумцев высокого происхождения. Мясо других идет к нашему столу. Впрочем, богиня ест также и другие лакомства.

Я не понял тогда, что в упоминании о других лакомствах было скрыто особое значение. Мне предстояло еще узнать, до какой жестокости может довести всемогущество.

Мы уже почти достигли выхода в сад, когда нас догнал один из начальников.

- Исса хочет взглянуть на этого человека, - сказал он. - Девушка рассказала о его изумительной красоте и необычайной ловкости, рассказала, будто он один победил семерых перворожденных, и что он голыми руками захватил в плен Ксодара, связав его собственным ремнем.

Ксодару было, по-видимому, не по себе. Ему не нравилась мысль, что Исса узнала о его бесславном поражении.

Не проронив ни слова, он повернулся, и мы снова последовали за начальником к закрытым дверям залы аудиенций, где восседала Исса, богиня вечной жизни. Здесь снова была повторена церемония приема. Снова Исса приказала мне встать. Несколько минут царило гробовое молчание. Глаза божества оценивали меня.

Наконец тонкий дрожащий голос прервал молчание, повторив нараспев слова, которые в продолжение бесчисленных веков решали судьбу бесчисленных жертв.

- Пусть мужчина обернется и взглянет на Иссу, помня, что те из низшей породы, которым дано созерцать ее лучезарный лик, переживают это ослепляющее блаженство всего один год!

Я повернулся, невольно ожидая высшего блаженства священного видения божественной красоты. Я узрел... плотную массу вооруженных людей между мной и балдахином, под которым поднимался большой резной трон из полированного дерева. На этом великолепном троне сидела, поджав ноги, черная женщина. Она, очевидно, была страшно стара. Ни одного волоса не оставалось на ее сморщенной голове. Тонкий, крючковатый нос свисал над беззубым ртом, из которого торчали два желтых клыка. Глаза ввалились, кожа была испещрена сетью глубоких морщин. Тело было такое же морщинистое и такое же отталкивающее, как и лицо.

Высохшие руки, ноги и безобразное туловище дополняли священное видение ее лучезарной красоты. Вокруг нее стояло несколько рабынь, и между ними Файдора, бледная и дрожащая.

- Это и есть тот человек, который победил семерых перворожденных и голыми руками связал датора Ксодара его собственным ремнем? - спросила Исса.

- Да, это он, лучезарное явление божественной красоты! - ответил начальник, стоявший подле меня.

- Приведите сюда датора Ксодара! - приказала она.

Из смежной комнаты привели Ксодара. Исса уставилась на него, и злобный огонек засветился в ее отвратительных глазах.

- И такой, как ты, датор перворожденных? - завизжала она. - За позор, который ты навлек на бессмертную расу, ты будешь

унижен до положения низшего из низших! Ты больше не датор! Ты будешь навсегда рабом рабов и будешь служить низшим породам, которые прислуживают в садах Иссы. Снимите его убор. Трусы и рабы лат не носят!

Ксодар стоял неподвижно. Ни один мускул не дрогнул на его лице, дрожь не пробежала по его гигантскому телу, когда солдат гвардии грубо сорвал его роскошный наряд.

- Убирайся! - вопила разъяренная старушонка.- Убирайся! Ты не ступишь более в сады Иссы! Ступай на остров Шадор на море Омин и служи рабом этого раба, который тебя победил. Уберите его с моих божественных глаз!

Медленно, с высоко поднятой головой вышел Ксодар из помещения. Исса встала и направилась к другой двери. Обернувшись, она сказала мне:

- Пока ты вернешься на остров Шадор. Позднее Исса посмотрит, как ты сражаешься. Можешь идти. Ступайте все!

Она скрылась в сопровождении своей свиты. Только Файдора замешкалась позади и, когда я собирался последовать за стражей в сады, девушка кинулась за мной.

- О, не оставляй меня в этом ужасном месте, - умоляла она. - Прости меня! Я не хотела тебя обидеть! Только возьми меня с собой. Позволь мне разделить с тобой заключение на Шадоре.

Она торопилась и говорила несвязно.

- Ты не понял чести, которую я тебе оказала. Среди жрецов нет брака, как среди низших пород внешнего мира. Мы могли бы всегда жить вместе в любви и счастии. Мы оба взглянули на Иссу и оба умрем через год. По крайней мере, проживем хоть этот год вместе, насладимся той мерой радости, которая остается для обреченных!

- Файдора, - ответил я, - постарайся понять, что тебе также трудно усвоить те побуждения, обычаи и социальные законы, которые управляют мною, как мне - понять ваши законы. Я не хочу тебя обидеть или умалить честь, которую ты мне оказала: но то, чего ты желаешь, невозможно. Несмотря на глупое поверие людей внешнего мира, святых жрецов или черных перворожденных, я не умер, а пока я жив, сердце мое бьется только для одной женщины - для несравненной Деи Торис из Гелиума. Когда смерть настигнет меня, мое сердце перестанет биться... Но что будет после того - не знаю. И в этом отношении не мудрее меня сам Матаи Шанг, владыка над жизнью и смертью на Барсуме, и сама Исса, богиня вечной жизни.

Файдора некоторое время пристально смотрела на меня. В ее глазах на этот раз не было злобы, а только трогательное выражение безнадежной печали.

- Не понимаю! - сказала она и, повернувшись, медленно пошла по направлению к двери, через которую вышла Исса в сопровождении своей свиты. Через минуту она скрылась из моих глаз.

X.

В ПЛЕНУ НА ОСТРОВЕ ШАДОР

Стража провела меня во внешние сады, где я увидел Ксодара, окруженного целой толпой чернокожих. Они осыпали его ругательствами и проклятиями. Мужчины били его по лицу. Женщины плевали на него. При моем появлении они обратили свое внимание на меня.

- А, вот он! - вскричал один. - Так вот каков тот, который голыми руками победил великого Ксодара! Посмотрим, как он это устроил!

- Пусть-ка он свяжет Турида, - предложила, смеясь, одна черная женщина. - Турид - благородный датор. Турид покажет собаке, что значит встретиться с настоящим мужчиной.

- Да, да! Турид, Турид! - закричал десяток голосов.

- Вот он! - воскликнул кто-то.

Все головы повернулись в одну сторону. Я тоже обернулся и увидел огромного чернокожего, увешанного блестящими украшениями и оружием, который приближался к нам горделивой походкой.

- Что случилось? - спросил он. - Что вам нужно от Турида?

Несколько голосов, волнуясь и перебивая друг друга, принялись объяснять ему, в чем дело. Турид повернулся к Ксодару. Его глаза сузились от презрения.

- Калот! - прошипел он. - Я всегда предполагал, что в твоей груди сердце сорака. Ты одерживал верх надо мной в тайных советах Иссы, но на поле битвы, где нужна настоящая мужская доблесть, ты показал свое жалкое трусливое сердце! Калот, которому следует давать пинки ногой! - и с этими словами он повернулся, чтобы ударить Ксодара.

Вся кровь бросилась мне в голову. Уже несколько минут я кипел от негодования при виде подлого обращения чернокожих

с их бывшим всесильным товарищем. Они презирали его только потому, что он лишился милости Иссы. Я не чувствовал никакой особой любви к Ксодару, но я вообще не выношу несправедливости и напрасных преследований. Тогда глаза мои застилаются кровавым туманом, и я, не рассуждая, действую по первому побуждению.

Я стоял около Ксодара, когда Турид поднял ногу, чтобы нанести удар. Униженный датор стоял прямо, не двигаясь, как изваяние из камня. Он приготовился к оскорблениям и насмешкам, которыми прежние товарищи осыпали его, и принимал их мужественно и стойко. Он все время молчал.

В ту минуту, когда Турид размахнулся ногой, я сделал то же самое и нанес ему болезненный удар в голень, чем спас Ксодара от незаслуженного позора. Минуту царило гробовое молчание. Затем Турид с яростным ревом набросился на меня, чтобы схватить за горло - совсем так же, как бросился на меня Ксодар на палубе крейсера. Результат был тот же: я пригнулся под его вытянутой рукой и, когда он пролетел мимо, нанес ему страшный удар кулаком в челюсть.

Огромный чернокожий повернулся, как волчок, колени его подогнулись, и он упал у моих ног. Чернокожие смотрели с изумлением то на неподвижную фигуру гордого датора, распластанного на рубиновом песке, то на меня: они не верили своим глазам.

- Вы просили меня связать Турида, - вскричал я. - Смотрите!

Нагнувшись над распростертой фигурой, я сорвал с него ремни и крепко связал руки и ноги Турида.

- Теперь поступайте с ним так, как вы поступили с Ксодаром! Понесите его к Иссе связанным его собственным ремнем, чтобы она собственными глазами увидела, что среди вас есть человек, который более велик, чем перворожденные.

- Кто ты? - прошептала испуганно та женщина, которая посоветовала, чтобы я связал Турида.

- Я гражданин двух миров - капитан Джон Картер из Виргинии, член семьи Тардос Морса, джеддака Гелиума. Отнесите этого человека вашей богине и скажите ей, что то, что я сделал с Ксодаром и Туридом, я могу сделать с самым могучим из ее даторов. Я вызываю на бой цвет ее борцов, все равно - в рукопашную, на шпагах или мечах.

Но тут выступил начальник, который должен был отвезти меня на Шадор, и сказал мне:

- Пойдем! У меня строгое приказание, нельзя медлить. Пойдем, Ксодар!

В тоне, которым он обратился ко мне и Ксодару, не было презрения. Было очевидно, что он переменил свое мнение о бывшем даторе с тех пор, как стал свидетелем того, с какой легкостью я справился с силачом Туридом.

Его почтение ко мне было тем больше, чем полагалось бы по отношению к пленнику. Это было видно из того, что во время нашего обратного путешествия он стоял или ходил с обнаженной шпагой в руке всегда позади меня.

Возвращение к морю Омин совершилось без приключений.

Мы спустились по страшному пролету в той же кабине, которая доставила нас наверх. Там мы вошли в подводную лодку, которая через длинный туннель далеко под поверхностью Барсума доставила нас в тот же бассейн, с которого мы отправились в храм Иссы.

С этого острова на небольшом крейсере нас перевезли на далекий остров Шадор. Здесь оказалась небольшая каменная тюрьма, и при ней стража из шести чернокожих. Никакой церемонии при нашей передаче не произошло. Один из чернокожих огромным ключом открыл дверь темницы, мы вошли, дверь закрылась за нами, замок щелкнул, и мною снова овладело страшное чувство безнадежности, которое я уже испытал в таинственной комнате, затерянной в толще Золотых Скал, под садами святых жрецов.

Но тогда со мной был Тарс Таркас, теперь же я был совершенно один, то есть у меня не было друга. Я снова начал раздумывать о судьбе великого тарка и его прекрасной спутнице Тувии. Если бы даже каким-то чудом они спаслись, и люди пощадили их жизнь, разве мог я надеяться на их помощь, которую, я знал, они с радостью оказали бы мне.

Как могли они догадаться о моей судьбе, догадаться о том, где я нахожусь? Никому на Барсуме и не снилось, что существует место, подобное этому. И даже если бы они знали точное местоположение моей темницы, разве это помогло бы мне? Кто мог проникнуть в это подземное море, оберегаемое могучим флотом перворожденных? Нет, мое дело было безнадежно!

- Ну, все равно нужно сделать все, что можно, - подумал я и, поборов отчаяние, решил исследовать свою темницу.

Ксодар сидел, опустив голову, на низкой каменной скамье, почти в середине комнаты. Он не проронил ни слова с того времени, как Исса разжаловала его.

Строение не имело крыши, стены были вышиной в тридцать футов. Посередине были два небольших окна с прочными решетками. Темница была разделена перегородками вышиной в двадцать футов на несколько камер. В нашем отделении никого другого не было, но две двери, которые вели в другие комнаты, были полуоткрыты. Я вошел в одну из них - она была пуста. Я прошел через другие комнаты и наконец в одной из них нашел красного марсианина и мальчика, спящего на каменной скамье.

Другой мебели, по-видимому, не полагалось.

Очевидно, мальчик был единственным пленником, кроме нас. Я нагнулся и посмотрел на него. Было что-то странно знакомое в его лице, и однако я не мог его узнать. Его черты были очень правильны и необычно красивы, но в других отношениях он казался типичным представителем этой красивой расы.

Я не будил его. Сон в темнице - бесценный дар. Мне случалось видеть мужчин, буквально зверевших, если товарищи по тюрьме будили их не вовремя.

Вернувшись в нашу камеру, я нашел Ксодара сидящим в том же положении, в каком я его оставил.

- Послушай! - вскричал я. - Нечего унывать! Это ни к чему не ведет! Никакого позора не было в том, что тебя победил Джон Картер. Ты видел сегодня, с какой легкостью я справился с Туридом, и ты помнишь, как я убил троих твоих товарищей на палубе крейсера?

- Лучше бы ты и меня убил тогда вместе с ними!

- Перестань! - воскликнул я. - У нас есть надежда! Мы оба великие бойцы. Почему бы нам не завоевать себе свободу?

Он посмотрел на меня с изумлением.

- Ты не знаешь, что ты говоришь, - ответил он. - Исса всемогуща. Исса всеведуща. Она слышит слова, которые ты говоришь. Она знает мысли, которые ты думаешь. Идти против ее приказаний - кощунство!

- Вздор, Ксодар! - воскликнул я нетерпеливо.

Он в ужасе вскочил со скамьи.

- Проклятие Иссы падет на тебя! - в ужасе прошептал он. - Через миг ты будешь повержен и умрешь в страшных мучениях!

- Неужели ты и правда веришь этому, датор? - спросил я его удивленно.

- Верю, конечно. Кто осмелился бы сомневаться?

- Я сомневаюсь, Ксодар; более того, я отрицаю, - сказал я. - Ты говоришь мне, что она знает даже мои мысли? Что ж мне до этого? Красные люди уже много веков обладают способностью

читать мысли. Они обладают еще другой удивительной силой: скрывать свои мысли так, чтобы никто не смог прочесть их. Первому секрету я научился много лет назад. Второму мне учиться не пришлось; на всем Барсуме нет человека, который сумел бы прочесть мои мысли, и ваша богиня не сможет проникнуть в тайник моего сознания также, как не сможет прочесть и твоих мыслей, если ты не у нее на глазах. Если бы она догадалась, о чем я думаю, то боюсь, что ее гордость сильно пострадала бы в эту минуту, когда я обернулся на ее приказание взглянуть на священное видение ее лучезарного лика.

- Что ты хочешь сказать? - прошептал он испуганным голосом и так тихо, что я еле услышал его слова.

- Я хочу сказать, что она показалась мне самым безобразным существом, которое я когда-либо видел.

Минуту он смотрел на меня, пораженный диким ужасом, а затем с криком "Богохульник" бросился на меня. Я не хотел больно ударить его, да в этом и не было необходимости. Он был безоружен и, следовательно, совершенно безопасен для меня. Я просто схватил его левое запястье своей левой рукой, размахнулся своей правой над его левым плечом, зацепил его своим левым локтем под подбородком и прокрутил назад. Он беспомощно повис, глядя на меня в бессильной ярости.

- Ксодар, - сказал я, - будем друзьями. Нам придется, быть может, целый год жить вместе в узких пределах этой маленькой комнаты. Мне жаль, что я оскорбил тебя, но я не мог себе представить, что тот, который так жестоко пострадал от несправедливости Иссы, все еще может верить в ее божественность и непогрешимость.

Я хотел бы сказать тебе еще несколько слов, Ксодар, и поверь, не для того, чтобы оскорбить тебя снова, а для того, чтобы ты признал тот факт, что, пока мы живы, мы сами являемся господами нашей судьбы, мы, а не какой-нибудь бог!

Вот, смотри, Исса не поразила меня и не спасла своего верного Ксодара из рук "богохульника", который поносил ее божественную красоту! Нет, Ксодар, поверь, Исса - простая смертная. Только бы выбраться из ее лап, и она не сможет причинить нам вреда.

С твоими знаниями этой необыкновенной страны и моими знаниями внешнего мира, два таких бойца, как ты и я, можем пробить себе путь к свободе! Даже если бы мы умерли при этой попытке, разве память о нас не сохранится светлее, чем если бы мы оставались здесь, ожидая бесславной смерти раба? Разве луч-

ше зависеть от жестокого, несправедливого произвола богини, как ты полагаешь, или смертной, как думаю я?

Сказав это, я поставил Ксодара на ноги и отпустил его. Он не возобновлял своего нападения и не ответил мне ни слова. Молча отошел он к скамейке и на несколько часов погрузился в раздумья.

Часы тоскливо текли. Вдруг я услышал легкий шум у дверей, ведущих в другие камеры, и, взглянув, увидел красного марсианского мальчика, пристально смотревшего на нас,

- Каор, - закричал я ему приветствие красных марсиан.

- Каор, - ответил он. - Что вы здесь делаете?

- По всей вероятности, ожидаем смерти, - ответил я, невесело улыбаясь.

Он улыбнулся бесстрашной улыбкой, полной очарования.

- Я тоже, - сказал он. - Моя смерть скоро наступит. Прошло уже около года с тех пор, как я взглянул на лучезарную красоту Иссы, и до сих пор удивляюсь, как это я не умер сразу при виде этого урода. А ее живот! Клянусь моим первым предком, во всей вселенной не было такой безобразной фигуры! Как они могут величать такое чудовище богиней вечной жизни, богиней смерти, матерью ближнего месяца и давать ей еще пятьдесят таких же невозможных титулов?

- Как ты попал сюда? - спросил я.

- Очень просто. Я залетел на одноместном разведчике далеко к югу, когда мне пришла неудачная мысль поискать мертвое озеро Корус, которое, по преданиям, лежит где-то у самого полюса. Вероятно, я унаследовал у своего отца страсть к приключениям, а также отсутствие чувства благовения. Я достиг уже полосы вечных льдов, когда пропеллер мой начал пошаливать, и я снизился, чтобы произвести починку. Не успел я оглянуться, как все небо почернело от аэропланов, и сотня этих перворожденных дьяволов спустилась и окружила меня. Они кинулись на меня с поднятыми мечами, но прежде, чем они со мной справились, они успели попробовать стали моего меча. Я так постоял за себя, что, наверное, это понравилось бы отцу, если бы он дожил до этого!

- Твой отец умер?

- Он умер раньше, чем я вылупился из яйца. Единственным горем моей жизни было то, что я не имел счастья знать его. А то моя жизнь была очень и очень счастливой. Теперь я только печалюсь о том, что моя мать будет оплакивать меня так, как она оплакивала отца в продолжении десяти лет.

- Кто был твоим отцом? - спросил я.

Он собирался ответить мне, но внешние двери нашей темницы открылись. Вошел дюжий стражник. Он приказал мальчику уйти на ночь в свою камеру и запер его.

- Исса желает, чтобы вы оба были заключены в одном отделении, - сказал стражник, вернувшись к нам в камеру, и, повернувшись ко мне, добавил:

- Этот негодный трус - твой раб. Он должен будет хорошенько служить тебе. Смотри, бей его, если он не будет подчиняться! Исса желает, чтобы ты придумывал для него самые большие унижения.

С этими словами он покинул нас.

Ксодар все еще сидел, закрыв руками лицо. Я подошел к нему и положил руку ему на плечо.

- Ксодар, - сказал я, - не бойся, я и не подумаю исполнять приказание Иссы. Ты храбрый человек, Ксодар. Конечно, если ты хочешь, чтобы тебя преследовали и унижали - дело твое. Но будь я на твоем месте, я бы защищал свое мужское достоинство и не боялся бы ничего.

- Я очень много думал, Джон Картер, - ответил он, - о том, что ты сказал мне несколько часов тому назад. Это были такие новые для меня мысли! Я сопоставил то, что ты мне сказал, и что мне тогда казалось кощунством, с тем, что я видел в своей прошлой жизни, и о чем даже не смел думать, страшась навлечь на себя гнев Иссы. Я верю теперь, что она - обманщица. Она такое же божество, как ты или я. Я готов даже признать, что перворожденные не более священны, чем святые жрецы, а святые жрецы, в свою очередь, не выше красных людей.

Вся наша религия основана на суеверии, обмане и лжи. Нас в продолжение веков держали в неведении те, которым это было выгодно. Они жили тем, что мы верили их россказням.

Я готов сбросить с себя оковы, которыми был опутан. Я готов вызвать на бой саму Иссу. Но к чему все это? Кто бы ни были перворожденные - боги ли, смертные ли, они во всяком случае сильная раса, и нам не вырваться из их рук. Нам нет спасения!

- Мой друг! Мне приходилось выходить благополучно из худших заключений в моей прошлой жизни, - ответил я. - Пока сердце бьется в груди, я не теряю надежды бежать с острова Шадор.

- Но мы не сможем даже убежать из четырех стен нашей темницы, - протестовал Ксодар. - Попробуй крепость стен - они

как камень! Посмотри на их полированную поверхность - как взобраться по ней и перелезть?

Я улыбнулся.

- Это - совсем пустяки, Ксодар, - ответил я. - Я ручаюсь тебе, что вскарабкаюсь по стене и возьму тебя с собой, если ты поможешь мне своим знанием ваших обычаев и скажешь, когда лучше всего пытаться бежать. Ты сможешь провести меня до выхода из подземного царства на свежий воздух внешнего мира.

- Самое лучшее время для бегства - ночь. Ночью есть некоторый шанс на спасение: ночью военные корабли, крейсера и аэропланы охраняются небольшим числом часовых. Теперь ночь.

- Какая же ночь? - воскликнул я. - Ведь совсем не темно!

Он улыбнулся.

- Ты забываешь, одно, - сказал он, - мы находимся глубоко под поверхностью Марса. Солнечный свет не проникает сюда. Луна и звезды никогда не отражаются в водах Омина. Фосфорический свет, которым освещается эта огромная подземная пещера, излучается из скал, образующих ее свод. На Омине всегда одинаково светло, точно так же, как всегда одинакова сила волн, которые ты видишь: несмотря на безветрие, они вечно перекатываются. Но когда наверху наступает ночь - люди ложатся спать и здесь, несмотря на то, что свет остается тот же.

- Это затрудняет наше бегство, - сказал я и прибавил, пожав плечами. - Впрочем, какое удовольствие, скажи мне, сделать что-то легкое?

- Ляжем сегодня спать, - сказал Ксодар. - Утром, быть может, мы что-нибудь и придумаем.

Мы улеглись на твердый каменный пол и крепко заснули.

XI.

КОГДА РАЗВЕРЗАЕТСЯ АД

На следующий день рано утром мы с Ксодаром начали разрабатывать план бегства. Я начертил на каменном полу нашей камеры по возможности точную карту южнополярных областей при помощи пряжки от моих доспехов и острия чудесного алмаза Сантор Трога. На основании этой карты я определил общее направление на Гелиум, а также расстояние от Гелиума до расселины, ведущей в Омин.

Затем я начертил карту Омина с ясным обозначением положения Шадора и отверстия в куполе, которое вело во внешний мир.

Все это я заучил так, что эта карта неизгладимо запечатлелась в моей памяти.

Я старался разузнать у Ксодара привычки стражи, несшей караул у нашей тюрьмы. По-видимому, ночью стоял только один часовой. Он ходил вокруг тюрьмы, футах в ста от здания. По словам Ксодара, он шел так медленно, что ему требовалось двадцать минут, чтобы сделать полный круг. Практически это означало для нас, что в продолжение пяти минут то та, то другая сторона тюрьмы оставалась без надзора, пока часовой проходил черепашьим шагом по противоположной стороне.

- Все эти сведения, - прибавил Ксодар, - будут очень полезны после того, как мы выберемся, но ни одно из них не поможет нам решить самый важный вопрос: как выбраться?

- Прекрасно выберемся, - возразил я со смехом. - Предоставь это мне!

- Когда ты думаешь бежать? - спросил Ксодар.

- В первую же ночь, как к берегу Шодара причалит маленький челн, - ответил я.

- Но, как мы узнаем, что у Шадора причалил челн? Ведь до окон нам добраться невозможно.

- Ну, не так уж невозможно, - возразил я. - Посмотри! - одним прыжком подскочил я к решетке окна, находившегося напротив нас, и быстрым взором окинул открывающийся из него вид. Несколько небольших барок и два крупных военных судна стояли на расстоянии ста ярдов от Шадора.

"Сегодня вечером", - подумал я, и был готов сообщить о моем решении Ксодару, когда внезапно открылась дверь нашей тюрьмы и вошел страж.

Если бы этот человек увидел меня у окна, наши шансы на бегство сильно бы ухудшились. Наши тюремщики немедленно заковали бы нас в кандалы, если бы они имели малейшее представление о том удивительном проворстве, которое давали мне на Марсе земные мускулы.

К счастью, страж стоял спиной ко мне и смотрел в другую сторону. Надо мной, на высоте пяти футов находился верх перегородки, отделявшей нашу камеру от соседней. Мой единственный шанс не быть застигнутым был соскочить туда. Если бы только сторож обернулся, я был бы погибшим человеком; неза-

метно соскочить назад в камеру было немыслимым: страж стоял внизу так близко ко мне, что, спрыгивая, я задел бы его.

- Где же белый человек? Исса велела привести его к себе! - страж обернулся, чтобы посмотреть, нет ли меня в другой части камеры.

Я быстро лез по железной решетке, пока не встал твердо ногой на выступе окна; затем, выпустив решетку из рук, я перескочил на верх перегородки.

- Что это такое? - спросил страж, когда решетка смаху ударилась о каменную стену при моем скачке. Я успел спрыгнуть на пол соседней камеры.

- Где же белый раб? - опять раздался голос стража.

- Не знаю, - ответил Ксодар. - Он был здесь еще в тот момент, когда ты вошел. Я не сторож ему: иди, ищи его.

Черный проворчал что-то, чего я не мог понять, а затем я услышал, как он отпер дверь одной из камер, расположенных дальше. Тогда я снова забрался наверх перегородки и спрыгнул в нашу камеру около удивленного Ксодара.

- Теперь ты видишь, каким образом мы убежим? - спросил я его шепотом.

- Я вижу, каким образом ты можешь это сделать, - отвечал он мне, - но не вижу по-прежнему,как я переберусь через эти стены. Ведь я не могу перескочить через них, как ты!

Сторож суетливо обходил одну камеру за другой, пока в конце концов не вошел вновь в нашу. Когда его взор упал на меня, то глаза его чуть не выскочили из орбит.

- Клянусь скорлупой моего первого предка! - прорычал он. - Где ты был?

- Я был все время в тюрьме с той минуты, как ты вчера меня сюда посадил, - отвечал я наивно. - Когда ты заходил в эту комнату, я был здесь же. Тебе следовало бы обратить внимание на зрение.

Он сверкнул на меня глазами, испытывая смешанное чувство гнева и облегчения.

- Иди за мной! Исса велела привести тебя к ней!

Он вывел меня из тюрьмы, оставив в ней Ксодара. У ворот стояло несколько других сторожей и тот краснокожий марсианский юноша, с которым я разговаривал накануне.

Мы вновь проделали путешествие, которое я совершил накануне к храму Иссы. Сторожа все время отделяли меня от краснокожего юноши, так что мы не имели возможности продолжать наш разговор, прерванный прошлым вечером.

Его лицо не выходило у меня из памяти. Где я мог видеть его раньше? В каждой черте его, в его походке, в его манере говорить, в его движениях сквозило что-то удивительно знакомое. Я мог бы поклясться, что знал его прежде, а вместе с тем был уверен, что никогда не видел его до сих пор.

Когда мы дошли до садов, нас повели в сторону от храма, вместо того, чтобы вести к нему. Дорога вилась по обворожительному парку. Его замыкала стена, окаймленная таким же пышным лесом, какой я видел у подножия гор в долине Дор.

Толпы черных людей тянулись в том же направлении, что и мы. Когда они загораживали путь, то стража грубо отталкивала их и освобождала путь. Наконец, мы пришли к месту нашего назначения. Это был большой амфитеатр, возвышавшийся на дальнем конце долины на расстоянии мили от садовых стен.

Черные люди бросились в амфитеатр через массивные сводчатые ворота и поспешили занять свои места, между тем как нас повели к меньшему входу у одного из конца здания.

Через этот вход нас ввели в помещение под местами зрителей, обнесенное крепкой решеткой. Здесь находилось уже некоторое количество других пленников, согнанных вместе под присмотром воинов. Иные из них были в кандалах, но большинство казалось такими запуганными присутствием стражи и всей окружающей обстановкой, что всякая возможность бегства для них была исключением.

Пока мы вместе шли из Шадора, мне не пришлось поговорить с моим товарищем по заключению; однако, теперь, когда мы были благополучно доставлены и заперты в надежном загоне, наши стражи ослабили бдительность. Я смог, наконец, подойти к красному марсианину, к которому чувствовал такое странное влечение.

- Что это за сборище? - спросил я его, - и чего они хотят от нас? Должны ли мы сражаться напотеху перворожденным, или нам предстоит испытать что-нибудь еще худшее?

- Это один из ежемесячных обрядов Иссы, - ответил мне мальчик. - Время, когда черные люди смывают грехи со своих душ в крови людей, пришедших из внешнего мира. Если случайно во время этих сражений оказывается убитым черный человек - это является уликой его неверности Иссе и считается смертным грехом, если же черный человек выживает в борьбе, то он освобождается от обвинения, которое он навлек на себя.

Формы борьбы бывают разные. Иногда против нас ставят, для участия в очистительном обряде, такое же количество черных

людей, иногда число вдвое больше. Нас могут также заставить вступить в единоборство с диким зверем или каким-нибудь знаменитым черным воином.

- Ну, а если мы выходим из борьбы победителями, - спросил я, - тогда что - свобода?

Юноша рассмеялся. - Ждите! Единственная свобода для нас - смерть. Никто из вступивших в царство перворожденных никогда не покидает его. Если мы окажемся искусными бойцами, то получим позволение сражаться часто. Если же мы слабые бойцы, то... - рассказчик только пожал плечами. - Впрочем, рано или поздно мы умрем на арене, - прибавил он.

- А ты часто сражался? - спросил я его.

- Очень часто, - вспыхнув от удовольствия, ответил он. - Это моя единственная радость. Меньше чем за год я отправил на тот свет несколько сотен черных дьяволов на этих обрядах Иссы. Моя мать очень гордилась бы мною, если бы только она знала, с какой честью я поддерживаю славу отца.

- Твой отец, наверно, был могучим воином, - сказал я. - В свое время я был знаком с большинством воинов Барсума; вероятно, я знал и его. Кто был твой отец?

- Мой отец..

- Идите же, идите! - раздался грубый голос стражника. - Марш на бойню!

Вслед за этими словами мы были грубо вытолкнуты на крутой спуск, ведший в расположенные далеко внизу клетки, из которых был выход прямо на арену. Амфитеатр, как и везде на Барсуме, был построен в обширной котловине. Только самые верхние места, образовавшие низкую стену вокруг воронки, возвышались над уровнем почвы. Сама же арена находилась значительно ниже поверхности. Под нижним ярусом мест для зрителей имелся ряд загороженных клеток, выходивших прямо на арену. В них то нас и загнали. К несчастью мой юный друг не оказался в одной клетке со мной.

Как раз против моей клетки возвышался трон Иссы. На нем на корточках, сгорбившись, сидела ужасная старушонка, окруженная сотней красавиц-рабынь, облаченных в роскошные уборы. Блестящие переливчатые ткани странного покроя образовывали как бы балдахин трона.

По четырем сторонам трона, в нескольких футах ниже его, выстроилась локоть в локоть стража из тяжело вооруженных солдат. Напротив этой группы находились высшие сановники этих мнимых небес - ярко-черные люди, усыпанные драгоценны-

ми камнями; лбы их были украшены золотыми обручами, знаками их достоинства.

По обеим сторонам трона расположились густые массы народа, заполнявшие снизу доверху весь амфитеатр. Женщин было столько же, сколько и мужчин. Все были одеты в доспехи удивительно художественной работы, с обозначением общественного положения и рода. При каждом черном было от одного до трех рабов - людей внешнего мира. Черные все "благородны", среди перворожденных простонародья нет. Самый последний солдат является богом и имеет прислуживающих ему рабов.

Перворожденные не несут никакой работы. Мужчины, правда, сражаются - это их священная привилегия и долг - сражаться и умереть за Иссу. Зато женщины ничего не делают - ровно ничего. Рабыни их моют, одевают и кормят. Есть даже такие, за которых рабыни говорят. Во время обряда я видел одну женщину, которая сидела с закрытыми глазами, а рабыня рассказывала ей о событиях, происходивших на арене.

Первой частью церемонии нынешнего дня было принесение жертвы Иссе. Эта жертва знаменовала собой кончину несчастных, которые за год до этого лицезрели божественную славу богини. Их было десять - блистательные красавицы из гордых дворов могущественных джеддаков и из храма святых жрецов. В течение года они служили в свите Иссы; сегодня они платили жизнью за эту божественную привилегию. Завтра они украсят собой столы придворных чиновников.

Девушек вывели на арену. На ними вышел громадный черный человек. Он тщательно их осмотрел, пощупал члены их тела и потыкал между ребрами. Затем, выбрав одну, он повел ее к трону Иссы и обратился к богине с несколькими словами, которых я не мог расслышать. Исса кивнула. Черный поднял руки над головой в знак приветствия, схватил девушку и потащил ее с арены через небольшую дверь, находившуюся под троном.

- Исса вкусно пообедает сегодня, - промолвил находившийся возле меня пленник.

- Что ты хочешь сказать? - спросил я.

- Это ее обед; старый Тэбис потащил ее на кухню. Разве ты не заметил, как он выбирал самый жирный и нежный кусок?

Я пробормотал проклятия по адресу чудовища, сидевшего напротив нас на пышном троне.

- Не кипятись, - увещевал меня мой сотоварищ. - Ты увидишь кое-что похуже этого, если проживешь хотя бы месяц среди перворожденных.

Я обернулся как раз в тот момент, когда решетка соседней клетки открылась и выпустила трех чудовищных белых обезьян, одним прыжком очутившихся на арене. Девушки в испуге сбились в кучу и замерли. Одна из них на коленях с мольбой простирала руки к Иссе, но чудовищное божество только слегка подалось вперед, предвкушая потешное зрелище, которое сейчас состоится. Обезьяны скоро высмотрели сбившихся в ужасе кучку девушек и бросились на них, испуская крики животного бешенства.

Мною овладел припадок дикой ярости. Жестокая подлость твари, злобный ум которой придумывал такие ужасные формы пыток, глубоко взволновали меня. Кровавый туман застлал мое зрение - тот туман, который всегда предвещал гибель моих врагов.

Сторож стоял, небрежно облокотившись у открытой двери клетки, в которую я был заключен. В самом деле, к чему решетка, только мешающая бедным жертвам броситься на арену, которая велением богов предназначалась быть их лобным местом!

Одним ударом черный страж был опрокинут на землю. Схватив его меч, я выпрыгнул на арену. Обезьяны уже почти подмяли под себя девушек, но для моих земных мускулов понадобилось всего несколько могучих прыжков, чтобы очутиться около них.

На миг в огромном амфитеатре воцарилось молчание, а затем раздался дикий вопль из клеток осужденных. Мой длинный меч с шумом описал в воздухе круг, и одна из больших белых обезьян, обезглавленная, растянулась у ног впавших в беспамятство девушек.

Две оставшиеся обезьяны кинулись на меня. На арене творилось нечто неописуемое: мрачный ропот зрителей отвечал диким крикам радости, несшимся из клеток. Углом глаза я заметил, как десятка два стражей спешно двинулись ко мне по блестящему песку. Тогда вслед за ними из одной из клеток выскочила стройная фигура. Это был тот юноша, личность которого так очаровала меня.

Он на миг остановился перед клетками с поднятым мечом.

- Идите, люди внешнего мира! - воскликнул он. - Продадим дорого нашу жизнь! Идем за неизвестным воином, превратим нынешний день жертв Иссе в оргию мщения, весть о которой прокатилась бы сквозь века и заставила бы всякий раз бледнеть чернокожих, если бы они вздумали повторить обряд Иссы! Выходите! Перед вашими клетками есть стойки, полные мечей!

Не ожидая результата своего зова он повернулся и прыжками направился ко мне. Громовой клич ответил на его призыв из каждой клетки, заключавшей краснокожих. Стража была смята ревущей толпой, и из разверзшихся клеток выскочили заключенные, горя радостной жаждой убийств.

Стойки с мечами были немедленно опустошены пленниками, которые, вооружившись, были готовы принять участие в завязавшейся борьбе.

Большие обезьяны, вытянувшись во весь свой пятнадцатифутовый рост, уже лежали поверженные моим мечом, между тем, как шедшие в атаку воины еще находились от меня на некотором расстоянии. За ними бежал преследовавший их юноша. Сзади меня толпились девушки, и так как я сражался за них, то я не двигался с места, готовясь встретить неизбежную смерть. Однако я был проникнут решимостью так дорого продать свою жизнь, чтобы об этом долго помнили в стране перворожденных. Помню, что я тогда же заметил удивительную быстроту, с какой молодой краснокожий гнался за стражами. Никогда я не видел такой быстроты движений среди марсиан. Прыжки этого юноши мало уступали моим.

Стражи еще не достигли меня, как он напал на них с тыла, и когда они обернулись, полагая по стремительному натиску, что они подверглись нападению целой дюжины врагов, я со своей стороны набросился на них. В последовавшей за этим быстрой схватке мне было трудно заметить что-нибудь, кроме движений моих непосредственных противников; однако время от времени передо мной мелькали светящий меч и легкая фигура юноши со стальными мускулами, и каждый раз сердце мое замирало от странного томления и могучей, хоть и безотчетной радости.

На прекрасном лице юноши играла жестокая улыбка, и он то и дело бросал насмешливый вызов стоящим перед ним врагам. В этом и других отношениях его манера сражаться походила на мою собственную.

Возможно, что именно это неопределенное сходство и заставило меня любить юношу, между тем, как ужасное опустошение, которое его меч вносил в ряды стражей, внушало мне трепетное к нему уважение.

Что касается меня, то я сражался так, как делал это тысячи раз ранее: то уклонялся от опасного удара, то быстро выдвигался вперед, чтобы погрузить острие своего меча глубоко в сердце или горло врага. Мы оба потешались таким образом, пока боль-

шой отряд лейбгвардии Иссы не получил приказания двинуться на арену. Они выступили с дикими криками, а в это время на них бросились со всех сторон вооруженные пленники.

В течение получаса казалось будто разверзается ад. На обнесенной стенами арене мы сражались как какие-то воющие, изрыгающие проклятия, окровавленные демоны. Меч молодого краснокожего все время сверкал возле меня.

Постепенно, путем повторных приказов, я стянул пленников вокруг себя в грубую боевую единицу, так что под конец мы сражались, образуя приблизительно круг, в центре которого находились девушки. Много народу пало с обеих сторон; однако гораздо большие потери от резни понесли ряды гвардии богини. Я видел, как вестовые быстро пробегали по рядам зрителей, и по их зову воины обнажали мечи и прыгали на арену. Они спешили подавить нас количеством.

Я уловил взгляд Иссы, наклонившейся вперед над троном. Ее отвратительное лицо было искажено гримасой, в которой ненависть смешивалась с яростью. Мне показалось даже, что я уловил в нем выражение испуга. Вид Иссы изменил мой план действий.

Я немедленно приказал пятидесяти пленным окружить девушек.

- Стойте на месте и защищайте их, пока я не вернусь, - скомандовал я.

Затем, обернувшись к бойцам, занимавшим внешнюю линию фронта, я крикнул:

- Долой Иссу! Идемте к трону! Мы утолим чувство мести там, где месть заслужена!

Юноша, стоящий подле меня, первым подхватил клич: "Долой Иссу!" Тогда за моей спиной и со всех сторон поднялся неистовый рев: "Долой Иссу!" Как один человек двинулись мы безудержной лавиной, катясь по телам убитых и умирающих к пышному трону марсианского божества.

Толпы храбрейших воинов среди перворожденных кинулись из рядов зрителей, чтобы нас задержать. Мы косили их так, как если бы это были бумажные люди.

- Вскакивайте на скамьи! - вскричал я, когда мы подошли к барьеру арены. - Десяток из нас могут взять трои!

В самом деле я заметил, что большая часть гвардии Иссы вступила в схватку, завязавшуюся на арене. Пленники устреми-

лись к скамьям, прыгая через барьер с окровавленными мечами, алчно ожидающими новых жертв.

Весь амфитеатр наполнился стонами умирающих и раненых, звоном оружия и торжествующими криками победителей. Бок о бок я и молодой краснокожий с дюжиной других бойцов пробили себе путь к трону. Там перед нами сомкнулись ряды уцелевшей еще гвардии и высших сановников перворожденных.Исса, наклонившись вперед, сидела на своем резном троне, то отдавая писклявым голосом приказания своей свите, то насылая проклятия на тех, кто стремился развенчать ее.

Окружившие ее перепуганные рабыни, дрожа, ожидали исхода, не зная, молиться ли им за нашу победу или за наше поражение. Некоторые из них, вероятно, гордые дочери благороднейших воинов Барсума, выхватили мечи из рук павших и бросились на стражей Иссы. Но они скоро были перерезаны, славные мученицы за безнадежное дело!

Гвардия оказала нам бешеное сопротивление, но никогда с тех пор, как Тарс Таркас и я сражались бок о бок против орд Бархуна на пересохшем морском дне, никогда с той поры не видел я, чтобы два человека бились с такой безумной жестокостью, как молодой краснокожий и я бились в тот день перед троном Иссы, богини смерти и вечной жизни.

Стражи, отделявшие нас от резного трона, валились один за другим под ударами наших мечей. Их место занимали другие; однако, дюйм за дюймом, фут за футом мы приближались к нашей цели.

Теперь с части скамей раздался крик: "Поднимайтесь, рабы!" Он раздавался то громче, то слабее, пока не превратился в мощный звук, который огромными волнами перекатывался по всему амфитеатру. В один миг, как бы по общему соглашению, мы перестали драться. Во всех частях здания рабыни, вооруженные чем попало, напали на своих господ. В одном месте я заметил прекрасную рабыню, которая стояла с высоко поднятым кинжалом, выхваченным из доспехов своей госпожи и обагренным уже ее кровью. Другие вытаскивали мечи из тел убитых; тяжелые украшения превращались в оружие. Женщины были пьяны от крови и близости мести. Пробил час, когда они могли хоть отчасти вознаградить себя за унижения и жестокости, которым их подвергли черные господа. Те, кто не мог найти другого оружия, пускали в ход крепкие пальцы и блестящие зубы.

Как кстати пришла подмога! Как яростно бились рабыни! Зрелище это на минуту остановило нас, но скоро мы уже вновь занялись нашей битвой, и лишь непрекращающийся боевой клич женщин "Вставайте, рабы!" напоминал нам, что они все еще сражаются.

От Иссы нас отделял один ряд передевших воинов. Ее лицо покрывалось синевою и перекосилось от страха. На губах показалась пена. Казалось, она была парализована от ужаса. Теперь дрались только юноша и я. Все остальные пали в бою, и я сам едва не погиб от грозного удара, если бы какая-то рука не схватила сзади моего противника и не сдавила бы его локти с такой силой, что меч упал возле меня. Краснокожий юноша подскочил и проткнул моего противника, прежде чем тот успел прийти в себя. В тот момент, когда этот человек свалился, я обернулся и взглянул в глаза той, чья быстрая рука спасла меня от удара: это была Файдора, дочь Матаи Шанга.

- Беги, мой принц! - вскрикнула она, - дальше биться с ними бесполезно. Все уже убиты на арене, все, кто вел наступление на трон, убиты, кроме тебя и этого юноши. Лишь среди скамей осталось несколько ваших бойцов, да и те вместе с рабынями скоро будут перерезаны. Прислушайся - почти не слышно боевого клича женщин: все перебиты! На каждого из вас приходится десять тысяч черных в стране перворожденных. Постарайся пробиться в открытое поле к озеру Корус. Твоя могучая рука бойца может еще проложить себе путь к Золотым Скалам, и садам храма святых жрецов. Там расскажи о своих приключениях и, может быть, вы найдете способ вместе освободить меня. Беги, пока остается хоть какой-то шанс на спасение бегством!

Это, однако, не входило в мою задачу; к тому же я не усматривал существенной разницы между святыми жрецами и перворожденными.

- Долой Иссу! - воскликнул я и снова кинулся в бой вместе с юношей. Два черных пали под нашими ударами, и мы очутились лицом к лицу с богиней. Когда мой меч поднялся, чтобы пронзить ее, ее оцепенение вдруг прошло и она пустилась в бегство, пронзительно воя. Прямо за ней в подмостках трона внезапно разверзлась черная пропасть. Она бросилась в это отверстие вместе с юношей, я последовал за ними. На ее крик сбежались рассеянная гвардия и кинулась на нас. Я получил удар в голову. Я пошатнулся и упал бы, если бы юноша не подхватил меня. Затем он повернулся, чтобы дать отпор разъяренной толпе, обе-

зумевшей от оскорбления, нанесенного их богине, и как раз в этот момент Исса скрылась в черной глубине, разверзшейся передо мной.

XII.

ПРИГОВОРЕННЫЕ К СМЕРТИ

Я на миг задержался здесь, но первый же натиск стражников заставил меня попятиться на шаг или два. Моя нога искала твердой опоры, но встретила лишь пустое пространство. Я попал в яму, поглотившую Иссу. На один момент я зацепился за ее край, а затем вместе с юношей покатился навзничь в черную пропасть.

Мы попали на гладкий скат; отверстие над нами захлопнулось столь же чудесно, как оно открылось, и мы благополучно скатились в скудно освещенное помещение, расположенное значительно ниже арены.

Первое, что я увидел, как только поднялся на ноги, было злобное лицо Иссы, глядевшей на меня сквозь тяжелую решетчатую дверь в конце комнаты.

- Безумные смертные! - вскричала она пронзительным голосом. - Вы дорого поплатитесь за ваше святотатство! Вы останетесь здесь в темноте и смраде среди трупов ваших же соучастников до тех пор,пока, обезумев от одиночества и голода, не станете пожирать кишащие червями останки человека!

Голос Иссы смолк. В следующий момент она исчезла, а тусклый свет, озарявший камеру, превратился в кромешную тьму!

- Миленькая старушонка! - раздался возле меня насмешливый голос.

- Кто это говорит? - спросил я.

- Это я, твой товарищ, который имел сегодня честь сражаться бок о бок с величайшим из воинов, когда-либо носивших оружие на Барсуме!

- Слава богу, что ты жив! - воскликнул я. - Я так боялся за последствия после скверного удара, который был нанесен тебе в голову!

- Он только оглушил меня, - ответил юноша. - Простая царапина!

- Возможно, что было бы лучше, если бы он оказался решающим, - сказал я. - По-видимому, мы очутились здесь в завидном

положении с блестящей перспективой умереть от голода и жажды.

- Где мы находимся?

- Под ареной, - ответил я. - Мы свалились кувырком в яму, поглотившую Иссу в тот момент, когда она была почти в наших руках.

Мой товарищ тихо засмеялся, затем ощупью сквозь черный, как чернила, мрак он отыскал мое плечо и, притянув мое ухо к губам, прошептал:

- Это страшно удачно, лучше и не надо! Видишь ли, в тайниках Иссы существуют такие тайны, о которых она и сама не подозревает!

- Что ты хочешь этим сказать?

- Год тому назад мне пришлось с другими рабами работать над восстановлением этих подземных галерей; тогда мы открыли целую систему древних коридоров и камер, стоявшую запечатанной бог знает сколько веков. Черные, руководившие ходом работ, обследовали эти коридоры, взяв нескольких из нас с собой для выполнения работ. Я был среди них и прекрасно знаком со всей системой.

- Эти коридоры тянутся на многие мили; над ними раскинуты сады и возвышается храм. Тут совсем близко есть один проход, ведущий вниз. Он соединяется с участками, расположенными еще ниже, и выходит к каналу, по которому можно выйти к Омину.

- Если нам удастся незаметно пробраться к подводной лодке, то мы можем выйти в море, на котором много островов, совершенно не посещаемых черными. Мы проживем там в течение некоторого времени, и кто знает, может быть, откуда-то явится возможность для бегства?

Он произнес это тихим шепотом. очевидно, из опасения, чтобы его не подслушали уши шпионов; я отвечал ему точно так же.

- Друг мой, нужно вернуться на Шадор, - сказал я шепотом. Там черный Ксодар. Мы должны попытаться бежать вместе. Я не покину его.

- Да! - сказал мальчик. - Друга покинуть нельзя. Лучше снова попасть в плен, чем решиться на такое дело!

Сказав это, он взял меня за руку и быстро повел вперед, ощупывая путь кругом себя и часто останавливаясь, чтобы убе-

диться, что он не заблудился в боковых проходах. Теперь мы стали спускаться по очень крутой наклонной плоскости.

- Скоро, сказал мой спутник, - будет светло. На нижних уровнях мы встретимся с пластами той же фосфоресцирующей породы, которая освещает Омин.

Никогда не забыть мне этой прогулки по подземным галереям Иссы; она была полна для меня своеобразной прелести, возбуждения и риска. Трудно передать таинственное очарование этих древних, темных, давно заброшенных коридоров! Предметы, которые тьма скрывала от моего взора, не могли наполовину таить в себе столько чудес, как те картины, которые рисовало мое воображение. Перед моими очами проходили древние народы этого умершего мира. Они оживали, предавались труду, играм, интригам, таинствам, жестокостям, исступленно боролись против неудержимого натиска бесчисленных орд, пришедших с высохшего морского дна и шаг за шагом теснивших первых властелинов планеты в эти таинственные последние убежища, где им удалось укрыться за непроницаемой стеной суеверия.

Кроме зеленых людей на Барсуме имелись три главные человеческие расы: черная, белая и желтая. Когда воды на Барсуме высохли, и обнажилось бесплотное дно моря, жизнь на планете превратилась в сплошную борьбу за существование. Орды дикарей, когда-то вытесненные в пустынные солончаковые степи, теперь, в свою очередь, стали нападать на черных, белых и желтых людей. Усыхающие моря заставляли их постоянно покидать укрепленные города и вынуждали к более или менее кочевому образу жизни, при котором они разделились на менее крупные общественные единицы. Былые победители вскоре стали жертвами жестоких племен зеленых людей. Результатом этого явилось частичное смешение черных, белых и желтых людей, а это, в свою очередь, дало нынешний прекрасный тип красного человека.

Я всегда предполагал, что все следы первоначальных рас исчезли с поверхности Марса; однако за последние четыре дня я убедился в существовании белых и черных. Может быть, в каком-нибудь удаленном уголке планеты еще существовали остатки древней расы желтых людей?

Мои размышления были прерваны тихим восклицанием юноши.

- Наконец-то светлая дорога, - воскликнул он.

Подняв взор, я заметил на далеком расстоянии впереди нас тусклое мерцание. Свет все усиливался, пока мы не вышли на хорошо освещенный путь. Мы пошли быстрыми шагами и скоро пришли к концу коридора, выходящего прямо к утесам, окружавшим бассейн, в котором стояла подлодка.

Судно стояло на якорях с поднятым люком. Приложив палец к губам и многозначительно ударив по рукоятке меча, юноша бесшумно пополз к судну. Я следовал за ним по пятам.

Мы молча спустились на покинутую людьми палубу и на четвереньках поползли к решетчатому люку. Брошенный вниз взгляд не обнаружил присутствия стражи. Тогда с быстротой и беззвучностью кошек мы спустились в главную каюту подводной лодки. Она была пуста! Мы быстро прикрыли и заперли люк.

Затем юноша стал на место рулевого, надавив на кнопку, и лодка опустилась в волны на дно водоема.

Даже и теперь ниоткуда не раздалось спешащих нам навстречу шагов, как мы того ожидали, и пока юноша правил лодкой, я быстро походил по каютам в поиске кого-нибудь из экипажа. Судно было совершенно покинуто. Такое счастье казалось мне почти невероятным.

Когда я вернулся к своему товарищу, чтобы сообщить ему добрые вести, он протянул мне бумагу.

- Вот что может объяснить нам отсутствие экипажа, - сказал он.

Это была радиограмма командиру подводной лодки, гласившая следующее:

" Рабы восстали. Спешите со всеми вашими людьми. Забирайте всех, кого встретите по пути.

Слишком поздно, чтобы ожидать помощи с Омина. Рабы избивают всех в амфитеатре.

Жизнь Иссы в опасности. Спешите!

ЗИТХАД"

- Зитхад - начальник стражи Иссы, - объяснил мне юноша, - нагнали мы, видно, страха, долго они будут помнить нас!

- Будем надеяться, что это лишь начало конца Иссы, - сказал я.

- Об этом известно только нашему предку, - ответил он мне барсумской пословицей.

Мы прибыли в бассейн подводных лодок в Омине без приключений. Здесь мы долго обсуждали вопрос, целесообразно ли

затопить судно, прежде чем с ним расстаться, но в конце концов решили, что это нисколько не увеличит наших шансов на бегство. На Омине жило вполне достаточное количество черных людей, чтобы задержать нас в случае, если бы мы были замечены, и сколько бы их ни прибавилось из храмов и садов Иссы, это ничего не меняло в опасности нашего положения.

Теперь мы находились в недоумении, каким образом миновать цепь стражей, карауливших воды, омывающие остров. Наконец я нашел средство.

- Как зовут офицера, командующего этой лодкой? - спросил я юношу.

- Когда мы вошли сегодня утром, то дежурным был Торит.

- Прекрасно, а как зовут командира подводной лодки?

- Эрстед.

Я нашел в каюте телеграфный бланк и написал нижеследующий приказ:

"Начальнику Торите.

Немедленно вернуть в Шадор препровождаемых при сем двух рабов.

ЭРСТЕД"

- Это самый простой способ вернуться в Шадор, - сказал я, улыбаясь, и вручая юноше вымышленный приказ. - Посмотри, каково будет его действие.

- Но как же наши мечи? - воскликнул юноша. - Каким образом объяснить их присутствие при нас?

- Нам придется их бросить, - ответил я.

- Не будет ли с нашей стороны крайне опрометчивым снова отдаться безоружными во власть перворожденных? - возразил юноша.

- Сейчас это единственно возможный для нас образ действий, - отвечал я. - Ты можешь положиться на меня в том, что из Шадорской тюрьмы я дорогу найду, и я полагаю, что раз выбравшись оттуда, мы без особого труда вооружимся снова. Это легко в стране, где так много вооруженных людей.

Юноша пожал плечами, улыбнулся и сказал:

- Пусть будет по-твоему! Невозможно найти вождя, который внушал бы мне больше доверия, чем ты. Испробуем придуманную тобой хитрость.

Мы отважно вынырнули из люка подводной лодки и направились безоружные к главным воротам, где помещались караульный пост и комната начальника стражи.

При виде нас стражники с удивлением выбежали и взяли ружья наперевес. Я протянул одному из них написанное мною послание. Страж взял его и вручил егоТориту, который как раз вышел из своего помещения, чтобы узнать о причине переполоха.

Черный начальник, прочитав приказ, некоторое время с подозрением нас оглядывал.

- Где же сам начальник Эрстед? - спросил он меня.

Мое сердце екнуло, и я внутренне обозвал себя дураком, что не потопил подводной лодки.

- Эрстед получил приказ немедленно вернуться к пристани храма, - отвечал я.

Торит сделал уже шаг по направлению к входу в бассейн, как бы для того , чтобы проверить мои слова. В течение одного мгновения все висело на волоске: если только он заметит, что лодка пуста, то вся моя выдумка обрушится нам на голову, но, очевидно, он решил, что послание подлинное. Да и на самом деле, какое было основание сомневаться в том, что два раба добровольно отдались под стражу? Мой план имел успех именно благодаря своей смелости.

- Не находились ли вы в числе восставших рабов? - спросил Торит. - Мы ничего толком не знаем об этом событии.

- Мы все в нем участвовали, - ответил я, - но оно ни к чему не привело. Стража быстро справилась с нами и перебила почти всех.

По-видимому, Торит был удовлетворен ответом.

- Отвези их в Шадор, - приказал он, обращаясь к одному из своих подчиненных.

Мы вошли в небольшую лодку, стоявшую возле острова, и через несколько минут вышли на Шадоре. Здесь нас водворили в камеры; я очутился с Ксодаром, в юношу заперли отдельно. Мы снова стали пленниками перворожденных!

XIII.

ПУТЬ К СВОБОДЕ

Ксодар с недоверчивым изумлением слушал мой рассказ о событиях, разыгравшихся на арене во время ритуала. Хотя его

вера в божественность Иссы была уже сильно поколеблена, он все же никак не мог понять, как можно было осмелиться угрожать богине мечом и не рассыпаться на тысячи кусков от ее гневного взгляда.

- Это - последняя капля, - сказал он наконец. - Моя вера окончательно подточена. Исса просто злобная старуха, облеченная огромной властью, которую она употребляет исключительно на злые дела. Разными хитростями ей удавалось держать мой народ и весь Барсум в полном невежестве под гнетом суеверий и ритуальных тайн.

- Однако здесь она все еще всемогуща, - ответил я. - Нам обязательно нужно будет удалиться из этих прекрасных мест при первом благоприятном случае!

- Будем надеяться, что ты найдешь этот благоприятный случай! - молвил он со смехом. - Я могу только заверить тебя, что за всю мою жизнь я ни разу не видел ни одного благоприятного случая, при котором пленник перворожденных смог бы бежать!

- Можно попробовать сегодня ночью, - ответил я.

- Ночь скоро наступит. Каким образом я могу помочь тебе, Джон Картер?

- Умеешь ли ты плавать?

- Ни один силиан в глубинах Коруса не чувствует себя в воде лучше, чем Ксодар, - гордо ответил чернокожий.

- Хорошо! Юноша вряд ли умеет, - сказал я. - Если собрать всю воду в их владениях, то по ней нельзя было бы пустить даже челнока. Поэтому одному из нас придется его поддерживать, пока мы доплывем до судна. Я надеялся, что мы сможем проплыть все расстояние под водой, но вряд ли красный юноша это выдержит!

- Красный юноша будет нас сопровождать? - спросил Ксодар.

- Да.

- Это хорошо. Три меча лучше двух, в особенности, если третий такой сильный, как меч юноши. Я много раз видел, как он сражался на арене во время ритуала Иссы. Кроме того, я не встречал никого, кто лучше владел бы оружием. Про вас двоих можно сказать, что вы будто учитель и ученик, или отец и сын. Даже если припомнить его лицо, то между вами есть сходство. Это особенно заметно, когда вы сражаетесь - та же жестокая улыбка, то же безумное презрение к своему противнику, которое выражается в каждом движении вашего тела, в каждом выражении вашего лица.

- Как бы то ни было, Ксодар, но он великий боец. Я думаю, нас троих нелегко будет сразить, а если бы среди нас был мой друг Тарс Таркас, джеддак тарков, то мы могли бы пробить себе путь с одного края Барсума на другой, даже если бы весь свет восстал против нас!

- Так оно и будет, - сказал Ксодар, - если они узнают, откуда вы явились. Этим суеверием легкомысленные люди обязаны Иссе и ее священникам. Она делает свое дело через черных жрецов, которые, однако, так же мало знают о ней, как барсумцы внешнего мира. Жрецы получают ее указы, написанные кровью на особом пергаменте, и воображают, несчастные глупцы, что откровения богини доходят до них каким-то сверхъестественным образом. Они находят ее указы на своих алтарях, к которым нет доступа, и трясутся от суеверного страха. Я сам в продолжении многих лет носил им эти указы Иссы к главному храму Матаи Шанга и знаю все. Существует длинный туннель, который ведет от храма Иссы к главному храму Матаи Шанга. Он был прорыт много веков тому назад рабами перворожденных. Эти работы держались в такой тайне, что ни один жрец и не догадывается о его существовании.

- С другой стороны, тайные храмы жрецов рассеяны по всему культурному миру. В них священослужители, которых народ никогда не видит, распространяют учения о таинственной реке Исс, о долине Дор и мертвом озере Корус. Они убеждают обманутых людей совершить добровольное паломничество, которое увеличивает богатство святых жрецов и число их рабов.

- Жрецы, таким образом, являются главным орудием для собирания богатств, которые перворожденные вырывают у них, когда им это нужно. Иногда перворожденные сами делают набеги на внешний мир. Тогда они забирают в плен женщин из дворцов красных людей, забирают новейшие корабли и берут в плен мастеров, которые их строят.

- Мы - непроизводящая раса и гордимся этим. Перворожденные считают позором трудиться или изобретать. Это дело низших пород, которые существуют только для того, чтобы перворожденные могли наслаждаться роскошью и ничегонеделаньем. Единственное наше дело - сражение и борьба. Если бы не это, то перворожденных было бы столько, что все люди Барсума не смогли бы их пропитать. Насколько я знаю, никто из нас не умирает естественной смертью. Наши женщины жили бы вечно, но они нам надоедают и мы избавляемся от них, чтобы заме-

нить их другими. Только одна Исса защищена от смерти. Она живет уже бесчисленные века.

- Может быть, и другие барсумцы жили бы вечно, если бы не было учения о добровольном паломничестве, в которое они отправляются, когда им исполняется тысяча лет? - спросил я его.

- Я начинаю думать, - ответил Ксодар, - что они той же породы, что и перворожденные. Надеюсь, что мне придется сражаться за них, чтобы искупить грехи, которые я совершил по неведению!

Дальнейший наш разговор был прерван зловещим криком, прокатившимся над Омином. Накануне я слышал его в то же время и знал, что он обозначает конец дня. После ночного сигнала люди на Омине раскладывали свои шелковые одеяла на палубах кораблей и погружались в глубокий сон.

Стражник вошел, чтобы произвести последний обход. Он быстро выполнил свою обязанность, и тяжелая дверь темницы закрылась за ним. Мы остались одни на всю ночь.

Я дал сторожу время дойти до своего помещения и вскочил на решетчатое окно, чтобы произвести наблюдения. На небольшом расстоянии от острова, приблизительно в четверти мили, лежал на воде чудовищный военный корабль, а между ним и берегом находилось несколько небольших крейсеров и одноместных гидропланов. Только на военном корабле стоял часовой. В то время, как я наблюдал за ним, я увидел, что он разостлал одеяло на своей маленькой платформе и вскоре растянулся во всю длину. Как видно, дисциплина на Омине здорово хромала. Оно и неудивительно, если принять во внимание, что ни один враг не только не знал о существовании такого флота, но даже не догадывался о существовании моря Омин и самих перворожденных. Для чего же им было держать часовых?

Я спрыгнул на пол и принялся описывать Ксодару различные суда, которые я видел.

- Одно из этих судов, - сказал он, - моя личная собственность. оно может поднять пятерых и самое быстроходное из всех. Если бы нам удалось сесть на него, то, пожалуй, удалось бы и удрать.

Он начал объяснять мне снаряжение судна и устройство машины. Из его объяснений мне стало ясно, что перворожденные украли его из флота Гелиума, потому что только у гелиумцев употреблялись системы зубчатых колес, приводящих машину в движение. Если это было так, то Ксодар не напрасно превозносил быстроту своего аппарата. Никакие другие суда не могут сравняться со скоростью судов Гелиума.

Мы решили обождать час, чтобы тем временем успели улечься все праздношатающиеся. Я хотел тем временем пойти за красным юношей и привести его в нашу камеру, чтобы быть всем троим наготове.

Я прыгнул на верхний край нашей перегородки, которая оказалась шириной в целый фут, и пошел по ней, пока не добрался до камеры мальчика. Он сидел на скамейке, прислонившись к стене, и смотрел вверх на светящийся свод над Омином. Увидя меня над собой на перегородке, он раскрыл глаза в изумлении... Затем улыбка разлилась по его лицу. Я остановился, собираясь спрыгнуть вниз, но он жестом остановил меня и, подойдя близко ко мне, умоляюще прошептал:

- Поймай меня за руку! Я почти могу сам допрыгнуть до верхушки стены. Я много раз пробовал и каждый день прыгаю немного выше. Я уверен, что в конце концов смог бы допрыгнуть!

Я лег на живот поперек стены и протянул к нему вниз руки. Он взял небольшой разбег с середины комнаты и подпрыгнул вверх, а я схватил его за руку и втащил на перегородку.

- Никогда я еще не видел на Барсуме такого прыгуна, как ты, - сказал я ему.

Он улыбнулся.

- Это не удивительно. Я тебе расскажу причину, когда у нас будет больше времени.

Мы вместе вернулись в камеру, где ждал нас Ксодар, спустились на пол и провели остаток часа за разговором. Мы составили план на ближайшее будущее и связали себя торжественной клятвой биться за другого до смерти, какие бы враги нам не угрожали. Ведь, если бы нам даже и удалось бежать от перворожденных, против нас должен был подняться целый мир - так велика сила фанатизма и религиозных предрассудков.

Было решено, что если нам удастся достигнуть судна, управлять им буду я, и что мы прямым путем полетим в Гелиум.

- В Гелиум? Почему? - спросил юноша.

- Я принц Гелиума, - ответил я ему.

Он бросил на меня странный взгляд, но ничего не сказал. Меня удивило тогда выражение его лица, но спешные приготовления к побегу отвлекли меня, и только много позже вспомнил я об этом инциденте.

Было время идти. Через минуту мы с юношей очутились на верхушке перегородки. Расстегнув свои ремни, я связал их длинной полосой и спустил ожидавшему внизу Ксодару. Он схватился за конец и вскоре сидел рядом с нами.

- Как просто, - засмеялся он.

- Остальное будет еще проще! - успокоил я его.

Затем я поднялся к верхушке внешней стены темницы, чтобы заглянуть через нее и наблюдать за проходящим часовым. Я прождал около пяти минут, а затем он показался из-за угла своей медленной развалистой походкой.

Как только он обогнул сторону темницы, откуда мы должны были бежать, я схватил Ксодара за руку и втащил его на стену. Сунув ему в руку конец ремня, я быстро спустил его вниз. Затем ремень схватил юноша и тоже соскользнул вниз.

Как мы и уговорились, они не дожидались меня, а медленно направились к берегу. Расстояние до воды было около двухсот футов, и нужно было пройти как раз мимо сторожки, переполненной спящими солдатами.

Едва они сделали десять шагов, как я тоже соскочил вниз и, не торопясь, последовал за ними.

Проходя мимо сторожки, я подумал о тех мечах, которые там лежат. Я остановился. Если кому-нибудь и нужны были эти мечи, то, конечно, больше всего нам, собиравшимся в такое опасное путешествие!

Я взглянул в сторону Ксодара и юноши и увидел, что они соскользнули через борт дока в воду. По уговору, они должны были зацепиться за металлические кольца, вделанные в каменные глыбы дока на уровне воды, и ждать, пока я не присоединюсь к ним.

Мечи в сторожке неотразимо притягивали меня, и я мучительно колебался, не зная, на что решиться. Каждая минута промедления грозила нам гибелью. Я взял себя в руки и в следующую минуту уже неслышно крался по направлению к двери сторожки. Приоткрыв дверь лишь настолько, чтобы заглянуть внутрь комнаты, я увидел дюжину чернокожих, растянувшихся на одеялах и погруженных в глубокий сон. В дальнем конце комнаты стояли оружейные козлы и в них были ружья и мечи. Больше ничего не было видно; осторожно толкнул я дверь еще раз. Дверная петля протяжно скрипнула. Сердце мое упало. Один из людей зашевелился. Я проклинал себя, что своим рискованным шагом, может быть, помешал всему плану нашего бегства. Но отступать было поздно.

Как тигр, прыгнул я быстро и бесшумно к тому воину, который пошевелился. Мои руки протянулись над его горлом, ожидая момента, когда он раскроет глаза. Моим напряженным нервам показалось, что я застыл в этом положении на целую вечность.

Солдат что-то промычал, повернулся на бок и снова послышалось мерное дыхание спящего.

Тогда, осторожно пробираясь между солдатами и через них, я подошел к козлам. Здесь я обернулся, чтобы оглядеть спящих. Все было тихо. Их спокойный храп казался мне очаровательной музыкой.

Тихонько вытащил я меч из козел. Шорох ножен о козлы раздался в моих ушах как оглушительный шум, и я ожидал, что в комнате поднимется тревога. Но никто не пошевельнулся.

Второй меч мне удалось вытащить бесшумно, но третий громко зазвенел в ножнах. Теперь, несомненно, должен был проснуться, по крайней мере, один из стражников... Я готов был уже броситься к дверям, чтобы предупредить их нападение, но к моему изумлению никто не тронулся. Или они крепко спали, или производимый мною шум на самом деле был менее сильным, чем мне казалось.

Я уже собирался уйти, когда заметил на козлах револьверы. К сожалению, более одного унести я не мог: я так был перегружен мечами, и не мог двигаться быстро. В то время, как я вынимал револьвер, взгляд мой упал на окно, находившееся около самых козел. Это был великолепный путь к бегству. Оно выходило прямо на док и было менее чем в двадцати футах от воды.

Я уже поздравлял себя с успехом, когда внезапно раздался шум раскрывающейся двери и на пороге выросла фигура начальника стражи! Одного его взгляда, очевидно, достаточно, чтобы оценить всю остроту положения и, надо отдать ему должное, он сделал это я такой же быстротой, как я. Одновременно подняли мы наши револьверы, и звуки выстрелов слились в один.

Пуля просвистела у моего уха, и я успел заметить, что он зашатался. Не знаю, ранил я его или убил, потому что в то же мгновение я бросился в окно. Через секунду воды Омина сомкнулись над моей головой, и мы все трое лихорадочно плыли к небольшому аппарату, который был футах в двадцати от нас.

Ксодар плыл с мальчиком, а я держал мечи: револьвер я выронил. Несмотря на то, что мы были сильными пловцами, мне казалось, что мы ползем, как улитки. Я плыл все время под водой, но Ксодар был вынужден часто подниматься, чтобы дать юноше возможность дышать. Поэтому приходилось удивляться, что они не сразу обнаружили нас.

Мы уже достигли борта лодки и уселись в нее, когда часовой военного корабля, разбуженный выстрелами, заметил нас. Громкий пушечный залп прокатился глухими раскатами под скали-

стым сводом Омина. Немедленно проснулись тысячи спящих солдат. Тревога в Омине была таким редким случаем!

Я успел пустить в ход машину раньше, чем замер звук первого пушечного выстрела, и через секунду мы быстро поднялись с поверхности воды. Я растянулся во всю длину на палубе, имея перед собой рычаги и кнопки управления. За мной лицом вниз лежал Ксодар и юноша.

- Подымайся выше, - прошептал Ксодар. - Они не посмеют стрелять из тяжелых орудий по направлению к своду, осколки снарядов упадут обратно на их суда. Если мы заберемся достаточно высоко, то килевая обшивка защитит нас от ружейного огня.

Я сделал, как он говорил. Мы видели, как под нами люди сотнями прыгали в воду, направляясь к небольшим крейсерам и одноместным аэропланам, привязанным к большим кораблям, как шлюпки. Несколько крупных судов быстро следовали за нами, но не поднимались с поверхности воды.

- Держи правей! - вскричал вдруг Ксодар.

Адский шум внизу все усиливался. Ружья трещали, начальники отдавали приказание, солдаты перекликались с палуб судов, и все звуки покрывались шипением и треском пропеллеров, прорезавших воду и воздух.

Я не решался развить максимальную скорость, боясь залететь за отверстие, ведущее из подземного царства во внешний мир, но все же мы мчались очень быстро. Маленькие аэропланы уже поднимались с воды, когда Ксодар закричал:"Отверстие, отверстие!" и я увидел прямо впереди темную зияющую дыру.

Десятиместный крейсер поднимался прямо впереди нас, чтобы отрезать нам путь к спасению. Это было единственное судно на нашем пути, но, судя по скорости, с которой оно летело, оно могло успеть встать между нами и выходом и разбить все наши планы.

Крейсер поднимался по углом в сорок пять градусов, явно намереваясь пролететь над нашей палубой и зацепить нас большими крюками. Оставалась слабая надежда на один маневр, и я решил применить его. Стараться пролететь над крейсером было бесполезно, он загнал бы нас под самый свод. Опуститься - означало отдаться целиком в его власть, то есть поступить как раз так, как он хотел. Со всех сторон сотни судов спешили к нам. Мое решение казалось полным риска, но ведь весь наш план бегства был безумной игрой с судьбой, и надежды на успех было немного.

Когда мы приблизились к крейсеру, я сделал такое движение, что он решил , что я намерен подняться над ним. Тотчас же, как я и рассчитывал, он поднялся под еще более крутым углом, чтобы принудить меня забраться еще выше. Когда мы оказались почти над ним, я крикнул моим спутникам как можно крепче держаться, и, развив максимальную скорость, накренил нос и со страшной силой пустил машину на врага.

Командир понял мои намерения, но ничего не мог уже сделать. Почти в самую минуту столкновения я выровнял аппарат, произошел сильный толчок. То, на что я надеялся, случилось: крейсер уже сильно накрененный, перевернулся совершенно. Экипаж с криками и воплями упал в воду, в то время, как крейсер с все еще вращающимися пропеллерами глубоко нырнул на дно Омина.

От столкновения расплющило нос нашего судна и чуть не сбросило всех нас с палубы. Ксодару и мне удалось ухватиться за перила; но юноша упал бы за борт, если бы мне.не удалось схватить его за ногу.

Аэроплан, неуправляемый никем, продолжал с бешеной скоростью подниматься все выше и выше к скалистому своду. Однако через секунду я уже снова был у руля. До верхних скал оставалось не более пятидесяти футов, когда мне удалось повернуть аппарат и снова направить его к отверстию.

Столкновение задержало нас, и сотни кораблей гнались за нашим судном. Ксодар крикнул мне, что если мы будем подниматься только при помощи подъемной силы отталкивающих лучей, мы ни за что не сможем спастись от преследующих нас аэропланов.

Быстроходные аппараты редко снабжались большими резервуарами подъемной силы, и все преимущество должно было оказаться на стороне более крупных судов. Казалось неизбежным, что нас настигнут в проходе, и мы будем или убиты или захвачены в плен.

Но я всегда верил, что как ни бывает трудно, всегда можно найти способ одолеть препятствие. Если нельзя его обойти, то нужно пройти прямо через него. Я знал теперь, что многие суда поднимаются быстрее нашего в силу их большей подъемной силы, но, тем не менее, я твердо решил достигнуть внешнего мира скорее их, или, в случае неудачи, умереть.

- Обратный ход! - завопил сзади меня Ксодар. - Из любви к твоему первому предку, дай обратный ход! Мы уже у прохода!

- Держись! - закричал я в ответ. - Захвати юношу и держись! Мы летим в проход!

Едва я успел проговорить эти слова, как мы очутились у черной дыры. Я повернул аппарат носом кверху, сдвинул рычаг скорости на последнюю зарубку и судорожно ухватился руками за штурвал. У Ксодора вырвалось восклицание изумления. Юноша засмеялся и проговорил что-то, но ветер с такой силой свистел вокруг меня, что я не мог разобрать его слова. Я взглянул наверх, надеясь уловить слабый блеск звезд, чтобы руководствоваться ими и удерживать аппарат в самой середине прохода. Если бы мы, при нашей скорости, ударились о боковые стены, то, без сомнения, последовала бы немедленная смерть для всех нас.

Но наверху не было видно не единой звезды. Всюду царил полнейший непроницаемый мрак.

Тогда я посмотрел вниз и увидел быстро уменьшающийся световой круг - отверстие прохода, освещенное фосфорическим светом Омина. Руководствуясь им, я держал путь дальше, стараясь оставаться в середине фосфорического круга. Но я должен признаться, что в эту ночь мной больше правили инстинкт и слепая судьба, чем умение и разум.

Мы стрелою пролетели сквозь проход; это-то и спасло нас. Вероятно, нам сразу посчастливилось взять верное направление, и мы не успели даже изменить курс. Омин лежал в двух милях под поверхностью Марса, а мы мчались со скоростью двухсот миль в час - значит оставались в проходе не более сорока секунд.

Мы уже вылетели из горы и пролетели еще некоторое время, пока я не понял, что мы совершили невозможное. Нас окружала глубокая тьма. Не было видно ни звезд, ни лун. Первый раз приходилось мне наблюдать подобное явление на Марсе, и в первую минуту это поставило меня в тупик. Затем я понял, в чем дело. Мы находились на южном полюсе, и было летнее время. Льды и снега таяли, и облака, на большей части Барсума, заволокли небо.

Это было для нас счастьем, и я сразу воспользовался эти обстоятельством. Все еще держа аппарат под углом, я прорезал непроницаемую завесу облаков и скрылся за ними от преследования.

Мы пробились сквозь холодный сырой туман не уменьшая скорость, и через минуту очутились уже за облаками, в ярком свете обеих лун и миллионов звезд. Я дал кораблю горизонтальное положение и взял курс на север. Наши враги остались далеко позади и не имели ни малейшего представления о взятом нами

направлении. Мы совершили чудо: спаслись из страны перворожденных и прошли невредимыми через тысячи опасностей. За все века существования Барсума ни одному пленнику не удавалось сделать это, а теперь, когда все это позади, мне казалось, что, не так уж это и трудно.

Я высказал Ксодару эту мысль.

- Тем не менее это поразительно, - ответил он. - И никто другой не смог бы сделать это, кроме Джона Картера!

При звуке этого имени юноша вскочил.

- Джон Картер! - воскликнул он. - Джон Картер! Но слушай, Джон Картер ведь умер много лет тому назад. Я его сын!

XIV.

ГЛАЗА В ТЕМНОТЕ

Мой сын! Я не верил своим ушам. Я медленно встал и посмотрел на красивое лицо юноши. Теперь, всмотревшись в него ближе, я начал понимать, почему он сразу произвел на меня такое сильное впечатление. Благородные черты мальчика напоминали несравненную красоту его матери: но это была вполне мужественная красота, и его серые глаза были такие же, как мои.

Юноша стоял, глядя на меня с видом, полным надежды и сомнения.

- Расскажи мне о своей матери, - сказал я ему. - Расскажи все, что сможешь, о тем годах, в течение которых я был оторван от нее безжалостной судьбой.

С криком радости бросился он ко мне и обнял руками мою шею. Я прижал к себе моего мальчика, слезы подступили к моему горлу, и я чуть не разрыдался. Но я не жалею об этом и не стыжусь. Долгая жизнь научила меня, что мужчина, достаточно сильный в серьезных жизненных случаях, может показаться слабым, когда дело идет о женщине и детях.

- Твоя фигура, твои манеры, твое удивительное искусство фехтования, - сказал мальчик, - как раз такие, как мне описала их мать, и все же, несмотря на всю очевидность, я не смел поверить правде, хотя жаждал поверить ей всей душой. Как думаешь ты, что убедило меня больше всего?

- Что, мой мальчик? - спросил я.

- Твои первые слова ко мне были о моей матери. Никто другой, кроме отца, который, по ее словам, так глубоко любил ее, не подумал бы прежде всего о ней.

- За долгие годы, сын мой, я не помню момента, когда дивный образ твоей матери не стоял бы передо мной, как живой. Расскажи мне о ней.

- Те, кто давно ее знают, находят, что она не изменилась и даже стала еще более красивой - если только это возможно. Но когда она думает, что я не вижу ее, лицо ее делается таким грустным, таким печальным! Она постоянно думает о тебе,мой отец, и весь народ Гелиума плачет с нею и жалеет ее. Народ деда так любит ее! Они и тебя любят и боготворят твою память: ведь ты - спаситель Барсума! Каждую годовщину того дня, когда ты летел через мир умирающих, чтобы открыть тайну ужасного портала, за которым лежала жизнь бесчисленных миллионов, в твою честь устраивается грандиозный праздник. Но к слезам благодарности примешиваются слезы печали - печали о том, что творец их счастья не с ними и что он умер, подарив нам радость бытия. На всем Барсуме нет имени более великого, чем Джон Картер!

- Каким же именем твоя мать назвала тебя, мой сын, мой мальчик? - спросил я.

- Народ Гелиума хотел, чтобы мне было дано имя отца, но мать сказала, что ты с ней уже выбрал для меня имя, и чтобы исполнить твое желание, назвала меня Картерисом, именем, в котором соединены имена вас обоих.

Ксодар, бывший у колеса в то время, как я разговаривал с сыном, подозвал меня.

- Плохо, что машина все время опускается носом, Джон Картер! - сказал он. - Покамест мы шли под углом, это было мало заметно, но теперь, когда я стараюсь держать горизонтальный курс, видно, что что-то испорчено. Вероятно, повреждение на носу повлекло за собой течь в одном из передних резервуаров лучей.

Это была правда, и после того, как я исследовал повреждение, оказалось, что дело обстоит много хуже, чем я ожидал. Прежде всего, тот угол, под которым мы были вынуждены поддерживать нос, чтобы держаться горизонтального курса, чрезвычайно препятствовал полету; но ужасней всего была скорость, с которой мы теряли отталкивающие лучи из передних резервуаров, и надо было ждать, что через час или немногим больше, мы окажемся совершенно беспомощными и упадем.

Из чувства самосохранения мы слегка уменьшили скорость; но теперь я снова взялся за руль и пустил машину полным ходом. Мы опять понеслись к северу, с головокружительной скоростью. Ксодар и Картерис с инструментами в руках тщетно старались заделать громадную трещину на носу и как-нибудь остановить убыль лучей.

Было еще темно, когда мы миновали северную границу ледяного мыса и зону облаков. Под нами расстилался типичный марсианский ландшафт: волнистые, цвета ореха, низменности давно усохших морей, окаймленные низкими грядами холмов: раскинутые тут и там безмолвные, мрачные города мертвого прошлого, развалины величественной архитектуры, населенные лишь воспоминаниями и страшными белыми обезьянами Барсума.

Становилось все трудней поддерживать наше маленькое суденышко в горизонтальном положении. Нос оседал все ниже и ниже, так, что, наконец, оказалось неизбежным оставить машину и снизиться, иначе наш полет завершился бы стремительным падением.

Когда взошло солнце и дневной свет рассеял темноту ночи, наше судно в последний раз судорожно вынырнуло, накренилось в сторону, и с наклоненной под углом палубой стало медленно вращаться, причем нос с каждой секундой опускался ниже кормы. Мы ухватились за поручни и, зная, что конец близок, прицепили к перилам наши пояса. В следующий момент палуба образовала угол 90 градусов, и мы повисли на ремнях, болтаясь высоко над почвой.

Я висел как раз рядом с контрольным прибором и коснулся рычага, направляющего отражающие лучи. Лодка ответила на прикосновение, и мы начали мягко опускаться вниз.

Прошло не менее получаса, прежде чем мы снизились. Прямо к северу от нас поднимался ряд довольно высоких холмов; к ним мы и решили направиться, так как они представляли наилучшую возможность укрыться от преследователей, которые несомненно должны были обыскать всю эту область.

Час спустя, мы уже были в оврагах среди прекрасных цветущих растений, которыми изобилуют сухие пустынные места Барсума. Нам посчастливилось найти много крупных кустов, дающих молоко - это странное барсумское растение служит одновременно и пищей и питьем для диких орд зеленых людей. Для нас эта находка оказалась просто спасением, так как мы почти умирали с голоду.

Затем в первый раз после многих часов мы легли спать, укрывшись за группой этих кустов, представлявших прекрасное убежище от воздушных разведчиков. Так начался мой пятый день на Барсуме, с тех пор, как я внезапно оказался перенесенным из моего коттеджа на Гудзоне в долину красоты и ужаса. За это время я спал только два раза.

Стоял уже полдень, когда я проснулся, почувствовав, что кто-то схватил мою руку и покрывает ее поцелуями. Удивленный, я открыл глаза, и увидел прекрасное лицо Тувии.

- Мой принц! Мой принц! - лепетала она в экстазе. - Это ты, которого я оплакивала, как умершего! Мои предки были добры ко мне; я жила не напрасно!

Голос девушки разбудил Ксодара и Картериса. Мальчик с удивлением взглянул на девушку, но она, казалось, не замечала никого, кроме меня. Обняв руками мою шею, она готова была покрыть меня ласками, но я мягко и решительно освободился из ее объятий.

- Успокойся, Тувия, успокойся! - сказал я ей ласково. - Ты слишком взволнована перенесенными тобой лишениями и ужасами. Ты забываешься и забываешь, что я супруг принцессы Гелиума.

- Я ничего не забываю, мой принц! - возразила она. - Ты ведь никогда не сказал мне не единого слова любви, и я не жду от тебя ничего. Но ничто не сможет помешать мне любить тебя. Я совсем не мечтаю занять место Деи Торис. Мое самое большое желание - служить тебе, служить вечно, быть твоей рабой. Я прошу об этом, как о милости. Это самая большая честь, на которую я могу надеяться, самое большое счастье, которого я жажду!

Должен сознаться, что редко чувствовал я себя так скверно, как в этот момент! Мне был хорошо известен марсианский обычай, позволяющий иметь мужчинам женщин-рабынь, причем высокая рыцарская честь марсианина является достаточной защитой для каждой женщины в его доме. Зная этот обычай, я все же выбирал личных слуг среди мужчин.

- Если я когда-нибудь вернусь в Гелиум, Тувия, то ты поедешь со мной не как раба, а как ровня. Ты встретишь людей, которые будут считать за счастье завоевать твою улыбку, и ты, наверное, скоро выйдешь замуж за одного из них! Сейчас ты ослеплена чувством, выросшим из благодарности, которую твоя невинность приняла за любовь. Забудь его, Тувия, я предпочитаю твою дружбу.

- Ты - мой повелитель, да будет так, как ты сказал, - ответила она просто, но в голосе ее прозвучала грустная нотка.

- Как ты попала сюда, Тувия, - спросил я ее. - И где Тарс Таркас?

- Я боюсь, что великий тарк умер, - ответила она печально. - Он был могущественный воин, но полчища зеленых людей из другой орды победило его. Я видела его в последний раз истекающим кровью, когда они несли его в город, из которого они сделали вылазку, чтобы атаковать нас.

- Значит ты не уверена, что он умер? - спросил я. - Где город, о котором ты говоришь?

- Он находится как раз за этим хребтом. После того, как ты великодушно предоставил нам место на корабле, мы два дня бесцельно носились по течению. Затем мы решили покинуть судно и пробираться пешком к ближайшему водному пути. Вчера мы прошли эти холмы и подошли сзади к мертвому городу. Мы пошли по улицам к центральной части, как вдруг на перекрестке они сразу заметили Тарс Таркаса. Впереди нас был целый отряд приближающихся к нам зеленых воинов. Тарк подскочил ко мне и заставил укрыться в ближайший проход, где велел прятаться до тех пор, пока не предоставится случай ускользнуть и, если будет возможно, пробраться в Гелиум.

- "Для меня теперь нет спасенья" - сказал он. - Это мои злейшие враги - вархуны с юга; они будут биться со мной не на жизнь, а на смерть.

Затем он выступил им навстречу. Ах,мой принц, какой это был бой! Целый час кишели они вокруг него, пока на том месте, где он стоял, не образовался целый холм из мертвых. Наконец, они победили его, так как находившиеся позади толкали к нему передних воинов, пока ему не осталось места, чтобы поднять свой большой меч. Тут он пошатнулся, и они налетели на него подобно громадной волне.Потом они понесли его к центру города. Я думаю, что он умер, так как был совершенно неподвижен.

- Перед тем, как отправиться дальше, мы должны в этом удостовериться, - сказал я. Я не могу оставить Тарс Таркаса живым у вархунов! Сегодня вечером я пойду в город и узнаю, жив ли тарк.

- Я пойду с тобой, - сказал Картерис.

- И я, - сказал Ксодар.

- Ни один из вас не должен идти, - возразил я. - Это дело требует хитрости и ловкости - отнюдь не силы. Один я имею

больше шансов на успех, ваше присутствие может лишь повлечь беду. Если мне понадобится ваша помощь, я вернусь за вами.

Они не одобрили этого, но оба были хорошие солдаты и считали меня своим начальником. Мне не пришлось долго ждать: солнце уже заходило, и скоро внезапная темнота Барсума окутала нас.

Я дал некоторые инструкции Картерису и Ксодару на тот случай, если я не вернусь, попрощался со всеми и быстрым шагом направился к городу.

Когда я вышел из-за холмов, месяц совершал по небу свой дикий полет, и его яркие лучи обращали в полированное серебро варварские великолепные стены древней столицы. Город был встроен у подножия пологих холмов, которые когда-то спускались к морю, благодаря этому мне оказалось нетрудным войти незамеченным в город.

Зеленые орды, располагающиеся в этих пустынных городах, занимают обычно только небольшую площадь: в центре, и так как они всегда приходят и уходят по дну моря, к которому обращена передняя часть города, то вход в город со стороны холмов сравнительно безопасен.

Очутившись на улице, я стал держаться в густой тени стен. На перекрестках я задерживался на минуту, чтобы убедиться, что никого нет, затем быстро прыгал в темноту противоположной стороны улицы. Так я беспрепятственно прошел через улицы, близкие к центру. Когда приблизился к окраинам населенных районов, визг тотов и хрюканье зитидаров, запертых внутри пустых дворов, образованных зданиями, окружающими каждый квартал, дали мне понять, что я нахожусь вблизи лагеря.

Я задрожал от радости, услышав эти давно знакомые звуки, такие характерные в жизни зеленых кочевников. Мне казалось, что после долгого отсутствия я пришел домой. Ведь под эти самые звуки началась моя любовь к несравненной Дее Торис в древних мраморных залах мертвого города Корада.

Стоя в тени, в дальнем углу первого квартала, населенного кочевниками, я увидел, что из некоторых строений выходят воины. Они все шли к большому зданию в центре площади. Мое знание обычаев марсиан подсказало мне, что здесь либо находится квартира вождя, либо комнаты для аудиенций, в которых джеддак принимает своих подчиненных. Было весьма вероятно, что марсиане готовились к чему-то, связанному с недавним захватом Тарс Таркаса.

Чтобы достигнуть этого здания, что я считал необходимым, мне надо было пересечь широкую аллею и часть площади. Звуки, издаваемые животными в каждом дворе, ясно говорили мне, что в окружающих домах было много народа - вероятно, несколько общин великой орды южных вархунов.

Незамеченным пройти было трудно, но для того, чтобы найти и спасти великого тарка, я готов был преодолеть и большие препятствия.

Я проник в город с юга и теперь стоял на перекрестке двух дорог. Строения с этой стороны площади не были освещены, так что казалось, что они необитаемы. Можно было попытаться проникнуть во внутренний двор через одно из них.

Ничто не помешало моему проходу через пустое здание и я вошел во внутренний двор близ задних стен восточных строений. Внутри двора паслось большое стадо тотов и зитидаров; они ходили кругом, собирая похожие на мох желтого цвета растения, которые покрывают почти все невозделанные площади Марса. Так как ветер дул с северо-запада, было мало вероятно, что животные меня почуют. Если бы это случилось, их хрюканье, ворчание и неистовые крики неминуемо привлекли бы внимание воинов, живущих внутри здания.

Под покровом темноты я прополз через весь двор, прижимаясь к восточной стене под нависшими балконами вторых этажей и очутился у зданий, окаймлявших двор с севера. Только первые три этажа были освещены; выше третьего этажа было совершенно темно.

Конечно, о переходе через освещенные комнаты нечего было и думать, так как они были полны зелеными воинами и женщинами. Единственный путь, возможный для меня, лежал через верхние этажи, достигнуть которых я мог, только взобравшись по стене. Попасть на балкон второго этажа оказалось для меня нетрудным: легкий прыжок дал мне возможность ухватиться руками за каменные перила, и в следующий миг я перебросился на балкон.

Отсюда через открытые окна я увидел зеленых людей. Они сидели, поджав ноги, на мехах и шелках, предназначенных для спанья. Время от времени они перекидывались односложными словами, что в связи с удивительными телепатическими способностями марсиан было вполне достаточно для содержательного разговора.

Когда я придвинулся ближе, чтобы прислушаться к тому, что они говорили, в комнату вошел воин.

- Идем, Тан Гама! - закричал он. - Нам велено отвести тарка к Каб Кадусу. Возьми кого-нибудь с собой.

Воин, к которому обратился пришедший, встал, сделал знак товарищу, сидевшему рядом на корточках, и все трое вышли из комнаты.

Если бы мне удалось проследовать за ними! Могла бы представиться возможность сразу освободить тарка или по крайней мере, я узнал бы место его заключения.

Справа от меня была дверь, ведущая с балкона внутрь дома. Это было в конце неосвещенного коридора, я не рассуждая, вступил туда.

Коридор был длинный и проходил через весь этаж к лицевой стороне дома. По обеим сторонам были двери, которые вели в смежные квартиры.

Я сразу увидел в другом конце коридора трех воинов - тех самых, которые только что вышли из комнаты. Затем поворот вправо скрыл их от меня. Я быстро погнался за ними вдоль коридора. Мой поступок был отчаянным, но я считал, что случай, предоставленный мне судьбой, был знаком ее особой милости ко мне, и ни за что не хотел упустить такой случай.

В конце коридора я увидел спиральный скат, соединявший верхние и нижние этажи.Три марсианина, которых я искал, очевидно, сошли вниз по этой лестнице. В том, что они пошли вниз, а не наверх, я был вполне убежден: ведь весь верх был необитаем. Мое знакомство с этими старинными зданиями и с приемами вархунов позволяло мне быстро ориентироваться в городе и легко догадываться о намерениях зеленых воинов.

Я сам однажды был пленником жестокой орды северных вархунов, и воспоминание о подвале, в который я был брошен, все еще было живо в моей памяти. Итак, я почувствовал уверенность, что Тарс Таркас заключен в темной яме под одним из прилегающих зданий, и что в этом направлении нужно искать следы трех зеленых воинов, пошедших за ним.

И я не ошибся. Спустившись вниз, с площадки нижнего этажа я увидел, что нечто вроде шахты вело вниз, в яму; я глянул туда и мерцающий факел выдал мне присутствие воинов, которых я выслеживал.

Они уже спустились вниз, к яме. Я следовал за неверным светом их факелов на безопасном расстоянии. Они вступили в настоящий лабиринт извилистых коридоров, освещаемых только неровным светом, который они несли с собой. Мы прошли, может быть, сотню ярдов, когда они вдруг круто свернули направо. Свет

скрылся. Я поспешил за ними, шаря руками в темноте, и через несколько минут достиг того места, где они пропали. Здесь через открытую дверь я увидел, как они снимали цепь, приковавшую к стене тарка.

Грубо толкая его, они так быстро вышли из камеры, что чуть не застигли меня на месте. А все же мне удалось пробежать по коридору несколько десятков шагов в том направлении, в котором я только что шел за ними. К счастью, я отбежал на столько, что не попал в полосу слабого света, когда они вышли из камеры.

Я, естественно, предполагал, что они поведут Тарс Таркаса тем же путем, которым пришли и, значит, будут удаляться от меня. Но, к моему огорчению, выйдя из камеры, они сразу свернули в мою сторону. Мне ничего не оставалось, как бежать перед ними, стараясь держаться вне света их факелов. Я не смел даже останавливаться в темноте на перекрестках многочисленных коридоров, так как не знал в каком направлении они пойдут.

Ощущение быстрого движения по этим коридорам было отнюдь не успокоительно. Я мог каждую минуту провалиться к тем отвратительным существам, которые населяют подпочвенные области под мертвыми городами.

От людей позади меня струился слабый свет, благодаря которому я мог кое-как различать направления извилистых проходов и не ударяться на поворотах о стены. Но вот я подошел к перекрестку из пяти коридоров. Я быстро пробежал некоторое расстояние вдоль одного из них, как вдруг свет факелов позади меня сразу угас. Я остановился, чтобы прислушаться к звукам шедших за мной людей, но кругом была глубокая тишина.

Я сообразил, что воины с пленником вошли в другой коридор, и поспешил назад, почувствовав значительное облегчение: теперь я мог с большей безопасностью выслеживать их сзади!

Однако дойти обратно до перекрестка оказалось очень трудно: темнота была не менее полной, чем тишина. Приходилось нащупывать стену рукой, и следить за каждым шагом, чтобы не пропустить место, где скрещивались пять дорог. Мне показалось, что прошла целая вечность, пока я, наконец, достиг площадки. Чтобы удостовериться в этом, я ощупью пробирался от входа к выходу: их действительно оказалось пять. Но ни в одном из них не было ни малейшего проблеска света.

Я внимательно прислушался, но зеленые воины не носят обуви, и шаги их голых ног совершенно беззвучны; вдруг, далеко в среднем проходе, мне послышался звон оружия.

Я поспешил на звук, временами останавливаясь в надежде, что он повторится. Но вскоре я убедился в своей ошибке. Было совершенно тихо.

Я опять кинулся назад, к месту расхождения дорог, как вдруг, к моему удивлению, наткнулся на расхождение трех коридоров! Как я не заметил этого перекрестка! Теперь я не знал, через который мне следовало вернуться. Хорошее положение, нечего сказать! Если бы я не уходил с большого перекрестка, то я мог бы с некоторой уверенностью ожидать воинов с Тарс Таркасом. Мое знание их обычаев подсказывало мне, что они сохранят такого знаменитого воина, как Тарс Таркас, для участия в великих играх, во время которых он мог бы показать свое удивительное искусство.

Но если я не найду дорогу к этому месту, мне предстоит день за днем блуждать в этом ужасном мраке, пока, измученный голодом и жаждой, я не свалюсь, чтобы умереть, или ... Я внезапно вздрогнул. Что это такое?

Позади меня слышался тихий шелест, и когда я бросил взгляд через плечо, кровь застыла у меня в жилах. Это был не столько страх настоящей опасности, сколько ужас всплывшего в этот миг воспоминания о том, как я когда-то чуть не сошел с ума в подземной темнице вархунов, когда горящие глаза выплыли из темноты и вырвали из моих рук тело убитого мной человека.

И теперь, в этом черном мраке подвала другой орды вархунов, я увидел те же огненные глаза, следящие за мной из тьмы. Казалось, они плыли по воздуху. Я думаю, что самым страшным свойством этих существ является их безмолвие, и тот факт, что вы никогда не видите их. Перед вами стоят только мрачные, немигающие глаза, пронизывающие вас сквозь темную пустоту.

Крепко сжав в руках мой длинный меч, я начал медленно отступать вдоль коридора, но по мере того, как я отступал, глаза приближались. При этом не было слышно ни одного звука, даже дыхания, только время от времени повторялся тот шелест, который привлек мое внимание.

Я шел все дальше, но не мог уйти от моего мрачного преследователя. Вдруг шелест раздался справа от меня, и, оглянувшись, я увидел другую пару глаз, очевидно, приближавшуюся со стороны одного из пересекающихся коридоров. Я продолжал свое медленное отступление, но скоро услышал повторение шелестящих звуков позади себя, и не успел опомниться, как услышал их снова.

Они собрались вокруг меня, окружив меня в точке пересечения двух коридоров. Отступление было отрезано со всех сторон. Разве только напасть на одного из этих зверей? Но я не сомневался, что тогда остальные немедленно ринутся на меня сзади. Я не мог даже догадываться, каких размеров были эти таинственные существа, и ничего не знал о их природе. Что они все же были довольно велики, это я мог предположить из того, что глаза их были на одном уровне с моими.

Отчего мрак так усиливает сознание опасности? Днем я готов был сражаться с целой ордой, если бы это оказалось нужным, а теперь, под влиянием темноты, я колебался перед парой глаз.

Мне казалось, что прошли часы, пока глаза смыкали свой круг. Они надвигались все ближе и ближе. Наконец я почувствовал, что сойду с ума от ужаса. Я озирался, как загнанный зверь, то в одну, то в другую сторону, чтобы помешать им наброситься на меня сзади. Наконец я не смог больше выносить этого ужасного напряжения, схватил вой длинный меч и внезапно ринулся на одного из моих мучителей.

Я был почти у цели, когда животное внезапно отступило передо мной, но тут звук позади меня заставил меня поспешно обернуться, и я увидел три пары глаз, устремившихся ко мне из глубины.С криком ярости я пошел на них, но по мере того, как я приближался они отступали подобно их товарищу. Тогда, бросив взгляд через плечо, я увидел, что первые глаза опять крадутся ко мне. Вторично бросился я к ним, и они опять сразу отступили передо мной.

Сколько времени это продолжалось - не знаю, но с каждым разом глаза подходили все ближе и ближе. Было совершенно очевидно, что животные только выжидают момента, чтобы броситься на меня сзади, и не менее очевидно, что им удастся это сделать. Я был совершенно измучен безрезультатностью моих нападений.

В этот момент я еще раз обернулся и заметил, что глаза, находившиеся за моей спиной, блеснули и бросились ко мне. Я повернулся к ним, чтобы встретить нападение; остальные три пары быстро устремились ко мне с другой стороны; но я твердо решил преследовать первую пару глаз, чтобы, по крайней мере, покончить с одним из врагов и избавиться от необходимости защищаться с двух сторон.

В коридоре не было слышно ни звука, кроме моего собственного дыхания, но я знал, что три неведомые существа почти достигли меня. Глаза передо мной уже не отступали так быстро;

они были от меня почти на расстоянии меча. Я размахнулся, чтобы нанести последний удар, и почувствовал тяжелое тело, навалившееся на меня сзади. Что-то холодное, влажное и скользкое сдавило мне горло. Я пошатнулся и упал.

XV.

БЕГСТВО И ПОГОНЯ

Я пролежал без памяти не больше нескольких минут, но все же я не знал, сколько был без сознания, так как очнувшись, увидел что в коридоре стало светло и что глаза исчезли. На мне не было признаков повреждений, исключая легкого ушиба, так как, падая, я ударился о каменные плиты.

Я вскочил на ноги, чтобы узнать, откуда исходит свет. Оказалось, что навстречу мне продвигается отряд зеленых людей, состоящих из трех человек, один из которых держал в руках факел. Они еще не успели заметить меня, так что я, не теряя времени, проскользнул в первый встреченный проход.

Отряд быстро приближался к устью прохода, у стены которого я притаился. Когда они прошли мимо, я вздохнул с облегчением. Они меня не заметили. Но, что лучше всего, этот отряд оказался тем самым, за которым я проследовал в погреб. Он состоял из Тарс Таркаса и его трех конвойных.

Я пошел с ними до камеры, где они держали великого тарка прикованным к стене. Двое стражей остались снаружи, в то время как человек с ключами вошел вместе с тарком, чтобы одеть на него оковы. Двое оставшихся в коридоре медленно направились к спиральной лестнице, ведущей в верхние этажи и через минуту скрылись из виду за поворотом.

Они воткнули факел в отверстие у двери, так что его лучи освещали одновременно и камеру, и коридор. Убедившись, что оба стража ушли, я подошел к камере, с вполне разработанным планом действий.

Хотя мне было неприятно выполнять то, на что я решился, но, поскольку целью моей было вернуться в наш маленький лагерь на холме вместе с Тарс Таркасом, для меня иного выхода не было.

Крадясь вдоль стены, я вплотную подошел к двери и встал за ней, обеими руками занеся мой длинный меч, чтобы одним взмахом рассечь череп тюремного сторожа. Не стану останавливаться

на том, что последовало после того, как я услышал шаги тюремщика. Будет достаточно, если я скажу, что минуту или две спустя Тарс Таркас, надев вооружение вождя вархунов, быстро направился с факелом в руках к спиральной лестнице. В нескольких шагах за ним следовал в тени Джон Картер, принц Гелиума.

Оба товарища человека, который лежал теперь у дверей бывшей камеры Таркаса, только начали подниматься по специальной лестнице, когда тарк показался в коридоре.

- Отчего так долго, Тан Гама? - вскричал один из них.

- Да вот, с замком провозился, - ворчливо буркнул Тарс Таркас. - А теперь оказывается, что я забыл свой короткий меч в камере тарка. Идите вперед, я догоню вас.

- Как знаешь! - ответил тот самый воин, который говорил вначале. Мы подождем тебя наверху.

- Хорошо, - ответил Тарс Таркас, и повернул обратно, как будто для того, чтобы вернуться в камеру, но на некотором расстоянии остановился и стал ждать, пока те двое не скрылись в верхних этажах. Затем я присоединился к нему, мы потушили факел и поползли вдвоем к спиральной лестнице.

В первом этаже мы обнаружили, что коридор проходил только через половину этажа. Чтобы попасть во внутренний двор, нам пришлось бы пройти заднюю комнату, полную зеленых людей. Значит, оставался только один выход: достигнуть второго этажа и того коридора, по которому я прошел все здание.

Мы осторожно поднялись. Из комнаты наверху до нас доносился гул разговора. Мы, не встретив никого, дошли до верхнего конца лестницы. Затем мы пробрались вдоль коридора и благополучно достигли балкона, выходящего во двор. Справа от нас светилось окно, ведущее в комнату, в которой я видел Тан Гаму, и его товарищей перед уходом в камеру тарка. Оба воина уже вернулись, и я услышал часть разговора.

- Что могло задержать Тан Гаму? - спросил один из них.

- Не может быть, чтобы он так долго искал свой меч в камере тарка! - сказал другой.

- Свой меч? - переспросила женщина, - что вы хотите этим сказать?

- Тан Гама забыл свой короткий меч в камере тарка, - объяснил первый воин, - и повернул за ним, оставив нас у лестницы.

- Тан Гама не имел с собой короткого меча сегодня вечером, - возразила женщина. - Меч его был разбит в сегодняшнем бою с тарком, и Тан Гама дал мне его починить. Смотри, вот он!

С этими словами она вытащили короткий меч из под шелков и мехов, служивших ей постелью.

Воины вскочили на ноги.

- Что-то неладное, - промолвил один из них.

- Я как-будто предчувствовал это, когда Тан Гама оставил нас у лестницы, - сказал другой.

- Мне показалось, что голос его звучал как-то странно.

- Идем! Идем скорее в подземелье!

Мы не стали слушать дальше. Я быстро связал свои ремни в одну длинную полосу, помог Тарс Таркасу спуститься во двор и минутой позже был рядом с ним.

Мы едва ли сказали друг другу дюжину слов с тех пор, как я поразил Тан Гаму у дверей камеры и при дрожащем свете факела увидел на лице великого тарка выражение самого крайнего удивления.

- За время нашей дружбы я научился не удивляться ничему, Джон Картер!

Это было все, что сказал он мне тогда. Ему и не нужно было говорить, что он ценит дружбу, побудившую меня рисковать жизнью для его спасения; излишним было говорить, что он рад мне.

Этот свирепый зеленый воин был первым, встретившим меня двадцать лет назад, когда я впервые появился на Марсе.

Он встретил меня с направленным на меня копьем и жестокой ненавистью в сердце. А теперь среди жителей обоих миров я не имел лучшего друга, чем Тарс Таркас, джеддак тарков.

Достигнув двора, мы на минуту остановились в тени под балконом, чтобы обсудить положение.

- Нас теперь пятеро, Тарс Таркас! - сказал я ему. - Со мной Тувия, Ксодар и Картерис. Нам нужны будут пять тотов, чтобы спастись.

- Картерис! - воскликнул он. - Твой сын.

- Да! Я нашел его в Шадорской тюрьме на море Омина, в стране перворожденных.

- Я не знаю мест, о которых ты говоришь, Джон Картер. Он на Барсуме?

- На Барсуме и ниже, друг мой! Но подожди! Если нам удастся спастись, ты услышишь самую странную повесть, какую только приходилось слышать барсумцу. Мы должны скорее выкрасть тотов и скорее отъехать подальше к северу, прежде чем эти молодцы обнаружат, что мы их провели.

Мы благополучно добрались до другого конца двора и больших ворот, через которые необходимо было вывести тотов на дорогу. Нам предстояло трудное дело - захватить пять крупных свирепых животных, таких же диких, как их хозяева, которые слушались только грубой силы.

При нашем приближении они почуяли запах чужих и с яростным визгом окружили нас. Их головы с открытой пастью на длинных массивных шеях высоко поднимались над нашими головами. Их вид может внушать страх, даже когда они спокойны, но когда они возбуждены, они крайне опасны. Тот вышиной не менее десяти футов; у него блестящая, лишенная шерсти кожа, темно-серого цвета на спине и боках, что еще более подчеркивает яркую желтизну его восьми ног с громадными ступнями, лишенными копыт. Брюхо тота - чисто белое, плоский хвост дополняет картину свирепого марсианского коня, вполне подходящего для этого воинственного народа.

Так как тотами управляют исключительно телепатическими средствами, не было надобности иметь узду и поводья. Наша задача состояла в том, чтобы найти двух тотов, которые подчинились бы нашему молчаливому приказу. Когда табун напал на нас, мы настолько подчинили их нашей воле, что помешали их соединенной атаке против нас. Но их визг продолжался, и это должно было привлечь внимание наших врагов.

Наконец нам удалось овладеть одним из этих огромных животных, и прежде чем оно успело понять мое намерение, я твердо уселся верхом на его блестящей спине. Минутой позже Тарс Таркас тоже овладел тотом и вскочил на него, а затем мы погнали между нами трех или четырех из этих животных к большим воротам.

Тарс Таркас ехал впереди: он перегнулся, отодвинул задвижку и настежь открыл ворота в то время, как я удерживал трех тотов от возвращения в стадо. Затем, не закрывая ворот, мы проехали через дорогу вместе с краденными конями и поспешно направились к южной границе города.

До сих пор наше спасение было почти чудесным. Но фортуна не покидала нас и дальше. Мы миновали окрестности мертвого города и прибыли в лагерь, не заметив никаких признаков погони.

Легкий свисток известил моих товарищей о моем возвращении. Все трое оставшихся встретили нас, выражая самую восторженную радость.

Мы посвятили всего несколько минут рассказу о наших приключениях. Тарс Таркас и Картерис обменялись официальным,

полным достоинства приветствием, принятым на Барсуме, но я интуитивно почувствовал, что тарк полюбил моего мальчика и что Картерис отвечал ему тем же. Ксодар и зеленый джеддак тоже были официально представлены друг другу. Затем мы посадили Тувию на самого добронравного из тотов, Ксодар и Картерис сели на остальных, и мы помчались по направлению к юго-востоку. У отдаленного конца города мы свернули к северу и бесшумно поехали по дну мертвого моря, залитого лучами двух месяцев, навстречу новым опасностям и приключениям.

Около полудня следующего дня мы остановились, чтобы дать передохнуть нашим коням и чтобы отдохнуть самим. Животным мы спутали ноги и пустили их пастись на желтый мох, который служит им одновременно и пищей и питьем во время походов. Тувия изъявила желание остаться на страже, остальные легли спать.

Мне показалось, что я только закрыл глаза, как я почувствовал ее руку на своем плече и услышал ее нежный голос, предостерегавший меня о новой опасности.

- Вставай, принц! - шепнула она. - Мне кажется, что за нами погоня. Похоже на то, что идет большой отряд.

Девушка стояла, указывая по направлению, откуда мы прибыли. Я встал, посмотрел, и мне тоже показалось, что на фоне далекого горизонта колеблется тонкая темная линия. Я разбудил остальных. Тарс Таркас, который благодаря своему гигантскому росту, возвышался над всеми нами, видел дальше других. Он посмотрел на горизонт и сказал:

- Это большой отряд всадников, и они мчатся во весь опор!

Нельзя было терять ни минуты. Мы бросились к нашим тотам, развязали им ноги и вскочили на них. Затем еще раз обратившись лицом к северу, галопом помчались вперед.

Остаток дня и всю следующую ночь мы без остановок неслись через желтую, дикую местность, а за нами неслась погоня. Она настигала нас медленно, но верно. Как раз перед наступлением темноты враги подъехали настолько близко, что легко могли узнать в них зеленых марсиан, и в течение всей ночи до нас явственно доносился звон их оружия.

В нескольких милях перед нами лежал ряд холмов - другой берег мертвого моря. Если бы нам удалось достичь этих холмов, наши шансы на спасение сильно увеличились бы. Но тот Тувии, хотя и несший самый легкий груз, стал проявлять явные признаки истощения.

Я ехал рядом с ней, пока ее тот внезапно не зашатался и ударился о моего коня. Видя, что она падает, я схватил девушку и пересадил ее на своего тота, позади себя. Едва я успел это сделать, как ее тот свалился. Мы оставили его на произвол судьбы и поскакали дальше. Тувия, сидя сзади, держалась за меня обеими руками.

Эта двойная ноша скоро оказалась непосильной для моего, уже достаточно измученного коня. Наша скорость сильно уменьшилась, потому что остальные должны были равняться по мне. В нашем маленьком отряде не было ни одного, который согласился бы покинуть другого. Все мы были различных стран, различных религий, различных цветов, и один из нас был даже из другого мира.

Холмы были уже совсем близко, но вархуны настигали нас с такой быстротой, что мы оставили всякую надежду доехать вовремя. Тувия и я плелись позади всех, и наш тот все больше и больше замедлял ход. Вдруг я почувствовал, что горячие губы девушки запечатлели поцелуй на моем плече.

- Ради тебя, мой принц! - прошептала она.

Затем руки ее соскользнули с моего пояса, и она исчезла. Я обернулся и понял все. Тувия намеренно соскользнула вниз на самом пути преследовавших нас демонов, думая, что облегчив тяжесть нашему тоту, она даст мне возможность вовремя доехать до холмов и спастись. Бедное дитя! Ей следовало лучше знать Джона Картера!

Повернув тота, я поспешил назад, надеясь доехать до нее и снова захватить ее с собой. Картерис обернулся назад как раз в это время; он оказался около меня., когда я настиг Тувию. Соскочив со своего тота, он бросил Тувию ему на спину и, повернув голову животного в сторону холмов, нанес ему сильный удар по крупу плоской стороной своего меча.

Смелый поступок моего мальчика и его рыцарское самопожертвование наполнили мою душу гордостью. Вархуны были совсем близко. Тарс Таркас с Ксодар, ускакавшие было далеко, обнаружили наше отсутствие и во весь опор мчались нам на помощь. По-видимому, надвигалась развязка моего вторичного путешествия на Барсум. Тяжело было мне уйти из жизни, не увидев моей дивной принцессы, не взяв еще раз ее в свои объятия, но, по-видимому, в книге судеб не была предначертана наша новая встреча, и мне следовало стойко принять то, что выпадало

на мою долю. В эти последние минуты перед переходом в вечность я решил не изменять себе и умереть, покрыв себя славой.

Так как Картерис был пешим, я соскочил с моего тота и встал рядом с ним, чтобы вместе встретить атаку настигшего нас отряда. Минутой позже Тарс Таркас и Ксодар встали по обе стороны от нас, отпустив своих тотов; они хотели сражаться в равных с нами условиях.

Вархуны были всего в сотне ярдов от нас, как вдруг раздался страшный взрыв, за ним другой. В последних рядах кочевников взорвались бомбы. Моментально все пришло в смятение. Сотни воинов свалились в мох. Тоты, потеряв хозяев, носились, обезумев от страха, среди раненых и убитых. Пешие воины были растоптаны и смяты в панике. Всякое подобие порядка в рядах зеленых воинов было нарушено. А когда они взглянули наверх, чтобы понять происхождение этой атаки, то замешательство перешло в отступление, а отступление - в паническое бегство.

В следующий момент весь отряд так же бешено мчался прочь от нас, как только что гнался за нами.

Мы обернулись по направлению, откуда раздался первый выстрел. Над вершинами ближайших холмов парил большой военный корабль, величественно плывущий по воздуху. В то время, как мы на него смотрели, пушка на носу корабля заговорила опять, и третья бомба разорвалась среди бегущих вархунов.

Когда корабль приблизился, я не мог удержать дикого крика восторга: на носу его развивались цвета Гелиума!

XVI.

ПОД АРЕСТОМ

В то время, как Картерис, Тарс Таркас и я, замирая от радости, стояли, любуясь великолепным судном, над вершиной холма появились второй и третий корабли, грациозно скользившие вслед за первым.

Человек двадцать воздушных разведчиков бросились с палубы ближайшего корабля и начали быстро спускаться на мох. В следующий момент мы были окружены вооруженными солдатами, причем один офицер выступил вперед, чтобы обратиться к нам, когда взгляд его упал на Картериса. С восклицанием радо-

стного удивления бросился он вперед и, положив руку на плечо мальчика, назвал его по имени:

- Картерис, принц мой! - воскликнул он. - Каор! Каор! Хор Вастус приветствует сына Деи Торис, принцессы Гелиума и ее супруга Джона Картера! Где ты был, о мой принц? Весь Гелиум был погружен в печаль. Ужасные бедствия постигли могущественную нацию твоего прадеда после рокового дня, когда ты покинул нас!

- Не печалься, мой добрый Хор Вастус! - воскликнул Картерис. - Я вернулся не один, чтобы порадовать сердце моей матери и сердце моего возлюбленного народа. Со мной спаситель Барсума - Джон Картер, принц Гелиума!

Хор Вастус повернулся в направлении, указанном Картерисом, и увидев меня, чуть не упал от удивления.

- Джон Картер! - повторил он, и вдруг в глазах его мелькнуло смущенное выражение. - Мой принц! Где ты был?..

Тут он запнулся, но я знал, какой вопрос застыл у него на устах. Благородный человек не хотел вырвать у меня признания ужасной правды, что я вернулся с берегов моря Корус, из таинственной долины Дор.

- Ах, принц мой! - продолжал он, как-будто ни одна мысль не прервала его приветствия. - Достаточно того, что ты здесь! Окажи высокую честь Хор Вастусу, позволив ему первому упасть к твоим ногам!

С этими словами благородный воин вытащил свой меч из ножен и бросил его на землю передо мной.

Если бы вы знали характер и обычаи красных марсиан, вы могли бы оценить все значение, которое имел этот простой поступок для меня и для всех окружающих. Это было равносильно словам: "Мой меч, мое тело, моя душа - твои, и ты можешь делать с ними, что тебе угодно. До самой моей смерти и после нее ты один будешь моим господином. Прав ты или неправ - твое слово будет моей правдой. Мой меч ответит тому, кто поднимет на тебя руку".

Это - клятва верности, которую мужчины дают иногда джеддаку, если высокая душа и рыцарские поступки его внушили подданным восторженную любовь. Я никогда не слышал, чтобы подобная честь была оказана обыкновенному смертному. На это был возможен лишь один ответ. Я нагнулся, поднял меч с земли, поднес острие к своим губам и, подойдя к Хор Вастусу, собственноручно одел ему оружие.

- Хор Вастус! - молвил я, положив руку ему на плечо. - Я не имею ни малейшего сомнения в том, что буду нуждаться в твоем мече. Но прими честное слово Джона Картера, что я никогда не потребую, чтобы ты поднял его иначе, как в защиту правды и справедливости!

- Я всегда знал это, мой принц! - ответил он, - и помнил это раньше, чем бросил к твоим ногам мой любимый клинок.

В то время, как мы говорили, появилось множество воздушных лодок. Скоро к нам была спущена одна из них, настолько большая, что могла свободно забрать двенадцать человек. Когда она снизилась, на почву спрыгнул офицер и, подойдя к Хор Вастусу, отдал ему честь.

- Кантос Кан желает, чтобы спасенный отряд был немедленно поднят на палубу "Ксавариана".

Когда мы подходили к маленькому судну, я посмотрел на членов моего маленького отряда и в первый раз заметил, что Тувии нет среди нас. Мои расспросы обнаружили, что никто не видел ее с тех пор, как Картерис, желая спасти ее, погнал тота бешеным галопом по направлению к холмам.

Хор Вастус тут же отправил дюжину воздушных разведчиков, чтобы искать ее по всем направлениям. Она не могла уехать далеко с тех пор, как мы ее видели. Остальные вступили на палубу посланного за нами судна, и минуту спустя все были на "Ксавариане".

Первый человек, приветствовавший меня там, был Кантос Кан. Мой старый друг занимал теперь высшую должность во флоте Гелиума, но для меня он оставался все тем же храбрым товарищем, который делил со мной лишения в погребе вархунов, ужасные зверства Великих Игр и опасности во время поисков Деи Торис внутри враждебного города Зоданга.

Тогда я был еще неизвестным странником на чужой планете, а он простым офицером в Гелиумском флоте. Теперь он повелевал всем воздушным флотом страны, а я был принцем из дома Тардос Морса, джеддака Гелиума.

Он не спросил меня о том, где я был. Подобно Хор Вастусу, он боялся правды и не хотел вызывать меня на объяснения. Он знал, что рано или поздно последует объяснение всему, а до тех пор удовлетворялся тем, что я снова с ним. Картериса и Тарс Таркаса он приветствовал с восторгом, но также не спросил их, где они были. Он прямо не мог оторвать глаз от моего мальчика.

- Ты не знаешь, Джон Картер, - воскликнул он, - как все мы в Гелиуме любим твоего сына! На нем как будто сконцентрирова-

лась вся любовь, которую мы питали к его благородному отцу и его бедной матери. Когда стало известно, что он погиб, десять миллионов людей рыдали.

- Что ты хочешь этим сказать, Кантос Кан? - прошептал я. - Отчего ты говоришь "бедная мать"?.. - Эти слова показались мне полными какого-то страшного значения.

Он отвел меня в сторону и сказал:

- В течение целого года с того дня, как Картерис исчез, Дея Торис оплакивает своего мальчика. Удар, поразивший ее много лет назад, был несколько смягчен новыми обязанностями материнства, так как твой сын родился в ту самую ночь.

- Она страдала ужасно. Весь Гелиум знал это и весь Гелиум оплакивал вместе с ней смерть ее супруга. Но после того, как пропал ее сын, для нее ничего не осталось. Экспедиция за экспедицией возвращались не найдя никаких следов Картериса, и наша любимая принцесса горевала все сильнее и сильнее. Всякому, кто видел ее, становилось ясно, что скоро и она последует за своим любимым в долину Дор, и что это не более, чем вопрос дней.

- Наконец ее отец Морис Каяк и Тардос Морс, ее дед, решили испытать последнее средство. Они снарядили две большие экспедиции, приняв лично команду над ними. Это было с месяц тому назад. Они отправились в путь, исследуя дюйм за дюймом северное полушарие Барсума. В течение двух недель от них не было никаких известий, затем пронесся слух, что их постигло какое-то ужасное несчастье. и что они все погибли.

- К этому времени Зат Аррас возобновил свои просьбы о том, чтобы Дея Торис согласилась бы выйти за него замуж. С тех пор, как ты исчез, он следовал за ней повсюду. Она ненавидела и боялась его, но с уходом отца и деда Зат Аррас стал очень могущественным, так как он все еще был джедом Зоданги, в должности которого, если ты помнишь, его утвердил Тардос Морс после твоего отказа от этой чести.

- Шесть дней назад он имел у нее секретную аудиенцию. Что произошло между ними - никому неизвестно, но на следующий день Дея Торис исчезла, и с ней ушли ее двенадцать домовых стражей и телохранителей, включая Солу. Они ни словом не известили никого о своих намерениях, но так всегда бывает с теми, кто уходит в добровольное странствие, из которого не возвращаются. Это - единственное, что можно предположить. Дея Торис ушла искать ледяные глубины Иссы, а ее преданные стражи решили сопровождать ее.

- Зат Аррас был в Гелиуме, когда принцесса исчезла. Он стоит сейчас во главе нашей флотилии, которая с тех пор ее ищет. Однако я боюсь, что все поиски будут напрасны.

Пока мы разговаривали, летчики Хор Вастуса вернулись. Ни одному не удалось обнаружить следов Тувии. Я был совершенно подавлен известием об исчезновении Деи Торис, а теперь на душу мне легла еще одна тяжесть - опасение за судьбу Тувии. На мне лежала ответственность за благополучие этой девушки, которую я считал дочерью какого-то гордого барсумского дома, и намеревался приложить все усилия, чтобы найти ее.

Я только хотел попросить Кантос Кана продолжить поиски Тувии, когда на "Ксавариан" с флагманского корабля прибыли лодка с офицером, имевшим поручение к Кантос Кану от Зат Арраса. Мой друг прочел письмо и обернулся ко мне:

- Зат Аррас приказывает мне привести к нему наших "пленных". Ничего не поделаешь, он сейчас высшее лицо в Гелиуме. Однако было бы благороднее и тактичней, если бы он прибыл сюда и приветствовал спасителя Барсума со всеми подобающими почестями!

- Ты отлично знаешь, друг мой, - сказал я с насмешкой, - что Зат Аррас имеет достаточно причин ненавидеть меня. Ничто не может быть ему так приятно, как унизить меня и, если можно, убить. Теперь у него имеется прекрасный предлог. Пойдем и посмотрим, хватит ли у него смелости его использовать!

Позвав Картериса, Тарс Таркаса и Ксодара, мы вошли вслед за Кантос Каном и офицером Зат Арраса в небольшую лодку и через минуту вступили на палубу флагманского корабля.

Когда мы подошли к джеду Зоданги, на лице его не выразилось никакого приветствия. Он как будто , никогда не знал меня. Он не удостоил поклоном даже Картериса. Его осанка была холодной и высокомерной.

- Каор, Зат Аррас! - произнес я дружелюбно, но он не счел нужным мне ответить.

- Почему эти пленники не обезоружены? - обратился он строго к Кантос Кану.

- Они не пленники, Зат Аррас! - ответил офицер. - Двое из них принадлежат к благороднейшей фамилии Гелиума, Тарс Таркас, джеддак тарков - надежный друг и союзник Тардос Морса, черный человек - друг и товарищ принца Гелиума; для меня этого достаточно.

- Однако этого недостаточно для меня! - возразил Зат Аррас. - Мне недостаточно знать имена тех, кто ушел в последнее странствие. Откуда пришел ты, Джон Картер?

- Я только что вернулся из долины Дор и страны перворожденных, Зат Аррас! - спокойно ответил я.

- А! - воскликнул он с явным удовольствием. - Так значит ты этого не отрицаешь? Ты вернулся из лона Иссы?

- Я вернулся из страны ложных надежд и долины мучений и смерти; я вырвался вместе с моими товарищами из тисков палачей. Я вернулся в Барсум, спасенный мною от безболезненной смерти, чтобы на этот раз спасти его от смерти в ее ужаснейшей форме.

- Замолчи, богохульник! - вскричал Зат Аррас. - Не надейся спасти свое трусливое тело, измышляя невероятную ложь...

Но он не успел окончить. Джона Картера нельзя безнаказанно называть лжецом и трусом, и Зат Аррас должен был это узнать. Никто не успел еще поднять руку, чтобы остановить меня, как я был подле него и схватил его за горло.

- С неба ли я или из ада возвращаюсь, Зат Аррас, я тот же Джон Картер, каким всегда был. Еще ни один человек, оскорбивший меня так, не оставался жив, не извинившись передо мной!

С этими словами я начал сгибать его назад между своими коленями, все крепче сжимая горло.

- Хватайте его! - прохрипел Зат Аррас.

Десяток офицеров подскочили, чтобы помочь ему. Кантос Кан подошел близко ко мне и шепнул:

- Остановись, прошу тебя! Это только втянет нас всех в драку. Если эти люди наложат на тебя руки - я этого не смогу снести и брошусь на них. Мои офицеры и солдаты присоединятся ко мне, и у нас будет бунт, который сможет привести к революции. Ради Тардос Морса и Гелиума, прошу тебя, остановись!

Тогда я выпустил Зат Арраса и, повернувшись к нему спиной, направился к поручням.

- Идем, Кантос Кан! - сказал я. - Принц Гелиума желает вернуться на "Ксавариан".

Никто не вмешался. Зат Аррас, дрожащий и бледный, стоял среди своих офицеров. Некоторые из них с презрением смотрели на него и подвинулись ко мне, а один, бывший долгое время на службе у Тардос Морса, тихо сказал мне, когда я прошел мимо него:

- Ты можешь считать меня среди твоих приверженцев, Джон Картер!

Я поблагодарил его и прошел дальше. В полном молчании мы сели в лодку и переехали на наш корабль. Пятнадцать минут спустя с флагманского корабля был отдан приказ идти в Гелиум.

Наше путешествие протекало без всяких событий. Картерис и я были погружены в самые мрачные мысли. Кантос Кан был подавлен, предвидя дальнейшие бедствия, которые должны были обрушиться на Гелиум в случае, если бы Зат Аррас захотел последовать древнему обычаю, приговаривавшему к смерти беглецов из долины Дор. Только Ксодар был беззаботен и весел. Как беглецу и стоящему вне законов, ему в Гелиуме было не лучше, но и не хуже, чем где бы то ни было.

- Будем надеяться, - говорил он, - что мы вымоем наши мечи в хорошей красной крови.

- Что ж... Это было скромное пожелание, которое, вероятно, можно было удовлетворить!

Прежде чем мы достигли города, мне показалось, что офицеры "Ксавариана" разделились на партии. Некоторые из них при каждом удобном случае собирались вокруг меня и Картериса, и приблизительно такое же число офицеров держались в стороне от нас. Они общались с нами чрезвычайно вежливо, но, очевидно, их сдерживала вера в учение о долине Дор и о таинствах Иссы. Я не осуждал их, понимая, какую огромную власть может иметь вера, как бы ни нелепа она была, даже над умными людьми.

Возвращением из долины Дор мы совершили святотатство. Рассказывая о своих приключениях там и представляя факты такими, какими они были в действительности, мы оскорбляли религию их отцов. Мы были богохульниками, лживыми, опасными еретиками. Мне кажется, что даже те, кто из личной любви и преданности все еще оставались с нами, в глубине души сомневались в нашей правдивости. Очень трудно отказаться от старой веры даже тогда, когда взамен ей предлагают новую; но нельзя требовать от людей, чтобы они отбросили старые убеждения, ничего не давая им взамен.

Кантос Кан и слышать не хотел о наших мучениях в стране перворожденных.

- Достаточно того, - сказал он, - что я буду рисковать жизнью и душой, чтобы оказать тебе поддержку. Не требуй от меня, чтобы я увеличил свой грех, выслушивая то, что, как меня всегда учили, является величайшей ересью.

Я знал, что скоро наступит время, когда наши друзья и наши враги должны будут объявиться открыто: по прибытии в Гелиум положение должно будет определиться. Я предполагал, что если

Тардос Морс не вернулся, то враждебность Зат Арраса могла тяжело отразиться на нашей судьбе. В отсутствие джеддака он представлял правительство Гелиума. Выступать против него было равнозначно государственной измене. Большая часть войск несомненно последовала бы за своими офицерами, а я знал, что многие знатнейшие и могущественнейшие воины Гелиума и Зоданги и весь воздушный флот присоединятся к Джону Картеру перед лицом бога, людей или дьявола.

С другой стороны, большая часть черни несомненно станет требовать, чтобы мы были наказаны за святотатство. Перспективы были мрачные, но я переживал такую агонию при мысли о Дее Торис, что, как сознаю теперь, обратил очень мало внимания на положение Гелиума и на нас самих.

Передо мной днем и ночью стоял неотступный кошмар: я видел одну за другой картины мучений и ужасов, через которые должна была пройти моя бедная принцесса; вспоминал ужасных белых обезьян. По временам я закрывал лицо руками, стараясь отогнать навязчивый кошмар.

Был полдень, когда мы проехали над багряной башней, вышиной в милю, отличающей большой Гелиум от его города-близнеца. В то время, как мы большими кругами опускались, направляясь к докам, внизу на улицах волновались громадные толпы народа. Гелиум был извещен о нашем приближении радиограммой.

Картерис, Тарс Таркас, Ксодар и я были переведены с палубы "Ксавариана" на меньшее судно, чтобы переправить нас внутрь храма "Возмездие".

Здесь обычно отправлялась правосудие марсиан, здесь осуждались преступники и награждались герои. Мы снизились на площадке крыши этого храма, откуда нас провели прямо в предназначенное для нас помещение. Таким образом нам совсем не пришлось проходить среди народа, как это обычно было принято.

Раньше я всегда видел, как знатные пленники или вернувшиеся знаменитые странники дефилировали по широкой дороге от Ворот Джеддаков к храму "Возмездия" сквозь густую толпу зубоскаливших, насмехавшихся граждан.

Зат Аррас не смел допустить нас близко к народу: он боялся, что их любовь ко мне и Картерису выльется в демонстрацию, могущую стереть суеверный ужас перед преступлением, в котором нас обвиняли. Я мог лишь отчасти догадаться о его планах,

но, очевидно, они были угрожающими: нас сопровождали только самые близкие из его приверженцев.

Нас поместили в комнате с южной стороны храма, выходящего на дорогу предков, которая развертывалась перед нами вплоть до Ворот Джеддаков, на протяжении пяти миль.

На площади храма и улицах не менее чем на милю кругом теснилась многочисленная толпа. Они держались чинно, не было ни насмешек, ни аплодисментов, и когда нас увидели из окна, многие закрыли лица руками и начали плакать.

После полудня к нам пришел посланный от Зат Арраса с сообщением, что нас будет судить беспристрастное собрание старшин в большом зале храма в первой половине будущего дня.

XVII.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

На следующий день, за несколько минут до назначенного времени, к нам в комнату вошел сильный конвой, который должен был отвести нас в большой зал храма.

Мы вошли попарно и прошли по широкому нефу храма, называемого "нефом надежды", к высокой платформе в центре зала. Мы шли, окруженные конвойными, а в то время сплошная стена зодангских солдат по обе стороны нефа стояла от самого входа до трибуны.

Когда мы достигли огороженного кругом возвышения, я увидел наших судей. По барсумскому обычаю из было тридцать один. Предполагалось, что они назначались по жребию из среды старейшин, так как подсудимые принадлежали к высшему сословию. Но, к моему удивлению, я не встретил среди них ни одного дружеского лица. Все они сплошь зодангцы, а я был тот, кому Зоданга обязана своим разгромом, тот, кто поднял против нее зеленые орды кочевников, тот кто заставил ее подчиниться власти джеддака Гелиума. Едва ли здесь можно было ждать справедливого приговора для Джона Картера, его сына и великого тарка, предводителя диких племен, которые жгли, убивали и грабили на широких аллеях Зоданги!

Вокруг нас обширный круглый амфитеатр был набит до самого верха. Были представлены все сословия, все возрасты. Когда мы вошли в зал, глухой гул голосов тотчас же прекратился, и

пока мы не остановились у платформы, или Трона Справедливости, среди десяти тысяч зрителей царило гробовое молчание.

Судьи сидели большим кругом по периферии большой платформы. Нас посадили на небольшой площадке в центре, лицом к судьям и зрителям. Каждого обвиняемого по очереди вызывали к пьедесталу статуи Правды, где он должен был дать свои показания, затем он снова занимал свое место на маленькой площадке, окруженной судьями.

Сам Зат Аррас сидел на золотом стуле верховного судьи. Когда мы заняли свои места, и наши стражи встали у основания лестницы, ведущей к платформе, Зат Аррас поднялся и вызвал меня.

- Джон Картер! - вскричал он. - Займи свое место у пьедестала Правды: ты будешь судим беспристрастно, согласно твоим поступкам, и услышишь здесь свой приговор! Затем, обращаясь к зрителям то в одну, то в другую сторону, он произнес свою обвинительную речь:

- Известно ли вам, о судьи и граждане Гелиума, - сказал он, - что Джон Картер, бывший принц Гелиума, по собственному признанию вернулся из долины Дор и даже из самого храма Иссы? В присутствии многих свидетелей он богохульствовал, понося святых жрецов и даже великую Иссу, лучезарную богиню вечной жизни и смерти! Теперь, видя его собственными глазами здесь, у пьедестала Правды, вы можете убедиться, что он действительно вернулся к нам из этих священных пределов, нарушив наши древние обычаи и оскорбив святость нашей религии. Тот, кто умер, не должен снова жить! Тот, кто пытается это сделать, должен стать мертвым навек. Судьи, ваш долг ясен! Что заслужил Джон Картер на основании поступков, им совершенных?

- Смерть! - вскричал один из судей.

Тут один из многочисленных слушателей вскочил, и высоко подняв руку, закричал:

- Правосудия! Правосудия!

Это был Кантос Кан, и когда глаза всех обратились к нему, он бросился мимо зодангских солдат и вскочил на площадку.

- Что здесь за суд? - закричал он, обращаясь к Зат Аррасу. - Подсудимого даже не выслушали и не дали ему возможность призвать в свою защиту других. Именем народа Гелиума я требую справедливого и беспристрастного суда над гелиумским принцем. Громкий крик прокатился по залу:

- Правосудия! Правосудия! Правосудия!

Зат Аррас не осмелился противоречить воле народа.

- Говори же, - злобно сказал он, обращаясь ко мне, - но не богохульствуй и не оскорбляй опять вещей, священных на Барсуме!

- Люди Гелиума! - вскричал я, обращаясь к зрителям через головы судей. - Как может Джон Картер ожидать правосудия от людей Зоданги? Он готов дать отчет, но только народу Гелиума! Он не просит ни у кого снисхождения. Он говорит сейчас не ради себя, а ради своего народа. Он говорит для того, чтобы спасти от поругания прекрасных женщин Барсума. Я собственными глазами видел, каким оскорблениям и пыткам подвергали их в месте, называемом храмом Иссы. Я говорю, чтобы спасти их от мучительных объятий растительных людей, от когтей огромных белых обезьян долины Дор, от жестокого сладострастия святых жрецов, от всего того, для чего холодная злобная Исса отлучает людей от семей, от любви, от жизни и счастья!

- Здесь нет ни одного человека, который не знал бы Джона Картера: как пришел он к вам из другого мира, из плена зеленых людей, пройдя через пытки и испытания, поднялся до высокого места среди высших на Барсуме! Ни один из вас никогда не слышал, чтобы Джон Картер лгал в свое оправдание, чтобы он сказал что-нибудь во вред народу Барсума, или легко отказался от чуждой ему религии, которую он уважал, не понимая ее.

В этом зале и на всем Барсуме нет ни одного человека, который не был бы обязан мне своей жизнью в тот страшный день, когда я пожертвовал собой и счастьем принцессы, чтобы спасти вас всех. Граждане Гелиума, я думаю, что имею право требовать, чтобы вы поверили мне и позволили служить вам и спасти вас от ужасов Иссы и долины Дор, как когда-то я спас вас от смерти.

Я обращаюсь к вам, к народу Гелиума. Когда я выскажусь, пусть люди Зоданги исполнят надо мной свою волю; Зат Аррас отобрал у меня мой меч - так что я им не страшен. Согласны ли вы меня слушать?

- Говори, Джон Картер! - вскричал один из зрителей, принадлежавший к высшей знати.

Толпа откликнулась на его разрешение, и здание сотряслось от гула голосов.

Зат Аррас почувствовал, что ему лучше не вмешиваться и не раздражать толпу. Я говорил с народом в течение двух часов. Но, когда я окончил, Зат Аррас встал и, повернувшись к судьям, сказал тихим голосом:

- Благородные судьи! - Вы выслушали речь Джона Картера; ему была дана полная возможность доказать свою невиновность,

если бы он не был виновен. Вместо этого он продолжал богохульствовать! Каков ваш приговор, старейшины!

- Смерть богохульнику! - вскричал один, вскочив на ноги, и в следующий момент все судьи - их было тридцать один - встали с поднятыми мечами в знак единогласного принятия приговора.

Если народ не расслышал обвинения Зат Арраса, то, конечно, все услышали приговор трибунала. По всему амфитеатру пронесся громкий ропот, и Кантос Кан, не покидавший площадки с того момента как он встал рядом со мной, поднял руку, чтобы восстановить тишину.

Когда все затихло, он начал ровным и спокойным голосом:

- Вы слышали приговор, который люди Зоданги вынесли благороднейшему из героев Гелиума? Долг гражданина Гелиума решить: принять его или отвергнуть.Пусть каждый из вас поступит согласно голосу своего сердца. Но вот ответ Кантас Кана, вождя гелиумского флота, Зат Аррасу и его судьям!

С этими словами он вынул свой меч из ножен и бросил его к моим ногам.

Через минуту солдаты и граждане, офицеры и знать столпились позади зодангской стражи, пытаясь пробиться к Трону Справедливости. Сотни людей высыпали на площадку, сотни мечей зазвенели, падая к моим ногам. Зат Аррас и его офицеры пришли в бешенство, но были бессильны. Один за другим подносил я мечи к своим губам и снова отдавал их владельцам.

- Идемте! - сказал Кантос Кан, - мы проведем Джона Картера в его собственный дворец!

Мои приверженцы собрались вокруг нас и мы направились по ступенькам, ведущим к нефу Надежды.

- Стойте! - вскричал Зат Аррас. - Солдаты Гелиума, пусть ни один пленный не покидает Трона Справедливости!

Солдаты Зоданги были единственным организованным корпусом гелиумского войска, допущенным в храм, так что Зат Аррас мог быть уверен, что его приказ будет выполнен; но я не думаю, что он предвидел бурю, которая поднялась в ту минуту, когда солдаты двинулись к трону.

По всему амфитеатру засверкали мечи. Граждане бросились к зодангцам. Кто-то крикнул: "Тардос Морс умер - да здравствует Джон Картер, джеддак Гелиума!". Когда я это услышал, я понял, что только чудо могло предотвратить бунт и неминуемую затем гражданскую войну.

Я вскочил на пьедестал Правды и воскликнул:

- Стойте! Пусть никто не двигается с места, пока я не кончу! Достаточно одного удара меча сегодня, чтобы толкнуть Гелиум

в кровавую войну, результатов которой никто не может предвидеть. Брат пойдет на брата и отец на сына. Нет человека, жизнь которого стоила бы стольких жертв! Лучше мне подчиниться несправедливому приговору Зат Арраса, чем быть причиной кровавой распри в Гелиуме. Пусть каждая из сторон уступит другой в некоторых пунктах; пусть дело останется незавершенным до возвращения Тардос Морса или Морса Каяка, его сына. Если ни один из них не вернется в течение года, может быть назначен вторичный суд; такие случаи бывали не раз.

И затем, повернувшись в Зат Аррасу, я тихо сказал:

- Если ты только не совсем дурак, ты воспользуешься, пока еще не поздно, возможностью, которую я тебе открываю. Стоит мне сказать слово - и твои солдаты будут зарублены народом. Никто на Барсуме, даже сам Тардос Морс не сможет предотвратить последствий этой резни. Что ты скажешь на это? Говори скорее! Джед Зоданги, возвысив голос, обратился к гневному морю голосов:

- Остановитесь, люди Гелиума! - закричал он дрожащим от бешенства голосом. - Приговор суда уже произнесен, но день возмездия еще не был назначен. Я, Зат Аррас, джед Зоданги, приняв во внимание связи пленника и его былые заслуги, даю отсрочку на год, или до возвращения Тардос Морса или Морса Каяка в Гелиум. Можете спокойно разойтись по домам. Идите!

Никто не двинулся. Народ стоял в напряженном молчании, с глазами, устремленными на меня, как будто ожидая сигнала для атаки.

- Очистить храм! - тихо сказал Зат Аррас одному из офицеров.

Боясь результатов этой меры, я шагнул к краю площадки и, указав толпе по направлению главного входа, приказал ей разойтись. Она послушно повернулась и прошла, молчаливая и угрожающая, мимо солдат Зат Арраса, которые смотрели на это, дрожа от бессильной ярости. Кантос Кан и другие, поклявшиеся мне в верности, все еще стояли со мной у Трона Справедливости.

- Идем! - сказал мне Кантос Кан. - Мы проведем тебя в твой дворец, мой принц! Идем, Картерис и Ксодар! Идем, Тарс Таркас!

Презрительно взглянув на Зат Арраса с высокомерной усмешкой на губах, он повернулся и сошел со ступеней трона у нефа Надежды. Я со своими спутниками и сотней преданных нам гелиумцев последовали за ним. Ни одна рука не поднялась, чтобы остановить нас, хотя взгляды, полные ненависти, следили за нашим триумфальным шествием по храму.

На улице стояла толпа народа, но она расступилась перед нами, и, пока я проходил через город к своему дворцу, стоявшему на окраине, множество мечей было брошено к моим ногам. Когда я вошел во дворец, мои старые невольники упали на колени, приветствуя мое возвращение. Им было все равно, откуда я вернулся! Им было достаточно знать, что я с ними.

- О господин! - воскликнул один из них. - Если бы только наша божественная принцесса была здесь, что это был бы за день!

Слезы выступили у меня на глазах, и я вынужден был отвернуться, чтобы скрыть свое волнение. Картерис открыто плакал в то время, как слуги теснились вокруг него, выражая ему свою преданность и горюя о нашей общей утрате.

Тарс Таркас лишь теперь узнал, что дочь его Сола ушла с Деей Торис в последнее странствие. Я не решился передать ему раньше того, что мне рассказал Кантос Кан. Со стоицизмом, свойственным зеленым марсианам, он ни единым знаком не выдал своей душевной боли, но я знал, что горе его - такое же острое, как и мое. В полную противоположность его соплеменников, в нем были сильно развиты лучшие из человеческих чувств - любовь, доброта и дружба.

Грустное общество село в тот день за праздничный стол в большом обеденном зале принца Гелиума. Нас было более ста человек, не считая членов моего маленького двора, так как Дея Торис и я держали штат, соответствовавший нашему достоинству.

Мой стол треугольный по обычаю марсиан, так как наша семья состояла из трех членов. Картерис и я сидели каждый в центре одной из сторон стола, в центре третьей стороны - резное, с высокой спинкой кресло Деи Торис стояло пустым, если не считать пышного свадебного убора и драгоценностей, которыми оно было задрапировано. Позади него стоял раб, как в те дни, когда его госпожа занимала за столом свое место, и он ожидал ее приказаний.

Так было принято на Барсуме, и я выносил эту пытку, хотя сердце мое разрывалось на части при виде пустого стула, на котором должна была сидеть моя оживленная, смеющаяся принцесса, наполняя весь зал звоном своего веселого смеха.

Справа от меня сидел Кантос Кан, тогда как направо от пустого места Деи Торис, перед возвышенной частью стола, построенного мною много лет назад, сидел в огромном кресле Тарс Таркас. Почетное место за марсианским столом - по правую руку

от хозяйки; Дея Торис всегда сохраняла его для великого тарка, который часто бывал в Гелиуме.

Хор Вастус занимал почетное место около Картериса. Разговоров было немного; это был тихий, печальный обед. Потеря Деи Торис была так свежа в душах всех! К этому еще присоединялся страх за жизнь Тардос Морса и Морса Каяка и беспокойство за дальнейшую судьбу Гелиума, лишенного своего великого Джеддака.

Внезапно наше внимание было привлечено отдаленным ревом толпы, но мы не могли разобрать, были ли то крики радости или гнева. Шум приближался и рос. Вдруг в залу ворвался невольник, крича, что у больших дворцовых ворот теснится множество народа. Вслед за первым ворвался и другой невольник, смеясь и плача, как сумасшедший.

- Дея Торис найдена! - кричал он. - Прибыл посланный от Деи Торис!

Я не стал слушать дальше. Большие окна зала выходили на дорогу, ведущую к главным воротам. Окна были на другом конце зала, причем стол отделял их от меня. Не теряя времени на обход его, я одним прыжком миновал стол и обедавших и выскочил на балкон.

Тридцатью футами ниже лежала лужайка с ярко-красным дерном, за которой множество людей толпились вокруг большого тота. Всадник, сидевший на нем, смотрел по направлению дворца.

Я соскочил на мох и быстро побежал навстречу. Подойдя ближе, я увидел, что на тоте была Сола.

- Где принцесса Гелиума? - вскричал я.

Зеленая девушка соскользнула с могучего тота и подбежала ко мне.

- О мой принц! О мой принц! - воскликнула она. Принцесса ушла навсегда! Может быть, сейчас она в плену на меньшей луне. Ее похитили черные пираты Барсума!

XVIII.

РАССКАЗ СОЛЫ

Я привел Солу в обеденный зал, где торжественно поздоровавшись со всеми и со своим отцом по установленному ритуалу

Барсума, она начала свою повесть о странствиях и пленении Деи Торис.

- Семь дней тому назад, после свидания с Зат Аррасом, Дея Торис сделала попытку ночью ускользнуть из дворца. Хоть я и не знала, в чем заключался ее разговор с джедом Зоданги, но видела, что случилось что-то, причинившее ей страшную душевную боль. Поэтому, обнаружив исчезновение ее из дворца, я сразу поняла ее цель.

Я поспешно созвала дюжину самых верных ее телохранителей; объяснила им мои опасения, и мы сговорились идти за нашей возлюбленной принцессой даже к священной Иссе или в долину Дор. Мы нагнали ее совсем близко от дворца. С ней не было никого, кроме верного Вулы. Она сперва сделала вид, что сердится, и приказала нам сейчас же вернуться во дворец, но мы отказались, и когда она поняла, что мы все равно не отпустим ее одну в последнее странствие, принцесса расплакалась, обняла нас всех, и мы вместе вышли в темноту ночи.

На следующий день мы встретили стадо небольших тотов и с тех пор все время ехали верхом. Мы двигались очень быстро и зашли далеко на юг, когда вдруг на утро пятого дня увидели большую флотилию военных судов, летящих на север. Аэропланы заметили нас, и через несколько минут мы были окружены ордой чернокожих. Телохранители принцессы благородно исполнили свой долг, но скоро все до единого были перебиты. В живых остались только Дея Торис и я.

Поняв, что она попала в руки черных пиратов, принцесса хотела лишить себя жизни, но один из чернокожих успел вырвать у нее кинжал. После этого случая они связали нас так, что мы не могли двигать руками.

Забрав нас в плен, флотилия продолжала путь к северу. Она состояла из двадцати крупных военных судов и значительного числа небольших быстроходных крейсеров. В этот вечер один из малых крейсеров, шедший далеко впереди всей флотилии, вернулся с пленницей - молодой красивой женщиной, которую, по их словам, они подобрали под самым носом трех военных судов красных марсиан.

Из обрывков разговоров, долетавших до нас, было очевидно, что черные пираты преследуют отряд беглецов, ускользнувших от них несколькими днями раньше. Они, по-видимому, придавали большое значение захвату женщины; это было ясно из долгого и серьезного допроса, который сделал ей начальник флота. За-

тем ее связали и поместили в ту же каюту, где находилась Дея Торис и я.

Новая пленница была очень красивой девушкой. Она рассказала Деи Торис, что много лет тому назад покинула двор своего отца, джеддака Птары, и ушла в добровольное странствие. Ее звали Тувия, принцесса Птары. Потом она спросила Дею Торис о ее имени, и когда услышала его, то упала на колени и начала целовать ее связанные руки. Тут она рассказала, что еще в это утро видела Джона Картера, принца Гелиума, и его сына Картериса.

Вначале Дея Торис не могла ей поверить, но, наконец, когда девушка рассказала ей обо всех чудесных событиях, случившихся с ней со времени встречи с Джоном Картером, и передала все то, что Джон Картер, Картерис и Ксодар сообщили ей о своих приключениях в стране перворожденных - Дея Торис поняла, что это не мог быть никто иной, как принц Гелиума. - Кто же еще, - сказала она, - на всем Барсуме мог бы совершить такие подвиги, кроме Джона Картера? - А когда Тувия рассказала Дее Торис про свою любовь к Джону Картеру и про его верность избранной им принцессе, Дея Торис не выдержала и разрыдалась, проклиная Зат Арраса и жестокую судьбу, вырвавшую ее из Гелиума всего за несколько дней до возвращения ее возлюбленного супруга и сына. - Я не осуждаю тебя за то, что ты любишь его, Тувия! - сказала она, - я верю, что твое чувство к нему искренно и чисто: за это говорит откровенность твоего признания.

Флотилия продолжала идти на север, почти до самого Гелиума. Но прошлой ночью, поняв, что Джон Картер от них ускользнул, они опять взяли курс на юг. Вскоре после этого в нашу каюту вошел сторож и потащил меня на палубу.

- В стране перворожденных нет места для зеленокожей! - сказал он и одним сильным ударом сшиб меня с палубы. Очевидно, такой способ казался ему наиболее удобным, чтобы освободить судно от моего присутствия и одновременно убить меня.

Но милостивая судьба пришла ко мне на помощь, и я отделалась всего легкими ушибами. Когда я падала, сердце мое сжималось от ужаса, при мысли, что я разобьюсь, так как в течение всего дня флотилия летела в тысяче футов над почвой. Но к моему крайнему удивлению я упала на мягкую массу растительности не более, чем в двадцати футах от палубы судна. Киль корабля должен был почти задевать в это время почву.

Всю ночь пролежала я неподвижно. Следующее утро принесло объяснение этой счастливой случайности, спасшей меня от ужасной смерти. Когда взошло солнце, я увидела обширную панораму морского дна с цепью холмов, лежащих передо мной. Я упала на высочайшую вершину горного хребта.

В нескольких милях от меня поблескивал большой канал. Достигнув его, я к своей радости узнала, что он принадлежит Гелиуму. Здесь мне достали тота. Остальное вам известно.

В течение нескольких минут никто не сказал ни слова. Дея Торис - во власти перворожденных! Я содрогнулся при одной мысли об этом; но вдруг во мне вспыхнул старый огонь непобедимой веры в себя.

Я выпрямился, и подняв меч, дал обет найти мою принцессу, спасти и отомстить за нее. Тотчас же в воздухе блеснули сотни мечей, и сотни воинов, вскочив на стол, поклялись отдать мне свои жизни и состояние. Мой план был уже составлен.

Я поблагодарил каждого из преданных друзей и, оставив Картериса с гостями, удалился в аудиенц-залу с Кантос Каном, Тарс Таркасом, Ксодаром и Хор Вастусом для совещания с ними.

Здесь мы долго обсуждали подробности экспедиции. Ксодар готов был поклясться, что Исса изберет обеих - Дею Торис и Тувию - чтобы они служили ей в течение года.

- На этот период времени они, по крайней мере, в сравнительной безопасности, - сказал я, - и мы будем знать, где их искать.

Вопросы снаряжения флота для выхода в Омин были переданы на рассмотрение Кантос Кана и Ксодара. Они пришли к заключению, что необходимо немедленно взять в доки те суда, которые мы выберем для экспедиции. Ксодар взялся приспособить их для воды и снабдить водяными пропеллерами. Наш черный друг уже много лет занимался ремонтом захваченных в плен военных судов с целью приспособить их для плавания в водах Омина, и поэтому был хорошо знаком с конструкцией пропеллеров, непроницаемых переборок и всяких других приспособлений.

Мы рассчитали, что потребуется не менее шести месяцев, чтобы закончить наши приготовления, ввиду того,что надо было держать проект в величайшей тайне от Зат Арраса. Кантос Кан был уверен, что честолюбие последнего сильно возбуждено и что он метит в джеддаки Гелиума.

- Я сомневаюсь даже, - добавил Кантос Кан, - будет ли он рад возвращению Деи Торис. Это приблизит к трону другого. Когда

ты и Картерис сойдете с его пути, ничего не помешает ему добиться звания джеддака, и ты можешь быть уверен, что когда Зат Аррас станет у власти, ни один из нас не будет в безопасности!

- Я знаю слово, - промолвил Хор Вастус, - которое преградило бы ему путь раз и навсегда!

- Какое же? - спросил я.

Он улыбнулся.

- Я только шепну его здесь, но настанет день, когда я буду стоять под куполом храма "Возмездие" и кричать его громко на радость толпы, стоящей внизу.

- Какое же это слово? - спросил Кантос Кан.

- Джон Картер - джеддак Гелиума, - произнес Хор Вастус медленно и тихо.

Улыбки радости осветили лица моих верных друзей, у всех загорелись глаза и вопросительно обратились ко мне, но я покачал головой.

- Нет, друзья мои! - сказал я. - Я благодарю вас, но этого не следует делать. По крайней мере, сейчас, пока мы доподлинно не узнаем, что Тардос Морс и Морс Каяк ушли навеки. Если я буду здесь, то пойду с вами и буду следить, чтобы народ Гелиума свободно избрал следующего джеддака. Тот, кого он изберет, сможет рассчитывать на мою преданность и поддержку; но я не буду искать этой чести для себя. Но пока Тардос Морс по-прежнему джеддак Гелиума, а Зат Аррас - его заместитель.

- Как тебе угодно, Джон Картер! - сказал Хор Вастус. - Но...что это такое? - прошептал он, указывая на окно, выходившее в сад.

Едва сказав это, Хор Вастус уже выскочил на балкон.

- Вот он! - возбужденно закричал он. - Стража! Там внизу! Стража!

Мы стояли за ним, и все успели заметить фигуру человека, быстро пробежавшего через маленький кусок газона, и скрывшегося в кустах позади.

- Он был на балконе, когда я его увидел! - закричал Хор Вастус. - Скорее! Догоним его!

Мы побежали в сад и вместе со стражей тщательно обыскали каждый куст, но не нашли никаких следов ночного грабителя.

- Что ты скажешь об этом, Кантос Кан? - спросил Тарс Таркас.

- Это шпион, посланный Зат Аррасом. Он всегда прибегает к таким способам!

- Он передаст много интересного своему господину, - прибавил, смеясь, Хор Вастус.

- Надеюсь, что он слышал только наш разговор относительно нового джеддака, - промолвил я тревожно. - Если он подслушал наши планы спасения Деи Торис, это приведет к гражданской войне. Зат Аррас станет мешать нам, а в данном случае я не потерплю помехи! Тут я пошел бы против самого Тардос Морса, если бы это оказалось нужным. Даже, если это погрузит весь Гелиум в кровавую распрю, я не оставлю своего намерения спасти принцессу. Ничто не остановит меня, кроме смерти, и если я умру, клянетесь ли вы, друзья, продолжить мои поиски и привести Дею Торис назад ко двору ее деда?

- Клянемся! - воскликнул каждый из них и поднял свой меч в знак клятвы.

Затем было решено, что корабли, требующие ремонта, будут отправлены в Хастор, гелиумский город, расположенный к юго-западу. Кантос Кан полагал, что доки в Хасторе, кроме своей регулярной работы, смогут через некоторое время привести в порядок по меньшей мере шесть военных судов. Как главнокомандующему флота, ему будет нетрудно затребовать эти суда для ремонта и затем содержать обновленный флот в отдаленных частях государства, пока мы готовимся к экспедиции на Омин.

Наша конференция закончилась поздно ночью, зато каждому были розданы определенные обязанности и общий план был разработан до мельчайших подробностей.

Кантос Кан и Ксодар следили за ремонтом судов. Тарс Таркас должен был войти в сношение с тарками и выяснить, как там народ отнесется к его возвращению из долины Дор.

Если бы отношение народа оказалось благоприятным, он должен был немедленно отправиться в Тарк и поднять большую орду зеленых воинов, которых мы намеревались послать прямо в долину Дор и храм Иссы, в то время как корабли войдут в Омин с целью разгромить флот перворожденных.

На Хор Вастуса была возложена трудная миссия - организовать секретный отряд летчиков, поклявшихся следовать за Джоном Картером, куда бы он ни попал. Мы полагали, что потребуется около миллиона людей для тысячи больших военных судов, которые мы намеревались отправить на Омин для того, чтобы организовать транспортировку зеленокожих. Отсюда ясно, что Хор Вастусу предстояло нелегкое дело.

После их ухода я пожелал спокойной ночи Картерису, так как он устал чрезвычайно и, пойдя в свои апартаменты, принял ванну и лег на спальные меха; я надеялся, что мне удастся наконец

хорошо выспаться в первый раз после моего возвращения на Барсум. Но и на этот раз я обманулся.

Не знаю, как долго я спал. Внезапно проснувшись, я увидел около себя полдюжины сильных людей. Мне заткнули рот и крепко связали руки и ноги. Они проделали все это так быстро и ловко, что оказался не в силах сопротивляться им, даже когда вполне проснулся.

Они не произнесли ни слова, и кляп, которым был заткнут мой рот, мешал мне говорить. Медленно подняв меня, они направились к двери моей комнаты. Когда меня проносили мимо окон, сквозь которые дальний месяц бросал свои яркие лучи, я увидел, что каждый имел на лице нечто вроде шелковой маски, и я не мог никого узнать.

В коридоре они подошли к секретному ходу, выходившему в подвалы дворца. Я был уверен, что никто, кроме моих домашних не знает об этом проходе. Однако предводитель шайки ни минуты не колебался. Он прямо подошел к той части стены, где была скрыта пружина, и нажал ее; когда дверь открылась, он стал рядом и следил, пока его сообщники выходили со мной. Затем он закрыл дверь и последовал за нами.

Мы спустились в подвалы и пошли по длинному извилистому коридору, которого я сам никогда не исследовал. Мы шли все дальше и дальше, пока я не убедился, что мы далеко оставили за собой границы дворцовых земель и что дорога опять выходила к поверхности.

Вдруг отряд остановился перед голой стеной. Предводитель три раза ударил по ней острием своего меча. Затем, после небольшой паузы, он сделал еще два удара. В следующий миг стена раскрылась, и меня втолкнули в ярко освещенную комнату, в которой сидели трое богато одетых мужчин. Один из них обернулся ко мне с сардонической улыбкой на устах. Это был Зат Аррас!

XIX.

ЧЕРНОЕ ОТЧАЯНИЕ

А-а! - протянул Зат Аррас. - Какой счастливой звезде я обязан видеть здесь принца Гелиума?Когда он заговорил, один из стражей вынул кляп из моего рта, но я не ответил. Я молча, спокойно стоял, глядя глаза в глаза джеду Зоданги. И я не сомневаюсь, что

на моем лице он ясно прочел презрение, которое я к нему испытывал.

Взоры присутствующих устремились сначала на меня, потом на Зат Арраса, пока наконец краска гнева не разлилась у него на лице.

- Джон Картер! - сказал он. - Согласно требованию обычая и закона Барсума, согласно приговору беспристрастного суда - ты должен умереть. Народ тебя не спасет. Один я могу это сделать. Ты в моей власти: я могу убить тебя, могу дать свободу; и если бы я решил убить тебя, ничто не могло бы быть разумней.

Если ты будешь спокойно жить в Гелиуме в течение года, народ, наверное, не даст привести приговор в исполнение. А это совершенно недопустимо. Вот что я предлагаю тебе: ты можешь свободно уйти через две минуты - при одном условии. В течение года Гелиум должен избрать нового джеддака. Ни Тардос Морс, ни Морс Каяк, ни Дея Торис никогда не вернуться в Гелиум. Зат Аррас будет джеддаком Гелиума. Скажи, что ты будешь защищать мое дело. Это цена твоей свободы. Я кончил!

Я стал размышлять. Свободный, я мог бы продолжать поиски Деи Торис...

Я знал, что Зат Аррас задался целью уничтожить меня. Если бы я умер, он легко стал бы джеддаком Гелиума. Если бы я умер, мои храбрые товарищи едва ли смогли бы выполнить наши планы. Отказывая в его требовании, я нисколько не препятствовал ему стать джеддаком Гелиума и приговаривал Дею Торис к ужасной смерти в храме Иссы! Что предпринять? Я был в нерешительности - но всего одну минуту. Гордая дочь тысячи джеддаков предпочла смерть унизительному союзу с Зат Аррасом; Джон Картер должен был сделать для Гелиума не меньше, чем его принцесса!

Я повернулся к Зат Аррасу и решительно сказал:

- Соглашения между изменником Гелиума и принцем дома Тардос Морса быть не может. Я не верю тебе, Зат Аррас! Мое мнение - великий джеддак не умер.

Зат Аррас пожал плечами:

- Джон Картер! - сказал он. - Тебя скоро перестанут интересовать твои собственные мнения, поэтому сейчас думай, что тебе угодно! Зат Аррас разрешит тебе в должное время вспомнить еще о великодушном предложении, которое я тебе сделал. Сегодня ночью ты вступишь в темноту и безмолвие тюрьмы. Если ты не захочешь согласиться на мое требование, то никогда не

выйдешь из темноты. Ты даже не будешь знать, в какую минуту рука с кинжалом протянется к тебе сквозь мрак и лишит тебя последнего шанса вновь почувствовать тепло и радость внешнего мира.

Кончив говорить, Зат Аррас хлопнул в ладоши. Появилась стража. Зат Аррас указал на меня рукой.

- В погреб! - сказал он. Это было все!

Четыре воина вывели меня из комнаты и пошли все ниже и ниже через туннели, казавшиеся бесконечными. Наконец они остановились в довольно большом погребе. В каменные стены были вделаны кольца. К ним были прикреплены цепи, и в конце многих цепей лежали человеческие скелеты. Они отбросили в сторону один из них, и открыв громадный замок, скреплявший цепь вокруг того, что было когда-то человеческой ногой, обвили железным кольцом мою ногу. Затем они ушли, унеся с собой свой радиофонарь.

Вокруг - полная тьма. Несколько минут доносился еще звон их вооружения, но все слабей и слабей, пока наконец не наступила полная тишина. Я был один с моими печальными товарищами - с костями умерших здесь людей, судьба которых была, вероятно, предсказанием моей.

Не знаю, долго ли я стол, прислушиваясь во мраке: безмолвие не прерывалось ничем. Я опустился на твердый пол моей тюрьмы и уснул, прислонившись головой к каменной стене. Прошло, наверное, несколько часов, когда я проснулся от яркого света. Передо мной стоял какой-то молодой человек. В одной руке он держал фонарь, во второй - посуду, наполненную массой вроде каши, обычным кушаньем заключенных в тюрьмах Барсума.

- Зат Аррас шлет тебе привет, - сказал молодой человек, - и велит передать тебе, что хотя ему хорошо известен заговор, имеющий целью сделать тебя джеддаком Гелиума, он все же не склонен отказаться от того предложения, которое он тебе сделал. Чтобы стать свободным, тебе только стоит приказать известить Зат Арраса, что ты принимаешь его условия.

Я молча покачал головой. Юноша ничего больше не сказал; он поставил пищу на пол рядом со мной и вышел, захватив с собой свет.

В течение многих недель юноша два раза в день приходил в мою камеру с пищей и с тем же приветствием от Зат Арраса. Я

долго старался втянуть его в разговор о других вещах, но он не хотел говорить, и я наконец отступился.

Целые месяцы я напряженно думал, как бы известить Картериса о том, где я нахожусь. Целые месяцы я скоблил одно из звеньев массивной цепи, державшей меня, в надежде протереть его и выйти вслед за юношей по извилистому коридору и как-нибудь выбраться на свободу.

Я был вне себя от беспокойства за исход экспедиции, которая должна была спасти Дею Торис. Я знал, что Картерис не оставит этого дела в том случае, если он на свободе, но я прекрасно понимал, что и он мог оказаться пленником в погребах Зат Арраса.

Я знаю, что шпион Зат Арраса подслушал наш разговор относительно избрания нового джеддака: а ведь всего несколькими минутами раньше мы обсуждали подробности плана спасения Деи Торис. Все шансы за то, что и это дело тоже было ему известно! Может быть, мои друзья уже пали жертвами убийц Зат Арраса? Может быть, все они уже давно заключены в тюрьму?

Я решил еще раз попытаться выведать что-нибудь и прибегнуть на этот раз к хитрости. Я заметил, что юноша, приходивший ко мне, был довольно красивой наружности, приблизительно роста и возраста Картериса. Я заметил также, что его жалкие лохмотья совсем не подходили к его полной достоинства благородной осанке. На основании этих наблюдений в следующий его визит я открыл переговоры:

- Ты был добр ко мне во время моего здесь заключения, - сказал я ему, - и так как я чувствую, что жить мне осталось немного, я хотел бы, пока еще не поздно, дать тебе вещественное доказательство моей благодарности за все, что ты делал, чтобы облегчить мою участь. Ты аккуратно, каждый день приносил мне пищу, следя, чтобы она была чистой и чтобы ее было достаточно. Ты никогда ни словом, ни делом не пытался злоупотребить моим беззащитным положением, оскорблять или мучить меня. Ты всегда был вежлив и внимателен к одинокому пленнику и, я глубоко благодарен тебе за это! Мне хочется подарить тебе что-нибудь на память.

В кладовых моего дворца много красивых украшений. Пойди туда и выбери себе полное вооружение: оно будет твоим! Я прошу только, чтобы ты всегда носил его. Скажи, что ты это исполнишь!

Пока я говорил, глаза мальчика заблестели от радости, и я увидел, как он перевел взгляд со своей бедной рваной одежды на мой великолепный наряд.

В продолжении минуты он стоял в нерешительности, а я так волновался, что мое сердце, кажется, перестало биться... Как многое зависело от его ответа!

- Если я пойду во дворец принца Гелиума с такой просьбой, там просто осмеют меня и, в придачу, вышвырнут головой вниз на мостовую. Нет, это невозможно, хотя я благодарю тебя за предложение. Если бы Зат Аррас подозревал, что я говорю об этом, он приказал бы вырвать мое сердце...

- Это не причинит тебе никакого вреда, мой мальчик! - убеждал я его. - Ты можешь войти в мой дворец ночью с запиской от меня к Картерису. Прочти записку перед тем, как передать ее, и ты будешь спокоен, что она не содержит ничего плохого для Зат Арраса. Мой сын никому ничего не скажет: об этом будем знать только мы трое. Это такой безобидный поступок, что его никто не осудит!

Он опять помолчал, по-видимому, охваченный внутренней борьбой.

Я продолжал:

- Там есть короткий меч, усыпанный драгоценными камнями. Я снял его с трупа одного северного джеддака. Когда ты будешь брать вооружение, пусть Картерис даст тебе этот меч. Тогда во всей Зоданге не будет юноши, вооруженного лучше тебя! Когда ты в следующий раз придешь сюда, захвати с собой принадлежности для письма, и через несколько часов мы увидим тебя одетым, как подобает при твоей наружности и происхождении.

Все еще раздумывая и не отвечая ни слова, юноша повернулся и оставил меня. Я не мог догадаться, какое решение он принял, и страшно беспокоился об итоге своего плана.

Если он примет письмо к Картерису, это будет означать, что Картерис еще жив и свободен. Если юноша вернется в доспехах и с мечом, я буду знать, что Картерис получил мое письмо, что я жив. Тот факт, что носителем письма явился зодангский юноша, укажет Картерису, что я захвачен Зат Аррасом.

Когда на следующий день юноша вошел в мою камеру, я едва мог скрыть мое волнение, но ничего не сказал ему, кроме обычного приветствия. Ставя пищу на стол, он положил возле меня принадлежности для письма.

Мое сердце было готово выпрыгнуть от радости! Я выиграл это дело! С минуту я смотрел на письменные принадлежности с притворным изумлением, затем, как будто вспомнив, в чем дело, взял перо и бумагу и написал краткое приказание Картерису выдать Партаку доспехи по его выбору и короткий меч, который я описал. Это было все. Но для меня и Картериса это означало очень многое.

Я оставил письмо открытым на полу. Партак поднял его и ушел, не проронив ни слова.

В то время я томился уже около трехсот дней. Если можно было еще что-то сделать для спасения Деи Торис, нужно было сделать это скорее. Ведь избранные богиней Иссой живут только один год!

На следующий день, заслышав шаги Партака, я сгорал от нетерпения. Он был в моем дворце, видел моего сына, его блестящие доспехи молчаливо укажут мне, что Картерис извещен о моей судьбе. Представьте мое разочарование, когда я увидел, что принесший был не Партак!

- Что случилось с Партаком? - спросил я его, но сторож не ответил, и положил мою пищу на пол, тотчас же повернулся и вышел.

Дни снова пошли за днями. Новый тюремщик никогда не говорил мне ни слова, и даже не отвечал на самые простые вопросы. Я мог только предполагать о причинах исчезновения Партака. Было более, чем вероятно, что они состояли в связи с письмом, врученном мною ему.

После всех надежд оказалось, что мое положение не только не лучше, но даже хуже, чем раньше. Я не знал даже, жив ли Картерис, так как если Партаку захотелось выслужиться перед Зат Аррасом, он мог дать мне написать письмо к сыну, а затем отнести его своему господину в доказательство своей бдительности и преданности.

Прошло тридцать дней с тех пор, как я передал письмо юноше, триста тридцать с тех пор, как меня заперли в погреб. По моему подсчету, оставалось приблизительно тридцать дней до исполнения над Деей Торис кровавого ритуала Иссы...

При этой страшной картине, ярко вставшей в моем воображении я закрывал лицо руками и лишь с большим усилием подавлял подступавшие слезы. Подумать только, что жестокие когти белых обезьян будут рвать прекрасное тело моей принцессы! Неумолимый рассудок говорил мне, что через тридцать дней моя

несравненная Дея Торис будет на арене перворожденных во власти диких зверей. Что они будут таскать по грязи и пыли ее окровавленное, измученное тело, пока, наконец, часть его, спасенная для пира черной знати, не будет подана на стол!

Я думаю, что сошел бы с ума, если бы время от времени не раздавались шаги моего тюремщика. Это отвлекало меня от ужасных образов всецело завладевших моей душой.

Однажды жестокий замысел блеснул в моей голове. Я решил сделать сверхчеловеческое усилие и бежать отсюда.

За мыслью моментально последовало действие. Я бросился на пол моей камеры близ стены, в напряженной судорожной позе, как будто умер в припадке конвульсий. Когда сторож наклонится надо мной, мне нужно будет только схватить его рукой за горло и нанести сильный удар концом цепи, которую я крепко зажал в правой руке.

Ближе и ближе подходил приговоренный человек. Теперь я услышал, как он остановился передо мной. Раздалось неясное восклицание, и затем он шагнул ближе. Я почувствовал как он стал на колени рядом со мной, и крепче сжал цепь. Он наклонился ко мне совсем близко. Теперь мне нужно было открыть глаза, найти его горло, схватить его и нанести ему в ту же минуту один могучий, смертельный удар.

Все произошло так,как я рассчитал. Момент между открытием моих глаз и падением цепи был так короток, что я не сумел остановиться, хотя в этот краткий миг успел разглядеть, что лицо, так близко склонившееся к моему лицу, было лицом Картериса...

Боги! Что за лукавая и жестокая судьба придумала этот страшный конец? Что за удивительная цепь событий привела моего мальчика как раз в тот момент, когда я мог убить его? В эту страшную минуту великодушное провидение затмило мой разум, и я упал без сознания на безжизненное тело моего единственного сына.

Придя в себя, я почувствовал, что на лоб мне легла твердая прохладная рука. В течение минуты я не открывал глаз. Я старался собрать обрывки мыслей, скользивших в моем усталом, переутомленном мозгу.

Наконец в сознании всплыла жестокая действительность, и тогда я не посмел открыть своих глаз - из страха увидеть того, кто лежал рядом со мной. Меня удивляло то, что кто-то старается привести меня в чувство. Кто это мог быть?

Вероятно, Картерис привел с собой товарища, которого я не заметил. Что же! В конце концов я должен увидеть неизбежное! И я со вздохом открыл глаза...

Надо мной склонился Картерис с большим кровоподтеком на лбу в том месте, где ударила цепь, но живой, слава богу, живой! С ним никого не было. Раскрыв объятия, я заключил в них моего мальчика, изнемогая от счастья, безумного счастья, которое сразу охватило меня.

Тот краткий миг, в который я увидел и узнал Картериса, был, вероятно, достаточным, чтобы ослабить силу удара. Он сказал, что пролежал без сознания некоторое время, как долго - он не знал.

- Но как ты вообще попал сюда? - спросил я, удивленный, что он нашел меня без проводника.

Благодаря находчивости, с которой ты известил меня через Партака о своем существовании и заключении. До того, как он пришел за своими доспехами и мечом, мы считали тебя мертвым. Прочтя твое письмо, я сделал, как ты приказал, то есть дал Партаку выбрать доспехи и потом принес ему драгоценный короткий меч, но в ту минуту, как я выполнил обещание, которое ты, очевидно, дал ему, мои обязательства в отношении его прекратились. Я начал расспрашивать его о твоем местопребывании, но он ни за что не хотел отвечать; он был глубоко верен Зат Аррасу.

- Я потребовал от него точных указаний о твоем месте заключения; но он продолжал упорствовать, отказываясь сообщить что бы то ни было. В отчаянии я велел отвести его в подвал, где он теперь и находится. Никакие угрозы, никакие подкупы, даже баснословные, его не трогали. Единственный его ответ на все наши домогательства был таков: "Когда бы ни умер Партак, сейчас или тысячу лет спустя, никто не сможет сказать, что в долину Дор ушел изменник!"

Наконец Ксодар, который бывает находчив как бес, придумал способ вырвать от него нужное нам указание. Он предложил Хор Вастусу надеть вооружение зодангца и дать заковать себя в цепи в камере Партака. Благородный Хор Вастус в течение пятнадцати дней томился в подвале, но не напрасно. Мало-помалу он завоевал доверие и дружбу Партака, и, наконец, сегодня Партак, думая, что говорит со своим близким другом, точно объяснил ему, в какой камере ты заключен.

- Мы отыскали в архиве планы гелиумских погребов; но найти тебя оказалось все же делом нелегким.

Отверстия, ведущие из колодцев, непосредственно связанных с погребами, расположены под правительственными зданиями и всегда охраняются. Поэтому, когда я спустился к выходу у дворца,который занимает Зат Аррас, я нашел там зодангского солдата, несущего караул. Я там же и оставил его, проходя мимо, но оставил мертвым. А сюда я подоспел как раз вовремя, чтобы быть укокошенным тобою, - заключил он со смехом свой рассказ.

Говоря все это, Картерис возился над замком моих кандалов; через минуту он с радостным восклицанием сбросил их на пол. Я с облегчением поднялся. Наконец я освободился от ужасного железного кольца, которое сдирало мою кожу столько времени.

Мой сын принес для меня длинный меч и кинжал. Вооруженные таким образом, мы пустились в обратный путь к моему дворцу.

У выхода из колодцев Зат Арраса мы нашли мертвое тело часового. Оно еще не было обнаружено, и чтобы еще более отдалить поиски и сбить с толку преследователей, мы унесли тело с собой и скрыли его в маленькой камере главного коридора, выходящего на соседний участок.

Через полчаса мы подошли к шахте, расположенной под нашим собственным дворцом, и вскоре вошли в комнату для совещаний, где застали Кантоса Кана, Хор Вастуса и Ксодара, ожидавших нас с большим нетерпением.

Мы не тратили времени на бесплодные повествования о моем тюремном заключении. Единственное, что меня интересовало, было узнать скорее, насколько удались планы, которые мы выработали.

- Их выполнение заняло гораздо больше времени, чем мы ожидали, - ответил Кантас Кан. - Мы были вынуждены соблюдать строжайшую тайну, и это нас страшно стесняло. Шпионы Зат Арраса рассеяны повсюду. Тем не менее, насколько мне известно, до слуха этого негодяя не дошло ни звука из наших истинных замыслов. Сегодня на больших доках в Хасторе уже стоит в готовности флот из тысячи могущественных военных единиц, какие когда-либо ходили вдоль берегов Барсума. Каждое из этих судов снабжено экипажем, нужным для плаванья как в воздухе Омина, так и в его водах.

На каждом военном корабле имеется пять крейсеров, на десять человек, десять разведочных судов на пять человек каждое, и сто легких судов для одиночных разведчиков. Всего, таким

образом, имеется сто шестнадцать тысяч судов, снабженных как воздушными, так и водяными пропеллерами.

- В Тарке стоят транспорты для зеленых воинов Тарс Таркаса, в составе девятисот больших десантных кораблей и судов, конвоирующих их. Уже семь дней тому назад все было готово, но мы еще выжидали в надежде, что тебя удастся освободить вовремя и что ты возьмешь на себя командование экспедицией. Мы хорошо поступили, мой принц!

- Тарс Таркас, - спросил я, - как примирились люди Тарка с твоим возвращением?

- Они отправили ко мне сюда делегацию из пятидесяти вождей для переговоров, - отвечал Тарс Таркас. - Мы народ справедливый. Поэтому, когда я рассказал им историю всех событий, они единогласно решили, что они поступят со мной так же, как Гелиум поступит с Джоном Картером. По их просьбе я должен был вернуться на мой трон и войти в переговоры с соседними ордами, как джеддак Тарка, относительно доставки последними сухопутных войск для нашей экспедиции. Я выполнил мою задачу. Призваны двести тысяч бойцов; они представляют собой тысячу различных общественных единиц из различных племен, кочующих от северного полюса до южного.

Сегодня вечером они должны собраться в столице Тарк. Они готовы по моему зову идти в страну перворожденных и биться там, пока я не прикажу им остановиться. Они просят только позволить им захватить с собой добычу и унести ее в собственную страну, когда кончатся бои и грабеж! Я кончил!

- А ты, Хор Вастус! - спросил я, - чего ты достиг?

Он ответил мне:

- Миллион ветеранов-бойцов с узких каналов Гелиума посажены на военные корабли, транспорты и конвойные суда: каждый из них произнес присягу в верности и хранения тайны. Все они надежные люди; ни из одного округа, внушающего подозрения, не призвано бойцов.

- Прекрасно! - вскричал я. - Каждый из вас исполнил свой долг. Не могли бы мы немедленно, еще до восхода солнца отправиться в Хастор?

- Мы не будем терять времени, принц, - отвечал Кантос Кан. - Население Хастора и то уже расспрашивает о цели снаряжения столь значительного флота, наполненного бойцами. Меня поражает, что слух об этом не дошел до Зат Арраса! Крейсер ждет тебя на твоем собственном доме. В дорогу!

Залп выстрелов, донесшихся из дворцовых садов, оборвал его речь.

Все мы бросились на балкон, как раз в тот момент, когда человек двенадцать из моей дворцовой стражи бросились к нескольким удаленным кустам, преследуя кого-то, спасавшегося бегством. Прямо под нами на багровой лужайке кучка стражников окружала неподвижное распростертое тело.

По моему приказанию тело перенесли в комнату, где мы держали совет. Когда они опустили его к нашим ногам, мы увидели, что это был краснокожий молодой человек. Его вооружение было просто, как вооружение рядового солдата или же человека, желавшего скрыть свою личность.

- Еще один из шпионов Зат Арраса, - воскликнул Хор Вастус.

- По-видимому, да! - заметил я и, обращаясь к стражникам, прибавил. - Унесите прочь это тело!

- Постойте, - сказал Ксодар. - Благоволи, принц, приказать, чтобы принесли кусок сукна и небольшой сосуд с маслом.

Я кивнул в знак согласия одному из солдат, который вышел из комнаты и тотчас же вернулся с вещами, затребованными Ксодаром. Чернокожий встал на колени возле тела и обмакнул кусок сукна в масло, потер им слегка лицо убитого. Затем он с улыбкой обернулся ко мне и показал результат своей работы. На лице оказалось пятно кожи - белой, как моя собственная. Тогда Ксодар схватил в руку черные волосы и резким движением сорвал их прочь: под ними был лысый череп!

Стражники и офицеры тесно окружили труп, распростертый на мраморном полу. Не было конца возгласам изумления.

- Это младший жрец! - прошептал Тарс Таркас.

- Боюсь, что гораздо хуже, - возразил Ксодар.

- Посмотрите!

С этими словами он вытащил кинжал и вскрыл запертый кошелек, висевший на доспехах мертвого; он извлек оттуда золотой ободок, украшенный большим драгоценным камнем. Это было украшение под пару того, какое я взял у Сатор Трога.

- Это был святой жрец, - сказал Ксодар. - К счастью для нас ему не удалось уйти.

В эту минуту в комнату вошел взволнованный офицер.

- Принц, имею доложить, что товарищ этого молодца скрылся от нас. Полагаю, что это произошло не без попустительства

одного или нескольких людей, приставленных к воротам. Я приказал арестовать их всех.

Ксодар передал ему масло и сукно.

- С помощью этого средства ты можешь обнаружить шпионов, - сказал он.

Я немедленно распорядился о производстве секретных розысков в городе, так как каждый марсианский сановник имеет собственную полицию. Полчаса спустя офицер стражи снова явился с докладом. На этот раз наши худшие опасения оказались подтвержденными: половина стражников у ворот оказались жрецами, выкрашенными под гелиумцев.

- Идемте! - воскликнул я. - Дорога каждая минута! Идем сейчас же в Хастор. Если жрецы попытаются задержать нас, это приведет к крушению всех планов и к полному расстройству экспедиции.

Десять минут спустя мы неслись в ночной тьме к Хастору, готовясь нанести первый удар для спасения Деи Торис.

XX.

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Через два часа после того, как я покинул дворец в Гелиуме, то есть около полуночи, Кантос Кан, Ксодар и я прибыли в Хастор. Картерис, Тарс Таркас и Хор Вастус отправились прямо в Тарк на другом крейсере.

Транспортные суда должны были тотчас же двинуться в путь. Им было приказано немедленно идти к югу. Военный флот должен был нагнать их утром второго дня.

В Хасторе все уже было готово. Кантос Кан так обдумал все детали компании, что через десять минут после нашего прибытия первый корабль уже выплыл из дока, а затем через каждую секунду один корабль за другим плавно поднимался в темное небо. Образовалась длинная линия, тянувшаяся далеко к югу.

Только когда мы вошли в каюту, мне вздумалось спросить Кантас Кана, какое у нас число. Я так и не знал, наверное, сколько времени я провел в темнице Зат Арраса. Кантас Кан мне ответил, и сердце мое сжалось в смертельной тоске. Я просчитался во

времени! Триста шестьдесят пять дней уже прошли - было слишком поздно спасти Дею Торис.

Я не сказал об этом Кантас Кану, не сказал ему, что даже если мы войдем в храм Иссы, то вряд ли найдем там принцессу Гелиума. Она могла быть уже убитой, и я не знал точно числа, когда она в первый раз увидела Иссу.

Но к чему было смущать друзей предчувствием личного горя? Они уже и так достаточно разделили со мной в прошлом все опасности и волнения. Отныне я хотел один нести свою печаль, а поэтому я никому не сказал о том, что мы опоздали.

Если экспедиция не могла спасти, она могла покарать! Кроме того польза такого набега для народов Барсума могла быть огромной: они должны были воочию убедиться в жестоком обмане, в котором их держали долгие века. Тысячи людей могли ежегодно спасаться от страшной судьбы, которая подстерегала их в конце благочестивого паломничества.

Еще больше пользы принесла бы экспедиция, если бы открыла красным людям путь в прекрасную долину Дор. В стране потерянных душ между утесами гор Оц и ледяными горами лежало много земель, которые и без орошения давали бы богатый урожай.

Это была самая плодородная местность на всей поверхности умирающей планеты. Только здесь бывали дожди, падала роса, только здесь имелось море и вода в изобилии. И все это находилось во власти жестоких и злобных существ, а остальным барсумцам доступ в эту прекрасную плодородную страну преграждался остатками некогда могучих рас. Если бы только мне удалось сломить преграду религиозных суеверий, которая удерживала красных людей вдали от этого Эльдорадо! Я достойно увековечил бы этим память моей бесценной Деи Торис. Я снова послужил бы на пользу Барсума, и мученичество Деи Торис не было бы напрасным.

На утро второго дня, при первых проблесках рассвета, мы увидели вдали транспорты и вскоре смогли обменяться сигналами. Должен заметить, что радиограммы очень редко употребляются в военное время для передачи каких-либо секретных сообщений. Как только одна нация придумывает секретный шифр или изобретает новый инструмент для беспроволочной передачи, соседние народы немедленно прилагают все усилия, пока им не удастся перехватить и расшифровать сообщения. Таким образом, практически невозможно ими пользоваться, и ни

одна армия не решается передать таким способом важные сообщения.

Тарс Таркас сообщил, что на транспортах все благополучно. Военные суда прошли вперед и соединенный флот немедленно поплыл над южным полюсом, держась близко от поверхности почвы - из боязни быть обнаруженными раньше времени. Мы уже приблизились к владениям жрецов.

Далеко в авангарде цепь воздушных разведчиков оберегала нас от неожиданного нападения. Таким же образом мы были защищены с флангов и с арьергарда; весь наш флот растянулся на протяжении двадцати миль. В таком построении мы двигались несколько часов по направлению ко входу в Омин, когда один из авангардных разведчиков вернулся с донесением, что видно отверстие горы. Почти в ту же минуту с левого фланга отделился другой разведчик, летя к нам с бешеной скоростью.

Быстрота его хода говорила о важности донесения. Кантос Кан и я ожидали его на маленькой передней палубе, которая соответствует мостику на морских кораблях. Едва небольшой аэроплан опустился на палубу нашего судна, как разведчик вбежал к нам по лестнице.

- Большой флот военных кораблей на западе! - закричал он. - Их должно быть около тысячи и они все направляются прямо на нас.

- Шпионы жрецов не напрасно проникли во дворец Джона Картера, - заметил Кантас Кан. - Ждем твоих приказаний!

- Послать десять военных кораблей для охраны входа в Омин с приказанием не выпускать и не впускать ни одно враждебное судно. Мы этим закупорим большой флот перворожденных.

- Остальные военные суда строятся в виде большого "у" с острием, направленным прямо на юго-восток. Транспортные суда в непосредственной близости следуют за кораблями, пока острие "у" не войдет в неприятельскую линию; тогда "у" разогнется у основания в обе стороны, из которых каждая должна напасть на врага и оттеснить его так, чтобы получилась брешь. Транспортные суда должны ринуться в эту брешь и как можно быстрее занять позицию над храмами и садами жрецов.

- Здесь они высадятся и зададут святым жрецам такой урок, который те не забудут до конца веков. В мои намерения не входит отвлекаться от главной цели нашей экспедиции, но нам необходимо произвести это нападение на жрецов, а то они не оставят нас в покое, пока наш флот находится вблизи долины Дор, и будут всячески мешать нашему возвращению во внешний мир.

Кантос Кан немедленно повернулся, чтобы отдать мои приказания своим помощникам. В несколько минут флот перестроился; десять кораблей, предназначенных к охране входа в Омин, поспешили к месту своего назначения, а транспорты заняли положение за боевыми кораблями.

Был отдан приказ идти с высшей скоростью. Флот помчался по воздуху, как стая борзых собак, и через минуту оказался в виду неприятеля. Он представлял собой длинную извилистую линию. Наша атака была для него неожиданна, как гром с ясного неба, и застигла врасплох.

Каждая часть моего плана была выполнена блестяще. Наши огромные суда пробились через линию неприятельского флота. Затем "у" разомкнулось, и транспорты проскочили по направлению к храмам жрецов, которые отчетливо виднелись, залитые лучами солнца. К тому времени, когда флот жрецов оправился от неожиданности и принял бой, сто тысяч зеленых воинов уже наводнили сады в тылу у них, а сто пятьдесят тысяч других воинов на низко летящих транспортных судах направляли свои меткие выстрелы в защитников храмов и укреплений.

Оба огромных флота сцепились теперь в титаническом бою высоко над роскошными садами жрецов. Медленно соединялись концы гелиумского флота и образовали круг, а затем началось вращение его внутри расположения неприятельских судов - характерный прием военного искусства на Барсуме.

Под предводительством Кантас Кана корабли кружились, развивая все большую и большую скорость, что очень затрудняло действие вражеской артиллерии. Неприятель старался прорвать линию воздушных кораблей, но это было так же трудно, как остановить голыми руками электрическую пилу.

С моего места на палубе я видел, как одно неприятельское судно за другим падали в бездну. Медленно продвигали мы наш круг смерти вперед, пока не повисли над садами жрецов, где сражались наши зеленые воины. Вниз был послан приказ вновь садиться на транспорты, которые затем заняли позицию в центре круга.

Между тем со стороны неприятеля огонь прекратился. Жрецам так попало от нас, что они были рады отпустить нас с миром. Но не так-то легко удалось нам уйти. Едва мы вторично двинулись по направлению ко входу в Омин, как опять увидели далеко к северу черную линию. Это мог быть только военный флот.

Чей флот и каково его назначение? Мы терялись в догадках. Вскоре радиотелеграф нашего судна принял депешу. Кантос Кан получил ее и передал мне.

"Кантос Кан! Именем джеддака Гелиума, приказываю тебе сдаваться, спастись вы не можете. Зат Аррас"

Жрецы, очевидно, перехватили эту радиограмму, потому что они немедленно возобновили свои враждебные действия, надеясь на скорую помощь.

Еще Зат Аррас не приблизился к нам на расстояние выстрела, а мы уже были вовлечены в новую схватку с флотом жрецов. Вскоре и Зат Аррас начал осыпать нас градом снарядов из тяжелых орудий. Один за одним выбывали из строя наши корабли под ураганным огнем врагов.

При таких обстоятельствах борьба не могла долго продолжаться. Я приказал транспортам снова высадиться в садах жрецов.

- Отомстите, как можете, - приказал я сказать своим зеленым союзникам, - потому что к ночи не останется никого, кто отомстил бы за вас.

Вдруг вблизи нас показались десять военных кораблей, которым был отдан приказ блокировать вход в Омин. Они шли к нам полным ходом, почти непрерывно отстреливаясь. Очевидно, их преследовал новый неприятельский флот! Положение хуже трудно себе представить. Экспедиция была обречена на гибель. Ни один человек, принявший в ней участие, не вернется к себе на родину через страшное ледяное поле! Как страстно желал я хотя бы на миг очутиться лицом к лицу с Зат Аррасом, прежде чем смерть настигнет меня! Он был виновником нашего поражения.

Быстро приближались десять кораблей. За ними гнался целый флот. В первый момент я не мог поверить своим глазам, но наконец должен был убедиться, что нашу экспедицию постигло самое страшное из возможных бедствий. Весь флот перворожденных, который я считал блокированным в подземном Омине, приближался к нам! Какой ряд неудач и несчастий! Какая страшная судьба висела надо мной и какие удары наносила она мне из-за каждого угла! Может-быть, я действительно отмечен печатью проклятий Иссы?! Не обитало ли, может быть, какое-нибудь злобное божество в отвратительном теле? Я не хотел верить этому, бросился на нижнюю палубу, чтобы принять участие в битве. Один из кораблей жрецов сцепился бок о бок с моим кораблем, враги хлынули на нашу палубу, и закипел бой. В диком рукопашном бою ко мне снова вернулась моя обычная неустра-

шимость. Один жрец за другим падали под ударами моего меча, и мне начинало казаться, что, несмотря на наше видимое поражение, мы все-таки в конце концов победим.

Мое присутствие среди команды так наэлектризовало ее, что нам удалось быстро оттеснить врага, а через минуту самим занять палубу смежного корабля, и вскоре мы с удовлетворением увидели, что неприятельский командир спрыгнул вниз в знак поражения и сдачи.

Затем я снова присоединился к Кантос Кану, который сверху следил за общим течением боя. За минуту перед тем ему пришла новая мысль. Он передал приказание одному из своих помощников, и вскоре флагманское судно выкинуло со всех сторон вымпелы правящего дома Гелиума. Экипаж нашего корабля приветствовал этот акт громкими радостными криками, которые были подхвачены и другими судами нашей экспедиции. И вскоре все наши суда расцвели вымпелами гелиумского правящего дома.

Тогда Кантос Кан приказал поднять на нашем флагманском судне сигнал, понятный для каждого моряка всех флотов, вовлеченных в эту жестокую бойню:

- "Люди Гелиума! За принца Гелиума, против всех врагов его!" - гласил сигнал.

Спустя короткое время на одном из кораблей Зат Арраса появился такой же вымпел, затем еще и еще. Видно было, как на некоторых судах происходили ожесточенные бои между зодангцами и гелиумцами, составляющими их экипаж. Вскоре над каждым кораблем флота Зат Арраса развевался вымпел Гелиума - мой вымпел. Только флагманское судно Зат Арраса не выкинуло вымпела.

Зат Аррас привел с собой пять тысяч судов. На большом расстоянии не было видно неба, оно все почернело от огромных кораблей. О маневрировании нечего было и думать, и сражение сводилось к одиночным боям.

Флагманское судно Зат Арраса очутилось вблизи моего. С того места, где я стоял, я мог его различить. Мы яростно перестреливались. Все ближе и ближе подходили друг к другу суда. У бортов лежали приготовленные абордажные крючья. мы готовились к смертельному бою с нашим заклятым врагом.

Между огромными кораблями оставалось около трех футов, когда был переброшен первый абордажный крюк. Как только суда столкнулись, я пробился сквозь ряды солдат и первым вскочил на палубу Зат Арраса. За мной с громкими проклятиями

кинулись лучшие бойцы Гелиума. Никто не мог противостоять их бешеному натиску.

Зодангцы были сметены этой бурной волной, и нижняя палуба вскоре очистилась от врагов. Я кинулся наверх, где стоял Зат Аррас.

- Ты мой пленник, Зат Аррас! - крикнул я. - Сдавайся, и тебя ждет пощада!

Минуту он стоял в нерешительности, как бы не зная, принять ли мое предложение или встретить меня с обнаженным мечом. Затем, отбросив оружие, он повернулся и побежал к противоположной стороне палубы.

Прежде чем я мог настигнуть его, он перепрыгнул через перила и ринулся вниз головой в страшную глубину.

Так кончил Зат Аррас, джед Зоданги!

Грандиозное сражение все продолжалось, причем, к счастью, жрецы и чернокожие не соединили своих сил против нас. Каждый раз как корабль перворожденных встречался с кораблем жрецом, завязывался ожесточенный бой, и в этом я видел наше спасение.Где только являлась возможность сигнализировать нашим судам, я повторял приказ, чтобы все наши суда, как можно скорее, старались выйти из сферы боя и заняли позицию к югу и юго-западу от сражающихся. Я послал также разведчиков к зеленым воинам, сражающимся в садах жрецов, с приказом грузиться на транспорты и присоединяться к нам.

Кроме того, командирам судов, занятым битвой с неприятелем, была дана инструкция оттягивать суда к кораблям чернокожих, искусным маневрированием заставлять их вступать в бой друг с другом, а самим спешно отступать к назначенному пункту. Стратегический план этот был выполнен великолепно, и перед самым закатом солнца я с удовлетворением увидел, что все, что осталось от моего могучего флота, собралось в двадцати милях к юго-западу от линии все продолжающейся битвы между жрецами и чернокожими.

Я перевел Ксодара на другой корабль и послал его во главе транспортных судов и пяти тысяч кораблей прямо к храму Иссы. Картерис, Кантос Кан и я с остатками нашего флота направились ко входу в Омин.

Наш план состоял в то, чтобы попытаться на рассвете следующего дня сделать нападение одновременно с двух сторон на храм Иссы. Тарс Таркас со своими зеленым воинами и Хор Вастус с красными войсками, под предводительством Ксодара должны были высадиться в садах Иссы или на прилегающей равнине.

Между тем Картерис, Кантос Кан и я должны были провести наши меньшие силы через подпочвенный проход, находящийся под храмом, который Кантерис так хорошо знал.

Я теперь знал причину отступления моих десяти кораблей из отверстия Омина. Оказалось, что когда они подлетали к возвышенности, из отверстия как раз поднимался весь флот перворожденных. Вылетело уже двадцать кораблей, и, хотя наши вступили в ними в бой, стараясь помешать подняться остальному флоту, но силы были так неравны, что они скоро вынуждены были бежать.

С большой осторожностью, под покровом темноты, приблизились мы к отверстию. На расстоянии нескольких миль от него я приказал флоту остановиться и выслал вперед на разведку Картериса на одноместном аэроплане. Через полчаса он вернулся с донесением, что не встретил нигде ни одной сторожевой лодки, а потому мы бесшумно и быстро двинулись к Омину.

У отверстия мы снова на минуту задержались, чтобы дать возможность судам занять назначенные им места, а затем я первый на флагманском судне быстро опустился в черную пропасть. Один за одним последовали за мной остальные суда.

Весь наш план был рассчитан на то, что мы достигнем храма через подпочвенные ходы. Я решил не оставлять сторожевых кораблей у отверстия: это все равно не помогло бы нам, потому что у нас не было достаточной силы, чтобы противостоять огромному флоту перворожденных в случае, если бы он вернулся.

Успех нашего плана зависел главным образом от смелости его выполнения. Мы рассчитали, что пройдет некоторое время, пока стража на Омине сообразит, что в подпочвенную пещеру спустился не их флот, а неприятельский.

Так оно и было. Четыреста наших кораблей из пятисот успели снизиться на поверхность Омина, прежде чем прозвучал первый выстрел. Произошел горячий короткий бой. Исход был ясен с самого начала: перворожденные, уверенные в неприступности своего подземного убежища, оставили для охраны своей огромной гавани всего несколько устаревших негодных судов.

По совету Картериса мы заключили пленных на нескольких островах и оставили их там под стражей. Затем мы на буксире подтянули к выходу корабли перворожденных и забили ими вход в Омин.

Теперь мы чувствовали себя сравнительно спокойно. Должно было пройти немало времени, пока вернувшиеся перворожденные смогут опуститься на поверхность Омина, а за этот промежуток мы рассчитывали добраться до храма Иссы. Первым моим

шагом было спешное занятие острова, на котором находилась подводная лодка. Немногочисленная стража не оказала сопротивления, и остров перешел в наши руки.

Лодка оказалась в бассейне, и я приставил к ней сильную охрану. Сам я тоже остался на острове в ожидании прихода Картериса и других.

Среди пленников был Эрстед, командир подводной лодки. Он узнал меня, так как три раза возил меня в лодке в храм Иссы и обратно.

- Счастье повернулось, - сказал я ему. - Как чувствуешь себя в положении пленного своего бывшего пленника?

Он улыбнулся, но улыбка его не предвещала ничего доброго.

- Не надолго, Джон Картер! - ответил он. - Мы ждали тебя и приготовились.

- Что-то не видно! - процедил я сквозь зубы насмешливо. - Вы все точно приготовились стать моими пленниками, даже без боя.

- Флот, вероятно, разошелся с тобой, - возразил он, - но он вернется в Омин, и тогда будет другая история.

- Не знаю, разошелся ли флот со мной, - ответил я.

Но он, конечно, не понял моих слов и только удивленно взглянул на меня.

Я спросил его:

- Много пленников пришлось тебе перевозить к Иссе на твоем мрачном судне, Эрстед?

- Очень много!

- Может быть, ты помнишь одну пленницу, которую люди называли Деей Торис?

- Да, конечно, я помню ее. Во-первых, из-за красоты, а затем еще потому, что она жена первого смертного, который убежал от Иссы за все века ее божественного владычества. Говорят, что Исса тоже помнит, что Дея Торис - жена и мать тех, кто подняли руку на богиню вечной жизни.

Я задрожал при мысли о страшной мести, которую Исса, вероятно, излила на невинную Дею Торис за кощунство ее сына и мужа.

- Где она сейчас? - спросил я, весь холодея.

Я знал, что он произнесет непоправимое слово, но я так измучился неизвестностью, что не смог удержаться от желания услышать о моей любимой от человека, который только недавно видел ее. Мне казалось, что так я ближе к ней.

- Вчера праздновали ежемесячный ритуал Иссы, - ответил Эрстед, - и я видел Дею Торис, сидящей на своем обычном месте у ног богини.

- Как? - воскликнул я. - Она жива?

- Да, конечно, - ответил чернокожий. - Ведь не прошло еще года с того дня, когда она в первый раз удостоилась взглянуть на лучезарный свет божества.

- Не прошло года? - прервал я его.

- Конечно нет, - повторил Эрстед. - Она не может умереть раньше трехсот семидесяти или трехсот восьмидесяти дней.

Мне все стало ясно. Как я был глуп! Я едва мог удержаться от внешних проявлений своей огромной радости. Я совершенно забыл, что между земным и марсианским годом такая большая разница! Десять земных лет, которые я провел на Барсуме, составляют всего пять лет и девяносто шесть дней по марсианскому времени! День на Барсуме на сорок одну минуту длиннее нашего, и в году шестьсот восемьдесят семь дней!

Я прибыл вовремя! Вовремя!! Слова эти, как звон колокола раздавались у меня в мозгу и, вероятно, я наконец громко произнес их, потому что Эрстед сомнительно покачал головой.

- Вовремя, чтобы спасти свою жену? - И не дожидаясь ответа, продолжал. - Ну, нет Джон Картер, Исса не выпускает своей добычи! Она знает, что ты придешь, и если даже нога твоя вступит в пределы храма, да сохранит нас от подобного бедствия великая Исса, Дея Торис будет отправлена в такое место, откуда нет спасения.

- Ты хочешь сказать, что ее убьют мне назло? - спросил я.

- Нет, не то, - ответил он. - Слыхал ли ты о храме Солнца? Вот туда-то и поместят Дею Торис. Этот храм лежит далеко во внутреннем дворе храма Иссы, и его тонкий шпиль высоко возвышается над всеми шпилями и минаретами окружающих его больших храмов. Под этим шпилем, в подвале, скрыт главный корпус храма Солнца. Он состоит из шестисот восьмидесяти семи изолированных круглых комнат. Ко всем этим комнатам ведет через массивную скалу только один подпочвенный ход.

Исса помещает туда тех, на кого она гневается, но которых она пока не хочет казнить. Весь храм Солнца совершает одно полное обращение в год, соответствующее обращению Барсума вокруг Солнца, но только раз в год вход в каждую комнату приходится против отверстия коридора, который является единственным сообщением с внешним миром.

Иногда Исса наказывает перворожденного, сажая его на год в комнату храма Солнца. Впрочем, часто она заключает вместе с

осужденным и палача, назначая смерть на какой-то определенный день. В комнату ставится пища, достаточная для поддержания жизни на столько дней, сколько Исса назначила для нравственных пяток.

Такою смертью умрет Дея Торис, и первая вражеская нога, которая переступит порог храма, убьет ее.

Значит, в конце концов все-таки меня ждало поражение! Несмотря на чудеса храбрости, несмотря на то, что я находился всего-то в нескольких минутах ходьбы от моей обожаемой принцессы, я на самом деле был от нее так же далек, как если бы стоял на берегу Гудзона в сорока восьми миллионах миль от Барсума!

XXI.

ЧЕРЕЗ ОГОНЬ И ВОДУ

Сообщение Эрстеда убедило меня, что нельзя терять времени. Я должен был тайно проникнуть в храм Иссы прежде, чем силы, предводительствуемые Тарс Таркасом, произведут на рассвете свое нападение. Только бы мне пробиться внутрь ненавистного храма! Я был уверен, что сумею одолеть стражу и унести Дею Торис, тем более, что за моей спиной оказалась бы значительная поддержка.

Как только Картерис и остальные присоединились ко мне, мы начали переправлять наш отряд через подпочвенный канал к туннелю Иссы.

Много раз пришлось маленькой подводной лодке проделать этот путь туда и обратно, но, наконец, мы очутились все в сборе. Нас было пять тысяч человек, все испытанные бойцы самого воинственного народа красных людей Барсума.

Так как один Картерис знал подземные ходы туннеля, то мы не могли разделиться на несколько отрядов и атаковать храм одновременно с нескольких сторон. Поэтому было решено, что он поведет нас всех как можно скорее к центру храма.

Мы уже собирались покинуть бассейн и войти в коридоры, когда один из моих начальников обратил внимание на волны бассейна. Вода, как будто, кипела. Сперва нам показалось, что движение происходит от движения какого-то предмета; я предположил, что приближается другая подводная лодка в погоню за нами. Но вскоре я понял, что поднимается уровень воды - не

слишком быстро, но неуклонно, так что скоро вода должна была перелиться через край бассейна и затопить пол.

В первую минуту я не понял страшной стороны этого явления, но Картерис сразу оценил значение и причину его.

- Живей! - крикнул он. - Если мы будем медлить, мы погибнем! Они остановили насосы Омина! Нас затопят, как крыс в ловушке. Нужно добежать до верхних коридоров, пока вода нас застигла нас, или мы до них никогда не дойдем! Скорее!

- Веди нас, Картерис! - крикнул я. - Мы пойдем за тобой!

Юноша прыгнул в один из коридоров, и все последовали за ним. Солдаты шли в ряд по два, в полном порядке. Каждая рота вступала в коридор только по приказанию своего командира.

Когда последняя рота вышла из пещеры, где находился бассейн, вода доходила уже до щиколотки, и солдаты, видимо, нервничали. Совершенно не привыкшие видеть воду в большом количестве, красные марсиане не могли превозмочь ужас перед ней, но природная храбрость и железная дисциплина заставляла их неустрашимо идти вперед.

Я покинул помещение последним. Вода уже доходила до колен. В коридоре она стояла на такой же высоте, потому что он был на одном уровне с первым помещением, и на протяжении нескольких футов не заметно было никакого подъема.

Отряд продвигался вперед со всей быстротой, с которой такому большому количеству людей можно было двигаться по узкому проходу, но эта быстрота была не достаточна, чтобы опередить преследующий нас поток.

Идя в арьергарде, я скоро заметил, что вода начала подниматься быстрее. причина этого была для меня ясна: по мере того, как воды Омина поднимались к своду пещеры, скорость их подъема увеличивалась обратно пропорционально сужающемуся своду. Гораздо раньше, чем последняя рота могла достичь верхних слоев, где мы были бы в безопасности, воды хлынут в таком количестве, что половина отряда утонет. Это было ясно.

Я ломал себе голову, как бы спасти обреченных, когда внезапно заметил направо от себя боковой коридор, который круто поднимался на верх. Вода бурлила уже около моего пояса.

Паника начинала овладевать людьми, шедшими впереди меня.

Нужно было немедленно что-то предпринять. Еще момент - и в безумном страхе они бросятся вперед, произойдет свалка, и масса народу погибнет.

Я громко приказал последним рядам:

- Отзовите назад последние двадцать пять рот, здесь есть путь к спасению. Вернитесь и следуйте за мной.

Тридцать рот последовали моему приказанию и вернулись; около трех тысяч человек поспешило к коридору, который я им указал.

При проходе первой роты я предупредил командира прислушиваться к моей команде и ни под каким видом не отваживаться выходить наружу, прежде чем я не подойду к нему и не выйду первым.

Я прибавил:

- Если я не подойду, вы будете знать, что я умер, прежде чем смог дойти до вас.

Командир поклонился и пошел. Солдаты быстро мелькали мимо меня. Вода поднялась до груди. Люди спотыкались, барахтались, падали. Многих мне удалось схватить и вновь поставить на ноги, но я был один перед этой непосильной задачей, и многие солдаты были снесены бурлящим потоком. Наконец командир десятой роты занял пост около меня. Это был храбрый солдат по имени Гур Тус; он помог мне поддерживать подобие порядка среди совершенно перепуганных солдат и спасать утопающих.

Затем к нам присоединились еще два офицера и после этого ни один человек не погиб из последних сотен, которые проходили из главного коридора в боковой.

Проходила последняя рота. Вода доходила нам до шеи, но мы схватились за руки и оставались на нашем посту, пока последний солдат не исчез в боковом проходе. Здесь пол сразу круто поднимался, так что через несколько футов мы уже вышли из воды.

Несколько минут мы быстро продвигались, и я надеялся, что этот ход скоро выведет нас в храм Иссы. Внезапно далеко впереди я услышал крики: "Пожар!" За ними сразу раздались вопли ужаса и громкая команда офицеров, старавшихся, очевидно, вывести людей из какого-то опасного положения. Вскоре можно было различить крики:" Они подожгли проходы! Мы окружены огнем и водой! Спаси нас, Джон Картер! Мы задыхаемся!" Вслед за этим клубы густого удушливого дыма заволокли туннель, и мы, задыхаясь, принуждены были отступить.

Оставалось только искать нового выхода. Огонь и дым были в тысячу раз страшнее воды, а поэтому я кинулся в первую попавшуюся галерею, где можно было вздохнуть.

Я снова стал у входа в нее в то время, как солдаты спешили мимо меня в новый проход. Пробежало около двух тысяч человек, но я не знал, наверное, все ли спаслись, и, желая в этом убедиться, я быстро побежал вверх по направлению к пламени, тусклый блеск которого виднелся далеко впереди.

Было нестерпимо душно, но огонь достаточно освещал коридор, чтобы я мог убедиться, что ни один солдат не лежит между мной и завесой пламени. Что было за ней, я не знал, но ни один человек не мог бы пройти живым через этот огненный ад.

Удовлетворив чувство долга, я повернул назад и быстро побежал по коридору, через который спаслись мои солдаты. Однако, к моему ужасу, я нашел, что мое отступление с этой стороны невозможно: массивная стальная решетка, очевидно, спущенная сверху, перегораживала проход.

Что наши главные передвижения известны перворожденным, сомневаться было нельзя. Нападение их флота накануне доказывало, что за нами следили. Нельзя было также считать случайностью остановку насосов в Омине и пожар как раз в том коридоре, по которому мы продвигались.

Во всех этих действиях чувствовался хорошо обдуманный план.

Но спуск стальной решетки с целью загнать меня между огнем и водой указывал на то, что какие то таинственные глаза неотступно следуют за нами. Как мог я надеяться спасти Дею Торис! Мне приходилось бороться против невидимых врагов, от которых не ускользало ни одно мое движение. Как я бранил себя за то, что рискнул пуститься в эти подпочвенные туннели! Я должен был догадаться, что они были ловушкой! Теперь я видел, насколько лучше было бы не разъединять наших сил, а произвести общее нападение на храм со стороны долины! Весьма возможно, что мы победили бы перворожденных и освободили Дею Торис.

Дым огня гнал меня все дальше и дальше обратно к воде, журчание которой я уже различал в темноте. Мрак был полнейший. Солдаты унесли с собой факелы, а коридор этот не освещался фосфорическим блеском, как те, которые лежали на более низком уровне и были высечены в фосфоресцирующей породе. Это обстоятельство убеждало меня, что я недалеко от верхних галерей, лежащих непосредственно под храмом.

Наконец, я почувствовал под ногами холодное прикосновение воды. Густой дым настигал меня сзади. Страдания мои были

невообразимы. Оставалось выбрать более легкую смерть, а потому я двинулся по коридору, пока воды Омина не сомкнулись вокруг меня, и я поплыл в полнейшем мраке. Куда?

Инстинкт самосохранений силен в человеке даже тогда, когда он чувствует, что неотвратимая смерть висит над его головой. Я продолжал медленно плыть, каждую минуту ожидая, что моя голова коснется потолка коридора. Это означало бы, что я достиг своего предела - того места, где мне суждено навеки погрузиться в безвестную могилу.

К моему удивлению, я достиг главного коридора, и все еще между поверхностью воды и потолком оставался воздух. Я повернул вверх по главному коридору по тому направлению, куда полчаса назад прошел Картерис с головной колонной. Я знал, что приближаюсь к тому месту, где снова почувствую почву под ногами. Снова надеялся я достичь храма Иссы и прекрасной пленницы, печально томившейся там.

Но как раз в ту минуту, когда я был полон надежд, я почувствовал сотрясение от удара головой о верхние своды. Случилось самое худшее, что могло приключиться. Я попал на одно из тех редких мест, где подпочвенный туннель внезапно опускался на более низкий уровень. Я знал, что где-то впереди он должен снова подняться, но что мне было до этого? Я ведь не знал, на каком протяжении он был затоплен водой до верха.

Был один слабый шанс, и я ухватился за него с отчаянием. Наполнив легкие воздухом, я нырнул в глубину затопленного коридора. Время от времени я поднимался с протянутой рукой и исследовал свод над собой, но каждый раз убеждался, что вода доходит до самого свода.

Мои легкие отказывались служить. Я чувствовал, что долго не выдержу, а о возвращении обратно нечего было и думать. Я знал наверное, что вернуться назад, к тому месту, где я нырнул, сил у меня не хватит.

Смерть глядела мне прямо в глаза. Никогда не чувствовал я так близко ее ледяные объятия.

Собрав остатки быстро убывающих сил, я делал последние отчаянные усилия. В изнеможении поднялся я последний раз. Я уже совсем задыхался. Легкие не выдерживали. Я глубоко вздохнул, ожидая, что вода хлынет в них и наступит конец, но вместо этого почувствовал живительное дыхание свежего воздуха. Я выплыл!

Несколькими бросками достиг я места, где мои ноги смогли коснуться пола и вскоре совсем выбрался из воды и, как безумный, бросился вдоль коридора. Если я не мог спасти Дею Торис, я решил по крайней мере отомстить за нее. Конечно, удовлетворить мое чувство мести могла только смерть Иссы, злобная сила которой была причиной всех страданий на Барсуме.

Наконец я очутился перед какой-то дверью, которая могла быть выходом в храм. Она выходила на правую сторону коридора, который шел дальше, вероятно, ведя к другим выходам.

Выбирать не имело смысла. Разве я знал, куда они ведут? Поэтому, не дожидаясь того, чтобы мое присутствие снова было открыто, я быстро взбежал вверх по короткому крутому подъему и толкнул дверь, находящуюся в конце его.

Дверь медленно подалась внутрь, и я одним прыжком очутился в комнате. Рассвет еще не наступил, но помещение было ярко освещено. На низком ложе, в дальнем углу комнаты, лежала какая-то спящая фигура. Судя по роскоши драпировки и по богатой обстановке, можно было предположить, что это помещение каких-то жрецов, быть может, самой Иссы.

При этой мысли кровь закипела у меня в жилах. Что, если судьба так милостива ко мне, что сама отдает в руки эту отвратительную старушонку? Имея ее заложницей, я могу заставить перворожденных принять все мои требования. Осторожно направился я к лежащей фигуре. Я подходил все ближе и ближе, но не прошел и половины комнаты, как фигура вздрогнула, приподнялась и взглянула мне прямо в лицо. Я подскочил к ней.

Сперва на чертах женщины, очутившейся передо мной, отразился ужас, затем изумленное недоверие, наконец, надежда и радость.

Сердце стучало у меня в груди. К глазам подступили слезы. Слова, стремившиеся сорваться горячим потоком, замерли у меня на устах. Я раскрыл объятия и прижал к груди ту, которую я так обожаю - мою несравненную Дею Торис!

XXII.

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ

Джон Картер! Джон Картер! - повторяла она, положив голову на мое плечо и прерывая слова рыданиями. - Даже теперь я еле

верю своим глазам. Когда Тувия рассказала мне, что ты вернулся на Барсум, я слушала ее и не понимала. Я не могла поверить, что такое счастье выпало на мою долю. Наконец, когда я поняла, что это правда, и узнала, в каком страшном месте я нахожусь в плену, я начала сомневаться чтобы даже ты смог меня выручить. Дни шли, проходил месяц за месяцем, не принося никаких известий о тебе, и я уже покорилась своей судьбе. А теперь ты здесь! Я едва могу верить этому. Час тому назад я услышала шум борьбы внутри дворца. Я не знала, что он обозначает, но в глубине души надеялась, что это гелиумцы под предводительством моего Джона Картера; но скажи мне, что с нашим сыном?

- Он был со мной час назад, - ответил я. - Вероятно, это его отряд сражался в пределах храма. А где Исса? - спросил я внезапно.

- Она посадила меня под охраной в эту комнату как раз перед началом боя и сказала, что пошлет за мной потом. Она показалась очень разгневанной и как будто объятой ужасом. Я никогда не видела ее такой нерешительной и растерянной. Теперь я понимаю, вероятно, она узнала, что приближается Джон Картер, принц Гелиума, чтобы потребовать у нее ответа за пленение своей принцессы.

Шум борьбы, бряцание оружия, крики и топот голых ног доносились к нам со всех сторон. Я знал, что мое присутствие там необходимо, но никак не мог решиться оставить Дею Торис одну и не решался взять ее с собой в сумятицу и опасность сражения.

Наконец я вспомнил о подпочвенных галереях, откуда я только что вышел. Почему бы не спрятать ее там, пока я не вернусь и не увезу ее навсегда из этого страшного места? Я объяснил ей свой план. Она прижалась ко мне еще крепче.

- Я даже на минуту не могу перенести разлуки с тобой, Джон Картер, - сказала она. - Мне так страшно при мысли остаться одной здесь, где меня может найти это ужасное существо. Ты ее знаешь! Никто не может представить себе ее свирепой жестокости, кто не был свидетелем ее ежедневных поступков в продолжении более полугода. Я не могла верить даже тому, что видела собственными глазами!

- В таком случае я не покину тебя, моя дорогая, - ответил я ей. Минуту она молчала, затем притянула меня к себе и поцеловала.

- Иди, Джон Картер! Там наш сын и солдаты Гелиума сражаются за меня. Где они, там должен быть и ты. Мне не следует

думать о себе. Спрячь меня в пещеру и иди. Я повел ее к двери, через которую вошел из нижнего коридора. Здесь я прижал ее к себе и, хотя сердце мое разрывалось и было полно мрачных предчувствий, еще раз крепко поцеловал и закрыл за ней дверь.

Без дальнейших колебаний бросился я из комнаты туда, откуда доносился грохот борьбы. Едва пробежал я шесть комнат, как попал на место сражения. Чернокожие столпились у входа в большой зал и старались преградить путь отряду красных людей во внутренние пределы храма.

Выйдя изнутри, я оказался у них в тылу и, не думая об их численности и о безрассудной отваге моей попытки, я быстро перебежал комнату и набросился с мечом на их задние ряды.

- За Гелиум! - крикнул я громко, нанося первый удар, а затем на пораженных воинов как дождь посыпались удар за ударом. Звук моего голоса поднял дух красных, и с криками: "Джон Картер! Джон Картер!" - они так успешно усилили свой натиск, что прежде чем чернокожие смогли оправиться от своего замешательства, их ряды были прорваны и красные люди ворвались в зал.

Сражение, происшедшее там, достойно быть занесенным на скрижали барсумской истории. Пятьсот человек бились здесь, красные против черных. Никто не просил пощады и никто не давал ее.

Я думаю, мы все понимали, что от исхода этого боя будет навсегда зависеть положение обеих рас на Барсуме. Это была борьба между старым и новым миром, но я ни разу не усомнился в ее исходе. Я сражался за торжество красных людей Барсума и за полное освобождение их от рабства безобразного суеверия.

Пол был залит кровью и завален убитыми до такой степени, что нам приходилось становиться на них, чтобы продолжать бой. В разгаре борьбы мне пришлось повернуться к большим окнам, выходящим в сады Иссы, - и я затрепетал от радости.

- Взгляните, перворожденные! - вскричал я торжествующе - Взгляните!

На минуту бой прекратился. Все глаза обратились по направлению, которое я указывал, и перворожденные увидели картину, которая вероятно, показалась им плодом дикой фантазии.

Поперек всего сада, от края до края, стояли колеблющиеся ряды чернокожих, которых теснила огромная орда зеленых воинов, верхом на могучих тотах. В то время, как мы смотрели, один

зеленый воин выехал вперед из задних рядов и громко отдал какой-то приказ своему страшному легиону.

Это был Тарс Таркас, джеддак Тарка. Он взял наперевес свое огромное сорокофутовое копье, и воины его сделали то же. Тогда мы поняли значение его команды. Всего несколько саженей отделяло теперь зеленых воинов от черных рядов. Еще слово великого тарка - и с диким боевым кличем кочевников бросились зеленые воины в атаку. С минуту перворожденные выдерживали натиск, но только с минуту - затем страшные звери со своими не менее страшными всадниками промчались сквозь ряды.

За ними следовали пешие отряды красных людей. Зеленые воины оцепили храм, а красные вошли внутрь его. Мы обернулись, чтобы продолжать бой, но врага больше не было. Чернокожие скрылись!

Моя первая мысль была о Дее Торис. Закричав Картерису, что я нашел его мать, я бросился бегом к комнате, где я ее оставил. Картерис следовал за мной. За нами шли те из нашего маленького отряда, которые уцелели после кровавого боя.

Как только я вошел в комнату, я сразу увидел, что кто-то был здесь после меня. Шелковая накидка лежала на полу. Ее раньше здесь не было. На полу валялись кинжал и украшения, как будто их сорвали во время борьбы. Но хуже всего было то, что дверь, которая вела в подвал, куда я спрятал Дею Торис, была открыта.

Одним прыжком очутился я возле нее и бросился в коридор. Дея Торис исчезла! Несколько раз звал я ее по имени, но ответа не было. Думаю, что в эту минуту я был близок к сумасшествию. Я не помню, что говорил, что делал, но знаю, что мной овладела безудержная ярость.

- Исса! - завопил я. - Исса! Где Исса? Обыщите храм и найдите ее, но пусть никто не тронет ее, кроме Джона Картера. Картерис, где помещение Иссы?

- Вот сюда! - крикнул юноша и бросился, сломя голову, к центру храма. Он летел, но я не отставал и еще торопил его.

Наконец мы подошли к большой резной двери и через секунду очутились в обширном зале. Здесь я увидел сцену, свидетелем которой мне пришлось уже быть однажды. Я увидел трон Иссы, окруженный рабами и рядами солдат.

Мы так быстро набросились, что не дали людям возможности опомниться. Одним ударом я сразу сразил двух солдат в переднем ряду, тяжестью своего тела пробился сквозь два оставшихся ряда и вскочил на возвышение с резным троном.

Отвратительная старуха, дрожа от страха, пыталась ускользнуть в потайной ход, но на этот раз я не дал себя одурачить и успел схватить ее за руку. Стража приготовилась ринуться на меня со всех сторон, но, выхватив кинжал, я приставил его к мерзкой старушонке и приказал им остановиться.

- Стойте! - закричал я. - Стойте! Или мой кинжал пронзит сердце Иссы!

Они остановились в нерешительности. В это время из внешнего коридора за моим маленьким отрядом ворвались в тронный зал тысячи воинов с Кантос Каном, Хор Вастусом и Ксодаром.

- Где Дея Торис? - закричал я Иссе.

Ее глаза дико блуждали по залу. Я думаю, она не сразу сообразила истинное положение - она не могла осознать, что ее храм пал под натиском людей из внешнего мира. Когда, наконец, она поняла это, то должна была то же понять, что для нее это означало потерю власти, унижение, разоблачение обмана, в котором она так долго держала свой народ.

Она не могла поверить реальности картины, которая была у нее перед глазами, когда к ней подошел великий священнослужитель ее религии, ее первый министр и высшее лицо в государстве.

- Исса, богиня смерти и вечной жизни! - воскликнул он. - Восстань в могуществе своего справедливого гнева и одним мановением твоей всемогущей руки порази насмерть этих богохульников! Не дай спастись ни одному! Лучезарная Исса, твой народ уповает на тебя. Дочь меньшей луны, ты одна всемогуща! Ты одна можешь спасти нас. Мы ждем твоей воли. Порази их!

И тут она сошла с ума. В моих руках извивалась жалкая безумная женщина. Она визжала и лепетала бессвязные слова. Она кусалась и царапалась в бессильной ярости и хохотала зловещим страшным смехом, от звука которого стыла кровь. Рабыни в ужасе закричали и отшатнулись. Она хотела прыгнуть за ними, скрежетала зубами и плевала на них. Боже, что это была за отвратительная картина!

Я потряс ее, надеясь хоть на минуту привести ее в себя.

- Где Дея Торис? - заорал я ей в ухо.

Страшная ведьма начала бормотать непонятные слова, но затем внезапно в ее отвратительных глазах проснулось сознание и засветился хитрый огонек.

- Дея Торис? Дея Торис? - и затем снова раздался визгливый, нечеловеческий хохот.

- Да! Дея Торис! Знаю, знаю, - бормотала она. - И Тувию, и Файдору; дочь Матаи Шанга! Все они страх как любят Джона Картера. Ха-ха-ха! Вот потеха! Они смогут все вместе год размышлять о своей любви в храме Солнца, вот только, пожалуй, пищи у них будет маловато! Ха-ха! Какое божественное угощение! - и она облизала пену со своих жестких губ. - Не будет больше пищи - они могут съесть друг друга. Ха-ха-ха!

Ужас почти парализовал меня. Вот, значит, к какой судьбе приговорило Дею Торис страшное существо, находящееся в моих руках. Я дрожал от ярости и тряс ее изо всех сил.

- Отмени свой приказ! - орал я. - Отзови осужденных! Живее или ты умрешь!

- Поздно! Вот потеха! - Ха-ха-ха! - и она снова начала бормотать и визжать.

Почти невольно занес я свой кинжал над ненавистной старухой, но что-то вовремя остановило мою руку; и я рад этому. Было бы недостойно убить эту женщину своей рукой. Я приготовил другую судьбу для "божественной" Иссы.

- Перворожденные - закричал я, обернувшись к стоящим в зале чернокожим. - Вы видели бессилие Иссы, а боги ведь всемогущи! Исса не богиня! Она - жалкая, злобная старушонка, обманывавшая вас и игравшая вами. Берите ее! Джон Картер не желает пачкать своих рук ее кровью!

С этими словами я столкнул с пьедестала бешеное животное, которому поклонялся весь Барсум, как божеству, всего полчаса тому назад. Внизу ее ожидал обманутый народ, горящий жаждой мщения.

Выискав глазами Ксодара среди начальников красных людей, я подозвал его и приказал немедленно вести меня к храму Солнца. Не оглянувшись даже, чтобы посмотреть, как встретят перворожденные свою богиню, я выбежал из зала с Ксодаром, Картерисом, Хор Вастусом, Кантос Каном и несколькими другими красными военоначальниками.

Чернокожий быстро провел нас через внутренние залы храма во внутренний двор, огромную круглую площадь, вымощенную прозрачным мрамором поразительной белизны. Перед нами возвышался золотой храм, отделанный алмазами, рубинами, сапфирами, бирюзой, изумрудом и тысячами безымянных драгоценных камней Марса, которые красотой и блеском превосходят самые драгоценные камни Земли.

-Сюда! - вскричал Ксодар, повернув ко входу в тоннель.

В это время из храма Иссы раздался оглушительный шум, а затем из ближних дверей выбежал командир пятой роты, крича нам, чтобы мы вернулись.

- Черные подожгли храм, - кричал он, - горит со всех сторон. Спешите к наружным садам, или вы погибли!

Мы оглянулись. Из больших, окон, выходящих на храм солнца, вырвались густые клубы дыма: высокий минарет храма Солнца весь был окутан дымом.

- Ступайте назад! - вскричал я тем, кто сопровождал меня. - Ксодар, проведи их и уходи. Я один пойду за своей Деей Торис.

- Следуй за мной, Джон Картер! -ответил Ксодар и, не дожидаясь ответа, стрелой бросился в туннель.

Мы пробежали через несколько ярусов галерей, пока наконец он не повел меня по ровному коридору, в конце которого я различал освещенную комнату.

Массивная решетка преградила нам дальнейший путь, но за ней я увидел свою несравненную Дею Торис, и с ней Тувию и Файдору. При виде меня она бросилась к решетке, которая нас разделяла. Комната уже повернулась настолько, что только часть ее приходилась против загороженного конца коридора. Медленно, но неуклонно уменьшалось отверстие; скоро должна была остаться только узкая щель, а потом и она закроется, и целый барсумский год комната будет медленно вращаться, пока снова на один короткий день отверстие ее пройдет мимо коридора!

Но какие ужасы могут произойти внутри этой комнаты за это время!

- Ксодар! - вскричал я. - Разве нельзя как-нибудь остановить это страшное вращение? Разве нет человека, который знает секрет этой ужасной решетки?

- Боюсь, что нет никого, кого мы успели бы захватить вовремя. Во всяком случае, я пойду и попытаюсь. Обожди здесь.

После его ухода я стоял у решетки и говорил с Деей Торис. Она протянула через перекладины решетки свои прелестные руки, чтобы я держал их в своей руке до последней минуты.

Тувия и Файдора тоже подошли, но Тувия, заметив, что мы желаем остаться одни, деликатно отошла в дальний угол комнаты. Дочь Матаи Шанга поступила иначе.

- Джон Картер! - сказала она. - Сегодня ты видишь нас в последний раз. Скажи, что ты любишь меня, и я умру счастливой.

- Я люблю только свою жену, Дею Торис, - ответил я спокойно. - Мне жаль тебя, но другого я сказать не могу.

Она закусила губу и отвернулась, предварительно бросив злой взгляд на Дею Торис. После этого она встала немного в стороне, но не так далеко, как я этого желал бы, потому что мне нужно было многим поделиться со своей возлюбленной после долгой разлуки.

Несколько минут стояли мы, разговаривая тихим голосом. Все уже и уже становилось отверстие. Скоро оно станет таким узким, что даже стройная фигура Деи Торис не сможет пройти сквозь него. О, почему Ксодар так медлит! Сверху донеслись слабые отзвуки далекого гула. Это черные, красные и зеленые люди пробивали себе дорогу сквозь пылающий храм Иссы.

Ветерок донес струи дыма. По мере того, как мы стояли, ожидая возвращения Ксодара, дым становился все гуще и гуще. Вскоре мы услышали в дальнем конце коридора крики и приближающиеся шаги.

- Вернись назад, Джон Картер! Вернись назад! - кричал кто-то. - Горят подземные ходы!

Через минуту несколько человек пробились сквозь густой дым. Здесь были все мои друзья: Картерис, Кантос Кан, Хор Вастус, Ксодар и те немногие, которые последовали за мной во двор храма.

- Надежды нет, Джон Картер! - воскликнул Ксодар. - Сторож решетки убит и ключей на нем не оказалось. Нам остается только потушить этот пожар и довериться судьбе, что через год ты найдешь Дею Торис живой и невредимой. Я принес достаточно пищи. Когда щель закроется, дым перестанет проникать к ним, и если удастся затушить пламя, то, я думаю, несчастные узницы все же останутся живы!

- Ступай в таком случае и забери с собой остальных! - решительно ответил я. - Я останусь здесь, около своей возлюбленной пока милосердная смерть не освободит меня от моих страданий. Мне жить больше не к чему.

В это время Ксодар торопливо бросал в комнату через перекладины решетки огромное количество жестянок. Скоро щель стала не более дюйма. Дея Торис еле виднелась. Она шептала мне слова ободрения и умоляла спастись самому.

Внезапно я увидел позади нее красивое лицо Файдоры, искривленное выражением злобной ненависти. Глаза наши встретились, и она заговорила:

- Не думай, Джон Картер, что так легко оттолкнуть любовь Файдоры, дочери Матая Шанга. И не надейся, что тебе удастся когда-либо вновь обнять Дею Торис! Жди год, долгий год, но когда он пройдет, тебя встретят объятия Файдоры! Деи Торис не будет в живых! Смотри, она умирает!

При этих словах я увидел, что она подняла кинжал и занесла его над головой моей принцессы. В ту же секунду я увидел и другую фигуру. Это была Тувия. Она метнулась по направлению к моей возлюбленной. Что было дальше - не знаю. Густые клубы дыма застлали перед моими глазами трагедию, происходящую в страшной комнате. Раздался крик, пронзительный крик умирающей.

Дым наконец разошелся, но перед нами была глухая стена. Щель закрылась.

Целый год тайна комнаты будет скрыта от человеческих глаз.

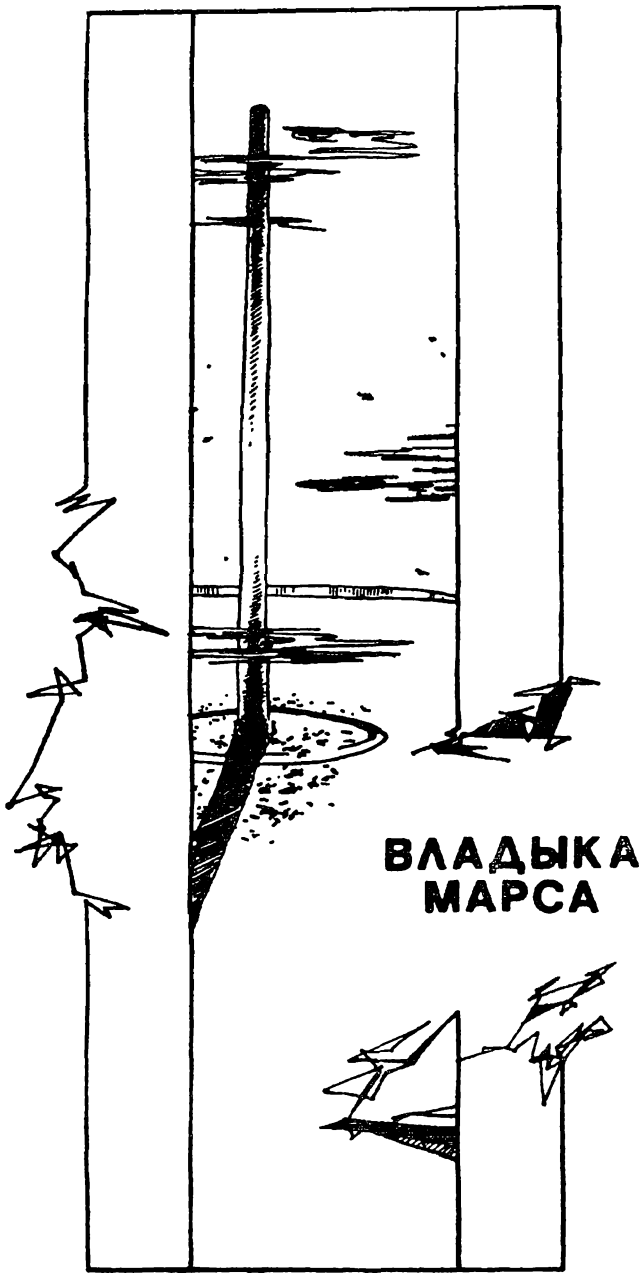
Мои спутники торопили меня:

- Через минуту будет поздно, - кричал Ксодар. - Я приказал пустить в ход насосы, и через пять минут подпочвенные ходы будут затоплены. Если мы не хотим утонуть, как крысы в ловушке, мы должны спешить наверх и проскочить через горящий храм!

Я ответил:

- Идите, идите скорее! Дайте мне умереть около Деи Торис! Для меня нет надежды, нет счастья. Когда черед год унесут ее тело из этого ужасного места, пусть найдут у решетки и тело ее мужа.

У меня осталось смутное воспоминание о том, что случилось потом. Кажется, я с кем-то боролся, от кого-то отбивался, но наконец меня подняли с пола и унесли. Я никого не спрашивал и никто не напоминал мне об этом деле, чтобы не растравлять моих ран. Ах! Если бы только я мог знать? Какая тяжесть была бы снята с моих плеч! Но только время раскроет, какую грудь пронзил кинжал Файдоры!

ВЛАДЫКА
МАРСА

I.

НА РЕКЕ ИСС

В тени леса, окаймляющего багряную поляну долины Дор, на берегу мертвого озера Корус, при переменном свете быстро бегущих лун Марса, я крался следом за темной фигурой, пробирающейся вперед. Настойчивость, с которой выслеживаемый мною человек избегал света и выбирал темные места, указывала на его недобрые намерения. Уже в продолжение шести долгих марсианских месяцев бродил я по соседству с ненавистным мне храмом Солнца, в медленно вращающемся корпусе которого, глубоко под поверхностью Марса, оставалась заточенной моя Дея Торис. Живая или мертвая? - этого я не знал. Поразил ли кинжал злобной Файдоры сердце моей возлюбленной? Только время могло раскрыть истину.

Шестьсот восемьдесят семь марсианских дней пройдет, прежде чем дверь темницы окажется против конца тоннеля, где я последний раз видел сквозь все сужавшуюся щель свою прекрасную Дею Торис.

Половина этого срока уже истекла, или, вернее, истечет утром. Однако перед глазами стоит последняя сцена так ярко, как будто это случилось вчера.

Живо вижу я перед собой красивое лицо Файдоры, дочери Матаи Шанга, перекошенное ненавистью, в ту минуту, когда она с поднятым кинжалом бросилась на мою жену. Вижу красивую девушку Тувию из Птарса, бросившуюся вперед, чтобы предотвратить злодеяние.

Дым пылающего храма скрыл на минуту картину трагедии, но в моих ушах еще звучал чей-то пронзительный крик. Затем наступило молчание, а когда дым рассеялся, вращающийся храм уже скрыл от нас комнату с тремя прекрасными хозяйками.

Много важных событий поглотили мое внимание после этого страшного случая, но он ни на миг не изглаживался из моей памяти. Я проводил каждую минуту, которую смог урвать от своих многочисленных обязанностей, вблизи мрачного склепа, где томилась мать моего Карториса.

Работы у меня было много. Мне приходилось принимать участие в переустройстве государства перворожденных после того, как мы победили их на суше, на воде и в воздухе.

Раса перворожденных в продолжение многих веков поклонялась Иссе, считая ее богиней жизни и смерти. После моего изобличения ее в обмане и лжи, народ чернокожих оказался в состоянии полнейшего упадка. Привыкшим к самопоклонению и владычеству над всеми расами Марса, перворожденным пришлось испить горькую чашу унижения.

Божество их пало, а вместе с ним пал весь сложный организм их религии. Хваленый флот их был разбит наголову превосходящими силами красных людей Гелиума, дикие свирепые зеленые кочевники с пересохшего морского дна Марса затоптали священные сады храма Иссы, а Тарс Таркас, джеддак тарков, самый свирепый из них всех, воссел на трон Иссы и правил перворожденными, пока союзники решали судьбу побежденного народа.

Почти единодушно было выражено пожелание, чтобы на древний трон черных людей вступил я, но я не согласился. Мое сердце не лежало к народу, который так недостойно обошелся с моими женой и сыном.

По моему совету джеддаком перворожденных стал мой друг Ксодар. Он сам был перворожденный и занимал высокое положение датора до того времени, пока Исса его разжаловала. Более подходящего человека найти было трудно.

После основания нового государства зеленые воины рассеялись по своим пустынным равнинам, а мы, гелиумцы, вернулись в нашу страну. Здесь мне снова был предложен трон, потому что об исчезнувших джеддаке Гелиума Тардос Морсе и его сыне Морсе Каяке, отце Деи Торис, по-прежнему не было никаких вестей.

Прошло уже больше года, как они отправились в экспедицию к северному полюсу в поисках Карториса.

Шли смутные слухи об их гибели, и опечаленный народ наконец им поверил.

Но я опять отказался от трона, потому что не хотел верить, что могучий Тардос Морс и его сын умерли.

- Пусть правит вами потомок их, пока они не вернутся! - сказал я собравшимся сановникам.

Я стоял в это время у пьедестала "Правды" в храме Возмездия на том самом месте, где стоял год тому назад, когда Зат Аррас произнес мне смертный приговор.

Выступив вперед, я положил руку на плечо Карториса.

Единодушные крики восторга встретили мое предложение. Десять тысяч мечей взвились над головами собравшихся. Слав-

ные бойцы древнего Гелиума приветствовали Карториса, джеддака Гелиума.

Он был избран пожизненно, или до возвращения своего деда. Устроив таким образом, к общему удовлетворению, дела Гелиума, я на следующий же день пустился в обратный путь к долине Дор, чтобы оставаться вблизи храма Солнца до того дня, когда откроется дверь в темницу моей возлюбленной.

Хор Вастуса, Кантос Кана и других моих верных друзей я оставил с Карторисом. Своей честностью, смелостью и мудростью они могли помочь моему мальчику выполнить трудную задачу, которая была на него возложена. Один Вула, мой марсианский пес, сопровождал меня.

Этой ночью верное животное бесшумно следовало за мной. Величиной с шотландского пони, с безобразной головой и страшными клыками, с десятью короткими сильными лапами. Вула казался ужасным чудовищем, но для меня он был воплощением преданности и любви.

Темная фигура, двигавшаяся впереди нас, был Турид, датор перворожденных. Я заслужил его вечную вражду в тот день, когда голыми руками победил его - его, знаменитого воина и силача! - и, верх позора, связал ему руки его же собственным ремнем перед лицом соплеменников.

Подобно большинству его товарищей, он внешне примирился с изменившимся положением вещей и присягнул новому правителю, Ксодару. Но я знал, как он ненавидел меня и был уверен, что в глубине души он завидовал Ксодару и ненавидел также и его.

Поэтому я не переставал тайно следить за всеми его действиями и, наконец, убедился, что он замышляет какую-то интригу.

Несколько раз я уже замечал, что после наступления темноты он пробирается из обнесенного стеной города перворожденных в страшную долину Дор, куда честное дело не могло привлечь человека.

Этой ночью он быстро шел вдоль опушки леса, а потом свернул на ярко-красную поляну к берегу мертвого озера. Лучи ближнего месяца, низко плывущего над долиной, переливались многоцветными искрами на драгоценных камнях его доспехов, а его черная кожа отливала, как атлас. Дважды озирался он на лес, как злоумышленник, который хочет удостовериться, что его никто не видит.

Я не отважился следовать за ним по открытой, ярко освещенной луной, поляне. Не следовало нарушать его планов: чтобы

узнать, какое темное дело влечет сюда ночного хищника, мне нужно было, чтобы он спокойно достиг своей цели.

Я оставался в тени деревьев, пока Турид не скрылся за крутым берегом озера в четверти мили от меня. Только тогда я пустился бегом через поляну вслед за черным датором.

Могильная тишина лежала над таинственной долиной. Вдали могучей стеной вздымались Золотые Скалы. Драгоценный металл, из которого они состояли, сверкал в ярком свете обеих лун.

Позади меня темной полосой тянулся лес, имевший вид парка благодаря своим как бы подстриженным деревьям. На самом деле их общипывали растительные люди.

Передо мной блестело озеро Корус, а дальше вилась серебряная лента таинственной реки Исс, вытекающей из-под Золотых скал и несущей свои воды в Корус, к мрачным берегам которого в течение стольких веков тянулись вереницы несчастных обманутых паломников.

Растительные люди с их отвратительными руками, высасывающими кровь, и чудовищные белые обезьяны, делающие столь опасной днем долину Дор, ночью попрятались в свои логовища.

Сторожевой святых жрецов не стоял больше на выступе Золотой Скалы, чтобы зловещим криком созывать чудовищ к нападению на жертвы, приплывающие к ним по реке Исс.

Флоты Гелиума и перворожденные очистили от жрецов крепости и храмы после того, как те отказались сдаться и признать добровольно новый порядок, которым уничтожалась их религия, построенная на лжи и обмане.

Жрецы сохранили свое влияние только в некоторых дальних странах. Сам Матаи Шанг, отец святых жрецов, их хеккадор, был выгнан из своего храма, но все усилия захватить его оказались напрасными. Ему удалось бежать с несколькими приверженцами и где-то укрыться от нас.

Подойдя осторожно к краю низкой скалы, выступающей над мертвым озером Корус, я увидел Турида, плывущего на маленьком челноке по блестевшим водам озера. Это был один из тех челноков причудливой формы, которые с незапамятных времен изготовлялись жрецами. Они распределяли их вдоль всего течения Иссы, чтобы облегчить последнее путешествие своих несчастных жертв.

На берегу лежало еще с дюжину таких лодочек; в каждой из них имелся длинный шест, один конец которого заканчивался веслом, а другой - острием. Турид держался берега, и как только

он скрылся за ближним мысом, я спустил один из челноков на воду и, подозвав Вулу, оттолкнулся от берега.

Мы шли вдоль берега к устью Иссы. Дальняя луна светила у самого горизонта, и скалы, окаймляющие озеро, бросали на воду широкую полосу тени. Ближняя луна, Турия, только что закатилась и должна была взойти снова не раньше, чем часа через четыре; я вполне мог рассчитывать скрыться в темноте.

Черный воин продолжал плыть вперед. Он находился теперь против устья Иссы. Не останавливаясь, он повернул вверх по мрачной реке, усиленно гребя против течения и все время стараясь держаться берега, где течение было не так сильно.

За ним следовал я с Вулой. Черный был так занят борьбой с течением, что я смог подвинуться ближе, не боясь быть замеченным.

Вскоре он подплыл к темному отверстию в Золотых скалах, откуда вытекала вода. Сюда-то он и направил свою лодку.

Казалось безнадежным делом следовать за ним в эту беспросветную тьму, где я не мог увидеть даже собственной руки. Я уже собрался отказаться от преследования и повернуть обратно, как вдруг при неожиданном повороте увидел впереди слабое сияние.

В сводчатый потолок пещеры были вделаны большие куски фосфорической каменной массы, из которой лился тусклый, но ровный свет. Было достаточно светло, чтобы я без затруднения мог следовать за преследуемым мною челном.

Это было мое первое путешествие по реке Исс, и то, что я увидел, навеки запечатлелось в моей памяти.

Но, как ни страшны были проходившие передо мной картины, они являлись, вероятно, только слабым отражением тех трагедий, которые разыгрались здесь до того, как Тарс Таркас, Ксодар и я разоблачили прелести долины "мира, счастья и любви" и спасли от добровольного паломничества миллионы людей внешнего мира.

Даже теперь низкие острова, усеивавшие широкую реку, были завалены скелетами и изглоданными трупами тех, которые из страха или предчувствия истины останавливались здесь, почти у конца своего путешествия. Бродили какие-то жалкие тени, которых ждала голодная смерть.

Почти на всех этих зловонных островах визжали, бормотали и дрались одичалые безумцы и яростно боролись за жалкие остатки страшного угощения. Там, где оставались только обглодан-

ные кости, люди бились друг с другом, и более слабый служил пищей более сильному.

Турид, видимо, привык к этим сценам. Он не обращал ни малейшего внимания на жалкие воющие существа, которые обращались к нему то с угрозами, то с мольбой, и продолжал спокойно подниматься по реке. Проехав с милю, он переплыл к левому берегу и втащил свой челн на нижний выступ, лежащий почти на одном уровне с водой.

Я остановился у противоположной стены под свисающей скалой, бросающей густую тень на воду.Отсюда я мог следить за Туридом, не боясь быть замеченным.

Чернокожий стоял на выступе у лодки недалеко от меня и смотрел вверх по реке, как бы ожидая кого-то.

Сильное течение все время относило мой челн к середине реки, так что я с трудом удерживался в тени скал. Я отплыл немного дальше, думая найти удобное место, где мог бы причалить. Но места такого не было, и, боясь потерять из вида Турида, я принужден был остаться там, стараясь веслом удержать лодку, которую сильно сносило.

Я раздумывал о причине этого странного явления, когда мое внимание внезапно было привлечено Туридом. Он приподнял обе руки над головой - это был жест обычного марсианского приветствия - и тихо, но внятно проговорил: "Каор".

Я обернулся в ту сторону, куда он смотрел, и увидел длинную ладью, в которой сидело шесть человек. Пятеро из них гребли, а шестой - очевидно, главный - восседал на корме, богато украшенной дорогими шелками.

Белая кожа, развевающиеся желтые парики, прикрывающие голые черепа, роскошные диадемы в виде золотых обручей - все это указывало на то, что это были святые жрецы.

Когда они подъехали к выступу, где их ожидал Турид, тот, который сидел на корме, встал, чтобы выйти на берег, и я увидел, что это был никто иной, как Матаи Шанг, отец жрецов.

Сердечность, с которой он обменялся приветствиями с датором перворожденных, вызвали во мне изумление.

Черные и белые люди Барсума - извечные враги, и никогда не видел я до этой минуты, чтобы двое из них встречались иначе, как в бою.

Очевидно, результатом превратностей судьбы, испытанных обоими народами, был тайный союз между этими двумя людьми, - союз против ненавистного общего врага. Теперь я понял, поче-

му Турид так часто отправлялся по ночам в долину Дор, понял, что интрига его очень близко касается меня и моих друзей.

Как мне хотелось быть поближе к заговорщикам, чтобы услышать их разговор! Но о переправе через реку нечего было и думать, и потому я продолжал спокойно оставаться на своем месте, лишь издали следя за ними. Они и не предполагали, как близко от них находится их враг и как легко они могли бы его убить!

Несколько раз Турид рукой указывал в моем направлении, но я не думаю, что его жесты имели какое-то отношение ко мне. Вскоре он и Матаи Шанг вошли в большую лодку, которая, повернувшись кругом, поплыла в моем направлении.

По мере их приближения я двигал мой челн все дальше к крутому берегу, но вскоре стало очевидно, что их лодка держится того же курса. Она шла с такой быстротой, что мне пришлось налечь на весла.

Каждую минуту я ожидал, что нос моей лодки ударится о береговую скалу, но ее все еще не было видно. Вместо того, чтобы вступить в полосу непроглядной тьмы, передо мною забрезжил свет.

Тогда я наконец понял, что плыву по подпочвенной реке, которая вливалась в реку Исс как раз в том месте, где я прятался.

Ладья была совсем близко от меня. Правда, шум их весел заглушал плеск моего весла, но каждую минуту меня могли заметить с лодки.

Я повернул свой челн направо и остановился у скалистого берега. Матаи Шанг и Турид приближались, держась середины реки.

Когда они подплыли ближе, до меня донеслись их голоса:

- Я уверяю тебя, жрец, - вкрадчиво проговорил черный датор, - что желаю только отомстить Джону Картеру, принцу Гелиума. Никакой ловушки для тебя тут нет. Что мне от того, что я выдам тебя тем, кто разорил мой народ и меня?

- Хорошо! Остановимся здесь! Говори мне свой план, - сказал хеккадор. - Мы вместе обсудим свои действия и взаимные обязательства.

Гребцам был отдан приказ причалить к берегу, и их лодка встала в десяти шагах от того места, где я находился.

Если бы они остановились ниже, они, конечно, увидели бы меня из-за света. Но теперь я был в такой же безопасности, как если бы нас отделяли несколько миль.

Те фразы, которые я услышал, разожгли мое любопытство. Я жаждал узнать, какую месть замышляет Турид против меня и слушал с напряженным вниманием.

- Ни о каких обязательствах не может быть и речи, святой отец, - продолжал перворожденный, - Туриду, датору Иссы, не нужно награды. Когда дело будет сделано, я буду рад, если при твоем содействии буду принят, как подобает моему древнему роду и высокому положению, при дворе какого-нибудь народа, еще оставшегося верным твоей религии. Я не смогу вернуться в долину Дор или в другое место, которое находится под властью Гелиума. Впрочем, я не требую даже этого - все будет зависеть от твоего желания!

- То, что ты просишь, будет исполнено, датор, - ответил ему Матаи Шанг. - Но это еще не все. Я не пожалею для тебя никаких богатств, если ты вернешь мне мою дочь Файдору и передашь в мои руки Дею Торис, принцессу Гелиума.

- О! - продолжал он со злобной усмешкой, - пусть человек Земли искупит все оскорбления, которые навлек на святая святых! Самые гнусные пытки не будут достаточные для его жены. Если бы только я мог заставить его быть свидетелем унижения и позора его краснокожей!

- Скажи только слово, - и она будет в твоей власти раньше, чем пройдет день, - промолвил Турид.

- Я слышал о храме Солнца, датор, - ответил Матаи Шанг, - но никогда не слышал, чтобы пленников освобождали бы раньше, чем пройдет назначенное для них время. Как же сможешь ты выполнить невозможное?

- В каждую комнату храма Солнца есть доступ в любое время, - ответил Турид. - Только Исса знала это, но не в ее интересах было раскрывать свои тайны. Случайно после ее смерти мне попался в руки старинный план храма, и на нем было подробно написано, как пройти в камеры. В прошлом многие люди проходили туда по поручению Иссы, чтобы принести пленникам смерть или мучения. Но те, которые узнавали секретные ходы, таинственно умирали, еле успев вернуться и доложить об исполнении ее приказа.

- В таком случае, будем действовать! - воскликнул после некоторого молчания Матаи Шанг. - Я доверяюсь тебе, но помни, что нас шестеро против тебя одного!

- Я не боюсь, - ответил Турид. - Наша ненависть к общему врагу - достаточная гарантия для честного отношения друг к другу, а после того, как мы расправимся с Деей Торис, станет еще

более необходимым поддерживать наш союз, если только я не ошибаюсь в характере ее мужа!

После этого краткого разговора Матаи Шанг сделал знак гребцам, и лодка медленно двинулась вверх по притоку.

С трудом удержался я, чтобы не наброситься на них и не убить гнусных заговорщиков. Но понял все безумие подобного поступка: я убил бы единственного человека, который мог указать путь к темнице Деи Торис раньше, чем длинный марсианский год завершит свой бесконечный круг.

Если Турид может провести Матаи Шанга в неприступные камеры храма Солнца, то он проведет туда и Джона Картера, джеда Гелиума!

Тихо, едва касаясь воды веслом, следовал я за большой лодкой.

II.

ПОД ГОРАМИ

Река, по которой мы плыли, вытекала из глубин горы Оц, проходила под Золотыми Скалами и несла свои темные воды в мрачную Исс. Слабый свет, еле брезживший впереди нас, делался все сильнее и сильнее и, наконец, превратился в сияние.

Река расширилась и приняла вид озера, сводчатый потолок которого, освещенный фосфорическими скалами, сверкал алмазами, сапфирами, рубинами и всеми бесчисленными безымянными камнями Барсума. За освещенным озером стоял густой мрак. Что скрывалось за ним, я не мог догадаться.

Непосредственно следовать за лодкой жрецов и пересечь освещенные воды - было бы страшной неосторожностью. Поэтому, как ни боялся я хотя бы на минуту выпустить Турида из вида, я вынужден был переждать в тени, пока большая лодка не достигнет противоположного берега. Только тогда поплыл я по блестящей поверхности озера в том же направлении.

Этот переезд казался мне вечностью. Наконец я достиг верхнего конца озера и увидел, что река протекает через круглое отверстие в основании скалы. Оно было так низко, что я должен был приказать Вуле улечься на дно челнока, а сам согнуться в три погибели, чтобы не удариться головой о скалу.

За входом потолок стал снова подниматься, но путь уже не был так ярко освещен, как на озере. Небольшие куски фосфорического камня, рассеянные кое-где, излучали слабое сияние. Я попал в небольшую пещеру, в которую река втекала через три сводчатых отверстия.

Турида и жрецов нигде не было видно. В каком из этих темных отверстий они исчезли? Я не мог установить этого никак, и потому наобум выбрал центральное отверстие.

Путь шел теперь в полнейшем мраке. Поток был извилистый и узкий, такой узкий, что я постоянно натыкался то на одну, то на другую скалистую стену.

Далеко впереди себя я услышал глухой рев, который усиливался по мере моего продвижения вперед и перешел в оглушительный грохот, когда я выплыл из-за крутого поворота.

Прямо передо мной, с высоты нескольких сот футов, река низвергалась могучим водопадом, заполняя собой все низкое ущелье. О! Этот оглушительный рев падающей воды, отдающий грохотом в скалистой подземной пещере! Даже если бы водопад не преграждал мне дороги и не указывал, что я на ложном пути, мне кажется, что я убежал бы от этого адского шума!

Турид и жрецы не могли проехать этой дорогой. Я потерял их след, и они теперь настолько опередили меня, что я не смогу настигнуть их вовремя, если вообще буду в состоянии их разыскать!

Мое путешествие вверх по потоку заняло уже несколько часов; потребуется еще несколько часов для возвращения обратно, хотя по течению путь, конечно, будет намного быстрее.

Со вздохом повернул я челн вниз по потоку и помчался по узкому извилистому каналу, пока не достиг пещеры, в которую река вливалась тремя рукавами.

Оставалось еще два неисследованных пути. И снова я не знал, какой из них выбрать, какой приведет меня на след заговорщиков. Насколько я себя помню, никогда в своей жизни не страдал я так от нерешительности, как в эту минуту!

Часы, которые я потерял, могли решить судьбу моей Деи Торис, если вообще она еще в живых. Потратить еще часы, а может быть, дни на бесполезные исследования другого неверного пути! Новая ошибка, без сомнения, будет иметь роковые последствия.

Я несколько раз въезжал в правое отверстие и вновь возвращался обратно. Как будто какое-то чутье предостерегало меня на этом пути. Наконец я решил остановить свой выбор на левом

канале. Однако, перед тем, как повернуть лодку, я бросил последний нерешительный взгляд на темные воды, вытекающие из-под правого свода.

И тут я увидел, как из темноты канала потоком вынесло скорлупу большого сочного плода сорапуса.

Я едва сдержал громкий крик радости при виде этого молчаливого и безразличного вестника, проплывавшего мимо меня. Теперь я знал, что впереди меня на том же потоке должны быть марсиане! Кто-то ел чудесный плод и выбросил скорлупу за борт. Это могла быть только та компания, которую я искал!

Я отбросил всякую мысль о левом проходе и уверенно повернул направо. Поток вскоре расширился. Попадались фосфорические скалы, которые освещали мне путь.

Я очень спешил, потому что почти на день отстал от тех, кого преследовал. Вула и я не ели с предыдущего дня. Что касается до него, то это не имело особого значения: все животные Марса, родина которых - высохшее дно моря, могут невероятно долго обходиться без пищи.

Я тоже не особенно страдал. Вода реки была холодная, вкусная и не зараженная разлагающимися трупами, подобно водам реки Исс. А что касается пищи, то одна мысль о том, что я нахожусь вблизи моей любимой Деи Торис, не давала мне думать ни о чем другом.

Река становилась все уже, а течение - все быстрее и бурливее, так что я с трудом мог проталкивать свою лодку вперед. Думаю, что сделал не более двухсот футов в час, когда при повороте увидел перед собой пороги, через которые, бурлясь и пенясь, перекатывалась река!

Сердце мое похолодело. Ореховая скорлупа сорапуса обманула меня. Мое внутреннее чутье было правильнее. Мне следовало выбрать левый канал!

Будь я женщиной, я бы заплакал. По правую руку от меня медленно вращался большой водоворот. Я пустил в него свой челнок, чтобы дать хоть немного отдохнуть моим усталым мускулам. Я был совсем убит. Снова нужно было потерять полдня, чтобы вернуться назад и поехать по единственному оставшемуся неисследованному каналу! Какая дьявольская судьба заставила меня выбрать из трех возможных путей два неправильных?!

В то время, как медленное течение тихо несло меня по периферии водоворота, мой челн дважды ударился о скалистый берег. Когда он ударился опять, то звук от толчка получился другой - это был звук удара дерева о дерево.

Я весь встрепенулся... В этой подпочвенной реке не могло быть дерева, кроме того, которое было принесено сюда людьми. Я протянул руку за борт, и пальцы мои нащупали борт другого судна.

Я весь окаменел, напряженно всматриваясь в темноту, стараясь разглядеть, занята ли лодка.

Возможно, что в лодке находились люди, которые не догадывались о моем присутствии... Лодка ударялась одной стороной о береговые скалы, и мягкий удар моего челнока мог пройти незамеченным.

Было так темно, что, несмотря на все мои старания, я не мог ничего разглядеть. Мне почудился было звук дыхания; я начал прислушиваться, но нет, кроме шума воды и мягкого трения лодок, я не расслышал ни единого звука. По обыкновению, у меня очень быстро созрел план действий.

На дне моего челна лежала свернутая веревка. Я ее поднял, привязал одним концом к бронзовому кольцу на носу моего челнока и осторожно перелез в соседнюю лодку. В одной руке я держал веревку, в другой меч.

Лодка слегка качнулась под моей тяжестью, удар моего челна об ее борт мог вызвать тревогу пассажиров, если таковые были. Но все было тихо, и, минуту спустя, обыскав лодку от носа до кормы, я нашел, что она была пуста.

Я ощупал руками скалу, у которой она была привязана, и нашел узкий выступ. Это была дорога! По ней, вероятно, должны были пройти те, которые приезжали до меня. По размеру и строению лодки я был убежден, что это была лодка Турида и жрецов.

Позвав Вулу, я вступил на выступ. Большое дикое животное с ловкостью кошки прыгнуло за мной.

Проходя через лодку, принадлежащую Туриду и жрецам, Вула издал глухое рычание, а когда он подошел ко мне, и я положил на его шею руку, то почувствовал, как его короткая грива ощетинилась от злобы. Мне кажется, что он телепатически почувствовал присутствие врага, потому что я до сих пор не делал никаких попыток объяснить ему цель наших поисков.

Это было упущение, которое следовало исправить. По способу зеленых марсиан я объяснил своему псу то внушением, то словами, что мы выслеживаем людей, занимавших недавно большую лодку.

Легкое мурлыканье указало мне, что Вула понял меня. Я повернул направо, но едва успел сделать это, как почувствовал,

что Вула потянул меня в противоположном направлении, я последовал за ним.

Я знал, что он был прекрасной ищейкой и вряд ли ошибался.

Сквозь полный мрак он вел меня вдоль узкого уступа над бурным потоком.

Мы вышли из-под нависших скал, и при тусклом свете я увидел, что тропинка была выбита в массиве скалы, и, что она вела вдоль реки за пороги.

Более часа двигались мы по берегу темной речки. Судя по направлению, я догадался, что мы шли под долиной Дор, а может быть, под морем Омин. Теперь, вероятно, я был недалеко от храма Солнца.

Едва эта мысль пришла мне в голову, как Вула внезапно остановился у сводчатого прохода в скале, отполз от входа и притаился в расщелине.

Слова не смогли бы сказать мне яснее, что где-то поблизости нас подстерегает опасность. Я осторожно подполз к Вуле и поверх его головы заглянул в отверстие.

Передо мной оказалось просторное помещение, которое, судя по обстановке, служило сторожевой комнатой. В одном углу стояли ружейные козлы, а по стенам были нары для воинов. В помещении находились только два жреца из тех, которые были с Туридом и Матаи Шангом.

Жрецы были заняты серьезным разговором, и по тону его было видно, что они совершенно не подозревают, что их могут подслушать.

- Я тебе говорю, - проговорил один из них, - что не доверяю этому черномазому. Не было никакой необходимости оставлять нас здесь, якобы для того, чтобы охранять путь. Против кого, скажи на милость, охранять нам эту давно забытую подпочвенную тропинку? Поверь, это - просто хитрость с его стороны, чтобы разделить нас. Потом он уговорит Матаи Шанга оставить других где-нибудь, тоже под тем или иным предлогом, а потом нападет на нас со своими товарищами и перебьет всех нас.

- Я согласен с тобой, Лакор, - ответил другой. - Между жрецами и перворожденными не может быть ничего, кроме ненависти и измен. А что думаешь ты о всей этой сказке со светом?

"Пусть, - говорит, - свет горит с силой трех радиоединиц в продолжение пятидесяти секунд, а затем в продолжение одной минуты с силой одной радиоединицы, и, наконец, в продолжение двадцати пяти секунд с силой девяти радиоединиц".

Вот в точности, что он сказал. И подумать только, что старый мудрый Матаи Шанг слушал такую чепуху!

- Действительно это глупо, - ответил Лакор. - Разве таким способом что-нибудь откроешь? Ложен же был он что-нибудь ответить, когда Матаи Шанг напрямик спросил его, что он сделает, когда дойдет до храма Солнца. Вот он и выдумал наскоро какой-нибудь ответ. Бьюсь об заклад диадемой хеккадора, что сам он не в состоянии был бы повторить снова слова.

- Чего нам здесь оставаться, Лакор? - проговорил другой жрец. - Может быть, если бы мы поспешили за ними, мы бы успели спасти Матаи Шанга и отомстить черному датору. Как ты думаешь?

- Никогда за всю свою долгую жизнь, - ответил Лакор, - я не ослушался ни одного приказа отца святых жрецов. Если он не вернется и не прикажет мне покинуть пост, я умру здесь на месте.

Товарищ его покачал головой.

- Я твой подчиненный, - промолвил он наконец, - и ничего не могу сделать без твоего согласия. Но все же я думаю, что мы совершаем большую глупость, оставаясь здесь.

Я тоже считал, что они делают глупость, потому, что мне нужно было пройти через комнату, в которой они находились. Я не имел причин питать особую нежность к этой расе самообожествляющих себя демонов. Однако охотно прошел бы мимо них, не причинив им вреда, если бы это было возможно.

Во всяком случае, следовало попробовать пройти мирным путем. Борьба могла задержать меня или даже положить конец моим поискам: лучшие люди, нежели я, бывали иногда побеждены бойцами меньшей боевой способности, чем жрецы.

Дав знак Вуле следовать за мной, я решительно шагнул в комнату и очутился перед обоими жрецами. При виде меня они обнажили свои мечи, но я знаком руки остановил их.

- Я ищу Турида, черного датора, - сказал я. - У меня с ним счеты, а не с вами. Дайте мне мирно пройти, потому что, если я не ошибаюсь, он такой же враг вам, как и мне, и у вас нет причин его защищать.

Они опустили мечи, и Лакор заговорил:

- Я не знаю, кто ты такой. У тебя белая кожа жреца и черные волосы перворожденных. Если бы дело шло только о безопасности Турида, ты мог бы пройти, и мы бы тебе не помешали. Скажи нам, кто ты и по чьему поручению ты здесь? Может быть, тогда мы пустим тебя исполнить свой долг, который и сами хотели бы совершить.

Я был поражен, что никто из них не узнал меня. Я думал, что был известен каждому жрецу на Барсуме лично или понаслышке и что я буду немедленно опознан в любой части планеты. Действительно, я был единственным белым человеком на Марсе с черными волосами и с серыми глазами - за исключением моего сына Карториса.

Объявить свое имя означало бы вызвать немедленное нападение: каждый жрец на Барсуме был моим тайным врагом, потому что каждый из них знал, что именно мне обязаны они падением своей вековой власти над душами. С другой стороны, моя репутация исключительного бойца могла заставить их пропустить меня.

По правде сказать, я не обманывал себя этой последней возможностью. На воинственном Марсе нет трусов: всякий - будь он джеддак, жрец или простой смертный - гордится каждым поединком, каждым сражением. А потому я крепче обхватил рукоятку меча, когда обратился к Лакору.

- Я думаю, вы сами поймете, что разумнее пропустить меня с миром, - сказал я. - Если вы вступите со мной в борьбу, это ничего не принесет вам. Вы умрете бесславной смертью в глубине Барсума, а для чего спрашивается? Чтобы защитить наследственного врага вашей нации Турида, датора перворожденных! А то, что вы умрете, если вздумаете противиться мне, этому порукой бесчисленные трупы великих барсумских воинов, павших от этого меча. Я - Джон Картер, принц Гелиума!

В первую минуту это имя, казалось, парализовало жрецов, а затем младший с громкими проклятиями кинулся на меня с обнаженным мечом.

Во время наших переговоров он стоял немного впереди своего товарища, и теперь Лакор схватил его за пояс и оттащил назад.

- Стой! - прогремел Лакор. - У нас будет достаточно времени для боя, если мы вообще найдем нужным сражаться. Конечно, достаточно причин, чтобы каждый жрец на Барсуме жаждал пролить кровь богохульника и святотатца, но не дадим омрачить наш рассудок ненавистью. Джон Картер хочет сейчас исполнить то, что мы сами за минуту до этого желали сделать. Так пусть же он идет убить черного. Мы будем ждать его здесь, чтобы преградить ему путь обратно. Мы освободимся таким образом сразу от двух врагов и вместе с тем не нарушим приказа отца святы жрецов.

В то время, как он говорил, я не мог не заметить коварного выражения его глаз и, несмотря на видимую логичность его рас-

суждений, бессознательно чувствовал, что его слова маскируют какие-то мрачные намерения. Второй жрец повернулся к нему, видимо, пораженный, но Лакор шепнул ему что-то на ухо, и он, кивнув головой, спокойно отошел в сторону.

- Иди, Джон Картер, - сказал Лакор. - Но знай, что если Турид тебя не уложит, то здесь тебя будут ждать двое, которые сделают все, чтобы ты никогда больше не увидел света солнца. Иди!

Во время нашего разговора Вула ощетинился, рычал и терся об меня. Иногда он заглядывал мне в глаза и умоляюще выл, как бы прося позволения броситься на врагов. Он тоже чувствовал коварство за гладкой речью жреца.

В задней части комнаты было несколько дверей, и на одну из них, крайнюю справа, указал Лакор.

- Эта дорога ведет к Туриду, - сказал он.

Но, когда я подозвал Вулу, чтобы отправиться указанным путем, умное животное принялось выть и не двигалось с места Затем оно быстро перебежало к первой двери налево, остановилось и начало лаять, как бы приглашая меня за ним последовать.

Я пытливо посмотрел на Лакора и сказал ему:

- Мой пес редко ошибается. Я, конечно, не сомневаюсь в твоей осведомленности, но все же думаю, что будет лучше, если я послушаюсь не тебя, а инстинкта моего пса, которым руководит преданность. - При этих словах я усмехнулся, чтобы он знал, что я не доверяю ему.

- Как хочешь, - ответил он, пожав плечами. - В конце концов это то же самое!

Я повернулся и последовал за Вулой в левый проход, чутко прислушиваясь, не преследуют ли меня жрецы, но все было тихо.

Коридор тускло освещался редкими радиолампами - самыми обычными осветительными приборами на всем Барсуме.

Лампочки, которые я видел, горели, быть может, в этих подпочвенных проходах уже в продолжение многих веков; они не требовали никакого ухода и устроены были так, что расходуется минимальное количество энергии.

Скоро нам стали попадаться поперечные коридоры, но Вула ни разу не колебался в выборе пути. Из одного из этих боковых проходов до меня вскоре донесся звук, значение которого мне сразу стало ясно. Это был металлический звон - лязганье боевых доспехов. Звук раздавался где-то недалеко от меня справа.

Вула тоже услышал его. Он остановился, ощетинился и обнажил все ряды своих блестящих клыков. Я жестом приказал ему молчать, и мы тихо отступили в другой боковой коридор.

Здесь мы остановились в ожидании. Вскоре мы увидели на полу главного коридора тени двух мужчин. Они двигались, по-видимому, очень осторожно: случайный звон, вызвавший мое внимание, больше не повторялся.

Они подошли, тихо ступая, к месту против нашей стоянки. Я ничуть не удивился, признав в них Лакора и его товарища. В правой руке каждого из них блестел хорошо отточенный меч.

- Неужели они уже опередили нас? - сказал Лакор.

- Может быть, животное повело его по неверному следу? - ответил другой. - Тот путь, по которому мы шли, гораздо короче - конечно, для того, кто его знает. Но для Джона Картера он был бы только короткой дорогой к смерти. Жалко, что он не пошел по нему, как ты ему советовал!

- Да, - сказал Лакор, - никакое умение драться не спасло бы его от вращающейся плиты! О наверняка лежал бы теперь на дне колодца! Проклятый калот предостерег его от той дороги.

- Ничего! Он свое еще получит, - сказал товарищ Лакора. - Ему не так-то легко будет избежать остальных ловушек, даже если удастся спастись от наших мечей.

- Много бы я дал, чтобы увидеть, например, каким образом он выкрутиться, если неожиданно залезет в комнату...

Я тоже много бы дал, чтобы услышать конец разговора и чтобы знать подробнее об опасностях, ожидающих меня впереди. Но тут вмешалась судьба: в эту минуту, в самую неподходящую из всех минут, я чихнул.

III.

ХРАМ СОЛНЦА

Теперь оставался только один выход - бой! На моей стороне не было никаких преимуществ. Надо же было так по-идиотски чихнуть! Когда я выскочил в коридор с мечом в руке, жрецы уже приготовились встречать меня.

Никто из нас не произнес ни слова. Да и к чему были слова?

Одно их присутствие уже ясно говорило о предательстве. Было очевидно, что они последовали за мной, чтобы тайно напасть на меня, и, конечно, увидели, что я понял их тактику.

В ту же минуту закипел бой, и хотя я ненавижу само имя жреца, я должен признать, что они отважные и сильные противники. Эти двое не оказались исключением.

Мною овладело, как всегда, радостное опьянение боя. Дважды спасся я от смертельного удара только благодаря особому проворству и ловкости моих земных мускулов. Но все же в тот день, несмотря на всю мою ловкость, я был на волосок от смерти в этом мрачном коридоре, глубоко под поверхностью Барсума.

Лакор сыграл со мной такую шутку, которой мне ни разу не приходилось видеть за всю свою боевую жизнь на обеих планетах.

Я бился в это время с другим жрецом и теснил его назад, нанося ему легкие раны, так что кровь сочилась у него из десятка мест. Но он защищался прекрасно, я никак не мог нанести ему решающий удар.

Вот тогда-то Лакор отстегнул свой пояс и пользуясь моментом, когда я был полностью поглощен борьбой с его товарищем, закинул один конец ремня вокруг моей левой лодыжки так, что она оказалась крепко обвитой, затем быстро дернул за другой конец ремня и повалил меня на спину.

Как пантеры ринулись они тогда на мое распростертое тело. Но они рассчитали мой маневр без Вулы. Верный пес, как тысяча дьяволов, бросился им наперерез. Представьте себе, если можете, чудовищного десятинога, вооруженного могучими когтями, с огромной пастью, в которой блестели три ряда длинных белых клыков. Потом снабдите это чудовище легкостью и свирепостью голодного бенгальского тигра, силой двух быков - и вы будете иметь слабое представление о том, что представлял из себя Вула.

Раньше, чем я успел его отозвать, он раздавил Лакора в лепешку одним ударом своей могучей лапы и буквально разорвал на куски другого жреца. Однако, когда я приказал ему отойти, он боязливо съежился, как провинившийся пес.

Я никогда не наказывал Вулу за все долгие годы, которые прошли с того первого дня на Марсе, когда зеленый джед тарков приставил его ко мне в качестве сторожа, но я думаю, что он безропотно снес бы всякую жестокость с моей стороны - так велика была его привязанность.

Золотой обруч с драгоценным камнем на лбу Локара доказывал, что он был святым жрецом. По украшениям его товарища я видел, что и он достиг уже девятого цикла, непосредственно предшествующего циклу святых. Стоя над растерзанными тела-

ми жрецов, я вспомнил один случай, когда нарядился в парик, диадему и доспехи святого жреца Сагор Трога, убитого Тувией.

Мне пришло в голову, что не мешало бы и теперь воспользоваться украшениями Локара для той же цели.

Не долго думая, я сорвал желтый парик с его лысой головы и возложил его на свою собственную. Вула не одобрил метаморфозы. Он долго обнюхивал меня и зловеще рычал.

Только когда я погладил его огромную голову и ласково поговорил с ним, он успокоился и покорно отправился со мной в путь.

Я продвигался теперь еще осторожнее; я шел все время рядом с Вулой, рассчитывая на то, что зоркость наших четырех глаз скорее усмотрит опасность. И какое счастье, что я был предупрежден!

Мы дошли до нескольких узких ступеней. Тут коридор внезапно круто заворачивал назад, а потом снова делал крутой поворот в прежнем направлении и выходил в большую, плохо освещенную пещеру. Весь пол ее оказался сплошь покрытым ядовитыми змеями и отвратительными пресмыкающимися!

Попытка пересечь пещеру повела бы к немедленной смерти. Я упал было духом, но вовремя вспомнил, что Турид и Матаи Шанг должны же были пройти через эту пещеру, и сообразил, что существует какой-то обход.

Если бы мне не повезло подслушать часть разговора жрецов, мы бы, наверное, спокойно вошли в грот и ступили в эту кишащую массу. Было бы достаточно одного шага, чтобы погибнуть.

Это были первые пресмыкающиеся, которых я встретил на Барсуме. Только в музеях Гелиума я видел окаменелые остатки вымерших, как предполагали, пород, живые экземпляры которых были у меня перед глазами.

Более отвратительного сборища чудовищ мне не приходилось видеть. Было бы бесполезно описывать их земным людям, потому что ничего общего не было у них ни с каким земным существом прошлого или настоящего времени.

Яд у них - неслыханной силы, так что, по сравнению с ними, наша кобра казалась бы безвредной, как дождевой червь.

Увидев меня, они бросились ко входу, где мы стояли, но ряд радиоламп, помещенных вдоль пещеры, заставил их остановиться. Они, очевидно, не смели перейти этой световой линии.

То обстоятельство, что я не встретил ни одного пресмыкающегося в коридорах, давало мне уверенность, что их удерживало.

Я оттащил Вулу немного назад и начал тщательно осматривать пещеру. Когда мои глаза освоились с тусклым светом, я различил в дальнем конце помещения низкую галерею, от которой шло несколько проходов.

Подойдя поближе к порогу, я увидел продолжение галереи и понял, что она огибает весь грот. Взглянув наверх, я, к своей радости, заметил, что над тем местом, где мы стояли, не больше фута над головой открывается вход в галерею. Я немедленно вскочил туда и позвал за собой Вулу.

В галереи пресмыкающихся не было, путь был свободен до противоположного края ужасной пещеры. Мы быстро прошли ее и благополучно спрыгнули в нижний коридор.

Минут через десять мы вошли в огромное круглое помещение, выложенное белым мрамором, стены которого были сплошь покрыты странными золотыми иероглифами перворожденных.

В середине возвышалась огромная круглая колонна, упиравшаяся в высокий купол. Посмотрев на нее, я заметил, что колонна медленно вращается. Я достиг оси храма Солнца!

Где-то надо мной находилась Дея Торис, Файдора, дочь Матаи Шанга, и Тувия, красная девушка из Птарса. Но как дойти до них - оставалось все еще неразрешимой загадкой.

Медленно начал я обходить огромную колонну, выискивая какой-нибудь вход в нее. Обойдя половину колонны, я наткнулся на небольшую радиозажигалку, лежавшую на полу. Присутствие ее в этом скрытом, почти недоступном месте, меня страшно удивило. Я поднял ее. На ней был вырезан герб дома Турида.

- "Значит, ищу я верно!" - подумал я радостно и сунул безделушку в небольшую сумку, висевшую у меня на поясе. С новым рвением принялся я искать вход, который должен был быть где-то в колонне. Вскоре я действительно наткнулся на небольшую дверцу, так искусно вделанную в колонну, что менее внимательный наблюдатель прошел бы мимо нее.

Передо мной была дверь, которая вела внутрь темницы, но как ее открыть? Не видно было ни замка, ни кнопки. Я много раз тщательно исследовал каждый дюйм ее поверхности, но не нашел ничего, кроме крошечного отверстия почти в середине дверцы. Оно было немногим больше булавочной головки и казалось случайным повреждением мрамора.

Я старался заглянуть в эту дырочку, но никак не мог понять, проходила ли она насквозь (по крайней мере, никакого света за ней не было видно). Затем я приложил к ней ухо и прислушался: стояла полная тишина. Вула не спускал глаз с двери. Его чутью

можно было довериться. Я решил окончательно удостовериться что на нужном пути и, притворяясь, что отхожу от двери, позвал Вулу, приказав ему следовать за мной. Минуту он колебался, а затем прыгнул, визжа и дергая меня за пояс. Я отошел еще на некоторое расстояние, чтобы посмотреть, что он сделает.

Он потащил меня обратно прямо к загадочной двери и снова занял свою позицию перед гладким камнем, не отводя глаз от его блестящей поверхности. Я промучился целый час над разгадкой тайны, которая открыла бы дверь.

Я стал тщательно припоминать все обстоятельства преследования Турида. Турид пришел этой дорогой и прошел в эту дверь, которая преграждала мне путь. Но как он сделал это?

Я вспомнил о приключениях в таинственной пещере в Золотых Скалах в тот день, когда освободил Тувию. Я припомнил, как она взяла тонкий ключ, наподобие иглы и вставила его в замочную скважину, очень похожую на ту, которая была передо мной. Она открыла этой иглой дверь в таинственную комнату, где Тарс Таркас бился насмерть с дикими бенсами.

Не попробовать ли мне ввести какое-нибудь острие в маленькую дырочку в мраморной двери? Я поспешно высыпал на пол все содержимое своей сумки. Если бы только мне найти тонкую стальную проволоку!

В то время, как я рассматривал разнородную коллекцию всевозможных предметов, которые всегда можно найти в сумке марсианского воина, мне попала под руку радиозажигалка черного датора. Я хотел отложить ее в сторону, как не имеющую никакого значения в данную минуту, как вдруг случайно заметил странные знаки, выцарапанные на золотом футляре.

Простое любопытство заставило меня рассмотреть поближе эти свеженацарапанные знаки, но то, что я прочел, в первую минуту ничего мне не сказало. Это были три ряда цифр, один под другим:

3 - 50 с.
1 - 1 м.
9 - 25 с.

Смысла в этих цифрах я не усмотрел и намеревался уже сунуть зажигалку обратно в сумку, когда в моей памяти отчетливо встал разговор между Лакором и его товарищем. Я вспомнил, как младший жрец, издеваясь, приводил слова Турида: "А что ты думаешь об этой странной истории со светом? Пусть свет горит с силой трех радиоединиц в продолжении пятидесяти секунд..." - ведь это первый ряд знаков на футляре!

Вся формула подходила как нельзя лучше, но что это могло означать?

Вдруг мне показалось, что я понял, и, схватив из сумки сильное увеличительное стекло, принялся тщательно исследовать мрамор вокруг отверстия. Я едва удержался от торжествующего восклицания! Мрамор вокруг отверстия был испещрен едва заметными частицами обуглившихся электродов, которые осыпаются с зажигалок!

Очевидно, в продолжение бесчисленных веков радиозажигалка прикладывалась к этому отверстию.

Для чего? Ответ был для меня ясен: механизм замка приводился в действие световыми лучами, и я, Джон Картер, держал в руках нужную комбинацию лучей, нацарапанную рукой моего врага на его собственной вещи!

В золотом браслете на моей руке был заключен мой барсумский хронометр, отмечавший секунды, минуты и часы марсианского времени. С необычайной тщательностью приступил я к операции: приложил зажигалку к отверстию и регулировал силу света посредством небольшой пружины, находящейся сбоку футляра.

Сперва в продолжение пятидесяти секунд я осветил отверстие тремя радиоединицами, затем в течение одной минуты дал ток в одну радиоединицу, наконец, в продолжение двадцати пяти секунд переменил его на девять радиоединиц. Эти последние двадцать пять секунд были самыми долгими секундами в моей жизни... Откроется ли замок по истечении этого бесконечного времени?

Двадцать три! Двадцать четыре! Двадцать пять!

Я потушил свет. Семь секунд я ждал. В механизме замка не было заметно никакого действия. Неужели вся моя теория оказалась неправильной?

Но что это? Вызвало ли нервное напряжение галлюцинацию, или дверь действительно шевельнулась? Медленно и беззвучно отодвигался в сторону массивный камень: нет, это не галлюцинация!

Дальше и дальше отодвигалась дверь, пока не открылся узкий коридор, который шел параллельно наружной стене. Едва проход раскрылся, как я и Вула проскочили внутрь, а затем дверь бесшумно закрылась за нами.

За поворотом я увидел слабое отражение света. Мы кинулись туда и очутились в небольшой круглой ярко освещенной зале. Из нее поднималась витая лестница, которая вела кверху.

Мы находились в самом центре храма Солнца. Спиральная лестница вела вверх мимо внутренних стен камер. Где-то надо мной была Дея Торис, если только Турид и Матаи Шанг не успели ее похитить.

Я двинулся вверх по лестнице, но Вула начал внезапно проявлять признаки самого дикого возбуждения. Он прыгал взад и вперед, хватая меня за руки и пояс, и вел себя так, что я подумал, что он взбесился. Я оттолкнул его и снова ступил на лестницу, но он ухватился челюстями за мою руку и потащил обратно.

Ни крики, ни удары не помогали, он не выпускал меня, и я был во власти взбесившегося животного. Конечно, я мог бы левой рукой нанести ему удар кинжалом, но рука не поднималась убить верного друга.

Он потащил меня обратно в зал, к стороне, противоположной той, откуда мы вошли. Оказывается, там была другая дверь, которая вела в коридор, круто спускавшийся вниз. Без колебания Вула увлек меня и остановился. Встав между мной и дверью, он глянул мне в лицо, как бы спрашивая, хочу ли я добровольно следовать за ним, или он должен будет снова прибегнуть к силе.

Взглянув на правую руку, на которой ясно выступали следы его страшных клыков, я решил идти за ним. В конце концов его необыкновенное чутье могло быть правильнее, чем мой человеческий разум.

Какое счастье, что я за ним последовал! Пройдя небольшое расстояние от круглого зала, мы внезапно попали в освещенный лабиринт проходов, отделенных друг от друга хрустальными перегородками. Сперва мне показалось, что это одно обширное помещение, так прозрачны были стены коридоров. Но после того, как я несколько раз ударился о прочные стеклянные стены, я сделался осторожнее.

Мы прошли несколько футов, как Вула вдруг издал страшное рычание и кинулся на перегородку, находящуюся налево от нас.

Отзвуки этого ужасного воя еще отдавались в подпочвенных коридорах, когда я увидел то, что вызвало возбуждение верного пса. Далеко налево, как бы в тумане, сквозь многие толстые стены смутно виднелись фигуры восьми людей - трех женщин и пяти мужчин.

В ту же минуту, очевидно, испуганные воем Вулы, они остановились и оглянулись. Внезапно одна из женщин протянула ко мне руки, и даже на таком большом расстоянии я увидел, что губы ее зашевелились - это была Дея Торис, моя вечно прекрасная, вечно юная Дея Торис!

С ней были Тувия, Файдора, ее отец, Турид и трое жрецов. Турид издали погрозил мне кулаком, а двое жрецов грубо схватили за руки Дею Торис и Тувию и повлекли их за собой. Минуту спустя они скрылись в каменном коридоре позади стеклянного лабиринта.

Говорят, что любовь слепа. Но такая великая любовь, как любовь Деи Торис, узнала меня даже под личиной жреца, которую я на себя надел, и сквозь туманную даль хрустального лабиринта!

IV.

ПОТАЙНАЯ БАШНЯ

У меня нет желания рассказывать вам монотонные приключения тех утомительных дней, в течение которых Вула и я совершали свой путь сквозь стеклянный лабиринт, сквозь темные, извилистые подпочвенные ходы под долиной Дор и Золотых Скал, пока, наконец, не вышли на склоны горы Оц, как раз над долиной потерянных душ. Это жалкое чистилище Барсума населено несчастными, которые не решились продолжать паломничество в долину Дор и не могли вернуться в страну внешнего мира, откуда они пришли.

Здесь след похитителей Деи Торис вел вдоль подножия гор, через крутые обрывы, по краю страшных пропастей, иногда заводил меня опять в долину, где мне не раз приходилось сражаться.

Наконец мы подошли к узкому ущелью, которое с каждым шагом делалось все круче и непроходимее, пока не очутились перед могучей крепостью, смыкавшейся с высокими скалами.

Это было тайное убежище Матаи Шанга, отца жрецов. Здесь, окруженный горсткой правоверных, жил хеккадор древней веры, некогда властвовавшей над всем Барсумом. Отсюда посылал он свои духовные наставления тем немногим народам, которые упорно продолжали держаться старой религии.

Солнце заходило, когда мы подошли к неприступным стенам старой крепости. Опасаясь быть замеченным, я спрятался с Вулой за гранитную глыбу в зарослях колючего красного кустарника, который покрывает бесплодные склоны Оца.

Мы лежали в кустах, пока не наступила полная темнота. Тогда я выполз и приблизился к крепостным стенам.

По небрежности ли, или из сознания полной неприступности убежища, массивные ворота оказались приоткрытыми. За ними виднелась группа стражников, весело смеющихся и занятых одной из непонятных мне барсумских игр. Ни один из них не принадлежал к партии, сопровождавшей Матаи Шанга и Турида. Поэтому, вполне полагаясь на свой маскарад, я смело прошел через ворота и подошел к ним.

Люди прекратили игру и взглянули на меня без признаков подозрения. Точно так же взглянули они на Вулу, недовольно ворчавшего.

- Каор! - произнес я марсианское приветствие.

Воины встали и поздоровались со мной.

- Я только что прибыл с Золотых Скал, - продолжал я, - и мне нужна аудиенция у хеккадора Матаи Шанга.

Где могу найти его?

- Следуй за мной, - сказал один из стражников и повел меня через внешний двор ко второй крепостной стене.

Не знаю почему, удивительная легкость, с которой мне удалось обмануть их, не возбудила во мне никаких подозрений. Вероятно, мои мысли еще были полны мимолетным видением моей возлюбленной, и ни для чего иного не было места в моей голове. Как бы то ни было, но факт то, что я беспечно и добровольно последовал за своим провожатым прямо в объятия смерти.

Позже я узнал, что шпионы предупредили жрецов о моем приходе за несколько часов до того, как я достиг крепости. Ворота были оставлены открытыми нарочно, чтобы заманить меня. Стражники великолепно сыграли свою роль. И я, опытный воин, прошедший через столько опасностей, попал, как мальчишка, в расставленную мне ловушку!

В дальнем углу двора виднелась узкая дверь; сторож вынул ключ и отворил ее, затем, отступив назад, он жестом пригласил меня и сказал:

- Матаи Шанг во внутреннем дворе.

Я спокойно вошел с Вулой в открытую дверь, и она быстро захлопнулась за нами. Насмешливый хохот, донесшийся из-за толстой стены после того, как щелкнул замок, был первым предупреждением, что все не так гладко, как мне представлялось.

Я очутился в маленькой круглой комнате внутри стены. Передо мной была дверь, которая, по всей вероятности, вела во внутренний двор. Минуту я колебался. Во мне возникли подозре-

ния. Однако, пожав плечами, я открыл дверь и шагнул во внутренний двор, освещенный факелами.

Прямо против меня возвышалась массивная башня высотой в триста футов. Она была красивой архитектуры в новом барсумском стиле; вся поверхность ее была покрыта орнаментом сложного, вычурного рисунка. На высоте тридцати футов находился широкий балкон, на котором действительно стоял Матаи Шанг. С ним вместе стояли Турид, Файдора, Тувия и Дея Торис - обе последние были закованы. Несколько воинов-жрецов охраняли их.

Когда я вышел во двор, все глаза стоящих на балконе устремились на меня. Злая усмешка искривила тонкие губы Матаи Шанга. Турид бросил мне какое-то оскорбление и с фамильярным видом положил руку на плечо моей возлюбленной. Я увидел, как с яростью тигрицы обернулась она к нему и нанесла сильный удар своими цепями.

Он, наверное, прибил бы ее, если бы не вмешался Матаи Шанг. Я сразу же заметил, что оба союзника казались не слишком дружески расположенными друг к другу. Матаи Шанг надменно и властно обратился к перворожденному, объяснив ему, что принцесса Гелиума является его личной собственностью и никто другой трогать ее не смеет. В обращении Турида с бывшим хеккадором тоже не было заметно особого почтения.

После того, как недоразумение на балконе было ликвидировано, Матаи Шанг обратился ко мне:

- Человек Земли, - сказал он, - ты заслужил более страшную казнь, чем та, к которой наша слабая власть может приговорить тебя. Но чтобы смерть твоя сегодня была вдвое горше, знай, что как только ты умрешь, твоя вдова сделается на целый марсианский год женой Матаи Шанга, хеккадора жрецов. К концу же этого срока, как полагается по нашему обычаю, она будет смещена. Но она не будет вести спокойной и почетной жизни высшей жрицы в какой-нибудь святой обители, как это обычно делается. Она сделается предметом забавы моих помощников и, может быть, твоего врага датора Турида.

Он остановился и ожидал, очевидно, взрыва ярости с моей стороны, что еще больше увеличило бы сладость его мести. Но я не доставил ему этой радости. И поэтому вызвал его ярость и увеличил его ненависть. Я был уверен, что в случае моей смерти Дея Торис найдет способ умереть раньше, чем им удастся опозорить ее.

Из всех святынь, которые жрецы почитают, самым святым является для них желтый парик, прикрывающий их лысую голову, и золотой обруч с драгоценным камнем, обозначающим принадлежность к десятому циклу. Зная это, я снял парик и обруч с головы и с пренебрежением бросил их на плиты двора. Затем я спокойно вытер ноги о желтые кудри, а когда с балкона раздались крики бешенства, я плюнул прямо на священную диадему.

Матаи Шанг затрясся от гнева, но на губах Турида промелькнула довольная улыбка. Для него эти предметы не были священными. Боясь, что мой поступок доставил ему слишком много удовольствия, я воскликнул:

- Я поступил так же со святынями Иссы, вашей шарлатанской богини вечной жизни, перед тем, как бросил ее саму на растерзание толпы.

Эти слова прекратили веселье Турида. Он был одним из любимцев Иссы.

- Покончим с этим богохульником! - вскричал он, обернувшись к отцу жрецов.

Матаи Шанг встал и, перегнувшись через перила балкона, издал зловещий клич. Подобный клич раздавался в былые времена на маленьком выступе Золотых Скал, выходящем на долину Дор: жрецы созывали им полчища белых обезьян и растительных людей к нападению на несчастные жертвы, приплывающие по таинственной реке Исс к мертвому озеру Корус.

- Выпустите смерть! - закричал отец жрецов.

Немедленно внизу башни открылись двенадцать дверей и двенадцать злобных бенсов выскочили во двор.

Не в первый раз встречался я лицом к лицу со свирепым марсианским львом, но мне никогда не приходилось видеть перед собой целую дюжину их... Несмотря на помощь Вулы, в такой неравной борьбе мог быть только один исход.

Ослепленные светом факелов, звери на минуту остановились. Но вскоре глаза их привыкли к свету, они увидели меня и Вулу и, ощетинив гривы, с глухим ревом приблизились к нам, размахивая своими сильными хвостами.

В последнюю минуту своей жизни я бросил прощальный взгляд на Дею Торис. Ее прекрасное лицо выражало ужас. Глаза наши встретились, она протянула ко мне руки и бросилась бы вниз, если бы стражники силой не удержали ее. Когда бенсы были уже близко от меня, она отвернулась и закрыла лицо руками.

Внезапно мое внимание было привлечено Тувией из Птарса. Прекрасная девушка перегнулась через перила балкона, глаза ее возбужденно сверкали. Через минуту бенсы набросятся на меня, а лицо Тувии совсем не выражало печали. А не мог понять загадочного взгляда красной девушки. Я знал, что выражение ее лица не могло означать радости при виде страшной трагедии, которая должна была вскоре разыграться. Оно имело какое-то скрытое значение.

На мгновение у меня мелькнула мысль положиться на свои земные мускулы и спастись от бенсов, прыгнув на балкон. Но как решиться оставить на съедение страшным зверям своего верного Вулу? Оставлять в беде товарища на Барсуме не принято, да это и не в характере Джона Картера.

Я только тогда понял причину возбуждения Тувии, когда с ее губ сорвался тихий мурлыкающий напев. Однажды я уже слышал его, когда Тувия созвала свирепых бенсов и повлекла их за собой, как пастушка ведет стадо послушных ягнят.

При первых звуках странной мелодии бенсы остановились и повернули головы, желая найти источник знакомого зова. Вскоре они увидели красную девушку на балконе и, повернувшись к ней, радостно зарычали.

Стражники подскочили к Тувии, чтобы оттащить ее, но прежде, чем им удалось сделать это, она успела крикнуть зверям. Все как один, они повернули и спокойно направились в свои помещения.

- Тебе нечего их больше бояться, Джон Картер, - воскликнула она. - Они не причинят никакого вреда ни тебе, ни Вуле.

Это все, что мне нужно было знать! Теперь ничто не мешало мне прыгнуть на балкон. Я взял разбег, высоко подскочил и ухватился за нижний выступ балкона. На балконе поднялось дикое смятение. Матаи Шанг отшатнулся, а Турид подскочил с обнаженным мечом, чтобы столкнуть меня вниз.

Снова Дея Торис размахнулась своими тяжелыми оковами и отогнала его. Тогда Матаи Шанг грубо схватил ее за талию и потащил в башню.

Минуту Турид колебался, но затем, как бы боясь, что отец жрецов убежит от него с Деей Торис, тоже бросился за ними следом.

Одна Файдора сохранила присутствие духа. Она приказала двум стражникам скорее увести Тувию, остальным она велела остаться и помешать мне следовать за Деей Торис. Потом она обернулась ко мне и воскликнула:

- Джон Картер! В последний раз Файдора, дочь святого хеккадора, предлагает тебе свою любовь. Прими ее - и твоя принцесса будет возвращена ко двору ее деда, а тебя ожидает счастье. Ты не можешь спасти ее теперь. Откажись - и твою Дею Торис постигнет судьба, которой угрожал ей мой отец.

Они уже достигли места, куда даже ты не сможешь добраться. Если ты отвергнешь меня - тебя ничто не спасет! Дорогу в крепость святых жрецов тебе облегчили, но отсюда тебе выхода нет. Отвечай же!

- Ты уже знала мой ответ, Файдора, - ответил я, - еще раньше, чем произнесла свои слова. Дорогу! - закричал я стражнику. - Джон Картер, принц Гелиума, хочет пройти!

С этими словами я перепрыгнул через низкую балюстраду балкона и с обнаженным мечом встал, ожидая врагов.

Их было трое. Файдора, вероятно, догадалась, каков будет исход битвы. Она повернулась и убежала в ту минуту, когда я отказался от ее предложения.

Стражники не ожидали нападения. Они бросились на меня все трое одновременно, и в этом было мое спасение. Узкий балкон не позволял им развернуться, они толкались и мешали друг другу. А передний из них напоролся на мой меч.

Вид крови пробудил во мне старый боевой пыл. Меч летал по воздуху с быстротой и точностью, которая приводила в отчаяние двух оставшихся жрецов. Когда, наконец, я поразил одного их них, другой бросился бежать. Надеясь, что он побежит вслед за теми, кого я искал, я не стал его удерживать и опрометью бросился за ним. Лестница привела нас в небольшую комнату, стены которой были глухие, за исключением одного окна, выходящего на скалы Оца и долину потерянных душ.

Здесь, обезумевший от ужаса, жрец подскочил к стене, противоположной окну, и стал отчаянно царапать ее. Я сразу понял, что здесь был, вероятно, потайной выход из комнаты и приостановился, чтобы дать ему открыть дверь. Мне не нужна была смерть этого несчастного слуги - я хотел только найти путь к Дее Торис.

Но несмотря на все его усилия, стена не поддавалась, и он, наконец, отступился и повернулся ко мне.

- Иди своей дорогой, жрец, - сказал я ему, указывая на лестницу. - У меня нет злобы против тебя, и твоя жизнь мне не нужна. Ступай!

Вместо ответа он бросился на меня с мечом. Это было так неожиданно, что я чуть не упал от первого удара. Ничего не

оставалось, как дать ему то, что он искал, и как можно скорее Ведь в это время Матаи Шанг и Турид убегали с Деей Торис и Тувией!

Жрец был искусным бойцом, а главное необыкновенно хитрым и неразборчивым в средствах. Казалось, что он никогда не слышал, что существуют определенные правила поединка, переступить которые не осмелился бы ни один честный барсумский боец. Он дошел даже до того, что стащил со своей головы священный парик и бросил его мне в лицо, когда ему понадобилось ослепить меня, прежде чем нанести решительный удар.

Но это ему не удалось - я вывернулся. Мне не раз приходилось сражаться со жрецами, и хотя никто из них не рисковал прибегнуть к этому трюку, я знал, что это самые бесчестные, самые предательские бойцы на Марсе, а потому всегда был настороже в ожидании какого-нибудь нового дьявольского приема.

Но наконец он перешел всякие границы. Он вытащил свой кинжал, кинул его в меня наподобие метательного копья, а сам бросился на меня с мечом. Простым круговым движением я поймал летящий кинжал и отбросил его далеко назад, так, что он со звоном упал и ударился о стену. Сам же я отскочил в сторону и, когда мой противник стремительно пронесся мимо меня, нанес ему смертельный удар.

Меч вонзился в тело жреца по самую рукоятку, и он с отчаянным воплем рухнул на пол.

Я бросился к стене, через которую жрец пытался пройти. Мне нужно было во что бы то ни стало найти секрет замка, но, сколько я не пытался, стена не трогалась. В отчаянии я попытался разбить камень, но он мог выдержать какие угодно натиски. В спокойном и непоколебимом упорстве безжизненной материи чудился какой-то осмысленный вызов. Действительно, я готов был поклясться, что услышал из-за стены слабый насмешливый хохот.

Видя бесплодность своих усилий, я подошел к единственному окну комнаты.

Склоны горы Оц и далекая долина не заключали в себе ничего, что могло бы вызвать мой интерес. Но громоздящиеся надо мною стены башни, сплошь покрытые орнаментами, привлекли мое внимание.

Где-то внутри этой каменной громады скрывали от меня Дею Торис! Может быть, эта стена - единственный путь, по которому я могу к ней добраться. Риск был большой, но ведь дело шло о судьбе самой замечательной женщины всего мира.

Я взглянул вниз. Огромные зубчатые глыбы гранита лежали, как парапет, на краю страшной пропасти, над которой высилась башня. Стоило сделать одно неловкое движение, стоило пальцам на секунду ослабнуть - верная смерть ждала меня или на гранитных глыбах, или на дне пропасти!

Однако другого пути не было! Должен сознаться, что я слегка вздрогнул, когда перешагнул на внешний выступ окна и начал свой отчаянный подъем.

К своему ужасу, я заметил, что в отличие от орнаментов гелиумских зданий, края всех орнаментов этой башни были закруглены, так что держаться за них было очень неудобно.

В пятидесяти футах надо мной начинались ряды выступающих каменных рустов. Они шли вокруг башни, на расстоянии двух футов друг от друга. Так как каждый руст выступал на четыре или пять дюймов над поверхностью башни, то они представляли сравнительно легкий путь для подъема. Если бы только я мог достигнуть первых рядов!

Медленно, с трудом карабкался я все выше, стараясь добраться до ряда нижних окон. Оттуда я надеялся найти уже более легкий путь. Моментами я так слабо держался за толстые круглые края орнамента, что случайный кашель, чиханье или легкое дуновение ветерка могли сбросить меня в глубину.

Наконец я достиг высоты, где мои руки смогли уцепиться за выступы ближайшего окна. Я уже собирался вздохнуть с облегчением, когда сверху из раскрытого окна до меня донеслись голоса.

- Он никогда не сможет разгадать секрета дверного замка... - Это был голос Матаи Шанга. - Идем скорей к верхнему ангару. Нам нужно быть далеко на севере раньше, чем он найдет другой путь, - хотя последнее кажется мне невозможным.

- Все возможно для этого проклятого калота, - ответил другой голос, в котором я узнал голос Турида.

- Тогда поспешим, - сказал Матаи Шанг. - Но на всякий случай я оставлю здесь двух стражников, которые должны будут охранять эту лестницу. Потом они последуют за нами на другом аэроплане и догонят нас в Каоле.

Мои протянутые вверх руки не зацепились за следующий выступ у окна. При первых звуках голосов я весь сжался, судорожно цепляясь за выступ руста. Если бы меня сейчас увидел Турид! Ему стоило только наклониться из окна и острием меча столкнуть меня в бездну...

Вскоре звук голосов сделался слабее, и я снова возобновил свой рискованный подъем. Он стал еще труднее, потому что теперь я должен был карабкаться, старательно избегая окон.

Матаи Шанг упомянул об ангаре и аэроплане - это указывало, что моим назначением должна была стать крыша здания, и я бодро принялся лезть к этой далекой цели. Самая опасная и трудная часть подъема все же была уже сделана, и я с облегчением почувствовал под руками последние ряды рустов.

В десяти футах от крыши стена слегка наклонялась внутрь. Ползти наверх стало здесь легче, и вскоре мои усталые пальцы ухватились за верхний карниз. Когда глаза мои очутились над поверхностью крыши, то я увидел, что аэроплан уже готов к отлету. На палубе уже находились Матаи Шанг, Файдора, Дея Торис, Тувия и несколько жрецов-воинов. Турид стоял рядом с аэропланом и собирался перейти на палубу.

Он был не более чем в десяти шагах от меня и смотрел в противоположном направлении. Когда голова моя приподнялась над карнизом крыши, он случайно обернулся ко мне. Наши глаза встретились, на его лице появилась злорадная улыбка, и он подскочил ко мне, пока я старался перелезть через карниз.

Дея Торис, очевидно, тоже увидела меня, потому что она испустила пронзительный крик предостережения. В ту же минуту Турид размахнулся ногой и нанес мне сильный удар прямо в лицо. Я пошатнулся, как сраженный бык, и упал навзничь через карниз крыши.

V

ПО ДОРОГЕ В КАОЛ

Если судьба и бывает ко мне жестока, то, вероятно, все же есть и милосердное провидение, которое оберегает меня. Я падал с башни в страшную бездну, считая себя уже погибшим. Турид, очевидно, думал то же самое, потому что он даже не потрудился взглянуть вниз, а повернулся и сразу же сел в поджидающий его аэроплан.

Я свалился всего на глубину десяти футов: петля моего ремня зацепилась за один из выступов руста, и я повис в воздухе. Я долго не мог поверить в чудо, которое спасло меня от неминуе-

мой смерти, и продолжал висеть почти без памяти, обливаясь холодным потом.

Наконец, осторожно, с неимоверными усилиями, принял более устойчивое положение. Однако подыматься снова я не решался - ведь наверху меня мог поджидать Турид.

Но вскоре моих ушей достигло жужжание пропеллера. С каждой секундой делалось оно все слабее и слабее. Я понял, что аэроплан отлетел на север. Все шансы были за то, что и Турид улетел вместе со всеми.

Я тихо полез обратно на крышу, но должен сознаться, что ощущение было не из приятных в тот момент, когда мне снова пришлось поднять голову над карнизом. К моему облегчению, на этот раз крыша была пуста, и через минуту я уже стоял на ее широкой поверхности.

Добежать до ангара и вытащить из него единственный стоящий там аэроплан было делом нескольких минут. И когда оба жреца-воина, которых Матаи Шанг оставил для предупреждения всяких случайностей, показались на крыше, я пролетел над ними и насмешливо захохотал им в лицо. Затем я быстро нырнул во внутренний двор, где оставил Вулу. К моей огромной радости верное животное было еще здесь.

Все двенадцать бенсов лежали в дверях своих логовищ, глядя на него и зловеще рыча, но они не ослушались приказания Тувии. Я благодарил судьбу, которая сделала ее укротительницей бенсов в Золотых Скалах и одарила ее особой способностью привязывать к себе этих свирепых зверей.

При виде меня Вула начал прыгать от радости и вскочил на палубу аэроплана в тот короткий миг, едва я коснулся плит двора. Он так бурно проявлял свой восторг, что аэроплан чуть не ударился о каменную стену двора.

Провожаемые злобными криками стражников, мы вихрем поднялись над последним оплотом святых жрецов и помчались к северо-востоку на Каол, куда, как я слышал, должны были направиться Матаи Шанг и другие.

Поздно вечером я заметил далеко впереди маленькое пятнышко, в котором я опознал аэроплан. На нем была моя возлюбленная и мои враги!

За ночь я значительно нагнал неприятельское судно. Зная, что они, вероятно, заметили мой аэроплан, а поэтому огней не зажгут, я установил на них свой "компас назначения". Этот поразительный марсианский инструмент раз поставленный на пред-

мет назначения, всегда указывает на него, независимо от изменения его положения.

Всю ночь мчались мы над Барсумом, пролетая над низкими холмами и высохшим морским дном, над мертвыми покинутыми городами и населенными пунктами красных марсиан, над полосами культивированной почвы, которые идут вдоль водных путей и которые на Земле называют каналами Марса.

На рассвете я увидел, что расстояние между нами значительно сократилось. Их аэроплан был больше моего и не такой быстроходный, но все же он покрыл огромное расстояние с тех пор, как началась погоня.

Перемена растительности внизу доказывала, что мы быстро несемся к экватору. Я был теперь так близко от неприятеля, что мог бы пустить в ход пушку; но я боялся стрелять в судно, на котором находилась Дея Торис, хотя и видел, что ее на палубе не было.

Турид не был уверен в том, что преследую их я, но в факте чьей-то погони он не мог сомневаться. Своими руками наставил он на меня орудие, и минуту спустя радиоснаряд прожужжал над моей палубой. Следующий выстрел черного оказался более метким: он попал в нос моего аэроплана, разворотил резервуары и привел машину в негодность. Я едва успел привязать Вулу к палубе и прикрепить свой пояс к кольцу лафета, как аэроплан клюнул носом и начал падать.

Резервуары, находившиеся на корме, не были повреждены, поэтому машина падала медленно. Но Турид продолжал непрерывно стрелять, стараясь взорвать их. Заряд за зарядом пролетали мимо или попадали в мой корабль, но каким-то чудом ни Вула, ни я не были задеты, и задние резервуары оставались целыми. Однако такая удача не могла продолжаться бесконечно. Я был уверен, что Турид успокоится только тогда, когда увидит меня мертвым. Поэтому, обождав разрыва следующего снаряда, я вдруг выпустил перила, за которые держался, и неподвижно повис на поясе, раскачиваясь, как мертвое тело.

Хитрость удалась. Турид прекратил стрельбу. Вскоре я услышал постепенно удаляющееся жужжание пропеллеров и понял, что снова спасен.

Поврежденный аэроплан медленно сел на почву. Я освободил себя и Вулу и мы покинули обломки нашего судна. Оказалось, что мы опустились на опушку настоящего леса. На умирающем Марсе это настолько редкое явление, что я до сих пор видел лес только в долине Дор, у мертвого озера Корус.

Из книг и от путешественников я знал немного о малоизвестной стране Каол, которая лежит вдоль экватора, далеко на восток от Гелиума. Она расположена в глубокой котловине и отличается тропическим климатом. Страна населена краснокожими, которые по виду, обычаям и образу жизни мало отличаются от остальных красных народов Барсума. Я знал, что этот народ принадлежал к числу немногих, которые продолжали упорно держаться религии святых жрецов. Матаи Шанг должен был найти у них ласковый прием и убежище, а Джон Картер мог рассчитывать только на позорную смерть.

Изолированность каолян от прочих народов объясняется тем, что ни один водный путь не соединяет Каол с другими странами. Они и не нуждаются в водных путях, потому что их низменная, сырая область достаточно орошена, чтобы производить роскошную тропическую растительность.

Эта страна со всех сторон окружена суровыми возвышенностями и пустынями высохших морей. Международной торговли на воинственном Барсуме не существует, и каждый народ живет сам по себе. По этим причинам о дворе джеддака Каола было очень мало известно, и почти ничего неизвестно о многочисленных странных, но интересных народах, которыми он управлял.

Случайные охотничьи экспедиции забредали иногда в этот забытый уголок Барсума, но туземцы всегда так враждебно встречали их, что даже интересная охота на диких неведомых зверей каольских джунглей не привлекала в последние годы отважных искателей приключений.

Я знал, что очутился где-то на границе этой неведомой страны. Но в каком направлении искать Дею Торис? Как далеко нужно мне проникнуть в гущу леса? Обо всем этом я не имел ни малейшего представления.

Не так обстояло дело с Вулой. Едва я его развязал, как он, высоко подняв голову, начал кружить по опушке леса. Вскоре он остановился и, обернувшись ко мне, чтобы удостовериться, что я за ним следую, бросился прямо в чащу деревьев в том направлении, которого мы держались во время полета.

Лес кончался крутым оврагом, и я следовал за Вулой, спотыкаясь на каждом шагу. Огромные деревья колыхали высоко над нами своими вершинами, густая листва совершенно закрывала небо. Легко было понять, почему каоляне могли обходиться без воздушного флота! Их города, спрятанные в самой чаще этого могучего леса, были совершенно невидимы сверху. К ним могли

спускаться только самые маленькие аэропланы, да и те не без риска.

Я не представлял себе, как Турид и Матаи Шанг приземлятся в этом лесу. Только потом я узнал, что в каждом большом городе Каола возвышается сторожевая башня, верхняя платформа которой построена на одном уровне с вершинами деревьев. На этих башнях днем и ночью стоят дозорные, чтобы предотвратить неожиданное приближение враждебного флота. К одной из них и пристал хеккадор святых жрецов.

Когда мы с Вулой дошли до конца крутого ската, почва сделалась такой влажной и мягкой, что мы с большим трудом вытаскивали ноги. Вокруг нас буйно росла высокая трава, напоминавшая папоротник с красными и желтыми листьями, высота которых превышала мой рост на несколько футов. Мириады ползучих растений грациозными фестонами перекидывались с дерева на дерево: среди них я заметил несколько разновидностей странного марсианского растения "человек-цветок", цветы которого снабжены глазами и руками. При помощи них они видят и хватают насекомых, служащих им пищей.

Здесь же я встретил отвратительное дерево-калот. Это хищное растение, величиной с большой куст, имеющее на конце каждой ветки сильные челюсти. Оно схватывает ими и пожирает довольно крупных животных. Вула и я несколько раз подвергались опасности быть схваченными этими прожорливыми растительными чудовищами.

Иногда попадались лужайки с более твердой почвой, где мы могли передохнуть от утомительного перехода по душной трясине. На одной из таких лужаек я решил расположиться на ночь, которая должна была скоро наступить.

В лесу в изобилии росли различные плоды. Я набрал их в достаточном количестве, и так как марсианские калоты всеядны, то Вула и я отлично поужинали ими. Затем я улегся рядом с моим верным псом и крепко заснул.

Лес был уже окутан непроницаемым мраком, когда глухое рычание Вулы разбудило меня. Кругом нас слышны были крадущиеся шаги огромных мягких лап и время от времени блестели злобные зеленые глаза. Я вскочил, обнажив свой меч, и стал ждать.

Внезапно, почти рядом со мной, раздался дикий рев. Какая глупость, что я не выбрал на ночь более безопасного убежища для нас с Вулой! Мне следовало бы устроиться на ветках одного из бесчисленных деревьев, которые нас окружали.

Днем было сравнительно легко каким-нибудь образом поднять Вулу наверх, но теперь было слишком поздно. Не оставалось ничего другого, как стоять на месте и ждать дальнейших событий. Первый рев, казалось, был сигналом; после него поднялся оглушительный концерт. По-видимому, мы были окружены сотнями, а может быть, и тысячами свирепых хищников каолянских джунглей.

Весь остаток ночи прошел среди этого адского рева. Я не мог понять, почему звери не нападают, и так и не разгадал этого. Самое правдоподобное объяснение - что они почему-то никогда не отваживаются выходить на открытые поляны, заросшие красной травой.

Рассвет все еще застал их. Они кружились вокруг нас, однако не переступали края поляны. Трудно было представить себе более страшное сборище свирепых чудовищ, чем то, которое оказалось перед нашими глазами.

Вскоре, после восхода солнца, они начали уходить в чащу джунглей поодиночке и парами. Когда последний зверь исчез наконец в лесу, Вула и я снова отправились в путь.

В течение дня нам несколько раз приходилось видеть этих хищников, но, к счастью, всегда наподалеку оказывалась лужайка, на которой мы спасались, как на острове. Преследование зверей всегда кончалось на самой опушке поляны.

К полудню мы добрели до хорошей дороги, которая шла в нужном нам направлении. Все указывало на то, что она построена искусными строителями. Дорога была старинная, но, вместе с тем, не заброшенная. На ней, очевидно, бывало большое движение, и я заключил из всего этого, что она вела, вероятно, в один из главных городов Каола.

Только мы ступили на дорогу с одной стороны, как с другой, из джунглей, показалось огромное чудовище, которое бешено помчалось в нашем направлении. Представьте себе, если можете, шершня величиной с быка, и вы будете иметь некоторое представление о свирепом виде того страшилища, которое налетело на меня.

Мой меч казался жалкой игрушкой по сравнению с его страшными передними челюстями и ядовитым жалом на хвосте. Я не надеялся, что мне удастся спастись от его молниеносных движений или укрыться от его сотни глаз, покрывающих три четверти его отвратительной головы. Этими глазами чудовище могло видеть одновременно во всех направлениях.

Даже мой сильный и свирепый Вула перед этим чудовищем был беспомощен, как котенок. Бежать было бесполезно, так что я остался на месте, решив умереть в бою.

Чудовище уже налетело на нас. Если бы только я мог поразить ядовитые железы, питающие жало, борьба была бы не столь неравной.

При этой мысли я приказал Вуле броситься на голову чудовища и, по возможности, не выпускать ее. Могучие челюсти десятинога сомкнулись на безобразной голове нашего врага и его блестящие клыки вонзились в огромные глазные отверстия. Одновременно я нырнул под грузное туловище, которое приподнялось, стараясь жалом поразить Вулу.

Положение было крайне опасно и грозило немедленной смертью, потому что увернуться от жала было трудно; но я размахнулся мечом и отрубил смертоносное оружие врага по самое туловище. В ту же минуту одна из сильных задних ног чудовища как тараном ударила меня в грудь и откинула через широкую дорогу в заросли джунглей. Я упал, тяжело дыша. Все тело ныло, и все же мне повезло в том отношении, что я пролетел мимо деревьев. Ударься я об одно из них - и я, наверняка, был бы тяжело ранен, а может быть, и убит: с такой силой отбросила меня эта огромная лапа.

Я едва держался на ногах, но, шатаясь, побрел на помощь Вуле. Чудовище кружилось в десяти футах от земли и бешено размахивало всеми шестью голыми ногами, стараясь стряхнуть вцепившегося Вулу.

Даже во время моего неожиданного падения с аэроплана я не выпускал меча из рук. Теперь я подбежал к дерущимся и стал снизу колоть крылатое чудовище острием меча.

Чудовище могло свободно улететь, но, очевидно, оно так же мало заботилось об отступлении перед опасностью, как Вула и я... Оно стремительно опустилось, и, прежде чем я успел отскочить, ухватило меня за плечо и подняло в воздух.

Оно било меня ногами, и, вероятно, скоро бы превратило меня в лепешку, если бы не обстоятельство, положившее конец его враждебной деятельности.

Поднятый на несколько футов в воздух, я мог окинуть взором дорогу до ее поворота на восток. В ту минуту, когда я отказался от всякой надежды на спасение, я увидел, как из-за кустов выехал красный воин. Он ехал, не торопясь, на великолепном тоте из той небольшой породы, которых используют красные люди, и в руках у него блестело длинное копье.

Увидя нас, он поскакал галопом. Длинное копье направилось в нашу сторону, и, когда всадник промчался под чудовищем, копье вонзилось в туловище нашего противника.

Чудовище судорожно вздрогнуло, челюсти его разжались, и я упал. Животное накренилось на бок и рухнуло на землю вместе с Вулой, который так и не выпускал окровавленной головы.

В то время как я вставал и отряхивался, красный воин повернул к нам. Вула, видя, что враг лежит неподвижно, выпустил его; по моему приказанию он выполз из-под тела, придавившего его, и встал возле меня.

Я подошел к незнакомцу, чтобы от всего сердца поблагодарить его за своевременную помощь, но он решительно перебил меня.

- Кто ты? - спросил он. - Как осмелился ты вступить в страну Каол и охотиться в лесах джеддака?

Но, заметив сквозь пыль и кровь, покрывавшие меня, мою белую кожу, он раскрыл глаза в изумлении и прошептал изменившимся тоном:

- Неужели ты святой жрец?

Я мог бы временно обмануть его, как обманывал многих других; но ведь я оставил свой желтый парик и диадему на дворе Матаи Шанга. Кроме того, обман не мог долго продолжаться, и мой новый знакомый скоро узнал бы, что я не жрец.

- Я не жрец, - признался я откровенно, и отбросив всякую осторожность, прибавил: - Я - Джон Картер, принц Гелиума, чье имя, быть может, немного знакомо тебе.

Если глаза его расширились при мысли, что я святой жрец, то теперь они чуть не выскочили из орбит.

Я крепче сжал рукоятку своего меча, ожидая, что мои слова вызовут немедленное нападение. Однако его не последовало.

- Джон Картер, принц Гелиума, - тихо повторил он, как будто не мог поверить истине моих слов. - Джон Картер, самый могучий воин на Барсуме.

Он слез со своего тота и положил руку мне на плечо, что на Марсе означало дружеское приветствие.

- Моей обязанностью было бы убить тебя, Джон Картер, - сказал он, - но я всегда в глубине души восхищался твоей смелостью и верил в твою искренность. Я сам сомневаюсь в религии святых жрецов. Если бы при дворе Кулан Тита подозревали об этом, то мне грозила бы смерть. Когда тебе понадобится помощь Торкар Бара, двара каолянской дороги, то тебе стоит только приказать ему!

Честность и искренность были написаны на лице воина, и я не мог не доверять ему. Титул двара каолянской дороги объяснял его присутствие в чаще этого дикого леса. Все проезжие дороги на Барсуме всегда охраняются самыми уважаемыми воинами, и служба эта считается очень почетной.

- Я уже в большом долгу у тебя, Торкар Бар! - ответил я. указывая на труп чудовища, в котором торчало его длинное копье.

Красный человек улыбнулся:

- Счастье, что я подоспел, - сказал он. - Сита можно убить, только воткнув отравленное копье в его сердце. В этой части Каола мы все вооружены длинными копьями, конец которых пропитан ядом самого сита. Ни один яд не действует на них так быстро, как их собственный. Смотри, - продолжал он, вытаскивая свой кинжал.

Он сделал разрез в трупе животного, немного повыше жала, и вырезал две железы, из которых каждая содержала в себе пять бутылок ядовитой жидкости.

- Таким образом мы пополняем наши запасы. Яд сита идет и на производственные цели. К счастью, сейчас эта страшная порода вымирает. Мы наталкиваемся на них сравнительно редко. В старые же времена ситы представляли настоящее бедствие для Каола. Эти чудовища целыми стаями в двадцать, тридцать штук налетали на города и уносили женщин, детей и даже воинов!

Пока он говорил, я размышлял о том, как объяснить этому человеку цель, которая привела меня в его страну. Но следующие его слова показали, что всякие объяснения с моей стороны излишни.

- А теперь несколько слов о тебе, Джон Картер, - сказал он. - Я не спрашиваю тебя, какое дело привело тебя к нам. Можешь мне ничего не рассказывать. У меня есть глаза и уши. Вчера утром я видел компанию, которая прибыла в Каол с юга на небольшом аэроплане. Я прошу у тебя одного: дай мне слово, Джон Картер, что ты не замышляешь ничего ни против народа Каола, ни против его джеддака.

- В этом я даю тебе слово, Торкар Бар, - ответил я.

- Мой путь лежит вдоль каолинской дороги, далеко от города Каола, - продолжал он. - Я ничего не видел, слышишь? Джона Картера - меньше всего! Ты тоже не видел Торкар Бара и не слышал о нем. Понял?

- Вполне, - ответил я.

Он еще раз положил руку на мое плечо и сказал:

- Эта дорога ведет прямо в город Каол. Желаю тебе удачи!

И, вскочив на тота, он умчался, даже не оглянувшись назад.

Наступила ночь, когда Вула и я сквозь гущу леса увидели высокую стену, окружавшую город. После встречи с Торкар Баром мы совершили путь без приключений. Немногие прохожие, которые встречались нам, с удивлением смотрели на огромного калота, но я не вызывал у них подозрений - все свое тело я покрыл красной краской.

Но как войти в хорошо охраняемый город Кулан Тита, джеддака Каола? Ни один человек не входит в марсианский город без того, чтобы не дать о себе правдивых и подробных сведений. Я не льстил себя надеждой, что мне удастся провести начальников стражи у городских ворот.

Моей единственной надеждой было пробраться в город тайком, под покровом темноты, а затем спрятаться в каком-нибудь густонаселенном квартале, где будет трудно меня обнаружить.

Я начал обходить высокую стену, высматривая, каким бы образом перелезть через нее. Вокруг стены все деревья из предосторожности были вырублены. Несколько раз пытался я вскарабкаться на стену, но даже мои земные мускулы не могли справиться с этим хитропостроенным укреплением. На тридцать футов вверх стена была скошена наружу, затем шла перпендикулярно на протяжении тридцати футов, и, наконец, наверху была скошена внутрь. Поверхность ее была скользкая, как полированное стекло. После долгих усилий я вынужден был признать, что, наконец, нашел барсумскую крепость, которую даже я не могу одолеть.

Я печально удалился в лес и залег у широкой дороги, которая вела в город с востока.

VI.

ГЕРОЙ В КАОЛЕ

Было уже светло, когда я проснулся, разбуженный какими-то неясными звуками. Казалось, будто кто-то украдкой пробирается в чаще леса.

Открыв глаза, я увидел, что Вула, ощетинившись, смотрел по направлению к дороге, которой не было видно за густым кустарником.

Первое время я ничего не мог рассмотреть, но затем увидел, что между красными, желтыми и малиновыми листьями мелькает что-то лоснящееся, зеленое. Я сделал Вуле знак, чтобы он лежал спокойно и пополз вперед на разведку. Спрятавшись за ствол толстого дерева, я увидел длинную колеблющуюся линию зеленых воинов, прятавшихся в густых зарослях вдоль дороги. Линия тянулась насколько мог окинуть взгляд, и, по-видимому, доходила до самого Каола.

Это могло означать только одно: зеленые воины ожидали выступления отряда красных войск из ближайших ворот и лежали в засаде, чтобы на них наброситься.

Я не присягал джеддаку Каола, но он принадлежал к той же расе красных людей, что и Дея Торис, и я не мог равнодушно смотреть, как его воины будут перебиты жестокими демонами барсумских пустынь.

Осторожно вернулся я к тому месту, где оставил Вулу, и знаком приказал ему тихо следовать за мной. Пришлось сделать значительный обход, чтобы не попасть в руки зеленых воинов, но я благополучно подошел к городской стене.

Направо, всего в двухстах футах от меня, возвышались ворота, откуда, очевидно, должно было выступить войско; но достичь ворот можно было только зайдя за фланг зеленым воинам. Стоило им заметить меня и мой план предупредить каолян об опасности сразу потерпел бы крушение. Поэтому я решил, что лучше бежать к другим воротам налево, которые находились в миле от меня.

Я знал, что известие, которое я несу, послужит мне лучшим пропуском в Каол. Должен сознаться, что причиной моей осторожной тактики было скорее желание пробраться в город, чем желание предотвратить столкновение между зелеными и красными людьми. Как я ни люблю сражения, не могу же я вечно думать об одних удовольствиях! У меня было более важное и спешное дело, чем проливать кровь незнакомых мне воинов.

Только бы мне пробраться за пределы городской стены! Там я надеялся среди смятения, которое последует за моим известием, найти случай проникнуть во дворец Джеддака. Я был уверен, что Матаи Шанг с его пленниками размещены во дворце.

Но едва я сделал сотню шагов по направлению в дальним воротам, как услышал из-за стены мерный шум марширующего войска, бряцание оружия и визг тотов. Я понял, что войско каолян уже двигалось к ближним воротам.

Каждая минута была дорога! Сейчас ворота распахнутся, голова колонны выступит на дорогу, и, ничего не подозревая, попадет прямо в лапы смерти.

Я повернул обратно и быстро помчался вдоль края просеки. Я мчался своими знаменитыми прыжками, которые впервые принесли мне известность на Барсуме. Прыжки в тридцать, пятьдесят, сто футов - ничто для мускулов сильного земного человека в разреженном воздухе Марса.

Зеленые воины поняли, что их засада открыта. Ближние вскочили, желая перерезать мне дорогу. В тот же момент огромные ворота раскрылись и показались первые ряды краснокожих. Десятку зеленых воинов удалось встать между мной и каолянами, но они не имели ни малейшего представления, с кем имеют дело.

Я ни на йоту не уменьшил своей скорости, а ринулся на них, нанося удары направо и налево. Я не мог не вспомнить тогда тех памятных боев, когда Тарс Таркас, джеддак тарков, самый могучий зеленый воин Барсума, стоял плечом к плечу со мной, и мы вместе косили врагов, пока вокруг нас не вырастала груда высотой с человеческий рост.

Когда зеленые воины перед воротами Каола начали сильно теснить меня, я перелетел через них и, на манер растительных людей, нанес, перелетая, одному из них смертельный удар по голове.

Красные воины бежали из города по направлению к нам, а из джунглей навстречу им неслась дикая орда зеленых людей. Через минуту я очутился в центре жестокого кровавого боя.

Каоляне были отважны, да и зеленые воины экватора оказались не менее воинственными, чем их жестокие сородичи умеренного пояса. Не раз наступали моменты, когда одна из сторон могла с честью отступить и, таким образом, прекратить военные действия, но они неизменно возобновляли борьбу с тем же безумным ожесточением. И я понял, что бой кончится только полным уничтожением той или другой стороны.

Я, как всегда, отдался радости битвы. Что мои подвиги не остались незамеченными каолянами, доказывалось возгласами радостного одобрения, которыми они меня приветствовали.

Если иногда кажется, что я слишком горжусь своими подвигами, то не надо забывать, что война - мое призвание. Положим, ваше призвание - подковывать лошадей или писать картины. Если вы делаете это лучше ваших товарищей, то вы просто глупы, не гордясь вашим превосходством над другими. Итак, я от-

кровенно горжусь, что на обеих планетах нет более великого бойца, чем Джон Картер!

В этот день я превзошел самого себя. Я хотел показать себя туземцам Каола, потому что мне нужно было завоевать их сердца... и доступ в город. И мне не пришлось разочароваться.

Мы сражались весь день, пока дорога не оказалась пропитанной кровью и заваленной трупами. Бой велся все время на дороге, то продвигаясь, то отступая, но ворота в Каол ни разу не подверглись серьезной опасности. Бывали минуты передышки, во время которых мне приходилось вступать в разговор с красными людьми, в рядах которых я сражался. Один раз ко мне подошел сам джеддак Кулан Тит, положил свою руку на мое плечо и спросил мое имя.

- Я - Дотар Соят, - ответил я, вспомнив имя, которое дали мне тарки много лет тому назад. По их обычаю, это имя было составлено из имен первых двух воинов, убитых мною.

- Ты могучий воин, Дотар Соят! - сказал джеддак. - Когда день кончится, я поговорю с тобой в большой зале аудиенций.

Вокруг нас снова закипела битва, и нас разЪединили, но я достиг своего. С обновленными силами и с радостной душой ринулся я в сражение и бился до тех пор, пока последний зеленый воин не отступил к своим пустыням.

Только когда кончилось сражение, я узнал, куда собиралось выступить в тот день красное войско. Оказалось, что Кулан Тит ожидал посещения могущественного северного джеддака, единственного союзника каолян. Он хотел с подобающей помпой встретить гостя на расстоянии дневного перехода от Каола.

Теперь выступление оказалось отложенным до следующего утра. Кулан Тит не вызвал меня сразу после боя, но послал ко мне одного из даваров, который провел меня в удобное помещение в той части дворца, где жили начальники гвардии.

Здесь я провел с Вулой спокойную ночь. Вула тоже сражался со мной весь день, как настоящая марсианская боевая собака Такие собаки очень часто сопровождают на войне диких зеленых воинов.

Мы оба порядком пострадали в бою, но чудесные целебные мази Барсума оказали за ночь свое действие, и мы проснулись свежими и бодрыми.

Я позавтракал с несколькими каолянскими командирами и нашел, что они такие же любезные и гостеприимные хозяева, как красные люди Гелиума, которые славятся прекрасным воспитанием и вежливостью обращения. Едва мы кончили завтракать,

как явился посланник от Кулан Тита с приглашением явиться к нему.

Когда я вошел в великолепный зал аудиенций, джеддак поднялся со своего трона и, спустившись с эстрады, пошел ко мне навстречу. Это было высшее отличие, которого обычно удостаивались только чужеземные правители.

- Каор, Дотар Соят! - приветствовал он меня. - Я просил тебя прийти, чтобы передать тебе благодарность моего народа. Ты герой вчерашней битвы. Если бы ты не предупредил нас вовремя, мы наверняка попали бы в ловушку. Расскажи мне о себе: из какой ты страны, и какое дело привело тебя ко двору Кулан Тита?

- Я из Хастора, - ответил я.

У меня действительно был небольшой дворец в этом южном городке, принадлежавшем Гелиуму.

- Мое присутствие в стране Каол, - добавил я, - вызвано несчастным случаем: мой аэроплан потерпел крушение на южной окраине вашего леса. А в то время, как я искал входа в город Каол, заметил зеленых воинов, лежащих в засаде и поджидающих ваши войска.

Может быть, Кулан Тит и удивился про себя, зачем моему аэроплану понадобилось подлетать к самой границе его владений, но он был настолько любезен, что не вдавался в дальнейшие расспросы.

Во время своего разговора с джеддаком я услышал, что вошли еще какие-то посетители. Я не видел их лиц до тех пор, пока Кулан Тит не направился к ним. сделав мне знак следовать за ним. Он хотел представить их мне.

Я повернулся и с трудом смог сохранить спокойствие: передо мной стояли мои злейшие враги и слушали, как Кулан Тит расточал мне хвалебные речи.

- Святой хеккадор святых жрецов! - сказал джеддак. - Благослови Дотара Соята, доблестного чужеземца из далекого Хастора, чей чудесный подвиг и поразительная храбрость спасли вчера Каол.

Матаи Шанг шагнул вперед и положил руку на мое плечо. Лицо его не дрогнуло: очевидно, моя красная кожа сделала меня неузнаваемым. Он ласково поговорил со мной и представил меня Туриду. Черный тоже, по-видимому, ничего не заметил. Затем Кулан Тит, к моему удовольствию, занялся подробными рассказами о моих подвигах на поле сражения. Самое большое впечатление на него произвела моя ловкость, и он снова расписывал,

как я ловко раскроил противнику череп, в то время, как сам перелетал через него.

Мне показалось, что при этом рассказе глаза Турида расширились от удивления, и я заметил, что он несколько раз принимался пристально разглядывать меня. Не пробуждались ли в нем подозрения? А затем Кулан Тит вздумал еще некстати рассказать о диком калоте, который сражался со мной, и я увидел, что в глазах Матаи Шанга тоже мелькнуло какое-то беспокойство. Или мне это только почудилось?

В конце аудиенции Кулан Тит объявил мне, что он желает, чтобы я сопровождал его в поездке навстречу гостю и поручил меня командиру, который должен был доставить мне приличные доспехи и подходящего тота. Я попрощался. Матаи Шанг и Турид оба, казалось, искренне выразили мне свое удовольствие, что имели случай познакомиться с таким замечательным воином. Я вздохнул с облегчением, когда вышел из зала. Конечно, только нечистая совесть заставила меня подумать, что враги разгадали мою истинную личность!

Полчаса спустя я выехал из городских ворот с отрядом войск, сопровождавших Кулан Тита. Несмотря на мое страстное желание узнать что-нибудь о Дее Торис и Тувии из Птарса, ни во время моей аудиенции у джеддака, ни во время моих прогулок по двору, я не видел их и ничего о них не слышал. И все же я был убежден, что они должны быть где-то в этом огромном запутанном здании, и много бы дал, чтобы каким-нибудь образом остаться во дворце во время отсутствия Кулан Тита и провести розыски.

К полудню мы встретились с головой отряда, навстречу которому ехали.

Великолепный караван сопровождал иностранного джеддака; он растянулся на целые мили по широкой белой каолянской дороге. Авангард состоял из кавалерии. Доспехи, украшенные драгоценными камнями и металлом, ярко блестели на солнце. За ними двигались тысячи богато разукрашенных повозок, запряженных огромными цитидарами.

Эти низкие удобные колесницы двигались по две в ряд, а с обеих сторон гарцевали ряды всадников. На спине у каждого чудовищного цитидара сидел юноша-возница. Повозки были полны детей и женщин, разряженных в пестрые шелка. Вся сцена воскресила в моей памяти мои первые дни на Барсуме, двадцать два года назад, когда я впервые увидел живописный караван зеленых тарков.

Я никогда до этого не видел цитидаров на службе у красных людей. Эти животные, напоминающие допотопных мастодонтов, достигают огромной величины и кажутся исполинами даже рядом с гигантскими зеленокожими и их исполинскими тотами. В сравнении же с относительно небольшими красными людьми и мелкой породой их тотов величина цитидаров поражает.

Животные были обвешаны блестящей сбруей и яркими шелковыми попонами, усеянными узорами из бриллиантов, жемчуга, рубинов и изумрудов. Каждая повозка была разукрашена шелковыми знаменами, флагами и вымпелами, развевающимися на ветру.

Впереди ехал сам джеддак на белоснежном тоте очень редкой породы, а за ним двигались бесконечные ряды копьеносцев, меченосцев и стрелков. Это была действительно величественная картина!

Караван двигался почти беззвучно. Изредка раздавался звон доспехов, случайный визг тота или глухой гортанный клекот цитидара.

Тоты и цитидары не имеют копыт и мягко ступают своими плоскими ступнями, а широкие обода колес вылиты из упругой массы, не издающей никакого шума.

Иногда звенел веселый женский смех или детская болтовня.

Красные марсиане - веселый, радостный, общительный народ в противоположность, угрюмой, замкнутой расе зеленых людей.

Церемония встречи обоих джеддаков заняла целый час, а затем мы повернули и двинулись обратно в Каол. Как раз перед наступлением темноты голова колонны достигла городских стен, но, последние ряды успели вступить в город только к утру.

К счастью, я находился в передних рядах и, после бесконечного банкета, смог удалиться на покой. В эту ночь дворец внутри и снаружи был полон такой суматохой и суетой, что я не посмел начать розыски Деи Торис и вернулся в свою комнату.

Проходя вдоль коридоров между банкетным залом и помещением, которое было мне отведено, я внезапно почувствовал, что за мною следят. Быстро оглянувшись, я успел заметить какую-то фигуру, скрывшуюся в открытой двери в ту минуту, как я обернулся. Я немедленно побежал к тому месту, но фигура исчезла бесследно. Однако я готов был поклясться, что в тот короткий миг, когда она мелькнула перед моими глазами, я видел белое лицо и длинные желтые волосы.

Этот случай навел меня на неприятные размышления. Если меня не обманул беглый взгляд на шпиона, то значит Матаи Шанг

и Турид не обмануты моим маскарадом... А если это было так, то даже большие услуги, которые я оказал Кулан Титу, не спасут меня от религиозного фанатизма.

Но никогда опасения за будущее не мешали моему сну, а поэтому и в тот вечер я бросился на шелковые одеяла, и немедленно заснул крепким сном, без сновидений.

Калотам доступ в самый дворец не дозволялся: я должен был поместить Вулу в конюшне, где содержатся тоты джеддака. У него было удобное, даже роскошное помещение, но я много бы дал, чтобы он оставался со мной. И если бы он был со мной - не случилось бы того, что произошло в эту ночь.

Я спал, вероятно, не более четверти часа, когда внезапно проснулся от ощущения чего-то холодного и липкого, прикоснувшегося к моему лбу. Я немедленно вскочил на ноги и протянул руку вперед. Моя рука коснулась человеческого тела. Я бросился к нему, но в темноте запутался в одеялах и упал на пол.

Пока я снова встал и нашел выключатель лампы, мой посетитель успел скрыться. Тщательный осмотр комнаты не дал мне ничего. Кто же был этот ночной гость и по какому делу ему вздумалось посетить меня в такой неурочный час?

Так как на Барсуме воровство совсем неизвестно, то я не мог предположить, что это был вор. Убийство, правда, очень распространено, но казалось маловероятным в данном случае: ведь неизвестный ночной посетитель мог легко убить меня во сне. Я терялся в догадках и собирался уже снова заснуть, когда десяток вооруженных стражников вошли в мое помещение. Дежурным командиром был один из моих любезных хозяев, с которым я завтракал утром. Но теперь на его лице не было и признака дружелюбия:

- Кулан Тит приказал мне привести тебя к нему, - сказал он сурово. - Идем!

VII.

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ

Окруженный стражниками, отправился я вдоль коридоров дворца Кулан Тита. джеддака Каола, к большому залу для аудиенций, находившемуся в центре огромного здания.

Все устремили взор на меня, когда я вошел в блестяще освещенное помещение, переполненное знатью Каола и свитой иностранного джеддака. В дальнем конце на большом возвышении стояли три трона, на которых сидели Кулан Тит и его два гостя: Матаи Шанг и чужеземный джеддак.

В гробовом молчании прошли мы по центральному проходу и остановились у подножия трона.

- Выступи со своими обвинениями, - промолвил Кулан Тит, обернувшись к кому-то, стоявшему среди его свиты.

Вышел Турид, черный датор перворожденных, и очутился лицом к лицу со мной.

- Благородный джеддак, - начал он, обращаясь к Кулан Титу, - у меня сразу возникло подозрение против этого инопланетянина. Твое описание его дьявольской ловкости очень напоминало ловкость злейшего врага истины на Барсуме! Но, чтобы не произошло ошибки, я послал к нему священнослужителя твоей религии. Смотри на результат! - и Турид указал пальцем на мой лоб.

Все глаза устремились по направлению его обвиняющего жеста. Казалось, что я один не понимал, какой роковой знак запечатлен на нем.

Начальник, стоящий со мной рядом, догадался о моем недоумении. Он вынул из своей сумки небольшое зеркальце и подержал его перед моим лицом. Я взглянул - и мне сразу все стало понятно!

На лбу моем красовалось белое пятно! Красная краска была стерта - это было дело рук коварного жреца, пробравшегося ко мне ночью...

Брови Кулан Тита сдвинулись и глаза засветились угрозой, когда он взглянул на меня.

Турид на минуту замолк, желая усилить драматический момент своего разоблачения. Затем он продолжал:

- Перед троном твоим, о, Кулан Тит! - воскликнул он, - стоит тот, кто осквернил храмы богов Марса, тот, кто поднял целый мир против древней религии! Перед тобой, благородный джеддак Каола, находится сам Джон Картер!

Кулан Тит посмотрел на Матаи Шанга, как бы ища поддержки этих обвинений. Святой жрец кивнул головой.

- Это действительно тот самый святотатец, - сказал он. - Он последовал за мной в твой дворец, Кулан Тит, с единственной целью убить меня. Он...

- Он лжет! - перебил я его. - Кулан Тит, выслушай меня, если хочешь знать правду! Я скажу тебе, зачем Джон Картер последовал за Матаи Шангом в твой дворец. Выслушай меня, как выслушал я их, а затем ты сможешь судить, насколько мои поступки соответствуют барсумской чести.

- Молчать! - заревел джеддак, вскочив с трона и схватившись за рукоятку меча. - Молчать, богохульник! Кулан Тит не позволит осквернить воздух своего дворца кощунственной ересью, которая изрыгает твоя нечестивая глотка! Мне нечего судить тебя. Ты уже сам себя осудил. Остается только определить род твоей смерти. Даже услуги, которые ты оказал войску Каола, не помогут тебе. Они были низкой хитростью, чтобы вкрасться ко мне в доверие и добраться до святого человека, на жизнь которого ты посягаешь! В пещеру его! - закричал он, обращаясь к начальнику стражи.

Хорошее положение, нечего сказать! Что я мог поделать против целого народа? Как мог я надеяться на милость со стороны фанатика Кулан Тита, имевшего таких советников, как Матаи Шанг и Турид? Чернокожий злорадно расхохотался мне прямо в лицо.

- На этот раз тебе уже не выскочить, человек Земли, - насмехался он.

Стражники подступили ко мне. Красный туман застлал мне глаза. Пылкая кровь моих виргинских предков закипела в моих жилах. Мною овладела безумна жажда борьбы.

Одним прыжком очутился я возле Турида. Дьявольская усмешка не успела исчезнуть с его лица, как я размахнулся и ударил его кулаком по зубам. Добрый американский кулак сделал свое: черный датор отлетел на десять футов и упал у подножия трона, захлебываясь в крови, которая хлестала у него изо рта. Затем я обнажил меч и встал, готовый померяться силами с целым народом.

Стражники налетели на меня со всех сторон, но раньше, чем произошло столкновение, громовой голос покрыл крики воинов, и гигантская фигура, спрыгнув с возвышения. бросилась между мной и моими противниками. Этот был чужеземный джеддак.

- Стой! - вскричал он. - Если ты дорожишь моей дружбой, Кулан Тит, дорожишь вековым союзом, который связывал наши народы, - отзови своих меченосцев! Знайте, что где бы ни напали на Джона Картера и кто бы ни нападал на него - рядом с ним, до самой смерти будет биться Туван Дин, джеддак Птарса.

Крики смолкли, угрожающие мечи опустились и тысячи изумленных глаз устремились сперва на Туван Дина, а затем на Кулан Тита. Джеддак Каола побледнел от ярости, но овладел собою и обратился к Туван Дину спокойным тоном, как подобает в разговоре между двумя дружественными джеддаками. Он медленно и обдуманно начал:

- Туван Дин должен иметь необычайно важные мотивы, чтобы так попирать ногами древний обычай Барсума. Он забыл, что он гость, и что я его хозяин! Чтобы и мне не забыться так, как это случилось с моим великим другом, я предпочитаю молчать, пока джеддак Птарса не разъяснит нам причин, вызвавших его неслыханный поступок и не убедит меня в своей правоте.

Я видел, что джеддак Птарса был готов швырнуть свой меч в лицо Кулан Тита, но он тоже пересилил себя.

- Нет никого, кто бы лучше Туван Дина, - сказал он, - знал законы, управляющие поступками людей во владениях друга. Но Туван Дин знает также и высший закон - закон благодарности. Ни перед одним человеком на Барсуме не находится он в таком долгу, как перед Джоном Картером!

- Много лет тому назад, Кулан Тит, - продолжал он, - во время твоего последнего посещения, ты был очарован красотой моей единственной дочери Тувии. Ты видел, что я обожал ее, а впоследствии ты узнал, что по какому-то непонятному капризу она предприняла последнее добровольное паломничество к берегам таинственной реки Исс. Ты знал, в каком я был горе!

Несколько месяцев назад я впервые услышал о походе, который Джон Картер повел против Иссы и святых жрецов. До меня дошли неясные слухи о жестокостях и надруганиях, которые совершались в течение бесчисленных веков над несчастными, приплывающими в долину Дор.

Я узнал, что тысячи пленников были освобождены там, но что немногие решились прийти обратно в свои города из страха жестокой смерти, которая ждала вернувшихся из долины Дор.

Первое время я не особенно верил всем этим слухам об обмане жрецов и молился, чтобы моя дочь Тувия умерла прежде, чем совершила кощунство, вернувшись во внешний мир. Но затем любовь отца пересилила благочестие, и я поклялся скорее заслужить вечное осуждение, чем оттолкнуть свою дочь, когда она вернется ко мне.

Я послал многих гонцов в Гелиум и на юг ко дворцу Ксодара, джеддака перворожденных. И от всех я слышал одну и ту же

историю о бесчеловечных зверствах, чинимых святыми жрецами над беззащитными жертвами их религии.

Многие бывшие пленные видели и знали мою дочь. От жрецов, отказавшихся от старой религии, которые когда-то стояли близко к Матаи Шангу, я узнал о тех оскорблениях, которым он лично подвергал ее. Как я обрадовался, узнав, что Матаи Шанг у тебя в гостях! Я все равно отыскал бы его, хотя бы на это потребовалась часть моей жизни!

Многое узнал я еще от гонцов. Я услышал о рыцарском отношении Джона Картера к моей дочери, как он сражался за нее, как освободил ее и как спас от диких южных вархунов.

Будешь ли ты удивляться после того, что я готов рисковать своей жизнью, миром своего народа, даже твоей дружбой, которую я ставлю выше всего, за Джона Картера?

Кулан Тит молчал. По выражению его лица было видно, что он был смущен. Затем он заговорил:

- Туван Дин, - молвил он, и голос его звучал дружески, но печально. - Могу ли я судить своего ближнего? В моих глазах отец жрецов - святой, и религия, которую он исповедует, единственная истинная религия. Но если бы передо мной стояла такая же задача, как перед тобой, я не сомневаюсь, что чувствовал и поступал бы совершенно так же, как и ты.

Что касается Джона Картера, то его в сохранности доставят к границе моих владений; он будет освобожден и сможет идти, куда ему будет угодно. Но под страхом смерти ему навсегда будет возбранено вступать в пределы моей страны.

Между тобой и Матаи Шангом я могу выступить только в качестве примирителя. Но если у вас дойдет до ссоры, то вы и без моей просьбы поймете, что она может быть решена только после того, как вы оба покинете Каол. Удовлетворен ли ты, Туван Дин?

Джеддак Птарса кивнул головой, но злобный взгляд, который он бросил при этом на отца жрецов, не представлял ничего доброго для этого сверженного кумира.

- Но совсем не удовлетворен Джон Картер! - воскликнул я, грубо разрывая с трудом налаженный мир. - Пока я преследовал Матаи Шанга, смерть десятки раз подстерегала меня. А теперь, когда я достиг цели, ценой бесконечных усилий и нечеловеческой борьбы, меня хотят увести от нее и думают, что я покорно пойду, как одряхлевший тот на бойню?

Туван Дин, джеддак Птарса, тоже не будет удовлетворен, если он выслушает меня до конца. Знаете ли вы, зачем я пресле-

довал Матаи Шанга и черного датора Турида от лесов долины Дор, зачем я прошел полсвета?

Думаете ли вы, что Джон Картер унизится до убийства? Неужели Кулан Тит настолько глуп, что может поверить низкой лжи, которую ему нашептали святой жрец и Турид? Я преследую Матаи Шанга не для того, чтобы убить его, хотя видит бог моей планеты, у меня сейчас чешутся руки вцепиться в его поганое горло. Я преследую его, Туван Дин, потому что с ним - две пленницы - моя жена Дея Торис и твоя дочь Тувия!

Думаешь ли ты теперь, Туван Дин, что я позволю увести себя за стены Каола, прежде чем мать моего сына не будет сопровождать меня, а твоя дочь не будет возвращена тебе?

Туван Дин обернулся к Кулан Титу. В глазах его сверкнула ярость, но он опять огромным усилием воли овладел собой и заговорил ровным голосом:

- Знал ли ты, друг мой Кулан Тит? Знаешь ли ты, что моя дочь содержится пленницей в твоем доме?

- Он не мог этого знать, - прервал Матаи Шанг, побледнев от страха. - Он не мог этого знать, потому что это ложь!

Я хотел убить его на месте, но тяжелая рука Туван Дина опустилась на мое плечо и остановила меня.

- Подожди, - сказал он мне, а затем обратился к Кулан Титу. - Это не ложь. Джон Картер никогда не лжет. Ответь мне, Кулан Тит.

- Три женщины прибыли с отцом жрецов, - ответил джеддак Каола, - Файдора, его дочь, и еще две, которые, по слухам, были ее рабыни. Но если это неправда, если эти женщин - Дея Торис и Тувия, то они завтра же будут возвращены вам.

При этих словах он взглянул на Матаи Шанга, не так, как верующий на первосвященника, а как правитель смотрит на человека, которому отдает приказания.

Отцу жрецов, должно быть, стало ясно, как ясно и мне, что наше разоблачение очень ослабило веру Кулан Тита. Малейшего повода достаточно, чтобы обратить могучего джеддака в открытого врага жрецов. Но так сильны в людях предрассудки и суеверия, что даже великий Кулан Тит не решался сразу решительно порвать со своей древней религией.

У Матаи Шанга хватило ума сделать вид, что он охотно подчиняется приказанию своего духовного сына. Он обещал завтра привести обеих пленниц в зал аудиенций.

- Теперь уже утро, - сказал он, - и мне не хотелось бы прерывать сон моей дочери. Иначе я сразу предоставил бы их, чтобы Джон Картер мог убедиться, что он ошибается.

Последнее слово он подчеркнул, желая оскорбить меня, но так тонко, что я ни к чему не мог придраться.

Я собирался протестовать против отсрочки и требовать, чтобы Дея Торис была приведена ко мне немедленно, но Туван Дин считал такую поспешность излишней.

- Мне страстно хотелось бы видеть мою дочь сейчас же, - сказал он, - но я не буду на этом настаивать, если Кулан Тит даст мне гарантию в том, что за ночь никто не покинет дворца и что ни Дее Торис, ни Тувии из Птарса не будет причинено никакого вреда, начиная с этой минуты.

- Никто не покинет за ночь дворец, - ответил джеддак Каола, - а Матаи Шанг даст нам слово, что обе женщины будут доставлены в этот зал в безопасности.

Жрец в знак согласия кивнул головой. Кулан Тит объявил аудиенцию законченной, и Туван Дин пригласил меня в свои апартаменты. Мы просидели с ним до рассвета, и я рассказал ему все свои похождения на Барсуме и все, что случилось с его дочерью в тот промежуток времени, который мы провели вместе.

Отец Тувии пришелся мне очень по сердцу, и наша беседа положила начало дружбе, которая с течением времени все укреплялась. Но все же моим лучшим другом продолжал оставаться мой первый друг на Барсуме - Тарс Таркас, зеленый джеддак тарков.

С первыми лучами солнца пришли гонцы от Кулан Тита с приглашением явиться в зал аудиенций. Здесь Туван Дин после долгих лет должен был встретить свою дочь, а я должен был вновь увидеть свою любимую Дею Торис после почти двенадцати лет разлуки.

Сердце мое так билось, что я в смущении оглядывался кругом, предполагая, что все окружающие должны были слышать этот стук. Все мое существо рвалось к Дее Торис, вечная молодость и красота которой были только внешними проявлениями ее дивной души.

Наконец вернулся гонец, посланный за Матаи Шангом. Я вытянул шею, чтобы скорее увидеть, кто за ним следует, но гонец возвратился один.

Остановившись перед троном, он обратился к джеддаку громким голосом, который раздался во всех концах зала.

- О, Кулан Тит, могущественнейший из джеддаков, - произнес он, - твой гонец возвращается один. Когда он пришел в апартаменты отца жрецов, то нашел их пустыми, пусты были также комнаты его свиты!

Кулан Тит побледнел.

Глухое рычание сорвалось с уст Туван Дина, который не взошел на трон, а стоял рядом со мной. Гробовая тишина воцарилась в зале.

Кулан Тит, джеддак Каола, первым прервал тишину. Он спустился с возвышения и порывисто подошел к Туван Дину. Слезы блестели в его глазах, когда он положил обе руки на плечи своего старого друга.

- О, Туван Дин, - воскликнул он, - и это несчастье должно было случиться с тобой здесь, во дворце твоего лучшего друга! Собственными руками задушил бы я Матаи Шанга, если бы догадался, что таилось в его низкой душе! В прошлую ночь моя вера была поколеблена - она разбилась теперь вдребезги, но увы, слишком поздно, слишком поздно! Стоит тебе только приказать, и весь Каол, все силы моего могущественного народа - в твоем распоряжении. Мы сделаем все, чтобы вырвать твою дочь и жену этого доблестного воина из лап хищников. Что нужно сделать? Скажите!

Я выступил вперед и обратился к нему:

- Во-первых, нужно уличить тех из твоих подданных, кто помог бегству Матаи Шанга и его свиты. Без помощи со стороны дворцовой стражи он не мог бы уйти. Ищи виновных и узнай от них, каким образом бежали жрецы и в каком направлении.

Прежде чем Кулан Тит отдал приказ о расследовании, из толпы вышел молодой офицер с красивым открытым лицом и сказал·

- О, Кулан Тит, могущественнейший из джеддаков[Я один несу ответственность за это печальное происшествие. В последнюю ночь стражей командовал я. Во время ночной аудиенции я дежурил в другой части дворца и ничего не знал о том, что здесь произошло. Поэтому, когда отец жрецов вызвал меня и сказал, что ты хочешь, чтобы он скорее покинул город из-за присутствия смертельного врага, который покушается на его жизнь, я беспрекословно повиновался. Ведь отец жрецов повелевал над всеми нами: власть его была даже выше твоей власти, могущественнейший из джеддаков! Пусть же последствия отразятся на мне, потому что я один виноват. Другие стражники, которые способствовали бегству, только выполняли мое приказание.

Кулан Тит взглянул сначала на меня, а затем на Туван Дина, как бы спрашивая нашего мнения об этом человеке. Неумышленные действия молодого командира были так очевидны, что никто из нас не вздумал требовать его наказания.

- Как бежали они? - спросил Туван Дин, - и в каком направлении?

- Они покинули Каол тем же путем, как и прибыли в него, - ответил командир, - на собственном аэроплане. Я следил за огнями корабля после того, как они улетели, и видел, что они направились на север.

- Где на севере Матаи Шанг может рассчитывать на убежище? - спросил Туван Дин у Кулан Тита.

Тот опустил голову и несколько мгновений казался погруженным в глубокое раздумье. Затем лицо его внезапно просветлело.

- Знаю! - воскликнул он. - Вчера еще Матаи Шанг рассказывал мне о народе, совершенно непохожем на нас и живущем далеко к северу. Он говорил, что святые жрецы давно знают этот народ, и, что это верные и набожные последователи древней религии. Он говорил, что среди них он найдет убежище, где никакие еретики его не найдут. Я уверен, что он направился туда!

- И во всем Каоле не найдется ни одного аэроплана, на котором можно было бы за ним последовать! - воскликнул я с отчаянием.

- Аэроплан ты найдешь не ближе, чем в Птарсе, - ответил Туван Дин.

- Постойте, - воскликнул я. - Там, на южной границе этого большого леса лежит поврежденный аэроплан, на котором я сюда прилетел. Если вы дадите мне людей, я починю его в два дня.

Вначале я не особенно доверял искренности внезапного вероотступничества джеддака Каола, но он с такой готовностью пошел навстречу всем моим требованиям и предоставил в мое распоряжение столько людей, что все мои сомнения поневоле рассеялись.

Два дня спустя аэроплан, готовый к отлету, стоял на крыше сторожевой башни. Оба джеддака предлагали мне силы своих народов. Миллионы бойцов были в моем распоряжении. Но на моем аэроплане, кроме Вулы и меня, было место только для одного человека. Когда я вступил на судно, Туван Дин занял место рядом со мной. Я с изумлением взглянул на него. Он

повернулся к начальнику своего войска, который сопровождал его в Каол, и сказал:

- Я доверяю тебе отвести мою свиту обратно в Птарс, и пусть мой сын правит в мое отсутствие. Джон Картер не поедет один в страну врагов. Я сказал! Прощайте!

VIII.

ЧЕРЕЗ ПЕЩЕРЫ КАРИОНА

Днем и ночью летел наш аэроплан прямо к северу. Наш "компас назначения" все еще был направлен на судно врага с того момента, как я установил его, вылетев из крепости жрецов. Во вторую ночь мы почувствовали, что воздух стал заметно свежеть, и, судя по расстоянию, которое мы покрыли, можно было думать, что мы приближаемся к северной арктической области.

Теперь приходилось соблюдать величайшую осторожность. Я знал, что бесчисленные экспедиции, которые пытались исследовать эту неизвестную страну, из-за огромного ледяного барьера, вздымавшегося вокруг всей арктической области, не возвращались обратно Что случилось с ними - не знал никто. Люди эти навсегда исчезали в этой угрюмой и таинственной полярной стране.

Расстояние от барьера до полюса было не очень велико: быстроходный аэроплан мог бы покрыть его в несколько часов. Поэтому предполагали, что какая-то страшная катастрофа ожидала тех, кто попадал в "запретную страну", как начали называть эту область марсиане.

Поэтому при приближении в барьеру я уменьшил скорость хода. Я решил осторожно продвигаться над ледяной массой, чтобы не попасть в ловушку, а вовремя обнаружить, действительно ли имеется у северного полюса обитаемая страна. Только здесь, думал я, может быть то место, где Матаи Шанг чувствует себя в безопасности от Джона Картера.

Мы медленно плыли на высоте нескольких футов от почвы, буквально ощупывая наш путь в темноте. Ночь была необыкновенно темная. Обе луны зашли, а небо было окутано облаками, которые на Марсе встречаются только у полюсов.

Внезапно прямо перед нами выросла огромная белая стена. Я круто повернул руль и дал задний ход, но было уже поздно, чтобы предотвратить катастрофу.

С треском ударились мы о высокое препятствие. Аэроплан дрогнул и закачался, машина остановилась, и мы упали вниз с высоты двадцати футов. К счастью, ни один из нас не разбился. Мы вылезли из-под груды обломков, и, когда показалась меньшая луна, мы увидели, что находимся у подножия огромного ледяного барьера; в некоторых местах выступали его гранитные глыбы, которые задерживали сползание льдов.

Какая насмешка Судьбы! Потерпев крушение почти в конце путешествия, упасть по эту сторону отвесной неприступной стены! Я взглянул на Туван Дина. Он только печально пожал плечами.

Мы провели остаток ночи в глубоком снегу, который лежал у подножия стены, дрожа от холода. С наступлением утра мое подавленное настроение сменилось обычной бодростью, хотя надо сознаться, что надежды на спасение было очень мало.

- Что нам делать? - спросил Туван Дин. - Как сможем мы пройти через этот непреодолимый барьер?

- Мы должны прежде всего оставить мысль, что стена непроходима, - ответил я. - Я только тогда признаю, что нам через нее не пройти, когда обойду ее кругом и приду на это же место. Чем скорее двинемся в путь, тем лучше, потому что другого пути нам нет, и путешествие по этой пустыне займет не меньше месяца времени.

Пять дней шли мы по трудному замерзшему пути, страдая от холода и лишений. Свирепые пушные звери нападали на нас днем и ночью. Ни одной минуты не были мы застрахованы от появления какого-нибудь огромного северного чудовища.

Самым опасным нашим врагом оказался апт. Это огромное животное, покрытое белым мехом, имело шесть конечностей. Четыре из них служили ему ногами, а две другие, прикрепленные к плечам по обе стороны его сильной шеи, оканчивались безволосыми руками. Ими животное хватало свою добычу.

Головой и пастью апт похож на гиппопатама, только на нижних челюстях его имеется по большому рогу, которые слегка загибаются вниз. Его два огромных овальных глаза пробудили мой живейший интерес.

Они занимают почти всю голову от макушки до пасти, так что кажется, будто рога вырастают из нижней части глаз. Каждый глаз состоит из нескольких отдельных глазков, снабженных каж-

дый самостоятельным веком, так что животное может открывать и закрывать столько глазков, сколько ему желательно.

Такое построение глаз показалось мне сперва излишним для животного, которое охотится на ослепительно белой снежной поверхности; но я тогда же сообразил, что природа снабдила его таким сложным глазом потому, что апт проводит большую часть своей жизни в темных подпочвенных пещерах.

Вскоре мы наткнулись на самого крупного апта, которого нам пришлось видеть. Он был восьми футов в вышину и покрыт гладким лоснящимся мехом. Он стоял, повернув к нам голову, и глядел на нас, пока мы шли прямо на него. Мы решили, что избегать этих чудовищ - напрасная трата время, потому что они все равно нападают на каждое живое существо, которое завидят издали.

Даже когда они сыты, они набрасываются и убивают просто для удовлетворения своего инстинкта. Поэтому я был несколько удивлен, когда огромный апт не кинулся на нас, а повернулся при нашем появлении и удалился.

Случайно я разглядел вокруг его шеи золотой ошейник. Туван Дин тоже заметил его, и это обстоятельство пробудило в нас обоих какую-то неопределенную надежду.

Только человек мог одеть апту ошейник. И так как ни одна известная нам раса марсиан никогда не пыталась приручить свирепых аптов, то он должен был принадлежать какому-то северному народу, о существовании которого мы не знали. Быть может, это была мифическая желтая раса Барсума, некогда сильная, и которую теперь считали вымершей, хотя иногда в теории и допускали, что она могла существовать где-то на далеком севере.

Мы немедленно отправились по следу животного. Я объяснил Вуле наши намерения, так что нам не нужно было гнаться за зверем. К тому же это было бы совершенно бесполезно, принимая во внимание быстроту бега аптов.

Около двух часов след вел нас параллельно барьеру, а затем внезапно повернул к нему и пошел по неровной непроходимой местности. Огромные гранитные глыбы, разбросанные в хаотическом беспорядке, преграждали нам дорогу на каждом шагу; глубокие трещины во льду грозили поглотить нас при малейшей неосторожности, а легкий ветерок, дувший с севера, доносил до нас неописуемое зловоние, от которого мы почти задыхались.

Нам понадобилось целых два часа; чтобы проделать несколько футов до подножия барьера. Затем, обогнув скалу, имевшую

вид стены, мы вышли на ровную площадку у самого основания ледяной и скалистой стены и увидели перед собой темное отверстие пещеры.

На нас пахнуло удушливое зловоние. Оглянувшись кругом, Туван Дин остановился, и у него вырвалось удивленное восклицание:

- Клянусь предками, - воскликнул он, - я никогда не думал, что мне придется своими глазами убедиться в действительности мифических пещер Кариона! Если это они, то мы нашли путь сквозь ледяной барьер!

Древние летописи первых историков Барсума, такие древние, что мы считали их мифами, передают о великом переселении желтой расы под давлением зеленых полчищ. Это случилось в то время, когда высохли океаны, и господствующие расы были изгнаны из их крепостей и городов.

Летописи рассказывают о странствиях остатков некогда сильных желтых племен, преследуемых на каждом шагу, пока наконец они не нашли путь через северную ледяную стену к плодородной долине у полюса.

У входа в подземный проход, который вел их в убежище, произошла великая битва. Желтые оказались победителями. Они завалили пещеры, по которым можно было проникнуть на их новую родину целыми горами трупов зеленых и желтых людей, чтобы зловоние удержало их врагов от дальнейшего преследования.

И с того самого, давно прошедшего дня, все умершие этой мифической страны относятся в пещеры Кариона, чтобы и в смерти служить родине и ограждать ее от нашествия неприятеля. Легенда говорит, что сюда сносятся все отбросы, все, что подвержено гниению и может увеличить страшное зловоние.

Смерть на каждом шагу подстерегает путника, решившегося проникнуть в эти пещеры; в них логовища свирепых аптов. Это страшная дорога, но это единственная, которая ведет к нашей цели!

- Ты, значит. уверен, что мы нашли дорогу к стране желтых людей? - воскликнул я.

-Насколько можно быть уверенным, руководствуясь только древней легендой, - ответил он мне. - Но смотри, как каждая деталь здесь совпадает с преданием о желтой расе!

- Если это правда, и дай бог, чтобы это было правдой, - сказал я, - то мы, быть может, откроем тайну исчезновения Тардос Морса, джеддака Гелиума, и его сына Морса Каяка. Ни одно место на

Барсуме, кроме этого, не осталось неисследованным многочисленными экспедициями в течение двух лет. Последние вести, которые пришли от них, говорили, что они искали моего сына Карториса где-то на севере.

В это время мы дошли до входа в пещеру и, переступив ее порог, я перестал удивляться, что ужасы этого пути остановили в древности зеленых кочевников. Пласт скелетов достигал человеческого роста на полу первой пещеры, а над ним лежала гниющая масса разлагающегося мяса, сквозь которую апты пробили себе дорогу к отверстию во вторую пещеру.

Зловонные запахи были так сильны и осязаемы под низкими сводами, что хотелось взять меч и прорубить себе дорогу к свежему воздуху.

- Разве может человек дышать этим смрадом и не умереть? - спросил Туван Дин, задыхаясь.

- Думаю, что долго дышать им нельзя, - ответил я, - и потому поспешим. Я пойду вперед, ты позади, а Вула в середине. Идем!

И с этими словами я бросился вперед, через вонючую массу гнили.

Мы прошли, не встретив препятствий, семь пещер разной величины, мало отличающихся друг от друга по силе и роду своих запахов. Но в восьмой пещере мы наткнулись на берлогу аптов. Два десятка огромных зверей расположились в ней. Некоторые спали, другие разрывали свежее мясо недавно убитой добычи или дрались между собой.

Здесь становилось понятно значение их огромных глаз: внутренние пещеры погружены почти в полный мрак.

Пытаться пройти через стадо лютых животных даже мне казалось полным безумием, и я предложил Туван Дину вернуться вместе с Вулой во внешний мир. Они вдвоем могли найти дорогу в культурную страну, а затем вернуться обратно с достаточными силами, чтобы не только перебить аптов, но и сломить все дальнейшие препятствия, лежавшие на нашем пути.

- За это время, - продолжал я, - я смогу, быть может, найти способ пробиться в страну желтых людей, а если мне не удастся, то погибнет всего одна жизнь. Ведь если мы все пойдем вперед и умрем, то не останется никого, кто мог бы привести сюда экспедицию для спасения твоей дочери и Деи Торис.

- Я не вернусь назад и не оставлю тебя одного, Джон Картер, - решительно ответил джеддак Птарса. - Пойдешь ли ты к победе или к гибели, джеддак Птарса останется с тобой. Я сказал!

По его тону было видно, что спорить бесполезно, а потому я пошел на компромисс и решил отправить обратно Вулу с запиской, вложенной в металлический футляр, привязанный к его шее. Я приказал верному животному бежать в Гелиум и разыскать Карториса, и, хотя между нами лежало полсвета и должны были встретиться бесчисленные препятствия, я был уверен, что если только будет хоть малейшая возможность, Вула исполнит поручение.

Снабженный от природы удивительной быстротой, выдержкой и свирепостью, он мог справиться в единоборстве с любым врагом, а его смышленность и инстинкт могли помочь ему успешно выполнить поручение.

Вула не мог ослушаться моего приказания, но покинул нас с явной неохотой. Я не мог удержаться, чтобы не обнять на прощание верного друга. Он потерся своей щекой о мою в прощальной ласке и через минуту мчался через пещеры Кариона к внешнему миру.

В записке к Карторису я дал ему подробные указания относительно местоположения пещер Кариона. Я подчеркивал необходимость проникнуть в страну именно этим путем и ни под каким видом не пытаться перейти ледяной барьер при помощи флота. Я написал ему, что не мог даже представить себе, что лежит за восьмой пещерой, но что я уверен, что где-то по ту сторону ледяного барьера находится его мать во власти Матаи Шанга, а может быть, и его дед и прадед, если они еще живы.

Далее я советовал ему обратиться к Кулан Титу и к сыну Туван Дина с просьбой предоставить ему воинов и корабли. Экспедиция должна быть настолько мощной, чтобы обеспечить себе успех с первого же удара.

- И, если будет возможно, приведи с собой Тарса Таркаса, - закончил я. - Если я буду жив, когда вы прибудете, для меня будет большой радостью сражаться плечом к плечу с моим старым другом.

После того, как Вула покинул нас, Туван Дин и я, спрятавшись, стали выдумывать различные планы, как бы пройти через восьмую пещеру. С того места, где мы находились, мы видели, что драка между аптами стихала, и многие улеглись спать. Вероятно, через короткое время все свирепые чудовища мирно заснут, а тогда предоставится возможность, хотя и очень рискованная, пройти через их логовище.

Один за одним растягивались сонные звери на липкой массе, покрывающей кучи костей на полу их берлоги. Не лег только

один: он беспокойно бродил по пещере, обнюхивая своих товарищей и отвратительную зловонную подстилку.

Иногда он останавливался то у одного, то у другого входа в пещеру. По всему было видно, что он сторожевой.

Мы наконец с тревогой должны были убедиться, что он не ляжет, пока спят другие, а потому начали придумывать, каким бы образом его провести. Я сообщил свой план Туван Дину, и он нашел его удачным.

Согласно ему, Туван Дин тесно прижался к стене налево от входа в восьмую пещеру, а я тем временем умышленно показался апту, когда он взглянул в нашу сторону. Затем я быстро прыгнул к правой стороне входа и тоже прижался к стене.

Не издав ни одного звука, огромный зверь стремительно двинулся к нам, чтобы посмотреть, какое дерзкое существо вторглось так далеко в пределы его обиталища. Он просунул голову в узкое отверстие, соединяющее обе пещеры, но его ожидали с двух сторон острые мечи. Он не успел даже издать ни единого звука, как голова его покатилась к нашим ногам.

Быстро взглянули мы в восьмую пещеру - ни один апт не проснулся. Мы перелезли через огромную тушу, загородившую нам дорогу, и осторожно вошли в пещеру.

Мы бесшумно крались, осторожно обходя огромные фигуры. Иногда только раздавался плеск, когда наша нога попадала в лужу разлагающейся жидкости. Когда мы были посередине пещеры, один из аптов беспокойно зашевелился. Как раз в ту минуту моя нога поднялась над его головой, чтобы перешагнуть через него. Я ждал, затаив дыхание и балансируя на одной ноге, не смея шелохнуться. Я сжимал меч правой рукой и направил его острие в то место, где билось сердце огромного хищника.

Но апт успокоился, вздохнул и снова начал мерно дышать. Я перешагнул через его голову и благополучно пошел дальше.

Туван Дин шел следом за мной, и через минуту мы очутились у противоположного выхода.

Пещеры Кариона состоят из двадцати семи смежных гротов, которые, по-видимому, были когда-то промыты большой рекой, протекавшей к югу.

Остальные девятнадцать пещер нам удалось пройти без всяких приключений.

Впоследствии мы узнали, что только один раз в месяц можно найти всех аптов, собравшихся в одной пещере. Обычно они бродят парами или в одиночку по всей цепи пещер, так что было бы невозможно двум людям пройти через все двадцать семь

пещер, не наткнувшись на них. Только раз в месяц они высыпаются целые сутки, и наша счастливая звезда привела нас как раз в такой день!

Выйдя из последней пещеры, мы увидели унылую местность, покрытую снегом и льдом. Почва была сплошь завалена огромными каменными глыбами, так что мы могли видеть перед собой только небольшой участок пути. Часа через два, обойдя огромную скалу, мы подошли к крутому склону, который вел в долину.

Прямо перед собой мы увидели группу людей. Их кожа была лимонного цвета и у всех были черные бороды.

- Желтые люди Барсума! - воскликнул Туван Дин. Даже теперь, когда он видел их воочию, ему с трудом верилось, что эта раса действительно существует.

Мы поспешно спрятались за ближайшую глыбу, чтобы следить за небольшой компанией желтокожих. Они столпились у подножия другой глыбы, спиной к нам. Их было человек шесть; все они были одеты в красивые полосатые шкуры, черные с желтым. Один из них выглядывал из-за камня, как бы выслеживая кого-то, кто должен был подойти с другой стороны.

Вскоре я увидел приближающегося, тоже желтокожего человека: он был в белоснежной шкуре апта.

Желтые люди были вооружены двумя мечами и коротким дротиком. На левой руке висел круглый вогнутый щит не больше тарелки; причем вогнутая сторона была обращена к противнику. Щиты показались мне бесполезной игрушкой, которой нельзя было защитить себя от меча, но потом я понял их смысл и видел с какой поразительной ловкостью владеют ими желтые люди.

Как я уже сказал, каждый воин имел при себе два меча. Один из них обратил на себя мое внимание. Я называю его мечом за неимением другого слова, но в сущности это был не меч, а острое лезвие, конец которого был загнут крючком. Другой меч почти такой же длины, как оружие с крюком. Он был прямой, с двумя заостренными краями. Кроме перечисленного оружия, у каждого воина на поясе висел кинжал.

При приближении человека в белой шкуре остальные крепче сжали свои мечи - прямой меч в правой руке, орудие с крюком - в левой, а на левом запястье они держали свои маленькие щиты, прикрепленные к руке металлическими браслетами.

Когда одинокий воин подошел к глыбе, все шестеро бросились на него с диким ревом, напоминающим боевой клич американских индейцев. Немедленно воин выхватил оба своих меча, и я увидел интересный бой. Сражающиеся старались крюками за-

хватить противника, который быстро подставлял свой щит, так что крюк попадал в его вогнутую поверхность. Один раз одинокому воину удалось поймать своим крюком одного из врагов; он притянул его близко к себе и поразил его своим мечом.

Но бой был слишком неравен. Хотя одинокий воин, несомненно., был самым отважным из них и защищался отлично, но я видел, что его гибель - вопрос только времени.

Мои симпатии всегда были на стороне слабейшего, а потому, хотя я не знал ничего о причинах боя, но не смог равнодушно наблюдать, как падет храбрый воин, подавленный численностью врагов.

Полагаю, однако, что главной причиной моего вмешательства в драку была просто моя любовь к бою. Я не мог устоять от искушения. Не успел Туван Дин опомниться, как я уже стоял рядом с человеком в белой шкуре и сражался, как сумасшедший, с его пятью противниками.

IX.

ЖЕЛТЫЕ ЛЮДИ БАРСУМА

Туван Дин очень быстро присоединился ко мне, и хотя оружие с крюком было для нас необычно и дико, но мы втроем скоро справились с пятью бородатыми воинами.

Когда битва окончилась, наш новый знакомый снял с руки щит и протянул его мне. Я не знал значения этого акта и решил, что это форма выражения благодарности.

Позднее я узнал, что передача щита - символ предложения своей жизни в ответ на какую-нибудь большую услугу. И я инстинктивно поступил правильно, отказавшись от него.

- Тогда прими от Талу, джеда Марентины, этот знак моей благодарности.

Он вынул браслет из-под одного из своих широких рукавов и одел его мне на руку. Ту же церемонию проделал он и с Туван Дином.

Затем он спросил, кто мы и откуда родом. Казалось, он был прекрасно знаком с географией внешнего мира. При упоминании Гелиума, он приподнял брови.

- А! - сказал он, - вы, верно, ищете своего правителя и его партию?

- Ты что-нибудь знаешь о них? - поспешно спросил я.

- Знаю только, что они были взяты в плен моим дядей Салензием Оллом, джеддаком джеддаков, правителем всего Окара. Но о дальнейшей их судьбе я ничего не знаю: я с дядей в войне. Он все время пытается подорвать мою власть в Марентине.

Воины, от которых вы только что спасли меня, были подосланы им, чтобы подстеречь меня и убить. Салензий Олл знает, что я часто отправляюсь один охотиться на священных аптов, которых он так почитает. Он меня и ненавидит отчасти из-за того, что я презираю его религию. Но кроме того, дядюшка боится моего растущего влияния. Во всей стране образовалась сильная партия, которая хочет, чтобы я стал джеддаком джеддаков Окара вместо него.

Он - жестокий тиран, возбудивший всеобщую ненависть. Я мог бы за одну ночь поднять против него целую армию. Смести тех немногих, которые остались ему верны - легко. Мой собственный народ предан мне, и область Марентины уже целый год не платит дани Салензию Оллу.

Он ничего не может поделать с нами силой: в долину Марентины ведет один узкий проход, который при нужде десяток людей смогут защитить против целой армии. Но довольно обо мне. Перейдем к вашим делам. Чем могу помочь я вам? Мой дворец в вашем распоряжении, если вы пожелаете оказать мне честь вашим посещением.

- Когда мы кончим наше дело, мы с удовольствием примем твое предложение, - ответил я. - Но теперь ты можешь помочь нам, указав нам дорогу в город и во дворец или в другое место, где заключены наши друзья.

Талу неодобрительно посмотрел на наши гладкие, безбородые лица, на красную кожу Туван Дина и на мою белую кожу.

- Вы должны сперва отправиться в Марентину, - сказал он. - Необходимо совершенно изменить вашу внешность, прежде чем пробираться в какой-нибудь город Окара. У вас должны быть желтые лица и черные бороды, ваша одежда и снаряжение не должны вызывать ничьих подозрений. У меня во дворце есть человек, который сумеет сделать из вас таких желтых людей, что вы будете не хуже Салензия Олла.

Его совет показался нам очень разумным. Другого способа обеспечить себе доступ в Кадабру, столицу Окара, не было. Мы отправились с Талу, джедом Марентины, в его маленькую, окруженную горами, страну.

Дорога была очень тяжелая, почти непроходимая. Становилось понятным, что в стране, где не было ни тотов, ни аэропланов, ни одно войско не могло идти походом против Марентины.

Наконец, мы достигли места нашего назначения. Вид на город открылся с небольшого возвышения в полумиле от города.

Город лежал в небольшой котловине и был весь покрыт, как крышей, одним огромным стеклянным куполом. Вокруг города лежали снег и лед, но на куполе их не было.

Желтые люди победили суровую полярную природу и жили в роскоши и комфорте среди вечных льдов.

Их города были настоящими оранжереями, и я преисполнился восхищения перед научными познаниями и строительным искусством этой древней расы.

Как только мы вошли в город, Талу снял свою меховую одежду, и я увидел, что его наряд мало чем отличается от наряда красных людей Барсума. За исключением кожаных лат, богато украшенных золотом и драгоценными каменьями, он был совсем голый, да никакой одежды и нельзя было носить под стеклянными сводами этой теплицы.

Мы гостили три дня у джеда Талу, и все это время он осыпал нас знаками внимания. Он показал нам все, что было интересного в его владениях.

В Марентине имеется большая атмосферная фабрика, которая сможет бесконечно долго поддерживать жизнь в городах у северного полюса, когда жизнь в остальных частях умирающего Марса замрет окончательно. Талу показал нам систему отопления, состоящую в том, что солнечные лучи накапливаются в огромных резервуарах. находящихся под городом. Требуется очень немного лучей, чтобы поддерживать ровную летнюю температуру в этом полярном раю.

Широкие улицы покрыты ярко-желтым дерном - это то же растение, которое сплошь затянуло высохшее морское дно Барсума. По желтым улицам бесшумно снуют легкие изящные автомобили, несколько напоминающие по внешнему виду аэропланы. Иного способа передвижения по ту сторону гигантского барьера нет. Широкие шины этих оригинальных машин полые внутри, наполнены восьмым лучом Барсума. Восьмой луч, или луч двигательной силы, одно из поразительных открытий марсиан. Собранный и заключенный в резервуары, этот луч дает возможность судам держаться в воздухе.

Автомобили в Марентине содержат минимальное количество лучей, которое достаточно, чтобы двигать машину вперед, но

не может поднять ее в воздух. В задней части имеется небольшой пропеллер.

Ездить на этих элегантных машинах, которые бесшумно скользят по мягкому дерну улиц - невыразимо приятное ощущение. Улицы окаймлены ярко-красными лужайками и тенистыми деревьями, усыпанными чудесными цветами, которыми так изобилует марсианская растительность.

К концу третьего дня придворный цирюльник - я не могу придумать более правильного названия для этого артиста - произвел над Туван Дином и надо мной такую метаморфозу, что даже наши собственные жены не узнали бы нас. Наша кожа сделалась лимонного цвета, большие черные бороды и усы были прочно приклеены к нашим лицам. Полное снаряжение воинов Окара дополняло иллюзию. Для странствий за пределами тепличных городов у каждого из нас была одежда из полосатой шкуры орлука.

Талу дал нам подробные указания относительно нашего путешествия в Кадабру, столицу всех желтых людей. Наш добрый друг даже проводил нас часть пути, а затем, пообещав и впредь помогать, чем может, попрощался с нами.

При прощании он одел на мой палец кольцо оригинальной работы с черным матовым камнем, который был похож на кусочек угля; это был самый драгоценный камень Барсума.

- От большого камня, который находится в моем владении, - сказал он, - были отколоты только три кусочка, кроме того, который я тебе даю. Их носят самые близкие мои приближенные, которые пользуются полным моим доверием. Все они сейчас посланы с тайными поручениями ко двору Салензия Олла.

Если ты случайно окажешься на расстоянии пятидесяти футов от кого-нибудь из них, ты почувствуешь в пальце, на котором носишь кольцо, быстрое пульсирование. Тот, кто носит подобное кольцо, испытывает подобное же ощущение. Это пульсирование вызвано разряжением электричества, которое происходит в камнях, вырезанных из одного куска, когда они попадают в сферу взаимного влияния. При помощи этого кольца ты узнаешь, что вблизи тебя есть друг, к которому в случае нужды ты можешь обратиться за любой помощью.

Зато если другой обладатель одного из этих камней обратится за помощью к тебе, не отказывай ему, а если смерть будет угрожать, проглоти кольцо, но не давай ему попасть в руки врагов. Береги камень, как зеницу ока, Джон Картер, потому что может случиться, что он будет иметь для тебя огромное значение.

После этих наставлений наш друг повернул обратно в Марентину, а мы направились в Кадабру, ко двору Салензия Олла, джеддака джеддаков всего Окара.

В тот же вечер мы подошли к городу. Он тоже оказался обнесенным стеной и покрытым стеклянным куполом. Кадабра лежала в котловине у полюса и была окружена скалистыми возвышенностями, покрытыми вечным снегом. С того горного прохода, через который мы прошли в долину, открывался чудесный вид на северную столицу. Ее хрустальные купола сияли под ослепительными лучами солнца, возвышаясь над наружной стеной. запорошенной инеем.

Стена опоясывала весь город и имела сто миль в окружности; в ней на равных расстояниях друг от друга возвышались большие ворота. С того места, где мы стояли, было видно, что все ворота закрыты, По совету Талу мы решили не пытаться войти в город вечером, а отложили это до следующего утра.

Как он и говорил, в ближайших холмах оказалось много пещер. В одной из них мы и устроились на ночь. Благодаря нашей одежде из меха орлука, нам было очень тепло. Мы прекрасно выспались и проснулись только после наступления рассвета.

В городе уже было движение. Из ворот выходили партии желтых людей. Точно следуя указаниям нашего друга, мы несколько часов скрывались в пещере, пока партия из нескольких воинов не прошла мимо нашего убежища по той дороге, по которой мы прошли накануне.

Мы дали им время скрыться из виду, затем Туван Дин и я выползли из пещеры и побежали за ними. Мы нагнали их, когда они уже вступили в горы.

Я громко окликнул их, и вся компания остановилась и обернулась в нашу сторону. Наступил решительный момент. Если нам удастся обмануть этих людей, то остальное будет уже делом сравнительно легким!

- Каор! - закричал я, подойдя к ним ближе.

- Каор! - ответил начальник отряда.

- Мы из Иллада, - продолжал я, называя небольшой и очень отдаленный город, который почти не поддерживает никакого сообщения с Кадаброй. - Мы прибыли только вчера, а сегодня утром начальник ворот сказал нам, что вы идете охотиться на орлуков. В наших местах такой охоты нет, и нам очень хотелось бы принять в ней участие. Мы и просим вас взять нас с собой.

Начальник любезно разрешил нам сопровождать их. Моя случайная догадка, что они отправляются на охоту, оказалась правильной, и не мудрено. Талу уверил меня, что из десяти шан-

сов девять были за то, что мы не ошибемся. Дорога, по которой мы шли, вела в обширные долины, где водятся орлуки. гигантские пушные хищники, похожие на слонов. По этой дороге обычно шли только охотники.

Охота оказалась совсем неудачной: мы так и не видели ни одного орлука. Впрочем, нам это послужило только на пользу, желтые люди не захотели вернуться в город через те же ворота, через которые они вышли утром, оказывается, они хвастались перед начальником ворот своим искусством в этой опасной охоте

Поэтому мы приблизились к Кадабре с другой стороны и тем избежали щекотливых расспросов и объяснений со стороны начальника ворот, про которого я сказал, что он направил нас к охотникам.

Мы подошли уже совсем близко к городу, когда мое внимание было привлечено высоким черным столбом, возвышавшимся на несколько сот футов над поверхностью почвы; вокруг него валялись груды каких-то обломков, частью засыпанных снегом.

Я не решался расспрашивать из боязни обнаружить мое полное незнание условий страны. Но прежде чем мы достигли города, мне пришлось ознакомиться с назначением этого сооружения и узнать, что за обломки лежали вокруг него.

Мы были уже почти у ворот, когда один из охотников окликнул своих товарищей и указал на юг. Взглянув по этому направлению, я различил корпус большого корабля, быстро несущегося из-за гребня окружающих гор

- Снова безумцы, которые хотят разгадать тайну запретного севера! - сказал начальник вполголоса. - Неужели они никогда не прекратят свои роковые разведки?

- Нужно надеяться, что нет, - возразил другой. - Иначе откуда мы брали бы рабов и кто бы нас развлекал?

- Это-то так, но все же какое это дурачье! Упорно лезть в страну, откуда еще никто не вернулся!

- Обождем и полюбуемся, чем все это кончится! - предложил один из охотников.

Начальник взглянул по направлению к городу и сказал:

- Часовой их уже заметил. Останемся здесь; может быть, мы понадобимся.

Я посмотрел по направлению к городу и заметил, что из ближних ворот выступило несколько сот воинов. Они шли не спеша, как будто не было никакой необходимости торопиться. Так оно и было, как мне вскоре пришлось убедиться.

Затем я снова посмотрел на корабль. Он быстро летел, но я с удивлением заметил, что пропеллеры его не двигались. Он несся прямо на зловещий столб. Я видел, как судорожно задвигались огромные лопасти, чтобы дать машине задний ход, но корабль продолжал неуклонно лететь вперед, как бы притягиваемый какой-то неодолимой силой.

На палубе царило полное смятение. Люди растерянно бегали взад и вперед, собираясь спустить маленькие одноместные аэропланы, целая флотилия которых находилась на каждом военном марсианском корабле. Все скорее и скорее мчалось судно к черному столбу; в следующее мгновение оно должно было удариться о него. Тогда я увидел, что был поднят сигнал: "Спасайся, кто может!", и сотня маленьких аэропланов, как рой бабочек, отделилась от палубы. Но едва они успели взлететь, как передний конец каждого из них круто повернулся по направлению к столбу, и все они с неимоверной быстротой понеслись в том же направлении, в котором летел и большой корабль.

Минуту спустя произошло столкновение. Люди были сброшены с палубы и разлетелись во все стороны, а корабль упал на груду обломков у подножия столба. За ним, как град, посыпались маленькие аэропланы, из которых каждый со всего размаху ударялся о столб.

Я заметил, что поврежденные аэропланы при падении все время касались столба, но падение их было не так быстро, как этого можно было бы ожидать. Внезапно я понял тайну столба, понял причину, почему ни один корабль, перелетевший через ледяной барьер, не возвращался обратно.

Столб представлял собой сильнейший магнит. Он неудержимо притягивал к себе алюминиевую сталь, из которой строятся все барсумские суда. Как только корабль попадал в радиус его притягательной силы, ничто не могло предотвратить конца.

Я узнал впоследствии, что столб установлен как раз над магнитным полюсом Марса, но не знаю, усиливало ли это обстоятельство его притягательную силу. Я не ученый, а воин.

Наконец-то я мог объяснить долгое отсутствие Тардос Морса и Морса Каяка! Эти отважные смельчаки не побоялись опасностей таинственного севера, чтобы отправиться на поиски Карториса, и сами погибли!

Как только упал последний аэроплан, чернобородые желтые воины, как саранча, налетели на обломки. Они забирали в плен оставшихся в живых и иногда приканчивали мечом тех из раненых, которые, казалось, не были настроены мирно сносить насмешки и оскорбления.

Несколько красных людей мужественно дрались с жестоким врагом, но большинство было так подавлено ужасной катастрофой, что покорно дали одеть на себя цепи.

Закозав последнего пленника, наш отряд вернулся в город, у ворот которого мы встретили свору аптов с золотыми ошейниками. Каждый из них выступал между двумя воинами, державшими его на золотой цепи. За воротами воины выпустили лютых зверей, и они бросились к зловещему черному столбу. Мне не нужно было спрашивать, для какой цели! Если бы в городе Кадабра не было тех, кому моя помощь была нужней, чем этим несчастным, умирающим на обломках, я кинулся бы на этих страшных чудовищ, которые были посланы, чтобы раздирать и пожирать людей.

У меня была другая задача, и мне пришлось, с поникшей головой, последовать за желтыми воинами и благодарить судьбу, которая помогла мне получить такой легкий доступ в столицу Салензия Олла.

Очутившись в городе, мы без труда отделились от наших попутчиков и направились в гостиницу.

X.

НОВЫЙ СОПЕРНИК

Гостиницы на Барсуме, как мне пришлось убедиться, почти все на один лад. Отдельные комнаты существуют только для семейных.

Если мужчина приходит один, его проводят в общую комнату. Пол здесь, обыкновенно, из белого мрамора или толстого стекла и содержался в безукоризненной чистоте. В комнате имеются небольшие возвышенности, заменяющие кровати, на которые гости кладут свои шелковые и меховые одеяла Если у гостя нет своих одеял, то хозяин гостиницы доставляет ему таковые, всегда чистые и свежие.

С момента, когда вошедший кладет свои вещи на одно из возвышений, он считается гостем гостиницы, и возвышение это принадлежит ему до его отбытия. Вещи его в полной безопасности в этой общей комнате без запоров, потому что на Марсе совсем нет воров.

Но убийства случаются так часто, что обычно хозяева гостиницы содержат вооруженную стражу, которая днем и ночью об-

ходит спальные комнаты. По числу стражников и богатству их доспехов можно судить о богатстве гостиницы.

Рядом с каждой спальной комнатой имеется ванная. Каждый гость обязан ежедневно принимать ванну, иначе он должен покинуть гостиницу.

Обыкновенно во втором или третьем этаже есть большая спальня для одиноких женщин; убранство ее немногим отличается от комнат, занимаемых мужчинами. Стражники, охраняющие женщин, остаются в смежных комнатах, а рабыни обслуживают спальни.

Я с удивлением заметил, что стража гостиницы, где мы остановились, состояла сплошь из красных людей. Я узнал, что это были рабы, которых собственники гостиницы покупают у правительства. Человек, несший охранную службу в нашей комнате, был в прежней своей жизни командующим флотом великой марсианской державы.

Судьба занесла его флагманское судно за ледяной барьер, и оно попало в радиус действия притягательной силы магнитного столба. С тех пор уже много томительных лет состоит он в рабстве у желтых людей.

Он рассказал мне, что среди рабов, прислуживающих желтой расе, имеется много джедов и даже джеддаков. Но когда я спросил его, не слышал ли он что-нибудь о судьбе Тардос Морса и Морса Каяка, он покачал головой. Он никогда не слышал, чтобы они были взяты в плен, хотя имена их были ему хорошо известны.

Он ничего не слышал также и о прибытии в Окар отца жрецов и черного датора перворожденных, но поспешил объяснить мне, что ему вообще мало известно то, что происходит при дворе. Я заметил, что он был немного удивлен тому, что желтый человек интересуется какими-то красными пленниками и вместе с тем так не сведущ в обычаях своей расы.

Увлеченный расспросами, я совсем забыл о своем маскараде, и только выражение изумления на лице стражника вовремя предупредило меня. В мои планы совсем не входило без всякой нужды раскрывать свою личность первому встречному.

Этот несчастный ничем не мог помочь мне, но я надеялся, что впоследствии мне удастся помочь ему и тысячам других пленников, томящимся в рабстве у желтокожих в Кадабре.

В одну ночь, сидя на наших шелковых и меховых одеялах, среди сотни желтых людей, помещавшихся в той же комнате, Туван Дин и я долго шепотом обсуждали план наших дальнейших действий. Мы говорили тихо, но так как в гостиницах этого

требует простая вежливость, то мы не вызывали никаких подозрений.

После многих разговоров мы вынуждены были признать, что все наши рассуждения бесполезны, пока нам не удастся фактически исследовать город и привести в исполнение план, который нам посоветовал Талу, а потом, пожелав друг другу спокойной ночи, мы улеглись спать.

На следующее утро, после завтрака, мы отправились осматривать город. Благодаря щедрости джеда Марентины, у нас было достаточное количество ходячей окарской монеты, и мы смогли нанять себе автомобиль-аэроплан. В Марентине мы научились управлять им и теперь посвятили весь день осмотру города. Поздно вечером, по словам Талу, служащие бывали в учреждениях, и мы смогли, не вызывая подозрения, остановиться у великолепного здания на площади, напротив дворца.

Смело пройдя мимо вооруженной стражи, мы вошли внутрь. Нас встретил красный раб, который спросил, чего мы желаем.

- Скажи Сораву, твоему господину, что два воина из Иллады желают получить место в дворцовой охране.

Сорав был начальником дворцовых войск, и Талу был уверен, что нас охотно примут во дворцовую стражу. Салензий Олл не доверяет своим поданным, которые постоянно принимали участие в заговорах и интригах, а потому охотно принимал на службу людей из далеких городов Окара, в особенности из Иллады.

Талу дал нам общие указания того, что нам было необходимо знать, чтобы выдержать испытания у Сорава. После этого мы должны были подвергнуться еще одному испытанию, в присутствии самого Салензия Олла, который должен был определить нашу боевую способность и ловкость.

Мы еще так мало ознакомились со странным оружием желтых людей, крючковатым мечом и чашевидным щитом, что было весьма сомнительно, сумеем ли мы выдержать окончательно испытание. Мы рассчитывали только на то, что пройдет несколько дней, пока джеддак джеддаков найдет для нас время, а в течение этих дней мы решили поупражняться.

После нескольких минут ожидания нас ввели в приемную Сорава. Чернобородый, свирепого вида начальник принял нас вежливо. Он спросил наши имена, общественное положение в нашем городе, и, по-видимому, наши ответы удовлетворили его. Затем он предложил нам еще несколько вопросов, которые Талу предвидел и к которым он нас подготовил.

Допрос продолжался не более десяти минут, после чего Сорав вызвал помощника и приказал ему записать нас кандидатами и проводить в специальное помещение во дворце.

Помощник повел нас в контору, где он одновременно сфотографировал, взвесил и измерил нас при помощи остроумного прибора. Пять отпечатков немедленно воспроизводятся в пяти различных учреждениях государства, причем два из них находятся в нескольких милях от Кадабры. Затем он повел нас по двору к главному зданию охраны и передал нас дежурному начальнику.

Здесь нас снова подвергли краткому допросу, после чего солдату было отдано приказание отвести нас в наше помещение. Комната оказалась во втором этаже дворца, в угловой башне здания.

На наш вопрос, почему нас поместили так далеко, солдат ответил, что по традиции старые члены охраны всегда заводят ссоры с кандидатами. В результате этого обычая бывало много смертных случаев, которые гибельно отражались на количестве стражников. Вследствие этого Салензий Олл отдал приказание помещать кандидатов отдельно и запирать их для безопасности.

Это расстроило все наши хорошо обдуманные планы. Мы фактически делались пленниками во дворце, пока Салензию Оллу не заблагорассудится подвергнуть испытанию нашу боеспособность.

А мы как раз рассчитывали на этот промежуток времени, чтобы использовать его на поиски Деи Торис и Тувии! Наше разочарование было безмерно, когда за солдатом щелкнул замок.

С искаженным от злости лицом, повернулся я к Туван Дину. Мой товарищ только печально покачал головой и направился к одному из окон в дальнем конце комнаты.

- Смотри! - сказал Туван Дин, указывая вниз на сад.

Я посмотрел по указанному направлению и увидел двух женщин, гулявших в закрытом саду.

В то же мгновение я узнал их: это были Дея Торис и Тувия из Птарса! Это были те, за которыми я гнался с одного полюса до другого, по всему протяжению планеты! Всего десять футов и массивная металлическая решетка отделяли меня от них.

Я криком привлек их внимание и, когда Дея Торис взглянула вверх, прямо мне в лицо, я сделал ей любезный жест, который принят на Барсуме.

К моему ужасу, она гордо откинула голову и с выражением полнейшего презрения повернулась ко мне спиной. Мое тело покрыто шрамами от старых ран, полученных в боях, но никогда за всю мою жизнь ни одна рана не доставляла мне таких страда-

ний, как сердечная рана от этого холодного взгляда любимой женщины.

Я со стоном отвернулся и закрыл лицо руками. Туван Дин громко позвал Тувию, но минуту спустя его удивленное восклицание доказало мне, что его дочь тоже не признала его!

- Они и слушать нас не хотят, - горько сказал Туван Дин. - Обе зажали уши и убежали в задний конец сада. Слышал ли ты когда-нибудь о таком невероятном случае, Джон Картер? Их, вероятно, обеих околдовали.

Я набрался мужества и снова подошел к окну. Я так любил ее. Хотя она и отвернулась от меня, я не мог оторвать глаз от ее божественного лица. Она заметила, что я смотрю на нее, и снова отвернулась.

Я терялся в догадке. Пусть Дея Торис меня разлюбила, но почему Тувия отвернулась от отца? Это было так нелепо, так невероятно! Неужели Дея Торис все еще держится отвратительной религии, от которой я освободил почти весь Барсум? Возможно ли, что она смотрит на меня с презрением и негодованием потому, что я выходец из долины Дор или потому, что осквернил святые храмы и особы святых жрецов? Неужели?

Но ничем другим я не мог объяснить ее странного поведения, а между тем, невероятное свершилось. Такая любовь, как любовь Деи Торис ко мне, оказалась не выше расовых и религиозных различий!

В то время, как я грустно смотрел на спину любимой женщины, я увидел, что в противоположном конце сада открылась калитка, и вошел мужчина. Он обернулся и сунул что-то в руку желтому стражнику, стоящему за ней.

Я понял, что вошедший подкупил сторожа, чтобы пройти в сад, затем повернулся по направлению к обеим женщинам. Это был никто иной, как Турид, черный датор перворожденных!

Он близко подошел к ним и заговорил. Я видел, как при звуке его голоса они обернулись, и как отшатнулась от него Дея Торис.

С гадким выражением на лице он подступил к ней еще ближе и снова заговорил. Я не мог слышать его слов, но ее ответ ясно донесся до меня.

- Внучка Тардос Морса скорее умрет, - сказала она, - чем согласится жить на условиях, которые ты предлагаешь!

Черный негодяй упал на колени, ползал в пыли у ее ног и о чем-то ее умолял. Я слышал только часть того, что он говорил. Было видно, что он находится в сильнейшем возбуждении, но боится повысить голос.

- Я спас бы тебя от Матаи Шанга... - долетели до меня его слова. - Ты знаешь, какую судьбу готовит он тебе? Разве ты не выберешь лучше меня, чем его?

- Я не выбрала бы ни одного из вас, даже если бы была свободна, - гордо ответила она. - А ты знаешь отлично, что я не свободна!

- Ты свободна! - закричал он. - Твой муж умер!

- Я не верю этому. Но даже если бы он и умер и мне нужно было бы выбрать другого мужа, то я скорее предпочла бы растительного человека или большую белую обезьяну, чем Матаи Шанга или тебя, черный калот, - страстно вскричала она.

Внезапно грубое животное потеряло всякую власть над собой. С проклятиями и ругательствами бросился Турид на нежную женщину и сдавил ей горло своими грубыми пальцами. Тувия взвизгнула и подскочила на помощь подруге. Я обезумел от ярости и начал так трясти перекладины окна, что вырвал их, как будто они были из тонкой проволоки.

Я спрыгнул в сад, но был в ста футах от того места, где черный душил мою Дею Торис. Одним прыжком очутился я возле них. Молча оторвал я его цепкие пальцы от прекрасной шеи и так же молча отбросил его на двадцать футов от себя.

С пеной у рта Турид вскочил на ноги и бросился на меня, как взбесившийся бык.

- Желтокожий! - визжал он, - ты не знал, до кого ты смел дотронуться своими нечистыми руками, но теперь ты знаешь, что значит оскорбить перворожденного!

Он бросился на меня, стараясь вцепиться мне в горло, но я сделал то же, что сделал когда-то в саду Иссы. Я пригнулся под его вытянутой рукой и, когда он пролетел мимо меня, нанес ему сильный удар в челюсть.

И он сделал то же, что тогда в садах Иссы. Повернувшись кругом, как волчок, он подогнул колени и грохнулся к моим ногам. В эту минуту за мною раздался голос человека.

Это был властный голос человека, привыкшего приказывать. Я обернулся и очутился лицом к лицу с гигантской фигурой желтого человека. Нетрудно было догадаться, что это был сам Салензий Олл. По правую руку от него стоял Матаи Шанг, а за ними виднелись десятка два стражников.

- Кто ты? - вскричал он. - И что значит, что ты ворвался в сад женщин? Я не помню твоего лица! Как ты вошел сюда?

Я совсем забыл, что принял личину желтого человека и готов был брякнуть, что я Джон Картер, но последний вопрос заставил

меня вовремя опомниться, я указал на вырванные перекладины верхнего окна.

- Я кандидат, желающий поступить в дворцовую стражу, - сказал я. - Я был заключен в башню в ожидании окончательного испытания. Из этого окна я увидел, как этот скот, - я указал на Турида, - напал на женщину. Я| не мог устоять, о джеддак, и равнодушно смотреть, что такая мерзость произошла в твоем саду.

Мои слова, по-видимому, произвели на него хорошее впечатление. Он обернулся и обратился к Дее Торис и Тувии, и, когда они обе подтвердили мой рассказ, мрачно взглянул на Турида.

Я видел, как глаза Матаи Шанга злобно засверкали, когда Дея Торис говорила, что произошло между ней и Туридом. Когда она дошла до рассказа о моем вмешательстве, то было видно, что она очень тронута и благодарна, но в глазах ее застыл какой-то вопрос.

Я не удивлялся, что в присутствии других она обращалась со мной, как с чужим, но что она отреклась от меня, когда она и Тувия были одни в саду - этого я не мог вынести.

В то время, как шел допрос, я заметил, что Турид смотрел на меня широко раскрытыми удивленными глазами, а затем внезапно расхохотался мне в лицо.

Минуту спустя Салензий Олл обратился к нему:

- Что можешь ты сказать в свое оправдание? - спросил он грозным голосом. - Как смеешь ты желать ту, которую выбрал отец жрецов, ту, которая могла быть бы даже женой самого джеддака джеддаков?

И при этих словах бородатый тиран бросил сладострастный взгляд на Дею Торис. Мне показалось, что ему пришло в голову какое-то грязное намерение.

Турид собирался ответить и со злобной усмешкой уже указал пальцем на меня, но последние слова и усмешка Салензия Олла остановили его. В глазах его мелькнул хитрый огонек, и я видел по выражению его лица, что слова, которые он произнес, были не те, которые он сперва намеревался сказать.

- О, могущественнейший из джеддаков, - начал он, - мужчина и женщина оба лгут. Он вошел в сад, чтобы помочь им бежать. Я был за стеной и все слышал. Когда я вошел, женщина завизжала, а мужчина прыгнул на меня и чуть не убил. Что ты про него знаешь? Он чужой тебе, и я смею уверить, что ты найдешь в нем врага и шпиона. Предай суду его, Салензий Олл, а не твоего друга и гостя Турида, датора перворожденных.

Салензий Олл, видимо, был смущен. Он обернулся и пристально посмотрел на Дею Торис. Турид близко подошел к нему и прошептал ему на ухо что-то, чего я не расслышал.

Желтый джеддак обернулся к одному из своих начальников стражи.

- Заключите этого человека в тюрьму, пока я не разберу дела, - приказал он, - и так как его решетка не удержит, закуйте его в цепи.

Затем он повернулся и ушел из сада, захватив с собой Дею Торис и положив свою руку на ее плечо. Турид и Матаи Шанг пошли следом за ним, и когда они дошли до калитки, черный обернулся и снова громко захохотал мне вслед.

Что значила его внезапная перемена ко мне? Как он угадал мою личность? Вероятно, меня выдал мой удар, который он испытал на себе во второй раз.

Стражники потащили меня. Сердце мое ныло. К двум безжалостным врагам, которые так давно травили мою возлюбленную, прибавился третий, еще более могущественный! Я был бы слепым глупцом, если бы не заметил внезапной страсти к Дее Торис, которая зародилась в груди Салензия Олла, джеддака джеддаков, правителя всего Окара.

XI.

МУКИ ТАНТАЛА

Три дня протомился я в темнице Салензия Олла. Я лежал в ней, закованный в массивные цепи, и размышлял о судьбе Туван Дина, джеддака Птарса.

Мой храбрый товарищ последовал за мною в сад, когда я напал на Турида. После того, как Салензий Олл удалился с Деей Торис и с другими, оставив в саду Тувию, Туван Дин тоже остался в саду. По своему наряду он ничем не отличался от стражников, и, по-видимому, на него не обратили внимания.

Когда меня уводили, я успел еще заметить, что он стоял и ждал, чтобы сопровождавшие меня воины закрыли за собой калитку; он хотел остаться наедине с дочерью. Неужели им удалось бежать? Трудно было этому поверить, но я всем сердцем желал, чтобы это было так.

На третий день моего заключения в темницу вошли двенадцать воинов, которые повели меня в тронный зал, где сам Салензий Олл должен был судить меня. Зал был переполнен знатью Окара, и среди нее я увидел Турида, но Матаи Шанга не было.

Дея Торис, сияя красотой, как всегда, сидела на небольшом троне рядом с Салензием Оллом. Сердце мое отчаянно сжалось при виде безнадежного отчаяния на ее прелестном лице.

Она сидела рядом с джеддаком джеддаков! Это не предвещало ничего хорошего ни для нее, ни для меня, и я твердо решил не уйти из этого зала живым, если мне придется оставить ее в руках желтого тирана.

Мне приходилось убивать и более сильных людей, чем Салензий Олл, и убивать голыми руками. Я поклялся, что убью его, если это окажется единственным путем для спасения Деи Торис. Я знал, что это означало бы, вероятно, и мою немедленную смерть, но я не жалел своей жизни; меня беспокоило только то, что в таком случае Дея Торис лишилась бы моей помощи. Поэтому я охотнее избрал бы другой путь; ведь смертью Салензия Олла я не вернул бы Дею Торис ее народу. Я решил дождаться приговора суда и затем действовать сообразно с этим. Едва меня привели, как Салензий Олл вызвал Турида.

- Датор Турид, - сказал он, - ты сделал мне странное предложение, обещав, что это послужит исключительно моим интересам. Я решил его принять. Ты сказал мне, что оглашение некоторого факта поведет к изобличению пленника и в то же время откроет путь к исполнению моего самого пламенного желания. Турид кивнул головой.

- В таком случае я оглашаю его здесь, перед лицом всей моей знати, - продолжал Салензий Олл.

- Уже год, как на троне рядом со мной не сидит королева. Я решил взять в жены ту, которая считается самой прекрасной женщиной на Барсуме, и никто не осмелится отрицать истинность этого утверждения! Люди Окара, обнажите мечи и приветствуйте Дею Торис, будущую королеву Окара. К концу положенных десяти дней она сделается женой Салензия Олла.

Все обнажили мечи и по старинному обычаю высоко подняли их над головой.

Но в эту минуту Дея Торис соскочила с трона и высоко подняв голову, закричала громким голосом, заставившим замолкнуть приветственные крики:

- Я не могу быть женой Салензия Олла, потому что я уже жена и мать. Джон Картер, мой муж, еще жив. Я знаю, что это так! Я сама слышала, как Матаи Шанг рассказывал своей дочери

Файдоре, что он видел моего мужа в Каоре при дворе Кулан Тита. Джеддаки не берут в жены замужних женщин, и Салензий Олл не захочет нарушить закона!

Салензий Олл злобно посмотрел на Турида.

- Так вот сюрприз, который ты приберег для меня? - вскричал он. - Ты меня уверял, что между мною и этой женщиной нет препятствий, которых нельзя было бы удалить. Что это значит? Что ты можешь сказать?

- А если я отдам в твои руки Джона Картера, о Салензий Олл, не будешь ли ты доволен и не найдешь ли ты, что я исполнил больше, чем обещал? - вкрадчиво спросил Турид.

- Нечего валять дурака, - заорал взбешенный джеддак, - я не ребенок, чтобы со мной играли!

- Я говорю, - ответил Турид, - как человек, который знает, наверное, что он может исполнить все, что он обещал!

- Тогда дай мне Джона Картера, дай мне его в течение десяти дней, или тебя самого ожидает тот конец, который я приготовил бы ему, будь он в моей власти, - сказал джеддак, грозно хмуря брови.

- Тебе не нужно будет ждать десяти дней, Салензий Олл, - ответил Турид и, внезапно повернувшись ко мне, он указал на меня пальцем и воскликнул:

- Вот стоит Джон Картер, муж Деи Торис!

- Дурак! - зарычал Салензий Олл. - Идиот! Муж Деи Торис белый человек, а этот такой же желтый, как я! Лицо Джона Картера гладкое - Матаи Шанг описал мне его, а у этого пленника борода, как у любого окарца! Живо, стража, бросьте черного безумца в подвал! Пусть он заплатит жизнью за то, что осмелился шутить над вашим правителем!

- Подождите! - закричал Турид и, прежде чем я мог догадаться о его намерениях, он подскочил ко мне, схватил мою бороду и сорвал парик с лица и головы, обнажив мою гладкую белую кожу и черные коротко остриженные волосы.

В тронном зале Салензия Олла поднялся невообразимый шум. Воины теснились вперед, обнажив мечи, думая, что я замышляю убийство джеддака джеддаков. Другие толпились и давили друг друга из любопытства, чтобы взглянуть на человека, имя которого гремело от одного полюса до другого.

Когда моя личность была обнаружена, Дея Торис вскочила. На ее лице было написано глубокое изумление. Раньше, чем кто-либо смог помешать ей, она пробила себе дорогу сквозь толпу вооруженных воинов. Через мгновение она стояла передо

мной с протянутыми руками, и глаза ее сияли невыразимой любовью.

- Джон Картер! Джон Картер! - воскликнула она, когда я прижал ее к своей груди.

И тут я понял, почему она отреклась от меня в дворцовом саду. Каким я был простофилей! Она просто не узнала меня под моим изумительным гримом! Она меня не узнала, а когда увидела, что какой-то желтокожий лезет к ней с объяснениями в любви, оскорбилась и пришла в страшное негодование.

- И это ты, - вскричала она, - говорил со мной из башни! Но как я могла предположить, что под страшной бородой и желтой кожей Окара скрывается мой любимый виргинец!

Она называла меня "мой виргинец" в виде ласки, зная, что я люблю имя моей страны, и это слово звучало в тысячу раз прекраснее, когда произносилось ее дорогими устами. Теперь, когда после стольких лет я вновь услышал это ласкательное имя, глаза мои наполнились слезами, и голос дрогнул от волнения.

Но только одну минуту имел я возможность прижимать к груди свою возлюбленную. Салензий Олл, дрожа от ревности и злобы, протискивался к нам

- Вяжите этого человека! - приказал он воинам, и сотня грубых рук оторвала меня от Деи Торис.

Счастье для придворных Окара, что Джон Картер в тот миг был безоружным! Но все же многим из них пришлось почувствовать тяжесть моего кулака в то время, как я пробивался к трону, куда Салензий Олл унес Дею Торис.

У самой стены трона, однако, я пал под натиском полусотни врагов. Но раньше, чем я потерял сознание, я услышал слова Деи Торис, которые вознаградили меня за все страдания.

Стоя перед гигантским тираном, который пальцами вцепился в ее руку, она указывала туда, где я боролся один против сотни воинов:

- Неужели ты думаешь, Салензий Олл, - кричала она, - что я, жена такого человека, как он, обесчещу его память, даже если он тысячу раз умрет, выйдя замуж за низшего смертного? Существует ли в мире другой человек, как мой муж? Существует ли другой человек, который бы пробился бы через всю планету, сражаясь с дикими животными и дикими людьми из-за любви к женщине? Я, Дея Торис, принадлежу ему навсегда. Он за меня сражался и завоевал меня. Если ты храбр, ты должен уважать его храбрость. Сделай из него раба, если хочешь, но пощади его жизнь! Я соглашусь быть женой такого раба, как он, чем королевой Окара!

- Ни королева, ни рабыня не осмеливаются приказывать Селанзию Оллу, - ледяным тоном ответил джеддак джеддаков. - Джон Картер умрет естественной смертью в "Яме Изобилия", и в тот день, когда он умрет, ты станешь моей женой.

Я не слышал ее ответа, потому что сильный удар в голову лишил меня сознания. Когда я пришел в себя, тронный зал уже опустел, и только горсть стражников стояла возле меня. Увидя, что я открыл глаза, они начали тыкать в меня мечами и приказали встать. Затем они повели меня по длинным коридорам во внутренний двор, находившийся в центре дворца. В середине двора была глубокая яма, у края которой стояло несколько других стражников, ожидавших меня. Один из них держал в руках длинную веревку, которую он начал разматывать при нашем приближении.

Мы были на расстоянии пятидесяти футов от этих воинов, когда внезапно я почувствовал странное пульсирование в одном из пальцев руки.

В первую минуту я не знал, чем это объяснить, но затем я вспомнил о кольце Талу, джеда Марентины. Я немедленно взглянул на группу людей, к которым мы приближались, и подняв левую руку к лицу, чтобы кольцо было заметно тому, кто его искал. Почти одновременно один из ожидавших воинов тоже поднял руку, как бы желая пригладить волосы и на одном из его пальцев я увидел такое же кольцо, как мое.

Мы бросили друг на друга быстрый взгляд, и затем я отвернулся и больше не глядел на него, чтобы не возбудить подозрений в других окарцах.

Мы достигли уже края ямы. Я заглянул в нее: она была очень глубока. Человек, который держал веревку, накинул ее на меня таким образом, чтобы ее можно было в любое время снять сверху. Затем все воины ухватились за нее, меня толкнули, и я свалился в зияющую пустоту.

После резкого рывка я повис на веревке, и они быстро, но осторожно, спустили меня на дно.

За минуту до того, как меня спихнули, пока двое или трое воинов были заняты обматыванием веревки вокруг меня, один из них шепнул мне на ухо:

- Мужайся!

Яма, которая представлялась бездонной моему воображению, имела на самом деле не более ста футов глубины, но стены ее были отполированы, как стекло. Без внешней помощи я не мог рассчитывать выбраться из нее.

Целый день я сидел в темноте. Затем внезапно блестящий свет осветил мою странную темницу. К этому времени я был порядочно голоден, так как не ел и не пил с предыдущего дня. К моему удивлению я увидел, что в стенах ямы, которые я считал гладкими, были полки, уставленные самыми изысканными яствами и напитками, которые только существуют в Окаре. Я возгласом радости подскочил к ним, чтобы выбрать себе что-нибудь съестное, но раньше, чем я достиг их, свет потух, яма снова погрузилась в темноту. Ощупью обошел я вокруг нее, но руки мои нащупали всюду ровную, гладкую поверхность стены, как и при первом моем осмотре темницы.

После того, как я увидел, что соблазнительные яства так близки от меня и, казалось, так доступны, я немедленно почувствовал приступ голода и стал безмерно страдать. Воцарилось молчание, только где-то во тьме прозвучал насмешливый хохот.

На следующий день ничего не случилось, что прервало бы монотонность моего заключения или облегчило бы мне голод. Понемногу мучения делались менее острыми, так как продолжительный голод и жажда ослабили деятельность некоторых нервов. Внезапно снова вспыхнул свет, и передо мной снова оказался целый ряд соблазнительных блюд, большие сосуды с чистой водой и бутылки с вином.

С бешенством голодного зверя я опять бросился вперед, чтобы схватить кушания, но опять, как и раньше, свет померк, и я очутился около гладкой поверхности стены. И снова прозвучал насмешливый хохот.

Яма изобилия!

Какой дьявол изобрел эту адскую пытку? День за днем повторялась та же история. Я был близок к умопомешательству. Тогда я сделал то, что сделал в подвале у вархунов - я взял себя в руки и подавил первые приступы безумия.

Огромным усилием воли я снова овладел своим помутившимся разумом и принудил себя к спокойствию. Мои усилия увенчались таким успехом, что когда в следующий раз зажегся свет, я остался спокойно сидеть и равнодушно смотрел на соблазнительные кушанья, которые были почти у меня под рукой. Я был очень рад, что мне это удалось, так как это дало мне возможность разрешить тайну исчезновения явств.

Видя, что я не двигаюсь, мои мучители оставили свет гореть в надежде, что я в конце концов не выдержу и снова потешу их своими бесплодными и отчаянными попытками. Но я сидел спокойно и спокойно смотрел на полки, ломившиеся под грудой яств. И я вдруг понял, в чем дело! Фокус был так прост, что я

дивился, как раньше не догадался. Стены моей темницы были из чистого стекла, и за ними были выставлены кушанья, причинявшие мне танталовы муки.

Прошло восемь дней. Я ослаб от жажды и голода, но не страдал; я уже прошел через полосу острого страдания. И вот, на девятый день, из темного мрака сверху к моим ногам упал небольшой сверток.

Равнодушно начал я искать его, думая, что это какое-то новое измышление моих тюремщиков, для того, чтобы увеличить мои страдания. Наконец, ощупью я набрел на него: это был маленький пакетик, обернутый в бумагу и висевший на конце тонкой, но крепкой бечевки. Я открыл его: на пол упало несколько лепешек... Я их собрал, ощупал, понюхал, и нашел, что это были галеты из концентрированной пищи, которые распространены во всех частях Барсума.

- Яд, вероятно, - подумалось мне.

Но что же из этого? Почему не положить сразу конец моим беспрерывным мучениям и тянуть еще несколько жалких дней в этой промозглой яме?

Медленно поднес я ко рту одну из галет.

- Прощай, Дея Торис! - прошептал я. - Я жил для тебя, я для тебя сражался, а теперь исполнится и другое мое желание - я умру за тебя! - и, взял кусок в рот, я его съел.

Я съел их все, один за другим. Это была самая вкусная пища, которую я ел за всю жизнь - по крайней мере, так мне тогда казалось. Я ел с убеждением, что эти невинные с виду галеты, содержат в себе, вероятно, зародыш какой-нибудь страшной мучительной смерти. Ожидая конца, я спокойно сидел на полу моей темницы, когда рука моя случайно коснулась бумаги, в которую были завернуты лепешки. Машинально взял я бумажку и стал ее складывать, перебирая в уме прошлое, переживая мысленно перед смертью многие счастливые моменты моей яркой и активной жизни, полной необычайных приключений. Внезапно я заметил на гладкой поверхности бумаги, похожей на пергамент, какие-то странные выпуклости.

Первое время эти выпуклости казались мне случайными и не имеющими значения, но затем я обратил внимание на их странную форму и почувствовал, что они образуют одну линию, строчку, как в письме. Заинтересованный этим открытием, я начал пальцами ощупывать их. Было четыре отдельных и ясно различимых комбинаций выпуклых линий. Неужели это было четыре слова и они предназначались мне?

Чем больше я об этом думал, тем становился возбужденнее. Мои пальцы с безумной нервностью двигались взад и вперед, ощупывая загадочные знаки на этом клочке бумаги.

Но мне никак не удавалось в них разобраться, и я наконец понял, что мое нервное состояние мешает мне разгадать тайну. Тогда я заставил себя водить рукой медленно и методично. Несколько раз пришлось мне обвести указательным пальцем первую из комбинаций.

Очень трудно объяснить словами марсианское письмо - это среднее между стенографией и иероглифами. Письменный язык марсиан совершенно другой, чем разговорный. На всем Барсуме принят один разговорный язык. Все расы, все нации говорят на нем, и в настоящее время он такой же, каким был в незапамятные времена, когда человеческая жизнь только начала зарождаться на этой планете. Вместе с ростом человеческих познаний и научных изобретений рос и язык, но его построение так остроумно, что новые слова для выражения новых мыслей образуются сами собой. Ни одно слово не могло бы лучше объяснить вещь, как именно то слово, которое естественно составляется из понятий, и поэтому, как бы далеки не были две нации или расы, их разговорный язык совершенно одинаков.

Но не так обстоит дело с письменами. На Барсуме не существует двух наций, которые имели бы одинаковый письменный язык. Часто даже города одной нации пользуются различными письменами. Поэтому мне и было так трудно разгадать выпуклые знаки на бумаге. Но наконец я разгадал первое слово. Это было "мужайся", и оно было написано марентинскими знаками.

Мужайся! Это было слово, которое прошептал мне на ухо желтый стражник, когда я стоял у ямы изобилия! Весть была от него, и я знал, что он был мне другом!

Окрыленный надеждой, я принялся разбирать остальные слова, и, наконец, мои труды увенчались успехом; я прочел следующее:

- "Мужайся! Следуй за веревкой!"

XII.

"СЛЕДУЙ ЗА ВЕРЕВКОЙ"

Что бы это могло означать?

"Следуй за веревкой". Какая веревка?

Я вспомнил о бечевке, которая была привязана к пакету, и ощупью снова нашел ее. Она свешивалась откуда-то сверху, и когда я подергал ее, я увидел, что она прикреплена к чему-то у отверстия ямы.

Осмотрев веревку, я заметил, что она хоть и тонкая, но могла выдержать тяжесть человека. Потом я сделал другое открытие: на высоте моей головы было прикреплено еще одно письмо. Эту записку я дешифровал гораздо скорее - я уже имел ключ.

- "Возьми веревку с собой. За узлами - опасность".

Это было все. Очевидно, вторая записка была составлена наспех и представляла, так сказать, постскриптум первой.

Я не терял времени после ее прочтения. Хотя и не совсем ясно понял значение последнего наставления "за узлами - опасность", я видел, что передо мной путь к спасению, и чем скорее я им воспользуюсь, тем вероятнее смогу завоевать себе свободу.

Во всяком случае, мне трудно было попасть в худшее положение, чем то, в котором я был.

Однако, прежде чем выбраться из этого проклятого колодца, мне пришлось убедиться, насколько мое бегство было своевременным. Когда я взобрался по веревке на высоту пятидесяти футов, мое внимание было привлечено шумом наверху. К моему отчаянию, крышка ямы была отодвинута и при дневном свете я различил наверху несколько желтых воинов.

Неужели я поднимаюсь только для того, чтобы попасть в новую ловушку? Неужели письма - подложные, присланные с провокационной целью? И вот в ту минуту, когда меня уже покинула всякая надежда, я увидел следующее.

Во-первых, тело огромного рычащего апта, которого осторожно спускали через край колодца по направлению ко мне, а во-вторых, отверстие в стене почти на той же высоте, где я был и куда вела моя веревка..

Я только успел вползти в темное отверстие, когда апт спустился мимо меня. Он протянул ко мне свои огромные лапы, щелкнул челюстями, выл и рычал самым страшным образом.

Теперь я увидел, какой конец приготовил мне Салензий Олл! После мучительной пытки голодом, он приказал спустить апта в мою темницу, чтобы закончить дело.

А затем другая мысль осенила меня - я прожил девять дней из тех положенных десяти, которые должны были пройти раньше, чем Салензий Олл мог сделать Дею Торис своей женой. Апт должен был обеспечить мою смерть до десятого дня.

Я почти громко рассмеялся при мысли о том, как ошибся в расчетах Салензий Олл. Ведь апт даже скорее способствовал

моему спасению! Когда мои враги увидят на дне ямы одного апта, они, конечно, подумают, что он сожрал меня целиком, а потому никто не будет подозревать о моем бегстве, и я не должен буду опасаться погони!

Подняв веревку, которая довела меня до отверстия, я смотал ее. Тут я заметил, что веревка тянулась еще дальше вперед, и я понял тогда значение слов "следуй за веревкой".

Туннель, по которому я полз, был низок и темен. Я прополз, должно быть, несколько сот футов, когда нащупал под руками узел. "За узлами - опасность" - вспомнил я предостережение.

Теперь я двигался с величайшей осторожностью, и через минуту крутой поворот привел меня к двери в большое, блестящее освещенное помещение.

Ввиду того, что пол туннеля все время слегка подымался, я решил, что помещение передо мною должно находиться или в первом этаже дворца, или непосредственно под ним.

На противоположной стене висело много странных инструментов, а в середине комнаты стоял длинный стол, за которым сидели два человека, занятые серьезным разговором.

Тот, кто кто сидел лицом ко мне, был желтым человеком - маленький, дряблый старикашка с большими глазами. Его собеседник был чернокожий, и мне не нужно было видеть его лица, чтобы угадать, что это был Турид, так как другого перворожденного к северу от ледяного барьера не было.

Когда я подполз ближе, то услышал голос Турида. Он говорил:

- Солан, поверь мне, риска здесь нет никакого, а награда будет большая. Ты же ненавидишь Салензия Олла и всегда говоришь, что не может тебе доставить большего удовольствия, чем расстроить какой-нибудь план, лелеимый им. А ведь сейчас его самое страстное желание - это взять в жены прекрасную Дею Торис. Но я надеюсь, что с твоей помощью я сумею овладеть ею. Подумай! От тебя ничего другого не требуется, как уйти на минуту из этой комнаты, когда я подам тебе знак. Я сам сделаю все остальное, а потом ты сможешь вернуться и поставить большую стрелку на место, - и все будет по прежнему. Мне нужен час - один час времени, чтобы выбраться благополучно за пределы дьявольской силы, которой ты управляешь из этой комнаты.

Посмотри, как просто, - и с этими словами черный датор встал со своего стула, прошел через комнату и положил руку на большой полированный рычаг, выступающий из стены.

- Нет! Нет! - закричал старичок с диким визгом, подскочив к нему. Только не это! Это кран от резервуаров с солнечными

лучами. Если ты повернешь его слишком далеко, вся Кадабра окажется спаленной жарой, прежде чем я успею повернуть его обратно. Ступай прочь! Ты не понимаешь, чем ты играешь! Вот рычаг, который нужен тебе. Заметь себе хорошенько - белый знак на его черной поверхности.

Турид внимательно осмотрел рукоятку рычага.

- А, магнит! - сказал он, как бы про себя. - Запомню. Значит, решено, ты согласен, - вновь обратился он к старику.

Тот колебался. На его далеко не прекрасном лице сменялись выражения страха и алчности.

- Удвой сумму, - сказал он наконец. - Даже и тогда она будет слишком мала в сравнении с услугой, которую ты просишь. Ведь я рискую своей жизнью, даже просто принимая тебя здесь, в этих запретных пределах моей станции. Узнай об этом Салензий Олл, он бросил бы меня аптам раньше, чем сядет солнце!

- Ты сам прекрасно знаешь, Солан, что он никогда не посмеет сделать это! - возразил черный. - В твоих руках слишком большая сила, чтобы держать в своих руках жизнь и смерть Окара, и Салензий Олл не рискнет даже угрожать тебе смертью. Прежде чем его слуги коснуться тебя, ты можешь схватить вот этот самый рычаг, от которого ты меня предостерегал, и уничтожить весь город.

- И себя самого в придачу, - сказал Солан, содрогнувшись.

- Во всяком случае, если бы тебе нужно было умереть, ты нашел бы в себе мужество сделать это!

- Да, - пробормотал Солан, - я часто так думал. Ну, так как же, перворожденный, стоит ли принцесса той цены, которую я прошу за услугу, или ты хочешь уйти без нее и видеть ее завтра вечером в объятиях Салензия Олла?

- Ты получишь, сколько требуешь, желтолицый, - выругавшись, ответил Турид. - Половину - теперь, остальное, когда исполнишь договор.

С этими словами датор швырнул на стол туго набитую денежную сумку.

Солан открыл сумку и дрожащими руками пересчитал ее содержимое. Глаза его горели от алчности. Его нечесанная борода и усы нервно подергивались вместе с мускулами рта и подбородка. Видно было, что Турид правильно понял его слабую сторону: каждое движение его крючковатых пальцев говорило об алчности.

Удостоверившись, что сумма была правильная, Солан всыпал деньги обратно в сумку и поднялся из-за стола.

- Ну, а теперь, - сказал он, - уверен ли ты, что знаешь путь к свободе? Ты должен дойти до пещеры и затем оттуда к великой силе не более, чем в час; больше этого времени я дать не могу.

- Я повторю тебе путь, - сказал Турид, - чтобы ты видел, что я знаю его.

- Говори! - ответил Солан.

- Мне нужно выйти через эту дверь, - начал Турид, указывая на дверь в дальнем конце помещения. - Потом я пойду по коридору, пройду мимо трех боковых коридоров по правую руку и заверну в четвертый правый коридор. Оттуда следует идти до того места, где повстречаются три коридора, потом опять пойду по правому коридору плотно держась левой стенки, чтобы не попасть в колодец. В конце коридора будет винтовая лестница, по которой я должен идти вниз, а не наверх. После этого - путь совсем прямой. Правильно?

- Все правильно, датор, - ответил Солан, - а теперь уходи скорее! Ты уже и то искушал судьбу, оставаясь так долго в запретном месте.

- Значит, сегодня ночью или завтра жди сигнала, - сказал Турид, вставая.

- Сегодня ночью или завтра, - повторил Солан.

Когда дверь закрылась за гостем, старик вернулся к столу, продолжая что-то бормотать. Он снова высыпал содержимое денежной сумки и долго перебирал кучу блестящих монет. Он укладывал их в столбики, считал, пересчитывал, любовался своим богатством, и в то же время что-то вполголоса напевал.

Но затем пальцы перестали играть монетами, глаза его устремились на дверь, через которую вышел Турид, и расширились еще больше. Благодушное мурлыканье перешло в сердитое бормотание, а затем в злобное шипение.

Старик выскочил из-за стола и потряс кулаком по направлению к закрытой двери. Он заговорил громче, и его слова ясно донеслись до меня.

- Вот дурак! - бормотал он. Неужели ты воображаешь, что Солан отдаст жизнь за твое счастье? Ведь если ты убежишь, то Салензий Олл будет знать, что ты смог бежать только при моем содействии! Тогда он пошлет за мной. И что же ты посоветуешь мне сделать? Превратить город и себя в пепел? Ну нет, голубчик! Я знаю способ получше: и деньги свои сохраню, и отомщу Салензию Оллу.

Он хихикнул подленьким смешком.

- Несчастный дурак! Верти, верти большую стрелку, которая должна дать тебе доступ к свежему воздуху, а затем отправляйся

со своей краснокожей принцессой к свободной смерти. Что может помешать Солану переставить стрелку на то же место, которое она занимала до того, как ты тронул ее своими гнусными руками? Ничто! И тогда Страж Севера потребует тебя и твою женщину, а Салензий Олл, увидя ваши мертвые тела, догадается, что вы хотели бежать.

Затем его речь снова перешла в неясное бормотание, которого я не мог понять, как ни напрягал слух, но я уже слышал достаточно и мог на основании слышанного догадываться о многом. Как мне было благодарить провидение, приведшее меня в эту комнату как раз в то время, когда обсуждалось дело, имевшее такое огромное значение для Деи Торис и меня!

Мне нужно было пройти мимо старика. Веревка, почти невидимая на полу, тянулась прямо через помещение к двери в дальнем углу.

Другого пути я не знал, да и не мог ослушаться приказа моего неизвестного друга: "Следуй за веревкой!". Значит пройти через комнату нужно было до зарезу, но каким образом совершить это так, чтобы меня не увидел старик - этого я никак не мог представить!

Конечно, я мог бы наброситься на него и голыми руками принудить его к вечному молчанию, но это не входило в мои планы. Я слышал достаточно, чтобы извлечь пользу из моих сведений. Убить старика было для меня скорее вредно. Его место занял бы другой, и Турид не пришел бы сюда с Деей Торис, как он намеревался.

Я прятался в тени туннеля, ломая голову над изобретением какого-нибудь исполнимого плана, и в то же время зорко следил за каждым движением старика. Он взял денежную сумку и пошел в другой угол комнаты, где, встав на колени, начал возиться с панелью в стене.

Я сразу догадался, что здесь был тайник, в котором он хранил свои сокровища.

Пока он стоял наклонившись, спиной ко мне, я вошел на цыпочках в комнату и начал красться к противоположной стене, надеясь достигнуть ее раньше, чем он кончит укладывать свои деньги.

Мне нужно было пройти всего тридцать шагов, но моему расстроенному воображению казалось, что до двери целые мили. Наконец я достиг ее, ни разу не отведя взгляда от старого скряги, который все еще копошился в углу.

Моя рука легла уже на кнопку двери, когда он встал и повернулся, но в противоположную от меня сторону. Я вышел и осторожно прикрыл дверь.

В коридоре я остановился и приложил глаз к скважине, чтобы убедиться, что он ничего не заметил. Все было тихо. Я повернулся и пошел по коридору, следуя за веревкой и наматывая ее по мере того, как я продвигался вперед.

Веревка обрывалась у места, где встречались пять коридоров. Что мне было делать? Какой дорогой идти? Я был поставлен в тупик.

Мне пришло в голову тщательно осмотреть конец веревки. Она оказалась перерезанной!

Мозг усиленно работал, как всегда в минуты опасности. Я вспомнил слова записки о том, что за узлами ждет опасность, и пришел к убеждению, что веревка перерезана уже после того, как мой друг протянул ее для моего руководства. Я прошел только один узел, а между тем по всей длине веревки были, очевидно, два узла или больше.

Положение мое было незавидное: я не знал, каким коридором идти и где меня ожидает опасность. Ничего не оставалось, как выбрать наугад один из коридоров, потому что я, очевидно, ничего не выигрывал, оставаясь на месте.

Я выбрал центральный коридор и с трепетным сердцем вошел в полумрак. Пол туннеля быстро поднимался, и минуту спустя коридор оборвался перед тяжелой дверью.

До меня не доносилось никаких звуков, и я со своей обычной смелостью толкнул дверь... и оказался в комнате, наполненной желтыми воинами.

Первый воин, увидевший меня, изумленно открыл глаза, и в то же время я почувствовал в своем пальце пульсирование, указывающее на присутствие друга. Десять других воинов сразу признали меня, так как все они принадлежали к дворцовой страже, и все одновременно бросились в мою сторону.

Первым подбежал ко мне обладатель таинственного кольца и, близко подойдя ко мне, шепнул: "Сдайся мне!", а затем, размахивая передо мной двумя мечами громко закричал:

- Белый человек, ты мой пленник!

И Джон Картер покорно сдался, сдался одному противнику! Остальные окружили нас, осыпая меня вопросами, но я никому не отвечал, и наконец тот, кто забрал меня в плен, объявил, что он отведет меня назад в мою темницу.

Начальник приказал нескольким другим воинам сопровождать его, и мы отправились обратной же дорогой, по которой я

только что пришел. Мой друг шел рядом со мной и задавал мне такие неинтересные вопросы о стране, откуда я прибыл, что его товарищи скоро перестали обращать внимание на его болтовню.

Постепенно он понижал голос, так что наконец стал говорить со мной шепотом, не обращая на себя ничьего внимания. Хитрость была придумана очень умно и доказывала, что Талу не ошибся в способностях этого человека, назначив его на такой ответственный пост.

Когда он вполне убедился, что другие стражники не слушают нашего разговора, он спросил меня, почему я не следовал за веревкой. Я ему ответил, что веревка, вероятно, оборвалась. Он предположил, что кому-нибудь просто понадобился кусок веревки, и он его срезал.

- Здешний народ глуп и ни за что не догадался бы о ее назначении, - добавил он.

Когда мы достигли того места, откуда расходились пять коридоров, мой марентинский друг сумел устроить так, что мы с ним вдвоем оказались позади остальных; тогда он остановился и прошептал:

- Беги в первый коридор направо! Он ведет в сторожевую башню южной стены. Я направлю погоню в следующий коридор.

С этими словами он толкнул меня в темный проход туннеля, а сам упал на пол, громко крича и притворяясь, что я его сильно ударил.

Позади меня раздались возбужденные голоса стражников, но постепенно они слышались слабее и слабее. Шпион Талу повел их по ложному пути.

Если бы кто-нибудь видел в то время, как я несся по темным подпочвенным проходам дворца Салензия Олла, то вероятно удивился бы, что лицо мое, несмотря на серьезность положения, расплывалось в широкую улыбку при воспоминании о ловкой проделке стражника.

Коридор, по которому я бежал, шел прямо на значительное расстояние и оканчивался у винтовой лестницы. Я взбежал наверх и оказался в круглом помещении первого этажа башни.

Двенадцать красных рабов сидели тут и были заняты починкой и полировкой оружия желтых людей. Стены комнаты были сплошь увешаны сотнями мечей, кинжалов и металлических дротиков. Это был, очевидно, арсенал. Только три желтых воина охраняли рабочих.

Я одним взглядом охватил всю сцену. Здесь было оружия в изобилии! Здесь были мускулистые красные воины, чтобы владеть им!

И сюда входил Джон Картер, который нуждался и в оружии, и в воинах!

Когда я шагнул в помещение, стражники и пленники сразу взглянули на меня. У самого входа висели мечи, и когда моя рука схватила рукоятку одного из них, я разглядел лица двух пленников, работавших бок о бок.

Один из стражников бросился ко мне.

- Кто ты? - вскричал он. - Что тебе нужно?

- Я пришел за Тардос Морсом, джеддаком Гелиума и за его сыном, Морс Каяком, - громко сказал я, указывая на двух красных пленников, которые вскочили и с изумлением смотрели на меня.

Все остальные пленники были гелиумцы, захваченные желтолицыми.

- Подымайтесь, красные люди! Оставим память о себе во дворце тирана Окара! Запечатлеем наши имена в истории Кадабры на славу Гелиума!

Первый стражник набросился на меня, и бой закипел. Но едва он начался, я к ужасу заметил, что красные воины не могут прийти мне на помощь; крепкие цепи приковывали их к полу!

XIII.

МАГНИТНАЯ СТРЕЛКА

Стражники не обращали никакого внимания на своих пленников, потому что красные люди не могли двигаться дальше чем на три фута от больших колец, к которым они были прикованы.

Поэтому их мало смутило, что каждый из красных схватил оружие, над которым работал в ту минуту, как я вошел, и стоял готовый присоединиться ко мне, если бы только мог.

Желтолицые обращали все свое внимание на меня и вскоре должны были убедиться, что их трое не слишком много, чтобы защищать арсенал от одного Джона Картера. Будь у меня в этот день мой собственный меч, я бы еще больше удивил их, но даже и так, с непривычным оружием желтых людей, я им себя показал!

Первое время мне пришлось старательно увертываться от коварных крюков, но минуты через две, когда мне удалось сорвать со стены второй прямой меч, и употребить его для отпарирования крюков моих противников, я почувствовал себя более уверенно.

Все трое набросились на меня сразу одновременно, и не будь исключительного счастливого обстоятельства, мне скоро наступил бы конец. Я был уже приперт к стене: стоящий передним стражник сделал выпад в мою сторону своим крюком, но я отскочил и поднял руку, так что его оружие, слегка коснувшись моего бока, попало в кучу дротиков, стоявших у стены, и завязло в них.

Я проткнул этого воина мечом, прежде чем он освободился, а затем пустил в ход тактику, которая не раз спасала меня в горячих схватках. Я набросился на двух оставшихся воинов, тесня их назад и осыпая градом ударов, пока наконец не нагнал смертельного страха.

Один из них стал звать на помощь, но было уже поздно. Они были в моих руках. Я гонял их вокруг арсенала, пока не подогнал к прикованным, но вооруженным рабам. В одну минуту оба лежали мертвыми на полу.

Их крики о помощи были, однако, не совсем напрасными. Вскоре я услышал ответные крики, топот бегущих людей, звон оружия и командные призывы начальников:

- Дверь! Живее дверь, Джон Картер! - вскричал Тардос Морс. - Живее загороди дверь!

Через дверь был виден двор и на нем показалась уже мчащаяся к нам стража. Через несколько секунд они будут в башне. Одним прыжком очутился я у тяжелой двери и с громким треском захлопнул ее.

- Засов! - заорал Тардос Морс.

Я старался задвинуть огромный засов, но он не поддавался.

- Приподними его, чтобы он попал в защелку! - закричал один из красных.

Я слышал, как желтые воины бежали по плитняку у самой двери. Засов приподнялся и захлопнулся в тот миг, когда передний из стражников толкнул дверь с противоположной стороны.

Засов держался! Я поспел вовремя, но только на секунду опередив воина...

Теперь я обратил свое внимание на пленников.

Я подбежал к Тардосу Морсу и спросил его, где ключи от их цепей.

- У начальника стражи, - ответил джеддак Гелиума, - а он среди тех, которые штурмуют.

Придется перерубить оковы.

Большинство пленников уже работали над этим. Желтые люди таранили дверь дротиками и топорами. Я нагнулся над цепью Тардос Морса и попытался перерезать ее острым мечом, а в это время в дверь так и сыпались удары.

Наконец мне удалось перерубить одно звено и освободить Тардос Морса, но небольшой кусок цепи продолжал болтаться на его ноге.

Обломок дерева, отколовшийся от двери, показал нам, что враг скоро вторгнется к нам. Тяжелая дверь дрожала и гнулась под бешеным напором рассвирепевших желтолицых.

Красные разрубили свои оковы, в арсенале стоял оглушительный грохот. Как только Тардос Морс освободился, он начал помогать другим пленным, а я принялся за освобождение Морса Каяка. Мы должны были очень поторопиться, если хотели перерубить оковы до того времени, как поддастся дверь. Уже одна панель треснула, и кусок упал внутрь. Морс Каяк кинулся к отверстию, чтобы задержать наступавших, пока мы не освободили остальных. Он схватил со стены дротик и нанес им страшное опустошение в передних рядах желтолицых. Пока мы сражались по ту сторону металлических дверей, положение еще не было особенно серьезным.

Наконец все пленники были свободны, кроме одного, но в это время железная дверь с грохотом упала под могучими ударами тарана.

- Бегите в верхние комнаты! - закричал красный, все еще прикованный к полу. - Бегите в верхние комнаты! Там вы сможете защитить башню против всей Кадабры! Не задерживайтесь из-за меня. Я не могу желать себе лучшей смерти, чем умереть за Тардос Морса и Джона Картера!

Но я не хотел покинуть ни одного красного человека, и в особенности этого героя, который просил нас оставить его.

- Рубите его цепи! - приказал я двум гелиумцам, - а мы постараемся задержать врага!

Теперь нас было десять, и я ручаюсь, что древняя башня Кадабары не видела в своих мрачных стенах более горячего боя.

Первая ворвавшаяся толпа желтолицых отхлынула под ударами мечей десяти ветеранов Гелиума. Дюжина трупов окарцев загородила дверь, но через этот страшный барьер хлынул новый отряд, издавая дикие крики.

Мы встретились на этом валу из тел, и закипел рукопашный бой. Иногда было так тесно, что мы не могли размахнуться, тогда мы кололи кинжалом. К страшным крикам окарцев примешивался теперь боевой клич: "За Гелиум!", клич который в течение бесчисленных веков воодушевлял на подвиги храбрых героев Гелиума.

Последний из красных людей был наконец освобожден. Нас было теперь тринадцать, и мы бодро встретили новый натиск

солдат Салензия Олла. Среди нас вряд ли можно было найти хотя одного, у которого не бежала бы кровь из ран, но никто из нас пока не пал.

Через дверь было видно, как все новые и новые силы врагов вливались во двор, а из нижнего коридора, через который я вошел в арсенал, доносились вопли и звон оружия. Через минуту мы были бы атакованы с двух сторон, и несмотря на всю нашу доблесть, мы не могли рассчитывать выдержать неравный бой, тем более, что нам пришлось бы сражаться на два фронта.

_ Наверх! - громовым голосом вскричал Тардос Морс, и минуту спустя мы начали отступать к винтовой лестнице, ведущей в верхний отдел.

Но желтолицые успели ворваться в арсенал и бешено кинулись нам наперерез. Тогда один из нас пал. Это был храбрый воин, потеря которого тяжело легла на наш маленький отряд. Мы все же пробились к лестнице и бросились наверх. Я остался внизу, чтобы сдерживать врага и дать нашим время добраться до верхнего этажа.

В тесном проходе винтовой лестницы воины могли нападать на меня только поодиночке, так что было нетрудно их удерживать. Затем, медленно отступая перед ними, я начал задом подниматься по лестнице.

Весь путь до верхнего этажа башни теснили меня желтые стражники. Стоило одному пасть под ударом моего меча, другой вырастал за ним, карабкался через мертвого товарища и занимал его место.

Так отступая шаг за шагом, я дошел до огромной сторожевой башни Кадабры, стены которой были из стекла.

Мои товарищи столпились около лестницы, чтобы занять мое место и дать мне короткую передышку. Пока они отражали неприятеля, я отошел в сторону.

С башни расстилался вид на несколько десятков миль в каждую сторону. К югу до самого снежного барьера тянулась белая пустыня. На востоке, западе и очень далеко на севере неясно маячили контуры других окарских городов, а совсем близко передо мной, как раз за стенами Кадабары, высился мрачный магнитный столб.

Затем я бросил рассеянный взгляд на улицы города. Каковы же были мои изумление и радость, когда я увидел, что город охвачен внезапной паникой! Кое-где сражались, а за городскими стенами шли на приступ большие колонны вооруженных войск. Атака, вероятно, направлялась на ближайшие ворота.

Я подбежал ближе к стеклянной стене сторожевой башни, едва смея верить глазам. Но сомнений быть не могло, и я испустил радостный крик, который странно прозвучал среди проклятий и рева сражающихся людей.

Громко подозвав Тардоса Морса, я указал ему вниз на улицы Кадабры и на приближающиеся войска, над которыми в морозном полярном воздухе развевались знамена Гелиума.

Минуту спустя все мои товарищи попеременно наслаждались видом этой необычной картины, и старая башня огласилась такими радостными криками, какие не раздавались в ней за все время ее существования.

Но позже мы должны были продолжать сражаться! Хотя наши войска и вступили в Кадабру, но город был еще далек от капитуляции и дворец держался.

Мы разделились на две смены, и пока одна отражала неприятеля, упорно лезшего по узкой лестнице, другая наслаждалась видом наших доблестных соотечественников, сражавшихся далеко под нами.

Вот они бросились на дворцовые ворота! Подвезены огромные тараны, чтобы пробить брешь в крепких стенах. А вот их отбивают посредством смертельного града дротиков, пущенных со стены!

Снова бросаются они в атаку, но желтолицые целой лавиной скатываются со стены. Вылазка удается им, и они опрокидывают передние ряды штурмующих. Люди Гелиума отступают под напором превосходящих сил противника.

Дворцовые ворота широко распахиваются, и отряд личной гвардии джеддака, цвет окарской армии, устремляется вперед, чтобы добить расстроенные полки гелиумцев. Кажется, ничто уже не может предотвратить полное поражение; но вот появляется благородная фигура верхом на могучем тоте - не маленьком тоте красных людей, а на одном из огромных полудиких тотов высохшего морского дна.

Стройный воин прорубает себе дорогу к фронту сквозь гущу врагов, а за ним собирается ободрившееся войско Гелиума. Он высоко поднимает голову, и я вижу его лицо. Сердце мое трепещет от гордости и счастья, когда красные воины кидаются следом за своим вождем и отвоевывают обратно позицию, которую только что потеряли. Вождь на могучем тоте - мой сын. Карторис из Гелиума.

Рядом с ним сражается огромная марсианская военная собака, и я с первого взгляда узнаю Вулу - верного Вулу, который так

хорошо исполнил свое рискованное поручение и так вовремя привел помощь.

Вовремя ли?

Быть может, они все-таки опоздали, чтобы спасти нас, но во всяком случае смогут отомстить! Непобедимая гелиумская армия воздаст по заслугам окарцам! Я невольно вздохнул при мысли, что мне может быть, не суждено дожить до этой минуты.

Я снова повернулся к окну. Красные не прорвались еще сквозь внешние дворцовые стены, но храбро бились с лучшими воинами Окара, которые ожесточенно отстаивали каждую пядь земли.

Мое внимание было привлечено движением за городской стеной, где появился новый корпус воинов, намного превосходящих ростом красных людей. Это были огромные зеленые союзники Гелиума - дикие кочевники с высохшего морского дна далекого юга.

В мрачном молчании неслись они к воротам. Бесшумно двигались их огромные тоты. Когда они ворвались в обреченный город и повернули на площади ко дворцу джеддака ждеддаков, я увидел впереди их могучую фигуру моего верного друга - Тарс Таркаса, джеддака тарков.

Мое желание, значит, было исполнено! Я снова вижу в бою моего старого друга, и хотя мне не придется сражаться с ним плечом к плечу, я все же сражаюсь здесь, в башне Окара, за то же дело, что и он!

В узкой комнате сторожевой башни бой тем временем не прекращался ни на минуту. Наши враги были неутомимы. Прибывали все новые и новые силы и протискивались через горы тел, нагроможденных у входа. Иногда наступало краткое затишье, во время которого они оттаскивали трупы, после чего свежие воины снова бросались вперед, чтобы испить чашу смерти!

Настала моя очередь защищать вместе с другими вход в наше убежище, когда Морс Каяк, наблюдавший за уличным боем, испуганно вскрикнул. В его голосе звучал такой ужас, что я сразу кинулся к нему, оставив на своем месте заместителя. Он указал мне на снежную пустыню в южном направлении.

- Боже! - вскричал он. - Какой ужас видеть, что их ожидает страшная судьба, и не быть в состоянии предупредить их или помочь!

Я взглянул по тому направлению, которое он указал, и увидел могучий воздушный флот, который величественно плыл к Кадабре из-за ледяного барьера. Корабли летели вперед со все увеличивавшейся скоростью.

- Зловещий столб, который они называют Стражем Севера, уже тянет их к себе, - печально сказал Морс Каяк. - Он так же притянул Тардос Морса и его флот. Смотри на жалкие обломки нашей славной экспедиции - это мрачный памятник могучей силе разрушения, которую ничто не может остановить!

Я увидел столб и обломки, и перед моим мысленным взглядом внезапно встала иная картина: я вспомнил о потайном помещении в подвале, по стенам которого были размещены сложные приборы и рычаги. В середине стоял длинный стол, а за ним сидел маленький старикашка с выпученными глазами и жадно пересчитывал деньги; но яснее всего я видел большую стрелку на стене, на черной ручке которой был белый знак.

Я взглянул на быстро приближающийся флот. Через пять минут могучая армада погибнет, и обломки ее усеют подножие столба. Желтая орда будет выпущена из городских ворот и набросится на тех немногих, которые переживут крушение; затем настанет черед аптов. Я содрогнулся при этой мысли, потому что живо представил себе всю страшную сцену.

Я решаю всегда быстро и быстро действую. Импульс, который двигает мною, и само действие, происходят у меня почти одновременно, и если мой разум и принимает участие в решении, то это делается, вероятно, так бессознательно, что я этого не замечаю.

При настоящих условиях быстрота была первым условием успеха дела, на которое я решился.

Сжав крепче мой меч, я закричал гелиумцам, стоявшим у винтовой лестницы, посторониться.

- Дорогу Джону Картеру! - заорал я, и прежде чем пораженные желтые люди, стоящие на верхних ступеньках, успели опомниться, я бросился вниз, как взбесившийся бык, на тех, которые стояли поодаль.

- Дорогу Джону Картеру! - кричал я, - пробивая себе путь сквозь толщу пораженных стражников Саленздя Олла.

Руля направо и налево, я спускался все ниже и ниже, пока наконец перепуганный отряд желтолицых, предполагая, что на них нападет целая армия, не повернул и не бросился в бегство.

Войдя в арсенал, я нашел его пустым - так что никто не видел, как я повернул к нижнему коридору.

Здесь я помчался со всех ног по направлению к пяти углам, а затем бросился по коридору, который вел на станцию старого скряги.

Я ворвался в комнату, как вихрь. Старик спокойно сидел за столом. Увидев меня, он вскочил и выхватил меч.

Не удостаивая его взглядом, я прыгнул к большой стрелке, но каково же было мое изумление, когда я увидел, что старикашка очутился здесь раньше меня!

Не понимая, как он сумел сделать это, и невероятно, чтобы марсианин мог превзойти быстроту моих земных мускулов!

Как тигр бросился он на меня, и я понял тогда, почему Солан был избран на такой ответственный пост.

Никогда за всю мою жизнь не приходилось мне видеть такого искусства и такого сверхъестественного проворства, как в этом старике! Он, казалось, был в сорока местах одновременно, и прежде чем я понял, какого опасного соперника имею перед собой, он чуть не уложил меня.

Странно, как новые и неожиданные условия вызывают в человеке неожиданные способности бороться с ними!

В этот день в потайной комнате под дворцом Салензия Олла я впервые узнал, что значит искусство биться на мечах, и узнал, какого мастерства я могу добиться в этом, если противником моим является такой колдун, как Солан.

Вначале преимущество было явно на его стороне, но затем мои скрытые способности вышли наружу, и я начал биться так, как мне и не снилось, что человеческое существо может так биться.

Мне всегда казалось мировым бедствием, по крайне мере, с точки зрения Барсума, где кровавый поединок имеет такое большое значение, что этот блестящий, единственный поединок произошел где-то в подвале, без единого свидетеля, который мог бы оценить его!

Я сражался за то, чтобы передвинуть стрелку, Солан - за то, чтобы помешать мне, и хотя мы стояли не более чем в трех футах от стрелки, я не мог подвинуться к ней ни на дюйм, а он не мог ни на один дюйм отодвинуть меня. Так прошли первые пять минут поединка.

Я знал, что если в следующие несколько секунд мне не удастся передвинуть стрелку - флот погибнет. Поэтому я пустил в ход все лучшие наступательные приемы. Но я мог с таким же успехом нападать на стену - Солан не трогался с места, а я сам едва не напоролся на острие его меча.

Но право было на моей стороне, и я думаю что это чувство всегда дает человеку большую уверенность и силу в борьбе.

У меня такая уверенность была. Когда я снова напал на Солана, я был убежден, что он должен будет повернуться, чтоб отразить мой удар. И я не ошибся - он действительно повернулся,

повернулся так, что большая стрелка оказалась на расстоянии вытянутой руки от меня.

Оставить грудь без защиты хотя бы на один миг - означало мгновенную смерть, но рискнуть было нужно: ведь только таким способом можно было спасти целый флот, летевший к гибели. И вот, я протянул свой меч в сторону и острием его повернул большую стрелку.

Солан был так поражен, и пришел в такой ужас, что забыл нанести мне удар. Вместо того он повернулся к стрелке с громким визгом, но это был последний крик: раньше, чем рука его дотронулась до рычага, острие моего меча пронзило его сердце.

XIV.

БОЙ В ТРОННОМ ЗАЛЕ

Однако предсмертный крик Солана не прошел без последствий: минуту спустя дюжина стражников ворвалась в комнату. К счастью, я уже успел так согнуть большую стрелку, что привел ее в полную негодность.

Приход стражников принудил меня скрыться в первый попавшийся коридор. К моему разочарованию, это оказался проход, мне совершенно незнакомый.

Стражники, вероятно, слышали, или догадались, каким коридором я пошел, потому что, едва я пробежал сотню шагов, как услышал за собой шум погони. Задержаться здесь и сражаться с этой кучкой людей, когда в городе шло большое сражение! Там я был гораздо более нужен! Меня брала страшная досада.

Погоня все приближалась, и так как я совсем не знал дороги, то вскоре увидел, что меня все равно нагонят, если мне не удастся где-нибудь спрятаться. Я хотел дать им пройти, а затем вернуться той дорогой, которой пришел, достигнуть башни, или, если возможно, пробраться на городские улицы.

Коридор круто поднимался вверх, а затем шел ровно и прямо на большое расстояние. Он был хорошо освещен, и если бы мои преследователи достигли этого места, они неминуемо увидели бы меня и я уже не успел бы скрыться.

По обе стороны коридора был ряд дверей, и так как все они были одинаковы, то я попробовал войти наудачу в первую из них. Я очутился в небольшой комнате, богато обставленной, которая,

очевидно, служила прихожей к какому-нибудь приемному залу дворца.

На противоположной стороне была дверь, завешанная тяжелым занавесом, и из-за нее доносился шум голосов. Я прошел через комнату и, раздвинув занавес, заглянул в зал.

Передо мной оказалась группа в человек пятьдесят придворных, нарядно одетых, стоявших перед троном, на котором сидел Салензий Олл. Джеддак джеддаков обращался с речью к своим подданным:

- Назначенный час пришел, - услышал я, подойдя к занавесу, - и хотя враги Окара в стенах города, ничто не остановит воли Салензия Олла! От большой церемонии придется отказаться, чтобы не снимать ни одного лишнего человека с позиций, и только пятьдесят свидетелей, требуемых обычаем, будут присутствовать на провозглашении новой королевы Окара. Все будет устроено в одну минуту, и мы вернемся на поле битвы, а новая королева сможет с высоты башни смотреть на уничтожение своих бывших соотечественников и на величие своего повелителя.

Затем, повернувшись к одному из придворных, он тихим голосом отдал ему какой-то приказ.

Придворный поспешил к небольшой двери в дальнем конце зала и, распахнув ее, торжественно провозгласил:

- Дорогу Дее Торис, будущей королеве Окара!

В дверях появились два дюжих стражника, таща за собой отбивающуюся "невесту". Руки несчастной были закованы на спине, очевидно, с целью предотвратить самоубийство.

Ее растрепавшиеся волосы и тяжелое дыхание доказывали, что несмотря на цепи, она оказала своим палачам нечеловеческое сопротивление.

При виде ее Салензий Олл встал и обнажил меч. Все пятьдесят придворных высоко подняли свои мечи, образуя ими арену, под которой должна была пройти моя бедная принцесса.

Жестокая улыбка искривила мои губы при мысли о разочаровании, которое ожидало правителя Окара; рука моя нервно сжимала рукоятку огромного меча.

Процессия медленно двигалась к трону. Она состояла из нескольких священнослужителей, Деи Торис и двух стражников. В то время, как я смотрел на нее, перед моими глазами мелькнуло какое-то черное лицо, выглядывавшее из-за драпировок за возвышением, на котором стоял Салензий Олл в ожидании своей невесты.

Стражники толкали Дею Торис на ступеньки и грубо тащили ее к трону Окара. Кровь застучала у меня в висках. Священнослу-

житель открыл книгу и начал бормотать что-то нараспев. Салензий Олл протянул руку вперед, чтобы взять руку невесты.

Мое первоначальное намерение было дождаться какого-нибудь благоприятного момента, чтобы вмешаться в это дело. Ведь даже если вся церемония и окажется выполненной, брак все же был бы недействительным, пока я жив. Моей задачей было освободить Дею Торис и увести ее, если возможно, из дворца Салензия Олла; но будет ли это сделано до или после шутовской церемонии - в сущности значения не имело.

Однако я не выдержал, когда увидел, что гнусная лапа Салензия Олла протягивается к руке моей возлюбленной. Не успели придворные Окара сообразить, что случилось, как я прорвал их узкие ряды и очутился на возвышении рядом с Деей Торис и джеддаком.

Подняв меч, я ударил им плашмя по его гнусной руке и, схватив Дею Торис, поставил ее за собой. Обернувшись спиной к драпировкам, я стоял перед тираном и его воинами.

Джеддак джеддаков был гигантом, превышающим меня на несколько голов: это было наглое, грубое и сильное животное. Его лицо дергалось от ярости, и я легко представляю себе, что менее опытный воин мог задрожать при виде его.

Рыча от гнева, бросился он на меня с обнаженным мечом, но мне не пришлось узнать, умел ли Салензий Олл хорошо биться или нет. Дея Торис была за мной, и я сам был уже не человеком, а сверхчеловеком - никто не мог противостоять мне.

С тихим восклицанием: "За Дею Торис!" - я проткнул своим мечом прогнившее сердце правителя Окара, и Салензий Олл с искаженным лицом покатился по ступенькам к подножию своего брачного трона.

Минуту в свадебном зале царило молчание, а затем пятьдесят придворных набросились на меня. Мы сражались бешено, но все преимущества были на моей стороне. Я сражался за самую дивную женщину в мире, за великую любовь, и легко отбивал со своей высокой эстрады копошившихся внизу врагов.

Из-за моего плеча звучал серебристый, дорогой голос, напевая боевую песнь Гелиума, которая поется женщинами, когда их мужья шествуют к победе.

Одного этого было достаточно, чтобы воодушевить меня, и я думаю, что я победил бы в тот день всех пятьдесят желтых воинов, присутствовавших на свадебной церемонии, если бы мне не помешали...

Бешеным темпом шел бой. Придворные вскакивали на ступеньки трона, но сразу же падали от удара меча. Казалось, что

рука моя приобрела какую-то волшебную силу после поединка с искусным Соланом.

Я услышал позади себя какое-то движение. Звуки боевой песни смолкли, но в это время меня так теснили два воина, что я не смог сразу оглянуться. Может быть Дея Торис собиралась занять место рядом со мной?

Героическая дочь героического мира! Это было похоже на нее; схватить меч и сражаться рядом с тем, кого она любила!

Хотя женщины Марса не обучаются военному искусству, но дух у них воинственный, и известны бесчисленные примеры, когда они принимали участие в боях.

Но она не пришла, и я был рад этому, так как мне пришлось бы удвоить усилия, чтобы защищать ее. Я решил, что она, вероятно, придумывает какой-нибудь стратегический маневр, и спокойно сражался в уверенности, что моя божественная Дея Торис в безопасности позади меня.

Полчаса, по крайней мере, дрался я против придворных Окара, и ни одна нога не вступила на возвышение, на котором я стоял. Оставшиеся в живых решили сделать последний решительный натиск. Едва они двинулись вперед, как дверь в дальнем углу зала распахнулась, и запыхавшийся гонец влетел в комнату.

- Джеддак джеддаков! - кричал он. - Где джеддак джеддаков? Город пал перед полчищами, прибывшими из-за барьера, уже воины юга овладели дворцовыми воротами и хлынули в священные пределы. Где Салензий Олл? Он один может поднять ослабевший дух наших войск. Он один может спасти Окар! Где Салензий Олл?

Придворные расступились перед мертвым телом, правителя, и один из них молча указал на труп.

Гонец отшатнулся, как будто от удара в лицо.

- Бегите тогда, придворные Окара! - закричал он. - Ничто не может спасти нас! Слушайте! Они идут!

И действительно, мы услышали из коридора глухой рев людей, звон металла и лязг мечей.

Не обращая внимания больше на меня, ставшего зрителем этой трагической сцены, придворные повернулись и побежали из зала через другой выход. Почти немедленно вслед за этим в той двери, через которую пришел гонец, появился отряд желтых воинов. Они отступали в зал спиной, упорно сопротивляясь горсти красных людей, которые медленно, но верно теснили их.

Стоя на возвышенности, я мог узнать через головы сражающихся лицо моего старого друга Кантон Кана. Он вел маленький

отряд, который пробил себе дорогу в самое сердце дворца Салензия Олла.

В одну минуту я сообразил, что, напав на окарцев сзади, я внесу расстройство в их ряды и положу конец их сопротивлению. С этим намерением я прыгнул с возвышения, крикнув через плечо Дее Торис несколько слов объяснения.

Я не боялся оставить ее одну возле трона - ведь я продолжал находиться между нею и врагами, а Кантос Кан со своими воинами приближались с другой стороны.

Я хотел, чтобы люди Гелиума увидели меня и узнали, что их любимая Дея Торис тоже здесь. Как это должно было воодушевить их на новые подвиги!

Проходя через зал, чтобы атаковать врагов сзади, я увидел, что небольшая дверь медленно открылась и, к моему удивлению, в ней показалась фигура отца жрецов Матаи Шанга и его дочери Файдоры. Они быстро оглядели помещение, на минуту их глаза, широко открытые от ужаса, остановились на мертвом теле Салензия Олла, на груде придворных, валяющейся возле трона, на сражающихся воинах у другой двери, и, наконец, на мне...

Они не пытались проникнуть в зал, но, стоя у дверей, смерили взглядом каждый уголок его.

Выражение злобы показалось на лице Матаи Шанга, и змеиная улыбка заиграла на губах Файдоры. Затем они удалились, но перед уходом Файдора насмешливо захохотала мне прямо в лицо.

Я не понял значения ярости Матаи Шанга, не понимал насмешки Файдоры, но знал, что ни то, ни другое не предвещает ничего хорошего.

Минуту спустя я уже был за спиной у желтолицых, и когда красные люди Гелиума увидели меня через плечи своих противников, то раздались радостные возгласы, покрывшие собой общий шум битвы.

- За Джона Картера! - закричали они. - За джеда Гелиума! - и, как голодные львы, набросились на ослабевших желтых воинов.

Они попались между двух огней и сражались с тем настроением, которое часто вызывается полной безнадежностью положения. Они сражались так, как сражался бы я на их месте, решив умереть, но перед смертью уложить как можно больше противников...

Это был славный бой, но конец казался предопределенным, когда внезапно со стороны коридора показался новый большой отряд желтых воинов.

Теперь счастье переменилось. Люди Гелиума оказались между двумя жерновами, и, казалось, были обречены на гибель. Они принуждены были обернуться, чтобы встретить новых врагов, предоставив мне остатки воинов в тронном зале.

Ну и задали они мне дела! Моментами я сомневался, что смогу с ними справиться... Медленно теснили они меня обратно в зал, и когда они все проникли в него, один из них захлопнул дверь и закрыл ее на запор.

Это был умный маневр, я оказался отрезанным от своих, один с двенадцатью противниками, а красным людям в коридоре был прегражден путь к отступлению.

Но мне не раз приходилось находиться лицом к лицу и с более страшным врагом. Поэтому я начал спокойно и стойко бороться.

Мои мысли постоянно возвращались в Дее Торис. Я жаждал конца битвы, чтобы заключить ее в свои объятия и услышать снова слова любви, которых я был лишен столько лет!

Во время боя я не имел свободной секунды, чтобы украдкой кинуть взгляд позади себя на то место, где она стояла около трупа убитого правителя. Я удивлялся только, почему она не воодушевляет меня больше воинственной песней Гелиума!

Было бы утомительно рассказывать все перипетии этого долгого боя; как мы сражались вначале у дверей, затем вдоль всего зала, наконец, у самого подножия трона, где упал мой последний противник, пронзенный моим мечом.

Тогда, с радостным криком, с распростертыми объятиями повернулся я, чтобы обнять мою возлюбленную. Эта минута должна была вознаградить меня сторицей за все кровавые столкновения, за все страдания, за все опасности, через которые я прошел ради моей любимой.

Но радостный крик замер на моих губах, руки мои безжизненно упали. Шатаясь, как смертельно раненный, взобрался я на ступеньки, которые вели к трону...

Дея Торис исчезла!

XV.

Награда

Непостижимое исчезновение Деи Торис вызвало во мне подозрение, что здесь, может быть, замешано то темное лицо, кото-

рое промелькнуло передо мной за драпировками, позади трона Салензия Олла.

Почему вид этого злобного лица не побудил меня к большей осторожности? Почему я так беспечно отнесся к грозившей моей принцессе опасности?.. Увы! Все мои сожаления были напрасны и не могли исправить того, что случилось.

Снова Дея Торис попала в лапы Турида, этого черного дьявола. Снова все мои старания свелись к нулю! Я понял теперь причину ярости, которая так ясно отпечаталась на чертах Матаи Шанга и жестокую радость Файдоры.

Они знали или догадывались об истине. Хеккадор святых жрецов, желавший Дею Торис для себя самого, и, очевидно, явившийся в зал в надежде уличить Салензия Олла в вероломстве и помешать ему, понял, что Турид выкрал добычу из-под самого моего носа.

А радость Файдоры была вызвана сознанием жестокого удара, который был нанесен мне. Ее чувство ревности и ненависти к Дее Торис было удовлетворено.

Моей первой мыслью было заглянуть за драпировки позади трона, потому что там-то я и увидел Турида. Я рванул роскошную ткань и увидел перед собой узкий проход.

Ни минуты не сомневался я, что именно этой дорогой бежал Турид. Это подтверждалось еще находкой небольшого, усыпанного драгоценными камнями украшения, которое лежало на полу коридора.

Подняв безделушку, я увидел, что на ней был герб Деи Торис, и, прижав к губам, как безумный, я бросился по извилистому коридору, который спускался в нижние галереи дворца.

Очень скоро дошел я до помещения, в котором прежде работал Солан. Его мертвое тело все еще валялось там, где я его оставил. Но никаких признаков, что кто-то проходил через комнату с тех пор как я тут был, не было! Однако Турид и Дея Торис должны были пройти здесь!

Я стоял с минуту в недоумении. Какой из бесчисленных выходов выведет меня на правильную дорогу? Я упорно напрягал память, чтобы вспомнить те указания, которые при мне повторял Турид Солану, и медленно, как будто сквозь густой туман, воскресли слова перворожденного:

- "Идти по коридору, миновать три боковых хода направо, затем войти в четвертый правый ход и идти до того места, где встретятся три коридора: снова идти направо, держась левой стены, чтобы не попасть в колодец. В конце этого пути - винтовая

лестница, которая выводит вниз, а не наверх, после этого дорога ведет прямо".

И я сразу вспомнил выход, на который он указал.

Не теряя ни минуты, бросился я по этому незнакомому пути; я бежал, не принимая никаких мер предосторожности, хотя меня могут ожидать впереди серьезные неприятности.

Сначала часть пути пришлось пройти в полной тьме., но большая часть была потом довольно сносно освещена. Темнее всего было в том месте, где нужно было держаться левой стороны, чтобы не попасть в колодец, и я был уже у самого края пропасти, когда заметил опасность.

Узкая полоса, не менее четырех футов, была оставлена вдоль стены, чтобы посвященный в тайну мог пройти; те же, которые не знали о ловушке, должны были неминуемо упасть в нее. Наконец я счастливо миновал ловушку и шел дальше уже по освещенной дороге.

В конце последнего коридора я неожиданно вышел на дневной свет и очутился в поле, покрытом снегом и льдом. Я был одет в легкую одежду, и внезапный переход к холоду был весьма чувствителен. Но хуже всего было сознание, что я, почти голый, не смогу выдержать такого сильного мороза и погибну раньше, чем успею нагнать Дею Торис и Турида.

Почему судьба ставила мне такие непреодолимые препятствия? Съежившись от холода, я отпрянул обратно в теплый тунель; никогда, кажется, я не был так близок к отчаянию.

Я отнюдь не отказывался от своего плана продолжать преследование. Если бы это было нужно, я пошел бы вперед, но я знал, что погибну раньше, чем смогу достичь цели, и хотел зрело обдумать положение и постараться найти более целесообразный путь к спасению Деи Торис.

Едва я вернулся в туннель, как споткнулся о какую-то меховую одежду, которая, казалось, была прикреплена к полу у самой стены. В темноте я не мог разглядеть, что держало ее, но ощупав руками, я нашел, что она вылезала из-под закрытой двери. Я толкнул ее и очутился на пороге небольшого чулана, по стенам которого была развешана полная одежда желтых людей.

Это помещение было расположено у самого выхода и, очевидно, служило гардеробной придворных, где они одевались и раздевались при выходе и входе во дворец.

Вероятно, Турид знал о существовании этого хранилища, и одел себя и Дею Торис, прежде чем отважился выйти на мороз. Второпях он раскидал ненужные ему вещи, и мех, валявшийся в

коридоре, указал мне дорогу в то место, которое он вряд ли хотел мне указать!

Всего несколько секунд понадобилось мне, чтобы облачиться в полную полярную одежду из меха оркула, одной из необходимых частей которой являются высокие меховые сапоги.

Снова я вышел из туннеля и огляделся. На только что выпавшем свежем снегу ясно выделялись свежие следы Турида и Деи Торис. Теперь уже моя задача была значительно легче. Правда, ходьба по глубоким сугробам была крайне утомительна, но меня, по крайней мере, не мучили сомнения, какого направления держаться, и не подстерегали в темноте какие-то неведомые ловушки.

Следы вели по засыпанному снегом рву к вершине невысоких холмов, за которыми они опять спускались в другой ров, а через четверть мили они вновь подымались и вели к проходу между скалистыми холмами.

Следы Деи Торис были почти постоянно сзади; видно было, что чернокожий был принужден тащить ее за собой. А в некоторых местах глубоко проступали только его следы: вероятно, она не хотела идти дальше, и он нес ее. Я ясно представил себе, как она боролась с ним на каждом шагу.

Обогнув скалу, я увидел картину, которая заставила быстрее биться мое сердце: в небольшой котловине перед черным отверстием пещеры стояло четыре человека, а рядом с ними на блестящем снегу шумел аэроплан, очевидно только что вытащенный из пещеры.

Эти четверо были: Дея Торис, Файдора, Турид и Матаи Шанг. Мужчины были заняты жарким спором: отец жрецов, видимо, грозил, а чернокожий над ним насмехался.

Желая приблизиться к ним насколько возможно, прежде чем они меня заметят, я начал осторожно продвигаться вперед. Было видно, что мужчины в конце концов пришли к какому-то соглашению, потому что оба они, с помощью Файдоры, втащили сопротивляющуюся Дею Торис на палубу аэроплана.

Здесь они ее привязали, а затем оба спустились опять, чтобы закончить приготовления к отлету. Файдора вошла в небольшую каюту на корме корабля.

Мне оставалось до них с четверть мили, когда Матаи Шанга заметил меня. Он нервно схватил Турида за плечо и указал на меня рукой.

Теперь мне нечего было скрываться, и я бешено помчался к аэроплану.

Они удвоили свои усилия, возясь над приделыванием пропеллера, который был снят, очевидно, с целью починки.

Эту работу они закончили раньше, чем я покрыл половину расстояния, которое лежало между мною и ими, и оба бросились к веревочной лестнице, ведущей на палубу.

Турид первым добежал до нее и с проворством обезьяны вскарабкался на палубу. Здесь он нажал кнопку, управляющую подъемной силой, и судно медленно поднялось вверх, однако не с той большой скоростью, которой отличаются обычно аэропланы.

Я был еще в сотне футов от них, когда увидел, что они поднимаются.

Позади, у города, лежал могучий флот, огромные дирижабли Гелиума и Птарса, которые я спас в тот день от гибели; но прежде чем я успею дойти до них, Турид будет уже далеко...

В то время, как я бежал, Матаи Шанг с трудом карабкался на палубу, а над ним склонилось злобное лицо Турида. Вдруг я вздрогнул... Веревка, свешивающаяся с корабля, еще тянулась по земле. Только бы мне добежать до нее раньше, чем она поднимется слишком высоко над моей головой! Может быть, мне все же удастся взобраться по ней на палубу?

А с аэропланом что-то было неладно. Во-первых, ему не хватало подъемной силы; во-вторых, Турид уже дважды судорожно повертывал двигательный рычаг, а аэроплан продолжал неподвижно висеть в воздухе, слегка только двигаясь по течению дувшего с севера легкого ветерка.

Матаи Шанг был теперь у самого шкафута. Длинные крючковатые пальцы протянулись, чтобы ухватиться за металлические поручни. Турид наклонился еще ниже над своим соучастником.

Внезапно в поднятой руке черного блеснул кинжал и опустился по направлению к белому лицу отца жрецов. С криком безумного страха вцепился святой хеккадор в руку, державшую кинжал.

Я почти добежал до свешивающейся вниз веревки. Аэроплан продолжал медленно подниматься и ветер медленно относил его от меня, но тут я случайно споткнулся на мерзлой дороге и упал, сильно ударившись головой о мерзлую глыб. Веревка, конец которой как раз теперь отделялся от почвы, болталась над самой моей головой, но я не мог ухватиться за нее: в голове шумело, и я потерял сознание.

Вероятно, я пролежал без чувств несколько секунд. Когда я открыл глаза, Турид и Матаи Шанг все еще боролись, а аэроплан

отнесло всего на двести футов к югу; веревка была уже в добрых тридцати футах от почвы.

Озлобленный новой неудачей, которая постигла меня в ту минуту, когда успех был почти в моих руках, я побежал вперед и, очутившись под самым концом раскачивающейся веревки, напряг всю силу своих земных мускулов и прыгнул.

Прыжок оказался удачен: я схватился за веревку на фут выше ее конца и крепко сжал ее. Но обледенелый канат скользил в руках. Я попробовал поднять свободную руку, чтобы ухватиться за него обеими руками, но это мне не удалось и я соскользнул еще ниже.

Я чувствовал, что канат медленно выскальзывает из моих рук. Через минуту все, чего я достиг, было бы потеряно, но в последний момент пальцы мои крепко зажали узел у самого конца и больше уже не разжимались.

Вздохнув облегченно, я начал карабкаться вверх, к палубе корабля. Я не мог видеть Турида и Матаи Шанга, но слышал шум борьбы и знал таким образом, что они все еще боролись; жрец за свою жизнь, а датор за то, чтобы увеличить подъемную силу аэроплана, освободившись от тяжести лишнего пассажира.

Если Матаи Шанг погибнет прежде, чем мне удастся взобраться наверх, то шансы достигнуть палубы будут очень малы. Стоит черному датору обрезать веревку, и он освободится от меня навсегда. В это время корабль как раз пролетал над краем бездонной пропасти.

Наконец рука моя ухватилась за перила аэроплана, и в тот же самый момент подо мной раздался страшный вопль. Кровь застыла у меня в жилах, и я с ужасом повернул глаза вниз, где визжащая фигурка, перевертываясь в воздухе, стремительно падала в бездну.

Это был последний полет святого хеккадора Матаи Шанга, отца святых жрецов...

Когда я обернулся к палубе, я увидел склонившегося надо мной Турида с кинжалом в руке. Он стоял спиной к переднему концу каюты, в то время, как я старался вскарабкаться на борт у кормы корабля. Между нами было всего несколько шагов. Никакая сила не могла поднять меня на палубу раньше, чем рассвирепевший чернокожий набросится на меня.

Мой конец наступил. Я знал это, и если у меня еще и оставались иллюзии, то торжествующая усмешка на злобном лице датора должна была их рассеять. Позади Турида я видел Дею Торис; ее глаза были широко раскрыты от ужаса, она билась в своих оковах, как пойманная птица. То, что Дея Торис принужде-

на была стать свидетельницей моей страшной смерти, удваивало мои мучения.

Я больше не пытался перелезть через шкафут. Вместо этого я крепко схватился левой рукой за перила и вытащил свой кинжал.

По крайней мере, я умру так, как жил, - сражаясь!

Турид был уже против двери каюты, когда новое действующее лицо приняло участие в мрачной трагедии, которая разыгрывалась на палубе побежденного аэроплана Матаи Шанга.

Это была Файдора.

С разгоревшимся лицом и с растрепанными волосами, с глазами, в которых явственно виднелись следы недавних слез, непохожая на ту гордую богиню, какой она всегда себя считала, Файдора выскочила на палубу как раз впереди меня. В ее руке был тонкий стилет... Я понял! Улыбаясь, бросил я последний взгляд своей возлюбленной, взгляд человека, приговоренного к смерти, и смело повернул лицо к Файдоре, ожидая удара.

Никогда не видел я это прекрасное лицо более прекрасным, чем в эту минуту. Казалось невероятным, что такая красота может таить в себе столько жестокости и бессердечия. Но в этот день в ее прекрасных глазах было новое выражение, которого я в них никогда не видел - какая-то необычная мягкость и страдание.

Турид был возле меня и оттолкнул ее, чтобы нанести мне первый удар. Но произошло то, чего я совершенно не ожидал, и произошло так быстро, что я не мог сперва понять, что случилось...

Левая рука Файдоры крепко схватила датора, державшего кинжал, а правая высоко поднялась, и в ней блеснуло острое лезвие.

- Вот тебе за Матаи Шанга! - крикнула она и глубоко вонзила лезвие в грудь датора. - Вот тебе за то зло, которое ты хотел причинить Дее Торис! - снова острая сталь вонзилась в окровавленное тело.

- А вот тебе еще, еще и еще, - пронзительно кричала она, - за Джона Картера, джеда Гелиума, - и при каждом слове она втыкала свой стилет в уже безжизненное тело датора. Затем презрительным жестом она сбросила труп перворожденного с палубы.

Я был так поражен трагической сценой, разыгравшейся передо мной, что потерял способность двигаться и не делал никаких попыток взобраться на палубу. Следующий поступок Файдоры снова удивил меня - она протянула мне руку и помогла подняться. Я встал на палубу, глядя на нее с нескрываемым изумлением.

Легкая усмешка мелькнула у нее на губах, но не жестокая высокомерная улыбка богини, которая была мне знакома.

- Ты удивляешься, Джон Картер, - сказала она, - и не понимаешь, что произвело во мне такую перемену? Я тебе скажу. Это сделала любовь - любовь к тебе.

Я нахмурил брови, но она подняла руку.

- Постой, - сказала она. - я не говорю о своей любви. Это - любовь твоей жены Деи Торис к тебе научила меня, чем может быть истинная любовь, чем она должна быть и как далека была от настоящей любви моя эгоистическая страсть.

Теперь я стала другой. Теперь я могла бы любить тебя так, как любит тебя Дея Торис. Теперь мое единственное счастье в том, чтобы знать, что ты и она снова будете вместе, потому что в ней одной ты можешь найти свое счастье.

Но меня мучит зло, которое я совершила. Много грехов нужно мне искупить, и хотя я и считаюсь бессмертной, всей моей жизни было бы мало, чтобы искупить мою вину.

Но есть другой путь к спасению, и если Файдора, дочь святого хеккадора, согрешила, то она сегодня уже частью искупила свой грех, а чтобы ты верил в ее искренность, она докажет ее единственным возможным для нее способом: Файдора спасла тебя для другой и уходит с твоей дороги...

С этими словами она стремительно повернулась и бросилась с палубы корабля в бездонную пропасть...

Крик ужаса вырвался у меня. Я подбежал к перилам, желая спасти жизнь той, которую еще совсем недавно с радостью видел бы мертвой. Но было уже слишком поздно.

С глазами, полными слез, я отвернулся, чтобы не видеть конца несчастной.

Минуту спустя я разрезал путы, связывавшие Дею Торис, и когда ее прелестные руки обвились вокруг моей шеи и дивные губы прижались к моим, я сразу позабыл все ужасы, свидетелем которых мне пришлось быть, и все страдания, которые я перенес.

XVI.

ВЛАДЫКА БАРСУМА

Аэроплан, на палубе которого я очутился вдвоем с Деей Торис, оказался совершенно непригодным. Резервуары с лучами

подъемной силы давали течь и машина делала перебои. Мы беспомощно висели над полярными льдами.

Ветер медленно гнал корабль сперва над пропастью, где лежали трупы Матаи Шанга, Турида и Файдоры, а затем над низкой грядой холмов. Я открыл предохранительные клапаны и медленно опустился.

Как только аэроплан коснулся почвы, Дея Торис и я сошли с палубы и, рука об руку, пошли обратно через снежную пустыню по направлению к Кадабре.

Мы вошли в тот самый туннель, по которому я недавно бежал в таком диком отчаянии. Мы шли медленно - нам нужно было так много сказать друг другу!

Она рассказала о той ужасной минуте, несколько месяцев тому назад, когда дверь ее вращающейся темницы внутри храма Солнца медленно заходила за стену; рассказала, как Файдора бросилась на нее с поднятым кинжалом, но Тувия закричала, когда поняла злобное намерение дочери святого жреца.

Это был тот крик, который звучал в моих ушах долгие месяцы. Только теперь я узнал, что Тувия успела вырвать кинжал у Файдоры, прежде чем он коснулся Деи Торис или ее самой.

Она рассказала мне о томительных днях своего заключения, о злобной ненависти Файдоры, о нежной любви Тувии. Когда мрачное отчаяние овладело ими, то они обе - Тувия и она - утешались одной и той же надеждой, что Джон Картер найдет способ освободить их.

Вскоре мы дошли до помещения Солана. Мы продвигались вперед беспечно, не принимая никаких мер предосторожности; я был уверен, что город и дворец находятся в руках моих друзей.

Таким образом вышло, что, войдя в комнату, мы очутились лицом к лицу с десятью придворными Салензия Олла. Они хотели скрыться из дворца теми же коридорами, через которые мы только что прошли.

При виде нас они остановились, и предводитель их злобно усмехнулся и воскликнул, указывая на нас:

- Нам везет! Смотрите, вот виновник всех наших бедствий! Пусть нас победили, но мы отомстим за джеддака и за весь город! Сладок час мести! Пусть победители найдут здесь изуродованные трупы Джона Картера и его жены. Пусть увидят они, как умеют мстить желтые люди! Готовься к смерти, Джон Картер, но,чтобы твой конец был более горек, знай, что я, быть может, не приговорю Дею Торис к милосердной смерти, а сохраню ее для своей забавы и для забавы своих приближенных!

Я стоял у той самой стены, где находились все рычаги. Дея Торис стояла рядом со мной. Она взглянула на меня с удивлением: воины приблизились к нам с обнаженными мечами, а мой меч все еще оставался в ножнах, и я ждал их приближения с улыбкой на губах.

Желтые воины тоже смотрели на меня с изумлением. Моя неподвижность смущала их, и они остановились в нерешительности, опасаясь какой-нибудь хитрости. Когда они подошли почти на расстояние меча. я поднял руку, положил ее на полированную рукоятку большого рычага и, продолжая зловеще улыбаться, взглянул своим врагам прямо в лицо.

Они стали, как один человек, бросая испуганные взгляды на меня и друг на друга.

- Стой! - завопил их предводитель. - Ты не знаешь, что ты делаешь!

- Ошибаешься, - ответил я спокойно. - Джон Картер знает, что делает. Он знает, что, если один из вас подступится к Дее Торис, то я поверну рычаг - и она и я умрем вместе, но отдельно мы не умрем!

Придворные отпрянули и несколько минут шептались друг с другом. Наконец предводитель повернулся ко мне.

- Ступай своей дорогой, Джон Картер, а мы пойдем своей, - сказал он.

- Пленные не идут своей дорогой, - возразил я, - а вы мои пленные.

Прежде чем они смогли ответить, дверь в противоположном конце комнаты отворилась, и отряд желтых людей хлынул в помещение. Придворные, казалось, вздохнули с облегчением, но скоро их лица опять омрачились: во главе желтых людей шел Талу, мятежный джед Марентины. Приближенные Салензия Олла знали, что им нечего ждать пощады от его руки.

Талу с первого же взгляда охватил положение и улыбнулся.

- Правильно, Джон Картер! - закричал он. - Ты обращаешь против них их же силу! Какое счастье для Окара, что ты оказался здесь и помешал их бегству! Это сброд величайших негодяев севера, а этот - он указал на предводителя, - хотел провозгласить себя джеддаком джеддаков на месте убитого Салензия Олла. Если бы это случилось, у нас был бы еще более гнусный правитель, чем ненавистный тиран, павший от твоего меча.

Придворные вынуждены были молчаливо покориться и дать себя связать; сопротивление не принесло бы им ничего, кроме смерти. Сопровождаемые воинами Талу, мы отправились в боль-

шой тронный зал. Здесь было большое собрание воинов. Рядом с красными людьми Гелиума и Птарса стояли желтые люди севера и черные перворожденные, прибывшие ко мне на помощь под предводительством Ксодара. Здесь были дикие зеленые воины с высохшего морского дна на дальнем юге и небольшие отряды белокожих жрецов, которые решили отказаться от своей религии и присягнули Ксодару.

Здесь были Тардос Морс и Морс Каяк и статный сын мой Карторис в своих блестящих военных доспехах. Увидя нас, они все трое бросились к Дее Торис, и хотя не в характере марсиан бурно проявлять свои чувства, они чуть не задушили ее в своих объятиях.

Здесь были Тарс Таркас, джеддак тарков, и Кантос Кан, и здесь же был мой дорогой Вула, совсем обезумевший от счастья и в избытке своей любви прыгавший на меня и дергавший меня за доспехи.

Гром приветственных криков огласил зал при нашем входе: раздался оглушительный звон металла, когда воины всех марсианских народов высоко подняли свои мечи и скрестили клинки в знак успеха и победы. Я прошел сквозь густые ряды ликующих воинов, джедов и джеддаков, но сердце мое не радовалось. Среди этой толпы мне не хватало двух любимых лиц, и я много дал бы, чтобы видеть их в эту минуту. В тронном зале не было Туван Дина и его дочери Тувии.

Я всех расспрашивал о них и, наконец, один желтый пленный рассказал мне, что они были опознаны и захвачены начальником дворцовой стражи, когда они пробирались к "яме изобилия".

Мне не нужно было спрашивать, зачем шли туда отважный джеддак и его мужественная дочь. Военнопленный сказал, что они были заключены в одну из многочисленных темниц, где должны были ожидать приговора северного тирана.

Я немедленно выслал отряды, которые обыскали дворец сверху донизу, и мое счастье стало полным, когда они вошли в зал под эскортом почетной стражи.

Первым движением Тувии было броситься к Дее Торис, и искренность, с которой они обняли друг друга, была ясным доказательством их любви.

В этом переполненном шумном зале молчаливо и одиноко стоял пустой трон Окара.

Многое перевидел старый трон с тех пор, как на него вступил первый джеддак джеддаков, но я думаю, что никогда не видел он более странной сцены. Размышляя о прошлом и будущем этой

изолированной расы чернобородых желтых людей, я видел для них возможность более светлого и полезного существования в великой семье дружественных народов, которая тянулась от южного полюса почти до их барьера.

Двадцать два года тому назад я был закинут голый и чужой в этот странный мир. Каждая раса, каждая нация вели тогда беспрерывные войны друг с другом.

Теперь, благодаря силе моего меча и преданности друзей, которых приобрел мой меч, черные, белые, красные и зеленые люди стояли бок о бок и жили в мире и дружбе. Все расы Барсума не составляли еще одного целого, но большой шаг в этом направлении уже был сделан, и если бы мне удалось присоединить к общей семье народов еще и свирепую и замкнутую желтую расу, то я чувствовал бы, что мною совершено великое дело. Я выплатил бы Марсу по крайней мере часть огромного долга, который лежал на мне за то, что он дал мне Дею Торис.

Я видел только один путь к воплощению этой мечты, и только один человек был пригоден для осуществления моих надежд. И, как всегда бывает со мной, я поступил так, как привык поступать в решительных случаях - без долгих размышлений и предварительных совещаний.

Те, которым не нравятся мои планы и мой способ их проводить, всегда могут мечами выразить свое несогласие и недовольство; но, кажется, на этот раз не было ни одного несогласного голоса, когда я, схватив Талу за руку, подвел его к трону Саленз ия Олла.

- Воины Барсума! - вскричал я. - Кадабра пала, и вместе с ней пал ненавистный северный тиран. Но самостоятельность Окара должна быть сохранена. Красные люди управляются красными джеддаками; зеленые воины древних морей признают только зеленого правителя, перворожденными южного полюса правил черный Ксодар. И не было бы в интересах ни желтых, ни красных людей, если бы красный джеддак вступил на трон Окара. Среди вас есть воин, достойный носить древний титул джеддака джеддаков Севера. Люди Окара, поднимите ваши мечи в честь вашего нового правителя Талу, мятежного джеда Марентины.

Свободные люди Марентины и пленные Кадабры встретили радостными криками мое заявление. Все они думали, что красные люди захотят удержать то, что они захватили силой оружия, как это было принято в прежние времена на Барсуме. Они были уверены, что им придется жить под гнетом иноземного джеддака.

Победоносные воины из войска Карториса присоединились к радостной манифестации.

Среди дикого шума и радостных криков Дея Торис и я прошли в роскошный сад джеддака, расположенный во внутреннем дворе дворца. За нами следовал Вула, но на резной скамейке в беседке из дивных красных цветов мы увидели двоих, которые опередили нас - Тувию из Птарса и Карториса из Гелиума.

Красивая голова юноши низко склонилась над лицом прекрасной девушки. Я, улыбаясь, взглянул на Дею Торис и, притянув ее к себе, прошептал:

- Почему бы нет?

Действительно, почему нет? Что значат годы в стране вечной юности?

Мы оставались в Кадабре в качестве гостей Талу, пока он формально не был введен в управление страной, а потом отплыли на юг от ледяного барьера со всем большим флотом, который мне посчастливилось спасти от гибели, Но перед нашим отъездом мы были свидетелями, как согласно приказанию нового джеддака, был уничтожен страшный магнитный столб.

- Отныне, - сказал он, когда от столба ничего не осталось, - флоты красных и черных людей могут так же свободно летать над ледяным барьером, как над своими странами. Пещеры Карионa будут очищены, чтобы и зеленые люди могли иметь доступ в нашу страну. Охота на священных аптов будет разрешена и даже поощрена, чтобы на севере не осталось ни одного из этих страшных чудовищ.

Мы распрощались с нашими желтыми друзьями с истинным сожалением и отплыли в Птарс. Здесь мы оставались целый месяц в гостях у Туван Дина и я видел, что Карторис охотно остался бы здесь навсегда, не будь у него обязанностей в Гелиуме.

Мы остановились над огромными лесами Каола и ждали разрешения лесного джеддака приблизиться к его сторожевой башне, где затем целый день до полуночи высаживали корабли войска каолян. Мы погостили тоже несколько дней в Каоле, чтобы скрепить узы дружбы между ним и Гелиумом, и, наконец, после долгих отсутствий, увидели издали высокие башни Гелиума.

Содержание

Дочь тысячи Джеддаков 5

Боги Марса 165

Владыка Марса 349

Джон Картер, марсианин

ИКА "ТАЙМ-АУТ"

Редактор А. Литвинов
Художественный редактор С. Кубанцов

Подписано в печать 15.01.92
Формат 84x108/32 Бумага типографская №2
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 24,68. Уч изд. л. 29,39.
Тираж 100 000 экз. Заказ 1026.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии № 2— головном предприятии Ордена Трудового Красного знамени ГПО «Техническая книга» Мининформпечати РФ. 198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

МАГИК-ПРЕСС

товарищество с ограниченной ответственностью

МАГИК-ПРЕСС предоставляет полный цикл редакционно-издательских услуг: перевод литературно-художественных текстов с любого европейского языка, редактирование, иллюстрирование, изготовление оригинал-макетов на лазерном принтере и или пополосных диапозитивов на фотонаборном оборудовании, цветоделение, предоставление издательских прав.

Оригиналы изданий, подготовленные МАГИК-ПРЕСС, полностью готовы для полиграфического воспроизведения. В случае необходимости МАГИК-ПРЕСС может разместить заказ в типографии и предложит заказчику надежного партнера для реализации готовой продукции.

Кроме того, МАГИК-ПРЕСС предлагает готовые оригинал-макеты и/или диапозитивы самых популярных изданий приключенческого жанра: собрание сочинений в восьми томах Г.Р.Хаггарда, романы Г.Эмара, Л.Жаоклио, П.Бенуа, А.Дюма, Л.Буссенара, Понсона дю Террайля, Е.Салиаса, Г.Ферри, Э.По, Ф.Купера и мн. других.

Обращаться письменно, в свободной форме; письма следует направлять на имя генерального директора МАГИК-ПРЕСС по адресу:

199155 Санкт-Петербург-155

а/я 624

г. Заикину Сергею Павловичу

Корпорация
"НЕВА-СИТИ"

С-Пб. Корпорация "НЕВА-СИТИ" специализируется по строительной и реставрационной деятельности, осуществляя капитальный ремонт, реставрацию и строительство жилого фонда.

Еще одно немаловажное направление деятельности корпорации: научная деятельность, приборостроение и радиоэлектроника - в этих областях ведется разработка новых технологий.

Корпорация ведет подготовительную работу по строительству кирпичного завода и завода лимонной кислоты и многое другое.

Если ваши интересы совпадают с нашими возможностями - обращайтесь к нам.

Наш адрес:

Наш телефон: 542-89-43

ПРЕДПРИЯТИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ

"АВЕС—2"

Осуществляет следующие виды работ:

1. Подготовка печатной продукции к полиграфическому исполнению.

2. Изготовление оригинал-макетов книг, брошюр, газет и др. продукции.

3. Размещение полиграфических заказов.

Телефоны: **176-51-71**
597-04-49

Издательско-коммерческое агенство

"ТАЙМ-АУТ"

Предлагает взаимовыгодное сотрудничество в издании и распространении литературы, пользующейся большим спросом.

Мы предлагаем богатый выбор авторов, писавших в различных жанрах - от детектива до серьезных романов для семейного чтения.

Мы готовы заключить с Вами выгодные договоры на совместное издание или распространение книг таких авторов, как: Саймак, Уиндем, Хаггард, Берроуз, Волков, Чейз, Роббинс, Сабатини, Сьюзан, Андерсон, Спилейн, Нортон и многих других.

Романы всех перечисленных авторов готовятся в оригинальных переводах агентством **"ТАЙМ-АУТ"**.

Агентство **"ТАЙМ-АУТ"** располагает собственной телерадиостудией и имеет возможность произвести по желанию заказчика высококачественную видеосъемку представительского фильма, рекламного видеоклипа и т.д.

Адрес для писем:
199178, Санкт-Петербург, а/я 931

ТОО <Магик-Пресс> представляет

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

альманах приключенческой литературы

<<Магический кристалл>> - это первое в стране частное периодическое издание, полностью посвященное приключенческой литературе во всех ее жанрах (романы путешествий, вестерны, авантюрно-исторические и <<пиратские>> романы, детективы и фантастика).

Альманах оформлен как книжное издание, формат $84/108^{1}/_{32}$, объемом свыше 300 страниц, прекрасный дизайн, в тексте ок. 20 штриховых иллюстраций. Предварительная цена одного выпуска - 42 руб.

В шести выпусках 1992 года будут опубликованы романы и повести Г.Р.Хаггарда <<Братья>>, У.Эйнсворта <<Борьба за трон>>, Д.Мордовцева <<Авантюристы>>, Р.Бича <<Хищники>>, Г.Эмара <Закон Линча>>, Э.По <<Таинственные рассказы>> и др. Все это - классика приключенческого жанра.

Выходит в свет первый рекламно-представительский выпуск альманаха, содержащий романы Р.Хаггарда <<Сердце мира>> и П.Бенуа <<Атлантида>>.

<<Сердце мира>> Р.Хаггарда - это название таинственного города древних ацтеков, защищенного горами от завоевателей-конкистадоров и влияния европейской цивилизации, в которой в середине XIX века проникает англичанин в сопровождении своих друзей-индейцев.

<<Атлантида>> П.Бенуа представляет собой увлекательное повествование о приключениях двух французских офицеров колониальных войск в Северной Африке, открывших в пустыне оазис уцелевшей от гибели легендарной Атлантиды и ставших пленниками ее прекрасной и жестокой царицы.

По вопросам приобретения рекламно-представительского и последующих выпусков альманаха книготорговые организации и отделения общества книголюбов могут обращаться в ТОО <<Магик-Пресс>>. Писать следует на имя генерального директора по адресу:

199155 Санкт-Петербург
а/я 624
г. Заикину Сергею Павловичу

МАСТЕРА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
ЖАНРА